

Духовные школы в России до реформы 1808 года

профессор Петр Васильевич Знаменский

Первоначальное открытие духовных школ относится ко времени реформы Петра великого и составляет одну из важнейших ее услуг для православной русской церкви дотоле крайне нуждавшейся в образованных кандидатах на церковные должности.

Древняя Русь имела у себя одно лишь элементарное школьное обучение, практиковавшееся в приходских школах и состоявшее в обучении чтению, пению и письму. Преподавателями этих приходских школ были или члены местного приходского клира или особые, так называемые, мастера из мирян. И те и другие сами получали образование в тех же школах, вследствие чего уровень школьного образования постоянно оставался один и тот же; нисколько не поднимаясь в течение нескольких веков. Школы эти были, разумеется, открытыми для всех, желавших учиться, без различия состояний и будущих занятий их воспитанников. Если в них и замечается преимущественно церковный характер курса, то это зависело от общего религиозного направления жизни самого русского общества, и духовными, в смысле позднейшем, т. е. имеющими назначение воспитывать детей «в надежду священства» назвать их нельзя. Особого специального приготовления к духовному служению так и не выработала древняя Русь до последнего времени. С одной стороны это обстоятельство имело хорошую сторону, поддерживая самую близкую связь между народом и его пастырями, но с другой стороны невыгодно отражалось на состоянии самого пастырства и на развитии религиозного учительства духовенства. Священнослужитель стоял на одинаковом уровне религиозного знания с народом; это был не пастырь – руководитель своих пасомых в усвоении высоких истин веры, а скорее представитель того же религиозного мирозерцания, какое господствовало в самой массе темного народа. Единственным средством возвыситься над этим общим

уровнем народного религиозного образования для пастыря было самообразование, которое достигалось с помощью усердного чтения разных божественных писаний, как тогда назывались все религиозные книги. Человек, воспользовавшийся этим средством, получал действительно громадное превосходство над другими, слыл премудрым философом и имел сильный авторитет, вследствие чего делался обыкновенно бесспорным кандидатом на все высшие церковные должности и главным деятелем во всех важнейших церковных делах; но на самом деле он все-таки и при этом оставался только начетчиком, превосходившим других не широтой и глубиной своего религиозного мирозерцания, а лишь тем, что один усвоял себе то, что в массе разделено было между многими. Тип этих начетчиков слишком хорошо известен и в настоящее время, чтобы его описывать. В древней Руси несостоятельность образования этих мудрых философов вполне обнаружилась во время сильного церковного движения второй половины XVII века, когда сонный застой религиозной жизни, бывший неизбежным следствием вековой монотонности и одинакового, неизменного уровня древнего религиозного образования, был в первый раз до дна взволнован напором внешних просветительных влияний и тревожными запросами нового времени. Можно без преувеличения сказать, что большинство их не только не поняло этого животворного движения, долженствовавшего обновить церковную жизнь, но встало против него с прямым фанатическим отрицанием и дошло до убеждения, что настало светопреставление.

Неудовлетворительность старинного элементарного образования приходских школ раньше всего была признана в юго-западной России под влиянием опасной для православия борьбы с польским католичеством. За возвышение его уровня взялись братства, корпорации более широкие и сильные, чем приходы. Они имели все средства завести более обширные и богатые школы, чем прежние приходские, ввели в них изучение новых предметов и классических языков и, что всего важнее, постарались поднять в них уровень образования, поставив их в общение со школами других народов, старейших по

образованию, посредством вызова иностранных учителей и посылки своих школяров для учения за границу. Будучи вызваны к своему существованию борьбой за православие против латинства, братские школы вступили сначала в тесную связь с Грецией, откуда и получили первых заправителей школьного дела, положивших в южнорусском образовании начало преобладанию греческого элемента. Плодом этой связи с Грецией было развитие плодотворного по обстоятельствам времени и весьма популярного в России еллино-славянского образования, которое и господствовало в братских школах до реформы главной из этих школ, киевской коллегии, Петром Могилой. Могила, получивший западное европейское образование, остался недоволен еллино-славянским направлением русских школ, встал за другую, увлекавшую его образованность, – иезуитскую, с ее всемирным латинским языком и всеоружием схоластики. Окружив себя дружиною молодых ученых – таких же воспитанников латинских западных школ, он преобразовал киевскую братскую школу по образцу иезуитских коллегий и ввел в нее преобладание латинского схоластического элемента. Все представители юго-западного образования, и даже казаки и киевское поспольство восстали против него за это антинациональное дело, произвели шумное и грозное волнение, поставившее в опасность самое существование новой коллегии и жизнь ее реформаторов; но Могила твердо отстоял свою реформу, и мало-помалу латинское образование сделалось господствующим на всем юго-западе. – Несмотря на сильное развитие в братских школах религиозного интереса, поддерживаемого постоянно борьбой с католичеством, школы эти, как и школы приходские, все-таки не были школами духовными. Главною целью их, и до и после реформы киевской коллегии, постоянно оставалось образование общее, а не приготовление молодых людей к церковным должностям. Это были школы всесловные, поддерживавшиеся всем юго-западным обществом и выпускавшие своих питомцев на всевозможные роды службы и жизни. Число светских учеников в них всегда было даже

больше, чем духовных, и не только в XVII, но даже почти до конца XVIII столетия.

В половине XVII в. просветительное движение возбудилось и в московском государстве. Старое приходское образование оказалось неудовлетворительным и здесь; как раньше в южной Руси, так и здесь явилась потребность в новых высших школах. На юге заведение их приняло на себя общество; в Руси московской, за отсутствием сильных общественных корпораций, которые могли бы соответствовать юго-западным братствам, за это дело взялось правительство и для выполнения его обратилось за помощью к юго-западным ученым. В Москву по этому приглашению явилась первая дружина ученых иноков, питомцев прежних домогилинских школ, и сделалась здесь первую распространительницею своего еллино-славянского просвещения. Но вслед за этими учеными прежнего братского типа явились другие киевские старцы нового последомилинского типа с их латинско-схоластическим направлением и возбудили против себя почти такое же волнение в среде православного общества, и преимущественно в среде московских начетчиков, с каким некогда встречены были латинские нововведения Петра Могилы в самом Киеве. В течение последней четверти XVII столетия вследствие этого шли непрерывные столкновения и споры московских ученых с юго-западными пришельцами, среди которых последние выказали себя с самой невыгодной для них стороны. Оказалось, что латинская образованность обошлась им недаром, что с латинским языком они успели всосать в себя и латинскую мысль, а с Фомой Аквинатом усвоить и схоластико-латинское воззрение на догматы.

Еллино-славянское направление образования среди этих споров не потеряло своей репутации, сделалось даже еще популярнее в сравнении с латинским; поэтому иерархия возложила на него все свои надежды в деле распространения просвещения и борьбы за православие. При типографском доме в 1679 г. основана была школа, в которой велено было обучать греческому языку. Так как юго-западные ученые были кругом заподозрены в латинстве и надежда на их помощь в поддержании еллино-славянской науки была очень плохая, то

порешено было войти в ближайшее, непосредственное сношение с самою Грецией. В типографской школе учителями были назначены уже греки, а в 1682 г. для предположенной к открытию московской академии были вызваны из Греции знаменитые братья Иоанникий и Софроний Лихуды. По приезде в Москву (в 1685 г.) они начали свои курсы, и академия, с которой была соединена теперь и типографская школа, сделалась центром еллино-славянского просвещения и сильным противовесом против образования латинского, шедшего из Киева. После известного горячего спора об евхаристии, взволновавшего всю Москву, киевские ученые были окончательно завинены в латинстве и один за другим должны были оставить Москву и разойтись в разные стороны; латинско-киевский источник образования был отвергнут, как нечистый и вредный для православия; остался только другой, который проистекал от православной Греции и теперь обильно напаял струями Лихудовских учений юную московскую академию, единственную надежду и государства и церкви.

Но несчастная подозрительность московских начетчиков ко всему новому едва не закрыла и этого последнего источника. Подозрение в неправославии коснулось и самих Лихудов и довело их наконец до заточения в Ипатьевском монастыре. После этого академия начала быстро клониться к упадку. Еллинское учение, введенное в нее Лихудами, поддерживалось в ней еще годов пять, благодаря ученикам Лихудов вроде Поликарпова, но в 1699 году и Поликарпов оставил академию, поступив в типографские справщики. В таком положении застала дело русского школьного образования реформа Петра и с самого же начала обратила на него свое особенное внимание.

Необходимо прибавить при этом, что и московская академия, как киевская и другие юго-западные школы, тоже явилась школой не духовной, а общей, чем-то вроде древнерусского университета. В учредительной грамоте об ней царя 1682 г. было сказано: „благоволим в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве на взыскание юных свободных учений мудрости храмы чином академии устроить, и во оных хотим семена мудрости; т. е. науки гражданской и духовной,

постановити; при том же и учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость академии, сиречь училищ, составляется, быти”. Далее в п. 5 прямо сказано: „сему нашему училищу быти общему, и всякого чина, сана и возраста людям, точию православной христианской восточной веры, приходящим ради научения, без всякого зазора свободному; в нем всякие от церкви благословенные благочестивые науки да будут”. В таком виде, как заведение открытое для всех, академия явилась и на самом деле. Когда на нее обратил свое внимание царь Петр, он тоже высказывался об ней, как о царской школе с общим образованием, из которой должны были выходить люди „во всякия потребы, – в церковную службу, и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство”.

Слова эти были сказаны им в известном разговоре его с п. Адрианом вскоре после возвращения из первого путешествия по Европе.¹ Тогда же патриарх услышал от него важные речи, касавшиеся уже не общего образования, а в частности образования духовенства, которое для царя тогда было особенно важно, так как он очень нуждался в образованных органах для проведения предпринятых им реформ в массу народа. „Священники ставятся, говорил он, грамоте мало умеют; еже бы их таинств научати и ставити в тот чин. На сие надобно человека и не единого; кому сие творити, и определить место, где быти тому. Чтобы возыметь промысл о вразумлении к любви Божией и к знанию Его христиан православных и зловерцев татар, мордвы и черемисы и иных”. Московская академия не удовлетворяла этим нуждам церкви; в ней, говорил царь, „мало которые учатся, что никто школы, как подобает, не надзирают, а надобно к тому человек знатный в чине и во имени и в довольстве потреб ко утешению приятства учителей и учащихся; и сего не обретається ни от каких людей”. Какое же предпринять средство для образования духовенства? Средство известное: „и для того в обучение хотя бы послати колико десять человек в Киев, в школы, которые бы возмогли к сему прилежать”, т. е. сделаться учителями духовного юношества.

Так высказана была в первый раз, хотя и не совсем ясно и решительно, мысль об устройстве особого духовного образования, а вместе с тем предложено снова обратиться за наукой и в этом уже специальном церковном образовании к тем же киевлянам, которых только лишь успели выжить из Москвы, как еретиков латынщиков. П. Адриан впрочем не дожил до осуществления мысли царя. Пока он был жив, латинские учения киевлян были тщательно преследуемы в Москве. Академия тоже не поднималась из своего упадка. Вскоре по кончине патриарха прибыльщик Курбатов писал в своем донесении царю: „школа, бывшая под надзором патриарха, и под управлением монаха Палладия (Роговского), в расстройстве; ученики, числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всем крайний недостаток и не могут учиться: потолки и печи обвалились”.

После смерти Адриана местоблюстителем патриаршего престола поставлен был митрополит рязанский Стефан Яворский, причем ему поручено было протекторство над московской академией. Петр наказал ему: 1) „дабы, не жалея имения и доходов дому патриаршего, училища учредил и о научении Закона Божия крайне прилежал; 2) дабы по прошествии малого времени не наученных по крайней мере катехизиса и 10 заповедей, не освидетельствовав сам, во священники не ставил”. Как питомец киевской академии, Стефан стал вводить в московской академии киевские порядки и „латинские учения”, на что выпросил у государя даже особый дозволятельный указ². Между Киевом и Москвой тотчас же завязались самые тесные связи; из киевской академии один за другим вызывались в московскую новые преподаватели наук, а москвичи с своей стороны стали ездить для науки в Киев, и сам царь писал киевскому митрополиту Варлааму (в 1701 г.), чтобы он не возбранял им доступа в свою академию³. Московская академия вскоре сделалась настоящей колонией киевской и точной копией своей метрополии. Напрасно разные ревнители православия и еллино-славянского учения роптали на эти новые порядки и на разлив латинских учений; их не в состоянии был поддержать в этом случае даже голос одного из восточных

патриархов, Досифея иерусалимского, который горько укорял Яворского за то, что он „еллинское училище в конец стерл и токмо о латинских старается, поставив учителей в догматах строптивых”, писал против направления киевских ученых к самому царю и горячо доказывал, что еллинское учение несравненно превосходнее латинского и что „кто предпочтет латинский язык, есть еретик и отступник, и еще яко на латинском языке написана суть толика ереси, толика шпынства, паче же безбожества”⁴. Мысли такого рода уже не принимались во внимание. Сама реформа всеми силами своими поворачивала Россию от востока к западу, от прежних византийских влияний к западной цивилизации, выросшей на латино-римской почве. Борьба прежнего еллино-славянского направления с латинским тянулась впрочем еще долгое время, и при Петре и даже после него, и составляет один из важных основных мотивов в истории духовного образования первой половины XVIII в.

Мысль Петра о заведении особых школ для духовенства тоже начала осуществляться с самого начала XVIII столетия, благодаря особенно энергии новых иерархов из малоруссов, воспитанников киевской академии, которые пользовались большим вниманием правительства и один за другим занимали важнейшие иерархические посты, повсюду разнося с собою южнорусские школьные предания и направление. Благодаря их усердной деятельности, школьное образование духовенства успело крепко приняться на великорусской почве в одно почти царствование Петра. Первые школы, основывавшиеся архиереями XVIII в., по старой памяти, были общими заведениями, какими были все прежние приходские и братские школы, и не приспособлялись к целям духовной службы, но потом мало-помалу при архиерейских кафедрах стали являться исключительно сословные духовные школы, назначавшиеся для обучения молодых людей „в надежду священства” и закрытые для посторонних лиц.

Явление это было необходимым результатом возникшего при Петре строгого распределения всего государственного народонаселения по сословиям и вместе с тем

господствовавшего в первой половине XVIII в. крайне-утилитарного государственного взгляда на науку. Только во второй половине XVIII в. заговорили о науке, как о средстве к общему гуманному развитию, к созданию новой совершеннейшей породы людей. До этого времени, при Петре и после него, образование понималось в смысле выучки чему-нибудь определенному, годному в узкопрактическом отношении, в смысле приготовления людей к известному роду занятий и преимущественно государственной службы. В приведенном разговоре с п. Адрианом, коснувшись академии, целью которой даже древняя Русь выставила вообще „мудрость, с нею же вся благая от Бога людям даруется“, Петр выражал желание видеть плоды ее именно в этой исключительно ремесленной или, как говорят, профессиональной форме, чтобы ученики происходили из нее в церковную службу и в гражданскую; воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство. Образование общее, необходимое для нравственного развития общества, не включалось в разряд задач государственных, и правительство заботилось об основании и поддержании одних специальных школ, к числу которых относились и духовные. Такая постановка школьного образования, как выучки известному занятию, нужному для государства, доводилась даже до крайности, до совершенного пренебрежения даже общим элементарным образованием, вследствие которого и те общие школы, какие были в приходах прежде, теперь должны были склониться к упадку; при исключительном признании правительством одних специальных школ, эти старые общинные школы поступили в разряд школ частных, домашних, которые были только терпимы.

Не можем не привести здесь несколько замечаний г. Владимирского-Буданова, которому принадлежит честь первого серьезного почина в разработке вопроса о профессиональном направлении образования в XVIII в. „Проблеск сознания о том, что государство должно заботиться о народном образовании, независимо от непосредственного приложения его к государственной службе, проблеск, отмеченный нами в конце XVII в., погас. Крайнее развитие полицейского характера

государства, характеризующее новый век, когда государство ставит себя источником и целью всякой человеческой деятельности, вовсе не благоприятствовало развитию и укреплению высказанного принципа. государство не призвано служить интересам личности человека, а вся личность, со всею совокупностью моральных сил, есть покорный слуга государства. Уже с самого первого года XVIII в. русское законодательство начинает высказывать, что оно не признает никакой другой цели в образовании, кроме значения его пригодности для той или другой профессии... государство заботится о том, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшим образом. Все, что мы называем узаконениями об образовании, в точном смысле составляет узаконения о государственной службе. Понятия службы и образования смешиваются". Отсюда на первом плане в деле образования выучка, а не образование в собственном смысле; отсюда и цель образования чисто внешняя – добывание хлеба и выслуга; отсюда и самая профессия в руках таким образом подготовленных людей получает характер чисто чиновнический, внешне-служебный и мертвый, за отсутствием внутреннего жизненного духа, каковою может быть и профессия духовная. „То, что может указать человеку в его профессии высшую общечеловеческую цель, повести его при исполнении профессии далее „добычи" дается не профессиональным образованием, а общим. За утрату понятия об этом последнем все образование должно было принять ремесленно-служебный характер”⁵.

При разделении профессий по сословиям, которые выработались у нас в начале XVIII в., все образование стало сосредоточиваться именно в сословных школах; при этом последние сначала забрали в свои руки даже и первоначальное элементарное образование, отчего долгое время происходила большая путаница в определении их курса. Они должны были разрешить очень мудреную задачу, – соединить в своем курсе совершенно разнородные предметы обучения, первоначальные общие с сословно-специальными. Общее образование естественно теряло при этом более, чем специальное, будучи с

самой азбуки приноровляемо к требованиям последнего и лишаясь от этого всей своей силы. Человек с ранних лет наклонялся лишь к известной, внешней цели образования и готовился к своему будущему служению, как к ремеслу, без предварительного общечеловеческого развития, которое одно могло сделать для него мертвое ремесло или службу возвышенным делом жизни. Со временем впрочем школьные и сословные начальства сами сознали непосильность принятого ими труда и предоставили первоначальное обучение детей грамоте семьям и частным школам, но дальше этой уступки все-таки не решились пойти. Выучившись грамоте; в известный срок ребенок должен был потом непременно поступить в свою профессиональную школу.

Само специальное образование страдало крайней неопределенностью своего курсового состава и чрезвычайным разнообразием своей внешней материальной обстановки. Понятно, что при своем исключительно утилитарном взгляде на образование государство не имело никаких особенных побуждений создать для управления всеми школами что-нибудь вроде особого и общего административного органа, вроде особого министерства просвещения. Каждый разряд школ естественно подчинялся своему специальному ведомству, которое и обязано было заботиться, чтобы его школы давали своим воспитанникам подготовку как можно выгоднейшую для интересов его службы. Как приемы воспитания в этих школах, так и состав их учебного курса вполне зависели от требований этого специального их ведомства, даже от вкусов того или другого их ближайшего начальства в самом этом ведомстве. Таким же случайностям подвержено было и материальное их обеспечение, будучи вполне предоставлено тем же их сословно-профессиональным ведомствам как повинность последних, и завися от сословных и местных средств, какими могли располагать их ближайшие начальства. Однообразное обеспечение их со стороны самого правительства чрез назначение на их содержание определенных штатных окладов имело место лишь по той мере, насколько правительство считало известную профессию важной для государства, причем,

разумеется, всего более выигрывало образование военное и едва ли не менее всего духовное.

Так продолжалось дело до второй половины XVIII столетия, когда правительство и общество сознали, что одного специального образования недостаточно, заговорили о необходимости образования общего, и мало-помалу стали повсюду заводиться школы общеобразовательные, где бы человек мог получить общее развитие, после которого мог бы уже свободно избирать себе тот или другой род частной выучки и специального служения. Утилитарный взгляд на образование стал сглаживаться и в истории русского образования начался поворот к новому, лучшему порядку, окончательное водворение которого принадлежит впрочем уже настоящему столетию.

Все эти общие замечания вполне прилагаются в частности к истории наших духовных школ. Главные эпохи этой истории идут почти чрез равные промежутки времени, разделяясь одна от другой периодами величиной около полустолетия. Первый период от начала XVIII столетия, времени основания духовных школ, до 1760-х годов, представляет собою период начальной жизни этих школ, когда они, сформировавшись в своем специальном виде, представляли по своему строю и материальной обстановке все черты сословно-профессиональных школ и притом в наиболее ясной, даже крайней форме, под ведением даже не общей духовной администрации, а ближайших, местных начальств, заведовавших практикой духовной службы, начальств епархиальных, и на содержании тоже исключительно из местных, епархиальных источников. Второй период, от 1760-х годов до реформы их в царствование Александра I, носит переходный характер, когда они стали понемногу получать общегосударственный и общецерковный характер, не переставая, впрочем, как и прежде, оставаться школами архиерейскими и специально-сословными. Общее значение их на первый раз выразилось в материальной их обстановке, в обеспечении их штатными окладами от высшей, а не местной епархиальной власти, затем развивалось в постепенном приложении к ним общей учебной организации. В то же время,

частью вследствие новых взглядов на образование, частью от того, что в царствование Екатерины в церковной жизни на первом плане явились новые силы, деятели из великоруссов, прежде затертые преобладанием малоруссов, воспитанников киевской академии, в духовном образовании поваяло новой жизнью, которая сильно поколебала прежнее исключительное господство киевской схоластики и латыни. Специально-сословное значение духовных школ не потерпело впрочем ни малейшего ослабления, даже успело еще; более развиться; все современные толки об общем образовании отразились на их жизни лишь в том, что в курсе их усилено было преподавание общеобразовательных наук. С таким специальным и сословным характером они оставались и в следующем периоде, в начале которого произведена была общая их реформа, предначертанная высочайше утвержденным комитетом 1808 года. Комитет этот завершил все прежние попытки к их организации, придал им окончательно общецерковный и общегосударственный характер чрез открытие при св. Синоде особого отделения для учебного управления, обеспечил их определенными окладами и определил их учебную и воспитательную деятельность общими уставами. По мыслям его предначертаний они потом и жили до последнего периода их истории; который открывается духовно-учебной реформой 1860-х годов.

В своем очерке мы намерены проследить историю наших духовно-учебных заведений только до реформы 1808 г. Останавливаемся на этом времени в том расчете, что их последующая жизнь до новой их реформы 1860-х годов кончилась еще очень недавно и доселе остается в свежей памяти многих современников, а с другой стороны будучи вынуждены к тому крайним недостатком материала, нужного для исторического ее изучения; материал этот доселе не успел еще скопиться в надлежащем количестве, ни тем более надлежащим образом вылежаться, так что может быть пригоден пока не столько для исторической работы, сколько для литературы мемуаров. Считаем необходимым присовокупить к этому, что мы во всем очерке будем иметь в виду одни только

школы епархиальные, не касаясь истории академий, по которой в нашей исторической литературе имеются уже достаточно полные и солидные монографии, за исключением только истории самой младшей по времени академии – казанской.

I. Начальное заведение духовных школ при Петре I

а) Духовные школы до учреждения св. Синода

Задавшись мыслью о распространении образования среди духовенства и высказав п. Адриану желание, чтобы для этого в Киеве были обучены особые учителя, Петр затем долго не делал никаких общих распоряжений, которые бы относились к устройству духовного образования в особом специальном виде. Все распоряжения, какие относились к образованию духовных детей, до 1708 г. имели в виду только общее образование. Так, с самого начала шведской войны правительство начало делать между детьми духовенства строгие разборы с тем, чтобы лишних между ними и неспособных к духовному служению по безграмотности верстать в военную службу. Первый большой набор из них в солдаты произведен был в 1705 г.⁶ С тех пор эти наборы повторялись чуть не каждый год. Это было сильным побуждением для духовенства учить детей грамоте, чтобы сохранить их в своем духовном звании. Но о духовном образовании в сословном смысле не было пока и речи, что было совершенно естественно, потому что не было определено еще и самое понятие о сословности духовного чина, не было нигде и школ специально-церковных. В полном и определенном виде сословность духовенства, как известно, формируется только в 20-х годах XVIII столетия, главным образом после определения церковных штатов и после разрешения вопроса, каких лиц духовного происхождения писать в подушный оклад и каких оставить в пользовании свободой от податного состояния. Доселе она имела только обычный или бытовой характер, существуя в бытовой форме наследственности духовного служения, сформировавшейся еще в допетровское время⁷.

С 1708 г. указы о духовных детях получают более определенный смысл. Фактическая наследственность церковного служения начинает переходить в юридическую и притом так, что уже стесняет наследникам выход в другие профессии. Образование, обязательное для получения права на церковную должность, прямо приурочивается к греческим и латинским школам, которые таким образом сами в свою

очередь определяются к профессиональному назначению. „Поповым и дьяконовым детям учиться, сказано в указе 1708 года, в школах греческих и латинских; а которые в тех школах учиться не похотят, и их в попы и во дьяконы на отцовы места никуда не посвящать, и в подъячие и в иные ни в какие чины, кроме служилого чина (т. е. военного), принимать не велено. И о том во все приказы послать памяти”. Через два года указ этот был подтвержден и, кроме священнослужительских детей, распространен еще на детей церковнослужителей, церковных сторожей и просвирней⁸. Напуганные этими указами и суровыми разборами, дети духовенства поспешили поскорее занимать разные церковные места, употребляя для этого все возможные, даже незаконные средства, обманы, подкупы и проч. Правительство заметило это и в 1711 г. выдало длинный указ о правилах, какие нужно наблюдать при поставлении ставленников, где о подготовке последних говорилось впрочем глухо, внушалось архиереям только вообще при ставленических экзаменах „быть опасными и жестокими”, под опасением гнева государева и даже лишения кафедры⁹. В 1718 г. вышли два указа, в которых снова намекалось на духовное образование в школах, – кандидатов церковной службы указывалось заранее учить в школах, чтобы они были годны в попы и в случае открытия вакансии готовы к посвящению¹⁰. В том же году монастырскому приказу, который тогда заведовал всеми славяно-греко-латинскими школами, предписано было, чтобы он удерживал учеников этих школ от преждевременного выхода из заведения в разные чины; он обязывался сыскивать и снова отсылать в школы всех отставших от учения и даже успевших уже записаться в разные чины, а равно и таких, которые будут отставать вновь, налагая на них при этом наказание и производя из их содержания вычеты, что причтется, за все прогульные дни¹¹.

Между тем по разным епархиям с первых же годов XVIII столетия стали возникать самые школы. Малорусские ученые монахи, которые вызывались для занятия архиерейских кафедр по епархиям Великороссии, потому именно и вызывались для этих постов к великому огорчению местных кандидатов

архиерейства, что правительство ждало от них большей ревности к распространению просвещения. Ожидания эти они оправдывали в достаточной мере, а вместе с тем возбуждали к заведению школ и других иерархов из великоруссов. До 1720-х годов, до времени учреждения св. Синода, школ впрочем открылось немного.

Раньше всех, в 1700 г., в самой Малороссии возникла черниговская семинария, устроенная при кафедре черниговским архиепископом Иоанном Максимовичем из старой школы, переведенной из Новгорода северского (где она существовала с 1636 г. сначала в виде иезуитского коллегиума, потом в преобразованном виде православной школы) еще в 1689 г. Лазарем Барановичем. По преобразовании Иоанном Максимовичем она стала называться коллегиумом, иногда даже *collegium Maximovietianum*. Курс ее устроен был по образцу курса киевской академии с полным господством латинского языка и доведен к 1705 г. до риторического класса включительно, на котором расширение его и остановилось на долгое время¹². Как все малороссийские школы, черниговский коллегиум был заведением открытым для всех и не имел церковного назначения. В 1727 г. оттуда было донесено в св. Синод, что школы в монастыре кафедральном обретаются с 1700 г. по риторику, „а сколько учеников было в школах по сию пору, о том неизвестно, первые для того, что оных нигде не записывано, другое же – нельзя и записывать понеже суть отходные люди – одни с других училищ приходят и отходят, и которые кончат школу риторики в училищах черниговских, отходят в Киев или в другие епархии до вышних школ и, скончивши школы, некоторые монашеский чин приняли от епархии киевской, другие в черниговской, и ныне в профессорстве zostают; а другие проповедью слова Божьяго бавятся, а иные произведены до игумен и другие достоинства, а которые в светском стану, иные священниками поставлены, а другие на мирских властях zostают”. И вход и выход из школы был совершенно свободен еще и в 1727 г., так что школьное начальство, зная наличное число учеников, не знало да и не заботилось о том, сколько останется из этого числа до

окончания учебного года¹³. С таким же характером устраивали школы малорусские иерархи и при великорусских кафедрах.

В Великороссии раньше других открыта школа при архиерейском доме в Ростове, обязанная своим существованием знаменитому иерарху из малороссов св. Димитрию ростовскому. Он открыл ее осенью 1702 г., через полгода по своем прибытии в Ростов, и устроил ее тоже по образцу киевской коллегии. Учителя – трое – все были малороссы; некоторые ученики тоже были из малороссов, вероятно из приехавших вместе с Димитрием. Оттого в школе слышалась польская речь и изучался польский язык. Но главным предметом изучения был язык латинский и латинская грамматика Альвара. В дошедших до нашего времени экзерцициях ростовской школы говорится о преподавании в ней и греческого языка, но весьма неопределенно, без обозначения как числа учившихся, так и степени изучения этого языка; сказано только, что „латинское отделение (pars) училось лучше греческого”. Из тех же экзерциций видно, что усиленное занятие латынью не совсем благоприятствовало даже изучению и чистоте русского и церковно-славянского языка. Курс своей школы всего лучше определяет сам Димитрий, называя ее грамматическою. По грамматике учились и слаганию стихов. Только около 1709 г. некоему о. Богомодлевскому поручено было преподавать ученикам *principia* риторики. Религиозное образование проходило через весь курс, было „животворящим духом ростовского училища, который проникал и пересоздавал в свойственную себе форму даже чуждые ему предметы, не имеющие по-видимому ничего общего с христианством. Святитель был очень привязан к своему училищу, содержал его исключительно на счет архиерейского дома, кроме обычных расходов назначал много подарков для поощрения учителей и учеников. Отношения его к ученикам отличались отеческою близостью; он сам занимался с ними толкованием св. писания и наблюдал за их успехами и религиозным воспитанием¹⁴. Скудость средств при кафедре к содержанию школы сильно его огорчала; в 1707 г. школу едва было не пришлось даже закрыть. „Я грешный, писал он к м. Иову новгородскому, пришедши на

престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разуметь недурно, но попусшением Божиим скудость архиерейского дома положила препятствие; питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только вотчины, но и церковные дани и венечные памяти. Умалчиваю о прочих поведениях наших. Sapienti sat”¹⁵. Школа впрочем, как мы видели, существовала еще и в 1709 г. Св. Димитрий очень много рассчитывал на нее в деле образования духовенства своей епархии, невежеством которого он был крайне поражен при первом же с ним знакомстве¹⁶. Кончившим учение он давал лучшие места при церквях. При всем том и ростовская школа не имела характера сословного; в ней учились ученики не только духовного, но и других званий, лица „благородные и неблагородные”, как говорится в одном месте ростовского грамматического учебника в обращении учителя к ученикам. Всех учеников насчитывалось до 200. После кончины св. Димитрия (1709 г.) ростовским епископом (с 1711 г.) сделан был Досифей, получивший такую печальную известность по своему суеверию и религиозным обманам и потом (в 1718 г.) кончившей жизнь на эшафоте за участие в деле Евдокии Лопухиной. Ростовская школа, оставшись без поддержки, кажется, тогда же была закрыта; по крайней мере ни при Досифее, ни после него до конца Петровского царствования об ней не имеется никаких известий.

Почти одновременно с ростовской школой (в 1703 или 1704 г.) открыта была школа другим архиереем малороссом, м. Филофеем Лещинским в Тобольске. Дело об этой школе открыто впрочем еще раньше его назначения на сибирскую кафедру по инициативе правительства, которое еще в самом начале XVIII столетия обратило внимание на состояние сибирской миссии между инородцами и вследствие этого было недовольно крайним недостатком просвещения в сибирском духовенстве. Еще при жизни тобольского митрополита Игнатия¹⁷, в июне 1700 г. в Киев был послан указ приискать ему преемника между учеными монахами, который бы мог заняться делом

просвещения сибирского края христианством и кроме того привез с собою двоих-троих монахов для изучения в тех же видах монгольского и китайского языков¹⁸. Потом в самом начале следующего года, еще раньше назначения нового митрополита, вышел указ государя об учреждении в Тобольске школы для образования сибирского духовенства, указ между прочим объясняющей мысль Петра, высказанную в приведенном разговоре с п. Адрианом, о заведении именно профессиональных духовных школ: дворянину тобольского архиерейского дома Андрею Городецкому поручено было, „для утверждения и расширении словес Божиих“, устроить в Тобольске „училище поповских, дьяконских и церковнических детей, робяток учить грамоте; а потом славенской грамматике и прочим на славенском языке книгам и катехизису православной веры“ (издания 1696 г.), чтобы они, узнав все это, могли, „удостояся в чин священства, народ учить“. В 1702 г. прибыл в Тобольск новый митрополит Филофей, вполне разделявший мысль о необходимости школы в Сибири; но, как и другие малороссы, он желал устроить школу общую и латинскую. В конце того же года он отправил к царю длинную челобитную, где излагая нужды своей паствы, между прочим писал, что в тобольской школе следует учить грамматике славянской и латинской, в ученики же понудить от всякого чина детей. Но государь настоял на своей первой мысли, изложенной в указе Городецкому, и отвечал Филофею чрез дьяка Виниуса: „преосвященному митрополиту паче простираться в учении славяно-российской грамматики, и чтобы вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились и православной веры катехизис достаточно знали, и по согласию содержащий в ней артикул умели и людей мирских учили“. В таком виде школа и была открыта. Преподавателями в ней, как и в ростовской, были приехавшие с архиереем и после приезжавшие малороссы, о свободном проезде которых в Сибирь Филофей нарочно писал в своей челобитной, указывая на то, что без проповедников и учителей школьных быть невозможно. Число приезжих малороссов с течением времени увеличилось еще ссыльными. В 1705 г. под их руководством и по примеру

южнорусских школяров тобольские ученики разыгрывали уже пред тобольскими гражданами разные комедийные акции. Но латынь не была введена в преподавание до 1728 года и школа оставалась с славянским курсом, программа которого начертана была в царском указе, сообщенном чрез Виниуса¹⁹. В 1707 г. Филофей отправил миссию в Монголию и при ней послал двоих юношей из своей школы для изучения монгольского языка²⁰.

Тобольской школе посчастливилось и при преемниках Филофея, Иоанне Максимовиче и Антонии Стаховском. Основатель черниговского коллегиума и в Тобольске с любовью занимался школьным делом, стараясь увеличить число учащихся. М. Антоний довел число их до 90, но скудость епархии сильно затрудняла их содержание, так что число это пришлось снова сократить до 35. Немало приходилось кроме того юному просвещению бороться с невежеством и нестроениями дикого края. В отчете учителей школы от 1727 говорится: „в епархии тобольской дети ко обучению вельми тупы; к тому же многие объявляют детей болезненных, которые по усмотрению в школу не приемлются; екатеринбургские ведомства священнослужительских и причетнических детей к нам в Тобольск для обучения в школу не пускают, а употребляют в заводскую работу”. Заводское начальство, радея о заводских работах, забирало на заводы не только молодежь духовного происхождения, но даже иногда и самих духовных лиц, „что и слышать христианскому человеку весьма странно, а духовному чину не без утеснения и не без порицания”²¹. Кроме заводских работ, заводское начальство забирало духовных детей екатеринбургского округа и в учение, но в свою заводскую же школу в Екатеринбурге, где они приготавливались главным образом для заводского письмоводства. Вероятно несколько духовных детей того же округа училось также в ближайшей школе при Далматовом монастыре, которая была основана монастырем собственно для обучения детей монастырских вотчинных крестьян. Время ее основания неизвестно; она становится известною с 1719 г. В ней учили чтению, письму и арифметике, очевидно для того, чтобы получать из нее грамотных людей для ведения вотчинной экономики. Учителем в

ней был мастер Фалалей Леонтиев. Впоследствии школа эта сделалась духовным училищем²².

После ростовской и тобольской школ третьей великорусской школой при архиерейском доме является школа новгородская, основанная уже иерархом великоруссом, м. Иовом, и имевшая особенно важное значение в начале XVIII в., как живая представительница именно великорусских взглядов на образование и притом единственная. Недовольные усилением черкас, как звали в Москве малоруссов, и их направлением, великорусские иерархи ограничивались одним только глухим ропотом против этого усиления и против распространения нелюбимого ими киевского образования, но сами школ по своему вкусу не заводили, так что м. Иов в этом отношении явился между ними каким-то исключением.

Любовь к просвещению и к образованным людям, которою всегда отличался новгородский святитель, особенно обнаружилась в том, что когда в Москве воздвигнуто было (1690 г.) гонение на малороссийских ученых и они должны были поспешно выезжать из московского государства, он один не гнушался их и радушно их принимал у себя в Новгороде, желая употребить их образование и таланты в пользу для своей епархии. Так, у него нашли приют опальные монахи из малороссов, – Гавриил Домецкий, бывший прежде симоновским архимандритом, потом во время гонения на малороссов попавший в число братии, ученый и плодовитый писатель, и Феодосий Яновский, впоследствии преемник Иова по кафедре и первый вице-президент Синода. Обрадовавшись приобретению таких ученых людей, митрополит почтил их своим особым благоволением и полным доверием и сделал их архимандритами первенствующих монастырей своей епархии, первого архимандритом юрьевским, а второго хутынским. Представители великорусской партии остались тогда очень недовольны таким возвышением в Новгороде латынников, подозревали Иова в измене православию и выражали ему эти подозрения прямо в лицо. Чудовский иеродиакон Дамаскин, один из замечательнейших великорусских начетчиков и вместе горячих противников черкас, человек весьма близкий к Иову и

едва ли даже не родственник), писал ему: „яко блаженство твое сими и сицевыми ветры, яко трость, наклоняеши и являеши от восточной части яко отступающ, к западной же склоняющся”.

Пользуясь своим значением при митрополите и ревностью последнего к делу просвещения, Домецкий решился снова поднять чрез него кредит юго-западной учености и оправдать ее от обвинения в ереси; с этою целью он написал большое опровержение на книгу Остен, в которой было высказано последнее слово московских ревнителей православия против киевлян и окончательно решен главный вопрос, служивший предметом их пререканий с киевскими учеными, о времени пресуществления св. даров на литургии. В 1704 г. опровержение это было кончено и представлено для прочтения митрополиту, но имело результаты совершенно противные ожиданиям автора. Иов разочаровался в Домецком. Разочарованию этому много помог Дамаскин, глубоко возмущенный открытым латинским направлением Домецкого и немедленно выступивший на защиту православия. Он написал против Домецкого 105 ответов и послал их к Иову с убеждениями не доверять любимцу латыннику, а приблизить к себе снова старых друзей, недаром невзлюбивших Домецкого, не увлекаться внушениями латынников, которые могут его самого „сотворить пестра”, ни православным, ни инославным, не читать и книг латинских, а лучше прилежать к книгам греческого языка. Говоря о Домецком, Дамаскин постоянно обобщал свою речь, стараясь обнаружить вредную односторонность всей вообще киевской науки и киевских ученых, исключительную склонность их к латинскому языку и латинским писателям, — явный знак недостаточного „приискренности к восточной церкви”, заимствование ими у католических ученых схоластического метода и многих оттенков в манере и сущности богословствования, непомерную ученую гордость, по причине которой они, не разбирая ни сана, ни искусства в писаниях, всех огулом честили неучами и невеждами, говорили, что в России и Греции нет ни книг, ни ученых людей, какие есть на западе: „таковой схоластик бывает попреизлиху пакостник церковный и ересеизобретатель, нежели неученый”. Он горячо убеждал Иова

отстранить от себя таких людей, окружить себя людьми знающими греческий язык и не медлить этим делом, – пожар уже начался от сицилийских головней, которые залетели к нам, дымящиеся и курящиеся, с запада, – нужно тушить опасный огонь. Бояться, что без киевской учености не будет у нас средств к просвещению нечего: „благоволи сыскати себе греческих переводников и писцов, и увидиши чудо преславно, узриши бо, коликая полнота писаний обретається на еллинском языке, и несть нам нужды до латынников никоеяже, мощно и премошно нам быти без них: всуе льстят они нас; не Бог их посылает на нас, но сатана, на прельщение, а не на исправление”²³.

Увещения Дамаскина не пропали даром. Митрополит охладел к Домецкому и оставил „западную часть”. К тому же еще в конце 1705 г. в Новгород прибыли приглашенные Иовом братья Лихуды, лучшие представители еллинского образования, и своим ученым авторитетом давно стали затмевать гордого Домецкого. По всей вероятности охлаждение Иова к киевлянам немало поспособствовали также тяжелые отношения его к неблагодарному Феодосию Яновскому, которого он облагодетельствовал, как и Домецкого, но который, заручившись благоволением царя, знать не хотел своего престарелого благодетеля и сильно раздражал его своею заносчивостью²⁴. Домецкий не захотел уступить своего влияния в Новгороде без боя и поднял против своих недоброжелателей беспокойную борьбу. В 1708 г. Иов писал Сильвестру Холмскому (тогда Троицкому архимандриту): „всепагубный враг диавол всегда народ христианский поглотити желает: подобен и слуга его, во плоти диавол Домецкий, без зла не усыпает, на пере и словесне всегда кается, а извнутри всепагубныя души его смертоносный яд повсюду износится; не глаголю много о благородных синклитиках, но и на духовных премного зияет и уста свои, яко ад, несправедне лживо разширяя, оглашает”. В другом письме (1709 г.) к тому же лицу он жалуется на опасные интриги Домецкого, которыми он думал поправить свое положение, опираясь на силу своих земляков, особенно какого-то своего всегдашнего заступника, вероятно Яновского, бывшего тогда в большой силе у царя. В начале 1709 г. митрополит

послал его куда-то „во оземствование”²⁵. После этой неприятной истории с Домецким Иов стал вообще подозрительно относиться к киевским школам: школы эти, говорил он, прежде были хороши, а теперь нет. В 1710 г. проезжали чрез Новгород в Петербург Феофилакт Лопатинский и Стефан Прибылович, ректор и префект московской академии, и посетили Иова. Вот какое впечатление произвели они на него: „префект, писал он Римскому-Корсакову, господин Стефан был у нас и отпущен с достодолжною честью. Благоволи на слово позвати его; мудр есть человек и богослова себе нарицает множае паче, неже иные некие; егда же услышиши, сам весьма уразумеешь, каковы суть богословы являются учащиеся в киевских новых афинейских школах. Изрядного из них быти познах Лопатинского, яко муж кроток есть и смирен во всяцем своем состоянии, паче же во страхе Божии”.

Свои новгородские школы он устроил с помощью Лихудов на основах славяно-еллинского образования²⁶. Школ этих, или точнее классов, было две; одна была еллино-славянская, считавшаяся главною, первую станицею, другая для малостатейных учеников – славянского общего диалекта. На первых порах митрополит думал завести и латинский класс, но потом вероятно отложил это намерение, – по крайней мере при его жизни о существовании этого класса не имеется никаких известий. Учеников с самого же начала набрали до 100 человек из разных чинов и разных возрастов, преимущественно из детей духовенства и из духовных лиц; тут были и архиерейские певчие, и подъяки, и дьяконы с дьячками; учился даже сам митрополичий архидиакон: как видится, Иов энергично принялся просвещать свое духовенство. В низшей славянской школе ученики учились читать, писать и славянской грамматике по руководству М. Смотрицкого; в высшей изучали греческий язык и греческую грамматику, составленную самими Лихудами, а некоторые проходили и риторику. Курс новгородских школ пользовался особенною популярностью и число учеников постоянно держалось на том же уровне. Все они содержались на счет архиерейского дома, откуда брали пищу, одежду и учебные пособия. В 1715 г. на школы обратило внимание

правительство и стало посылать в них учиться грамоте безграмотных дворянских недорослей; в течение двух лет таких недорослей оказалось в присылке 102 человека; они составляли особое отделение новгородского училища, обучались грамоте у особых учителей, иподиакона и дьячка, квартиры имели в частных домах, но пищей и учебными пособиями довольствовались от архиерейского же дома, как и другие ученики.

Митрополит был очень занят своими школами и оказывал им особенное внимание. Отношения его к Лихудам были самые дружеские. Он с восторгом писал об их трудах и успехах ко всем своим знакомым и друзьям, к Сильвестру Холмскому, к Мусину-Пушкину, Римскому-Корсакову, Никите Зотову, княгине Меншиковой и др. лицам. К первому он писал: „словеснейшие учителя, честнейшие иеромонаси, Иоанникий и Софроний Лихудиевы, обретающиеся по указу монаршему в доме Софийском, воистину высокоучени суть, добри же и верни, трезви и бодри, и во учении усердни, непрестанно на кийждо день учеников греческим, латинским и славянским письмяном, без всякого сокрытия, вседушно обучают; при них же и стари их нецыи ученики для учения и переводу книг греколатинских с радостию у нас трудятся... Слава всевидящему и назирательному оку Божию, тако устроившему в пользу и непреходимую память церкви своей святых, о чесом выну радуюся”. Почти в тех же выражениях он извещал об успехах своих школ Зотова. Лихуды таким образом, по свидетельству писем Иова, не оставили совершенно преподавания латинского языка, за которое по милости п. Досифея подверглись опале в Москве, но их преподавание было все-таки весьма отлично от преподавания киевлян. Схоластического богословия они вовсе не приняли в свой курс и в Новгороде, как в Москве. Риторике, которую они преподавали у Иова, они дали особенную постановку. „В основе ее лежал тот же Аристотель, но они его искусно сокращали и приновляли к национальному характеру своих учеников: примеры брались ими преимущественно из творений св. отцов, а не из сочинений древних мудрецов и риторов. Божественное и героическое красноречие, т. е. по их

терминологии – св. писание и творения отцов, они ставили выше человеческого, т. е. заключающиеся в творениях Цицерона, Демосфена и др. языческих ораторов, которыми исключительно занимались в Киеве. Вследствие этого их риторика, сохранившаяся в рукописи новгородской софийской библиотеки, совершенно отлична и от древних и от современных им западных руководств по этой науке. Латинскому языку они не давали предпочтения пред греческим²⁷, преподавали напротив преимущественно на греческом, на котором написана была и их риторика²⁸. – Кроме преподавания в школе, новгородские ревнители просвещения занимались еще литературными трудами, составлением и переводом книг, какие находили нужными по требованиям времени²⁹. Для распространения этой деятельности Иов намеревался завести у себя особую типографию и много хлопотал об этом перед царем, прося его о присылке из Москвы станов и других типографских принадлежностей, остававшихся во дворце без всякого употребления от бывшей „верхней типографии Симеона Полоцкого; вместе с тем он несколько раз писал к разным сильным лицам при Петре, чтобы в Новгород прислали из Москвы новых переводчиков из числа типографских справщиков, Николая Семенова Головина, который и сам просился в Новгород, не уживаясь в Москве с латынниками, Карпа Федорова, Германа и Кариона монахов Чудова монастыря. „Аз ничего иного желаю и прошу, писал святитель, точию да будет у нас верному народу благоутишная пристань, роса благодати, дождь душевного веселия, семя церковного согласия и плод богоугодного благославия”. Он имел самые широкие просветительные замыслы, хотел с помощью своих сотрудников издать новый, более правильный и близкий к греческому тексту перевод ветхого завета, перевести разные нужные для православия греческие книги, в числе их 18 книг, присланных с востока п. Досифеем, и вообще сделать Новгород средоточием православной греко-славянской образованности. Мечтам его не суждено было осуществиться вполне; дело нового издания Библии поручено было после другим деятелям; переводчиков ему не посылали, отняли у него даже одного из

самых Лихудов; типографии тоже не удалось завести. При всем том новгородская ученая дружина некоторое время имела важное значение и с честью соперничала с московской дружиной киевлян, завладевших московской академией.

Есть известия, что новгородская школа Иова и Лихудов не совсем одобрительно смотрела на московскую академию, подозревая ее в уклонении на латинскую сторону. В 1711 г. Иов от лица своей школы предложил московской академии три ученых вопроса: 1) философский: „если душа создается от Бога, то откуда в ней нечистота? если от тела, то зачем Бог вводит чистую душу в нечистое тело? если от души, то противно Богу нечисту душу создать”; 2) метафизический: „вода св. крещения освящает ли только тело или вместе и душу? если одно тело, то душа не крещена пребывает; если вместе и душу, то как возможно вещественной воде очистить невещественную душу?” 3) богословский: „как объяснить слова Дионисия Ареопагита: кругловидно божественные умы, соединяются безначальным и бесконечным осиянием бесконечного благого Бога”. Стефан Яворский, бывший протектором академии, хорошо понял, что присылка этих вопросов есть ни что иное, как камень в его огород, что новгородские ученые хотят испытать мудрость московских, и сам написал все ответы; в предисловии он заметил, что вопрошатели сами не знают, о чем вопрошают, что первый вопрос вовсе не философский, а второй вовсе не метафизический, а все три богословские, и вообще в тоне своего рукописания не скрыл, что принял такое вопрошательство к сердцу. Митрополит Иов благодарил за ответы, хотя они и не изгладили его предубеждения к мудрецам „новых афинейских школ”³⁰. Некоторое время он был не особенно хорошего мнения о самом местоблюстителе, что довольно ясно можно видеть наприм. из одного письма его к Сильвестру Холмскому; в этом письме он извещает о присылке в Новгород двенадцати духовных лиц, пытаных и рваных, которые пострадали почти напрасно от дурного управления в рязанской епархии (епархии Стефана) и хотели жаловаться на своего архиерея самому царю.

Скоро впрочем Иов понял, что малороссы не все одинаковы, что наприим. Стефан или Феофилакт Лопатинский далеко не то, что Феодосий Яновский или Стефан Прибылович. Позднейшие отношения его к Стефану, судя по их переписке, были уже самые дружественные. Он принимал живое участие в борьбе Стефана и Феофилакта с московскими еретиками и в 1713 году даже рекомендовал последнего царевичу Алексею, как доброго и надежного защитника православия, которому следует оказать все возможное содействие. С Стефаном и Феофилактом примирились впрочем и все остальные иерархи великорусов, не стеснявшиеся в выражении своего недовольства в отношении к другим черкасам. Кроткий и уступчивый, новгородский святитель, которого за это даже обвиняли в трусости, не любил резко высказываться против сильной партии черкас, больше молчал и таил свое недовольство в себе, но были случаи, когда и ему приходилось невтерпеж, наприим. в известном столкновении с Феодосием Яновским, вызвавшим его на резкое обличительное послание³¹. Сохранилось одно из писем его к царевичу Алексею в ответ на вопрос, что значит веяние воздухом над св. дарами на литургии при пении символа веры. Представив требуемое объяснение, составленное совершенно в духе старых русских начетчиков, он видимо хвалится своею литургическою изобретательностью пред молодыми либералами черкасами и многозначительно кивает на Феодосия: „благоволи, государь, оного петербургского архимандрита спросити, какой ответ о сих великих и страшных пренебесных таинствах может вашему царскому величеству дати. Не во уничижение его сие предлагаю, но яко да духовный и первоначальнейший содержатель, многоученый муж, да отвещевает”. Мы де неученые, а он учился в новых афинейских школах, так вот пусть лучше нашего и ответит.

Понятно, как должен был огорчиться митрополит, когда на другой же год по открытии новгородских школ у него вздумали взять в Москву для вновь открывавшейся там греческой школы самих Лихудов. Все просветительные планы его могли бы чрез это разрушиться окончательно; к счастью взяли только одного из братьев, Софрония, а Иоанникия оставили в Новгороде.

Митрополит долго хлопотал о том, чтобы из-за московской греческой школы не роняли его новгородских школ, и несколько раз принимался писать по этому делу в Москву к разным лицам, тем более что его не переставали тревожить слухи о переводе в Москву и другого брата Лихуда. Так, в 1709 г. он писал к Меншикову: „Молю аз, смиренный архиерей, не взятися от мене к Москве учителю иеромонаху Иоанникию, пользы ради Христовы церкви. Много бо на Москве уже учителей; у мене же един точию. Молю паки, аще возможно, и брату его учителю иеромонаху Софронию при нем Иоанникие у нас быти, сотворите и заступите пожалуйте. А он Иоанникий по премногу его брата своего желает и просит. Подобне и брат его сего не отречется. Ибо Москва и Новгород едина держава Божия и купная слава самодержавного царского величества и ваша неугасимая похвала в роды родов”. В следующем году он писал о том же к Римскому-Корсакову. Затем несколько раз принимался чрез последнего хлопотать о присылке переводчиков, жалуясь на крайний недостаток в людях. Как видно, отъезд Софрония, младшего и энергичнейшего из братьев, чувствительно отозвался и на переводческой деятельности в Новгороде, и на школьном деле. Иоанникий был уже очень стар и требовал деятельных помощников в своих многочисленных занятиях, а помощников оказывалось мало. В школьных занятиях ему помогал только ученый монах Савватий, да еще ученики высшей школы приглашались к занятию с учениками низшей. В 1715 г. Иоанникий стал уже очень плох, от старости выжил из ума, „начал быт малодушен”, как выражался Иов, между прочим стал рассылать и раздавать редкие и нужные книги, какие были в его библиотеке; воспользовавшись его малодушием, около него появились разные греки и другие иноземцы, старавшиеся выманивать у старика его книжные сокровища за ничтожную цену. Извещая об этом кабинет-секретаря Макарова, Иов снова просил, чтобы из Москвы прислали Софрония, теперь особенно необходимого брату³². Между тем сам Иоанникий, нуждаясь в брате, с своей стороны выхлопотал указ о переводе своем в Москву. Митрополит все-таки попытался удержать его в Новгороде и

после этого. В 1716 году он послал к государю свою последнюю предсмертную просьбу о любимых своих школах, чтобы не брали из них учителя, „дабы то учение, во общую христианскую пользу еще вкореняющееся, не истребилось и иждивение, на то употребляемое, туне не погибло”. Вскоре после этого он скончался, а Иоанникий уехал в Москву.

После смерти Иова школы его стали упадать, несмотря на то, что он с клятвой завещал управителям своего дома поддерживать их в заведенном порядке. Во главе школьного дела стал ученик Лихудов иеромонах Иов, человек уже старый и больной, по целым месяцам не являвшийся в класс, так что ученики совсем отстали от школы и являлись в нее лишь за хлебами, которые получали от ключника архиерейского дома. В 1718 г. этот Иов был отставлен и помещен в хутынскую больницу, в которой вскоре затем и умер. При преемнике его иподиаcone Федоре Максимове дела пошли несколько лучше. Это был старший и лучший воспитанник новгородской школы, изучивший у И. Лихуда грамматику и риторику и сам в последнее время преподававший эти науки в школе при иеромонахе Иове. После, в 1723 г., он издал свою славянскую грамматику, „первый сея школы плод”, имевшую важное значение в истории развития этой науки после употреблявшейся прежде грамматики М. Смотрицкого³³. Благодаря ему, славяно-еллинское и грамматическое учение, положенное м. Иовом в основу образования Новгородских школ, несколько времени продержалось в них, и после того, как при новом владыке Феодосии Яновском они подвергнулись преобразованию чрез введение в них латинского курса.

После переезда из Новгорода в Москву И. Лихуд вскоре скончался. Софроний продолжал преподавать в московской греческой школе и заниматься переводами. Около него соединились первые Лихудовские ученики-переводчики, Федор Поликарпов, Николай Семенов, монахи Феолог и Иосиф, и составили из себя деятельное переводческое общество. Общество это вместе с греческой школой и было единственным после новгородских школ средоточием и поддержкой еллино-греческого просвещения для всей России. Самым важным

делом его в царствование Петра были занятия по пересмотру библейского перевода для издания новой славянской Библии, занятия впрочем не достигшие своего конца.

Греческая школа Софрония, открытая с 1708 г., существовала отдельно от славяно-латинской академии и составляла самостоятельное учебное заведение, хотя ученики той и другой большею частью были одни и те же. Сначала она помещалась на казанском подворье, потом с 1722 г. соединена с типографией, где трудилось переводческое общество. Заведование ей было предоставлено директору типографии Поликарпову. Главным учителем был Софроний Лихуд, но он был уже человек престарелый и ослабел в преподавании, так что школа не могла при нем достигнуть цветущего состояния, а тем более хоть сколько-нибудь сравняться с славяно-латинской академией, чтобы выдерживать с ней конкуренцию и служить ей противовесом. В донесении Поликарпова от 1715 г. начальнику монастырского приказа Мусину-Пушкину читаем: „грек-учитель стареет, а ученики шалеют. По 7 лет учат грамматику, а листа перевести не умеют. Числом их 13 человек”. Было больше, но 40 человек бежало. Учителя подали в сенатскую канцелярию роспись этих беглецов с просьбою, чтобы приняты были меры к их возвращению в школу. Но Поликарпов изъявлял сомнение, как бы строгие меры еще более не повредили греческой науке: „оба же сомневаюсь, дастся ли по неволе своевольным наука. Глаголет бо Назианза светильник, пастырь, аще похощет, может доить козлища, но вместо млека источит кровь его... а ныне наипаче нужда умножати греческую науку”. Жалование учителей было ничтожное; так, греку Анастасию, которого хотели пригласить в помощь Софронию, обещано было выдавать 10 руб. в год. Школа очевидно была какою-то заброшенной. В 1722 г. Софроний по старости уволен от обучения и сделан архимандритом Солотчинского рязанского монастыря. На место его поступил грек Афанасий Скиада, но через два года отказался от службы, так как в 1724 г. вышел указ перевести греческую школу в академию и поставить ее в зависимость от общего академического начальства. Вероятно служившие при школе боялись, что под начальством представителей

латинского образования ей будет очень плохо. Она впрочем осталась в том же ведомстве типографской канцелярии и по присоединении к академии; окончательное слияние ее с латинскими школами последовало уже в 40-х годах XVIII столетия³⁴. При А. Скиаде и его преемнике Алексее Барсове состояние греческой школы несколько улучшилось, но она все-таки далеко не могла тягаться с латинской. По отчету 1727 г. в ней училось 35 учеников, тогда как в русской школе при академии было 108, а в латинских классах 362 человека. Из этого же отчета видим, что как из греческой школы ученики переводились в латинскую, так и из латинской в греческую (в 1725 г. первых переведено было 9, вторых 28 человек) „для того, чтобы были обучены на русском, греческом и латинском языках”, сказано в пояснение.³⁵

Вслед за новгородскими школами, около 1714–1715 гг., митроп. Дорофей Короткевич открыл школу в Смоленске. Просвещенный архипастырь, уроженец и воспитанник Киева, ввел в ней латинское обучение, собрал до 35 учеников и вызвал в учителя монаха Иоасафа Маевского, учившегося в киевской академии. Хотя Маевский и не доходил в академии до высших классов, философии и богословия, но был человек знающий и полезный для юной школы. С помощью его учение доведено было даже до риторики. Дальнейшим успехам ее помешала кончина Дорофея (в 1718 г.). Преемником Дорофея явился Сильвестр Холмский, человек недалекого образования и известный своим нерасположением к черкасам. Учитель Маевский еще до его приезда в Смоленск почему-то почел нужным убраться из Смоленска за польскую границу. Сильвестр чрез несколько времени опять пригласил его приехать „для казания предики”, но в школу не определил и держал при себе простым крестовым монахом. Между тем школа стала упадать. Десять человек школьников взяты из нее в архиерейские певчие, да 23 человека отпущены учиться в дома отцов. Сильвестр чрез год переведен был в Тверь, но при его преемниках, Варлааме Каховском, человеке больном (умер в том же 1721 году), и греке Филофее (правил до 1727 г., потом уволен на покой), запустившим всю епархию, школьное дело

шло не лучше. По отчету 1727 г. учеников в смоленской школе значилось всего 19, а учение их ограничивалось чтением, письмом и пением³⁶.

Кроме перечисленных школ, при архиерейских домах еще, кажется, не было открываемо ни одной школы для образования духовенства за все время от 1700 до 1721 года. Сохранились сведения о казанской школе, которую казанский митрополит Тихон устроил для обучения инородцев в 1707 г. и в которой было собрано до 32 мальчиков, учившихся часослову и псалтири. Но эта школа имела специально-миссионерское назначение, притом же существовала всего два года; в 1709 г. граф Апраксин распустил учеников ее по домам „для того, что оные новокрещенные дети, будучи в Казани без отцов и матерей своих, зачали помирать а другие заболели“³⁷.

В подмогу архиерейским школам для образования духовенства указаны были школы цифирные. Школы эти правительство указало заводить в 1714 году и назначило для общего образования всякого чина детей, опричь однодворцев; цифирными они названы были потому, что в составе их элементарного курса, по странной прихоти законодателя, на первом плане поставлено было обучение „цифири и некоторой части геометрии“ (циркульным приемам, тригонометрии плоской, тангенсам). Учителями назначались в них ученики навигацких школ, которых и велено для этого отправить по два в каждую губернию. Наука цифирная объявлена до того обязательною, что юношам, не получившим от учителей свидетельства об окончании цифирного курса, не велено было давать венечных памятей, т. е. разрешения на брак. Самые школы велено было открывать при архиерейских домах и знатнейших монастырях³⁸. Хотя эти школы и объявлены сначала всесословными, но обязательность их курса пала преимущественно на детей духовенства, да еще на дьячих и подьячих детей, потому что, кроме однодворцев, составлявших народное поголовное ополчение и уволенных от цифирного обучения с самого начала, правительство вскоре уволило от него еще дворян тоже нужных ему для службы, а потом в 1720 г. детей посадских, чтобы вследствие держания их в школах не было ущерба

торгам и сбору таможенных пошлин³⁹. В 1719 г. заведовавший этими школами Скорняков-Писарев прямо доносил, что в них исключительно учились дети духовных лиц⁴⁰; к тому же способствовало самое место помещения этих школ при архиерейских домах.

Не знаем, насколько полезны были цифирные школы для епархии, где вовсе не было архиерейских школ, но напр. в Новгороде открытие такой школы едва не уронило школ м. Иова⁴¹. После нескольких требований о высылке духовных детей к цифирному учению управители новгородского архиерейского дома в начале 1720 г. вынуждены были отправить в Сенат на царское имя прошение с объяснением, что в их епархии 14 лет уже существует своя собственная школа, „церковничьим детям весьма свойственная, что поэтому новгородская епархия имеет отмену от других, в которых не обретаются таких еллино-греческого диалекта школ, и не подлежит силе распоряжений о навигацких или цифирных школах, что кроме того „ежели оные церковничьи и прочих архиерейского суда людей дети в навигацкую школу будут определены, то оной греко-славянской школе не только растения не получить, но и процветающее растение принуждено будет увянуть”. Между тем местная губернская администрация, не дожидаясь по этой просьбе решения сверху, торопила архиерейский разряд, чтобы скорее приготовлено было место для цифирной школы, и сама собой распорядилась разбором детей годных в учение, для чего от приказной палаты по всей епархии разосланы были нарочные, которые сейчас же начали вызывать духовенство с детьми в канцелярии для переписи, а ослушников, отказывавшихся от явки своих детей за неимением о том указа от епархиальной власти, забирать под караул. Управлявший епархией викарий Аарон с другими членами архиерейского разряда восстал против этих распоряжений и заметил приказной палате, что в новгородском архиерейском доме цифирной школе вовсе не следует быть да и негде, так как здесь есть своя школа, и что с другой стороны дети духовенства „причинны” к греко-славянской школе, где они с известных лет и начинают обучаться „свойственному отцов их служению”, и если

отдать их в цифирное учение, то некого будет посвящать на церковные места. Но когда палата донесла об этом представлении в Петербург, Скорняков-Писарев только рассердился и отвечал епархиальным властям дерзостями. Дивился я, писал он, риторическому сложению оного представления; должно быть, автор его много начитался новгородских историй от Рюрика до царя Ивана Васильевича, а дальше не прочитал, что было в 7078 лето при архиепископе Пимене „ибо ежели бы оную историю чел, никак бы дерзнул такой ответ писать, понеже его величество государь наш всероссийский Петр Алексеевич о своих подданных неусыпно трудится, дабы из тьмы необучения просветить науками, и того ради милостиво соизволил во всем своем царствии всякого чина людей учить арифметике и некоторой части геометрии, и обуча отпускать попрежнему в достойные кождо чина служения,... и тот указ и наука вышезначенная в учении греко-славянского диалекта и в поставлении священного чина детей в священнический чин, а дьячим и поддьячим в пищиках быть не есть препятие, но и способ, ибо оные науки во всецелой человеческой жизни зело человеком надобны, и много времени не требуют, а именно понятнейшие могут обучиться в год; а вам показалась она за препятие, не знаю для чего, а чаю, что вы сами оной науке неискусны, то и сладости оной непричастився, и прочих всех вышеозначенных чинов детей неразумием своим оной науки отлучаешь по писанному: сам не искусився, како можешь искушаемым помощи?” – Возбудив такой гнев „его изящества”, епархиальные власти испугались и послали к нему извинение, в котором ссылались на пример купецких людей, не испытавших на себе никакого гнева за подобную же, даже менее резонную, просьбу об освобождении их детей от цифирного учения, и просили, чтобы в эту науку не брали по крайней мере детей нужных для архиерейской греко-славянской школы. После этого ничего не оставалось делать, как исполнить требования его изящества, отвести для школы место и послать по духовенству послушный указ о высылке в нее требуемых детей.

В следующем году архиепископом новгородским сделался влиятельный Феодосий Яновский и крепко заступился за новгородскую школу; кроме того дело о высылке духовных детей к цифирному учению скоро, как увидим, было поднято в самом св. Синоде и стало решаться в том же сословном направлении, в каком высказывались прежде и правители новгородского архиерейского дома в своей переписке с Сенатом и Скорняковым-Писаревым.

За неимением других указаний, мы можем считать эту переписку первым по времени ясным выражением со стороны духовных властей взгляда на епархиальные школы с сословной точки зрения, как на школы, назначенные для приготовления духовных детей к духовному же служению. Само собой разумеется, что при самом заведении своих школ архиереи прежде всего должны были рассчитывать на них в интересах духовной службы, но расчет этот далеко не был исключительным; они принимали в эти школы всех желающих учиться, точно так же и выпускали из них беспрепятственно на все возможные роды службы; самое образование в этих школах организовалось в форме образования общего, какое было во всех школах древней Руси, как в юго-западной России, так потом и в московском государстве. Когда правительство стало высказывать свою мысль об устройстве именно профессиональных духовных школ, в которых бы учились лишь дети духовенства для церковной службы, такая постановка школ показалась на первых порах даже неудовлетворительною и вызвала, как мы видели, возражение со стороны Филофея тобольского, который находил лучшим устроить у себя школу на старых началах всесословного обучения, так что Петр почел нужным снова подтвердить ему свое распоряжение в более ясных чертах.

С течением времени мысли правительства касательно этого предмета все более выяснялись и требования делались настоятельнее, по мере того, как резче определялось сословное разделение государственного населения. С 1708 г., как мы видели, профессиональное образование в славяно-греко-латинских школах сделано для духовных детей обязательным, а

в 1718 г. приняты меры и против преждевременного выхода их из этих школ для поступления на светскую службу. Впрочем касательно этой последней стороны вопроса о духовных школах распоряжения правительства, как теперь, так и после, не отличались особенной решительностью. При крайнем недостатке образованных людей для него было бы крайне невыгодно, если бы выход молодых людей из духовных школ на светскую службу остался закрытым. Равным образом невыгодно было самую обязательность духовных школ доводить до того, чтобы дети духовенства уже не имели права поступать ни в какие другие учебные заведения, наприм. в цифирные школы или в медицинскую науку. Но из тех же государственных видов оно зато весьма последовательно развивало другую сторону сословного значения духовных школ, именно их замкнутость для посторонних лиц, которых государству нужно было удерживать на своей собственной службе, как-то дворянских детей. С 1715 г. последние должны были исключительно и обязательно поступать в свои профессиональные училища, – морскую академию, артиллерийскую и инженерную школы и в сухопутную гвардию. В 1716 г. дворянским недорослям, учившимся в московской академии славяно-латинской науке, дозволено было окончить в ней курс, если они записались в нее раньше 1715 года, а поступивших туда после 1715 г. штрафовать. В 1717 г. все эти недоросли в числе 213 человек, были вытребованы из академии в Петербург, где государь сам сделал для них назначение, одних поместил в морскую академию, других в гвардию, многих отправил за границу. Своевольно записавшиеся в академию ссылались даже на три года в галерную или каторжную работу⁴². После этого дворянские дети стали поступать в духовные школы только по особому распоряжению правительства, которое, производя им смотры, находило между ними столько безграмотных людей, что не находило у себя никаких средств дать им всем нужное для них общее элементарное образование и рассылало их для этой цели то в новгородские, то в московские славяно-латинские школы. Само собою понятно, что обучение этих недорослей при таких условиях было не столько правом,

сколько повинностью духовных школ в пользу государственной службы. В узаконенный срок, лет в 16 от роду, все подобные ученики должны были выходить из духовных школ и являться или в свои собственные школы, или на службу. Во время самого обучения, по крайней мере в новгородских школах, они резко отделялись от других учеников, составляя особое отделение. Нечего и говорить, что приготовление их к церковной службе было совершенно немыслимо. – О поступлении в духовные школы учеников из податных классов вопроса в описываемое время не возбуждалось, как потому, что по новости школьного образования таких учеников не было, так и потому, что заботы правительства о целостности этих платежных классов и заключении выхода из них в привилегированные состояния развиваются главным образом после установления подушного оклада.

Понятно, что при таких условиях и духовные власти с течением времени тоже должны были изменить свой прежний взгляд на свои школы, как на заведения общеобразовательные, и приняться за развитие сословно-профессионального их назначения. Но в то время, как правительство в своих интересах старалось преимущественно о стеснении доступа к их профессиональному образованию для посторонних людей, нужных для государственной службы, духовные власти, в интересах церковной службы, обратили внимание на другую сторону дела, на выход своих лучших молодых людей в посторонние ведомства, которые, при малочисленности образованных кандидатов священства и при слишком частых вызовах школьников и вообще грамотных духовных детей со стороны правительства к разным светским наукам и службам, был весьма невыгоден для духовного ведомства. Наприм. в 1711 г. велено было чрез монастырский приказ взять 50 человек церковников в адмиралтейство, грамоте и писать умеющих, и определить их там к обучению разным мастерствам. В 1718 г. встречаем даже такого рода распоряжение: „набрать в адмиралтейские плотники из церковнических детей 500 человек, в том числе чтобы, сколько возможно, было больше грамотных“, а местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому для ведома отписать, „чтобы во всей московской губернии до

окончания того разбору поповых, и дьяконовых, и пономаревых, и сторожевых, и просвирниных и всяких церковниковых детей в духовный чин не посвящать до указа”. Стефан написал на присланном к нему извещении: „буди указ великого государя не переменным о том, что из церковников избирать в плотники, а что не посвящать в попы, идеже самая нужда требует, сему делу несть должно быть”. С 1712 по 1720 г. по подобным присылкам было принято в адмиралтейство к разным мастерствам 836 человек, но из них 524 человека бежали⁴³.

Московская Медицинская школа при госпитале доктора Бидло была вся укомплектована учениками славяно-латинских школ; притом же в нее вызывались те из них, которые лучше других успевали в латинском языке. Потом с 1714 г. духовных детей стали повсюду привлекать в цифирные школы.

Все эти вызовы молодых людей естественно должны были возбуждать в духовной администрации невольные сожаления, тем более, что из духовного ведомства этим путем уходили большею частью лучшие его силы, на которые впереди возлагались большие надежды. В 1718 г. вышел известный указ монастырскому приказу о неувольнении школьников славяно-латинских школ в разные чины до окончания учения. По чьей инициативе был издан этот указ, не знаем, но едва ли не по представлениям духовной администрации, которой ближе всего было желать издания подобного указа. Вероятно по ее же настоянию в 1719 г. штатс-контор-коллегия запретила доктору Бидло принимать учеников славяно-латинских школ в московский госпиталь без особого указа⁴⁴. Затем, как мы видели, из Новгорода слышались сильные возражения против набора духовных детей в цифирные школы. На практике впрочем ни указы 1718 и 1719 годов, ни представления духовных властей не имели надлежащей силы до самого учреждения Синода. Мы видели, чем кончилось новгородское дело о цифирной школе. Доктор Бидло спокойно продолжал переманивать студентов в госпиталь и от 1719 г. до 1722, когда в это дело вступился св. Синод, успел переманить 108 человек, число весьма красноречивое, всего лучше показывающее, как еще трудно было тогда духовной администрации соблюсти свои

специальные интересы при повсюдной нужде в образованных людях. Сам Бидло после объяснял, что без учеников славяно-латинских школ ему решительно было бы невозможно поддерживать комплекта хирургических школ, и просил уволить его от запрещения 1719 года. То же самое говорила и администрация школ цифирных.

Кроме этого обстоятельства, вызову учеников духовных школ на светские профессии, а равно обучению в этих школах учеников посторонних ведомств, много содействовала еще первоначальная неразвитость профессионального элемента в самом курсе этих школ и в их администрации. Несмотря на всю ясность, с какой духовные власти стали высказывать мысль, что дети духовенства „причинны” именно к архиерейским школам, назначенным для обучения их „свойственному отцов их служению”, курс этих школ по-прежнему носил на себе общий элементарный характер, с прибавлением лишь в некоторых из них изучения классических языков. Ближайшее управление школами было в руках местных архиереев, но высшее сосредоточено в монастырском приказе, – органе не духовной, а светской власти, подчиненном Сенату и заведовавшем не только духовными, но и вновь заводимыми светскими школами, наприм. немецкими⁴⁵. Он должен был побуждать архиереев к заведению новых школ, наблюдал за исполнением указов об обязательном обучении в них духовных детей, принимал прошения о поступлении их в самую академию, заботился об усилении учебной части, ведал учителей и учеников по суду и заботился о средствах их содержания. Чрез него же шло определение в эти школы для науки дворянских недорослей, а равно и отправление детей духовенства для обучения в другие учреждения. Ленивых и не желавших учиться он же подвергал обычным разборам для отдачи их в военную службу, наблюдал даже над самими епархиальными архиереями, чтобы не посвящали в попы и дьяконы неученых⁴⁶. Материальное обеспечение архиерейских школ производилось правда на специальные церковные средства, на доходы с церковных вотчин, что должно бы было естественно повлечь за собою подчинение их специальной церковной же администрации; но

все вотчинные и другие церковные доходы были тогда отписаны от заведывания духовных властей в светское ведомство монастырского приказа, который выдавал из них на содержание церковных учреждений только определенные штатные оклады, а все остаточные от них суммы расходовал на указанные ему правительством государственные и общественные нужды, в числе которых было и содержание школ, что существенно изменяло вопрос о подчиненности последних духовному или светскому ведомству и делало их не столько церковными и сословно-духовными, сколько государственными учреждениями, которыми правительство могло чрез монастырский приказ свободно распоряжаться для своих общегосударственных целей.

В таком положении вопрос о духовных школах существовал до 1720-х годов, до времени учреждения св. Синода.

б) Духовные школы после учреждения св. Синода

Со времени учреждения св. Синода распространение духовного образования пошло успешнее. К этому времени правительство успокоилось от тяжелой войны и получило возможность сосредоточеннее заняться внутренними делами государства. В самом Синоде, во главе церковной администрации, первенствующими членами поставлены были такие лица, просветительные стремления которых были вполне испытаны, каковы: Стефан Яворский, Феодосий Яновский и особенно Феофан Прокопович. Последний сделался правою рукою Петра во всех церковных реформах, в том числе и в организации духовного просвещения. К этому же времени, когда в новооткрытом дух. коллегииуме все важнейшие места заняты были киевскими учеными, окончательно определилось и то направление, в каком пошло развитие духовного образования. – Одновременно с учреждением Синода опубликован был главный организационный акт духовного ведомства, в котором изложены были все существенные предначертания правительства касательно нового строя как церковного управления, так и всей вообще церковной жизни, – Духовный Регламент. Между этими предначертаниями весьма важное место занимают правила относительно организации духовного образования, на которые мы прежде всего и должны обратить свое внимание.

Замечательно, что, излагая свои требования об умножении дух. школ и правила для их устройства, Регламент должен был еще усиленно доказывать то, что учение полезно, и посвятить этому предмету длинную тираду, полную полемического духа; но при этом нельзя не заметить и того, что автор Регламента, Феофан Прокопович, с первого же слова заговорил здесь об учении или образовании именно в профессиональной его форме. „Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь были воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его, когда державнейший наш монарх обучил оное изрядными регулами; то же разуместь и о архитектуре, и о врачевстве, и о

политическом правительстве, и о всех прочих делах. И наипаче тоуж разуметь о управлении церкви: когда нет света учения, нельзя быть доброму церкви поведению, и нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересям”. Затем автор прямо нападает на противников учения, о которых вероятно слышал немало. „Дурно многие говорят, что учение виновно есть ересей, ибо кроме древних, от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков,... наши русские раскольники не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновались?... И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах. Не спесивились так епископы до 400-го лета, как после возгорделися, наипаче константинопольский и римский; ибо тогда было учение, а после оскудело. И аще бы учение церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшие христианстии особы и запрещали бы иным учиться; а то видим, что и учились вси древнии наши учителя не токмо свящ. писания, но и внешней философии... Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание; но се накрепко наблюдать подобает, чтобы было учение доброе и основательное, ибо есть учение, которое и имени того недостойно есть, а обаче от людей, хотя и умных, но того не сведущих, судится быть за прямое учение”⁴⁷. Это крепкое наблюдение за тем, чтобы сделать учение в новых духовных школах добрым и основательным, заставило потом, как увидим, автора Регламента во многом смягчить свой взгляд на духовное образование с профессиональной точки зрения и восполнить его введением в его курс значительной доли общеобразовательных знаний. Тем не менее профессионально-сословное назначение духовных школ определено было Регламентом в чертах весьма ясных и точных.

„Вельми ко исправлению церкви полезно есть сие, сказано об этом назначении, чтобы всяк епископ имел в доме своем или при доме школу для детей священнических или и прочих, в надежду священства определенных... Таковых единых, в школе

архиерейской наставленных учеников, когда уже за помощью Божию довольное число их покажется, производить на священство, или, аще кто от них монашеский чин изберет, то в архимандриты или игумены. А если епископ неученого в оной школе человека поставит в священники или в монашескую степень, минув ученого, и без вины правильной, то подлежит наказанию, яковое определено будет в Духовном коллегиуме⁴⁸. Исключение из этого правила допускается в том только случае, „разве бы некий знатный порок на семинаристе показался, и то не был бы оный порок от клеветы; а на завистников и клеветников определить бы жестокое наказание”. Духовная служба таким образом тесно была связана с школьной к ней подготовкой и закон объявлял ее недоступной для тех, кто не прошел до нее чрез духовную школу. В настоящем случае нам нет пока нужды до практики, которая долго представляла уклонения от этого правила; мы имеем дело пока с принципом, по которому с этого времени практика постепенно начала перестраиваться и которому со временем действительно подчинилась. Но с другой стороны самая школа, как мы видели, все более и более закрывалась для всех посторонних людей не духовного происхождения. Обучение в ней дворянских недорослей допускалось лишь по необходимости, за неимением других школ, и по назначению правительства, которое строго следило за тем, чтобы это обучение не повлекло со стороны учеников-дворян избрания самой службы духовной. Класс городских, торговых и ремесленных людей был замкнут еще раньше дворянского⁴⁹. Наконец ревизия к 20-м годам замкнула класс крестьян и всех вообще податных людей.

Духовная школа со всеми правами обучения в ней очевидно оставалась доступною только для детей духовенства. После этого духовенство стало отделяться от других сословий в самом своем образовании и положено было прочное начало его сословной замкнутости.

Для духовных детей, обязанных к духовному служению своих отцов, духовная школа объявлена Регламентом обязательно. „О учениках, сказано в главе о домах училищных, сие рассуждение: должны все протопопы и

богатшии и инии священницы детей своих присылать во академию. Мощно тоеж указать и градским лучшим приказным людям”. Вот единственный класс посторонних людей, которых Регламент находил еще возможным привлекать к духовному образованию и службе. Но в том же 1721 г. стал замыкаться и этот класс; велено было „учинить школу, где учить подьячих их делу, куда бы приказные люди детей своих повинны были отдавать”⁵⁰. Прием духовных детей в школу получал все черты тогдашнего набора людей в службу. Служебная карьера духовного лица действительно и начиналась со школы. Новоопределяемого ученика велено испытывать, не туп ли он, чтобы не потерять на него по-пустому денег; „а чтоб который не притворял себе тупости, желая отпуску в дом, как то другие притворяют телесную немочь от солдатства, искушению ума его целый год положить; и может умный учитель примыслить способы искушения таковые, яковых он познать и ухитрить не дознается”. Принятый ученик обязывался оставаться в школе до конца указанного в ней учения, чтобы не было ущерба для службы, к которой он готовился. Регламент строго осуждает заведения, где ученики, сколько хотят, столько и учатся, и куда хотят, туда и отходят. „Что с того добра? Только суетный убыток”. Для удержания их велено с них брать записи или письменные обязательства, „что до конца учений пребудут, под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды”. Даже по окончании курса ректор не должен отпускать их из семинарии, „пока прежде не обвестит до Коллегиум Духовного”, и им не будет назначена служба. В случае отпущения учеников за взятку самими школьными начальствами последним объявлено за это жестокое наказание. Исключать ученика дозволено только в самом крайнем случае: „буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив, и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказаниями одолеть ему невозможно”. Но после исключения у такого детины велено отнять уже всякую надежду чина священнического. Вообще, по мысли Регламента, нечего заведению хвалиться множеством учеников, как это делали юго-западные общеобразовательные

школы, не имевшие ввиду определенной служебной пользы от своих курсов: „сие бо весьма суетно есть, но смотреть, как много есть остроумных и добре учащихся, с великою пользы надеждою, и как бы оных додержать постоянных до конца”.

Сообразно с новым специальным характером духовных школ для них организовалось и новое специальное управление. Прежнее подчинение их светской власти в форме монастырского приказа оказалось теперь уже неуместным и высшее управление ими Д. Регламент поставил в числе дел, подлежащих новому Духовному Коллегиуму. Определение это потом вскоре подтверждено было особым указом 16 февраля того же 1721 г., причем цифирные школы, хотя и состоявшие при духовных учреждениях, архиерейских домах, были выделены из подчинения Синоду: „печатному двору и школам славенского и греко-латинского языков, что в Москве, и друкарне, что в С.-Петербурге, быть, кроме навигацких школ, в ведении Дух. Коллегии”⁵¹. Ближайшее, местное управление школами вверено Регламентом местным архиереям. Из этого подчинения архиереям не исключалась даже киевская академия, испокон века школа братская, управлявшаяся братской корпорацией и не состоявшая в епархиальном ведомстве. В июле 1721 г. св. Синод для управления школами и типографиями устроил у себя особую контору, правителем которой назначил своего советника архимандрита Гавриила Бужинского с титулом школ и типографии протектора. В указе ему по этому поводу о юго-западных школах особо прибавлено: „а киевские и черниговские (училища), аще и надлежать должны до своих им архиереев, обаче егда имети имут нужду какую до св. Синода, писать им в помянутую контору”⁵². Таким образом и эти школы притянуты были к общему ведомству сословно-специальных духовных школ. Указы впрочем мало действовали на изменение их векового общесословного характера почти до самого конца XVIII века, когда сословность духовенства утвердилась и в Малороссии. Влияние епархиальной власти на киевскую академию было весьма слабо в течение всего царствования Петра; даже после него встречаем жалобу киевского архиепископа Варлаама, что академия не хочет быть

послушной и повольной его смирению⁵³. В великорусских епархиях школы с самого начала своего существования вполне подчинялись епархиальной власти, от которой зависело все их существование.

Помещение школ назначено при архиерейских домах, и архиереи призваны к попечению о всех подробностях школьной жизни. Обязанностью архиерея было приискывать для своей школы учителей и всех вообще приставников. На первый раз рекомендовалось приискать хотя по одному учителю „умному и честному, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно по книгам честь, но учил бы честь и разуметь”; потом постепенно расширять преподавание в школах до высших наук. Материальное обеспечение школ вполне возложено на архиерейские дома с отчетностью пред св. Синодом. При учреждении Синода все имения духовных учреждений из светского ведомства были, как известно, снова возвращены для управления в ведомство духовное: самый монастырский приказ, управлявший ими до этого времени под ведомством Сената, был подчинен св. Синоду и сделался чем-то вроде хозяйственного его отделения. После этого содержание всех учреждений, которые с 1701 года заводились и содержались на остатки штатных окладов от монастырского приказа, в том числе и содержание школ, перешло от этого приказа в ведомство духовных властей, которые теперь сами стали управлять своими имениями и собирать с них доходы.

Издержки на школы предположены весьма значительные. „Дабы не было роптания от родителей ученических, сказано в статье об обязанностях епископских, за великий оных кошт на учителя, и на покупание книг, такожде и на пропитание сынов своих, далече от дому своего учащихся, подобает, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовых книгах епископских”. В статье о домах училищных положено кроме того заводить при школах библиотеки, домовые церкви, особые больницы и аптеки для учеников. Но так как возложить все эти расходы по школе на средства одного архиерейского дома было бы чересчур для него обременительно, то в подмогу ему назначен хлебный сбор со всех монастырских и церковных

земель в епархии, – с первых двадцатой, а со вторых тридцатой доли со всего приплодного хлеба, получаемого с них ежегодно. В видах контроля за правильностью этого сбора и в предотвращение утаек со стороны церквей и монастырей по всем епархиям велено установить ежегодную подачу в архиерейские приказы подробных ведомостей о количестве хлебных доходов как от церквей, так и от монастырей; последние кроме того обязывались ежегодно посылать свои приходорасходные книги в св. Синод. С количеством собранного на школу хлеба предположено сообразовать и число учеников в школе с потребными служителями, на сколько человек его может достать в течение года. „А учителей довольствовал бы епископ кормом и денежною ругою из архиерейской казны. А чтоб епископы не возроптали, будто им убыточно будет ружить учителя или учителей, указывается им, чтоб лишних служителей не держали, ненужных строений не делали, також священного себе одеяния и своего платья над подобающую чести своей потребу не умножали“. Подобного же рода экономия в пользу благосостояния школ рекомендовалась и монастырям. В статье о домах училищных находим важное дополнение к правилу о содержании учеников. Кроме содержащихся на счет архиерейских домов, здесь еще допускаются во-первых ученики приходящее, не живущее в школе и содержащиеся на своем коште, а во-вторых, хотя и живущее в школе, но с платою за свое содержание определенной суммы. На основании этой статьи число всех учеников в школе могло и не сообразоваться с количеством хлебного сбора, а более или менее превышать его, смотря по тому, сколько могло найтись учеников, способных содержаться на свой собственный счет.

После определения внешней организации духовного образования составителю Регламента предстояла важная и трудная задача – определить его учебный состав, и так как духовные школы предназначалось устроить с общежитиями для учеников, то, кроме учебной части, предначертать для них еще правила по части воспитательной и дисциплинарной. Предварительных распоряжений в этом роде до сих пор еще не было, кроме разве слишком общих указаний, сделанных в

начале XVIII столетия м. Филофею при открытии духовной школы в Тобольске; практика школ архиерейских тоже не успела еще выработать ничего определенного в требуемом профессиональном роде, до последнего времени держась старого заведенного порядка братских школ. Феофан Прокопович выполнил эту задачу, представив в Регламент подробный проект образцового духовного училища, которое он назвал здесь академией, в связи с семинариумом. Под названием академии он разумел заведение собственно учебное, а под семинариумом – воспитательное общежитие для духовных детей, отданных в науку. Поэтому правила, начертанные им для первой, обнимают собою учебную, а правила семинариума – воспитательную часть духовных училищ.

Главною целью обучения в духовных школах поставлено, разумеется, образование богословское, нужное „для доброго церкви поведения”. Но Феофан, вполне разделяя современный ему взгляд на образование с профессиональной точки зрения, все-таки яснее, чем кто-либо из его современников, сознавал весь вред одностороннего религиозного образования, не соединенного сколько-нибудь с изучением так называемых *artium humanarum*. Со стороны этой религиозной односторонности русских начетчиков божественных писаний шло тогда главное противодействие Петровской реформе, а Феофан, сделавшись правою рукою реформатора царя, как раз стоял в самом средоточии борьбы его с этими противниками. Но с другой стороны, восполнив религиозное образование включением в курс духовных школ наук человеческих, нужно было иметь в виду устранение из духовного образования другого рода односторонности, которою страдали юго-западные школы вследствие господства в них принесенного латинскою иезуитскою наукою схоластического направления, суживавшего все гуманное образование в одно изучение форм речи и мысли, в одну диалектику, без реальных знаний, дающих форме содержание. Тип этих школьных ученых был также хорошо известен Прокоповичу, как и тип начетчиков, и возбуждал в нем одинаковое отвращение. Столкновения его с этими школярами

начались еще с первых дней его службы при киевской академии, когда он только лишь явился туда молодым профессором новатором и начал в своей аудитории бить беспощадной сатирой все старые иезуитско-схоластические замашки в киевской науке, и потом преследовали его во все время его жизни, несмотря на все подчас слишком тяжелые удары, какие он так хорошо умел наносить своим врагам. Не мудрено, что он не утерпел, чтобы не задеть этих школяров и в Регламенте. „Обычно вопрошают мнози: в которых школах был он-сица? И когда услышат, что был он в реторике, в философии и в богословии, за едины тые имена высоко ставят человека, в чем часто погрешают”. Училища везде, во всей Европе, стали улучшаться с 1400-х годов и с тех пор выставили действительно многих искуснейших ученых, а до этого времени везде царило темное невежество, так что у самых лучших авторов видим лишь остроумие великое, а света не видим. Но и теперь „многие училища в прежней тине остались, так что у оных реторики и философии и прочих учений имена точно суть, а дело не тое... Такового, тако рещи, привиденного и мечтательного учения вкусившии человецы глупейшии бывают от неученых: ибо весьма темни суще, мнят себя быти совершенны, и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотят, но ниже думают честь книги и больше учиться”. Богословствуя, они постоянно впадают в ереси, а мнения своего, раз высказанного, переменить не хотят, чтобы не показаться чего-нибудь не знающими. Они „вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви; пред властями над миру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный; равного чина людей ненавидят, и если кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести и охулити; к бунтам склонны, восприемля надежды высокие”. „Сие предложить судилось за благо, объясняет автор, что если царское величество похощет основать академию, рассуждало бы Духовное Коллегиум, каковых исперва учителей определить и каковые учения образ указать оным, дабы не вотще пошло государское иждивение, и вместо чаянной пользы, не была бы тщета, смеха достойная”.

С своей стороны составитель академического курса почел нужным ввести в него раньше специально-духовного образования подготовительный курс образования общего, состоящего, кроме риторики и философии, – наук, всегда считавшихся необходимыми преимущественно для духовного образования и потому даже не вводившихся в светские школы, – из изучения языков, математики, географии и истории. Этим путем он надеялся устранить из духовных школ и религиозную исключительность, и схоластическую односторонность, сбить с школяров их пустое самомнение, внушить им ученое смирение и любознательность, чтобы они „никогда сытости не имели в познании своем, хотя бы и Мафусалев век прожили”. Такой разносторонний состав курса как раз соответствовал и нуждам времени, которые, за недостатком образованных людей, требовали, чтобы каждый образованный человек занимался враз несколькими делами, иногда совсем разнородными, и старался усваивать себе по возможности несколько специальностей, лучший пример чего представлял сам Петр и большая часть окружавших его сотрудников. В самом же Регламенте видим несколько указаний на то, что правительство, вводя духовное образование, по-прежнему думало в случае надобности пользоваться учениками духовных школ для своей собственной службы на разных поприщах.

Но как скоро составителю Регламента пришлось распределять указанный курс в подробностях, так и оказалось нужным наблюдать экономию времени, а для этого общим образованием пожертвовать в пользу специального. Курс всего учения назначен в 8 лет. Из него на богословие, как главную науку в духовном образовании, отчислено два года, „ибо хотя и всякое учение пространное есть, сказано в пояснении, обаче в школах (т. е. духовных) сокращенно толковать надобе и главнейшие только части; после сам долгим чтением и практикою совершится, кто там доброе руководство получит”. Богословие положено преподавать в последние годы, чтобы им завенчать весь курс. Из остальных, гуманитарных наук более всего, по году времени, назначено на те, которые считались наиболее свойственными духовному обучению: 1) на логику или

диалектику, 2) риторику с пиитикой, 3) физику с метафизикой, составлявшую существенную часть тогдашних философских систем, 4) политику краткую Пуффендорфову (взамен ифики), впрочем „аще она потребна судится быть, или присовокупить ее к диалектике”, наконец 5) на арифметику с геометрией, – это уже вероятно вследствие особой любви к этим наукам царя и с целью сделать для духовных детей ненужным обучение в цифирных школах, куда их насильно тянули. Меньше всего посчастливилось наиболее важным наукам в общем курсе – истории и географии; их велено преподавать один год и притом совместно с изучением грамматики или языков: так как де при изучении грамматики требуются непременно переводные экзерциции, то учитель пусть и делает с учениками экзерциции эти над географией и историей, причем год, назначенный для изучения грамматики, так и разделить на два полугодия, – в первое проходить ее с географией, а во второе – с историей. „И се вельми полезно, хвалит Регламента свою оригинальную выдумку, ибо ученицы великое ко учению возымеют доброхотство, когда невеселое языка учение толь веселым мира и мимошедших в мире дел познанием растворено им будет, и скоро от них грубость пропадет, и еще при бреге училищном немало драгих товаров обрящут”. Относительно изучения языков нельзя не заметить, что во всех статьях, где упоминается об этом предмете, везде говорится лишь о языке латинском, который стал получать теперь исключительное господство в духовных школах; говорится напр. о том, как испытывать в знании этого языка кандидата на учительство, какого автора латинского избрать для перевода при изучении истории (историка Юстина) и т. п. О языках греческом и еврейском сказано только кратко, что и они, „если будут учителя, между иными учении урочное себе время примут”.

О преподавании богословия Регламент распространился довольно подробно. Феофан, как известно, был реформатором русской богословской науки, первый сделал попытку эмансипировать ее от рабского подражания разным католическим *summa* и *theologiae*, из которых она почерпала и свой схоластический метод, и аргументацию, и нередко самые

богословские понятия, и по следам протестантских ученых, но в духе православия, старался сблизить ее с самими первоисточниками богословских истин. Свои любимые мысли об этом он постарался провести и в Регламенте, рекомендуя учителю богословия читать самому и полагать в основание своих лекций ученикам св. писание и творения св. отцов, перечисляя поименно и самих отцов, кто из них какой догмат преимущественно изъяснял по вызову современных ему нужд церкви, и предостерегая от ненадежного руководства всяких иноверных учителей: „многажды бо лгут господа оные, и чего не бывало приводят, многажды же слово истинное развращают. Должен убо учитель богословский не по чужим сказкам, но по своему ведению учить, и иногда избрав собственное время, показать в книгах и ученикам своим, чтоб и они известны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорит или лжет учитель их”.

Кроме изучения богословия, согласно специальному назначению духовных школ, в курсе их обращено также особенное внимание на изучение их воспитанниками проповеднического искусства, которое Петр, как известно, ценил весьма высоко в качестве сильного средства действовать на массу народа и проводить в ее среду новые идеи. После статей о школах в Регламенте помещен особый отдел о проповедниках, излагавший регулы, которым они должны следовать. Право проповедовать Слово Божие могут получать лишь люди ученые и свидетельствованные от Д. Коллегиума. По содержанию проповедь должна быть прямо приноровлена к удовлетворению тогдашних потребностей, – к научению народа христианским обязанностям всякого чина, преимущественно обязанности повиновения властям, паче же самой высочайшей власти царской, и к искоренению всякого рода суеверий. К этому прибавлено несколько пунктов гомилетического содержания, – чтобы проповедник избегал на кафедре личностей, не мстил кому-нибудь в своей речи („таковые проповедники самые бездельники суть”), не говорил с заносчивостью, не хвалился после проповеди своим искусством, а также не порицал себя, вызывая других на

комплимент, подражал бы в манере Златоусту, а „казнодеишков легкомысленных, каковые наипаче польские бывают, не чел бы”, при произношении избегал бы неуместных телодвижений, не „шатался вельми, будто в судне веслом гребет, руками не спляскивал, в боки не упирался, не подскакивал, не смеялся, да и не рыдал”⁵⁴.

После правил касательно учения Регламент излагает правила касательно воспитания духовных школьников в определенных к открытию школьных общежитиях. „Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академии, или в начале и без академии, семинариум для учения и воспитания детей, какие вымышлено немало во иноземных странах”. Эти педагогические правила все основаны на той мысли, что для воспитания детей на новых началах, для образования нового поколения пастырей церкви в духе реформы, нужно совершенно оторвать воспитанников от современного общества, находящегося в неудовлетворительном состоянии, даже от их родных семей, отстранить таким образом от них всякие неподходящие к цели воспитания посторонние влияния и поставить их в отрешенную от действительности, искусственно созданную обстановку так называемого закрытого заведения. Закрытые заведения признавались тогда лучшими воспитательными орудиями и в западной Европе. В Ифике – иерополитике, составленной в 1712 году в Киеве, «к наставлению и пользе юным» и издававшейся потом два раза в Петербурге (1718 и 1724 гг.), говорится, что при домашнем воспитании ребенок легко может испортиться, что поэтому и в Персии, и в Лацедемонии, в Афинах и Крите, а потом и во всем западе многим иждивением созидали везде закрытые училища и что польза их несомненна и очевидна: „аще и тигр нравом будет (т. е. ребенок), агнчую тамо восприимет кротость на ся,... аще самолюбием, или гордостью, или напыщением, или высоким о себе мнением, или иною какою безмерною страстью поврежден есть, в толицем собрании не трудно обрящет врачество болезнем сим; смирится бо, тишайший будет и не велико о себе мудрствовати начнет”.

Для помещения семинаристов рекомендуется построить „дом образом монастыря”, где и жить им безысходно, бедным на даровом казенном содержании, более состоятельным с определенной платой за корм и одеяние. Некоторым ученикам позволяется по желанию жить и вне стен семинарской бурсы, – для них предположено построить дома с общими квартирами, но эти общие квартиры должны были устраиваться по образцу той же бурсы. Учеников велено принимать в семинарию от 10 до 15 лет, в таком возрасте, когда педагогические меры могут еще иметь силу, „а выше того разве за прошением честных лиц, свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страхе и добром насмотрении”. С этого времени связь его с миром совершенно прекращалась; его не велено отпускать из семинарии, куда бы то ни было, даже к родным, „пока не обыкнет, пребывая в семинариуме, и не ощутит знатной пользы такового воспитания”. Через три года по вступлении в бурсу ему разрешалось повидаться с родственниками, но не более как два раза в год, и для этого отлучаться из семинарии сроком не больше недели. Инспекция чрез доверенное лицо должна была следить за его поведением и в отлучке, а по возвращению в семинарию его велено испытывать, не явилось ли в нем „некоей прежних нравов охоты и измены”. Если родственники сами явятся посетить семинариста, принимать их в саду, в трапезе или иной какой общей избе, а свидание с ними семинариста устраивать в присутствии ректора или кого-нибудь из начальников.

Во главе заведения поставлен ректор из ученых людей, монах или светский; это „дому всего управитель, верховная власть, всех всяким по рассуждению наказанием наказывать может”; он наблюдает за всем, за поведением и учением воспитанников, за преподаванием и усердием к делу учителей. Для надзора за последними он обязан в течении недели обойти все классы и в каждом прослушать чтение наставника по крайней мере с полчаса; об учителях неисправных и непреклонных его наставлению должен доносить высшему начальству, которое и примет против таких свои меры. Ученики вверяются в его полную власть; только исключать их он

обязывается не иначе, как с ведома Д. Коллегии. Для легчайшего надзора за всем, что делается в заведении, ректору признано полезным иметь особых фискалов. – Помощником ректора в исполнении его обязанностей назначен префект, тоже из ученых. В бурсе положено еще определить двоих ученых же экзаменаторов, „се есть розыщиков учения, как кто учится, лениво или прилежно“. В каждой комнате бursы должны быть определены надзиратели или префекты, которые могут быть и из неученых людей, только были бы честного жития, не пьяницы, „не вельми свирепые и не меланхолики“, летами от 30 до 50. Дело комнатного префекта смотреть, чтобы между семинаристами не было ссор, драки, сквернословия, и чтобы всякий из них занимался своим делом; без его „благословения“ семинарист не должен отлучаться даже из комнаты; провинившихся в чем-нибудь он имеет право наказывать, – „малых розгою, а средних и больших словом угрозытельным“, а в случае недействительности этих мер должен доносить о непослушных ректору.

Жизнь семинаристов, под постоянным надзором перечисленных приставников, подчинена самой строгой дисциплине, которая в то время постоянно призывалась заменять собою воспитание. Вся бурса, как назывались семинарские общежития, поделена на избы или комнаты, в которых положено помещать по 8–9 учеников по возрастам, больших, средних и малых отдельно одних от других; и всякому место определить при стене, где бы стояла его кровать, шкаф для книг, стул и другие вещи. Порядок всех дневных занятий, а также отдыха определен по часам: „когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять и проч.; и вси бы оные часы колокольным означать, и вси бы семинаристы, как солдаты на барабанный бой, так на колокольный голос, принимались за дело, какое на час уреченный назначено“.

„Таковое молодых человек житие, сознается сам составитель Регламента, кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное; но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет“, тем более, что принимать в семинарию велено было в раннем возрасте, когда привычку к

соблюдению дисциплинарных правил можно вкоренять с большею легкостью и успехом. Все-таки далее признано нужным определить некоторые регулы и к врачеванию скуки молодых людей, запертых в бурсе; для этого назначено развлекать их прогулками и разными увеселениями, которые впрочем под пером составителя устава получают тоже какой-то официальный и обязательный характер „На всяк день два часа определить на гуляние семинаристам, а именно по обеде и по вечерам, и тогда б не вольно никому учиться и ниже книжки в руках иметь. А гуляние было бы со играми честными и телодвижными, ибо сие и здравнополезно есть и скуку отгоняет. А еще лучше таковые избрать, которые с потехою подают некое полезное наставление, такое наприим. есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая”, т. е. что, как известно, составляло господствующую страсть самого царя. Кроме того для той же цели назначены увеселительные поездки семинаристов в летнее время за город, составлявшие так называемые рекреации, и по большим праздникам за трапезой „глас мусикийских инструментов”, на которых дозволено учиться и семинаристам. Предположено также увеселять семинаристов чтением за их трапезой „ово историй воинских, ово церковных” и „повестей о мужах в учении просиявших, о церковных великих учителях, о древних и нынешних философах, астрономах, риторках, историках и проч.; ибо таковых повестей слышание и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет”, да еще разными акциями, какие водились еще в киевской академии, диспутами, комедиями и риторскими экзерцициями”, которые „веселую перемешку делают” и кроме того „зело полезны к наставлению и к резолюции, си есть честной смелости, каковые требует проповедь слова Божия и дело посольское”. Наконец, „могут уставлены быть и некие почести добре и тщательно учащимся”.

Пересматривая все эти правила, нельзя не заметить, что, как ни трудна была задача, взятая на себя Феофаном, как по существу своему, так и по новости, он выполнил ее более, чем удовлетворительно для своего времени. Последующая практика

духовных школ долгое время стояла далеко ниже его указаний, изложенных в Регламенте. Крайнее развитие в них профессионального характера, как увидим после, не допускало приложения и тех немногих требований касательно общего образования, какие выработал Регламент, а в воспитательной части устраняло и те слабые проблески педагогического взгляда на дело, какие мелькали у Прокоповича, предоставив полное господство одной суровой дисциплине и чисто юридическому взгляду на духовных воспитанников. Феофан впрочем сам не мог выдержать высказанных им взглядов на образование духовных школ и, заведя в Петербурге собственную школу, не решился показать в ней практический пример соединения общего образования с специальным, а дал ей значение просто общеобразовательного заведения, которое устроить было легче.

Обращаясь к практическому приложению правил Регламента, мы прежде всего встречаемся с теми препятствиями, которые известные уже нам нужды времени на первых же шагах поставляли развитие самой существенной стороны нового духовного образования. Несмотря на совершенно ясно высказанную мысль о назначении духовных школ в пользу собственно церковной службы, сам же Регламент постоянно сбивается в своих правилах относительно их практической пользы на другую противоположную точку зрения и выражает ясное намерение правительства привлекать духовных воспитанников и на разные роды светской службы. Так напр., желая учение в духовных школах сделать привлекательным для юношества, он объявляет: „всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый в академии и от академии свидетельствованный, того на степень духовной или гражданской чести не может упредить неученый, с великим штрафом на власти оные, которые бы инако сделали”. Далее о всех кончивших курс учениках велено доносить Духовной Коллегии со свидетельством искусства их, а Дух. Коллегия в свою очередь обязывается, очевидно для выбора годных в гражданскую службу, презентовать их его царскому величеству. Сами семинаристы при переходе в высшие классы, по распоряжению Регламента, должны были давать присягу в

верности государю и готовности ко всякой службе, „до которой угоден есть и позван будет указом государевым”. Требования времени отразились, как мы видели, на определении самого курса духовных школ и даже рекреационных ученических игр. Несмотря на все это, принцип специальности и сословного значения духовных школ оказался достаточно сильным на первых же порах и успешно стал развиваться на практике при самом же Петре. Как бы ни желательно было правительству извлечь из дух. школ побольше выгод для своей собственной службы, специальное назначение их воспитывать людей для службы церковной должно было необходимо стоять на первом плане уже по одному тому, что это были школы архиерейские, церковные, и содержались исключительно на церковные же средства, на сборы с духовенства, без помощи со стороны правительства. Церковному ведомству очевидно было невыгодно употреблять эти средства на образование посторонних людей и на „иные” службы, невыгодно ему было также выпускать на такие иные службы и своих питомцев, составлявших его лучшие и, по малочисленности своей, чрезвычайно нужные силы.

Св. Синод с самого же начала своего существования прямо высказался в пользу специальной и сословной постановки духовного образования. Первый повод к этому подал известный уже нам вопрос о вызове детей духовенства в цифирные школы. В начале июня 1721 г. адмиралтейская коллегия в своем доношении св. Синоду изъяснила, что в цифирные школы учеников доселе в присылке находится малое число и что пусть бы св. Синод распорядился об отсылке годных к арифметическому учению детей по своему ведомству, нимало не медля, чтобы определенные уже в губерниях и провинциях учителя, за неприсылкою оных детей, без дела не были и даром жалования не брали. По поводу этого доношения св. Синод определил высылать в цифирные школы только таких детей своего ведомства, которые не обучаются в духовных школах и не потребуются к поступлению в семинарию, а других, которые потребны для самой церкви, для ее собственных школ, не высылать. В ноябре того же года он почел нужным сделать

государю особый доклад, в котором просил освободить от посылки в арифметические школы всех вообще священно-и-церковно-служительских детей, и получил на то утвердительную резолюцию⁵⁵. Дело впрочем этим не кончилось, потому что без духовных детей арифметические школы почти совсем опустели, а в тех местах, где они еще не успели открыться, стало вообще невозможно и заводить их. Так напр. один энергичный воевода в Вятке Чаадаев как раз в 1721 году вздумал возревновать об открытии цифирной школы и начал о том переписку с архиерейским приказом, но обучение духовных детей в светской цифирной школе оказалось и здесь неприятным для духовенства, как везде; детей в школу не высылали, несмотря на то, что требование Чаадаева повторено было три раза. Воевода наконец решился устроить школу собственными средствами при провинциальной канцелярии, помимо епархиальной власти, для чего и разослал по уезду собственных, провинциальных солдат и приставов с поручением забирать всех годных для школы и доставлять их в Вятку. Но к этому времени успел уже выйти указ св. Синода о непосылке духовных детей в светские школы, и дело об открытии вятской школы остановилось⁵⁶. Местные власти, заведовавшие цифирными школами, и учителя арифметики, проживавшие по губерниям без дела, забеспокоились и обратились в 1722 г. с жалобами на духовное ведомство в адмиралтейскую коллегию и канцелярию академии наук. Московская губернская канцелярия доносила, что в Москве открыта цифирная школа на нижегородском подворье, но духовенство детей своих, по многим посылкам, в нее не ведет. Из Коломны комиссар Новиков писал, что коломенский митрополит Иоанникий высылать духовных детей в школу без послушного синодального указа прямо запретил, а такого послушного указа из Синода доселе не прислано. Из Новгорода писал учитель Залуцкий, что прежде школа ему была отведена при архиерейском доме, были в ней и ученики из духовного ведомства, а ныне по приказу преосвящ. Феодосия „в тое школу его учить учеников не пускают и учит де он на квартире своей с великою нуждою, также де и учеников из духовного ведомства к

нему не определяют, а которые де и определены были во учение, многие без отпусков отлучились". Калужский учитель Губин и рязанский Павлов донесли, что местные епархиальные власти без послушного указа Синода ни учеников к ним не посылают, ни даже мест для школ не отводят. Академическая канцелярия представила обо всех этих доношениях св. Синоду, прося его сделать надлежащее определение. Выслушав ее бумагу, св. Синод повторил о духовных детях прежние указы 1721 г. и кроме того решительно отказал канцелярии в отводе для цифирных школ мест при архиерейских домах и монастырях, потому что, писал он, хотя указы о таком отводе и действительно были прежде изданы, но это было еще до издания Д. Регламента, а теперь при архиерейских домах и монастырях положено заводить духовные школы, поэтому цифирные учителя пусть и обращаются с своими просьбами о местах для школ к светским командирам, а не к духовным⁵⁷. Требования и даже насильственные наборы духовных детей в цифирные школы в разных местах долго не прекращались и после этих решительных распоряжений Синода, так что приведенные указы Синоду пришлось повторить еще несколько раз⁵⁸; он все-таки достиг своей цели и успешно отстоял свой принцип, что духовные дети не должны быть требуемы в светские школы.

Но едва только покончился этот вопрос, как из него возник другой, не менее опасный для интересов духовного ведомства. Цифирные школы стали совсем пустеть; из губерний и провинций писали, что „в тех школах сначала в присылке было учеников по 722 год 1389, из того числа выучено 93 человека (только), а затем остальные едва не все синодальной команды бежали", т. е. вероятно уволились от цифирного ученья, воспользовавшись приведенными указами Синода⁵⁹; учителей из Москвы и Петербурга было отправлено в губернии 47 человек, из них 18 воротились назад за неимением учеников⁶⁰. В учении цифирном обязательно оставались лишь дети приказного чина и монастырских слуг, так что цифирные школы оказывалось не из-за чего и содержать. Между тем св. Синод в своих ведениях и указах по вопросу о посылке в них детей

духовенства заявлял, что особое цифирное обучение для его ведомства не нужно, что в школах при архиерейских домах между другими предметами будет преподаваться также и цифирное обучение, так что воспитанники их в одно и то же время удовлетворят и требованию указов 1714–1716 гг. о цифирной науке и требованию Д. Регламента относительно свойственного их происхождению духовного образования. После этого у правительства естественно возникала мысль: оставлять ли цифирные школы в самостоятельном виде на казенном содержании или для сокращения издержек присоединить их к школам архиерейским. В мае 1723 г., присутствуя в адмиралтейской коллегии, государь на доклад коллегии о школах поставил именно этот самый вопрос и указал заняться обсуждением его Сенату. Св. Синод едва ли ожидал такого оборота дела; духовные школы, о сословном значении которых он так много заботился, в случае присоединения к ним арифметических школ, кроме воспитания духовных детей в надежду священства, очевидно должны были принять на себя еще нелегкую повинность обучать арифметике разных юношей посторонних ведомств и для целей вовсе не церковных. Конференция его с сенатом по этому предмету состоялась уже в половине сентября того же года. Сенат прямо потребовал присоединения цифирных школ вместе с учителями к архиерейским. Св. Синод стал уклоняться от этого решения и возразил, что этого сделать нельзя, потому что архиерейские школы еще нигде и не открыты, кроме Новгорода. Можно заметить здесь кстати, что прежде при решении вопроса о посылке в цифирные школы детей духовенства он этого не говорил, а упирал исключительно на то, что школы при архиерейских домах непременно будут открыты по требованию Д. Регламента. Сенат отвечал, что требуемое соединение школ можно пока и ограничить одним Новгородом. Синоду, разумеется, пришлось на это согласиться, но он все-таки успел выговорить два весьма выгодные условия, чтобы новгородская цифирная школа и учителя ее поступили под общую с архиерейской школой дирекцию епархиальную, а расходы на нее и на жалование учителям покрывались не из церковных

сумм, а на счет прежнего источника, т. е. губернских доходов.⁶¹ Общий вопрос таким образом сведен был пока к частному решению и притом далеко не в том смысле, какой первоначально имело правительство; но и в этом виде решение конференции 1723 года не приводилось в исполнение во все время царствования Петра⁶². После него при Екатерине I в октябре 1726 г., вследствие новых представлений о цифирных школах из адмиралтейской коллегии, вышел именной указ уже об общем их слиянии с архиерейскими школами; побуждением к этому распоряжению выставлено то, что в них было по-прежнему очень мало учеников, что при означенном слиянии они не потребуют лишних издержек, что наконец и учатся в них доселе все больше дети духовного ведомства. На этот раз школы эти должны были поступить на общее содержание с архиерейскими и в полное ведение св. Синода⁶³. Но и этот указ тоже остался без исполнения; Синод не принял их в свое ведомство, как до духовного правительства не подлежащие. Судьба назначила им слияние не с духовными школами, а с гарнизонными, каковое и последовало в 1744 году уже при импер. Елизавете (по указу 26 октября).

Посылка для образования в духовные школы разных людей светского ведомства, вроде дворянских недорослей, дьяковских и подьяческих детей, посадских и др., при Петре практиковалась в довольно широких размерах, так что наприм. в петербургской семинарии таких светских учеников было даже больше, чем духовных. Но как ни очевидно доказывали законы Петра его любимую мысль, что для излишка огромных церковных доходов самое лучшее употребление будет, если на счет их заводить школы для образования народа и хороших слуг для государства, сословный и финансовый интересы оказались сильнее всяких доказательств. Св. Синод в своих указах постоянно настаивал на той мысли, что духовные школы назначены для образования духовных детей в надежду лучшего священства. В первый же год по смерти Петра в петербургской семинарии все ненужные для духовной службы светские ученики были переведены с монастырского на свое содержание, а многие и вовсе высланы из заведения для избрания рода

жизни. В московской академии ректор Гедеон в 1725 г. отказал в приеме присланным в нее по старой памяти дворянским недорослям на том основании, что „в той школе происходят во учение токмо духовных персон дети, которые б могли в духовный чин происходить⁶⁴.

В тех же видах духовное начальство чрезвычайно дорожило каждым учеником, которого успело или только имело еще ввиду завербовать в школу из своего ведомства, и употребляло все меры, чтобы удержать его у себя и не выпустить в светскую службу или науку. От записи в податное состояние и от определения в военную службу ученики духовных школ были освобождены самим правительством. Потом тем же докладом 1721 г., которым дети духовенства освобождались от цифирных школ, св. Синод исходатайствовал для них свободу от посылки „и к прочим светским наукам, так как они нужны для открывающихся духовных школ⁶⁵. При крайней нужде в образованных людях по всем ведомствам, св. Синод должен был бдительно беречь свои школы от посторонних покушений на их учеников. В июле 1721 г., по докладу из московской академии „о защите пребывающих во учении, чтоб никто не имел власти отнимать их, по различным приказам таскать и к иным делам и учениям определять”, он определил без синодального указа учеников никуда не отдавать и ни к каким делам не определять⁶⁶. Но нарушения подобных распоряжений в тогдашнее время были почти неизбежны и приведение их в исполнение стоило немало хлопот. В следующем напр., году префект московских, словено-латинских школ Гедеон Грембецкий жаловался Синоду на доктора Бидло, что он, доктор Быдлов, презрев запретительный государев указ, „не ведомо, какою властью, потаенно, словено-латинских школ что ни лучших учеников к себе призывает и записует в анатомическое учение без ректорского и префектовского ведома; и буде помянутому доктору таковой умысел хитрый указом из св. прав. Синода не заградится, то весьма школам словено-латинским быть в разорении, якоже и прежде бывало, покаместь ему Быдлову указом его императорского величества не запрещено было”. Бидло с своей стороны доносил, что брат

учеников славяно-латинских школ, знающих латинский язык, ему необходимо для пополнения комплекта хирургических школ, что кроме того ученики поступают к нему доброхотно, сами желая быть в хирургической науке. Не знаем, чем кончилось это дело, но по справке в св. Синоде оказалось, что с 1719 по 1722 год Бидло успел перетянуть к себе из славяно-латинских школ 108 человек духовных воспитанников⁶⁷. Были случаи, что духовных воспитанников забирали даже в матросы и солдаты, хотя это было положительно запрещено правительством. Так, в 1723 г. тот же ректор Гедеон донес, что из академии взято 5 учеников в матросы да еще одного ученика, солдатского сына, потребовали в солдаты. Св. Синод вступился в это дело и потребовал от сената, чтобы взятые ученики были возвращены назад и чтоб впредь такие действия были пресечены, и учению школьному препятствие не чинилось, причем в подкрепление своего требования привел распоряжение Регламента и упомянутый указ 1721 г. о том, чтобы без ведома Синода ученики никуда не были увольняемы из духовно-учебных заведений. Нельзя не обратить в этом деле внимания на весьма важное обстоятельство: один из учеников, о которых говорилось в донесении, был не духовного происхождения, по всей вероятности и другие пятеро были такие же, иначе довольно мудро представить, как их могли забрать в матросы. В своем определении св. Синод недаром потребовал от Гедеона справки: „о приеме всякого чина людей к наукам в школы, какие где с состояния тех школ указы обретаются ль, и буде где такие указы есть, выписав обстоятельно, прислать в св. Синод копии”⁶⁸. Кроме того, что духовное ведомство, как мы уже говорили, само не совсем благосклонно смотрело на обучение в своих школах посторонних людей, за прием некоторых из них в дух. школы можно было опасаться неудовольствия и от правительства, которое очень ревниво стояло за интересы своей службы и тягла и не могло смотреть сквозь пальцы на то, как его служилые и податные люди чрез поступление в школы, будут выходить из служилого и податного состояний в духовное. Мы не имеем сведений, какие справки представил Гедеон на

требование св. Синода, продолжалось ли это дело далее и вообще возникал ли вопрос о приеме в дух. школы учеников из податного класса и из солдатских детей при Петре. Но после него вскоре такой вопрос действительно был поднят и указом св. Синода 1728 г. решен был в отрицательном смысле⁶⁹.

Для детей духовенства обучение в духовных школах после издания Д. Регламента получило обязательный характер; равным образом для епархиальных начальств стало обязательным заведение этих школ. Требования представлять духовных детей в школы сделались чаще и настойчивее. Прежде всего эти требования коснулись, разумеется, духовенства московской епархии, где было уже готовое учебное заведение, – академия. В первый же год своего существования пред открытием годичного курса в академии (от 28 августа) св. Синод издал строгий указ, чтобы все священно-и-церковнослужители московской епархии приводили своих детей от 13 до 20 лет в славяно-латинские школы без всякого отлагательства, с поручными записями, чтобы быть этим детям в школах неотъемлемо до самого окончания курса. „А ежели, угрожал указ, из оных кто детей своих в школы для наук не объявит, или по отдаче в оные школы, не окончив, паки отлучит, или из оных их детей который сбежит, то отцы, не точию каждый от своей церкви отлучен будет, но и нигде служить допущен не будет. А таковых священнических и диаконских детей, которые в школах наук не примут, в священники не производить; а ежели дьячковские и пономарские дети науки примут, и таковых и в священники производить, не смотря и на священнических детей”⁷⁰. По поводу вопроса об освобождении дух. детей от цифирных школ сила этого частного указа была потом в том же 1721 и в следующем годах распространена на все епархии, потому что, согласно ходатайству Синода, освобождаясь от обучения в цифирных школах, дети духовенства тем самым обязывались к поступлению в духовные школы.⁷¹ В то же время в Синоде и Сенате шло решение другого весьма важного для духовенства вопроса о том, записывать ли духовных детей в подушный оклад. Первоначальное решение этого вопроса в светском ведомстве направлялось в том смысле, что от

подушного оклада следует освободить лишь одних священнослужителей самих лично, а всех церковников и всех детей как их, так и священнослужительских записать в податное состояние. Св. Синод энергично восстал против такого решения и неоднократно представления правительству в течение почти двух лет в 1722 г. успел исходатайствовать свободу от подушного оклада для всех штатных или действительно-служащих духовных лиц вместе с их детьми; но вместе с тем детей этих уже непременно велено учить в школах для приготовления к церковным должностям, а неучившихся или лениво учившихся „приобщить к числу таких церковнических детей, которые, яко излишние и свыше потребности под именем церковного причта бывшие, во оной подушный оклад выключены”⁷². Таким образом сын духовного лица, уклоняясь от обязательной для него школы, тем самым должен был лишаться своего звания и поступать в податное состояние. Правило это имело потом важное практическое значение во время частых разборов духовенства как при Петре, так и после него в течение всего XVIII столетия.

В то же время для привлечения духовных детей в школы св. Синод в своих указах настойчиво развивал мысль Регламента об определении на церковные места лишь ученых кандидатов. Приведение этой мысли в исполнение тоже началось с Москвы, где ко всем лучшим церквям в священники и дьяконы велено было поставлять только учеников славяно-латинских школ⁷³, потом по возможности распространялось по всем епархиям. В епархиях, где не было школ или где из одних школьных учеников невозможно было получать достаточного числа кандидатов священства по малости школы, руководствовались распоряжениями об обязательном изучении для всех ставленников по крайней мере Букваря Феофана Прокоповича. Постановление об экзамене ставленников 1711 года было подтверждено с особенною подробностью в прибавлении к Регламенту. Каждый ставленник обязан был прожить несколько времени при архиерейском доме для изучения своих обязанностей, а между тем архиерей должен был испытывать его, кроме того, знает ли он книжицу о вере,

еще в том, „не ханжа ли он и не притворяет ли смирения, что умному человеку не трудно узнать; также не скажут ли своих о себе или и о ином снов и видений: ибо от таковых какового добра надеяться, разве бабьих басен и иных вредных в народе плевел вместо здорового учения”⁷⁴. Из описания ставленнических экзаменов, у Посошкова видно, что архиереи первоначально сами производили эти экзамены⁷⁵; но потом при архиерейских кафедрах возникла особая должность экзаменаторов, которая постепенно получала все более и более важное значение в ставленническом делопроизводстве.

Выполнению указов о поставлении на церковные должности людей ученых некоторое время и при Петре и даже при его преемниках, мешали приходские выборы членов приходского клира и права наследников церковных мест. Не отвергая обычая приходских выборов в принципе, Петровское законодательство настоятельно требовало, чтобы эти выборы не стесняли прав ученых кандидатов на церковные должности, и с этой стороны значительно их ограничило, так что в случае челобития о месте со стороны кандидата, обученного в архиерейской школе, просимое место могло достаться ему и без согласия прихожан: „хотя, сказано в указе 24 мая 1721 г., о них (об ученых кандидатах) и от приходских людей челобития не будет, которое не так нужно, как ученая требуется персона, от которой может быть полезное народу нравоучения и к добродетелям наставление”⁷⁶. Правило это могло быть очень неприятно для приходов, особенно в тех местностях, где приходские выборы были более развиты и чаще практиковались, как наприм. в южной России, и действительно в некоторых случаях, когда архиереи при поставлении членов приходского клира вовсе обходили прихожан, вызывало со стороны последних протесты и горячее противодействие епархиальной власти; но зато с удовольствием было встречено епархиальными властями, которые давно уже тяготились недостойными приходскими избранниками и жаловались на то, что над церквами архиереи воли не имеют, владеют церквами мужики. В учениках своей школы архиерей мог всегда иметь более или менее достаточный контингент своих, хотя сколько-нибудь испытанных

и надежных, кандидатов на церковные должности, которых и мог, сообразно с своими видами, противопоставлять приходским избранникам имея при этом крепкую опору для себя в случае противодействия приходов в указах правительства и св. Синода⁷⁷. – Борьба ученых кандидатов с наследниками церковных мест была гораздо труднее и немало вредила успехам школьного дела.

Новые указы не отрицали наследственности церковного служения, даже сами признавали ее, только требовали, чтобы наследники церковных мест готовились к занятию их в школах, угрожая в противном случае, что они лишатся своих прав в пользу посторонних кандидатов, принявших науку. Но угрозу эту привести в исполнение оказывалось чрезвычайно трудно, потому что наследники в случае надобности могли всегда выставить в защиту своих прав свои общепризнанные тогда владельческие права на наследные дома и строения при родовых церквях, потребовав за них от своих ученых конкурентов высокой платы. Еще в 1718 г. выдан был указ, чтобы священнослужители не имели при церквях своих собственных домов, а жили в церковных, которые бы и передавали своим преемникам даром⁷⁸. Указ этот подтверждался не один раз, потом в 1722 г. распространен был и на дома церковнослужителей⁷⁹, но скоро привести его в исполнение очевидно было нельзя, потому что для заведения требуемых церковных домов по всем приходам не было материальных средств. Вот одно донесение св. Синоду заведовавшего славяно-латинскими школами архимандрита Феофилакта Лопатинского от 1721 г., всего лучше объясняющее неприятные столкновения школьников с наследниками: „по тому указу (1718 г.), писал он, били челом некоторые школьники о определении их на порозжие церковные места, и с великою трудностью, волокитою и иждивением, достигли их и доселе во всегдашнем опасения отказу и перемены от своих мест пребывают неизвестны. Причина сему: обычай прежний о наследии церквей, продажею и куплею стяжаемом, нерассмотрительне введенный, и непокорство прихожан, которые, по сродству, знаемости и по своим прихотям, избирают

себе священников и диаконов и мест священнических и диаконских нарочно не хотят окупати из церковных денег, будто нет таковых денег,... что видя, прочие школьники не смеют и бить челом на вышеозначенные места, чтоб им не вдать себе в лишние трудности и бедства". Св. Синод подтвердил указ⁸⁰, но из этого, разумеется, ничего не вышло. В 1723 г. московская дикастерия прислала в св. Синод доклад, где между прочим спрашивала: если после смерти священнослужителей останутся наследники невозрастные, то определять ли к их наследным церквам до их возраста викариев? во-вторых, если на вакантную должность при церкви явится кандидат, особенно из ученых, а наследники его предшественника будут требовать за свое строение при церкви платы по купчей крепости, то взыскивать ли эту плату с новоприемного? и если не взыскивать, то с кого ее брать, потому что из церковных денег по отзыву церковных старост за такие священнослужительские дворы платить нечем? На первый вопрос Синод ответил по смыслу Регламента определением: ставить на вакантные места из учившихся в школах, не дожидаясь возраста наследников, но на последние вопросы не дал удовлетворительного ответа, а этим ослабил и первое определение; определено было только, чтобы плата за дворы наследников производилась не по купчим, а по особой оценке, в предотвращение лишних со стороны владельцев запросов, но по прежним указам из церковных же денег; хотя старосты и показали, что этих денег в требуемом количестве не имеется, но на это важное показание внимания не обратили⁸¹. Вопрос о церковных местах так и остался нерешенным, а вместе с тем осталась неподкрепленной и привилегия ученых кандидатов на священные должности пред наследниками; плата за церковные места в пользу последних по-прежнему продолжала взиматься с первых, а не из церковных денег, причем духовная власть для облегчения поступавших на наследные места и защиты их от прижимок со стороны наследников только и могла воспользоваться узаконением об оценке наследных домов, которую в некоторых местах и назначено было производить при

посредстве епархиальных чиновников, экспертов из лесных торговцев и депутатов от прихожан⁸².

Таким образом, вместо уничтожения владельческих отношений наследников к церковным местам, пришлось напротив даже утвердить их, признать официально, что лишить наследника его наследного места в пользу более достойного кандидата из ученых можно не иначе, как окупив это место по оценке. Детям духовенства, у которых в виду имелось наследственное место, оставалось еще довольно вероятности обойтись и без школы, в которую их тянули и которую они считали для себя лишней с своей практической точки зрения. При всем том новые требования времени не могли не произвести сильного потрясения в наследственных отношениях духовенства к церковным местам, доселе развивавшихся свободно и без всякой помехи. Новый принцип избрания кандидатов на духовные должности по степени подготовки их к духовному служению, помимо родовых счетов, был провозглашен решительно и поддерживался духовною властью постоянно, нередко уступая силе противных ему условий практики, но не ослабевая в своей внутренней силе; привилегированными кандидатами священства для архиереев становились теперь школьники их собственных архиерейских школ, а наследники с своими правами очутились в таких же отношениях к архиереям, в каких были когда-то полуграмотные мужики – избранники приходских общин в сравнении с детьми духовенства. Такое натянутое положение их, при всей силе владельческих прав на церковные места, не могло продолжаться постоянно, и наследникам рано или поздно, но необходимо нужно было позаботиться о том, чтобы свои старые, со всех сторон колеблемые права, подкрепить новыми, каких требовало новое время и которые давала человеку архиерейская школа. Собственно наследственности духовного служения школа эта нисколько не подрывала, потому что сама была сословно-специального характера и для посторонних лиц не духовного происхождения стремилась сделаться со временем совсем недоступною.

Но пока еще школы заводились, пока шло в них образование новых кандидатов на церковные места, пока число этих кандидатов возросло до того, что неученому человеку действительно становилось трудно поступать на церковную службу, прошло много времени, в течение которого в среде духовенства шла упрямая оппозиция против обязательности школьного образования. Нужды в этом образовании, которого не знали ни отцы, ни деды, благополучно служившие при церквях и без него, не понимали, видели в нем только потерю времени и лишние тяжести. Прежде сын духовного лица выучивался часослову и псалтири у своего отца или мастера, спокойно оставаясь при своей семье, и не только не требовал расходов на свое содержание в школьном городе, а еще сам приносил семье доход, с ранних лет служа при родной церкви в низших должностях клира и при этом практически готовясь на отцовское или другое наследное место; теперь нужно стало лет с 10 или 13 ехать в епархиальный город, с чувствительными издержками, далеко от семьи, менять свободную жизнь у себя в деревне на монастырское заключение в школе, на жизнь, стесненную с утра до вечера формами, на глазах строгих префектов с лозами в руках, кроме того учиться там какой-то новой науке, латинской, едва ли даже не еретической, во всяком случае совершенно ненужной с тогдашней привычной точки зрения на подготовку к духовному служению. Воображая все трудности мудреной науки и все строгости школьной жизни, о которых с такою любовью говорит наприм. Ифика-иерополитика, ряд наказаний весьма нелегких в школах Петровского времени, тогдашнее духовенство составило о школах понятие, как о месте мучения, и с величайшей скорбью отдавало туда своих детей. Недаром Д. Регламент сравнивал набор детей в школы с набором в солдаты. В одной интермедии начала XVIII в.⁸³, до нас сохранился горький плач дьячка, у которого отобрали „на муку в проклятую серимарию (sic)” детей:

«О мои детушки сердечные!

Не на учение вас берут, но на мучение бесконечное...

Лучше б вас своими руками в землю закопал,

Нежели в серимарию на муку отдал».

Ни угрозы, ни привилегии не могли подействовать на сердобольных отцов и набор в школы шел чрезвычайно туго. Кроме того немало было хлопот с духовными детьми и после того, как их удавалось заманить в науку; вкусив сладости школьной жизни, о которой говорил Д. Регламент, ученик, улучив время, бежал из школы домой к родным пенатам, где посыльные из школы или из монастырского приказа с трудом могли его отыскать, чтобы препроводить обратно в кандалах для продолжения учения; сами же отцы укрывали своих беглых детей, несмотря на то, что за это Синод угрожал лишением должности.

Одних указов об отдаче детей в школы оказывалось мало; поэтому для поддержания требований об обязательности школьного учения пришлось прибегнуть к более решительным мерам. Осенью 1722 г., вероятно вследствие полученных тогда сведений о малом числе поступающих в школы, св. Синод издал указ переписать всех священно-служительских детей годных по летам в учение как в московской, так и в других епархиях, и по переписи „производить их по вышеобъявленному в Д. Регламенте определению в школы”⁸⁴. Осенью следующего 1723 г. на духовные школы обратил внимание сам государь и при свидании с архиепископом Феодосием Яновским, вице-президентом Синода, объявил ему свою волю, чтобы духовных детей, которые учиться могут, духовные начальства непременно набирали в школы; „а которые, прибавил он к этому, в учении быть не похотят, тех имать в школы и неволею и учить их в надежде лучшего священства, как Д. Регламентом определено”. Феодосий объявил этот словесный указ Синоду, а Синод „без всякого медления” разослал его по епархиям, определив, чтобы учеников для школьного учения имали между детьми духовенства от 7 до 18 лет⁸⁵. С этих пор, в епархиях, где были заведены школы, стали ежегодно пред началом учения делать нечто вроде смотра духовных недорослей, для чего их или привозили в епархиальный город, или собирали у окружных духовных управителей и заказчиков; здесь производился им разбор по летам и отчасти по способностям, после чего годные записывались в школу и вверялись школьному начальству. Для

наблюдения за успехами школьного учения указом от 14 февраля 1724 г. школьным начальствам велено подавать Синоду рапорты ежегодно два раза (в январе и июле) с обозначением, кто в каких науках и с которого времени обучается, с каким прилежанием и совершенством, на манер таких же рапортов, заведенных по светским школам для подачи в Сенат⁸⁶.

Вводя обязательное школьное учение среди духовенства, св. Синод в то же время торопил заведением школ самих архиереев, постоянно напоминая им в своих указах известное распоряжение Д. Регламента и отличая тех из них, которые показывали наибольшую ревность к распространению школьного образования⁸⁷. Самыми ранними школами, явившимися в первый же год по открытии Синода, были школы петербургские и нижегородские.

В Петербурге школа была открыта по указу архиеп. Феофосия при Александро-Невском монастыре, от которого и содержалась. По своему курсу она впрочем не подходила к типу новых школ, требовавшихся Д. Регламентом, была только словенскою. Сначала один, потом два учителя из новгородских школ учили в ней славянской грамоте, грамматике и цифири; поэтому она занимала среднее место между славянскими и цифирными школами. Большинство учеников, учившихся в ней, было из светского звания, из детей канцелярских, и монастырских служителей; в 1725 г. число их простиралось до 82 человек⁸⁸.

По мысли Регламента в Петербурге следовало открыть академию с семинарией, и Феофан Прокопович, как автор Регламента, взявшись за это дело, в начале 1721 г. входил уже в новоучрежденный Синод с докладом о нужных для семинарии постройках, о приеме учеников, выборе учителей и названии училищного дома. Учеников советовал он принимать не старше 10 лет, „ибо такового возраста дети еще не вельми обучились злонравию, и если обучились, однакож не закрепили обычаем, и мощно таковых не трудно отучить, також бунтовать и бежать прочь не могут еще”. Учителей предполагалось приискать „не каковых ни есть, но изрядных и свидетельствованных, из

академий иноземных. Не надобе опасатися, дабы оные детей наших не совратили к своей богословии, ибо мощно им артикулами определить, чего оные учить будут должны, и надсматривать, не учат ли нечто нашему исповеданию противное. А именно преподавали бы они только учения внешние, языков, философии, юриспруденции, истории и проч., а не богословских догматов, которых учиться имеют ученики от единовѣрных себе учителей. И если не опасаются господа русские посылать детей своих во академии иноземские, где учителя свободно свои мнения предлагают, то для чего бы опасаться у нас, где они артикулами и надсмотрением как бы связаны будут” Назвать академию предлагалось Петергартен в память ее великого фундатора⁸⁹. Местом для академии назначен дом кунсткамеры на берегу Невы против Охты. Составлены были план и смета для построек. Феофан с своей стороны хлопотал о средствах на эти постройки и содержание академии, предлагал употребить на это дело несколько тысяч венечных денег смоленского архиерея, которые этот просил употребить на постройку каменной церкви, предлагал даже помещение у себя в доме для 30 учеников, прося только освободить его взамен этого от постоя солдат. В декабре 1721 государь велел отпустить на академию до 2000 рублей. Постройка началась в 1722 г., но за недостатком денег в том же году остановилась, и для академии предоставлен был дом умершей царевны Екатерины Алексеевны. Она и тут впрочем не успела водвориться. В августе 1724 г. Синод просил государя назначить средства для довольствования учеников, учителей и прислуги, но дело об этом затянулось до кончины Петра, а при его преемниках остановилось совсем. Дом царевны ветшал и разваливался, а ремонта в нем не производили; пока еще можно было в нем жить, он употреблялся на жительство разных лиц; одно время была в нем артиллерийская школа; потом в нем жили придворные птичьи охотники. Наконец в 1743 г. св. Синод совсем отказался от него за его негодностью, после чего им овладела полиция и распилила его на дрова⁹⁰.

Между тем в том же 1721 г., когда началось дело об академии, Феофан завел собственную школу в своем

петербургском доме на р. Карповке для бедных детей всякого звания. В ней преподавались: закон Божий, русский, латинский и греческий языки, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия, география, история и рисование. В числе учителей ее значатся: знаменитый датчанин Адам Селлий и профессор академии наук Теофил Сигфрид Байер. Феофан очень любил свою школу, употреблял на нее много денег и попечения и успел сделать ее лучшею школою своего времени. Для нее он написал особую, весьма полную инструкцию, которая по содержанию своему была выражением и развитием тех же педагогических взглядов, какие он высказал раньше в отделе Регламента о домах училищных; в ней узаконяется та же строгая дисциплина с точным распределением часов для занятий и увеселений, тот же строгий надзор за учениками, то же отрешение школьной жизни от всяких посторонних влияний и проч. Некоторые пункты ее даже носят на себе ясные следы иезуитского происхождения, наприим.: „никогда двоим, ниже троим не отлучаться от прочих в сторону и тайно ничего с собою не говорить, но говорить явно и в слух прочим. Но и в компании с другими ничего отнюдь в ухо другому не шептать. Один с другим писемцами б не пересылались, и если сие учинит, то хотя б что доброе писал, жестоко яко бездельник наказан будет; тож получит и тот, кто от одного до другого переносить или передавать письменно будет. Никому никуды в сторону писем, не объявив их прежде директору, не посылать; також и кому откуду, хотя от родителей письма присланы будут, не распечатывать и не читать, но нераспечатанные подавать директору, и когда он распечатав и прочитав отдаст, тогда читать мощно”. Так как директору невозможно было уследить за всеми мелочами регул семинарских, то узаконялись доносы учеников друг на друга; доносить велено всем без исключения и обо всем, что увидят или услышат непозволительного, под страхом жестокого наказания за утайку, равного наказанию за утаенное преступление. – Для развлечения учеников Феофан завел при школе сценические представления и музыку, для обучения которой учеников дозволено было иметь даже наемного

учителя, что тогдашние ревнители церкви считали весьма предосудительным. Школа Феофана держалась до самой его смерти, а потом упразднилась⁹¹.

В Нижнем Новгороде школьное обучение завел в том же 1721 г. известный ревнитель православия против раскола архиерей Питирим. По его распоряжению при архиерейском доме устроено три школы или класса: еллино-греческая, славяно-российская и букварная. Впоследствии Питирим завел и латинский класс, но на первых порах он оставался верен популярному в Великороссии славяно-еллинскому типу духовного образования. Учеников собрано было очень много; в букварном классе их было 427, в славяно-российском 110, в греческом 48; число это тем удивительнее, что ученики учились на своем содержании за скудостью хлеба в епархии, а от архиерейского дома только давалось содержание учителям и покупались учебные пособия. В 1724 г. Питирим подал в св. Синод доношение об успехах своих школ, в котором значилось, что из 427 школьников, поступивших в букварный класс, 132 человека кончили уже курс и производились епархиальным начальством в должности на разные церковные вакансии. Св. Синод решил: „послать оному епископу от лица св. Синода грамоту... с похвалою, понеже его архиерейским прилежанием в доме его обучалось и обучается священнослужительских детей многое число”. К концу царствования Петра успели разойтись по местам и остальные из 427 первоначально набранных в школу букваристов и букварный класс совсем был закрыт, так как вновь учить букварю духовных детей епархиальное начальство отказалось, предоставив это обучение их родителями и оставило у себя в школе только два класса, славянский и еллинский⁹².

В следующем 1722 г. началось дело об открытии тверской школы. Архиереем тверским в это время был Сильвестр Холмский, переведенный в Тверь из Смоленска. Побуждаемый указами св. Синода, он распорядился собрать учеников и назначил для обучения их шестерых учителей из местного духовенства. Место для школы отведено при Федоровском монастыре, который предположено приписать к архиерейскому

дому; вместе с тем проектированы план и смета для семинарских построек и средства для содержания заведения. Но этими распоряжениями заботы Сильвестра о школе пока и ограничились, потому что в конце года состоялось распоряжение о переводе его на рязанскую кафедру. Предначертаниями его воспользовался уже преемник его по тверской кафедрой, Феофилакт Лопатинский, который после многих хлопот в 1724 г. действительно устроил школу, доселе помещавшуюся на частной тесной квартире, в Федоровском монастыре. Учеников в тверской школе, собранных еще при Сильвестре, было 39. Обучение их ограничивалось славянскою грамматикою и букварем⁹³.

В 1723 г. враз открылось пять школ: в Казани, Суздале, Коломне, Вятке и Холмогорах. Казанская школа была заведена митрополитом Тихоном при архиерейском доме. Учеников собрано было 52 человека, но к концу того же года их оставалось всего пятеро, – прочие, кто отказался от школы по бедности, так как все ученики должны были содержаться на своем коште, кто оказался тупым и неудобным к принятию науки, некоторые отпущены учиться по домам, а большая часть бежали. В 1724 г. опять было собрано до 36 учеников из русских и 13 из инородцев – татар и черемис, но в марте этого года м. Тихон скончался, оставив свою школу неустроенною и не сделав никаких распоряжений для обеспечения ее существования. Он был человек престарелый, больной и мало занимался школьными делами; поэтому школа организовывалась при нем почти сама собою. В учителя ее попал один польский шляхтич Свенцицкий; поэтому, может быть, в курс ее и вошел латинский язык, хотя митрополит и был коренной великорусс. Свенцицкий обучал чтению и письму, по-славянски и по-латыни, букварю, грамматике и четырем правилам арифметики, или, как он сам писал для пущей важности в своем отчете: „букварей наизусть, толкований грамматических четырех статей, орфографии, этимологии, просодии орфографийной и синтаксии осми частей слова, уравнений, окончаний родов, склонений, спряжений, такожде диалекта латинского, вокабул, сентенций, деклинаций и регул

со экспликациями и писания того же диалекта, о 7 тайнах церковных, гратуляций и приветствий различных, комедийных акций, которые различно с начала учения целебровались повсягодно в семинарии казанской публичне, також интермедий, арифметических частей, – нумерации, аддиции, субстракции, мультипликации и прочего обхождения политического, к семинарии принадлежащего⁹⁴.

В Суздале школу открыл архиерей Варлаам Леницкий из малороссов, но не успел ввести в нее латинского языка, за скорым переводом своим на коломенскую кафедру; 109 учеников, собранных им, засажены были пока за буквари и грамматики. Но в Коломне, куда Варлаам прибыл в том же году и где тотчас же набрал 30 учеников, он с самого начала школьного обучения, кроме букваря, велел преподавать в школе латинский элементарь⁹⁵.

В Вятке школа открыта епископом Алексием из великоруссов, о котором историк вятской иерархии Платон Любарский прямо говорит, что он, как и его антецессоры, был из неученых дворян. Школа его едва держалась без попечения начальства до 1730-х годов, когда за устройство ее принялся ученый преемник Алексия Лаврентий Горка. При Алексии 35 учеников учились „славянской азбуке, часослова, букварей, псалтири, толкования блаженств евангельских и писать; а более, прибавлено в отчете о школе, другим наукам учить некому, для того что таких учителей во оной вятской епархии не обретається”. – В Холмогорах заведена была такая же славянская школа. Учеников было сначала 39, потом 59; учили псалтирь, часослов, букварь и грамматику⁹⁶.

К числу школ, возникших в 1722–1723 гг., нужно причислить еще белгородскую, основанную епископом Епифанием и бывшую колыбелью известного потом харьковского коллегиума, который был открыт уже в 1726 г.; как при открытии своем, так и после, когда в Харькове возник коллегиум, белгородская школа ограничивалась только первоначальным обучением детей грамоте, письму и букварю⁹⁷.

В 1724 г. архиерей Павел завел школу в Вологде и собрал в нее 45 учеников; курс обучения ограничивался букварем и

арифметикой. Вероятно эта школа была в связи с бывшей здесь же школой арифметической, может быть из нее и преобразовалась, по крайней мере известно, что из 45 учеников в ней было 27 подлежащих приписке в подушный оклад, которые из нее вскоре и были взяты. Школа эта существовала недолго и в 1725 г. распущена вся по неизвестной причине, вероятно по случаю кончины архиерея Павла⁹⁸. – В том же 1724 г. основана духовная школа в Рязани, или точнее в Переяславле рязанском, где архиереем был переведенный из Твери Сильвестр Холмский. Предшественник его м. Стефан Яворский, будучи в постоянном отсутствии из своей епархии по делам высшего церковного управления, при своей жизни так и не успел завести своей архиерейской школы, и рязанская епархия должна была довольствоваться одною цифирною школою, открытой здесь в 1722 г. и содержавшейся от сбора с церковей хлеба⁹⁹. Наряду с светскими учениками, детьми дьяков и подьячих, в ней учились и дети духовенства. Епархиальное начальство впрочем в том же году отделило их от первых в особую группу, из которой потом и образовалась архиерейская школа. В то время, как первые преимущественно обучались арифметике, детей духовенства обучали главным образом чтению, письму, пению и учению веры по букварю. В 1724 г. Сильвестр стал формировать особую архиерейскую школу, отвел ей место в Семионовском монастыре, собрал до 70 учеников и для внутреннего устройства ее приказал списать в тверском училище пункты, к учреждению школ служащие, но учения за неимением учителей не открывал до самого своего отъезда из Рязани в Казань, куда он переведен в 1725 г. уже по смерти Петра¹⁰⁰.

В июле того же 1724 г. пришло в св. Синод любопытное донесение из далекого Иркутска от вознесенского архимандрита Антония Платковского. Он тоже вздумал заводить у себя школу для обучения духовных детей и сирот монгольскому и китайскому языкам. Везде, писал он, по епархиям посланы указы о заведении школ, только вдовствующая иркутская епархия не получала такого указа, а обучение монгольскому и китайскому языкам в Иркутске нужно. В 1721 г. посланный в

Китай капитан Измайлов однажды был в большом затруднении, получив грамоту на монгольском языке и нигде не найдя знающего переводчика, и тогда же говорил ему Антонию: „иезуиты из Европы ездят к монголам и китайцам и язык их довольно знают, не имея никакого эксцесса пограничного, а наше де духовенство и пограничного языка не умеет”. По совету Измайлова он, Антоний, тогда же начал хлопотать о заведении монгольской школы, для чего нарочно ездил к тобольскому митрополиту Антонию за благословением, но получил от него такой ответ: „чего де не бывало давно, нечего того вновь и вымышляти”. Начав вновь то же дело, Платковский предлагал школу монгольскую поместить в Вознесенском иркутском монастыре, а на содержание ее приписать к нему Преображенский забайкальский монастырь и обратить к нему же в крестьянство вкладчиков, которые поселились на его землях и только пустошили его, находясь на полном его содержании. Св. Синод согласился на все пункты этого доношения и школа была открыта. Первоначально она была специально монгольская, потом уже после смерти Петра расширила свой курс преподаванием русского языка и явилась в том виде, в каком были другие духовные школы по епархиям¹⁰¹.

Таким образом в течение четырех лет после учреждения Синода успело возникнуть до 13 школ в разных епархиях. Школьное обучение распространялось довольно поспешно, но, несмотря на все побуждения, какие шли сверху к епархиальным начальствам, непременно и как можно скорее заводить школы по всем епархиям, оно все-таки не успело сделаться при Петре повсеместным да и там, где уже было заведено, большею частью не успело утвердиться на прочном основании и подвержено было в своем существовании разным случайностям. Современники приписывали замедление в открытии школ при некоторых архиерейских кафедрах не одному отвращению от учения со стороны низшего духовенства, но и самим архиереям. „И сего не вем, чего ради тако деется, писал Посошков, токмо мню, аще и страшно ми изреши, дабы архиерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вем, како ми восписати, понеже аз признаваю, еже от оплошки арихерейския

такое чинится”¹⁰² Некоторые из великорусских архиереев действительно показали большое нерасположение к киевским нововведениям, к числу которых относили и учреждение школ, принимались за это дело неохотно, тянули его, а после смерти грозного царя, „вменяя себе в добродетель все прежде небывалое в России истреблять без остатку”¹⁰³, немедленно распускали собранных учеников по домам, а школы закрывали. Но одну архиерейскую оплошку все-таки никак нельзя считать единственной причиной не столь быстрого и прочного заведения школ, какое бы желалось. Припомним, что даже такие архиереи-ревнители образования, как св. Димитрий ростовский, принуждены были иногда почти вовсе отступаться от тяжелого школьного дела и горько жаловались на неблагоприятные для него условия. Как только началось устройство школ по Д. Регламенту, так и архиереи, и сам св. Синод встретились при этом с непреодолимыми на первый раз препятствиями, какие представляла крайняя скудость как материальных, так и духовных средств по епархиям.

Правда, некоторые архиерейские дома были богаты, но другие никак не могли покрыть тех расходов, какие сопряжены были с заведением и содержанием школы. Хлебный сбор с церковных и монастырских земель, положенный Регламентом в самую основу школьной экономии, кроме того, что требовал для своей организации времени, сам по себе был источником непостоянным, вполне завися от степени местного урожая хлебов в тот или другой год, и кроме того сопровождался большими затруднениями при его доставке в школу, особенно из отдаленных от нее приходов и монастырей тогдашних огромных епархий. В 1724 году в новгородской епархии придумана была мера, направленная к устранению этих неудобств: хлебный сбор для церкви заменен был денежным, по 4 алтына и 4 деньги с каждой четверти земли, а доставка хлеба натурой оставлена за одними монастырями; „понеже, писалось в архиерейском указе, новгородская епархия имеет расстояние великое, и за таким в дальних верстах расстоянием тем церковным служителям каждому своя часть хлебом в Великий Новгород привозить зело трудно и убыточно, ибо с тех

церковных земель имеет быть токмо четверика по 3, а с малоимущих по четверику”, – монастыри же, как более или менее крупные землевладельцы, могут менее стесняться доставкой натурального сбора¹⁰⁴. Но при этом не обращено было внимания на тяжесть такой замены для духовенства в годы неурожайные, потому что денежный сбор назначен был уже не с приплодного хлеба, как узаконено было Регламентом, а с самой земли, давала ли она надлежащий доход владельцам, или нет. Наконец, количество хлебного сбора по разным епархиям было чрезвычайно неравномерно, так как зависело от количества поземельных наделов у церковных учреждений; в одних епархиях не только монастыри, но и многие церкви имели большие земельные дачи: в других церкви большею частью вовсе не имели земель, а монастырей было мало, так что введение хлебного сбора для содержания школ было почти бесполезно. Но обратимся к фактическим данным.

В 1727 г. верховный тайный Совет потребовал от Синода сведений: „при всех ли епархиях школы и ученики по силе Д. Регламента содержатся? Сколько в которой епархии тех учеников сначала было и ныне обретается, и до каких наук произошли, и в какое достоинство куда произведены? А буде зачем в которой епархии таковых школ и учеников не содержится, о том объявить именно. И по силе того Регламента на пропитание учеников всякого хлеба, от монастырей 20, а от церковных земель 30 часть, берется ли?” В ответ на этот запрос св. Синод, на основании донесений из епархий, составил подробную ведомость о всех школах своего ведомства, представляющую любопытные данные касательно состояния, в каком они остались после смерти Петра.

Из этой ведомости оказывается, что в некоторых епархиях школ вовсе не было открыто, как-то: в крутицкой „за неимуществом монастырей”, в переяславской „за скудостью епархии, в которой и служителей небольшое число содержатся с нуждой”, в астраханской затем, что „оных школ и учеников содержать нечем, понеже при доме архиерейском и монастырях и при церквях никаких вотчин и земель не обретається”. В других епархиях хлебный сбор производился не сполна, или вовсе не

производился за бедностью церковных учреждений. Так, в Белгороде „церковники своих детей учили сами собою, а которые за крайнею скудостью прокормиться не могут, сказано в ведомости, те питаются от дому архиерейского в учрежденной бурсе, а монастыри весьма скудны и доходов ниоткуда не получают, питаются своими трудами и мирским подаянием”. В коломенской епархии хлеб собирался только с некоторых монастырей за бедностью остальных; с церковью назначен был годовой сбор, с каждой по 3 четверти хлебом и по 5 коп. деньгами, безотносительно к годовому количеству хлеба приплодного, как в Новгороде. В вятской епархии за недородом и скудостью хлеб не собирался вовсе и школа содержалась исключительно на средства архиерейского дома. В Нижнем архиерейский дом содержал только учителей и покупал на свой счет учебные пособия, а ученики все учились на своем коште; хлеб не собирался, „потому что в епархии имеется знатный один Печерский монастырь, но из него оставшийся за братским расходом и за семенами хлеб, по присланным указам, берется повсягодно в Москву, а на другие расходы держать не велено, а в прочих во всех монастырях за братскими расходами не токмо повсягодный какой остаток хлебу бывает, но еще многий имеется и недостаток. Также и при приходских церквях у священников с причетники церковных земель, с которых они данные деньги платят, нигде довольных не обретаются, и ежели от тех земель взять у них законные части, священником с причетники, за малоимуществом тех церковных земель, в пропитании будет немалая тщета. И того ради, во общую тех священников с причетники пользу, в вышереченные школы к принадлежащим наукам брались, по распоряжению преосвящ. Питирима, дети от таких отцов, кои б могли во время бытия в тех школах довольствоваться сами своим коштом”. В Холмогорах в год собиралось 134 четверти хлеба, но по недостаточности этого количества архиерейский дом должен был делать к нему значительные прибавки от себя, наприм. выдавал ученикам соль, масло, капусту, рыбу, молоко и проч., также дрова. Из тобольской епархии писали, что по скудости церковей и монастырей хлеб там не собирался, – только с Далматова

монастыря присылалось небольшое количество солода на квас школьникам. В иных местах епархиальные начальства принуждены бывали вдруг переводить всех учеников с своего содержания на их собственное за случайным оскудением хлеба, вследствие неурожая, как наприим. случилось в тверской епархии, а то даже и вовсе распускали их по домам. Из Казани писали, что по распоряжению архиерея весной 1723 г. „за недостаточеством студентам пищи и одежды, отпущено детей в дома свои до указу – 9, да из малолетних отдано отцам их для обучения в домех своих часословцев и псалтырей – 11, выпущено в подушный оклад– 3, за неудобностью и неприятием науки отослано 2, умерло 6, в побеге 14, в священнический чин произведены 2”; в школе налицо осталось всего-навсего 5 человек. В суздальской и вологодской епархиях все ученики распущены по домам; впрочем это случилось уже после смерти Петра и было, кажется, проявлением архиерейского нерасположения к школам; в Вологде при этом и хлеба несколько собрали, но по роспуску учеников он был употреблен на засев архиерейской земли. – Указаны и другие причины недостаточности средств к школьному содержанию, которые зависели уже от самого правительства. Так, мы видели, что из Нижнего остаточный хлеб велено было брать в Москву. Из рязанской епархии, по указу царя, он весь поступал „на синодальное правительство”. Из Ростова доносили, что хлеб там не сбирался „за недородом, да и для того, что хотя где остаточный хлеб за семена и за обыкновенными расходами и был, и оный бран в Москву в камер-контору и генералитету, от чего ученикам в обучении учинилась остановка, того ради они распущены в дома свои, со взятием у отцов их сказок, дабы показанным наукам (чтению и пению) обучали в домех своих”¹⁰⁵. Из этой же ведомости видим также, что ни хлебный сбор, ни другие источники содержания школ, завесившие от архиерейских домов, при Петре не успели еще получить надлежащей организации. Дело было совершенно новое, как следует не выясненное, и потому вполне еще зависело от большей или меньшей находчивости и энергии местных архиереев. Св. Синод общих способов для содержания школ не

имел, а местных источников не знал и руководить их употреблением был не в состоянии. Незнание эта простиралась до того, что в Синоде не в состоянии были определить даже приблизительных цифр архиерейских и монастырских доходов по епархиям; само правительство должно было назначать свои окладные и неокладные сборы с церковных учреждений почти наобум. Несмотря на то, что указы о составлении экономических ведомостей и инвентарей по церковному ведомству выходили один за другим непрерывно еще с 1701 года, ведомости эти так и не были составлены в полном и определенном виде во все время царствования Петра, а между тем без них центральная администрация не могла составить ни точных штатов для архиерейских домов и монастырей, ни назначить общих окладов на школы, о которых не раз возникал у нее вопрос. В конце 1724 г. вице-президент Синода Феодосий Яновский предлагал внести вопрос о содержании духовных школ на рассмотрение в конференции Сената с Синодом, имеющей состояться по представлении сочинявшихся в Синоде ведомостей о содержании церковных учреждений для апробации государя. Св. Синод приговорил: „о оном школ содержании, коликих где учителей и учеников на каком денежном и хлебном трактаменте и прочем довольстве иметь, о том учинить с правит. Сенатом конференцию, на которой предложить синодальное мнение, что надлежит в генеральном о архиерейских домах определении, по учиненному в Д. Регламенте определению, на содержание в архиерейских домах школьных учителей и учеников и на прочие их потребности, назначенную от каждого монастыря двадцатую долю всякого хлеба из числа собираемого хлеба для отдачи в архиерейские дома выключать особно и из тех монастырей отсылать непременно; а о денежных на то школьное содержание доходах, в которые дома поколику откуду определить, о том дабы учинено было рассмотрение в правит. Сенате, в который для того сообщить ведение по обыкновению”¹⁰⁶. Вслед за этим во все епархии разосланы были грозные указы немедленно составить ведомости, требуемые к генеральному определению об архиерейских домах

и монастырях, и представить их в Синод¹⁰⁷. Но такие же грозные указы с строжайшими подтверждениями и назначением штрафов за промедление неоднократно посылались и прежде, а дело о ведомостях плохо подвигалось вперед; не подвинулось и теперь.

Вследствие таких обстоятельств все материальное благосостояние духовных школ должно было зависеть единственно от епархиальных начальств, а не от центральной духовной администрации. По донесениям из епархий о скудости архиерейских домов и монастырей св. Синоду ничего не оставалось делать, как только посылать архиереям разрешение на сокращение числа учеников по расчету местных средств к их содержанию. В 1723 г. митрополит тобольский Антоний доносил св. Синоду, что при его доме в школе состояло до 90 учеников, и просил указания касательно средств к их содержанию: архиерейский де дом скуден, за недородом и служителей своих всех прокормить не может, церковных вотчин нет, монастырей обильных хлебом поблизости Тобольска не обретается, – едва на братию достает, а по Д. Регламенту следует брать на школы из одних хлебных доходов. Синод отвечал на это только ссылкой на тот же Регламент и прибавил, что, если по скудости „довольного числа школьников содержать не можно, то содержать толико, коликим возможно удовлетворенным быть, без излишества”¹⁰⁸. После такого рода распоряжений св. Синоду, разумеется, не приходилось быть особенно взыскательным и в том случае, когда где-нибудь архиерей и совсем распустил свою школу, донося, что хлеб не уродился по всей епархии, и ученикам содержаться решительно нечем. В тех случаях, когда сами архиереи указывали ему усмотренный ими новый источник содержания для своих школ, он был очень доволен и посылал с своей стороны полное разрешение этим источником пользоваться. Сюда можно отнести любопытный указ от 20 ноября 1724 г. в Белгород в ответ на просьбу епископа Епифания, который усмотрел, что в с. Каплуновке ахтырского полка при чудотворном образе Богоматери много находится дорогих привесов, а причт приходской церкви получает много дохода от молебнов, и просил позволения

воспользоваться этими привесами и доходом в пользу своих школ. Св. Синод определил: привесы, как запрещенные законом, отобрать на содержание школ, а для молебнов определить иеромонахов архиерейского дома, которым и собирать все молебные доходы с надлежащими записями в книги, „и что собрано будет, по присылке в дом употреблять на означенных школьных учителей и учеников содержание, а в другие расходы отнюдь никуда не держать”; членам причта каплуновского довольствоваться своими обычными церковными доходами и в сборы иеромонахов архиерейских не вступаться. Св. Синод не побоялся в этом случае отменить даже распоряжение кн. Меншикова, который когда-то, по просьбе каплуновского причта, сам разрешил ему пользоваться доходами от иконы, принадлежавшими прежде Ахтырскому монастырю¹⁰⁹.

Одной из самых рациональных облегчительных мер для школьной экономии было дозволение младшим школьникам получать начальное элементарное образование вне школы, причем обязательность обучения духовных детей могла оставаться во всей силе, а между тем в школе устранялось чрезвычайное и почти бесполезное для дела скопление мальчиков, которые легко могли обучиться грамоте и дома или у старых приходских мастеров, не отрываясь от необходимой для них по их возрасту семейной обстановки и не обременяя своим содержанием архиерейского дома. Прямых распоряжений об этом от высшего начальства не было, но практика, как видим из указанной ведомости, в некоторых епархиях очень рано прибегнула к такой мере, а со временем сделала ее повсюдною. Таким образом на деле само собой обнаружилось, что администрация навязала новой духовной школе слишком непосильную для нее задачу не только в педагогическом, но и в материальном, экономическом отношении. Сама жизнь требовала отделения элементарного обучения от профессионального и поддержки старых приходских школ, на которые администрация теперь вовсе не желала обращать внимания. Приходские школы и мастера оставались на своих местах по очевидной в них нужде и продолжали свое скромное

дело распространения грамотности, как дело частное и свободное, без всякой материальной поддержки со стороны властей, какая требовалась для школ новых и даже без всякого руководительного надзора. Пока архиерейские школы только лишь устраивались и число выпускаемых ими привилегированных кандидатов на церковные места было невелико, эти частные школы и мастера оставались даже самыми главными источниками для образования духовенства и давали наибольший контингент кандидатов на духовные должности. Такое значение они сохраняли не только при Петре, но неопределенно-долгое время и при его преемниках¹¹⁰. Не обращая на них внимания, духовная администрация очевидно уже слишком увлекалась своими утилитарно-служебными видами и надеждами исключительно на одни свои собственные духовные школы. Только в одной новгородской епархии встречаем со стороны епархиального начальства попытку поставить элементарное образование под свой надзор посредством заведения общеобразовательных низших школ в главных пунктах епархии от архиерейского дома и назначения в них учителей из учеников архиерейской школы, попытку скоро впрочем оставленную без внимания; – об этом предмете мы еще будем говорить после. Приходские и др. низшие частные школы с их мастерами так и остались в стороне от современного просветительного движения, а духовная власть между тем от этого самого выпустила из своих рук важнейшую для ее попечений сторону народной жизни, – народное образование.

Не менее материальной скудости развитию духовных школ мешала скудость в средствах духовных. Как только в епархиях приступили к практическому осуществлению планов Д. Регламента, так прежде всего возник вопрос о том, откуда взять нужное число способных учителей новых латинских учений. Московскую академию еще кое-как удалось наполнить ими из Киева. Но удовлетворить такому огромному запросу на них, какой единовременно и почти неожиданно явился на них в разных концах России, один Киев удовлетворить оказывался не в состоянии, а еще взять их было неоткуда. Со временем

московская академия должна была оказать в этом случае большую подмогу для Киевской, но ждать этого было долго. Сами киевляне не совсем охотно отправлялись в великорусские епархии, зная, что их там не особенно жалуют в народе и духовенстве и что единственной поддержки можно там ждать от одного разве архиерея, если впрочем он тоже из малороссов и если его не скоро переведут куда-нибудь на другую кафедру. Неохотно отпускали их туда и их собственные киевские начальства, академическое и епархиальное, сами имея до них немалую нужду. На требования из Москвы прислать в академию таких-то и таких-то ученых монахов из Киева неоднократно отвечали просьбами, нельзя ли оставить их при киевской академии или кафедре, которые тоже крайне в них нуждаются. Так в 1721 г. киевская лавра доносила св. Синоду, что с отъездом требовавшихся тогда в Москву четырех ученых монахов киевские школы „будут праздны и собранные ученики принуждены будут разойтись врознь и за границы для искания учения”. В 1723 г. на подобное же требование о высылке ученых людей киевский архиепископ Варлаам писал, что у него при кафедре и по монастырям по всей епархии такое чувствуется в ученых людях оскудение, что на игуменские вакансии или на послушание казнодейское (проповедническое) и экзаменаторское негде их и достать, особенно с тех пор, как по новым указам стеснили свободу пострижения для желающих монашества, в том числе и для студентов; – Бог весть, где их придется искать и на профессорство в коллегии¹¹¹. Св. Синод сердился на такие представления, делал выговоры, но не мог не чувствовать всей их справедливости. В самом Регламенте говорилось о недостатке в ученых людях и потому позволялось выбирать в учителя архиерейских школ и „неискусных в требуемом учении”, а только „остроумных” людей: „такому повелеть полгода или год самому учиться от авторов в деле том искусных, аще учителем хочет быть”.

Некоторые архиереи-малороссы, отправляясь на великорусские кафедры, успевали заранее запастись учителями в Малороссии, которых и привозили с собой, на место своего служения; другие вызывали желающих, уже поступив на

кафедру и справившись с ее средствами для заведения школ. Но и эти учителя были большею частью из не кончивших академический курс в Киеве, как наприм. упомянутый Маевский в Смоленске. В ведомости св. Синода 1727 г. упоминаются даже учителя польской породы, может быть даже не православные, которыми архиереи, за неимением лучших, спешили воспользоваться для введения в свои школы латинского языка, каковы: в Казани шляхтич Свенцицкий или в Тобольске некто Michaylo Lukaszewicz. Затем в большинстве школ видим все учителей из местного духовенства, изредка из иеромонахов и иеродиаконов архиерейского дома, а большею частью из местных дьяконов, дьяков, пономарей, поповых детей, не пристроившихся к месту, и архиерейских певчих. С помощью таких людей обучение, разумеется, не могло далеко уйти и курсы архиерейских школ должны были постоянно держаться на уровне почти одного элементарного обучения. Вследствие такого недостатка в просветительных средствах св. Синод на другой же год должен был значительно спустить тон просветительных требований, слишком высоко настроенный Д. Регламентом. В указе 31 мая 1722 г. о заведении школ было сказано: „А понеже совершеннейших учений, богословского и философского, такоже и нужнейших языков искусства, еще за скудость довольных к сему учителей, предавать невозможно, того ради учить ныне в архиерейских школах церковнических детей, в надежду священства определенных, по недавно изданным первого отроков учения книжцам, букварями именуемым (сочинения Феофана Прокоповича)... И к тому учению во оные школы, коемуждо архиерею в своем доме, определить умных и честных учителей, которые в книжном чтении были бы остры и разумны, и правоглаголение добре произносить, и ударение просодии, и препинание строчное беспогрешно соблюдать знали и других научить были довольны, и могли б оных учить не только чисто, ясно и точно по книгам читать, но и разуметь, а наипаче так тщались бы им оные буквари в твердую память вложить, дабы изустно читать могли. И как уже тех букварей они изучатся и писать понавыкнут, тогда начинать им во обучение славенскую грамматику, как уже в

новгородской епархии такое букварное в школах тверждение и грамматическое учение, не тоию при архиерейском доме в В. Новгороде, но и в прочих городах и уездах действительно является. А к тому грамматическому учению коемуждо архиерею ученых людей получать, откуда кто возможет, и о том грамматическом учении всеприлежное иметь тцание, дабы тое во общую пользу везде размножалось". Кроме этого, как мы видели выше при рассматривании тогдашнего вопроса об арифметических школах, в архиерейские школы рекомендовалось ввести еще арифметическое учение. Так как в епархиях ощущался большой недостаток в книгах, то св. Синод распорядился о немедленном напечатании потребного числа букварей и о рассылке, как их, так и славянских грамматик (славянская грамматика Мелетия Смотрицкого, изданная Поликарповым в 1721 г.) по всем епархиям по настоящей цене, каковую и взять с архиерейских домов¹¹² Таким образом св. Синоду после широких проектов Д. Регламента волей-неволей пришлось поворотить назад, чуть не к старому допетровскому идеалу обученного человека, ограничив свои требования в деле подготовки кандидатов на церковное пастырство одною грамотностью, да изучением начатков православного учения и арифметики. Что касается до самой практики духовных школ, то она отставала даже и от этих, более чем скромных, требований.

Кроме двух академий, в наиболее удовлетворительном положении находились школы в черниговской и новгородской епархиях, где школьное обучение было довольно устроено еще раньше Д. Регламента на прежних началах и по местным вкусам. Черниговская школа представляла поэтому тип малороссийских школ киево-латинского направления, какие малороссийские иерархи стремились заводить и по великорусским епархиям. Школа новгородская, возникшая на основе славяно-еллинского образования, наиболее популярного в Великороссии, до конца Петровского царствования продолжала сохранять главные черты направления, данного ей м. Иовом и Лихудами, несмотря на то, что на кафедре м. Иова воссел Феодосий Яновский и в самой школе явился учитель латинских учений, а потому имела особенно важное значение в

ряду школ описываемого времени, обратившее на нее внимание и св. Синода и самого правительства. Остальные школы тянулись уже за этими образцами и подходили более или менее к тому или другому из двух указанных типов.

По своей близости к киевской академии, – этой *almae matris* южно-русского духовного образования, и частому духовному с ней общению, Чернигов издавна отличался развитием духовной учености между всеми городами Малороссии и насчитывал, в своем прошлом, уже довольно много имен, прославившихся в духовной литературе, каковы имена Лазаря Барановича, Адама Зерникава, Димитрия Туптала, Иоанникия Голятовского, Лаврентия Крещановича и др. Черниговский коллегиум¹¹³ быстро достиг такого цветущего по тому времени состояния, что приводил в восторг современников; они величали его черниговским Олимпом, лицеем или вертоградом Паллады, Палладиною ареною, черниговскими Афинами и т. п. Число учеников в нем восходило до 250 человек. Курс его далеко не простирался, доходил только до риторики включительно; но зато еще в 1708 г. коллегиум щегольнул собственной риторикой, которая вышла под названием *Clavis scientiarum, hoc est parva logica, vulgo dialectica ad expoliendas mentes tullionae iuventuti porrecta*. Собственные учебники выпускала пока только сама *alma mater*, и появление *Clavis*'а было поэтому событием весьма блестящим и славным для черниговских Афин. Из названия *Clavis*'а видно кроме того, что, хотя в коллегиуме и не была еще преподаваема философия, но этот недостаток старались вознаградить сообщением ученикам главных правил логики, нужных для тогдашних диспутов, и других проявлений учености, во время преподавания риторики.

Характер школьного строя в коллегиуме был точной копией с характера такового же строя в киевской академии. Латынь стояла в обучении на первом плане с самых низших классов. Прямо после первого обучения мальчика чтению и письму в фаре и инфиме его сажали за Альварову грамматику и латинские вокабулы. В грамматическом классе и синтаксисе Альвар был уже в полном ходу и сопровождался практическими упражнениями в переводах с латинского и польского языка на

славянский и обратно, известных под названием *exercitia* и *occupationes*; в черниговской семинарской библиотеке сохранилась одна тетрадь таких упражнений, выразительно названная *ludus litteralis in arena scholastica*. Тут же начинались разговорные упражнения в латинском языке и вводился в употребление известный *calculus*, длинный лист в футляре, где записывались имена учеников, проговорившихся во время латинского разговора по-русски, или выразившихся по-латыни с ошибками. *Calculus* этот сопровождал учеников из класса и в их бурсацкие комнаты: провинившийся против латыни таскал его с собою до тех пор, пока не успевал сам подловить в латинской ошибке или в русском слове другого, которому и спешил передать опасный футляр; у кого *calculus* переночевывал, тот подвергался на другой день ударам пали или ферулы. При подаче оккупаций учителю ученики могли заявлять *certamina* или споры на сидевших в классе выше их, надписывая на тетради: *certo de loco, de erratis, de diligentia cum domino NN*; а то писалось также *de plagis*, или бедными учениками на богатых: *de pane, de candella* и проч. Наказания за неисправности были весьма суровые. „Мню, говорит одна оккупация, яко должно заболети на сердцу и сотрепетати по рукам и ногам, кто хочет в интих Афинах радоватися душею с честного учения, ибо Екклезиастии глаголи: всякого учения корень горек“. – В пиитике и риторике начинался другого рода *ludus litteralis*, состоявший в изучении разнообразнейших и мельчайших форм речи стихотворной и прозаической, в приучении учеников подламывать под эти формы всякую мысль или, лучше сказать, мысль заменять формою, подбирать наиболее красивые и звонкие слова, делать все возможные амплификации, заменяя одно слово целым потоком синоним и эпитетов, составлять из них полные, симметрические и плавные периоды, и наконец в раскрытии всех внешних секретов силлогистики. Положительных знаний не сообщалось никаких и все учение специально вращалось в области одних форм, сначала языка, потом речи, и наконец всякого рода конклюдзий. Случайно как-нибудь попадавшееся по дороге *in arena scholastica* положительное сведение принималось к сведению и интересовало схоларей

единственно почти со стороны его пригодности для какого-нибудь украшения речи, примера, подобия и т. п., в качестве более или менее подходящего материала для той же *ludus litteralis*, которая составляла начало и конец всей этой формальной учености. Ученость эта давала человеку одну возможность заняться наукой, одни грубые орудия последней, но, если он не восполнял своей односторонности после новым учением и не побеждал ее своим природным талантом, он на весь век оставался с этими орудиями, способными составлять одни свои тонкие силлогизмы и конклюденты, может быть крепкие с формальной точки зрения, но до наивности слабые с точки зрения здравого смысла и прямого взгляда на вещи.

В Великороссии большинство духовенства совершенно не понимало надобности подобного образования и притом же на латинском языке. Предания здешней духовной учености, еще очень пока свежие и не успевшие сгладиться под напором западного влияния, как они сгладились после, тяготели к православной Греции, требовали знакомства с греческим языком и ничего не имели общего с Римом и его латынью. Ни в народе, ни в духовенстве не могли и представить, для чего будущему православному пастырю нужно учиться латинскому языку, когда и греческий язык считался пока необычайно редкою роскошью учености и уделом немногих избранных специалистов. Латинский язык, по тогдашнему убеждению, не годился и в качестве пособия для богословского образования. Посошков писал, что православному богослову незачем изучать труды каких-нибудь Ф. Аквината, Бонавентуры, Висквеца, Бернарда и тем подобных, церкви восточной противных, латинских авторов и что гораздо лучше было бы преподавать в школах догматы веры на основании великих вселенских учителей, св. отцов, а для этого следовало бы перевести все их творения на русский язык. Замечательно, что почти ту же мысль об изучении богословия провел Феофан Прокопович в Д. Регламенте (в разделе о домах училищных). Помимо этого в латинском образовании юго-западной школы того времени действительно было много фиктивного и несостоятельного. Латынь большею частью была какой-то формой без содержания,

пустой вывеской учености, которой самой по себе, понимаемой в собственном смысле, за этой вывеской на самом деле совсем не существовало. Фиктивность эта на юге по крайней мере еще маскировалась знанием самого языка, которое весьма часто и благополучно могло скрывать полнейшее невежество относительно того, что на этом языке преподавалось; в Великороссии и этой маски пока не было, потому что знакомство с латинским языком только что вводилось. Человек без всякого толку зубрил вокабулы, элементарь и первые страницы Альвара по несколько лет и оканчивал курс, дойдя только до синтаксиса, не изучив еще ровно ничего; а в некоторых школах не доходили даже и до грамматики. Собственно говоря, духовенство было во многом право, уклоняясь от представления своих детей в латинские школы. Школа требовала больших жертв и со стороны отцов, и со стороны детей, а между тем плодов от этих жертв не виделось, кроме разве легчайшего доступа к церковному месту. В латинской грамматике, да в каком-нибудь „обхождении политичном, до семинарии надлежащем”, практический ум не видал никакого проку и вовсе не находил резонов менять старые, привычные средства к приготовлению на церковные должности у себя дома на новые, непривычные и сомнительные. Еще далеко было не доказано, кто больше был обыкновенно приготовлен к священнослужительству, псалтырник ли, с детства служивший при церкви и практически изучивший и чтение, и пение, и устав, или латынник из школы, заучивший только несколько вокабул и латинские флексии. При таких условиях очень естественно, что школьное обучение детей казалось для духовенства только тяжелою повинностью, неизвестно для чего ему навязанною, и правительство, радея о школьном деле, должно было заняться такою же охотою за разбегавшимися школьниками, какою оно занималось за всеми, уклонявшимися от назначенных им повинностей.

Замечательно, что на таких недоучившихся латынников весьма дурно смотрели и в самой Малороссии, где латынь была уже старинной и привычной принадлежностью ученых людей. Феофан Прокопович, как мы видели, чрезвычайно желчно

отзывался об этих „школяриках, латиною губы помазавших”, называя учение их „привиденным и мечтательным”, от которого „вкусивши человецы глупейшии бывают неученых, ибо, весьма темни суще, мнят себе быти совершенных”. Латынь их не простиралась далее частого употребления ими слов: *reverendissime, honestissime, pater, frater, dominus, amicus, stultus, asinus, salve, vale, ergo* и т. п., а между тем от гордости и чванства их никому житья не было. На местах своих они постоянно сутяжничали, заводили ссоры, жаловались на оскорбление своей чести и требовали сатисфакции. Прихожане иногда формально просили архиерея, чтобы он дал им в священники человека простого, а не латынника, потому что латынники беспокойно живут¹¹⁴. В Великороссии, разумеется, пока до этого не доходило, но в последствии времени подобные явления обнаружились и здесь.

Заводя по великорусским епархиям латинское учение, иерархи из малоруссов невольно должны были почувствовать, что почва, на которой они сеяли свое семя, была почва совершенно новая и исторически к тому не подготовленная, что учебные потребности здесь вовсе не те, как в Малороссии, и что волей-неволей нужно допустить в учебной программе некоторые приноровления. Сам царь, который требовал образования духовенства и мысли которого были хорошо известны главным заправителям этого дела, вроде Феофана Прокоповича и Феодосия Яновского, далеко не был благосклонен к риторической болтовне и трате времени на изучение в школах таких вещей, которые могли пригодиться после, при большем развитии образования, а не нужны были сейчас, требовал главным образом катехизического учения по каким-нибудь кратким и ясным книжкам, в которых бы заключалось все, что нужно для народного наставления, и учение о главных догматах веры, и правила нравственной жизни, требовал, чтобы учителя, и школьные и народные, не тратя лишних слов, прямо показывали дело, учили кратко и ясно, в чем состоит путь спасения. Когда издано было „Первое учение отроков” Ф. Прокоповича, Петр был очень доволен этой краткой брошюрой с таким обильным катехизическим

содержанием, велел обязательно ввести ее и в школьное, и в частное обучение, а для народа читать по церквам за богослужением вместо Ефрема Сирина и других чтений, положенных по уставу¹¹⁵. При таких неблагоприятных для киевских учений условиях введение этих учений по епархиальным школам пришлось лишь иметь в предмете для более или менее отдаленного будущего времени, а в данное время пока сузить и видоизменить затеянную программу школьных курсов применительно к ближайшим потребностям местного духовенства и народа. Наиболее удачный образчик такого применения представила новгородская школа, пользовавшаяся вследствие этого особенным вниманием св. Синода.

Заняв в 1721 г. кафедру м. Иова, Феодосий Яновский тогда же поспешил было завести в новгородской семинарии латинское учение и пригласил учителя, иеродиакона московского Заиконоспасского монастыря Иоасафа Туркевича¹¹⁶. Латинский учитель сразу занял первенствующее положение в школе; одного жалования ему назначено было 150 рублей в год, тогда как лучший из прежних учителей греко-славянского учения иподиакон Федор Максимов получал только 20 руб. деньгами и 20 четвертей хлеба (ржи и овса). Но не Туркевичу пришлось стать на первый план в школьной жизни впоследствии, а тому же греко-славянскому учителю Максиму. Не латынью стала известна новгородская школа, а славянскою грамматическою мудростью, на которую был главный запрос в Великороссии. “Тогда как черниговский коллегиум заявил себя изданием риторического *Clavis scientiarum*, новгородская школа выступила в свет изданием (в 1723 г.) „Грамматики славянской, вкратце собранной в греко-славянской школе, яже в В. Новеграде при доме архиерейском”, которую автор Максимов посвятил Феодосию, „яко первый сея школы плод”. Неизвестно, как учил латинский учитель и сколько было у него учеников, но у греко-славянских учителей учеников было по-прежнему весьма значительное число, – до 70, из коих 20 учились по-гречески; в 1728 г. некоторые из них проходили даже славянскую риторику, приступив к ней после изучения

греческого языка. – К счастью для школы Феодосий понял, в чем была главная ее сила и не настаивал на непременном преобразовании ее на юго-западный лад, на замене славянской грамматики латинскою, как это сделано было в московской академии; напротив сам даже сделался деятельным распространителем грамматического учения.

К его времени относится учреждение нескольких малых школ для обучения детей как духовного, так равно и светского происхождения, по разным местам обширной новгородской епархии. Всех их было 15: знаменская, николаевская, разважская, великолуцкая, новоторжская, каргопольская, старорусская, устюжно-железопольская, олонецкая, оштинская, потом (с 1724 г.) вместо нее петрозаводская, тихвинская, валдайская, бежецкая, хутынская и юрьевская¹¹⁷. Кроме трех школ, каргопольской, где преподавалась славянская грамматика, новоторжской, где учились даже греческому языку, и великолуцкой, где преподавалась риторика, все эти школы имели первоначальный курс, состоявший в обучении славянскому чтению и письму и изучении книжки Феофана „Первое учение отрокам”. Учителями в эти школы посылались новгородские грамматисты с содержанием от архиерейского дома или местных монастырей. Из одного предложения Феодосия св. Синоду от 1723 г. видно, что он возлагал большие надежды на своих грамматистов в деле распространения религиозного образования и кроме того намеревался чрез них дать правильную организацию под ведением духовной власти всему вообще элементарному народному образованию своей епархии, заменив ими прежних вольных мастеров грамотности, пользовавшихся у начальства очень дурной репутацией. Упомянув в этом предложении о распоряжениях касательно возможно большего распространения катехизического обучения детей по Букварю Прокоповича, он выставляет далее необходимость толкования при изучении этого Букваря и необходимость при этом грамматики: „толкование не так свойственно есть тем, которые грамматического непричастны суть художества, как грамматистом оное прилично и способно; того ради определено мною как в В. Новгороде, так и во всей

моей епархии у одного детей учения быть одним точию грамматистом, которые в обретающейся при доме моем школе славенскую грамматику учением окончили, а невежд до такого детей учения, которое, яко невежеское, не полезно есть, допускать не велено и весьма им в том запрещено". С целью отстранить невежд от обучения детей и заводились школы по разным местам новгородской епархии. В виду удобств, какие они представляли для обучения детей, каждая в своей местности, духовных детей, которые к тому учению удобны, велено было от епархиального начальства понуждать к поступлению в школы „всех необходимо, дабы не в невежестве возрастали, но потребного им учения от лет отроческих были научены". Что касается до детей светской команды, то к понуждению их у епархиального начальства не было достаточно средств и власти. Поэтому Феодосий представлял св. Синоду: хотя и „заказано в епархии моей, дабы, кроме оных славянскую грамматику кончивших, никого никто учить отнюдь не дерзал,... однакож не во всех то содержится, но одне токмо духовной власти подчиненные детей своих во оное грамматистом учение отдают, которых уже в епархии моей по разным городам и местам больше 500 человек обретаются, а от разночинцев самое весьма малое детей значится число, а именно при толиком оных множестве едва с 30 человек находится,... и тем дается знать, что оные светские обыватели, презирая вышеозначенное уставление, паки детей своих по-прежнему обучают невеждами". Вследствие этого он просил, чтобы св. Синод позаботился сделать обучение детей в школах у грамматистов обязательным и для светских людей¹¹⁸. Св. Синод тоже не мог этого сделать сам и снесся с Сенатом. В Сенате порешили издать указ согласно предложению Феодосия, но обязали грамматистов не принимать светских детей свыше 15 лет возраста, чтобы они под предлогом школьного учения не уклонялись от смотров и государственной службы¹¹⁹. – Вследствие такой настойчивости епархиального начальства число учеников в школах было всегда весьма значительное, несмотря на то, что они содержались во время учения на свой собственный счет. По ведомости о школах 1727 г.,

представленной св. Синодом в верховный совет, со времени учреждения этих школ по 1726 год в них обучалось 923 ученика¹²⁰.

Не можем здесь кстати не привести некоторых сведений, сохранившихся в архиве св. Синода, касательно внутренней жизни этих школ и отношений между учителями и учениками. Судя по одной жалобе учеников каргопольской школы на учителя Степана Максимова, положение учеников в этих школах было очень похоже на то, какое обыкновенно устраивалось в домовых школах у старинных мастеров книжного учения. Ученик поступал к учителю не только в науку, но и в услужение, должен был помогать ему по делам домоводства, исправлять домашние работы, быть на посылках и т. п. Каргопольские ученики жаловались, что учитель чуть не каждый день посылал их версты за три в лес по дрова, причем они должны были возить эти дрова на себе, зимой в санях, а летом на карбасе по воде, а после такого дневного труда уже вечером сажал их за книгу и держал часов до 11–12, отправлял их также верст за 9 и дальше для сбора ягод; однажды сам с женой вздумал прогуляться за ягодами в лодке и заставил учеников тянуть лодку по озеру бичевою, версты четыре вдоль берега, по пояс в воде; когда они продрогли и измучились, так едва их пустил на карбас, да еще чуть не прибил, – зачем ягод мало набрали; в другое время поехал к знакомым на праздник Рождества Богородицы верст за 100 и проездил 3 недели, – карбас на эту поездку нанят был на счет учеников, ученики же и возили его, то сядясь в весла, то принимаясь за бичеву. Сведения эти могут служить любопытным дополнением к обрисовке известного типа старинных наших мастеров-педагогов, подвизавшихся в партикулярных школах; учитель Максимов с этой стороны может с честью занять место наряду с знаменитым по запискам Данилова пономарем Брудастым.

Грамматическое обучение, заведенное в Новгороде св. Синод признал нужным и для других духовных школ; устройство учебной части в новгородской школе сделалось образцом, на который св. Синод указывал всем епархиальным начальствам для руководства еще раньше приведенного предложения

Феодосия в указе 31 мая 1722 года, где говорилось о невозможности устроить училищные курсы в полном виде и необходимости ограничить их на первых порах лишь необходимыми предметами низшего образования. Таким образом киевские учения пришлось отложить пока в сторону и начать дело образования духовенства не с латинских наук, а именно с того самого места, на котором остановились прежние великорусские ревнители просвещения в Новгороде.

С начала 1723 г. стали в самом деле принимать меры к введению в школах грамматического учения. Бывший директор синодальной типографии и издатель грамматики М. Смотрицкого Поликарпов вошел в св. Синод с доношением, в котором писал: „ныне любомудрым Вашего Святейшества тщанием повсюду развеваются грамматики славянские, непотребных трудов моих последний плод, ради познания орфографии и праворечия; но что может действовать сама грамматика без наставника? и коль много преподаяти ону иным юным охотников обретется? Воистину жатва многа, делателей же мало! А училища на сию особую науку нигде не обретается, кроме школ греческих и латинских, малым чем славянской способствующих, ибо всякому языку своя грамматика учительница; прочее, дабы с размножением книг умножить и учителей, при помощи Сильного в крепости, и сего ига взяти на себе не отрекуся в пользу церкви и всероссийскому государству, а во оставление моих согрешений”. Св. Синод определил его учителем грамматики к законоспасской московской школе, предписав ему „во учении поступать по школьным регулам радетельно, дабы потребное славянской грамматики учение, общей пользы виновное, умножено было без продолжения времени”¹²¹. Но пока полезное учение еще только умножалось, скудость грамматического знания была очень чувствительна. Грамматистов только и можно было добыть из Новгорода, куда и обращались за ними при всяком случае надобности. Так, в том же году в Синоде почувствовалась крайние нужда в знающих орфографию канцеляристах и копиистах; канцелярия Синода докладывала присутствию, что она имеет у себя только одну какую-то персону, отчасти понимающую орфографию, а

больше не имеет ни единого такого ученого человека, и просила приискать какого-нибудь знающего, „хотя одну орфографии часть, на перевозаводство” по крайней мере „одного человека, от которого некие копиисты могут впредь правописанию обучены быть”. Св. Синод указал взять одного грамматиста из новгородской школы, да еще „в прибавок” другого человека, правописание знающего, из московской греческой школы¹²².

Архиереям, разумеется, еще труднее было добывать грамматистов, чем св. Синоду. Когда разосланы были указы о заведении в епархиальных школах грамматического учения, епархиальные начальства пришли в крайнее затруднение, откуда им добыть для этого учителей. В указах говорилось об этом слишком обще: „откуда кто возможет”, – из епархий потребовали разъяснений. Ростовский епископ Георгий Дашков доносил наприм., что у него обучается букварям 203 человека, а грамматике учить некому¹²³. В ответ на такие представления Синод ничего не мог придумать лучше, как порекомендовать архиереям обратиться за требуемыми учителями к той же новгородской школе, к которой обращался за грамматистами и сам. В октябре 1723 г. вышел указ: „ежели где таких учителей не обретається, то для обучения грамматического художества, усмотря тамо из подъяков или и из поповских детей остроумных и книжному чтению искусных от 15 до 20 лет, прислать в дом синодального вице-президента преосв. Феодосия, архиепископа новгородского, из каждой епархии по 3 человека, которых пропитанием довольствоваться в том доме на счет оных архиерейских домов, и выуча тех присланных грамматике, отсылать для обучения ж тамошних священнослужительских детей в те же архиерейские дома, откуда кто прислан будет, чтоб с того времени впредь никто неимуществом учителей от того учения не отговаривался”¹²⁴. Такое распоряжение, придававшее новгородской школе значение педагогической семинарии, всего лучше показывает практическую важность тех начал, какие положены были в ее основу м. Иовом. Новые киевские просветители в Великороссии, подчиняясь неодолимой силе современного им *status quo rerum*, сами должны были стать наконец почти на ту же точку зрения, на которой стоял

знаменитый великорусский святитель. Класс славянской грамматики должна была ввести у себя и сама московская академия, изучавшая доселе одну грамматику латинскую.

Большая часть епархий довольно скоро приступили к исполнению приведенного распоряжения¹²⁵. Раньше всех, в ноябре того же 1723 г., явились два ученика из тверской семинарии, посланные тверским архиереем Феофилактом Лопатинским, потом в мае 1724 г. приехали еще двое; все они поступили для грамматического учения в ближайшую к Твери торжковскую школу. В феврале 1724 г. епископ Боголеп, назначенный на устюжскую кафедру, проездом через Новгород оставил в школе двоих подъяков из своей свиты. В марте присланы три ученика из Ростова и один из Суздаля; в октябре – два подъяка и один церковник из Рязани. В начале 1725 г. явились трое учеников из Коломны и трое же из Воронежа. Всего в новгородскую и новоторжскую школы поступило для приготовления к учительству 18 человек, от 11 до 24 лет возраста. Кроме того в те же школы ехало трое учеников из Тобольска и сколько-то из Ярославля и Смоленска. Из Смоленска сначала было донесли, что оттуда некого выслать, так как из подъяков и из поповских детей остроумных и к грамматическому учению искусных во всей епархии никого не явилось, но потом вероятно раздумали ограничиться такой отпиской и нашли требуемых остроумных людей. Из крутицкой епархии для приготовления к учительству предпочли посылать учеников в московские славяно-латинские школы и в 1723 г. отправили туда с этой целью 6 человек. – К апрелю 1725 г. 10 человек из 18 присланных учеников по табели Феодосия показаны были уже кончившими грамматический курс. Некоторые из них остались в Новгороде для изучения латинского языка; другие отправлены по епархиям на учительские должности. Так, один из устюжских подъяков в том же году открыл грамматическое обучение в устюжской школе. Из коломенских учеников один в 1726 году определился в учителя при своей школе, двое других заняли учительские должности в Туле и Орле. В том же году воротились в Рязань рязанские грамматисты. Воронежские вернулись домой еще в

1725 г., но учительства не получили за неоткрытием самой школы. Дело таким образом пошло было на лад, как неожиданный удар сразу его порушил.

Главный заправитель его Феодосий попал под политическое обвинение и был низложен, а на новгородскую кафедру вступил Феофан Прокопович, один из виновников страшного падения Феодосия, и поспешил уничтожить все плоды его попечений, наложил свою тяжелую руку даже на самую школу при новгородском архиерейском доме. В декабре 1725 г. он доложил св. Синоду, что по требованию бывшего архиерея Феодосия в новгородские школы выслано из епархии школьников многое число для обучения грамматике и прочих к познанию св. писания приличных наук, но по его архиерейскому усмотрению „они не имеют никакого плода в том учении, но туне токмо время провождают и домовую пищу тратят, и впредь в том учении к пользе надеяния иметь не можно“, и что поэтому их следует распустить по своим местам. В предложении этом не было ни одного пункта справедливого: – учеников было вовсе не многое число, домовой пищи они не тратили, будучи на содержании от пославших их епархий, плоды учения их обозначились уже с достаточною ясностью и подавали большие надежды впереди; св. Синод тем не менее согласился с мнением своего сильного члена и в январе 1726 г. грамматисты были распущены. Чрез два года Феофан взял из Новгорода самых лучших учеников в свою петербургскую школу на Карповке и новгородская школа окончательно упала. Вместе с ней рушился последний остаток популярного в Великороссии еллино-славянского школьного направления и последний противовес новому славяно-латинскому образованию, шедшему из Киева.

В таком положении осталось школьное духовное образование после реформы. Подводя последние результаты к тому, что было сделано для духовного образования при Петре, найдем, что результаты эти сами по себе были пока невелики; но мы не должны забывать, что для такого короткого времени, в какое они были достигнуты, они были все-таки более, чем удовлетворительны, – тем более, что дело школьного

образования в начале XVIII столетия было совершенно новое: поле для сеяния семени школьных учений было совершенно не подготовлено, – трудникам этого дела нужно было еще поднимать целину и бороться с непреодолимыми почти препятствиями, представляемыми дикой и неисследованной почвой. Напоминание такого рода здесь весьма нелишнее, потому что исследователь Петровского времени невольно, так сказать, избаловывается необычайной энергией и быстротой всех дел великого преобразователя и часто остается недоволен, встречая в этих делах даже малейший тормоз и такое замедление, которое в другое время может ему же показаться замечательно-быстрым успехом.

Очень естественно, что процент духовных лиц, получавших школьное образование был невелик, а еще меньше было таких, которые получали образование высшее, богословское и философское. Пересматривая указанную ведомость св. Синода от 1727 г., находим в этом отношении очень красноречивые цифры учеников. В киевской академии считалось во всех классах 654 человека, но оканчивавших полный курс, до богословия включительно, было всего 48: в московских школах было 505 учеников, но богословов из них всего 12. Таким образом на всю Россию, потому что в других школах высших классов не было, приходилось только 60 человек, получивших богословское образование. Разумеется, для них открыты были настежь все двери к высшим местам и едва ли хоть один из них попал в число скромных приходских пастырей церкви. Философов было: в киевской академии 84, в Москве 12, всего 96 (не считаем 23 философов в Харьковском коллегиуме, которого при Петре еще не было). Риторов считалось: в Киеве 79, в Москве 21, в Новгороде 24 за все время существования школы, да еще сколько-то (число не показано) в Чернигове. Немного побольше было пиитов. Затем следовали все синтаксисты, грамматисты, элементарники и большею частью псалтырники славяно-российских школ, ничем не отличавшиеся от псалтырников ж приходского и домашнего образования. Это приходское и домашнее образование в деле приготовления кандидатов духовного служения очевидно еще вполне

преобладало над школьным, а потому немудрено, что духовенство все еще не могло понять надобности отдавать своих детей в школу и уклонялось от этой новой, излишней в его глазах, повинности.

Само духовное начальство скоро должно было сознаться в том, что оно не может сосредоточить всего образования духовных детей в одних собственных своих школах, как вследствие недостатка к тому материальных средств, так и вследствие множества самих кандидатов на школьное обучение, и должно было сокращать курс этих школ посредством предоставления первоначального элементарного обучения духовных детей их отцам или, что почти все равно, прежним приходским школам и мастерам. Но так как и в духовных школах образование недалеко заходило выше элементарного, и совершенное выделение последнего из их курса равнялось почти их уничтожению; то более состоятельных духовных детей все-таки тянули в духовные школы, что еще более давало обучению в них характер повинности и усиливало в духовенстве мысль о его ненадобности. Так наприм. в нижегородской епархии принято было такое правило: „а у коих священников с причетники в вышепоказанные еллино-греческую и славяно-российскую школы, за скудостью их, детей не взято, тем повелено, в надежду священства, буквари учить каждому в доме своем, без которого учения ни в которое достоинство не производятся“. Несостоятельные ученики поэтому должны были по местам ограничиваться одним домашним образованием, даже если бы и желали поступить в школу для продолжения своего обучения. Из холмогорской епархии наприм. доносили в 1727 г.: „из зачинаемых ныне учеников (т. е. из имеющих поступить в школу) и много есть, которые и скудные и инде; учиться не имеют где и за что, а весьма наслаждаются учения желают, из которых могут быть и остроумные ученики“, но за недостатком средств их все-таки приходилось распускать по домам. При таком серьезном преобладании в духовном ведомстве старинного домашнего и приходского образования над школьным между прочим очевидно, как для самой духовной службы невыгодно было это увлечение духовных начальств

исключительно своими духовными школами, которое заставило их упустить из внимания практику старых элементарных школ, не говоря уже о том, что чрез это из рук духовного ведомства ускользало все народное образование, и как бестактно было с его стороны поступлено в конце 1725 года, когда по представлению Феофана Прокоповича постарались уничтожить единственную рациональную попытку регулировать общее элементарное образование под надзором епархиальных начальств, какая стала было приводиться в исполнение в новгородской епархии.

Вследствие того же слабого развития школьного образования между кандидатами на духовные должности, духовные начальства вынуждены были крепко поддерживать и даже развивать старинный способ приготовления этих кандидатов к их будущему служению при архиерейских домах во время самого ставленнического производства. Мы видели, что еще в 1711 г. правительство обратило свое внимание на ставленнические экзамены и указало усилить их внимательность и строгость. В прибавлении к Регламенту было потом определено ставить на места или таких ставленников, которые учились в школах при домах архиерейских, или достаточно обученных при самом поставлении, для чего каждому ставленнику „велеть изучить книжицы о вере и законе христианском, о должностях всех чинов, и пота оно не ставить, пока он наизусть не изучит” потому что „мнози в священнический чин вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитания, а никакого званию своему должного искусства не имеют”. Далее: „приятного же ставленника не тотчас ставить, но изучил бы прежде помянутые книжицы, а между тем искушать его, не ханжа ли он, и не притворяет ли смирения, такожде не скажет ли своих о себе или о ином снов и видений, ибо от таковых какового добра надеяться, разве бабьих басен и вредных в народе плевел, вместо здравого учения”¹²⁶. Кроме ставленников, книжицы о вере и законе должны были изучать и сами священнослужители во время прохождения своего служения. Желание поскорее просветить духовенство побудило Петра притянуть к такому

обязательному изучению нужных для духовного служения предметов даже самих епископов: в Д. Регламенте находим распоряжение, чтобы при трапезе архиерея ежедневно поурочно читались церковные правила с тою целью, чтобы архиерей мог таким образом достаточно изучить их для руководства в исполнении своих обязанностей.

В заключение всего считаем не лишним упомянуть о мерах Петра, помощью которых он думал распространить образование среди монашествующего духовенства, на которое он не мог не обратить своего внимания вследствие того значения, какое оно имело по своей давнишней монополии на церковно-административные должности. В прибавлении к Регламенту было сказано: „По всем монастырям монахов учить подобает, не точию да читают писания, но да и разумеют. А на сие учинить собственно келию, и монахов приставить на сие избранных, иже знают бож. писания разум. И тако обученных да избирают достойных в чин священства и всякого начальства”¹²⁷. У Петра была мысль возратить монастырям их древнее просветительное значение, которое так высоко ставило их в глазах нашего старинного религиозного общества и которое совершенно упало ко времени реформы. Один из птенцов Петра, историк Татищев, любивший проводить мысли обожаемого им царя в своей Истории Российской, утверждает, что монастыри на то и устроены, чтобы возрастных монахи учили в церкви за богослужением, а юных в училищах, и для того им довольное к содержанию жалование определено, что как только они утрачивают это просветительное значение, так и делаются совершенно бесполезными, и доходы их тунегиблемыми; с этой точки зрения он смотрит на всю историю секуляризации монастырских имений или точнее – вмешательства в управление этими имениями со стороны государства; с этой именно точки зрения, по его мнению, нужно понимать и распоряжения о монахах Петра Великого¹²⁸.

От мысли об обучении монахов Петр действительно не отставал до самого конца своего царствования. Скоро он убедился, что в монастырях учить монахов было некому и в 1723 г., в одно время с объявлением известного уже указа учить

духовных детей в надежду священства „и неволей“, выдал другой указ – забирать в школы молодых монахов из монастырей и „учить, кого каких наук по остроте его возможно“. Во исполнение этого указа св. Синод распорядился переписать по монастырям всех молодых монахов от 20 до 30 лет и собрать их для обучения наукам в Заиконоспасский монастырь в тамошние школы, за исключением тех, которые проходят по своим монастырям должности ризничих или казначеев, также иеромонахов и иеродиаконов, – последних в случае крайней в них надобности по монастырям¹²⁹. Несмотря на всю решительность этого распоряжения, мера, придуманная царем, не пошла в ход, как бы ему желалось. По свидетельству историка московской академии, при Петре в ней училось только 13 монахов, в том числе иеродиакон из Тобольска уже 35-ти лет; через два года он был отпущен от науки домой в Сибирь за старостью лет и неспособностью. Замечательно, что все эти монахи были из отдаленных местностей, а не из московских монастырей. В 1727 г. ректор Гедеон Вишниеvский доносил св. Синоду, что в академии училось в это время только 5 человек монахов, один из присланных по указу 1723 г. двоих иеродиаконов смоленской епархии (другой бежал) да четверо своею охотою, что ни из московских монастырей, хотя в них и довольно молодых и ко учению способных монахов, из которых бы мог быть плод церкви и произошли бы в учителя и предикаторы, ни из прочих епархий и поныне никто не присылан¹³⁰.

В 1724 г. вышло известное Объявление о монашестве, – обширный указ, содержащий в себе проект реформы всего монашества в России. Все монахи разделялись здесь на два класса, – на простых, неученых монахов, которые поступают в монастырь для спасения своей души, и ученых, которые предназначаются и приготавливаются к занятию высших иерархических должностей. Во избежание праздности, которая есть мать всех пороков, по выражению указа, первых положено занять разными работами и службою при монастырских благотворительных заведениях. Последние назначались к тому, чтобы содействовать осуществлению

просветительного значения монастырей. При некоторых монастырях, более удобных к развитию просвещения, наприм. в Петербурге при Невском, предполагалось устроить ученые братства и школы, в среде которых и сосредоточить образование будущих высших церковных деятелей. В число этого последнего класса монахов велено постригать уже кончивших семинарский курс и достигших законного для пострижения возраста (30 лет). Обязательный для всех постригавшихся трехлетье искуса должен был для этих постриженников состоять в таких упражнениях, которые бы не препятствовали их ученым занятиям. Труды ученых монахов в монастыре должны были состоять в переводах ученых сочинений, в собственных оригинальных сочинениях, в чтении книг монастырской библиотеки и преимущественно в упражнениях проповеднических. Все они должны были состоять под руководством одного ученого монаха-директора, которому назначалось почетное место в монастыре, второе по архимандрите, и который обязывался доносить последнему о всех занятиях, характере и поведении монахов своего ведомства. В видах поощрения ученым монахам давались пред прочею братией разные преимущества в пище и одежде. Кончивших весь курс монастырского образования архимандрит и директор должны были рекомендовать высшему начальству в настоятели лучших в России монастырей и в начальники духовных школ; не соответствовавших своему назначению, после разных исправительных мер, велено лишать всех дарованных им преимуществ и зачислять в число простых монахов¹³¹. Предположения эти не были осуществлены: подобных ученых братств ни при Петре, ни после него не видим ни при одном монастыре; тем не менее Объявление 1721 г. весьма любопытно для нас, как полное выражение просветительных планов тогдашнего правительства. Впрочем Невский монастырь, который преимущественно имелся здесь ввиду, при Петре действительно имел значение некоего «семинариума» духовных властей, хотя несколько и с другой стороны. Сюда вызывались обыкновенно кандидаты на высшие духовные должности для испытания степени их подготовки к

будущему служению и степени их благонадежности с государственной точки зрения.

II. Состояние духовных школ при приемниках Петра

а) Новые духовные школы и открытие духовных семинарий

В начале 1725 г. великий преобразователь России скончался, – не стало сильной руки, которая неослабно тянула русское просвещение в гору, несмотря на то, что в то же время миллионы, по словам Посошкова, тянули его под гору. Просветительная деятельность правительства заметно после этого ослабела и началось время реакции, которая чувствительно и весьма неблагоприятно отозвалась на многих делах Петра. Духовная школа, еще не успевшая запастись достаточными внутренними силами к своему существованию по своей крайней молодости, тоже должна была тяжело почувствовать влияние начавшейся реакции.

Та же самая ведомость св. Синода 1727 г., которую мы воспользовались для определения результатов, достигнутых по школьному вопросу за время царствования Петра, может ясно показать, до какой степени тогда же, всего два года спустя после Петра, успела ослабеть возбужденная им ревность к распространению школьного образования среди духовенства. Заведение новых школ сделалось редкостью; даже некоторые из заведенных уже прежде быстро устремились к упадку. Так в ростовской епархии только лишь открылись в 1725 г. две школы в Ростове и Ярославле, с 200 учеников, как в 1726 г. все эти ученики были распущены по домам за недородом хлеба у церквей и монастырей; для поддержания начавшегося в епархии учения епархиальное начальство распорядилось только с отцов распущенных учеников взять сказки, что они будут обучать детей дома всем „показанным наукам”, т. е. чтению и пению. В Вологде в первый же год по смерти Петра вся школа была распущена даже без объяснения причины, а хлеб, собранный на нее, пошел на засев архиерейской земли. В 1726 г. за недостатком хлеба распущено 100 учеников, учившихся в суздальской школе. В Устюге школа, только лишь в 1725 г. открытая, закрылась за смертью заведшего ее епископа Боголепа и за неимением учителя.

Подобные факты, находящиеся в официальном акте и по всей вероятности более или менее сглаженные, представляли бы весьма безотрадное показание усердия к школьному образованию в современной духовной администрации и духовенства, если бы рядом с ними не встречались другого рода факты просветительной ревности некоторых из образованных архиереев, большею частью из малороссов, которые и прежде были главными устроителями духовных школ. В 1725 г. знаменитый ревнитель духовного просвещения Рафаил Заборовский открыл новую школу в своей тогдашней псковской епархии, собрав в нее 58 учеников. В 1726 г. белгородский епископ Епифаний Тихорский, известный уже основанием архиерейской белгородской школы с низшим курсом, завел новое высшее училище в Харькове, которое несколько времени спустя стало известно под славным в свое время именем харьковского коллегиума. Усердным и щедрым помощником его в этом деле явился тогдашний главнокомандующий слободскою украиною генерал-фельдмаршал кн. М. М. Голицын, снабдивший коллегиум обильными материальными средствами. Местом школы был назначен купленный за 500 р. у полковника Шедловского дом при Покровской церкви, которая тогда же обращена архиереем в монастырскую; после утверждения архиерейского распоряжения в 1729 г. св. Синодом, монастырь этот получил название Покровского училищного и расширен был разными нужными для школы постройками. В 1727 г. коллегиум состоял уже из 8 классов до философии включительно и имел 420 учеников. Как и все юго-западные школы, он был заведением всесловным, на что была и воля его благодетеля кн. Голицына, и содержался не столько на церковные, сколько на общественные средства. Учителя его были впрочем все из монахов, кроме одного иподиакона, все-таки значит лица духовного, который учил в низшем славянском классе¹³². В Иркутске, где прежде заведена была по указу Синода одна миссионерская монгольская школа при Вознесенском монастыре, святитель иркутский Иннокентий Кульчицкий открыл вновь при этой школе церковнославянское учение и увеличил число учеников до 32 человек¹³³. Школа после этого получила

обычный характер архиерейской, хотя продолжала по-прежнему оставаться всесословною. Святитель улучшил ее помещение, увеличил жалование ее двоим учителям до 150 р. каждому (прежде получали по 100 р.) и при всей скудости своей епархии, с трудом содержавшей его самого, до самой смерти усердно снабжал ее всем нужным для ее содержания. По указу св. Синода на школу должны были доставлять хлеб и одежду монастыри Киренский, Посольский и Селенгинский. Но так как первый монастырь, при определении границ новой иркутской епархии с тобольскою, остался за последнею, то митрополит тобольский Антоний решительно запретил ему выдавать деньги и провиант на иркутскую школу, „понеже велено каждому архиерею в своей епархии иметь для обучения малолетних причетнических детей школы и на пропитание им брать своей же, а не чужой епархии с монастырем указное число, чего ради и у нас в Тобольске не без школы”. Святитель Иннокентий вместо Киренского монастыря возложил следовавшую с него часть сбора на Успенский нерчинский монастырь. Но монастырь этот вскоре погорел. Между тем и остальные монастыри иркутской епархии слезно просили архиерея пожаловать их, уволить от школьного сбора. Тогда святитель прибегнул к последнему средству для поддержания школы, – определил в ее пользу денежный налог на все духовенство, по 50 к. с священника, 30 с дьякона и 10 с причетника, но все-таки, пока был жив, успел поддержать ее. После его смерти она пришла в большой упадок, от которого поддержал ее потом другой образованный иркутский архиерей, Иннокентий Нерунович, воспользовавшийся для этого преимущественно трудами разных ссыльных ученых людей, наприм. Платона Малиновского¹³⁴. Благодаря деятельности подобных архиереев, ревнителей духовного просвещения, получали новое оживление и прежние школы, а закрывшиеся снова восстанавливались. Так, когда после Сильвестра Холмского, начавшего дело об основании рязанской школы, но не открывавшего в ней учения за недостатком учителей, в рязанскую епархию приехал новый архиерей, известный переводчик разных книг и проповедник Петровского времени, Гавриил Бужинский, – рязанская школа в

один год увеличилась с 70 учеников, первоначально собранных в нее Сильвестром, до 269: из Новгорода в нее явилось три учителя; нашлись и средства к содержанию, несмотря на то, что весь остаточный хлеб с епархии еще со времени Стефана Яворского, рязанского митрополита и президента Синода, по указу царя отсылался на синодальное правительство; в курс школы, как у всех архиереев малороссов, немедленно был введен латинский элементар¹³⁵. Смоленская школа, запущенная при том же Сильвестре Холмском и его преемниках, Варлааме и Филофее, снова стала поправляться с поступлением на смоленскую кафедру в 1728 Гedeона Вишниеvского. Деятельный архиерей немедленно ввел в нее латинское учение и кроме того успел выпросить на нее даже ежегодный оклад от правительства из коллегии экономии в 500 р. Для помещения школы выстроены были тогда же два двухэтажных корпуса в Аврамьевском монастыре; постройка эта едва ли не целиком пала на счет архиерейского дома, потому что 500 рублей школьного оклада шли на жалование учителям и на содержание учеников, хотя впрочем в одном донесении и сказано было, что семинария строена была в 1728 г. коштом государевым¹³⁶. Из Астрахани в 1727 г. доносили, что там школа не открыта, потому что ее содержать нечем; но в 1729 г. новый архиерей Варлаам Леницкий нашел к тому средства, побудив к пожертвованиям астраханское купечество, и завел латинскую школу¹³⁷. В Вологде распущенная школа снова была открыта в 1729 же году архиереем Афанасием Кондоиди¹³⁸.

Таким образом судьба школ вполне зависела от личностей, стоявших во главе епархиальной администрации, и изменялась вместе с их переменой. Едва ли не единственное исключение отсюда встречаем в ростовской епархии, где школы, распущенные в 1726 г., снова были открыты в 1728 г. при одном и том же архиерее Георгии Дашкове¹³⁹; насколько зависело от него это восстановление школ и насколько в этом случае повлияло на него его членство в Синоде, где был тогда главный центр просветительного движения в русской церкви, не знаем, но что он сам далеко не отличался ревностью к духовному просвещению, это известно. С большим усилением в Синоде

подобных ему людей из великорусских архиереев, которые „малороссийцев весьма ненавидели“, а вместе с тем не благоволили и к распространявшемуся по милости этих малороссийцев школьному образованию, последнему нечего было ожидать хорошего впереди. Со смертью Петра II, при котором реакция реформе особенно усилилась, и воцарением Анны курляндской это неблагоприятное для духовных школ переходное время кончилось и наступило новое более благоприятное.

Неоспоримые заслуги царствования Анны в пользу просвещения во многом искупают дурные его стороны. Немецкие правители очень любили украшать себя ролью просветителей дикой Московии и действительно много поспособствовали прекращению времени реакции. Во главе церковных дел снова стал и возвысился до степени церковного временщика Феофан, один из самых верных памяти и идеям Петра II, неуклонно стоявший под знаменем реформы и в добрые и в тяжелые для него дни. Административные распоряжения о духовных школах сделались энергичнее. Собственно правительственные указы о скорейшем умножении образованного духовенства доходили иногда даже до крайностей, в которых так и виден кабинетный бюрократизм иноземных ревнителей, отличавшийся крайне плохим знанием наличных средств просвещаемой ими страны. Задавшись крайнею мыслью заместить церковно-служебные места одними образованными людьми, правительство в несколько лет своей просветительной практики едва не отставило от должностей всего тогдашнего духовенства, по крайней мере оставило громадное количество церквей вовсе без причтов и еще большее с неполными причтами.

Вскоре же по приезде новой императрицы в Россию, в манифесте 1730 г. 17 марта, велено было по Регламенту учредить духовные школы по всем епархиям¹⁴⁰. После этого торжественного объявления высочайшей воли в епархиях начались усиленные хлопоты о школах; собирали учеников, устанавливали более или менее прочные средства к их содержанию, отыскивали учителей, расширяли училищные

курсы, доселе вращавшиеся только около предметов элементарного обучения, введением предметов среднего образования и преобразовывали их на юго-западный манер. С самого начала 1730-х годов архиерейские школы одна за другой усваивают себе даже новое название семинарии, которое именно должно было обозначать эту новую степень их развития и новое их значение, как средних учебных заведений, в отличие от низших школ грамотности. Вместе с тем, по мере расширения их курсов чрез введение латинского языка и высших наук, все резче определялось их сословное значение, как школ, назначенных специально для обучения духовных детей в надежду священства. Новые школы заводились уже прямо в форме семинарий. Царствование Анны не без основания можно считать поэтому довольно важной в истории духовного образования эпохой, с которой начинается собственно история наших духовных семинарий.

Указанные перемены в школьном образовании первоначально до 1737 года вводились исключительно практическим путем, без особенных побуждений со стороны правительства, благодаря главным образом деятельности новых лиц, усилившихся во главе епархиальной администрации. Первые годы царствования Анны Иоанновны, как известно, очень дорого стоили великорусской партии иерархии; более видные представители ее один за другим попали в опалу у немецкого правительства и гибли в ссылках по отдаленным монастырям; ряды ее значительно поредели. По епархиям на архиерейских постах везде появились малоруссы и повсюду принялись за свою обычную просветительную деятельность, которая составляла их главную миссию в приютившей и возвысившей их стране. Оставшись после падения противной им туземной партии иерархов на полном просторе, они беспрепятственно принялись вводить в подведомые им школы привычное латинское образование и преобразовывать их по киевскому образцу. В течение царствования Анны Иоанновны преобразование это обняло собою все русские духовные школы, какие были налицо, и укоренилось на прочных основаниях. На великорусской почве

никак не прививалась только одна существенная принадлежность юго-западного школьного строя, – это общесословность школьного обучения, доселе твердо державшаяся в Малороссии, и великорусская духовная школа, под влиянием известных условий государственного строя империи, о которых нам уже приходилось говорить выше и придется еще не раз впереди, с самого начала своего существования являлась с полными задатками школы сословно-специальной и потом уже неуклонно развивалась в этом исключительном направлении.

С 1737 г. перемены, обозначившиеся в характере духовных школ, обратили на себя внимание правительства и стали закрепляться путем законодательства, старавшегося при этом выставить свою просветительную ревность как можно виднее. До этого времени указы ограничивались пока только общими предписаниями об обучении духовных детей и посвящении на церковные места ученых кандидатов, согласно указам Петра великого. 24 января 1737 г. вышел синодальный указ о школах, в котором св. Синод между прочим изъявлял намерение подчинить их своему собственному контролю и едва ли не в первый еще раз высказывал неудобство их низменной постановки в исключительном заведывании одних только местных епархиальных властей. Св. Синод, говорилось здесь, рассуждал, „что при всех ли в епархиях архиерейских домах школы по силе Д. Регламента учреждены, и сколько где в тех школах какого звания учеников от состояния св. Синода в коем году порознь было, и какие кто науки происходил и сколько где их в оном 1737 г. и в каких науках обреталось, и в таком ли оные смотрении и порядке, как Д. Регламентом, и приполнительными о том... указами повелено, содержаны были, и сколько ж из них, когда и в какие чины и куда произведены; и на пропитание их всякого хлеба с монастырей 20-й и с церковных земель 30-й части порознь, по годам и по званиям мест в дома архиерейские по 1737 г. в сборе, и из того на пропитание школьников в расход; и затем из году в год в остатке было, совершенного в св. Синоде известия не имеется, и надлежащих о том всягодных репортов ниоткуда в присылке

не бывает". На этом основании порешено было: вышеписанные известия выслать из епархий в Синод в самом непродолжительном времени, а „впредь о состоянии тех школ, как о начальстве учеников, так и о всем вышеписанном ведомости присылать по вся годы без всякого отлагательства"¹⁴¹.

Указанная цель этого распоряжения поднять дух. школы из их исключительно епархиального положения была впрочем достигнута в известной только мере: они по-прежнему остались школами исключительно архиерейскими, и весь контроль Синода, относительно их только и ограничился указанными ведомостями, которые подавались ему к сведению, потому что у высшего церковного правительства не было никакого органа для заведывания школьным делом, даже такого, каким при Петре одно время был состоявший при Синоде протектор школ архимандрит Гавриил Бужинский. Тем не менее это внимание к школам, какое Синод высказал в приведенном указе, не могло не остаться без влияния на их возвышение и усовершенствование, служа для их непосредственных епархиальных начальств сильным поощрительным средством к усилению об них забот. Самый указ едва ли не был вызван возникшим тогда делом о распусчении одной из наиболее устроенных семинарий, казанской, казанским архиереем Гавриилом и вероятно имел целью устранение подобных явлений на будущее время. Вместе с тем Синод обратил особенное внимание на производство ставленников и грозил архиереям немалым штрафованием, если они будут производить неученых в священство и даже в церковнослужители; для большей отчетности в этом деле велено было при каждом производстве писать о достоинстве производимого лица в докладных выписках точно¹⁴².

В сентябре того же 1737 года вышел именной указ более важного содержания, которым прямо предписывалось заведение дух. школ в объеме семинарии: духовных детей велено „обучать на российском языке грамоте, а потом грамматике и риторике и др. высших наук, и того ради во всех епархиях и в других пристойных городах школы учредить и

искусных учителей, и на содержание тех школ и на пропитание школьников из архиерейских и монастырских и церковных доходов, которые по сие время на архиереев и на монастыри собирались, сумму определить, и сие полезнейшее дело толь наискорее в действо произвести, чтобы от сего времени неученые люди в церковные чины определяемы не были”¹⁴³. Через несколько дней после этого указа из кабинета министров вышел другой указ на имя св. Синода, в котором для учеников, обучившихся в семинариях латинского и греческого диалектов и других высших наук, определялись служебные права и вместе обязательность какой-нибудь, духовной или гражданской, службы, „дабы от них польза государству и отечеству впредь быть могла”; от службы военной эти обучившиеся дети духовенства освобождались; оказав такое внимание к семинариям в интересах государственной службы, правительство в том же кабинетском указе требовало далее, чтобы св. Синод собрал об них подробные ведомости, сколько в котором году, начиная с 1730 г., в них было учеников, чему обучились и куда определены, для представления Ея имп. величеству и затем представлять подобные же ведомости об учениках, как кончивших учение, так и учащихся, ежегодно¹⁴⁴. Этими двумя указами учреждение семинарий закреплено было официально высшею государственною властью; вместе с тем, кроме указанного синодального контроля, над школами явился контроль государственный, который должен был значительно усилить для епархиальных властей обязательность распространения семинарского образования. В феврале следующего года св. Синод разослал по епархиям формы ведомостей об училищах и отчетность в этом деле была установлена¹⁴⁵.

В указах постоянно говорилось о важности духовного образования и повторялись строгие внушения касательно его распространения духовным начальствам. „Понеже мы, писалось напр. в указе 1738 г. об учреждении Троицкой семинарии, потом в другом – о штате семинарии новгородской, всегда особое тщание и старание имеем в том наипаче всего, чтобы св. церкви снабдены были учительными священниками для лучшего

подтверждения христианского закона и благочестия поучениями, проповедью слова Божия из свящ. писания, ибо простой и подлый народ, не имея в сердцах страха Божия и надлежащего наставления к добрым делам, и тако от невежества и грубианства преклоняется на всякое зло, а именно: впадает в леность, в пьянство, в татьбы, разбои, смертные убийства, мятежи и прочия богомерзостные дела сим подобные,... еже все имея в рассуждении, милосердуя о своих подданных и матерински сожалея и соболезнуя о таковой крайней человеческой гибели, отвращая сие зло, всемилостивейше повелеваем, дабы Синод обще с обретающимися в епархиях архиереями имели крайнее попечение о поправлении учением духовного чина чрез учреждение семинарий, понеже учение есть дело весьма в государстве полезное и нужное” и проч. т. п. Правительство кстати припомнило при этом и о многочисленных в империи „неверных” инородцах, „которых легко можно привести учением святым в веру Христову, если б ученые священники были и архиереи бы в епархиях к тому тщание и прилежность по своему званию имели”¹⁴⁶

Не ограничиваясь только подобным торжественным провозглашением своих просветительных стремлений, правительство в 1738 г. подняло важный вопрос об определении духовных школ штатами и кабинетским указом от 9 июня поручило св. Синоду собрать все нужные для того сведения и составить надлежащие предположения для апробации императрицы. Дело это указывалось произвести со всевозможною скоростью: „и дабы сие толь нужнейшее дело как наискорее начато и в действо произведено быть могло, для того надлежит, оставя другие не весьма важные дела, о сем трудиться и окончить, и для всемилостивейшей ее имп. величества апробации в кабинет подать”¹⁴⁷. Как ни торопился Синод составлением проекта этих штатов и как ни скоро выполнил возложенное на него поручение, важность которого он признавал лучше самого кабинета, мысль о штатах так и не была осуществлена при Анне Иоанновне, но хорошо было уже и то, что сделан был по крайней мере почин в этом деле и выяснение

самого вопроса; полный ответ на этот вопрос явился уже во второй половине XVIII столетия.

С того же 1737 г., когда правительство особенно возревновало о распространении духовного образования и заведении семинарий, начались усиленные разборы духовенства, которые между иными, наприм. политическими целями, имели в виду и очищение духовного чина от необразованных и вообще недостойных людей. Побуждения к образованию детей духовенства в это страшное время были даже до крайности усилены; доставалось и епархиальным начальствам, которые не могли сразу образовать все подведомое им духовенство и заместить все церковные должности людьми учеными. Очищение духовного чина производилось так энергически, что в начале 1739 г. ее императорскому величеству стало известно, что множество церквей стоит без причтов, и именной указ по этому случаю опрокинулся с тяжелым упреком не на кого другого, а прямо на архиереев: они де на место убылых священнослужителей сейчас же должны бы были поставлять новых, „всячески обученных и наставленных христианскому закону и страху Божию“, а они вместо того „толь важным и человеческому спасению потребным делом“ пренебрегли, „а между тем люди без покаяния и причастия св. таин помирают, следственно же надлежит и тому быть, что в отдаленных от церквей местах люди принуждены жить без принятия от церкви брака, и тако многие души погибают напрасно, еже ее имп. в-во о таковом нерадении и упущении с великим прискорбием и особливым ее имп. в-ва сожалением нечаянно услышать принуждена“. Не обращая внимания на настоящие причины умножения церковных вакансий, указ настойчиво требовал неученых кандидатов священства не посвящать, а выбирать в священники „по крайней мере таких, которые бы закон христианский основательно знали и ко чтению св. писания прилежали и по возможности рассудить могли, что читают“, а между тем поспешить заведением семинарий по всем епархиям¹⁴⁸. Чрез непродолжительное время в том же году вышел новый указ, еще грознее приведенного и с еще более

бесцеремонным выговором архиереям, чтобы репорты о состоянии семинарий посылались из епархий в Синод каждую треть: „хотя, гласил этот указ, об учреждении семинарий многие указы из св. Синода в епархии посланы были, однако рачение в неких местах является быть не токмо слабое, но почти мало нет; а чего ради такое небрежение чинится, не известно, что все относится на главную духовную команду (т. е. Синод), а тому виновные, хотя то и явственно видят, обаче толь отважно и нечувственно пребывают, как бы их собственного долга в этом нисколько не зависит”¹⁴⁹.

Нельзя не заметить, что подобные упреки архиереям, за исключением лишь немногих случаев, были вовсе несправедливы и вызывались не столько действительным положением школьного дела по епархиям, сколько желанием высшего правительства громче заявить свои просветительные стремления и общею тогда в высшей административной сфере привычкой к грубым окрикам на подчиненных и к употреблению крепких выражений. Просветительное движение по епархиям началось еще раньше приведенных указов, вслед за первым манифестом новой императрицы, и год от году возрастало повсюду, особенно благодаря усилению архиереев малороссов. Если когда, то именно в описываемое время, последние с честью выполняли свою главную историческую миссию в Великороссии; каждый из них, явившись в великорусскую епархию, прежде всего принимался за устройство своей епархиальной школы, преобразовывал ее в славяно-латинскую семинарию, открывал в ней классы по образцу юго-западных школ, вызывал учителей и учеников, изыскивал разные средства к их содержанию, причем не щадил для нее и специальных средств своей кафедры, как бы эти средства ни были малы. Издавая свои грозные указы, правительство не обращало внимания на то, что школы заводились исключительно на одиночные средства каждой епархии отдельно и что поэтому замедления в заведении и расширении их были неизбежны, как бы архиереи ни „чувственно пребывали” в сознании своего просветительного долга, не принимало в расчет и того, что само же отдавало архиерейские имения в руки

коллегии экономии, а между тем штатных окладов на школы не назначило, ограничивалось только громким заявлением их необходимости да несколькими указами насчет скорейшего составления их проекта в св. Синод, не давало даже частных временных пособий, о которых просили из епархий, и таким образом всю вину „нечувственного пребывания” брало на свою голову в тем большей мере, чем красноречивее упрекало в ней духовную команду. Укажем на деятельность наиболее видных в просветительном отношении архиереев, причем соберем сведения о самих школах, как преобразованных, так и вновь открытых за все время от 1730 г. до царствования императрицы Елизаветы.

На первом плане в ряду этих архиереев стоит, разумеется, сам Феофан, которого школа на р. Карповке считалась образцовой, хотя как мы видели, с курсом не специально-духовным. Невская семинария, благодаря его сильному влиянию в административной сфере, тоже сравнительно с другими стояла весьма высоко. Преобразование ее в славяно-греко-латинскую семинарию последовало еще в конце 1725 года, но преподавание в ней классических языков, порученное ученому греку Афанасию Скиаде, продолжалось только до 1729 г., когда Скиада оставил семинарию; потом она оставалась без учителей до 1734 г., в котором явился в ней учитель, датчанин Адам Селлий. С этого времени она и начала скоро подниматься. Преемники Селлия (с 1736 г.) Г. Кременецкий и А. Зертис-Каменский в четыре года успели довести своих учеников до риторики и собирались начать преподавание философии. Учеников в 1735 г. было 35 человек, а к 1741 г. уже 108. После смерти Феофана (1736 г.) семинария увеличилась вследствие перевода в нее учеников из карповской школы и из новгородской семинарии. С 1732 г. на содержание невской семинарии положено отпускать по 1607 р. в год из вотчинных монастырских доходов, а после отобрания монастырских вотчин в управление коллегии экономии она одна, за исключением потом с 1740 г. новгородской семинарии, удостоилась назначения штатного оклада в 1917 р.¹⁵⁰. Счастье особенно благоприятствовало этой семинарии как вследствие ее

столичного значения, так благодаря просвещенному вниманию к ней св. Синода и личностей, занимавших место настоятелей невского монастыря, в ближайшем ведении которого она состояла, Петра Смелича и Стефана Калиновского.

По благоприятной обстановке, сильной поддержке со стороны сильных людей и богатству материальных средств, из семинарий с ней могла сравняться разве только семинария харьковская, благодаря покровительству и щедрости князя М. М. Голицына. В 1730 г. он разослал по своему управлению грамоту об ограждении коллегиума и пожертвованных в его пользу своих имений от обид и налогов, угрожая притеснителям из высших чинов воинским судом, а из низших телесным наказанием. А в 1731 году преосвящ. Епифаний исходатайствовал в пользу харьковской семинарии высочайшую грамоту, в которой, воздав должную похвалу просвещенному усердию епископа Епифания к основанию и устройению полезной школы, императрица утверждала на вечные времена все права и имущества училищного Покровского монастыря и семинарии и ограждала их от обид и притеснений со стороны как военных, так и штатских, и всякого чина и звания людей: „а учить, писалось в грамоте согласно с общесловным значением школы, всякого народа и звания детей православных, не токмо пиитике, риторике, но и философии и богословию, славяно-греческим и латинским языкам; такожде стараться, чтоб такие науки вводить на собственном российском языке, и преподавать учение с усердным тщанием, ревностью и радением, отнюдь не отлучаясь ни в чем св. восточной церкви исповедания, а беспокойных и вражды творящих учителей и учеников унимать и смирять, и ни до какого своеволья не допускать”. Преемники Епифания Досифей Богданович-Любимский (1731–1736) и Петр Смелич (1736–1742) с успехом поддерживали и возвысили его учреждение. Вскоре после его смерти в семинарии открылся высший богословский класс и она постоянно начала называться коллегиумом. При Петре Смеличе заведены были классы новых языков (немецкого и французского), математический, архитектурный, исторический и географический, вскоре впрочем после него упраздненные. Из донесения епископа Досифея св.

Синоду видно, что лучшие студенты коллегиума с самого начала его существования отправлялись для приготовления к учительским местам за границу, в Германию. При П. Смеличе вызывались из иностранных училищ учителя¹⁵¹. Благодаря всем этим благоприятным условиям, харьковский коллегиум сделался образцовым училищем на юге, первым после киевской академии, и далеко превзошел старейшую его южную семинарию черниговскую, которая прежде называлась коллегиумом, но не успела завести у себя высших классов во все описываемое время и остановилась в своем развитии на риторике.

За исключением невской и харьковской школы, все другие школы по епархиям преобразовывались в семинарии и расширяли свои курсы при самой бедной обстановке, единственно благодаря только энергии своих местных епархиальных властей и поддержке со стороны местных епархиальных средств. Раньше других, в 1730 году, преобразована была славяно-российская школа в Холмогорах, заведенная еще в 1723 году архиепископом Варнавою; в это время учителем в нее определился „обучавшийся за морем” Иван Цареградский, начавший в первый раз обучать учеников латинскому языку, и она получила наименование славяно-латинской и значение семинарии¹⁵². После Варнавы об устройстве ее особенно позаботился преемник его Герман Копцевич (1731–1735) бывший ректор московской академии, тот самый, который в 1728 г. принял в академию на свою ответственность гениального рыбака Ломоносова. Содержание семинарии было принято при нем на счет архиерейского дома. Курс семинарии с помощью преемника Цареградского, учителя иеромонаха Венедикта (из малороссов), доходил до пиитики¹⁵³. В том же году архиерей Афанасий Кондоиди завел вологодскую семинарию и за неимением учителей сам даже учил в ней латинскому языку; при его преемниках, Амвросии Юшкевиче и особенно при Пимене Савелове (с 1740 г.), число учителей умножилось приезжими киевлянами и семинария получила прочное существование¹⁵⁴. В следующем 1731 году, епископом Вениамином Сахновским преобразована была в семинарию

коломенская школа; первоначально в нее введен был только латинский язык, а с 1740 г. при архиереях Киприане и особенно Савве Шпаковском в нее вызваны были учителя из Киева, которые должны были открыть в ней обычные семинарские классы до философии; к концу царствования она доведена была до риторики¹⁵⁵. В 1733 году псковский архиепископ Варлаам Леницкий открыл в своей школе первый латинский класс и начал преобразовывать ее в семинарию, каждый курс открывая новые классы; к концу своего управления епархией (1738) он довел обучение до философского класса, после чего она сделалась одной из самых полных семинарий. Число учеников ее достигло при нем до 200 человек. Преемник его Стефан Калиновский в 1739 г. ввел философский класс, устроил для помещения семинарии двухэтажный дом близ печерского подворья, в котором она первоначально помещалась¹⁵⁶. В том же 1733 г. была открыта семинария в Казани. Судьба этой семинарии за описываемое время особенно обращает на себя внимание, потому что представляет выразительное указание на тогдашнее значение для епархиальных школ личности того или другого архиерея, управлявшего епархией.

После м. Тихона, заведшего казанскую школу с первоначальным курсом, школьное дело в Казани мало подвигалось вперед. Преемник Тихона Сильвестр, не отличавшийся ни образованием, ни особенно ревностью к распространению школьного образования в духовенстве, не имел никакого влияния на увеличение курса в казанской школе и, как человек преимущественно практического, хозяйственного направления, успел оказать ей только материальную, впрочем весьма важную, помощь, приписав к ней, на содержание ее, вотчины двух упраздненных монастырей, сарапульского Успенского и осинского Преображенского, за которыми числилось до 549 душ крестьян; для помещения школы отведено было место в Феодоровском монастыре и выстроен дом ценою в 250 рублей. Назначение в Казань (в 1732 г.) нового архиерея Илариона Рогалевского, человека Прокоповичевской школы и партии, живо подвинуло школьное дело вперед. В первый же год по приезде Иларион завел в Казани латинское

обучение, для которого и вызвал из Киева двоих учителей, Стефана Головацкого и Вениамина Пуцека-Григоровича. Новые учителя немедленно завели в школе киевские порядки и разделение классов на фару, инфиму и т. д. и архиерейская школа обращена была в семинарию: курс ее простирался до риторики включительно; число учеников возросло с 80 до 120 человек. Для управления семинарскими делами устроена была семинарская контора, во главе которой поставлен спасский архимандрит Герман Барутович. Содержание учителей и учеников было усилено, для чего все сборы на школу были увеличены вдвое и к прежним вотчинам, отписанным на семинарию, были прибавлены новые от Спасского, Феодоровского и Раифского монастырей (по одному селению от каждого). Для помещения семинарии, по высочайшему рескрипту, начата постройка особого каменного здания близ Петропавловской церкви; вся епархия была приведена в напряжение, чтобы доставить для этой постройки нужные средства. Случай послал в подмогу важное пособие. В 1728 г. умер в Казани известный суконный фабрикант Михляев, строитель Петропавловской церкви, около которой воздвигалась семинарская постройка, и оставил после себя завещание, в котором распорядился предоставить этой церкви свой двор при ней и 34 лавки в уплату оставшегося за ним долга в 3000 рублей. Дело об этом завещании затянулось и решилось как раз во время семинарской стройки в 1734 году. Наследники Михляева почли за лучшее, вместо двора и лавок, передать церкви самую сумму долга, которую Иларион и употребил на семинарию. Постройка пошла успешнее и возведен был уже весь первый этаж, как в 1735 г. Иларион был переведен из Казани в Чернигов, а на место его приехал бывший суздальский архиерей Гавриил из великоруссов старинного направления, вменявший „в добродетель все прежде в России небывалое истреблять без остатка”.

Все, над чем Иларион употребил столько трудов и энергии, пошло врозь. Семинарская постройка остановилась на первом этаже; покрыли его лубьями и донесли, что дальше „строить весьма нечем”. Школьников из 120 осталось 35; остальные, кто

отпущен был домой, кто определен в дьячки, кто в архиерейский хор, кто просто бежал, некоторые попали под разбор и улетели в солдаты. Герман Барутович был уволен от должности и уехал в Москву. Из учителей одному, преподававшему в низших классах, отказано от места, после чего низшие классы закрылись и можно было опасаться, что учение совсем прекратится за невозможностью принимать новых учеников; другие два учителя подумывали воротиться восвояси, в Киев. Духовенство почуяв, что архиерей не будет стоять за школу, поднялось с жалобами на разорение от школьных поборов и от содержания детей в школе; монастыри подали челобития о возвращении отписанных у них вотчин. Из св. Синода пришел запрос, почему школа распущена. Гавриил, разумеется; стал оправдываться истощением епархии, указал на жалобы духовенства из-за двойных сборов, на то, что монастыри после отписки у них вотчин на школу принуждены кормиться Христовым именем, что школа заведена слишком большая, а с епархии не только двойных, но и обыкновенных сборов собирать нельзя, благодаря недавнему башкирскому разорению. Но в Петербурге такими объяснениями не удовлетворялись. Ссылаться на недостаток средств к поддержанию школ было не принято; средств нет, – нужно их изобрести, как изобретал преосв. Иларион. Потребовали справок о прежнем состоянии казанской школы и о доходах тамошнего архиерейского дома, а между тем Гавриила вызвали в Петербург на чреду. Справки оказались не в пользу архиерея; в донесении его о расходах на школу обнаружены преувеличения. Узнав обо всем этом, правительство осталось очень недовольно и в начале 1737 г. именным указом из кабинета св. Синоду поручено было школу в Казани восстановить по-прежнему, а о распусчении ее произвести следствие. Следователями назначены были губернатор Голицын, зилантовский архимандрит Епифаний Адамацкий и воротившийся в Казань Герман Барутович. Следствие это протянулось весь 1737 год и дотянулось до 1738, когда Гавриил был переведен из Казани в Устюг, а на место его назначен был устюжский епископ Лука Конашевич, один из любимцев

покойного Феофана Прокоповича, стяжавший потом в Казани славу просветителя казанского духовенства. Ему тоже поручено было принять участие в следственном процессе о закрытии школы. Окончательное донесение о результатах всего следствия было отослано уже в мае 1739 года за подписом епископа Луки и губернатора Голицына; виной упадка школы во всем, разумеется, оказался Гавриил. По всей вероятности именно это неприятное дело и послужило поводом к упомянутому высочайшему указу 1739 г., который так резко укорял духовную команду в нечувственном небрежении.

На казанскую семинарию правительство обратило особенное внимание; еще в 1737 г. в указе императрицы было высказано требование, чтобы семинария эта не только в добром порядке была утверждена, но чтоб „от времени до времени в науках размножалась, с таким подкреплением, что в Казани наипаче других мест ученые священники потребны ради обращения иноверцев”. Воспользовавшись этим заявлением, Лука Конашевич в первый же год своего архиерейства собрал в нее до 183 учеников и принялся хлопотать о средствах к ее обеспечению и расширению. В докладе кабинету о результатах следствия, во исполнение высочайшего соизволения и намерения, приведены были два важных пункта: 1) об открытии в казанской школе двух высших классов, философского и богословского, и 2) об определении на нее штатного оклада. Но после этого сейчас же оказалось, что от высказывания благих намерений до исполнения их еще далеко. Стремлению архиерея ревнителя усовершенствовать свою семинарию были, разумеется, очень рады, но оклада на эту семинарию ему не дали. После его ходатайств об этом предмете в конце концов ему все-таки пришлось ограничиться в своих заботах о семинарии исключительно теми же местными средствами, какие употреблялись и при его предшественниках. Величайшим торжеством для него было и то, что он успел каким-то образом исходатайствовать 3000 рублей на постройку семинарского корпуса, – пример ассигновки денег, составлявший тогда не только необыкновенную редкость, но даже настоящее исключение из общего порядка. Еще в марте 1737 г.

архимандрит Герман представлял св. Синоду, что для продолжения начатой постройки семинарского здания требуется воспособление, и просил употребить на этот предмет находившиеся при архиерейском приказе лазаретные деньги 1734 и 1735 годов, но представление его осталось тогда без успеха. По ходатайству Луки Конашевича св. Синод отпустил на постройку указанную сумму из наличных при Синоде денег, оставшихся после духовных персон¹⁵⁷.

В соседней с казанскою вятской епархии архиерейская школа была обращена в семинарию в 1735 г., благодаря просветительной ревности архиерея Лаврентия Горки, „муз любителя и богослова“, как его величает стихотворная надпись на его гробнице, одного из друзей Прокоповича. Историк вятской епархии Платон Любарский дает об нем весьма сочувственный отзыв: „Он имел превосходные дарования душевные и телесные, ученостью славный муж, нравом прост, совестен, благочестив, неліцеприятен, непамятозлобив, только чрезмерно горяч и вспыльчив, но ненадолго. Сие последнее свойство было причиною, что он подчиненным своим не очень нравился; почему за строгость многие от них св. Синоду приносимы были жалобы, для прекращения коих переводим был во многие епархии, из астраханской в устюжскую, рязанскую, а с сей на Вятку. К оной строгости подавали ему случай подчиненных его грубые обычаи, кои простотою его прежних антецессоров исправляемы не были, в науках непросвещенность, кои он против желания их заводить старался, и наконец заматорелая распустность невоздержания, безчиние, и другое пороки, которые он на перелом прекратить старался... До прибытия его на Вятку никаких здесь словесных наук не было; он первый вызвал из киевской академии учителя, именем Михаила Финитского, завел славяно-латинские училища, в кои способных священно-церковно-служительских детей набирал почти не безуспешно. К искоренению прежнего суеверия, грубости, омерзения к наукам и к вкоренению истинного благочестия, вежливости и просвещения такое прилагал старание, что самоперсонально ежедневно почти посещал училища, поощрял, обнадеживал учеников, учредив

для них во облегчение скуки разные забавы, выгоды и преимущества: выписывал состоящую из весьма полезных и знатных авторов книг библиотеку; неученых, и по крайней мере чтением книг не просветившихся, какого бы они звания не были, гнушался, обхождения с ними не имел, таковых из подчиненных своих не только во священство и на другие степени, но ниже в причет церковный не производил, почему рукоположения его из священников и причетников весьма были немногие,... св. писание, древнюю историю, хронологию и хорошее чиноположение сам изъяснял, ревностно желая влиять на просвещение”¹⁵⁸.

Для открытия и обеспечения семинарии Лаврентий поднял на ноги всю епархию, сам узнавал доходы духовенства и назначал, сколько кому давать семинарского сбора; в то же время производил энергичный набор духовных детей для записи в учение, старался побудить к отдаче в свою школу детей даже светских горожан, для чего было и сносился с губернской канцелярией, но без успеха. Его крутые меры к образованию духовных детей подняли против него такую упрямую оппозицию со стороны подчиненного духовенства, что в борьбе с ней, несмотря на всю свою энергию, он приходил иногда в совершенное отчаяние. „Вси единодушно на мое зло настроены и развращены, писал он в 1734 г. св. Синоду, вси не слушают; иные бегают, другие укрываются и неисповедимые пакости мне творят. Хотел я и учения славяно-латинские в епархии вятской заводить и учителей из Киева двух человек мирских вызвал, но за таким гонением и противностями и ждать доброго невозможно”. Борьба эта продолжалась больше года и расстроила даже здоровье ревностного архипастыря (в 1737 г. он умер от паралича). Семинария все-таки была основана и получила надлежащие средства к своему существованию; она помещалась в четырех небольших избах при самом архиерейском доме; учеников было набрано до 400, хотя впрочем они и не все поступили в школу, а частью розданы для обучения в монастыри и духовным лицам г. Вятки, частью отправлены к отцам с обязательством явиться в семинарию уже в латинский класс. – Но едва только Лаврентия не стало, как

все заведенное им с такими усилиями стало рушиться. Архиерейский приказ не только не заботился о поддержании заведенной семинарии, но явно против нее недоброхотствовал. Ученики побежали по домам; учителя, не получая жалованья, один за другим уехали, кроме одного; школьные постройки без ремонта пришли в такое состояние, что в них трудно стало жить. Расстройство это продолжалось до 1739 г., когда в Вятку приехал архиерей Вениамин Сахновский, во многом напоминавший собой Лаврентия. Разными строгими и крутыми мерами он снова успел все восстановить по-старому и даже значительно расширить совсем было упадавшую школу; к концу 1740 года число учеников возросло до 450, кроме того открыты были новые классы, – пиитика и риторика¹⁵⁹.

В 1738 году началось преобразование нижегородской архиерейской школы, доселе остававшейся с двумя только классами, славяно-российским и еллинно-греческим, и дававшей своим питомцам старинное образование еллино-славянского типа, любимого архиереями великорусами. Видя повсюду водворение латинского учения, Питирим нижегородский решил завести его и у себя и открыл при школе третий грамматический класс, славяно-латинский; все три класса или школы, как их тогда называли, с этих пор начали называться одним именем семинарии. Учеников в них считалось 200 человек. В то же время, находя для своей обширной епархии одну семинарию недостаточной, Питирим начал устроить по епархиальным пятинам низшие школы; он предположил открыть их 8 в пятинах: работкинской, лысковской, терюшевской, павловской, катунской, алатырской, порецковской и курмышской, и еще 5 школ в местностях, приписанных к нижегородской епархии от синодальной области, – в Балахне, Юрьеве поволжском, Арзамасе, Вязниковской слободе и в галицком уезде. Предположение это было утверждено св. Синодом, и в некоторые из означенных местностей были уже посланы учителя, которым даны были и надлежащие инструкции; но смерть Питирима (1738 г. в мае) помешала осуществлению предпринятого им дела. Преемник Питирима Иоанн Дубинский из малороссов усердно занялся

благоустройством семинарии, но по своей болезненности и кратковременности управления епархией (до 1742 г.) не успел завести высших классов хотя и стремился к этому. До 1740-х годов семинария поэтому оставалась только с грамматическим классом. Узнав об ассигновке сумм на постройку казанской семинарии, Иоанн хотел выхлопотать такое же пособие и для своей школы и послал о том в св. Синод донесение, представляя все неудобство ее помещения в архиерейском доме. Св. Синод потребовал, чтобы составлена была смета предстоящих при постройке расходов, но на этом дело и покончилось. Преосв. Иоанн все-таки не оставлял своей мысли о семинарской постройке, до самого конца своего управления копил на нее деньги и оставил после себя таких денег 300 рублей, которые и употребил по назначению уже его преемник по кафедре Димитрий Сеченов¹⁶⁰.

В том же 1738 г. епископ Лука Конашевич открыл семинарию в Устюге перед самым своим отъездом в Казань; семинария эта имела впрочем только низшие классы до грамматического включительно¹⁶¹. На противоположном южном конце России в то же время первый самостоятельный епископ переяславский Арсений Берло открыл семинарию в Переяславе, которая с самого же начала устроилась по южнорусскому типу¹⁶².

В 1739 г. по именному указу императрицы Леонидом, архиепископом сарским, учреждена крутицкая семинария с 30 учениками. Помещение ей определено в г. Вязьме в Предтеченском монастыре. После (в 1744 г.) она была переведена в Москву на крутицкий архиерейский двор¹⁶³. В феврале того же года преобразована в семинарию тверская школа. Преосвященный Феофилакт в свое управление тверской епархией успел выстроить для этой школы проектированные его предшественником Сильвестром здания в Феодоровском монастыре и завести первоначальное обучение, оканчивавшееся еллино-словенской грамматикой; латинское учение не было при нем введено. Преемник его (с 1739 г.) Митрофан Слотвинский затеял, впрочем не удавшееся, дело о построении особого каменного училищного здания близ

архиерейского дома и ввел в школу латинское учение, после чего она переименована в семинарию. Для преподавания новых предметов он выписал из Киева учителей, в числе которых был знаменитый знаток греческого языка Иаков Блонницкий. С помощью этих учителей в 1740-х годах он завел в семинарии все классы до философии включительно¹⁶⁴. — В том же году началось прочное существование рязанской семинарии, которая доселе имела очень непостоянную судьбу. Мы видели, что при архиерее Гаврииле Бужинском она было успела значительно подняться; к 1729 г. для помещения ее существовало уже особое здание, а учеников насчитывалось до 339 человек; но после смерти Гавриила, с самого начала царствования Анны Иоанновны, учение в ней почти вовсе не производилось в течении чуть не целых 9 лет, хотя непосредственным преемником Гавриила и был такой ревнитель просвещения, как Лаврентий Горка. Причиной было неимение нужных учителей; Лаврентий по приезде в рязанскую епархию немедленно собрал 56 учеников и вызвал учителя из московской академии, но на другой же год учитель этот помер и учение остановилось; да и сам Лаврентий недолго оставался в Рязани, в 1733 г. переведен был в Вятку. Назначенный на его место из Вятки Алексей Титов, по отзыву Любарского, не был охотником до школ и не поддерживал дела Лаврентьева. Уже в 1738 г. он собрал 227 человек, но в том же году опять распустил их. В следующем году уже сам св. Синод настоял, чтобы учение непременно было открыто, и в школу было снова собрано до полутора ста учеников. В 1740 г. она была устроена на семинарских началах с введением латыни и с разделением классов¹⁶⁵.

В 1740 году открыта семинария в Новгороде. Мы видели, как новгородские школы м. Иова были приведены в упадок Феофаном Прокоповичем ради его карповской школы. По закрытии последней новгородские ученики учились в невской семинарии до самого 1740 г., когда при преемнике Феофана, Амвросии Юшкевиче состоялся высочайший указ об открытии новгородской семинарии и об ее штатном содержании. Обучать в ней велено „латинского, еллино-греческого; и аще возможно, и еврейского языков, начав от грамматики даже до риторики,

философии, теологии. И для того избрать искуснейших учителей из монахов и светских, сколько потребно, и награждая оных довольным жалованием, определить и набрать учеников в ту семинарию до 200 человек, выбирая способнейших к наукам из священнических, церковнических и архиерейского дому и монастырских слуг детей, которые уже обучены читать и писать в русском языке, а именно от 10 до 12 лет, и как о добром их обучении, так и о порядочном содержании крайнее попечение иметь, дабы оная семинария праздна и бесполезна не была, и от времени до времени учением процветала, и в совершенный порядок приведена была". На содержание ее штатного оклада ассигновано было 7859 р. 37 к. в год. Устройство ее проектировано было в широких размерах, со всеми классами до богословия включительно и кроме того для учеников малоспособных с классом ремесленным, где предположено обучать иконописному искусству, с большой бурсой и правильно организованным экономическим и педагогическим управлением, причем главная и непосредственная власть над всей семинарией вверялась архиерею, как и во всех других архиерейских школах. На первый раз впрочем учение заканчивалось синтаксическим классом и только в июле 1741 г. введена была в семинарию пиитика; открытие следующих классов последовало уже в царствование Елизаветы. Помещение для семинарии Амвросий отвел в Антонове монастыре, переведя его монахов в ближайший Деревяницкий монастырь. Кроме того вне монастыря для помещения учеников, которым не доставало места в монастыре, построено было несколько деревянных корпусов, а в начале 1741 года начата для семинарии и ее библиотеки постройка каменного здания, кончившаяся в следующем году¹⁶⁶.

Кроме перечисленных школ, преобразованных в семинарии с 1730 до 1741 года, как мы знаем, были еще две школы, которые образовались по семинарскому типу еще раньше, школы черниговская и смоленская. Таким образом всех семинарий к началу 1740 годов можно насчитать до 17, за исключением низших школ и таких, которые существовали лишь непродолжительное время и потом или закрывались, или снова

обращались в низшие школы. Так в 1731 г. воронежским архиереем Иоакимом Струковым положено было основание воронежской семинарии; в ней с самого начала введено было преподавание латинского языка, для чего из Киева был приглашен один учитель; но по смерти Иоакима в 1742 году она была закрыта, так и не успевши уйти дальше латинского элементаря¹⁶⁷. В 1739 г. архиепископ ростовский Иоаким открыл семинарию на месте старой ростовской школы, но к 1745 г. она опять стояла уже на степени низшей школы с элементарным обучением чтению по Псалтири и Часослову, чистописанию и церковному пению¹⁶⁸. В 1740 г. при епископе Симоне в Суздаль прислан был иеромонах Иустин для заведения суздальской семинарии, но только лишь эта семинария была заведена, как Иустин помер, и через два года она снова закрылась¹⁶⁹.

Низшие, славяно-российские, а по местам и славяно-латинские школы с заведением семинарий теряли свое прежнее значение, какое они имели, когда сами заменяли семинарии, и делались школами пригготовительными, которые должны были с одной стороны облегчать труд семинарий, освобождая их от скопления учеников, нуждавшихся в первоначальном элементарном обучении, а с другой, будучи распределены по разным епархиальным округам, доставлять большее удобство к такому обучению духовных детей их родителям, особенно в обширных епархиях, и таким образом заменять старинные школы мастеров грамотности. Мысль о таком их значении сформулирована в указе 1740 года о штате новгородской семинарии, где было между прочим велено: „чтобы во учении грамоте никто не имел отговорок, что школ не учреждено и учителей сыскать не мог, для того... как в городе, так и в уезде той епархии в пристойных местах учредить школы для обучения по-русски читать и писать, и избирать к тому учению священников, и церковников таких, которые в правоглаголении и в правописании знают силу, которым за такое учение определить цену против прежних примеров, почему за что до сего времени учителям ученики платили”.

Эти низшие школы возникали и прежде около главных школ с более широким курсом, каковы были школы новгородской

епархии Петровского времени. По мере расширения курсов в главных епархиальных училищах они стали открываться одна за другой в разных епархиях. Полный перечень их за недостатком сведений довольно труден; сколько известно, такие школы были устроены: в епархии новгородской уже перечисленные выше, – после упадка новгородской школы и они впрочем пришли, как видится, в упадок, потому что указ 1740 г. их совсем игнорирует, а в конце 1750-х годов их пришлось открывать снова; – в городах Туле и Орле коломенской епархии, где в 1726 г. открыли обучение кончившие курс в новгородских школах грамматисты; в Ярославле ростовской епархии, учрежденная в 1725 г., и в Угличе, известия о которой сохранились от 1740 г.¹⁷⁰; в Белгороде, оставшаяся после учреждения харьковского коллегиума в качестве низшей школы, хотя и была не просто славяно-российскою, а славяно-латинскою. При Анне Иоанновне, архиепископ белгородский Петр указом 1737 г. распорядился завести в своей епархии еще две низшие школы (словено-латинские же) в Курске и в Старом-Осколе; побуждением к такому распоряжению в указе выставлено то, что хотя в белгородской епархии и есть уже школы в г. Харькове, но от многих епархиальных мест Харьков находится в отдаленности, кроме того в одном городе и трудно поместить всех духовных детей со всей епархии, тем более что в Харькове беспрестанно состоят квартирами генералитет, штаб и обер-офицеры и войска, производя большое стеснение и недостаток в квартирах; старо-оскольское училище было впрочем в 1741 г. снова закрыто¹⁷¹. В 1735 г. епископ иркутский Иннокентий Нерунович открыл школу в Якутске при тамошнем Спасском монастыре. Еще раньше существовала низшая школа в тобольском Знаменском монастыре, хотя сама архиерейская школа в Тобольске оставалась только элементарною¹⁷². Ко времени царствования Анны Иоанновны относится также устройство низших школ в смоленской епархии: по справкам об этих школах, требовавшимся в 1785 г. в св. Синод, оказалось, что в смоленской епархии было пять таких школ, – в г. Дорогобуже, открытая не позже 1730 г. при преосв. Гедоне Вишниевском, в г. Белом – около того же времени, в Рославле,

известная по документам в 1738 г., в Торопце, построенная по указу импер. Анны коштом торопецких граждан и духовенства в 1736 г., и наконец в г. Вязьме, явившаяся уже при имп. Елизавете¹⁷³. Наконец мы уже видели, что с преобразованием в семинарию нижегородской школы потребность в низших школах явилась и в нижегородской епархии; за недостатком определенных указаний мы не можем впрочем сказать, все ли 13 школ, проектированных Питиримом, были открыты на самом деле, или только некоторые из них¹⁷⁴.

Пересматривая весь этот перечень новых и преобразованных духовных школ, нельзя не сознаться, что за такое короткое время, около 11 лет, духовная команда, которую винили в нечувственном небрежении, сделала очень много, особенно если взять во внимание, что все устройство этих школ произведено без правительственных пособий, единственно на местные епархиальные средства, и при обстоятельствах далеко неблагоприятных для требовавшихся при этом расходов: – разумею отобрание церковных вотчин в управление коллегии экономии и заметное тогда повсюду обеднение архиерейских домов. Несколько крупное пособие получила одна только казанская семинария, а постоянные оклады, после всех возгласов об них в указах и после усиленных и быстрых работ по их определению, получили только две семинарии – петербургская и новгородская. Распоряжения правительства об устройстве семинарий были действительно очень энергичны, но как только дело доходило до денег, так сейчас же или затягивалось или вовсе останавливалось, и деятельная, практическая энергия проявлялась после этого на стороне одних только исполнителей строгих распоряжений, епархиальных архиереев. Все это впрочем было очень естественно при тогдашнем воззрении государства на образование, как только на приготовление к службе в том или другом ведомстве, о котором и должно уже заботиться это самое ведомство, а не высшая администрация.

В ноябре 1741 года взошла на престол императрица Елизавета, на которую духовенство возлагало большие надежды, ожидая от нее всяких благ для православной церкви,

между прочим и поддержки для духовного просвещения. Новая государыня действительно была любительницей этого просвещения, читала духовные книги, любила слушать проповеди, хорошо знала церковный чин и обрядность. К духовным школам с самого же начала царствования она оказывала редкую внимательность, которой они еще никогда не удостаивались от Высочайших особ. Так, вскоре по восшествии на престол она потребовала от Невского монастыря известия о тамошней семинарии, сколько в ней воспитанников, чьих отцов дети, чему учатся и на что содержатся. Учители Кременецкий и Зертис-Каменский донесли по этому указу, что учеников у них 85, обучаются до риторики включительно и классическим языкам. Воротившись в 1743 г. из Москвы в Петербург после коронации, императрица посетила Невский монастырь и была торжественно встречена здесь воспитанниками семинарии, одетыми в особо приготовленные на этот случай красные эпанчи, с венками на головах и с лавровыми ветвями в руках. При этом она соизволила повелеть, чтобы, в случае назначения в семинарии диспутов, диспуты эти не были производимы без ее высочайшего присутствия. Вскоре она действительно была на одном таком диспуте по случаю окончания первого в невиской семинарии философского курса, причем вместе с ней был в семинарии и в. кн. наследник Петр Феодорович¹⁷⁵. По свидетельству Бантыш-Каменского, посещая после этого неоднократно Невский монастырь, императрица никогда не забывала приглашать к себе наставников семинарии¹⁷⁶. В другом уважаемом ею монастыре, в Троицкой лавре, по ее именному указу было ускорено открытие новой семинарии, предпринятое еще в 1738 году при Анне Иоанновне. Во время своего посещения лавры в 1742 году императрица сама назначила содержать в новой семинарии штатом до 100 учеников, обучающимся на своем коште, обещала производство высших чинов и пожаловала учителям, не имевшим свящ. сана, светские отличия (шпаги). После, нередко посещая лавру, иногда раза по три в год, она всегда оказывала семинарии свое милостивое внимание и имела ее под своим высочайшим покровительством. Сохранилось описание ее торжественных

встреч в семинарии, причем по обычаю в честь ее пелись канты, говорились речи и стихи. Императрица приглашала к себе при этом начальников и наставников, жаловала их к руке и делала на семинарию щедрые пожертвования; наприим. в 1744 г. пожаловала 2000, в 1749 г. 1000 рублей¹⁷⁷. Но подобными частными заявлениями личного благорасположения к духовным школам и ограничилось участие к их судьбе новой императрицы. Каких-нибудь общих мер к улучшению их состояния не было ею предпринимаемо в течение всего ее царствования. Возвращение в 1744 г. церковных вотчин из ведомства коллегии эконومیи снова в ведомство духовных властей, разумеется, должно было послужить к лучшему для епархиальных учебных заведений, по крайней мере в тех епархиях, где святительствоваали архиереи ревнители образования, потому что после этого последние получили больше средств изливать свою щедрость на любимые ими школы. Но зато с этого же времени правительство отказалось от выдачи всяких окладов на дух. школы с своей стороны и предоставило разрешение вопроса о назначении им штатных окладов св. Синоду на средства исключительно духовного ведомства. В св. Синоде вопрос этот остался без разрешения, и дух. школы по-старому остались на содержании из частных одиночных средств каждой епархии. Понятно, что при таких условиях не могло произойти никаких существенных перемен в их жизни. Судьба каждой школы по-прежнему зависела от личности местного архиерея, от степени его склонности к распространению образования и изобретательности в изыскании для этого материальных средств. Хотя и реже прежнего, но еще встречаем примеры даже прямого нерасположения к школам со стороны архиереев великоруссов. В Архангельске, где, как мы видели, семинария доведена была до цветущего состояния в царствование Анны, при Елизавете явился архиерей великорусс Варсонофий (1740–1759) и нашел, что эта черкасская затея требует только лишних расходов. „Чего ради, говорил он, такая не по здешней епархии школа построена. Да школам в здешней скудной епархии и быть не надлежит; к ним охоту имели бывшие здесь архиереи-черкасишки, ни к чему негодницы”. Ненавидя ученых

малороссов, он обижал экзаменатора Венедикта Галецкого, не произвел его в архимандриты в Антониев сийский монастырь, несмотря на то, что его велено было туда определить по указу св. Синода, не пускал его к себе в келью и кроме того обижал в содержании. Галецкий не вынес прижимок и уехал из епархии, потому что при тогдашней нужде в ученых людях подобный ему человек мог легко отыскать себе хорошую должность. Варсонофий не стал об нем тужить, а еще порадовался его отъезду: „Слава де Богу, черкашенина избыли”!¹⁷⁸ Встречаем примеры, как иногда дурно действовала на судьбу семинарии смена архиереев, как семинария, поднятая при одном архиерее, приходила в упадок при другом, потом снова поправлялась при следующем. – Но все-таки время не бесследно проходило над молодыми рассадниками духовного просвещения. Нужда в учении с каждым годом делалась все настойчивее; и человеку, нигде не учившемуся, все хуже и хуже становилось жить на свете. Под руководством ученых малороссиян под конец царствования Елизаветы успело воспитаться целое поколение великорусских молодых людей, которые сами начали выступать на просветительное поприще, как живые свидетели того, что новое школьное образование уже достаточно привилось в среде великорусского духовенства, стоявшего прежде против него. Открывались новые школы; старые, при всем недостатке питания и благоприятных условий, крепили и увеличивались как по числу учащихся, так и по объему своих курсов.

Новых школ открыто было не так много, как в предшествовавшие царствования, потому что самая горячая пора их первоначального учреждения прошла и они существовали уже в большей части епархий. Первою семинарией, открытой в царствование Елизаветы, была Троицкая, учреждение которой было предположено еще в указе 1738 года, изданном императрицею Анною¹⁷⁹; но пока в Синоде писалась инструкция об устройстве этой семинарии, пока монастырское начальство составляло соображения об ее помещении и содержании, прошло два года, императрица Анна скончалась, а при императоре Иоанне III дело оставалось без

движения. Елизавета возобновила это дело указом из Синода на имя архимандрита троицкого Кирилла Флоринского, и в 1742 последовало действительное открытие семинарии. Она поставлена была в ближайшую связь с лаврой, в которой помещалась и от которой получала свое содержание, так что и управлялась архимандритом и монастырским собором, имея у себя для внутреннего управления только контору и префекта и не имея особого ректора до 1748 года. С осени 1742 года, постепенно открывая новые классы, до 1751 года она успела завести у себя полный курс до богословия включительно и таким образом почти сравняться с академиями¹⁸⁰.

В 1745 году воронежский архиерей Феофилакт открыл воронежскую семинарию, которая, как мы видели была основана в виде латинской школы еще в 1731 году, но потом закрылась. Несмотря на все затруднения, какие представляло ему невежество его полудикой епархии, особенно казацкого донского края, он не только возобновил в Воронеже прервавшееся учение, но при этом постарался еще организовать воронежскую школу в виде семинарии. Первоначально были заведены низшие классы, – русский, латинский и певческий; единственный учитель семинарии (кроме особого учителя пения) студент киевской академии Лукиан Стасиевич в несколько лет прошел потом с учениками все классы до риторики включительно. На риторическом классе развитие семинарии остановилось на долгое время, до 70-х годов XVIII столетия. В 1751 году тот же преосвященный Феофилакт вызвал было из Киева студента Прокла Бухартовского, человека очень умного и порядочного философа, для открытия философского класса, но предположение это почему-то не состоялось: по крайней мере до царствования Екатерины II мы нигде не находим известий о преподавании в Воронеже философии. Под конец описываемого времени здесь уничтожился даже и риторический класс. Епископ воронежский Кирилл в 1761 году перемещен был в Чернигов и увез с собой учителя риторики, после чего в Воронеже остался учитель только низшего класса. Преемник Кирилла Иоанникий, по словам киевского митрополита Евгения, был сам из неученых, а

потому не только не позаботился о поддержании заведенных до него классов, но по приезде в Воронеж порешил совсем прекратить латинское учение и оставил одно славяно-русское, которое преподавалось в двух школах, при архиерейском доме и в г. Острогжске. Семинария снова поднялась из упадка уже в 1760-х годах, в управление воронежской епархией преосв. Тихона¹⁸¹.

С 1744 г. началось преобразование в семинарию тобольской школы, которая доселе все еще оставалась при одном элементарном славяно-русском обучении. Преобразовать ее в семинарию м. Антоний думал еще в 1738 г., но недостаток средств, и вскоре (в марте 1740 г.) последовавшая кончина его не позволили привести этого намерения в исполнение. Преемник его Арсений Мациевич в 1742 г. входил в св. Синод с представлением, чтобы „за скудость епаршеских доходов латинским школам в Тобольску при доме архиерейском не быть”, но св. Синод на это не согласился, как на предложение, противное высочайшим указам, и порекомендовал только в случае крайнего недостатка средств уменьшить число учеников.¹⁸² Следующий тобольский митрополит Антоний Нарожницкий отнесся к школе с большим вниманием, выстроил для нее каменное здание на архиерейском дворе, послал в Киев приглашение студентам к учительству и сделал новый вызов учеников. Из Киева на его приглашение приехали 4 учителя и в 1744 г. семинария была открыта под непосредственным его наблюдением. В 1748 году ученики проходили в ней 6 классов до риторики включительно. Антоний поэтому считается обыкновенно основателем тобольской семинарии. Преемник его м. Сильвестр Гловацкий с успехом поддержал его дело и в 1755 г. открыл при семинарии класс философский¹⁸³.

В 1747 г. Арсений Мациевич, управлявший в это время ростовской епархией, открыл семинарию в Ярославле; она была образована из соединения переведенных сюда славяно-латинской грамматической школы ростовской и славяно-русской угличской с бывшей в Ярославле прежде славяно-

русской школой. Помещение для новой семинарии было отведено в Спасопреображенском монастыре¹⁸⁴.

В том же году основана семинария в Костроме. Костромская епархия была еще новая. Первый ее архиерей Симон Тодорский управлял ею недолго, менее полгода (в 1745 г.) и не успел ничего сделать для ее просвещения. После него на костромскую кафедру был возведен известный своею ученостью, бывший ректор киевской академии, Сильвестр Кулябка и по приезде в свою епархию немедленно принялся наводить справки о доходах подведомых ему монастырей и церквей с целью изыскать средства на содержание будущей семинарии. Открытие последней встречено было с большим неудовольствием по всей епархии и вследствие противодействия духовенства затянулось почти на два года. С большим трудом преосвященному удалось кое-как организовать сбор семинарского хлеба, и набрать до 30 учеников. Семинария открылась в конце 1747 года в Ипатьевском монастыре при архиерейском доме и состояла только из низших классов с латинским обучением, но и в этом виде продержалась только до перевода Сильвестра в Петербург, до 1750 г.; по отъезде его учение в ней прекратилось, а ученики были распущены по домам. Через 3 года со вступлением на костромскую кафедру Геннадия Андреевского (1753 г.) снова собрано было до 30 учеников и в 1754 г. опять открылось учение, на этот раз не в Ипатьевском, а в Семеновском монастыре в самом городе (близ церкви богоотец Иоакима и Анны). В продолжение архиерейства Геннадия до 1757 г. семинария успела дойти уже до риторики и настолько окрепла, что по увольнении Геннадия на покой уже не была закрываема, как в 1750 г. Окончательным своим устройством и даже процветанием она обязана была преемнику Геннадия, преосв. Дамаскину Аскаронскому, который в первый же год своего управления обратил на нее свое особенное внимание. К осени 1758 г. для нее был уже выстроен особый деревянный корпус с 20 комнатами, церковью и помещением для префекта и учителей в 1½ верстах от города в Запрудке, где подле училищного корпуса преосвященный для ближайшего надзора за семинарией выстроил деревянный дом и для себя. В

следующем году с его стороны последовал из Киева вызов новых учителей, повторявшийся и в последующие годы; в 60-х годах курс семинарии заключал в себе уже все классы и с богословием, а число учеников простиралось до 80 человек¹⁸⁵.

Во Владимире (1748–1757) явился энергический архиерей, любитель просвещения Платон Петрункевич и в 1749 г. порешил открыть владимирскую семинарию. Местом для нее он выбрал Богородицкий девичий монастырь, находившийся тогда в крайнем упадке, немедленно велел перевести из него четырех живших в нем монахинь в Успенский девичий монастырь и распорядился приспособить его к потребностям школьной жизни. Когда после этого открылось, что значительною частью земли Богородицкого монастыря завладели жившие в соседстве его богатые купцы, Зюзин и Мартынов, он велел эту землю от них отобрать, вследствие чего произошла упорная тяжба между консисторией и магистратом, в которой последний отстаивал права купцов и которую консистория с большим трудом выиграла в пользу школы. Истошив все свои средства в споре, она прибегнула даже к помощи самого опасного в то время крючка: – из упорства, с каким посадские люди не хотели воротить захваченной ими земли, заключила, что они вероятно придерживаются раскола и во всяком случае должны быть люди опасные как для церкви, так и для государства, – недаром же прихожане приписанные к монастырю, при всем своем богатстве много лет уже не могут добыть себе священника да и монастырь наполнили какими-то келейницами белицами, что и сам магистрат, защищающий таковых позорных и к расколу склонных людей, должен быть заподозрен в том же. Испугавшись такого маневра консистории, магистрат уступил ей и объявил, что означенные купцы готовы воротить захваченную землю для семинарии и немедленно снесут все поставленные на ней свои постройки. Между тем преосвященный разослал строгие указы по духовенству о наборе в новую семинарию детей и о сборе надлежащего количества хлеба по Регламенту. Менее чем в год все эти предварительные хлопоты были окончены и в 1750 году семинария была открыта. Курс ее с 1760-х годов заканчивался классом риторики¹⁸⁶. – В епархии

суздальской, от которой была отделена владимирская, духовная семинария была, как мы видели, закрыта в 1743 г.; при архиерее Порфирии Крайском в 1755 г. она снова открыта и с этого времени началось наконец прочное ее существование¹⁸⁷.

Через три года (в 1753 г.) после открытия владимирской семинарии заведена была семинария в Переяславле Залесском при епископе Серапионе Латошевиче. Епархия переяславская недавно только (в 1744 г.) была открыта, а потому в Переяславле не было доселе еще ни одного училища. Дети духовенства ездили для обучения в лаврскую Троицкую семинарию; многочисленность этих учеников и дороговизна их содержания в Троицкой семинарии заставили наконец преосв. Серапиона озаботиться заведением собственной семинарии. Преемник его Амвросий Зертис-Каменский поддержал его учреждение и переяславская семинария скоро достигла до степени одного из наиболее устроенных духовных училищ. Помещение ее было в Даниловском монастыре, в здании нынешнего училища. Курс простирался до риторического класса, но вместе с риторикой учеников в этом классе знакомили и с высшими науками, философией и богословием, так что он разом отвечал за три высших класса. Учеников было до 90 с лишком¹⁸⁸.

В 1757 г. преосв. Георгий Конисский основал семинарию могилевскую. Особенные нужды православной церкви в белорусской епархии, обуреваемой католическим и униатским гонением, были причиною того, что правительство явилось особенно щедрым к новой семинарии и по ходатайству архиерея назначило для поддержания ее ежегодный оклад в 400 р. Семинария могилевская впрочем долго оставалась с одними низшими классами и уже только в 80-х годах XVIII столетия успела завести высшие¹⁸⁹.

К 1764 г., ко времени учреждения духовных штатов, семинарий считалось 26, а учеников 6000 человек, тогда как при Анне Иоанновне по ведомостям 1738 г. число учащихся простиралось всего до 2589¹⁹⁰. По всей вероятности в это число 6 тысяч входили и ученики низших школ, заведение которых все

усиливалось по мере распространения семинарского образования и числа учащихся в семинариях. Полное перечисление этих школ пока невозможно. Вот несколько школ, о которых мы имеем кое-какие сведения: угличская и ростовская, упразднившиеся с учреждением ярославской семинарии в 1747 г. вяземская, бывшая прежде крутицкой епархиальной семинарией, но оставшаяся низшим училищем после перевода этой семинарии в Москву в 1744 г.; чрез 6 лет она было закрылась, но с 1761 г. снова открыта¹⁹¹; школы новгородские, которые в начале царствования совсем упали, но с 1758 г. старанием митрополита Димитрия Сеченова снова открыты в числе 13, с несколько измененным против прежнего распределением по епархии, именно: в Олонце, Великих Луках, Торжке, Устюжне, Бежецке, Старой Руссе, Тихвине, в погосте Вышневолоцком, в новой Ладогe, в селе Валдае, в Крестовском заказе, в Зарусской и Залесской половинах и в Каргополе (последние еще с 1742 г.)¹⁹²; школа черкасская, заведенная в Черкасске в 1746 г. вслед за открытием воронежской семинарии и назначенная для духовных детей среди донского казачьего войска, которое не давало их для обучения в воронежскую семинарию и не позволяло даже их переписывать, отстаивая свои привилегии¹⁹³; той же епархии школа острогожская, заведенная в конце описываемого времени пресв. Иоанникием Павлуцким¹⁹⁴; школа белевская крутицкой епархии, открытая в 1761 г.¹⁹⁵; две школы в вятской епархии, в Кунгуре и Соликамске, открытые в 1760 г. преосв. Варфоломеем Любарским¹⁹⁶; в тобольской епархии после открытия семинарии в Тобольске м. Антоний Нарожницкий, кроме прежней низшей школы в тобольском Знаменском монастыре, поспешил завести новые пригготовительные школы в Рафаиловском и Енисейском монастырях, в г. Троицке и в томском Алексеевском монастыре около 1748 г. в число духовных училищ для приготовления духовных детей к семинарии включена и прежняя монастырская школа при Далматовом монастыре, – к 1761 году она уже была славяно-латинскою; в 1761 же году учреждены латинские школы по заказам в г. Ишиме, Ялуторске, Тюмени, на Нижне-Тагильском заводе, в Рафаиловском монастыре и в

Екатеринбурге¹⁹⁷. Есть известие, что в 1760 г. завести русские школы при каждом духовном правлении распорядился преосв. Дамаскин костромской; не известно, приведено ли это распоряжение в исполнение¹⁹⁸. К числу низших духовных школ отчасти можно отнести инородческие школы, учрежденные для обучения инородцев в казанской епархии, потому что курс этих школ был преимущественно духовного характера и воспитанники их если не все, то по крайней мере многие получали после церковные должности. Одной из ранних школ этого рода была школа новокрещенская свияжская, существовавшая в 1730-х годах; потом в 1740 г. епископ Лука Конашевич открыл новокрещенскую школу в Зилантовом монастыре. Правительство проектировало открыть 4 школы для инородцев: – в казанском Феодоровском монастыре, в Елабуге, Царевококшайске и Цивильске; вместо них в 1740-х годах действительно существовали школы свияжская, елабужская и царевококшайская, – о существовании школы в Феодоровском монастыре определенно неизвестно. В 1753 г. епископ Лука соединил эти школы в одну около церкви Захарии и Елизаветы в Казани. С начала своего существования инородческие школы еще довольно ясно выделялись из системы специальных духовных школ как по своему преимущественно миссионерскому назначению, так и по своей подведомственности новокрещенской конторе, но с конца 40-х годов почти совсем превратились в обыкновенные духовные школы под ведомством епархиальной власти, в которое они переданы были св. Синодом по ходатайству самой же новокрещенской конторы¹⁹⁹. В начале царствования Екатерины II само духовное начальство представляло о совершенном их закрытии на том основании, что для образования учителей и священнослужителей в инородческие приходы достаточно обыкновенных духовных школ, а низшее обучение дети инородцев могут получать у членов своего приходского клира. Императрица не согласилась с этим представлением и поддержала отдельное существование инородческих школ, но существование их было после этого очень жалкое и к концу

XVIII в. все-таки прекратилось без всякого распоряжения об их закрытии, само собой²⁰⁰.

б) Управление и содержание духовных школ

Мы видели, что несмотря на постоянные внушения, какие св. Синод делал по своему ведомству относительно важности духовного образования и какие шли также со стороны государственной власти, высшая церковная администрация так и не завела у себя особого органа для управления открывавшимися повсюду духовными школами. В 1726 г. св. Синод уничтожил даже бывшую при нем для заведывания школами и типографиями контору Гавриила Бужинского, „поручив московские школы тамошнему ректору, а прочие местным архиереям и архимандритам, а типографии директорам, т. е. одним только местным начальствам”²⁰¹. При Синоде после этого в течение XVIII в. только и было одно особое отделение, – экономическое, носившее в разные времена разные названия. Раннее появление его было совершенно естественно, потому что централизация управления, выражающая в администрации сознание общего характера известной стороны жизни, подлежащей ее надзору, везде и всегда начиналась с внешности, с материальных средств жизни; церковные имущества при том же сильно были затронуты государственным вопросом их секуляризации, который еще в древней Руси возбудил в иерархии усиленное стремление выставить на первый план их общецерковный характер и выработать для них общецерковные формы управления. Духовное образование, не затрагиваемое особенно никакими вопросами подобного рода, неизменно продолжало оставаться в одном епархиальном ведомстве, из области которого не выходили даже академии, – заведения, по кругу своей просветительной практики имевшие уже вовсе не епархиальное значение. Вся административная деятельность св. Синода в отношении к духовным школам ограничивалась только тем, что он побуждал епархиальные начальства заводить их, и тем контролем над отношениями к ним архиереев, о котором говорилось в Регламенте и с большей ясностью еще в упомянутых указах 1737 года. Школа духовная,

получившая специальное назначение воспитывать духовных детей в надежду священства, была отдана в полное ведомство также специального начальства, которое посвящало во священство и ближайшим образом заботилось об улучшении служебной практики последнего.

Семинария так обыкновенно и называлась архиерейскою, собственною его преосвященства семинарией. Архиерей ее устраивал; он же изыскивал для нее все материальные и учебные средства, определял ее курс, состав начальствующих и учителей, распоряжался всеми мелочами разных сторон ее жизни. Посредствующим звеном в сношениях между архиереем и семинарией обыкновенно была местная консистория (или, как назывались эти места епархиального управления до 1744 г., духовный приказ, дикастерия, канцелярия его преосвященства), чрез которую и шли все духовно-училищные дела, очевидно поставленные в один разряд со всеми епархиальными делами. В консисторию наприм. подавались прошения учеников о приеме в школу, о снабжении их казенным содержанием и об увольнении от учения; тем же путем шло определение на должности учителей; консистория получала из школ разные третные и месячные ведомости о предметах преподавания, о числе, способностях и успехах учащихся, а также о кончивших учение и т. д.

До 1740-х годов семинарии большею частью даже вовсе не имели у себя особого, так или иначе организованного, внутреннего управления. Ближайшее наблюдение за их учебными и экономическими делами поручалось самим учителям, а над ними непосредственно начальствовала уже консистория. Особые ректоры были в одних академиях. Как ни близки были отношения к семинариям самих архиереев, последние однако не могли не сознавать многих неудобств и своего личного управления учебными епархиальными заведениями и, тем более, управления консисторского, очевидно чуждого учебно-воспитательному делу. С 1740 г. по всем епархиям начинают организовываться внутренние школьные управления в форме семинарских контор, а во вновь заводившихся с этого времени семинариях конторы являются с

самого начала – или на другой, на третий год по открытии заведения. Одной из ранних контор была контора новгородской семинарии, заведенная преосв. Амвросием Юшкевичем, который кроме того едва ли не первый из архиереев ясно при этом выразил сознание незаконности прежнего смешения семинарских дел с епархиальными: в декабре 1740 г. он вовсе исключил семинарию из ведомства епархиального разряда и казенного приказа и принял ее в непосредственное свое ведение и смотрение; то же он подтвердил определением в начале следующего 1741 г.²⁰². В других епархиях конторское управление было поставляемо в такое же подчинение епархиальным органам, как и прежнее учительское.

Особые ректоры и при конторском управлении были очень редки. Во главе конторы обыкновенно стоял интендант, лицо большею частью светское, заведовавшее собственно делами семинарской экономии; подручными людьми у него были конторские копиисты и рассыльщики. В некоторых семинариях полномочия такого интенданта простирались и на учебно-воспитательную часть. Так, в троицкой семинарии интендант Павловский вместе с учителями производил ученические экзамены и принимал всякого рода отчеты учителей²⁰³. В псковской семинарии такой управитель, тоже человек светский, Григорий Андреевский, носил название директора; в 1740-х годах после пострижения в монашество с именем Геннадия он сделался первым ректором своей семинарии²⁰⁴. В вологодской семинарии такое же лицо, некто Василий Терлецкий титуловался прокуратором²⁰⁵. Епископ Лука Конашевич, учредив (1738 г.) семинарию в Устюге, поручил ее вызванному им из Москвы канцеляристу Попову²⁰⁶. В других семинариях вместе с интендантом назначался в контору префект из духовных лиц, которому и поручалась вся учебно-воспитательная часть; интендант при нем получал уже специально экономическое значение. Так наприим. было с 1744 г. в нижегородской семинарии²⁰⁷. Префекты задолго предварили появление ректоров, но в разных семинариях и они являются очень поздно, наприим. в тобольской уже в 1755 г. при архиерее Сильвестре Головацком; первым префектом назначен был тогда

Михаил Миткевич, вызванный из Киева еще при Антонии Стаховском в 1749 г.²⁰⁸. Наконец некоторые епархиальные начальства, не желая поручать учебно-воспитательную часть в своих семинариях интенданту, но в то же время не имея кандидатов на префектуру, по-старому предоставляли эту часть на попечение самих учителей, которые и сносились по всем учебным делам непосредственно с консисторией; интендант в свою очередь сносился с нею же по своей экономической части.

Всего легче, разумеется, было бы избежать затруднений по управлению семинарскими делами посредством назначения в семинарии ректоров на манер академических; но эта важная должность требовала таких кандидатов для своего замещения, каких в то время редко можно было найти между епархиальными духовными лицами. Если в епархии случайно иногда и появлялся монах, представлявший в своем лице сколько-нибудь благоприятное соединение административных талантов с образованием, то, при повсюдном недостатке в образованных людях его живо тянули на более видные иерархические посты помимо семинарии, в настоятели какого-нибудь знаменитого монастыря или в архиереи. Не в состоянии будучи найти подходящих кандидатов на ректуры, епархиальные начальства в разных епархиях старались устраивать по своим семинариям по крайней мере некоторое подобие ректорского управления, поручая их наблюдению какого-нибудь местного архимандрита, особенно если семинария помещалась в монастырь. Образчик такого управления представляли собой лаврские семинарии, – невская и троицкая, вполне подчиненные местным архимандритам и монастырским соборам. До 1740 г. монастырское начальство назначало управителями невской семинарии учителей, каковыми были в 1726–1729 гг. Иван Соснин, потом Адам Селлий и Гавриил Кременецкий. В 1740 г. последний по поступлении в монашество сделан был первым ректором семинарии; в то же время другой учитель монах Амвросий Зертис-Каменский наименован префектом²⁰⁹. В троицкой семинарии первый префект является в 1745 году, иеромонах Афанасий Вольховский; в 1748 он же сделался первым

ректором, и семинария получила особое начальство, все-таки впрочем подчиненное лаврскому архимандриту. До этого времени для ведения ее дел существовала только интендантская контора, во главе которой стоял упомянутый интендант Павловский. Архимандрит лавры и ее собор, как до, так и после учреждения семинарской ректуры, имели такую же власть над семинарией, какую имели епархиальные архиереи над своими местными семинариями. Порядок преподавания, определение ректора, префекта и учителей, педагогические меры, назначение вakatного времени, утверждение списков учителей и учеников, участь учеников по окончании курса, – все зависело от „их господствия“. как титуловала семинария лаврский собор²¹⁰.

По примеру лаврских семинарий и другие семинарии, помещавшиеся в монастырях, подчинялись обыкновенно местному монастырскому начальству. Начальник монастыря делался и начальником семинарии, иногда даже прямо с титулом ректора, как наприим, было в переяславской семинарии, с самого открытия своего (в 1750 г.) помещавшейся в Даниловом монастыре. Даниловский архимандрит ректор не нес на себе трудов преподавания и был исключительно администратор, каждую неделю обязан был представлять архиерею репорты о состоянии семинарии и разного рода оккупации и проповеди учеников, а каждую треть полную ведомость об учениках, их происхождении, возрасте, способностях и успехах. Семинария до 1780-х годов не имела у себя даже особого префекта²¹¹. Бывало и так, что надзор над семинариями поручался настоятелям таких монастырей, которые не были связаны со школами. Наприим. казанская семинария с 1733 г. помещена была в загородном Зилантовом монастыре и на первых порах поступила в ведение тамошнего архимандрита Епифания Адамацкого, но потом преосв. Иларион, устраивая ее по всем частям, сделал управителем семинарской конторы образованного архимандрита Спасского монастыря Германа Барутовича. В 1740 г. в Казань приехал архимандрит Димитрий Сеченов, назначенный в настоятели свияжского Бородицкого монастыря и в управители конторы

новокрещенских дел; епархиальное начальство, воспользовавшись приездом такого образованного монаха, немедленно поручило ему и надзор за семинарией уже в должности ректора. Его преемник Сильвестр Головацкий тоже был свияжским архимандритом. Затем ректура обыкновенно стала соединяться с настоятельством Спасского монастыря в самой Казани. За недостатком годных людей епархиальным архиереям приходилось иногда почти всю контору в семинариях составлять из совершенно посторонних для семинарии лиц, наприм. из монахов архиерейского дома, как это мы видим в 1740 г. в вятской епархии²¹². Во владимирской семинарии членами конторы были сделаны в 1750 г. архимандрит Царевоконстантиновского монастыря Павел, иеромонах Гурий, – оба члены консистории, и кафедральный священник, Иван Алексеев; кроме того назначен был еще в семинарию эконо, секретарь консистории Димитрий Попов, который впрочем скоро проворовался и был заменен малороссийским дворянином, служившим при архиерейском доме, Василием Лазаревичем, с званием интенданта. Архимандрит Павел стоял во главе конторы и имел ректорскую власть. Это был человек необразованный, кроме того пьяный и вздорный, но лучше его не нашлось. Сам преосв. Платон, основатель семинарии, был им недоволен и неоднократно высказывал в своих указах консистории: „не знаю, кому вручить управление семинарии”. Не надеясь на Павла, он с самого же начала семинарии начал поручать учебные дела помимо главного управителя одному из учителей, иеродиакону Гедеону. Потом вскоре явился в семинарии префект. Члены семинарской конторы и после назначались здесь из лиц епархиального же ведомства²¹³.

Такое смешение училищного управления с епархиальным было, разумеется, очень невыгодно для успехов школьного дела, особенно до учреждения семинарских контор, когда семинарии предоставлены были в полное ведомство людей вовсе не с педагогическим, а с чиновничьим характером, большею частью нисколько не понимавших важности возлагаемых на них новых обязанностей. После учреждения семинарских контор семинариям не нужно стало обращаться за

всякою мелочью к консисториям, – у них явилось свое внутреннее управление, которое могло придавать школьной жизни некоторую самостоятельность и выделять ее из общего течения жизни епархиальной. Но и теперь консистория все-таки оставалась главным органом епархиального управления над семинарией, без которого контора не могла сделать ни шагу, а наполнение конторских должностей людьми посторонними для семинарии парализовало выгоды нового учреждения еще более, чем подчинение его консистории.

Поручение семинарских дел посторонним лицам, если где и могло достигать хороших результатов, так разве только в столицах, где в епархиальном ведомстве еще можно было найти довольно людей образованных и сочувствовавших успехам дух. образования. Обе лаврские семинарии, находившиеся в монастырском управлении, чувствовали себя сравнительно хорошо; хотя освященный собор как в той, так и в другой лавре и не отличался особенным образованием, но во главе соборного управления всегда стояли архимандриты из людей ученых, которые были такими же отцами своих школ, как лучшие из епархиальных архиереев для своих семинарий. Благодаря таким администраторам, троицкая семинария в короткое время после своего основания успела подняться до образцового тогда устройства и даже до равенства с академиями. В невском монастыре отношения монастырского начальства к семинарии были менее безукоризненны и не раз вызывали последнюю к невольным с ним пререканиям по разным экономическим вопросам²¹⁴. В епархиях семинариям нельзя было ожидать подобного сочувствия и попечения ни от консисторских, ни от кафедральных чинов, которые ими управляли.

При первоначальном заведении своем семинария находила себе поддержку обыкновенно в одном лишь архиерее. Как консисторские, так и кафедральные чины содействовали ему в этом деле неохотно, даже прямо примыкали к оппозиции, которая на первых порах возбуждалась против новой семинарии по всей епархии. При таких условиях смены архиереев и более или менее долгие промежутки между отъездом из епархии

одного и приездом другого нередко вели к совершенному упадку благосостояния местных духовных школ, так как об них в это время некому было позаботиться. Ученики начинали разбегаться по домам: духовенство уклонялось от сборов на содержание семинарии: заказчики, обязанные доставлять эти сборы, ослабевали в исполнении своих обязанностей: учителя не получали жалования и расходились по другим семинариям; самые здания семинарии приходили в запущенный вид. Так на прим. было в вятской семинарии после смерти ее основателя Лаврентия Горки с весны 1737 до лета 1739 года, когда приехал на вятскую кафедру епископ Вениамин Сахновский. Духовный приказ относился к не нравившейся ему школе небрежно, беглых учеников не разыскивал, содержания на школу не отпускал, так что св. Синод должен был послать ему свой указ: „собранных в школах учителей и учеников жалованием и прочим пропитанием содержать так, как при жизни архиерея Лаврентия было, во всем неотменно, и увольнения им от архиерейского дому никому, тако ж и тесноты никакой не чинить“. Тесноты однако продолжались и после этого указа, содержание из архиерейского дома тоже выдавалось с грехом пополам. Зимой 1738 г. семинарский целовальник приехал в архиерейский дом за дровами, которые указал отпускать на семинарию еще покойный архиерей, наклаз воз, а казначей, он же член дух. приказа, иеромонах Трифон приказал старосте все дрова с возу побросать опять назад. Другой член приказа архимандрит Лаврентий приказал отпускать дрова в семинарию по-прежнему. Но исполнил ли это распоряжение Трифон, неизвестно, потому что члены были между собой в ссоре. Преосв. Вениамин восстановил упавшую семинарию и в предотвращение беспорядков на будущее время завел в ней внутреннее конторское управление. Но и после этого, при преемнике его Варлааме Скамницком, когда семинария уже значительно окрепла, консисторское управление ею, по случаю трехлетнего отсутствия архиерея из Вятки (с 1745 г. он был в Петербурге), опять чуть было ее не повергло в расстройство. Главный член консистории, протоиерей Никон, был мало к ней расположен и не раз подвергался выговорам отсутствовавшего архиерея, что

„о пользе школы нимало не старался”; школьники стали плохо учиться и с голода пускались в беги²¹⁵.

Архиереям ревнителям образования приходилось нередко почти насильно заставлять своих консистористов заниматься семинарскими делами и употреблять для этого самые энергические побуждения и наказания. В 1742 г. псковский преосвященный Стефан Калиновский писал консистории строгие выговоры за то, что по ее небрежности и невнимательности к школам, самому первейшему и весьма благополучному делу, в них мало находится учеников и учение идет вяло, некоторые ученики учатся азбуке по три года да часослову лет по семи, многие находятся в бегах, и требовал, чтобы она смотрела за семинарией как следует, иначе будет строго оштрафована. Небрежность консистории простиралась до того, что, помимо уже педагогической части в школьном управлении, она не исполняла в отношении к семинарии даже чисто чиновничьих обязанностей. В 1745 году архиерею понадобились справки о летах учеников и он обратился за ними к консистории. Оказалось, что сведений об этом предмете у нее не было; консистористы обратились за ними к учителю. Учитель в свою очередь сослался на консисторию, что про это она знает, ибо де не прежде ученик приводится в школу, как в консистории запишут его лета. Еще с 1737 г. св. Синод по высочайшему указу требовал из епархий ведомостей об учениках, разосланы были повсюду и формы для этих ведомостей, но проходили годы, а псковская консистория никак не могла составить их с надлежащею полнотою, несмотря на неоднократные повторительные указы, так что св. Синод в 1745 г. вынужден был выдать указ: консисторского секретаря и канцелярских служителей держать в консистории безвыходно под арестом до тех пор, пока не представят требуемых ведомостей, выдачу им жалования также приостановить. После этого ведомости, надобно полагать, были представлены, но потом с 1746 по 1756 г., за целое десятилетие, опять не были представляемы. В 1756 г. на запрос преосвященного о причине такого опущения консистория для очистки дела отвечала таким образом: „списки не посылались или потому, что учителя не подавали их в

надлежащей форме, а секретари консистории и приказные не требовали их, которых впрочем (секретарей и приказных) в живых не находится, или потому, что поданные по форме его преосвященству сгорели с архиерейским домом, да и те ученики, о коих были упомянутые списки, уже из школ в церковный причт выбыли, поэтому и теперь нет возможности представить требуемых ведомостей”²¹⁶. В 1749 г. в воронежской епархии встречаем такой же пример наказания консистористов за семинарию, как во Пскове в 1745 г.: за слабое смотрение над семинарией, из которой тогда разбежались все ученики, преосв. Феофилакт указал всем членам оставаться в консистории безвыходно, а секретаря с канцеляристами содержать под караулом скованных до тех пор, пока не представят ответа, почему семинария запущена, и не соберут всех разбежавшихся учеников²¹⁷.

Кроме подобных явлений, архиереям ревнителям приходилось бороться против другого вопиющего зла принятой системы училищного управления. В тогдашнее время повального взяточничества семинария нередко трактовалась своими чуждыми ее делу попечителями, как лишний, прибавочный для них источник дохода. Мало обращая внимания на недоступную их административным талантам и развитию часть учебную, эти люди однако крепко держались за семинарскую экономию и не без выгоды для себя доводили ее до такой крайности, что ученики, при всей своей забитости и страхе перед начальством, поневоле должны были подавать на них архиереям челобитные. „Вашим преосвященством, жаловались напр. в 1735 г. ученики переяславской семинарии, в которой экономией заведовал казначей переяславского Данилова монастыря, повелено давать нам пищу добрую, а мы, нижайшие, получаем гнилой горох, и в праздничные дни скоромные от мяса, а в постные от рыбы ничего не получаем; того ради вашего архипастырства слезно просим, дабы соблаговолено было вашим архипастырским указом определить нам в праздничные дни постные для нашего расхода рыбы, а в скоромные баранины из находящихся в Даниловом монастыре баранов”. Преосв. Серапион несколько раз делал казначею

замечания в пользу семинаристов, наконец уволил его от семинарской экономии и велел выбрать в приходорасходчики одного из учеников²¹⁸. Когда консистория завладевала семинарией, особенно в отсутствие архиерея, положение учеников да и самих учителей делалось невыносимым, так что за недостатком содержания и те и другие начинали поспешно оставлять заведение и расходились, кто куда мог, как это мы напр. видели в вятской семинарии.

Не можем не привести здесь несколько фактов этого рода из Истории владимирской семинарии, которые выразительно определяют всю разницу в отношениях к ученикам со стороны самих семинарских учителей и со стороны посторонних попечителей семинарии. „Распорядители семинарской экономии, говорит автор, заставляют испытывать учеников невыносимый голод, а учителя делятся с учениками своим бедным куском хлеба. Нередко бывало, что ученик, истомленный голодом, идет к своему учителю и робкою рукою стучится у его двери. – Урок что ли прослушаться пришел? спрашивает учитель своего воспитанника. – Нет, я голоден, отвечает он. И бедный учитель разделяет с голодным учеником свои скудные припасы”. В начале существования семинарии экономом ее, как мы уже упоминали, был секретарь консистории Попов, смотревший на свою должность, как на подспорье к своим консисторским акциденциям. При сборах на семинарию с церковей и монастырей он за взятки дозволял им доставлять не все нужное количество сборов, потом года через два, когда недоимка на епархии возросла до почтенной цифры, которой духовенству уже никак нельзя было выплатить зараз, начал строго ее взыскивать и при этом брал еще более взятки за снисхождение и новые отсрочки. Кроме того, сообразив, что для него выгоднее будет покупать припасы на семинарию, чем употреблять уже готовые от натуральных сборов с духовенства, стал ложно показывать последние негодными к употреблению и продавать, а вместо них покупать новые действительно дурные, пользуясь таким образом барышом и при продаже и при покупке. Года в два семинарская экономия доведена была до того, что денег у нее вовсе не стало, а припасов „для учителей

и учеников, кроме самомалейшего числа круп и гороху, ничего не отпускалось". Узнав об этом, преосв. Платон, бывший тогда в Петербурге, назначил произвести в семинарии ревизию, по окончании которой за „тоlikое безсовестное мытарство и крайнее тому училищу недоброжелательство" эконома, по указу архиерея, велено было „наказать непоблажно плетьюми пред духовной консисторией и по учинении сего наказания содержать в консистории под караулом в ножных железах", членов семинарской конторы, попавшихся „в тех же фальшивых непорядках и скверном прибытчестве", тоже держать в консистории под караулом до окончательного решения. Окончательным решением все они были уволены от управления семинарией и заменены другими. – Хорошо еще, если архиерей умел постоять за свою школу, как Платон. После смерти Платона на владимирскую кафедру вступил архиепископ Антоний, грузин, не знавший русского языка и вовсе не занимавшийся делами. Злоупотребления в семинарской конторе достигли крайней степени, потому что на место старых скверноприбытчиков явились новые. Членом по экономической части сделался дмитриевский протопоп Андрей Степанов, который тоже не посовестился наживать на счет бурсацкой нищеты и довел семинарскую экономию до полного упадка. Ректор Амвросий, человек деятельный и любимый учениками, успел было его выжить из конторы, но при другом ректоре Авраамии, не отличавшемся особенной энергией, он снова втерся в семинарию, подделавшись к архиерею, и сделался даже судиею конторы. Действия его были такого рода, что чрез год (в 1762 г.) вызвали против него общее восстание учеников, поддержанное и со стороны учителей. Архиерею была подана на него жалоба, подписанная учителем Субботинским и 58 учениками, по которой он обвинялся в пьянстве и воровстве: украл себе всю лучшую капусту с семинарского огорода, оставив для семинарии только негодную; брал себе ежедневно хлеба казенного по караваю и больше, а ученикам выдавал только по 1/3 фунта в день; сторожей (служителей) всех распустил, от чего произошла остановка в работах, присмотре, чистоте и отоплении зданий; покрыл воровство расходчика,

который украл из семинарии мешки с пшеничной мукою и пойман с поличным посторонними людьми; по стачке с купцами для своей прибыли покупал на семинарию дурные припасы; не только не унимался от воровства, несмотря на частые жалобы на него ректору, а, соединившись заодно с канцеляристом и копиистом, продолжал все больше и больше обирать семинарию; одних свеч воровали штук по сотне на день, а ученикам для вытверживания уроков приходилось добывать себе свечи на стороне; муку и крупу тащили пудами. По этой жалобе назначено было следствие, открывшее несколько новых подробностей. „Скудость у нас в семинарии при судии протопопе Степанове, показывали ученики, невыносная во всем, только и было поддержки во время крайней нашей скудости, что мы на учительском коште пребывали;... ради своей корысти распустил даже прислугу и наипаче поваров и доводил нас до великого голода, – почасту и штей сварить некому”. Кроме этого, Степанов брал с учеников взятки, – придет в класс и просит себе у учеников денег на вино; – не дать нельзя, человек властный, – отмстит, но так как большею частью ученикам нечего было дать, то он требовал от них уступки в его пользу разных припасов, наприм. от завтрака: „будете де сыты и без завтрака, а не откажетесь от завтрака – смотрите”. Продукты в пищу выдавал такие, что „не только человеку кушать, но ниже и скоту есть невозможно”²¹⁹.

При изучении внутренней, учебно-воспитательной стороны школьной жизни мы еще будем иметь случай встретиться с другими не менее важными неудобствами конторского управления школами и слияния школьных дел с епархиальными, а теперь будем продолжать речь о внешних условиях благосостояния духовных школ за описываемое время.

Мы видели, что при импер. Анне вместе с мыслью возвести школьный вопрос из епархиальной сферы до значения общецерковного, возникла мысль о снабжении школ постоянными штатными окладами из доходов с церковных имений. Отобрав эти имения в общее заведывание коллегии экономии, правительство потребовало от св. Синода сведений

для определения штатного положения духовных училищ; указом кабинета от 9 июня 1738 г. велено было ему войти в рассуждение: 1) какое число где школьников содержать по числу имеющих в епархиях церквей, 2) чему их обучать, 3) сколько и каких наук учителей содержать и откуда определять, 4) какие для учения их книги и инструменты иметь и откуда ж их получать, 5) какое жалование учителям и ученикам на пропитание в год положить и какую пищу им довольствоваться и откуда оную получать, и сколько где лекарей для пользования больных, с их медикаментами, и на каком жаловании содержать, – и о всем том основательный штат учинить. Штаты таким образом предполагалось установить в очень полных размерах, обнимавших собою и содержание учащихся с учащимися, и снабжение школ учебными пособиями, и даже содержание при них больниц. Судьба их после осуществления этого плана получила бы, разумеется, совершенно иной характер. Затребованный проект о штатах был скоро представлен, но увидав, какая значительная сумма требовалась по нему к ежегодной выдаче, правительство к сожалению отказалось от осуществления своих благих намерений. Церковные вотчины оно все-таки впрочем удержало в своих руках, в ведомстве коллегии экономии, после чего положение школ, вместо улучшения сделалось еще хуже прежнего. Лишившись управления своими вотчинами и оставшись при одних только штатных окладах из коллегии экономии, архиереи уже не в состоянии стали изливать на школы прежней своей щедрости и должны были оставить их на единственном обеспечении от епархиальных сборов. Штатное жалование успели тогда получить только две семинарии, петербургская, как бывшая на глазах у правительства, и новгородская, как семинария первенствующего члена св. Синода²²⁰.

Штатное положение новгородской семинарии, учрежденное в мае 1740 г., отличалось особенною обстоятельностью правил и значительностью годового оклада и по всей вероятности вполне соответствовало начертаниям о штатах, какие составил св. Синод по требованию кабинетского указа 1738 г. Содержание назначалось на 200 учеников и 12 учителей: на первых

положено в год 2076 р., кроме того на обмундировку их особо 613 р., на учебные пособия и библиотеку 638 р., на жалование служащим при семинарской больнице, аптекарскому ученику, лекарю, подлекарю и лекарским ученикам 268 р.; учительские оклады простирались от 60 до 300 р.; кроме денежного жалования на учеников и учителей определены были хлебные оклады; – всего вообще положено отпускать на семинарию 7859 р. 37 коп.²²¹. Невская семинария получала гораздо меньше, – сначала по штату 1732 г. всего 1607 р. в год, притом же сумма эта, назначенная из доходов Невского монастыря, отпускалась самым монастырским начальством и никогда не выдавалась сполна; потом по штату 1740 г. назначено отпускать в год по 1917 р. уже из коллегии экономии, после чего содержание семинарии отделилось от содержания монастыря²²². Кроме этих семинарий и академий, постоянный оклад существовал еще в смоленской семинарии, назначенный в количестве 500 р. из остаточных денег от содержания архиерейского дома, следовавших к отсылке в коллегию экономии; оклад этот, как мы видели, исходатайствован был для семинарии преосв. Гedeоном Вишниеvским еще в 1728 г.²²³. При имп. Елизавете вопрос о штатных окладах на семинарии получил другой оборот. В 1744 г. церковные вотчины, состоявшие доселе в заведывании коллегии экономии, снова были возвращены в управление духовных властей, а вместе с тем уничтожался главный повод, по которому духовная власть хлопотала пред правительством о назначении училищных штатов. С возвращением вотчин духовенству все издержки на поддержание разного рода учреждений по духовному ведомству и вся ответственность в этом отношении естественно возлагались опять на само же духовное ведомство, а правительство за тем слагало с себя об этом предмете всякое попечение. Даже прежде учрежденные оклады в выдаче стали зависеть от духовных же властей; невская семинария, только лишь освободившаяся от своих неприятных экономических отношений к Невскому монастырю, снова поступила на его содержание. За все время от 1741 до 1760-х годов нам известны только два случая назначения новых окладов на семинарии: в 1741 г., еще до возвращения вотчин от

коллегии экономии, велено выдавать прибавочный к прежним 500 р. оклад на смоленскую семинарию, на трактамент ее учителям, из доходов с вотчин Аврамьевского училищного монастыря в количестве 133 р. 13 к., следовавших к отсылке в коллегию экономии²²⁴; да еще преосв. Георгий Конисский, как мы видели, успел выхлопотать 400 р. ежегодного оклада для своей могилевской семинарии, уже почти к концу царствования Елизаветы. Правительство не переставало настаивать на необходимости определить семинарии штатами, но все расходы по этому будущему штатному определению прямо уже возлагало на само духовное ведомство, которое ближайшим образом обязано было заботиться об интересах духовной службы и о лучшей подготовке к ней кандидатов, и которое к тому же теперь имело у себя в руках достаточные, по мнению правительства, специальные средства для всех расходов по этому предмету. В мае 1745 г. обер-прокурор св. Синода кн. Шаховский подал св. Синоду доклад, в котором мысль правительства выражена была весьма ясно и определенно.

„Хотя ваше святейшество, по силе неоднократно подтвердительных именных указов, все возможное о учреждении в епархиях семинарий и о приведении их в доброосновательное состояние и желаемую церковную и государственную пользу старание употреблять изволите, но токмо оное крайне нужнейшее дело в совершенство еще и поныне не пришло и тем семинариям основательного, как вышереченными указами повелено, штата за разными препятствиями не учинено, а понеже, как по производящимся в св. Синоде делам видеть можно, некоторые епархии, по скудости доходов и других ради неудобностей, не токмо чтоб в совершенном к содержанию тех семинарий с принадлежащими библиотеками могли быть состоянии, но и в заведении оных крайний имеют недостаток, (да не токмо в таковых, но и в некоторых знатных епархиях, в которых уже действительно семинарии учреждены, чтоб студенты все школьное учение могли совершенно без продолжения излишних лет оканчивать, неуповательно), а по присланным ведомостям оказывается, что в некоторых чрез немалые уже годы заведенных семинариях во

обучении студентов находится весьма малое число, да и то в самых низших науках, от которых, а особенно от непонятных (каковых немало во всех семинариях чаятельно быть числу), мало и не скоро надеяться можно впредь пользы, и таковыми ль в тех заведенных поныне в епархиях семинариях школьного учения регулы, как в Д. Регламенте изображено, семинаристам преподается, о том, также и о непонятных св. Синоду неизвестно; того ради не изволите ль, ваше святейшество, о непродолжительном того штата семинариям сочинении, о различении в тех семинариях студентов, также и об увольнении от школьного учения тех епархий, которые к содержанию оных не в состоянии, и о прочем к порядочному содержанию оного толь нужнейшего дела установление принадлежащем, учинить благопристойное свое определение”²²⁵.

Еще выразительнее высказан взгляд правительства на обеспечение дух. школ в указе Сената от 1748 г. об учреждении семинарии в Тобольске. Устроитель этой семинарии митрополит Антоний Стаховский решился ходатайствовать перед правительством об обеспечении ее штатным окладом и с этой целью вошел в св. Синод с представлением, что „для такого, яко весьма церкви святой полезного и крайне нужного дела, надлежит студентов той семинарии и учителя и проповедника, по примеру московской славяно-греко-латинской академии, содержать на трактамент из казны ее имп. величества”; он просил, чтобы на семинарию дозволено было употреблять собиравшиеся по епархии лазаретные деньги с венечных памятей (в количестве – до 500 р. в год), так как на содержание лазаретов или госпиталей „изобретены уже другие немалые сборы”. Кроме содержания учителей и проповедника, деньги эти предполагалось употреблять еще на снабжение студентов одеждой и обувью, а на пищу им митрополит просил особой ассигновки, по крайней мере в половинном количестве против того, что отпускалось на студентов московской академии, т. е. по ½ коп. в сутки каждому, из неокладных, не положенных в штат доходов сибирской губернии. Св. Синод сообщил просьбу митрополита в Сенат вместе с своим ходатайством. Сенат отвечал, что „хотя он рассуждение об учреждении при

тобольском архиерейском доме семинарии и за полезное признавает, токмо показанных на содержание той семинарии доходов определить не может, затем, что оные положены по особливым указам на разные расходы, а из прочих доходов, за многими повсягодними и чрезвычайными расходами уделить не из чего”, и прямо предложил св. Синоду определить на содержание тобольской семинарии как деньги, так и хлебный оклад из доходов духовного ведомства, „ибо, как уповательно, что при домах архиерейских и при монастырях и в канцелярии экономического правления (при св. Синоде) за расходами денежной казны и хлеба остается не малая сумма”²²⁶.

Дело было ясно, – на получение от правительства чего-нибудь в пользу духовных школ, кроме разных случайных и частных пожалований вроде подарков императрицы троицкой семинарии, надеяться было нечего. Св. Синод с своей стороны тоже не делал никакого распоряжения об устройстве семинарских штатов и оставался при прежнем своем взгляде на духовные школы, как на заведения, назначенные в надежду священства, о которых должны заботиться ближайшие духовные власти, которые имеют непосредственное отношение к кандидатам священства и к их определению на места, следовательно как на заведения исключительно епархиальные. Когда церковные имения были в руках коллегии экономии, он усердно заботился о выработке штатного положения для школ на счет пользовавшегося церковными доходами государства, но как скоро по возвращении вотчин в руки духовенства вопрос об устройстве этих штатов повернулся так, что оно пало на счет самого духовного ведомства и при этом оказалось необходимым поднять этот вопрос из епархиальной сферы до значения вопроса общецерковного, высшая духовная власть оказалась к тому неподготовленной и все оставила в старом привычном положении. Сложив все расходы по духовным школам на епархиальные средства, св. Синод неохотно соглашался на выдачу даже временных пособий, о которых просили его из епархий, наприм. для школьных построек, превышавших епархиальные средства. Так, казанский епископ Лука Конашевич, занятый постройкой семинарского корпуса на

3000 р., отпущенные ему при императрице Анне, напрасно обращался к св. Синоду с просьбой о прибавке для устройства при главном здании семинарии больницы и разных необходимых служебных зданий. Это было впрочем в 1742 г. еще до упразднения экономического управления церковными вотчинами. В том же 1742 и 1749 гг. Казань была опустошена страшными пожарами, от которых пострадала и семинария. Это обстоятельство дало епископу Луке повод снова обращаться за пособиями к св. Синоду; для поправки погоревшего здания семинарии он просил 1099 руб. На этот раз просьба его была удовлетворена, но это стоило ему немалых усилий и терпения, – семинария была отстроена не ранее, как уже к 1754 г. Притом же означенная сумма была разрешена ему к расходованию не из средств синодального экономического отделения, а из денег, отпускавшихся в контору новокрещенских дел из доходов архиерейского же дома; по его просьбе деньги эти за два года и были обращены в пользу семинарии²²⁷. Другой архиерей, нижегородский Дмитрий Сеченов тоже просивший денег на строение семинарии в размере 1000 р., не получил от св. Синода ничего²²⁸.

Таким образом содержание духовных школ во все описываемое время исключительно зависело от местных одиночных средств каждой епархии, от их количества и от степени умения и энергии, с какою ими пользовались в пользу дух. образования местные епархиальные власти. Нельзя не удивляться, что и при таких очевидно весьма неблагоприятных условиях школы возникали все-таки весьма быстро во всех концах России и потом каждая по своему возникновению крепко прививалась к своему месту и упорно жила, несмотря ни на безденежье, ни даже на временное пренебрежение к ней со стороны некоторых епархиальных архиереев; примеры закрытия школ были большой редкостью, – большею частью они только на время несколько слабели в своих силах, но потом, выждав лучших обстоятельств снова оживали и продолжали свое развитие.

Всего тяжелее для духовенства и архиереев были расходы на первоначальное открытие и обзаведение школ. За

невозможностью в скором времени собрать нужную для этого сумму с епархии, архиереи чаще всего производили первые расходы по этому предмету из сбережений своей кафедры или домового приказа, потом уже, что было можно, собирали для облегчения себя с епархиальных церквей и монастырей. При открытии владимирской семинарии преосв. Платон Петрункевич, указав приспособить для училищных потребностей Богородицкий монастырь, писал в консисторском указе: „а чтобы остановки быть не могло, покамест оную семинарию отстроить насчет домового его преосвященства приказа с возвратом по расчету всего издержанного от казенного приказу”²²⁹. До какой степени от затрат этого рода истощались и кафедра и епархия, можно судить наприим. из донесения св. Синоду преосв. Досифея Любимского от 1732 г. об издержках на открытие харьковского коллегиума; припомним при этом, что он открывался при помощи таких богатых пожертвований, каких не видала при своем возникновении ни одна из семинарий. Описав нужды коллегиума, донесение жалуется, что архиерейский дом не имеет у себя средств даже для приличного содержания самого архиерея: „живу, как схимник, – одна келейка и комнатка деревянные, и то весьма ветхие и все сгнили. Еще же вашему святейшеству всемирно предъявляю, антецессор мой коллегиум харьковское строил таким видом: имел великого патрона, и почитай он фундатор того коллегиума, покойный князь М. М. Голицын. Он и своим знатным указом и здешних господ всячески прошением и приказанием понуждал на строение того коллегиума. Також и антецессор многими прошениями со всей епархии и с господ с священников деньгами и прочими запасами тое коллегиум собирал. А сверх того отчинки домовые (т. е. архиерейские), которых самое малое число имеем, всего 1000 душ, вовсе разорил. А котора слобода черкас, тые разошлись для несносной коллегиум харьковской работы, о чем здесь всем обывателям известно”²³⁰. Зато коллегиум и устроился богаче других семинарий с самого же начала своего существования, кроме покровского места, приобрел два больших соседних места полковника Шедловского (покупкою за 300 р.) и сотника Черняка (чрез пожертвование от

его вдовы) и обзавелся для своего помещения каменным двухэтажным корпусом и несколькими деревянными зданиями для квартир наставников, и для служб²³¹.

Из других епархий ни одна не в состоянии была устроить таких богатых школ. За недостатком средств вопрос о помещении новых школ обыкновенно решался по мысли Д. Регламента и Петровских указов, указывавших для этого помещение на архиерейские дома и монастыри. Так при архиерейских домах помещались семинарии: нижегородская (до 1743 г.), крутицкая (1744–1751), вологодская, вятская (до 1744 г., когда была переведена в Успенский Трифонов монастырь), холмогорская, воронежская, астраханская, тобольская. Монастыри делались приютом рассадников духовного образования еще чаще, чем архиерейские дома. В монастырях водворились обе наши академии и семинарии: невская, троицкая, новгородская, крутицкая (с 1751 г. в московском Покровском монастыре), смоленская, псковская (до 1738 г. на подворье Печерского монастыря), вятская (с 1744 до постройки собственного дома в 1758 г.), казанская (последовательно в монастырях Зилантовом, Федоровском и Спасском до постройки собственного здания), тверская, рязанская, костромская (при Ипатском, потом при Семеновском по 1758 г.), ярославская, владимирская, переяславльская (в Данилове монастыре). В монастырях же большею частью находили себе помещение и низшие школы, который еще менее имели возможности обзавестись особыми зданиями, чем семинарии.

Но само собою понятно, что такое, по-видимому легкое, разрешение вопроса о помещении школ было весьма нелегкою жертвою со стороны епархиальных монастырей и архиерейских домов; как иногда ни многочисленны были монастырские строения, школа все-таки должна была сильно стеснять монастырь, а тем более архиерейский дом, а между тем и сама не могла найти здесь вполне удовлетворительного для себя помещения. Из некоторых монастырей, для большего удобства помещавшихся в них школ, монашествующие даже вовсе переводились в другие монастыри; наприм. для помещения новгородской семинарии монахи Антониева монастыря

переведены были в Деревяницкий, для помещения владимирской семинарии монахини Богородицкого монастыря в Успенский. Только немногие, богато обстроенные, обители могли предоставить школам достаточно просторные здания. Роскошнее всех были помещены невская и троицкая семинарии. Последняя занимала большое здание с пристройками в стенах самой лавры. Первая помещалась подле монастыря невского сначала в старом доме в монастырской слободе, потом с 1741 г. в новом по Шлиссельбургскому тракту. Большею же частью семинарии занимали при монастырях помещения и малые по величине, и плохо приспособленные к потребностям школьной жизни. Для переяславльской семинарии Данилов монастырь отвел три кельи, в которых помещались и учителя и бурса, состоявшая из 60 казеннокоштных учеников.²³² Вознесенский монастырь в Иркутске мог отвести для архиерейской школы с 25 учениками только одну избу за монастырскими стенами с двумя половинами, – черною и чистою²³³. В архиерейских домах школам тоже нельзя было найти большого простора. В вологодском арх. доме школа занимала четыре палаты, – две для бursы, имевшей до 30 бурсаков, одну для кухни и одну, разгороженную переборками на 3 части, для классов²³⁴. Вятская школа занимала четыре деревянных избы, из которых одна была двухэтажная, остальные малые²³⁵. Есть известия, что вследствие нерасположения монастырей к школам, навязанным им епархиальною властью, монастырские начальства плохо заботились о школьном помещении и в том случае, когда располагали к тому достаточными средствами. В 1738 г. учитель курской школы Кондратович жаловался архиерею: „за прошлого 1737 году обучал я нижайший школу в келии, определенной на школу против трапезы и церкви св. апостолов Петра и Павла, на святых воротах стоящей, аще и не без опасения было, паче же стена извне монастыря раскололась сверху до самого фундамента, а ныне уже и кирпичи из стены падают, и весьма опасно, дабы подчас собрания учеников не обвалились, и сего ради, оставив оную школу, в помянутой трапезе обучаю учеников, но весьма тесно и не могут все ученики разместиться. А в том курском монастыре обретаются кельи праздные и на

школу удобные, в которых капитан стоял И. А. Чеботоев, а за прежних учителей она определена была на школу, которую прошу всепокорно вашего преосвященства повелеть указом оправить и трапезу на св. воротах стоящую покрыть, понеже подчас дождь зело течет, и помянутую келью и трапезу определить на школу". Епархиальное начальство распорядилось удовлетворить этой просьбе и пригрозило монастырскому начальству взысканием за нерадивое исполнение указа. Архимандрит донес, что исполнил указ, а между тем жалобы на дурное помещение школы все-таки продолжались до 1741 г. В этом году в Курск переведена была еще школа из Старого Оскола и вследствие увеличения числа учеников забота об их размещении сделалась неотложною необходимостью²³⁶.

В тех, немногих впрочем, случаях, когда школа не находила себе пристанища ни при архиерейском доме ни в монастыре помещение для нее устраивалось или в наемном, или в купленном, или во вновь построенном для нее доме на счет духовенства. В инструкции Питирима нижегородского от 1738 г. об открытии низших школ по нижегородской епархии сказано: „Где есть монастыри и пустыни и в них праздные кельи, то до устройства школ на удобных церковных или монастырских землях, в оных монастырских праздных кельях (поместить школы), а где монастырей нет, там учеников содержать в наемных у тамошних обывателей домах”²³⁷. При заведении в 1737 г. в белгородской епархии низших училищ одно из них, старооскольское, за неимением поблизости удобного к его помещению монастыря, должно было поместиться в наемном доме на счет окружного духовенства. Соборный протоиерей Козьма Венедиктов, назначенный попечителем училища, предложил купить для него собственный его протоиерея дом, уступая его за бесценок, вместо 250 р. его настоящей стоимости – за 100 р. Духовенство согласилось на это и купило дом²³⁸. Так как низшие школы сохраняли свой всеобщий характер более семинарий и в них с детьми духовенства нередко обучались и дети местных обывателей светского звания, то в заботах о помещении их помогало иногда и общество. Напр.

упомянутая высшая духовная школа в г. Торопце в 1736 г. была построена коштом духовенства и торопецких граждан.

Без сборов с духовенства дело не обходилось впрочем и при готовом помещении новой школы в монастыре или архиерейском доме. Помещение это всегда приходилось более или менее перестраивать для приспособления к школьным потребностям, снабжать утварью и школьными принадлежностями, а иногда и расширять пристройкою новых зданий. Богатые монастыри, как троицкая и невская лавры, все издержки этого рода брали на себя. Но в большинстве случаев они покрывались из сборов с духовенства. Мы уже видели, как при открытии владимирской семинарии преосв. Платон распорядился в 1730 г. все издержки по обзаведению ее в Богородицком монастыре, сделанные архиерейским домом, отнести на счет казенного приказа, куда шли все епархиальные сборы. При открытии вятской семинарии при архиерейском доме преосв. Лаврентий распорядился, чтобы все священно-и-церковнослужители, сторожа церковные и просвирни немедленно явились в арх. дом для поновления своих ставленных грамот и указов; потом, когда они стали являться, он подробно разузнавал об их доходах и тут же определял сумму, какую каждый из них беспрекословно должен был внести на устройство школы²³⁹. Для некоторых семинарий, помещавшихся при монастырях, постройки предпринимались в очень обширных размерах и совершенно равнялись ей устройством особых, семинарских домов, наприим. для семинарий лаврских, владимирской и др. Для семинарии смоленской преосв. Гедеон Вишневский выстроил при Аврамьевском монастыре два каменных двухэтажных корпуса, – учительский и библиотечный, в самом монастыре, да три каменных корпуса, – для классов и учеников вне монастыря на особом, купленном, для того месте²⁴⁰. Для помещения новгородской семинарии в Антониевском монастыре при архиеп. Амвросии Юткевиче в 1740 г. было устроено за стенами монастыря несколько деревянных корпусов, кроме того в следующем году Амвросий предпринял постройку каменной семинарии и библиотеки наподобие киевских школ и кончил ее с

небольшим в год²⁴¹. Для костромской семинарии, после перевода ее из Симеоновского монастыря в загородный Запрудненский, преосв. Дамаскин в 1758 г. выстроил большой трехэтажный деревянный корпус в 20 комнат, из которых 14 было теплых, остальные холодные, и все оштукатурены, кроме того особые покои для префекта и учителей и деревянную на каменном фундаменте семинарскую церковь²⁴². При митрополите Антонии Нарожницком выстроен был на дворе тобольского архиерейского дома каменный корпус для тобольской семинарии²⁴³. При преосв. Антонии Илляшевиче и Варфоломее Любарском при архиерейском вятском доме возникли здания вятской семинарии.

Устройство собственных домов для семинарии вне монастырей и архиерейских домов обходилось дороже подобных построек только разве потому, что для него нужно было приобретать еще место; покупка эта впрочем тоже была весьма чувствительна для епархиальных средств, а потому заботливые архиереи старались обойтись без нее, пользуясь для семинарии готовыми местами монастырских подворий или уступленными по духовным завещаниям. Так каменный семинарский корпус во Пскове, построенный Стефаном Калиновским в 1738 г., возник около печерского подворья, где семинария помещалась прежде²⁴⁴. В 1743 г. переведена была из архиерейского дома на настоящее место нижегородская семинария. Для постройки ее дома преосв. Дмитрий Сеченов воспользовался уступленным в ее пользу местом синодального подворья, на котором и устроил церковь семинарскую и др. здания; ему все-таки пришлось к этому месту прикупить еще соседнее место вдовы Лушниковой с готовым двухэтажным каменным домом, надворным строением и садом, за которое и было заплачено 700 р.²⁴⁵. При устройстве дома казанской семинарии епархиальное начальство воспользовалось пустопорожним местом, уступленным семинарии от города, и кроме того 3000 р. денег, полученных по завещанию фабриканта Михляева. Надобно впрочем заметить, что Михляев оставил завещание свое не на строение семинарии, а в пользу Петропавловской церкви в уплату сделанного им когда-то займа

из церковных денег, поэтому епархиальное начальство, употребив их на семинарию, сделало таким образом налог на означенную церковь²⁴⁶. Точно так же у города Воронежа в 1748 г. было выпрошено пустопорожнее место для постройки здания воронежской семинарии²⁴⁷.

Все такие, особо построенные для семинарии дома как при архиерейских домах и монастырях, так и вне их, на нарочно приобретенных местах, были, разумеется, гораздо обширнее и удобнее готовых, случайно отведенных помещений, в которых одни семинарии помещались в первое время своего существования, а другие и во все описываемое время. Некоторые из них были выстроены в больших размерах и составляли самую лучшую сторону материальной обстановки школ, хотя и в них все-таки чувствовалась немалая теснота, наприм. нигде в самых обширных семинариях не было особых дортуаров и занятых комнат, а часто и особых классов, не говоря уже о больничных комнатах, которых до м. Платона не имела сама московская академия. Но чего стоили все подобные постройки архиерейским домам и епархиальному духовенству?... Архиереи нарочно многие годы копили для них деньги, урезывая все возможные статьи расходов в своих домах и в семинарии, склоняли к жертвованиям разных достаточных лиц в епархии, как духовных, так и светских, наконец, когда приступали к самым постройкам, назначали по всей епархии чрезвычайные сборы. В монастыри и ко всем причтам посылались указы с приглашением к пожертвованиям, кто сколько может дать по совести, или с обязательным назначением определенного количества взносов деньгами и строительными материалами. От монастырей, владевших вотчинами, требовались разные материалы из их лесных и других угодий и даровые работники. В архивах монастырей казанской епархии, Раифской и Седмиозерной пустыни, сохранилось несколько любопытных указов епископа Луки Конашевича (от 1738, 1739, 1742, 1753 и 1754 гг.), относящихся к построению казанской семинарии, совершавшемуся в несколько приемов и прерывавшемуся не раз пресловутыми казанскими пожарами. Все эти указы настойчиво требуют от

монастырей бревен, кирпичей и работников; о последних в одном указе прибавлено, чтобы присылали их на монастырском же коште, да здоровых и способных к работе, а если будут присланы старые или увечные, то власти подвергнутся за них тяжкому штрафу. После пожара 1742 г. из монастырей указывалось выслать для покрытия развалин семинарских 200 лубьев, а для новой стройки 50 плотников. В 1754 г., излагая подобные же требования, указ грозил монастырским властям за ослушание плетьюми. Как велики были в подобных случаях расходы епархии, можно судить из того, что наприм. при строении казанской семинарии на вспоможение ей правительством два раза ассигновались ей значительные по тому времени суммы, при Анне Иоанновне 3000 р., потом при импер. Елизавете 1099 р., но этих сумм так было мало, что преосв. Лука после пожара 1742 г. просил еще о вспоможении в 7000 р., указывая на крайнюю необходимость в этих деньгах. Св. Синод отказал, следовательно вся эта сумма должна была лечь на епархию, которая и без того уже много платилась²⁴⁸. Еще пример: в 1759 г. порешил строить семинарию тамбовский епископ Пахомий Симанский; по указу его со всей епархии собрано было 1984 р. денег, 1000 брусьев и множество тесу, и замечательно, что эта крупная жертва со стороны епархиального духовенства употреблена была вовсе не на семинарию, а на разные постройки по архиерейскому дому, семинария же так и не была открыта²⁴⁹.

Кроме издержек на постройку семинарских зданий требовались, разумеется, немалые расходы на их ремонт. На этот предмет тоже не было определено никаких сумм. Встречаем только один указ св. Синода от 1740 г., которым монастыри уполномочивались употреблять на починку находящихся при них школьных зданий деньги, выручавшиеся от продажи церковных свеч;²⁵⁰ само собой понятно, что полномочие это нисколько не служило к облегчению монастырей, потому что свечная продажа была одной из важных доходных статей для них самих. В случае более крупных ремонтов точно так же, как и при постройке школьных зданий вновь, назначались с духовенства и монастырей особые

чрезвычайные сборы добровольных и недобровольных пожертвований. Обыкновенные мелкие ремонты покрывались из текущих школьных доходов, на счет сбережений по разным статьям школьной экономии.

Текущие, обыкновенные доходы, на которые содержались дух. школы, были те же самые, которые указаны еще в Д. Регламенте, и некоторые новые, которые от времени до времени были изобретаемы ревнителями архиереями вновь на счет своих домов, монастырей и белого духовенства. Первое место между ними занимали хлебные сборы с церковных и монастырских земель, с первых 30-й, со вторых 20-й доли всякого приплодного по умолоту хлеба, предписанные еще Д. Регламентом, но только теперь получившие свою полную организацию.

Согласно предписаниям Регламента церкви и монастыри каждой епархии обязаны были ежегодно доставлять своей консистории ведомости о количестве урожая и умолота хлебов на своих землях, а знатнейшие монастыри должны были кроме того представлять по экземпляру своих прихода-расходных книг в св. Синод. Ведомости эти, собиравшиеся чрез духовные правления и заказчиков, служили единственным основанием для определения количества хлебного семинарского сбора, а потому на верность их обращалось особенное внимание. В указе ростовского митрополита Арсения 1748 г. угличскому духовному правлению по поводу открывшейся утайки хлеба всех духовных управителей и повытчиков велено нарочно собрать в консисторию для внушения, чтобы „впредь по вся годы о церковной пашенной земле, о посеве, умолоте и приплоде всякого хлеба ведомости собирали и принимали суще справедливые и весьма осмотрительно и неоплошно, дабы священно-и-церковнослужители в тех ведомостях своих как о церковной пашенной земле, так и о посеве, вымолоте и приплоде всякого хлеба показывали правдиво и нимало той пашенной земли посеву, вымолоту и приплоду всякого хлеба утайки не чинили, в чем им управителям и повытчикам при подании оных ведомостей крепкое рассмотрение и наблюдательство иметь без всякого пристрастия, слабости и

нерадения своего... неправдивых и ложных ведомостей отнюдь не принимать, а взыскивать правдивых... под опасением, ежели они управители и повытки в собрании тех ведомостей поступать будут неосмотрительно и оплошно, лишения чинов их и жесточайшего истязания". За утайку велено взыскивать втрое против положенного. При представлении ведомостей с священнослужителей и монастырских настоятелей бралась подписка, что больше показанного количества хлеба в вымолоте и приплоде у них не имеется „а ежели в сей ведомости хотя мало что ложно и неправдиво показали, пашенной земли, посеянного, умолотного и приплодного всякого хлеба утаили, и за то повинен я NN, по рассмотрению его преосв-ва, лишению чинов своих и надлежащего штрафа и истязания неотменно”²⁵¹.

На основании представленных ведомостей в консистории и дух. правлениях или в самой семинарской конторе составлялись потом реестры о том, сколько обязаны доставить в школу хлеба каждый монастырь и каждая церковь, и рассылались по всем заказчикам и настоятелям монастырей при указах, в которых прописывалось, чтобы означенный в реестрах хлеб был ими собран и доставлен к известному сроку и в известное место, в консисторию, в дух. правление, если школа была в его округе, или в самую школу. Кроме заказчиков, духовных управителей и настоятелей, доставка хлеба производилась также выборными от духовенства церковниками и др. духовными лицами, а иногда сборщиками, посланными из консистории или из семинарской конторы. На месте доставки доставившему хлеб давалась квитанция в приеме. Затем хлеб был отправляем в архиерейскую или семинарскую житницу, где хранился под надзором особых надзирателей из выборных церковников или учителей школы, которые вели ему приходо-расходную запись²⁵². С устройством и развитием семинарских контор обязанность приема и расходования хлеба и отчетность в том и другом легла на них и главным образом на их интендантов или экономов. До 1737 г. отчеты о приходе и расходе хлеба представлялись одной епархиальной власти; потом синодским указом 24 января этого года велено было „по

вся годы без всякого отлагательства” представлять их также и св. Синоду²⁵³. Приведем несколько образчиков тех операций, какие производились с сборным хлебом в самих семинариях.

Так, при открытии воронежской семинарии к 1746 г. всего хлеба собрано было с епархии 291 четверть и 6 ½ четвериков на 100 с лишком человек, поступивших в семинарию; вследствие очевидной недостаточности этого количества сбора число последних пришлось сократить до 35. Доставка хлеба была произведена выборными из заказов осмью церковниками; когда они приехали, консистория их же порешила выбрать в приставники к собранному хлебу и к семинарским деньгам; один приставлен был к приходу и расходу штрафных денег, другой к караулу тех денег, третий к приему хлеба, четвертый – к расходу его, пятый к караулу, а остальные трое определены были к должностям служителей. В течение года количество хлеба дошло до 350 четвертей с лишком, а между тем, несмотря на то, что число учеников было 51, в расход его пущено было на первый раз крайне малое количество, так что в остатке к 1747 г. оказалось 302 четв. и 4 четверика. В конце года семинарский расходчик подал в консисторию доношение, что остаточный хлеб начинает уже портиться, и егда оный погибнет, чтобы в вину ему причтено не было. Обсудив это доношение, консистория вошла к преосв. Феофилакту с мнением, что оный остаточный хлеб следует продать, а деньги от продажи употребить на семинарские же расходы, тем более, что семинария на будущий год может быть удовлетворена в своем пропитании хлебом вновь собранным от церквей и монастырей; представлена была и тогдашняя цена хлеба, – около 50 к. за четверть, – по которой семинария должна была получить от продажи 91 р. деньгами. В половине 1747 г. консистория в докладе своем архиерею указывала самые расходы, которые следовало покрыть этими деньгами, именно: „на покупку бумаги, свеч, чернил, перьев, дров, мяса, рыбы, масла коровьего и конопляного сиротам, кои отцов и матерей не имеют, рубашек, одежд и обуви”. На 1747 г. собрано было разного хлеба, – с монастырей: ржаной муки 5 четвертей и 2 четверика, круп 1 чт. 1 чк., овса 2 чт. и 2 чк.; с церквей: ржаной

муки 194 чт. 1 чк., пшеничной 22 чт. и 6 чк., пшена 14 чт. 1 чк., круп 31 чт., овса 23 чт. 2 чк., ячменя 2 чт., гороху 2 ½. В остатке, следовавшем в продажу, к 1748 г. оставалось: ржи 130 четв. 1 четверик, пшеничной муки 17 чт. 6 чк., пшена 8 чт. 7 чк., круп 26 чт. 6 чк., овса 25 чт. 4 чк., ячменя 2 чт., гороху 2 ½ чк. И так далее из году в год²⁵⁴.

Продажа остаточного хлеба повсюду играла важную роль в семинарской экономии. Кроме добываемых этим путем, да еще штрафных, семинариям неоткуда было получать денег, а без денег во многих случаях обойтись было совершенно невозможно. Из этих же напр. денежных доходов производились и все семинарские постройки. Можно было бы, вместо хлеба, прямо получать с плательщиков деньгами, но такая замена натурального сбора денежным во многих епархиях на первых порах существования семинарий была большой редкостью. В 1739 г. Кирилло-Белозерский монастырь, вместо хлеба, внес на содержание вологодской семинарии деньги в количеств 61 р. 37 к. В семинарской конторе отнеслись к этому обстоятельству, как к небывалой новости, и сделали особое определение об употреблении этой суммы, ибо де „особливого денежного сбора школьного, кроме хлебного, не имеется“, т. е. того, который получался от продажи остаточного хлеба. По ведомости 1746 г. такого остаточного хлеба в вологодской семинарии продано было (ржи и овса) на 179 р. 15 к. В приходе-расходных книгах последующих годов при означении денежного дохода показываются такие суммы, который прямо показывают, что он получался тем же путем: 1750 г. 130 р., в 1751 – 266, в 1752 – 188, в 1753 – 200 р. с копейками. В тех же книгах находим любопытные данные касательно того, как в разные годы количество хлебного сбора было разнообразно: в 1739 г. было собрано 879 четвертей (до 7000 пуд.), тогда как в 1745 г. всего только 536, следовательно на 343 чт. меньше. Вследствие такого, весьма чувствительного для благосостояния семинарии и по всей вероятности не редкого колебания в количестве сборного хлеба семинарские начальства, чтобы не оставить семинаристов без пропитания, должны были пускать в продажу не весь остаточный хлеб, а на всякий случай оставлять более

или менее значительное количество его в запас. В 1746 г. такого запасного хлеба в вологодской семинарии числилось 2442 четверти. Но и при таком распоряжении все-таки дело нередко доходило до того, что хлеба оказывалось мало на все годовые расходы, особенно когда доставка нового из разных мест епархии по какому-нибудь случаю запаздывала. В таких случаях семинарские конторы прибегали к займам в арх. доме. Так в 1740 г. вологодская семинария заняла у арх. дома 44 четв. ржи. С своей стороны впрочем и архиерейский дом одолжался у семинарии; в том же напр. году он занял у нее 225 четв. овса и 6 р. 76 к. деньгами, а в 1745 г. был должен ей 1041 чт. 2 чк. разного хлеба и более 130 р. деньгами²⁵⁵.

Разные неудобства хлебного сбора, особенно при доставке его в семинарию из отдаленных местностей, а также настоятельная потребность усилить именно денежные доходы семинарии естественно приводили епархиальные начальства к мысли заменить этот натуральный сбор денежным. Мы видели, что в обширной новгородской епархии эта замена произведена была еще в 1724 г.: все церкви обязывались доставлять в школы вместо хлеба деньги, и только монастыри остались при прежнем натуральном сборе хлебом. В других епархиях это случилось позже в разные времена, преимущественно в 1730-х годах. По всей вероятности желающие из плательщиков могли всегда переводить следующее с них количество хлеба на деньги; по крайней мере при подаче ведомостей о приплодном хлебе с самого начала хлебного сбора не без причины принято было постоянно обозначать в них после количества разных родов хлеба и ценность каждой его четверти и четверика. С 1730-х годов архиереи старались придать этой замене хлеба деньгами характер обязательный, выпрашивая иногда для этого даже особенные синодальные указы. Нововведение это было важно и само по себе, но с ним соединялось еще другое более важное, касавшееся самых оснований школьного сбора. Мы видели, что при первом же установлении денежных сборов на школы в новгородской епархии сборы эти стали взиматься уже не с приплодного хлеба, как установлено Регламентом, а с самой земли, с каждой ее четверти, безотносительно к тому,

давала она урожай или нет, или даже вовсе не была распахана. Епархиальное начальство очевидно имело в виду устранить необходимое при системе Д. Регламента непостоянство в количестве школьного сбора, зависевшее от случайностей местного урожая хлебов, и положить в основу его более прочные единицы обложения. В таком виде школьный сбор по новгородской епархии оставался и в описываемое время; в экстракте о доходах новгородского арх. дома 1735 г. сказано, что от церковных земель в пользу школы архиерейской взималось по 6 ½ коп. с четверти, всего 358 р. 47 ¼ к.; с монастырей, согласно прежнему определению, взимался натуральный сбор хлебом, – до 1468 четвертей со всех, а деньгами собиралось только 34 р.²⁵⁶ Такие же и даже еще большие перемены в основаниях раскладки школьного сбора с церковей происходили и в других епархиях, куда проникала замена натурального сбора денежным; в большей части епархий явились даже новые единицы обложения с очевидною целью как усилить количество школьного сбора, так и сообщить ему больше постоянства.

При старом порядке хлебного сбора, как он предписан Регламентом, от него оставались свободными все безземельные церкви и монастыри, что, как мы уже видели, было крайне невыгодно для школ в тех епархиях, где церковные учреждения имели мало земли; неудобство это очевидно не было устранено и при новом денежном сборе, пока он имел в основании один тоже поземельный доход церковей и монастырей. Вследствие этого при назначении этого сбора в разных епархиях вместо земли основанием обложения для церковей приняты были приходские дворы. Так именным указом из Синода, посланным в 1739 г. в крутицкую епархию, предписано было на содержание вновь учреждавшейся здесь семинарии, вместо хлебного сбора, собирать с каждого приходского двора всей епархии (т. е. с приходского духовенства за каждый двор в приходе) по 1 копейке²⁵⁷. Этот копеечный сбор распространился потом по всем епархиям, где принята была подворная раскладка школьного сбора²⁵⁸. Но и при этой системе раскладки школьный сбор все-таки мог

обнимать собою далеко не все церкви; кроме приходских церквей, были, как известно, церкви ружные, соборные, домовые, не имевшие приходов, да и приходские содержались не от одних приходских дворов, а еще от разных своих угодий, кортомных дворов, лавок и т. п. хозяйственных статей, которые тоже полезно было сделать предметами обложения. Наиболее полный образчик такой раскладки школьного сбора видим в нижегородской епархии. Указом 1743 г., отменившим хлебный сбор для этой епархии, новый сбор деньгами назначался: „с каждого приходского двора по 1 коп., а с ружных денежных дач или оброчных дворов, лавок, сенных покосов, отдаваемых внаймы, равно как и с ружного жалования и с оброчных вотчин по 3 коп. с рубля”. После этого указа в семинарской конторе в приходных книгах стали переписываться все приходские церкви с подробным показанием при них не одних уже земель и хлебных доходов, а вместе с тем числа приходских дворов, количества годовых окладных доходов всякого рода и оброчных статей. Что касается до монастырей, то с них по-прежнему продолжался сбор 20-й части приплодного хлеба²⁵⁹.

Указанные перемены в раскладке школьного сбора вообще касались лишь церквей и белого духовенства, оставляя монастыри на старом положении, потому что епархиальные начальства считали более выгодным снабжать свои школы готовым хлебом из монастырских вотчин, чем покупать его на деньги. В некоторых епархиях денежный сбор распространен был впрочем и на монастыри. В 1758 г. последовала отмена хлебного сбора в костромской епархии; монастыри были обложены при этом деньгами, как и церкви, хотя основания для обложения приняты были разные: церкви обязаны были копеечным платежом с каждого приходского двора, а монастыри должны были платить по 3 коп. с каждой урожайной или приплодной четверти хлеба; велено было внести деньгами и все недоимки прежних лет²⁶⁰. В пользу переяславской семинарии денежный сбор с монастырей собирался по числу крестьянских душ в монастырских вотчинах, по три коп. с души в год собиралось 868 р. 20 к.²⁶¹. Последний способ раскладки денежного сбора с монастырей, кажется, впрочем, только и

существовал в одной переяславской епархии, да и здесь явился уже в начале 1760-х годов. Вообще же этот сбор, где он ни касался монастырей, был устраиваем посредством простой замены хлеба деньгами по текущим ценам.

Из представленных примеров достаточно видно, что как в количестве сборов на школы, так и в основаниях обложения ими духовенства в епархиях господствовало величайшее разнообразие. Иначе и не могло быть, так как все дело содержания дух. школ предоставлено было исключительно на усмотрение епархиальных архиереев, причем естественно кто из них как умел и как находил удобнее, так и собирал школьные сборы, даже и не спрашиваясь о том высшей власти. В одних епархиях при замене натуральных сборов денежными последние собирались с прих. дворов и других доходных статей духовенства, в других с прежних единиц обложения – четвертей приплодного хлеба по текущим ценам, а с дворов только при безземельных церквях, в третьих – с четвертей церковной земли и т. д. Самая замена хлебного сбора денежным в одних епархиях произведена очень рано, в других позднее, в третьих, как в воронежской, вологодской, псковской, смоленской, владимирской и тобольской епархиях, до последнего времени оставался хлебный сбор, а деньгами собирали только с некоторых церквей, наприм. с безземельных (в тобольской епархии), с отдаленных от школьного города в облегчение трудностей при доставке хлеба (во владимирской)²⁶² и т. п. Денежный сбор вообще организовывался не вдруг, а постепенною, как и хлебный, иногда после нескольких попыток устранить разные неудобства последнего. Вот наприм. как происходил процесс его организации в ростовской епархии, где он явился сравнительно довольно поздно.

Первоначально епархиальное начальство принимало только меры против разных злоупотреблений духовенства при самом назначении хлебных окладов, требуя, чтобы ведомости о количестве церковной земли и ежегодного урожая с нее подавались правдивые, без всякой утайки. Потом, уже через 7 лет после открытия семинарии, оно обратило внимание на одно из самых важных неудобств хлебного сбора, на постоянные

случайности хлебного урожая в разных местах епархии, вследствие которых каждый год требовалось составлять чуть не для каждой церкви новое определение количества взимаемой с нее 30-й части приплода, в один год больше, в другой меньше по мере произведенного ею самого сбора с своих земель, и происходила большая путаница в мелких расчетах. В конце 1754 г. митроп. Арсений пришел к мысли составить общее уравнильное определение сбора для всей епархии на несколько лет вперед и сдал в консисторию указ „учинить (о семинарском хлебе) расписание и положить противу посеву всякий хлеб сам третей и собирать всегда, с кого надлежит хлебом, по тому одному расписанию, а с кого подлежит брать деньги, то с тех таким же образом расписав с посевом сам третей же, и положа трех годов сложную цену четверти, т. е. дорогой, средней и малой цен, и из того третью часть отделить, и по той третьей части (т. е. по средней цене) за каждую четверть брать деньги повсягодно уравнильно, и как оной хлеб, так и деньги всегда по прошествии года платить в январе месяце неопустительно”. Консистория высчитала указанную среднюю ценность хлеба (за четверть ржи 93 $\frac{1}{4}$ к., овса – 53 $\frac{1}{4}$ ячменя 66 $\frac{1}{2}$, пшеницы 1 р. 50 к., гороху 1 р. 30 к.), и разослала указ по епархии. В это же время определен был денежный сбор с духовенства кортомных (от отдаточных в наем хозяйственных статей) и ружных денег. Дело семинарских сборов должно было после этого значительно облегчиться, потому что при данном определении среднего урожая (сам третей), с которого обязательно должно было платить 30-ю долю, в распределении школьных платежей оставалось иметь в виду только одно количество церковной земли, хорошо известное консистории и постоянное. Опыт вероятно удался и в начале 1756 г. епархиальное начальство сделало последний решительный шаг, выдало распоряжение о замене хлебного сбора денежным, приняв в основание при раскладке сбора прежнее среднее количество приплодного хлеба (сам третей), а при определении ценности разных сортов хлеба назначив руководствоваться ежегодными справочными ценами по объявлениям из магистрата.²⁶³

Как хлебный, так и заменявший его денежный сбор был основным и общим источником содержания для всех дух. школ. Другим таким же источником был сбор штрафной за уклонение духовенства от обучения в школе своих детей и за неисправность по школьному сбору, составлявший печальную, но тем не менее довольно крупную статью школьных доходов в каждой епархии, особенно на первых порах по открытии школ. Вместе с деньгами, выручавшимися от продажи школьного хлеба, штрафные деньги в течении года скоплялись в значительную сумму от 100 до 300 р., на которую и производились все денежные расходы по школе, так как других денежных доходов до замены хлебного сбора денежным, вовсе не было²⁶⁴. В приходе-расходных книгах семинарских контор для записывания этой суммы существовало даже особое и постоянное отделение. Епархиальные начальства таким образом сумели обращать в пользу духовного образования самое недоброхотство, с каким к нему относилось духовенство. При имп. Елизавете вышел указ (20 апр. 1743 г.), подвергавший в пользу дух. училищ, или собственно московской академии, штрафу даже светских лиц, которые не заботились об обучении своих детей катехизису: велено было брать с шляхетства по 10 р., а с прочих по 2 р.²⁶⁵ Находя штрафные деньги очень важной статьей для содержания школ, некоторые архиереи старались увеличивать штрафную сумму посредством причисления к ней штрафных денег с духовенства и по разным его служебным винам. Взыскания этого рода были не одни денежные; наприм. виновных по епархиальному суду иногда отсылали в семинарии на семинарские труды, что заменяло для них монастырское подначало, таким образом семинарии снабжались даровыми служителями²⁶⁶.

Кроме перечисленных источников для содержания дух. школ, не было еще никаких других, которые можно было бы назвать источниками общими для всех епархий. Но и эти общие источники были очевидно характера весьма непостоянного, зависели от разных случайностей, подвергая таким же случайностям и судьбу самих дух. школ. О штрафном сборе нечего и говорить; на подобного рода случайных доходах, как

бы они по временам ни были значительны, основать материальное обеспечение школы было, разумеется, невозможно. Самый основной, хлебный, а потом денежный сбор на школы подвержен был таким сильным колебаниям, что это непостоянство его можно считать едва ли не главной причиной медленного успеха дух. школ во многих епархиях, – по крайней мере исключительно на эту причину указывали сами епархиальные начальства каждый раз, как только ни приходилось им получать сверху разные выговоры, насчет наприм. „нечувственного небрежения о толь важном и человеческому спасению потребном деле”. Жалобы на недоимки по сборам были таким обычным явлением, что можно крепко сомневаться в том, чтобы какая-нибудь семинария в какой-нибудь год сполна получала все следовавшее ей по расчету количество сбора.

Содержа свои бедные школы на свои нищенские средства, духовенство крайне тяготилось возложенными на него платежами на этот предмет, старалось их оттянуть, урезать, а то и вовсе от них уклониться, ссылаясь на свою бедность, неурожай хлеба, трудность его доставки и т. п. Как только епархиальное начальство решалось открыть у себя школу, по всей епархии начинались обыкновенно усиленные хлопоты для собрания прежде всего надлежащих сведений о доходах монастырей и церквей и для составления правдивых ведомостей о количестве посева, урожая и умолта хлебов на церковных землях, хлопоты, продолжавшиеся по местам целые годы. Так, при открытии вятской семинарии ведомостей о хлебе нельзя было собрать в течении целого года. В костромской епархии указ о составлении перечневых ведомостей по главным статьям монастырских доходов был выдан преосв. Сильвестром в 1745 г. В следующем году он предписал собрать ведомости от монастырей и церквей касательно урожая и умолта хлебов. Но ни то, ни другое распоряжение не были исполнены до весны 1747 г. Вскоре после этого из консистории были высланы реестры о том, сколько каждый монастырь и церковь должны были представить хлеба в консисторию, с назначением срока и угрозою штрафа, но исполнения не было и по этому указу с

лишком полгода. Притом хлеб следовало представить за два года, но из многих мест он выслан был только за год, и то уже к концу 1747 г., вследствие чего ранее этого не могла быть открыта и самая семинария²⁶⁷. В монастырях еще можно было по крайней мере приблизительно узнать количество приплодного хлеба, соображаясь с количеством монастырской земли, которое было всегда более или менее известно епархиальному начальству. Но относительно церквей, разбросанных по всему пространству епархии и владевших обыкновенно весьма небольшими участками земли, большею частью нельзя было составить и такого приблизительного определения, тем более, что церкви владели землями на разных правах и условиях с приходами, так что не только консистории или семинарской конторе, но и более близким начальствам – заказчикам весьма не легко было разобрать, какая земля церковная и какая приходская. Вследствие неизбежной при этом неточности сведений о доходах духовенства самые оклады семинарских сборов часто приходилось составлять почти наобум, по приблизительным расчетам, отчего, разумеется, тоже нередко приходилось допускать ошибки, для некоторых церквей определять оклады слишком большие, тяжкие для плательщиков, а для других, успевших благополучно утаить свои настоящие доходы, слишком малые, обидные для самой семинарии.

Самое соби́рание сборов по окладам было источником новых беспокойных хлопот, повторявшихся притом же каждый год. В начале каждого года в консистории или в семинарской конторе прежде всего изготавливались окладные реестры с требованиями годовых взносов, затем следовали рассылка их, переписка с поповскими старостами, заказчиками, дух. правлениями и настоятелями монастырей, жалобы из приходов на тяжесть окладов и на неурожаи, донесения сборщиков об утайках и недоимках, а то даже и о прямом противодействии им со стороны плательщиков, повторительные и побудительные указы о платеже, посылки нарочных сборщиков по инструкциям насчет неплательщиков, штрафы, правежи недоимок и проч. Пока хлебный сбор оставался в епархии в своем первичном

виде без замены его денежным, постоянный и правильный надзор за верностью семинарских платежей был едва ли даже возможен. Бумажные средства, разные ведомости о приплодном хлебе и шнуровые прихода-расходные книги, разумеется, помогали плохо, а ближайший местный надзор за духовенством и его доходами со стороны низших епархиальных властей, разных заказчиков, сам был заподозрен в неверности и недобросовестности. Епархиальной власти только и оставалось пугать неисправных неплательщиков да и самих сборщиков грозными предостережениями, грозить первым тройными сборами и др. штрафами, а последним лишением чинов и жесточайшим истязанием, брать при взносе сборов подписки, что взнос сделан правильно, без утайки и т. п. После перевода хлебного сбора на деньги, особенно когда при этом составляли постоянное, уравнительное распределение сборов на несколько лет вперед и определяли для церквей количество взносов не по четвертям приплодного хлеба, а по более постоянным единицам обложения, по приходским дворам и разным доходным статьям причтов, безотносительно к количеству их частного, случайного дохода в тот или другой год, наблюдение за верностью семинарских сборов должно было значительно облегчиться. Но тут возникало обыкновенно новое затруднение. Масса плательщиков, за исключением только очень небольшого числа духовных лиц и некоторых более богатых монастырей, состояла из людей бедных, живших день за день, не имевших никаких сбережений, которыми они могли бы покрывать случайные дефициты в своих доходах в неурожайные годы; вследствие этого выполнение разных уравнительных расписаний, как бы они снисходительно ни были составлены, в иные несчастные годы было положительно невозможно и за духовенством являлась недоимка, отягощавшая и путавшая для него семинарские взносы и на другие более счастливые годы. Не говорим уже о том, что недобросовестные плательщики имели при этом полную возможность изливаться пред начальством в преувеличенных жалобах на оскудение своих доходов и отыскивать другие удобные предлоги к уклонению от денежных сборов.

Теряясь в изобретении мер к устранению недоборов, некоторые епархиальные начальства пришли к мысли допустить в семинарских сборах участие самих семинарий, как это ни было обременительно и неестественно для школьной администрации. В костромской епархии статья эта была организована еще довольно удобно для семинарии, но зато по всей вероятности весьма не дешево для самой епархии: при всех дух. правлениях определены были особые семинарские сборщики в зависимости от консистории и правления, которые и собирали школьные взносы, каждый в своем округе. Мера эта оказалась успешною, так что костромская епархия имела на себе школьной недоимки менее всех: в 1763 г., пред временем Екатерининских штатов, недоимочных денег на ней насчитывалось всего 10 р. 62 к.²⁶⁸ В других епархиях старались достичь тех же результатов без назначения особых семинарских сборщиков, с помощью самой школьной администрации, поручая ей не только право контроля за верностью взносов, которое она имела везде, но и самую процедуру их собирания с епархии. В ростовской епархии даже встречаем особое распоряжение, направленное к поощрению семинарской конторы в исполнении этого рода обязанностей: с каждой церкви членам конторы предоставлялось получать в свою пользу по 11 коп., а при приеме монастырского хлеба по 3 коп. с каждой платежной четверти²⁶⁹ Но спрашивается: каким образом контора могла производить свои сборы по епархии, когда она не имела для этого дела никаких органов, вроде тех, какие были для той же цели у епархиальной администрации. Понятно, что ей не иначе можно было исполнять свои новые обязанности, как или с помощью тех же епархиальных сборщиков всяких сборов, которых она должна была бы заменить, заказчиков, поповских старост и дух. управителей, людей вовсе ей не подчиненных, или же с помощью лиц, принадлежащих к самой семинарии, пользуясь для этого временем, свободным от исполнения их прямых обязанностей. Конторы практиковали и тот и другой прием, предоставляя епархиальным сборщикам обычную процедуру сборов, а своих людей облакая для тех же сборов временными полномочиями.

Во время семинарских вакаций учителя нередко получали от своего начальства поручения произвести по епархии ревизию приплодного хлеба на месте, в самих приходах, да кстати уже и собрать надлежащее количество его для доставки в семинарскую контору. В 1753 г. в воронежской епархии подобное поручение дано было даже отпущенным на вakat ученикам риторики и философии, – высших тогда классов воронежской семинарии. В инструкции, данной им по этому случаю, сказано было, чтобы по своему пути они везде присмотрели годных к школе духовных детей, да позаботились бы и о сборе хлеба на семинарию. Приехав в известное место по данному реестру, гласила инструкция, „нимало не медля, взяв с собою тех местов духовных управителей и приказных служителей, велеть им каждому в ведомстве своем у каждого протопопа, попа, дьякона, дьячка, пономаря и у просвирницы, также в монастырях и пустынях, новоурожденного озимого и ярового всякого хлеба при них студентах освидетельствовать и по освидетельству коликое число и у кого именно сжатого на полях и свозного в скирдах копен и молоченого в закромах четвертей явится, учиня опыт и по опыту по колику числу с копны умолоту было или будет, и из того умолоту на содержание семинарии у монастырей 20-й, а с церковнослужителей 30-й доли вычет, надлежит учредить правдивые по форме за руками их дух. управителей и приказных служителей ведомости, которые им студентам по приезде... подать в сем. контору при доношениях, а им дух. управителям по тем ведомостям, и из того описного хлеба... прислать (указные 30 и 20 доли) в семинарскую контору при доношениях, и впредь таковые ж доли в октябре и ноябре месяцах присылать бездоимочно”. Кроме этого студентам указывалось освидетельствовать у дух. управителей квитанции в платежах за прошлый год, а „у которых дух. управителей в платеже того хлеба квитанции не имеется, тех самих дух. управителей привезть на Воронеж и объявить в семин. конторе при доношении”²⁷⁰. Распоряжения эти могут казаться необыкновенно-странными в настоящее время, когда едва ли кому придет в голову поставить всех сельских благочинных, не говоря уже о духовенстве, под такого

рода надзор семинарских философов и риторов, но тем они характеристичнее рисуют тогдашнюю беспомощность семинарской и епархиальной администрации. Видно, что хватались за всякие средства, лишь бы только чем-нибудь помочь горю вечных недоимок.

Бывали и такие случаи, что сбор на семинарию, уже благополучно и сполна конченный, не доходил до семинарии по злоупотреблениям самих сборщиков; недаром в инструкциях им постоянно внушалось, чтобы они действовали без всякой фальши под опасением жестокого истязания. В 1752 г. в той же воронежской епархии был такой случай. Осенью этого года консистория недосчиталась хлебного сбора на семинарию с целого острогожского округа. Навели справки и узнали, что в свое время, в конце 1751 г., весь хлеб в острогожском уезде на содержание семинарии в предстоящем году был описан и, как следует, переложен на деньги подканцеляристом Гурьевым, деньги были сполна собраны и сданы сторожу Протопопову и дьячку Степанову. После этого началось следствие, куда же эти деньги девались. Все указанные лица забраны в консисторию и рассажены под крепкий караул в кандалах. Гурьев на допросе показал, что деньги за хлеб он действительно собрал, а не доставил их вовремя по болезни, которая заставила его про эти деньги запомнить; в свидетели своей болезни он представил иеромонаха Феофана, который сам видел его больным. Отец Феофан был по-видимому великий оратор, кроме того приятель подсудимого и на запрос консистории написал свое свидетельство весьма цветисто, с явным желанием и другу удружить, и себя показать. „В прошлом 1752 г., писал он, в генваре месяце, а в котором числе не упомнит, по случаю же его Феофана тогда, якоже иногда от человека впадшем в разбойники лежащим и уязвленном вранами, и священник некто мимо иде, такожде и левит или церковный причетник мимож иде, самарянин же некто умилился, якоже и он язычник и мытарь многогрешный стал над ним и вопросив его, что тебе бысть? он же ему тогда рече: немощствуя лежу и несть исцеления плоти моей и весь расслаблен, яко не студен ни тепл, аки обуморен и весь огнем сожжен; он же многогрешный

тогда ему глаголах: молися Богу и покайся прежних своих дел и от всех скорбей твоих исцелит тя Господь вскоре, а потом более не ведает, что ему тогда было". Свидетельство это однако не пригодилося к оправданию Гурьева, потому что относило болезнь его к слишком давнему времени; ни одна острая болезнь не могла протянуть такого странного забвения о не отосланных, куда следует, деньгах от января до ноября месяца, когда об них возникло дело. По определению консистории утаенные деньги велено было взыскать с виновного, а самого его наказать в присутствии консистории нещадно плетьюми. Но после наказания он снова был возвращен к прежней должности при острогжском правлении, причем должен был дать только письменное обязательство впредь таких дел не чинить²⁷¹.

Не перечисляя множества других фактов этого рода, ограничимся здесь небольшим извлечением из истории владимирской семинарии, которое одно может представить для нас довольно цельную и выразительную картину разных затруднений, хлопот и злоупотреблений при семинарских сборах. В первый же год по открытии этой семинарии (1750) за епархией оказалась огромная недоимка в семинарских платежах: вместо 1273 р., которые нужно было собрать по смете и по реестрам, собрано было всего 778 р., несмотря на все указы из консистории и разные строгие меры в предотвращение недобора, и юная семинария очутилась в большом затруднении; по словам архиерейского указа, вследствие „толиких недобросовестных беспорядков многие ученики, лишаясь должного им быть при той семинарии довольствия, ходили и просили сущих подобием нищих прокормления". По ближайшем исследовании причиною „беспорядков" оказались разные злоупотребления и со стороны плательщиков и со стороны органов самой епархиальной администрации. Консистория и дух. правления воспользовались новым налогом на духовенство для своей собственной наживы и за взятки составляли неправильные ведомости о хлебе, с утайками. Так как взятки давались главным образом богатыми плательщиками, то вся тяжесть сборов и падала на бедных, которые не в состоянии были уболаготворить администраторов.

С самого же начала сборов со всех сторон стали приходить в консисторию и контору жалобы. Одни жаловались на свою крайнюю бедность, что „и дневной пищи себе не имеют“, напр. один дьякон в самом городе Владимире не мог уплатить причитавшихся на его долю 68 коп. и долго за то содержался в консистории под арестом. Другие указывали на то, что денежная оценка припасов, назначенных к сбору на семинарию, слишком высока, за четверть гороху нужно платить 1 р. 80 к., или что земли переписаны по приходам неправильно, худые пошли в ведомостях за хорошие, пустые за возделанные: „наши де земли лежат впусе и поросли лесом, пашенной земли нет, ржи, овса и прочего хлеба на семинарию тоже нет ничего, а иными землями владеют духовные бобыли, которые ничего за сие не платят, и за те земли на семинарию взыскивают“. Третьи указывали на разные случайные обстоятельства, из-за которых они дошли до разорения и не могут платить; наприм. члены одного причта показали, что в прошлом 1749 г. они были вызваны в консисторию для каких-то спросов, и после этого не только приплодного хлеба, но и на пропитание им ничего не осталось. Злоупотребления при описании земель заставили преосв. Платона предпринять труд даже лично объехать некоторые уезды для поверки ведомостей.

Чтобы уменьшить огромную недоимку за епархией, епархиальное начальство сначала принялось писать грозные указы, в которых обличало духовенство в презрении и божеских и царских повелений, в небрежении „о самопервейшем епархии деле“, в том, что таким небрежением духовные лица „привели семинарию в крайнее несостояние, и детей своих и сродников от них воспитываемых от такого преполезного учения отвлекли и в тине глубочайшего неразумия и неведения света учения загрузили“ и проч., грозило штрафами и плательщикам, если впредь будут неисправны, и дух. управителям, если будут чинить послабления при взыске платежей. Несмотря на эти указы, недоимка продолжала возрастать в грозной прогрессии по всей епархии. Тогда преосв. Платон учредил для взыска денег особую комиссию из нескольких духовных лиц г. Владимира, нечто вроде доимочной канцелярии. В качестве ее

органов по всем уездам разосланы были священники и даже пономари с строгими инструкциями не делать плательщикам никаких послаблений и с страшными полномочиями ковать виновных в кандалы, кто бы они ни были, не только священников, но и самих дух. управителей, и немедленно везти их в консисторию. Вся епархия пришла в волнение. В краснослободском уезде не оказалось никакой возможности собрать недоимку. Рассыльщики донесли об этом консистории с присовокуплением весьма выразительного мнения, что так как де с бедного духовенства действительно взять нечего, то не благоугодно ли будет консистории дозволить в уплату семинарских денег описать дома оных священников. Некоторые сельские священно-и-церковнослужители, еще издали слышав о приближении сборщиков, оставляли дома и пускались бежать, куда глаза глядят. Консистория указала привезти краснослободских ослушников во Владимир, а если они будут укрываться, то брать жен и детей их. После этого указа один из священников, Петр Нестеров пришел в такое отчаяние, что когда сборщики явились к его двору, „оный поп ворота запер и на двор не пускал и говорил: вы де напрасно приехали, – хотя бы де целая рота драгун прислана была, я б де и тех велел побить до смерти”. В консистории ослушников велено держать в кандалах до тех пор, пока они очистят недоимку. Но так как в колодничей денег взять было неоткуда, а между тем приходы арестованных священников оставались без богослужения, то консистория потом догадалась посылать своих арестантов на некоторого рода заработки, отпуская их на неделю, на две, чтобы, где хотели, добывали себе деньги в уплату недоимки. С помощью таких крутых мер недоимка действительно стала было уменьшаться, но в конце 1750-х и начале 1760-х годов снова пошла расти в гору, потому что на архиерейской кафедре явился тогда другой менее энергичный архиерей, упомянутый уже нами грузин Антоний. Так, за ярополческим дух. правлением в 1749 г. она доходила до 301 р., в 1751 г. уменьшилась до 255 р., но в 1754 при архиерее Антонии ее снова было 387 р., а в 1761 – 397 р. с копейками²⁷².

Описанные нами хлебные и денежные сборы на содержание семинарий употреблялись также и на содержание низших епархиальных школ. Очень неудивительно, что последние заводились в небольшом числе и в епархиях более обширных и богатых, потому что сборного хлеба и денег в большей части епархии едва хватало и на содержание одной епархиальной семинарии. Когда в известном епархиальном округе открывалась низшая школа, округ этот естественно должен был взять ее на свое полное содержание и при этом уже освобождался от платежей на центральное училище; последнее чрез это должно было всегда терять более или менее значительную и чувствительную для его благосостояния долю содержания. Так напр. распределялись епархиальные сборы между училищами в епархии ростовской²⁷³, смоленской²⁷⁴ и нижегородской (по инструкции Питирима Юрьевской школе). Есть известия, что епархиальные начальства, радуя о благосостоянии своих главных школ, даже вовсе иногда закрывали низшие школы. Так объясняется упразднение угличской и ростовской школ после открытия ярославской семинарии. Когда в 1737 г. в белгородской епархии открыты были низшие школы в Курске и Старом Осколе, харьковский коллегиум оказался этим недоволен и стал жаловаться на то, что средства его стали оскудевать, так как не весь хлеб с епархии стал собираться в его пользу. Вспомним при этом, что коллегиум был тогда одной из самых богатых семинарий и что учреждение новых школ, как оно мотивировано в указе преосв. Петра Смелича, было вызвано весьма уважительными нуждами духовенства отдаленных от Харькова курского и старооскольского округов. В 1738 г. два учителя коллегиума подали жалобу, что за последнюю треть 1737 г. им вовсе не выдавали жалования. На запрос архиерея о причине этого обстоятельства начальство коллегиума отвечало, что коллегиум оскудел в своих средствах вследствие неполного получения хлеба с епархии, и просило собрать недоимку. Такие же жалобы о неуплате жалования повторились в следующем 1739 и 1740 году. Между тем духовенство при сборе недоимки заявляло с своей стороны, что многие из среды его вовсе и не

считают себя обязанными платить сбора на коллегиум, так как дети их с 1737 г. учатся не в коллегиуме, а в курской школе; в заявлении этом очевидно высказывалось желание, чтобы школьный сбор был распределяем по училищным округам. Епархиальное начальство, разумеется, больше дорожило своим благоустроенным коллегиумом, чем низшими школами, и видя с их стороны подрыв коллегиуму, в 1741 г. решилось уменьшить их число соединением старооскольской школы с курскою. Замечательно, что после, при имп. Екатерине II, духовенство само хлопотало о восстановлении обеих школ в отдельном виде²⁷⁵.

За недостатком известий о низших школах трудно впрочем сказать, многие ли из них пользовались описанными сборами с епархии. Так как они обыкновенно помещались при монастырях, то вероятно большая часть их и содержалась от этих монастырей, тем более, что они требовали для своего содержания очень немногих издержек. Учителя получали в них ничтожное жалование, а ученики большей частью были на своем собственном содержании. Другие школы, существовавшие при дух. правлениях и церквях, могли быть устроены согласно указу 1740 г. о штате новгородской семинарии и устройстве низших школ новгородской епархии, наподобие школ старых мастеров с платою за учение, „почему за что до сего времени учителям ученики платили”.

Кроме хлебного (или заменявшего его денежного) и штрафного сборов, составлявших общие источники содержания духовных школ, по епархиям изобретались разные другие, частные, местные способы улучшения внешнего школьного быта, зависевшие от степени усердия к школьному образованию и личной изобретательности того или другого архиерея, от большего или меньшего богатства епархии и от др. местных и случайных обстоятельств.

В некоторых епархиях, по инициативе архиереев-ревнителей образования, назначались с духовенства лишние сборы сверх положенных по Регламенту. Так, Иларион Рогалевский казанский для увеличения содержания своей семинарии (в 1734 и 1735 гг.) распорядился собирать

положенные Регламентом сборы со всей епархии в двойном количестве вместо 30-й доли хлебного приплода 15-ю, а вместо 20-й 10-ю²⁷⁶. В нижегородской епархии в 1750-х годах был установлен совершенно новый сбор, нигде, кажется, еще не существовавший, сбор с отцов за обучение их сыновей в семинарии, по 7 руб. за каждого сына в год; платеж этот впрочем производился неисправно, так как был слишком тяжел для духовенства²⁷⁷. В иркутской епархии, за недостатком хлебных сборов, архиерей Иннокентий Нерунович в свое время велел собирать на содержание школы деньги со всех дух. лиц, как имеющих детей, так и бездетных, по 50 к. в год со священника, 30 с дьякона и 10 с причетников²⁷⁸. В смоленской наряду с сбором хлеба собирались еще прибавочные деньги на отопление семинарии с 242 церковей четырех уездов епархии 7 р. 26 к.²⁷⁹. В псковской сбор этот производился натурой с псково-градских и уездных церковей с дворового числа; количество сбора в разные годы было неодинаково: в 1759 г. 216 сажень дров, в 1760 – 266½ в 1761 – 243²⁸⁰. В некоторых других епархиях дрова получались из монастырских лесных дач или, как в вятской, отпускались из архиерейского дома. Но сбор этот все-таки был не повсеместный; где его не было, там семинарии, как напр. воронежская, должны были для своего отопления покупать дрова из денег, собранных с церковей на содержание учеников или вырученных от продажи остаточного сборного хлеба. Семинарии вероятно немало получали от монастырей и разных других припасов путем пожертвований.

Пожертвования были одной из важных статей неокладных, случайных доходов дух. школ, особенно пожертвования архиерейские, от которых, можно сказать, существенным образом зависело благосостояние духовно-учебных заведений. Они были самые разнообразные, – деньгами, припасами из архиерейского дома, книгами для семинарских библиотек, жалованием учителям и проч. Мы знаем наприм., что Феофан Прокопович содержал при своем петербургском доме на Карповке целую семинарию. Его преемник по кафедре Амвросий Юшкевич был незабвенным благодетелем для своей новгородской семинарии, отпускал на ее нужды потребные

суммы из неокладных доходов своего архиерейского дома, сам на своем коште содержал некоторое число учеников, оставил в ее пользу свою богатую библиотеку и наконец в свидетельство своей любви к устроенному им заведению самого себя завещал погребсти не в св. Софии, где искони погребались тела новгородских владык, а на паперти соборной церкви училищного Антонова монастыря²⁸¹. Смоленская семинария обязана была своим устройением и процветанием попечениям и щедротам преосв. Гедеона Вишневого, по имени которого она и величалась Wiszniowianum collegium, как киевская коллегия величалась некогда Могилянскою и Заборовскою по имени своих благодетелей, киевских архипастырей²⁸².

Архангельский епископ Герман принял на счет своего архиерейского дома все содержание архангельской семинарии. То же самое почти сделал св. Иннокентий иркутский, епархия которого в его время решительно не могла содержать семинарии на свои собственные средства без щедрой помощи своего бескорыстного архипастыря. Нижегородский епископ Иоанн оставил после своей кончины 300 р. на устройство семинарских зданий; кроме того при нем и при его преемнике Дмитрие Сеченове отчислялись в пользу семинарии деньги, собиравшиеся с ставленников²⁸³. Не перечисляя всех имен преосвященных благодетелей наших дух. школ, заметим вообще, что каждая семинария непременно может указать в своей прошлой истории по одному и более таких священных для нее имен. Кроме того архиереи располагали к пожертвованиям на духовные школы духовенство своей епархии, монастыри и даже светских лиц. Так наприм. в Астрахани, при открытии латинской школы, купечество астраханское обещалось давать от себя жалование учителю школы в размере 100 р. в год, кроме того по 15 четв. хлеба и по 10 саж. дров²⁸⁴. На счет донского войска одно время, как мы видели, содержалось училище черкасское. Немало пожертвований получали от светских лиц южно-русские духовно-учебные заведения, киевская академия, черниговский и особенно харьковский коллегиумы.

В некоторых епархиях, как-то владимирской и нижегородской, для улучшения содержания учеников были отводимы земли под семинарские огороды и под покосы, на которых ученики сами же и работали²⁸⁵. Некоторые семинарии, имевшие свои дома и домовые места, получали доходы от отдаточных в наем помещений под лавки, склады товаров и т. п. Наприм. казанская семинария в 1730-х гг. получала таких денег до 16 р. в год и больше. Еще более обильный источник содержания для семинарии составляли приписывавшиеся к ним по местам доходы с монастырских вотчин и самые вотчины. Так, смоленская семинария ежегодно получала 133 р. 13 к. из вотчинных доходов Аврамьевского монастыря²⁸⁶. Сильвестр казанский приписал к своей семинарии вотчины двух упраздненных монастырей, осинского и сарапульского, монахи которых по своей малочисленности переведены были в уфимский монастырь; за тем и другим монастырем считалось 114 дворов или 549 крестьянских душ муж. пола, с которых оброчных денег собиралось 203 р. 46 к. Преемник Сильвестра Иларион Рогалевский приписал к семинарии новые вотчины от более достаточных казанских монастырей, Спасского, Федоровского и Раифского, от первых двух по одной деревне, от последнего село Тихие Горы. Кроме денег с этих вотчин собирались на содержание учителей и учеников разные припасы, хлеб, крупы, масло, мясо, рыба, соль и проч. Сбор оброчных денег с прежде приписанных вотчин увеличен был вдвое. Семинария впрочем недолго пользовалась этим обильным источником содержания, потому что при следующем архиерее Гаврииле, по челобитию монастырей, вотчины были снова от нее отписаны и возвращены своим владельцам²⁸⁷.

Своих собственных вотчин у семинарий не было, за исключением, кажется, одного только харьковского коллегиума, богато одаренного своими щедрыми благодетелями, преосв. Епифанием, князем М. М. Голицыным и разными харьковскими обывателями. В самом городе ему принадлежало более 30 дворовых мест с разными постройками, садами, огородами, ливадами, постоялыми дворами, питейными домами, пивоварнями и др. заведениями и угодиями. Лучшие угодия в

окрестностях Харькова тоже принадлежали коллегиуму. Владения его были в уездах харьковском, валковском, змиевском, изюмском, грайворонском и в курской губернии. Всего с 1730 до 1798 г. насчитывалось за ним: 3076 десятин пашни, сенокоса и леса, с 650 приписных черкасов, 50 мельниц, 3 винокуренных завода, скотные дворы, сады и проч. Сюда принадлежали: деревня Рубанова – дар вдовы эсаула Рубанова, слобода Песочки и Замосский куст – дар М. М. Голицына, хутора: Клочки, Липецкий, Немышенский, Даниловский, Шاپоваловский, Череватый, пустоши: Уставникова, Куленговская, Гринцев рог, и деревня Гуки. Владения эти были увеличены еще преосв. Епифанием, который приписал к коллегиуму три пустыни (Озарянскую, Аркадиевскую и Чугуевскую), долго впрочем оспаривавшиеся у него ахтырским архиерейским домом; они были утверждены за коллегиумом и училищным монастырем в 1740-х годах указами св. Синода²⁸⁸. Кроме того в 1740 г. ему же предоставлены были доходы (до 600 р.) от Каплуновской иконы Богоматери, собиравшиеся доселе на белгородские школы²⁸⁹.

Представленный обзор источников содержания дух. школ, как общих, так и частных, вполне оправдывает отзыв комитета об усовершенствовании дух. училищ 1808 г., что все способы этого содержания, „сами по себе неопределительные, по количеству домовых вотчин весьма различные и от единого личного усмотрения зависящие, при ежегодном приращении числа учащихся, не могли быть ни прочны, ни достаточны“. Чтобы ясно и точно судить о степени материального благосостояния наших духовно-учебных заведений, для этого, разумеется, всего нужнее было бы определить общие цифры их приходов и расходов; но при том чрезвычайном разнообразии, какое существовало в этом отношении в разных епархиях, при полном отсутствии даже местных более или менее определенных и постоянных окладов на школы и крайне неравномерном распределении между ними всякого рода материальных средств, зависевшем от разных местных и случайных условий, сделать этого положительно невозможно. Одни семинарии имели средства достаточные, другие крайне

плохие, с которыми едва-едва тянули свое жалкое существование; даже в одной и той же школе один год не походил по доходам на другой. При весьма сильном колебании цифры школьных доходов нужно еще обратить внимание на такое же почти колебание цифры учеников, требовавших расходов на свое содержание.

В начале существования духовных школ ученики почти везде содержались на счет самих школ; это было довольно удобно тогда вследствие небольшого еще числа школьников, а с другой стороны даже и необходимо, чтобы родители, мало еще расположенные к обучению своих детей в школе, не имели причины отговориться от того своею бедностью, невозможностью содержать их в школе, как об этом прямо говорит Регламент, предписывая архиереям учить и кормить учеников в школе „туне”. Потом чем более образование распространялось среди духовенства и чем более семинарии стали наполняться учащимися, тем более такое содержание их туне стало делаться стеснительным и даже невозможным. Тогда все чаще и чаще стали прибегать к другому правилу Регламента, в котором говорилось: „семинаристы (воспитывающиеся на готовом содержании) едины будут люди убогие, а другие богатых людей дети должны будут платить за корм и одеяние”, или, что то же, содержаться на собственный кошт. В менее обеспеченных и более многолюдных семинариях ученики поэтому стали разделяться на казеннокоштных или бурсаков и своекоштных; к этим двум разрядам присоединялся еще третий – полубурсаков, которые пользовались от семинарии помещением, а пищу и одежду имели собственную, или получали от них и помещение и пищу, а свою имели только одежду.

Число получавших полное содержание от семинарий было всегда значительно и в общем счете всех учащихся едва ли не превышало числа своекоштных даже и под конец описываемого времени. Правда, в некоторых семинариях сравнительно с своекоштными их было немного: так, в смоленской семинарии на казенном содержании считалось до 75 учеников, тогда как общее число простиралось далеко за 200; в псковской, имевшей

тоже свыше 200 учащихся, в 1743 г. казеннокоштных было 224, потом за недостаточей хлеба оставлено было только 23, в 1745 г. число их снова увеличено до 139 человек; в переяславской семинарии из 90 с лишком учащихся в 1753 г. было 30 казеннокоштных, а с 1755 г. 50–60 человек. Но зато во многих других семинариях учащиеся все состояли на казенном содержании. Так было в троицкой семинарии, содержавшей на счет лавры всех своих учеников (до 100 человек), за исключением приезжих из других епархий, за содержание которых в семинарскую казну вносились деньги от присылавших их начальств. В невской семинарии ученики (до 70 человек) тоже содержались от монастыря и пищей и одеждой, исключая небольшого числа священнослужительских детей, которые получали от монастыря только пищу, а одежду имели от отцов. Таким образом содержались ученики в семинариях вологодской (60–80 человек), костромской (до 1763 г.), казанской (200–300 человек), вятской и др. Число казеннокоштных учеников вообще определялось количеством сборов с епархии и было также непостоянно, как непостоянно было последнее. В случае оскудения сборов или увеличения числа нуждающихся в семинарском содержании консистория или семинарская контора делали в начале года доклад архиерею, что в предстоящем учебном году неизбежно имеет быть в прокормлении учеников недостача, и представляли смету, сколько учеников действительно можно прокормить по принятому положению на наличные средства. Архиерей утверждал предположенное число казеннокоштных учеников, причем стараясь включить в него более нуждавшихся и более способных духовных детей, остальных отчислял на кошт их отцов, оставляя их при семинарии же или отсылая по домам с обязательством обучиться там известным предметам (чтению, письму, пению, краткому катехизису) к назначенному сроку. Вследствие общей бедности духовенства и малого еще сочувствия его к школам казенное содержание учеников в школе до того было распространено по епархиям и до того считалось необходимыми, что уменьшение числа казеннокоштных учеников в семинариях большею частью было тождественно с

уменьшением вообще числа учащихся. Епархиальные и семинарские начальства от этого постоянно ставились в необходимость держать в своих заведениях гораздо большее число бурсаков, чем требовалось по смете доходов, хотя бы для этого нужно было значительно ухудшить их содержание, лишь бы только вовсе не лишать их школьного обучения.

В образчик того, как устраивалось содержание учеников, приведем некоторые данные из истории воронежской семинарии. После открытия ее и первого сбора с епархий как учеников, так и хлеба на их содержание, в начале 1746 г., учитель Стасиевич подал архиерею доношение, что все готово к начатию учения, и просил распоряжения о назначении ученикам в силу Д. Регламента пропитания и о выдаче свеч, бумаги и прочего, что в семинарии может быть потребно. Консистория с своей стороны, учинив справки о числе собранных учеников (до 130 человек) и количестве хлеба, донесла, что последнего за 1745 г. собрано 291 четверть и 67 $\frac{1}{2}$ четвериков, да столько же ожидается за 1746 г., а в будущие годы может быть его и менее, что „того ради для спервозаведения семинарии надлежит быть в славяно-латинской школе по числу собранного хлеба в нынешнем 1746 г. 30-ти, а по крайней мере 40 человекам, ибо на тоlikое число, сколько ныне при доме вашего преосв-ва в семинарии находится, и на иные нужды собранного хлеба к удовольствию и на один нынешний год не достанет, и затем в хлебе не достаточеством не могло бы ученикам в удовольствии последовать нужды, а когда хлеба впредь по описям более нынешнего явится, тогда в силу Д. Регламента, по числу собранного хлеба, учеников, которые российской грамоте выучились, прибавлять к лучшему способу будет удобнее”. Епархиальное начальство не приняло на себя решения такого щекотливого вопроса, потому что знало, как на верху сердятся каждый раз, когда услышат об уменьшении числа учащихся по епархиям, и порешило на всякий случай спроситься св. Синода, которому и послало доношение, что за убожеством монастырей и недостатком сборного хлеба всех наличных семинарии учеников пропитать будет нельзя. Дело это затянулось на полтора года, и в течении всего этого времени хлеб

расходовался в таком малом количестве, что к 1747 г. его еще осталось до 300 четвертей, – вероятно им кормили только самых нуждавшихся учеников. Наконец уже в июле 1747 г. пришел из Синода указ, которым, согласно с Д. Регламентом, разрешалось содержать на казенный счет лишь одних бедных учеников, а детей достаточных отцов оставить на коште оных их отцов. После этого пошел разбор, кто из отцов беден, кто достаточен: по всем дух. управителям, старостам поповским и заказчикам посланы из консистории указы, чтобы они собрали о том сведения – каждый в своем округе. На основании этих справок и расчета о расходе семинарского хлеба казеннокоштных учеников оставлено до 35 и прокормление их затем пошло обычным порядком. Замечательно, что в 1748 и 1749 г. больше этого числа и не было учащихся в семинарии, стало быть на своем коште никто не учился. – По приходо-расходным книгам разных годов в той же семинарии можно видеть самое количество расходов на учеников, что может определить и качество их содержания. Так в 1748 г. на 35 человек, израсходовано было 56 чевт. 4 чк. ржаной муки, 4 чт. 3 ½ чк. пшеничной, 6 чт. 2 чк. пшена и 3 чт. круп. В 1751 г. на 24 ученика издержано 82 чт. 2 чк. ржаной, 1 чт. 1 чк. пшеничной муки, 4 чт. 2 чк. пшена, 7 чт. 3 чк. гречневых круп; стало быть, пшеничная мука и пшено сначала употреблялись чаще, чем в этом году, когда главный расход падал на рожь и гречу. За 1749 г. находим запись расхода на деньги, вырученные от продажи хлеба и от штрафов. Всех денег числилось в приходе 100 р. 6 ½ коп.; из них для 35 учеников делались расходы на покупку мяса и рыбы (5–10 коп. в день на всех), масла, капусты, сала, свеч, дров, четырех чашек и красных ложек, и на все это израсходовано за целый год 51 р. 88 к. В следующем году на 29 человек издержано 140 р. 65 ½ к., но в это число вошли крупные расходы по производившейся тогда постройка для семинарии нового помещения²⁹⁰.

Само собой впрочем понятно, что количество выдаваемых ученикам припасов и денежных на них расходов в разных семинариях было чрезвычайно разнообразно. Самым богатым содержанием, которое можно считать за *maximum*,

пользовались троицкие семинаристы, жившие богаче даже московских академиков. Ученикам первых 4-х школ или классов выдавалось по фунту в день мяса, а прочих классов по $\frac{1}{2}$ фунта, чего не бывало ни в одной семинарии; в постные дни им давали соответственное количество рыбы, а по праздникам пироги братские, семгу, зернистую икру, иногда даже пиво и мед (в 1757 г. наприм. израсходовано на них 214 ведер пива и 6 меду). Общий расход на их содержание (на 80–90 человек) лавра считала в 1429 р.²⁹¹. В Троицкой семинарии до открытия семинарии в переяславльском Даниловом монастыре каждый год училось по несколько учеников из переяславльской епархии, которая вносила за них деньги по расчету содержания лаврских семинаристов, но в 1752 г. переяславльская консистория объявила себя не в состоянии нести за своих учеников такой большой расход и просила содержать их победнее: повседневные мясо, рыбу и пироги отменить, а давать им по вся дни хлеб, шти, кашу гречневую с маслом, рыбу же, мясо и пироги производить только по праздникам и брать за содержание каждого ученика в год по 8 рублей. Лавра на это согласилась.²⁹² Надобно заметить при этом, что когда в переяславльвской епархии заведена была своя семинария, содержание семинаристов тоже было весьма достаточное, едва ли не лучше, чем во всех епархиальных семинариях. На каждого ученика, на пищу, одежду и учебные принадлежности в год причиталось до 10 р. 13 к. Припасы выдавались довольно обильно: по 3 ф. хлеба, по $\frac{1}{2}$ и более фунт. мяса или в посты соответствующее количество рыбы (белужины и снетков) в день на человека, 3 ф. масла на 60 человек тоже в день, 4 гарнца круп на кашу и т. д.²⁹³. Из других епархиальных семинарий, как наиболее роскошную в этом отношении, можно указать еще на семинарию казанскую, в которой на содержание учеников в числе 120 шло ежегодно 1281 чт. ржаной и 50 пшеничной муки, 92 чт. разных круп (гречи, проса, полбы), 15 пуд. скоромного и 30 ведер постного масла, 400 пуд. говядины и 300 свинины, 50 пуд. рыбы и т. д.; цифры эти относятся впрочем к периоду самых усиленных сборов на нее по епархии при Иларионе Рогалевском; поддерживалось ли подобное содержание

семинаристов в последующее время, при Луке Конашевиче и Гаврииле Кременецком, когда число учеников доходило до 200–300, за это ручаться нельзя, хотя семинария и после слыла одной из наиболее богатых²⁹⁴. Затем большинство остальных дух. школ по епархиям обставлено было самым нищенским образом.

Ржаной хлеб и квас были почти повсюду основными принадлежностями семинарского стола; пироги и булки являлись как редкость; еще реже выдавались мясо и рыба, – эти припасы покупались вместе с некоторыми другими редкостями, напр. маслом, особо на счет экономических сбережений и считались праздничными харчевыми статьями. Так, в вологодской семинарии пшеничной муки в 1746 г. расходовано было не более $\frac{1}{2}$ пуда на человека, на покупку мяса и рыбы для 80 или около того человек издержано во весь год до 3 р. 75 к. всего-навсего. В другие годы этот расход впрочем несколько увеличивался – самый большой был в 1738 г., когда для 29 человек куплено было мяса на 6 р. 99 к. и рыбы на 8 р. 49 к. Но и весь вообще денежный расход по семинарии был невелик, простирался наприм. в 1750 г. до 122 р., в 1751 до 211, в 1752 до 167, в 1753 до 197 р., притом же вместе с жалованием служащим при семинарии, которое простиралось до 55 р. в год.²⁹⁵ В псковской семинарии в 1745 г. составлено было общее положение о содержании семинаристов, в основе которого видим исключительно хлебные дачи: риторам (ученикам высшего тогда класса) в день положено выдавать по 6 ф. хлеба, пиитам по 5, синтаксистам по 4, то же грамматистам и инфимистам, ученикам фары по 3, славяно-российской школы по 2 ф.; прежде выдавалось меньше. Денежных расходов на семинарию (при 150 и более казеннокоштных учениках) было почти столько же, как в Вологде: в 1759 г. 80 р. 66 $\frac{1}{2}$ к., в 1760 – 117 р. 77 к., в 1761 – 216 р. 67 к.²⁹⁶ Мы приводим примеры еще далеко нескудного содержания учеников, были оклады гораздо беднее. В смоленской напр. семинарии на каждого ученика в год приходилось не более 1 четв. хлеба и до 2 р. денег на все²⁹⁷. В ростовской епархии в 1740 г. на дачу ученикам положено было производить по 2 четверика ржи, да вместо круп

овса по два гарнца в месяц²⁹⁸. Во владимирской семинарии в начале 1760-х гг., как мы видели выше, ученики получали всего только по 1/3 ф. хлеба на день; остальное содержание было также скудно, так что ректор Амвросий из жалости к голодавшим бурсакам иногда на свой счет кормил их пирогами; бывали также подачки от учителей²⁹⁹.

Из жалобы владимирских семинаристов 1762 г. мы знаем, что скудость их много зависела от дурной и недобросовестной экономии, но и при самой строгой экономии, даже при всевозможном сокращении числа казеннокоштных учеников попытки к улучшению их содержания в большей части епархий имели более чем скромные результаты: возможность потешить учеников по праздникам „харчевыми статьями” составляла уже нечто вроде идеала. В вятской семинарии после перевода ее в богатый Трифонов монастырь харчевые статьи по праздникам были предписаны даже архиерейским указом, но после четырехлетнего опыта и после сокращения числа учеников с 400 на 200 исполнение этого указа оказалось совершенно невозможным: „ученики, по словам преосв. Антония Илляшевича, и за толиким оных числом, не токмо нижних школ, но и риторические студенты питались токмо единым хлебом, а харчевых припасов... на праздничные дни ничего не получали, и затем, как в препитании, так и в школьных потребах несли крайнюю нужду”. Вследствие этого, рассуждая по Регламенту, „яко не подобает академии хвалиться тем, что много учеников имеет”, преосв. Антоний в 1748 г. порешил сократить их число еще на половину, оставив в семинарии не более 95; кроме того ввел в семинарии под своим личным наблюдением такую строгую экономию, что она многим казалась даже скупостью, и усилил в пользу семинаристов сбор штрафных денег. Результатом всех этих мер и забот его было то, что к хлебу, квасу и толокну, получаемым от монастыря, в продовольствии студентов прибавилась солонина, а в праздники свежее мясо и каша с коровьим маслом, в постные дни горох и капуста, а в праздники рыба, когда впрочем была не дорога в продаже³⁰⁰.

Вследствие скудости и крайней простоты семинарских дач в некоторых семинариях не были устроены даже общие трапезы.

Варить и жарить было нечего, а хлеб можно было без хлопот раздавать ученикам по рукам; и то было хорошо, что его выдавали не мукой, а почти везде уже в испеченном виде. Дачи эти производились известными порциями помесечно и понедельно, если выдавались мукой, или в форме готовых ломтей хлеба поденно, с прибавкой иногда небольшого количества круп на кашу. Хлебные, в которых приготавлился и раздавался ученикам хлеб, находились обыкновенно при самих училищах или при монастырях, где последние помещались.³⁰¹ В 1744 г. вятский епископ Варлаам предписал Трифонову монастырю, чтобы в пищу вятским студентам хлеб выдавался уже печеный, к тому ж квас, толокно, капуста для щей и крупа для каши.³⁰² Ученики русской школы при московской академии получали хлебные дачи из хлебной при синодальном доме, другие студенты академии получали себе содержание деньгами посуточно, философы и богословы по 4 к., низших классов студенты по 3.³⁰³ Понятно, как должны были бедствовать при такой системе содержания ученики, поставленные в необходимость при получении своих скудных окладов аккуратнейшим образом рассчитывать, сколько из них проесть и сколько оставить на удовлетворение других потребностей. Вот наприим. что писал о своем пребывании в московской академии знаменитый Ломоносов (в письме к Шувалову): „занимаясь в спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления. С одной стороны отец, с другой несказанная бедность; имея один алтын жалования в день, нельзя было употреблять на пропитание в день более, как денежку на хлеб и денежку на квас, а прочее на бумагу, на обувь и другие нужды”. Между тем оклады на учеников академии считались еще высокими; мы видели, что м. Антоний тобольский просил для своей семинарии только половины академических окладов. Замечательно, что раздача хлебных порций по рукам существовала даже в новгородской семинарии, в штатном положении которой 1740 года прямо было предписано устроить для семинаристов общую трапезу, а на руки ни денег, ни хлеба не давать. Святитель Тихон воронежский, учившийся там на казенном содержании, так

рассказывал после о своем житье: „терпел великую нужду по недостатку к содержанию себя; и так бывало, когда получу казенный хлеб, то из оного половину оставляю для продовольствия себя, а другую продам и куплю свечу, с нею сяду за печку и читаю книгу. Но богатых отцов дети, соученики мои, играют, или найдут лапти и учнут надо мною смеяться и оными махать на меня, говоря: величаем тя”.³⁰⁴

На одежду ученикам семинарских средств хватало еще менее, чем на пищу. В штате новгородской семинарии 1740 г. находим полное перечисление разных принадлежностей этой одежды; вот что должно было по нему составлять „мундир” семинариста: шляпа, кафтан сермяжного сукна, кафтан сукна василькового русского и такой же сукна иностранного, штаны толстого сурового сукна и другие замшенные, красная суконная шапка на овчине с черным околышем, галстуки черный фланелевый и белый полотняный, две пары белья, две же пары башмаков с пряжками и чулков. Но подобного достоинства мундир был едва ли возможен для какой-нибудь другой семинарии, кроме разве еще невской и троицкой. Мы видели, как богатая троицкая лавра кормила своих школяров; на одежду их она тоже была не скупа. Сначала, когда семинария только лишь открылась и наехали в нее чуть не голые ребята, из которых многие „и рубашки не имели”, лавра одела их пока кое-чем из своей рухлядной палаты; потом в 1743 г. введен был для всех однообразный мундир, по примеру обретающегося в невском монастыре; для праздников и парадов положено выдавать: суконные васильковые кафтаны на стамедовой или крашенинной подкладке, обложенные гарусом, с медными пуговицами и красными обшлагами, под кафтаны красные камзолы тоже с гарусом и галстуки из тонкого холста, – для обыкновенного употребления сермяжные кафтаны и холстовое нижнее платье, немецкие сапоги по две пары и белые русские чулки, на голову кожаную шапку, а для зимы теплую шапку, овчинный тулуп и рукавицы. В 1758–1761 гг. богословам и философам шили суконные епанчи, лазоревые казакины и замшевые штаны, а прочим ученикам казакины и штаны смурого сукна; на зиму богословам и философам выдавались тулупы

крытые сукном и шапки лисьи, а прочим тулупы нагольные и шапки кожаные³⁰⁵. В других семинариях даже наиболее щедрых на содержание учеников, на одежду им употреблялось больше сермяжное сукно и овчины. В костромской семинарии вся одежда бурсака ценилась в 5 р. и состояла из сермяжного кафтана, бараньей шубы, рукавиц с варегами и сапогов,³⁰⁶ в переяславской тоже с прибавлением на зиму выхулевой шапки и еще белья двух пар.³⁰⁷ В некоторых семинариях, наприм. в вологодской, и сапоги существовали только для праздничного употребления, а в обычное время ученики ходили в котях (по 3 коп. за пару).³⁰⁸ Одежда считалась вообще дорогой статьей и выдавалась только самым бедным юношам, которым уже решительно нечем было прикрыться, а в некоторых семинариях даже вовсе не выдавалась.³⁰⁹ Семинарский класс поэтому почти везде представлял из себя собрание людей, одетых во всевозможные отрепья разнообразнейших материй, цветов и покровов, и обутых, кто в сапоги, кто в коты, кто просто в лапти. Для бедных учеников, вроде святителя Тихона в его молодости, и последняя обувь была непосильной роскошью, так что они старались обходиться без нее, обуваясь в лапти только для того, чтобы идти в церковь, или для явки начальству. Лапти были впрочем довольно обыкновенною обувью чуть не у всех сельских церковников и детей духовенства. Ставленники сплошь и рядом являлись для посвящения в арх. дом в лаптях, так что напр. при вологодском арх. доме однажды нарочно велено было завести две пары казенных сапогов, чтобы наряжать в них таких лапотников для церемонии посвящения.³¹⁰

Вопрос о содержании в чистоте семинарских помещений и вообще о прислуге, за недостатком средств, тоже решался с грехом пополам. На содержание служителей можно было употреблять только самые малые суммы. Наприм. в вологодской семинарии за 1749–1754 гг. всей прислуги было 5 человек и шестой подъячий или письмоводитель; платилось им в год: подъячему 2 рубля деньгами и 3 четверти хлебом, прачке 8 р. и 2 четв. хлеба; повару, хлебнику и сторожу, по 1 ½ р., истопнику 9 р., тоже с прибавкой хлебных дач.³¹¹ В обширной казанской бурсе из 120 человек в 1730-х годах было два

хлебника, 3 повара и сторож, получавшие в год по 3 р. и 6 чт. хлеба, хлебный целовальник, две коровницы и портомой, получавшие по 3 р., наконец четвертый главный повар, получавший 12 р. и 12 чт. хлеба. При семинарской конторе особо служили канцелярист, сторож и три пристава.³¹² В семинариях, помещавшихся при монастырях, старались обойтись как-нибудь с помощью прислуги монастырской, а особых служителей держали главным образом для приготовления семинарской пищи. Так, в переяславской семинарии было только трое служителей, хлебник и два повара, которые получали в год по 2 р. и по 6 чт. хлеба.³¹³ Весьма важным подспорьем для семинарской экономии были даровые служители из штрафованных церковников и др. духовных лиц, посылавшихся в наказание на семинарские труды. Нечего и говорить, что вся наличная прислуга в семинариях далеко не могла удовлетворять всем потребностям учеников, кроме приготовления пищи могли еще разве исполнять разные дворовые черные работы. Наблюдение за чистотой внутри самих помещений классов и бурсы всегда, даже и в позднейшее время, лежало на самих учениках. Встречаем жалобы на то, что такое исполнение учениками служительских обязанностей мешало их классным успехам. В 1746 г. учитель певческой школы в Воронеже доносил: „Имеющиеся в черкасской музыки школе ученики имеют не малую нужду, как на поварню ходят посуду, блюда и ложки мыть, так и школу метут сами, отчего в учении происходит не без остановки; а для караула не имеется в школе ни единого человека, и если как он реэнт, так и прочие его ученики, во время божественной службы, ходят до церкви Божией, а школа остается без караульного, а в оной школе имеется несколько певчих книг, от чего он реэнт опасен, дабы не учинилось бы какой траты”.³¹⁴

Относительно жизни учеников своекоштных от описываемого времени не сохранилось почти никаких известий: но судя по одинаковости тех условий, какими она была обставлена в последующее время, о котором мы знаем более, можем с уверенностью утверждать, что она была еще скуднее и бедственнее, чем жизнь бурсаков, обеспеченных по крайней

мере, каким ни на-есть, кормом и приютом. В смоленской епархии, где, между учениками было особенно много своекоштных, многие из них „должны были искать себе приюта в опустелых домах, крепостных башнях и вымаливать подаяние Христовым именем”³¹⁵. За исключением тех счастливых, которые могли заплатить за свое содержание в семинарских общежитиях или найти себе приют у разных родственников и сердоболей, остальные своекоштные ученики по всей вероятности и тогда, как в позднейшее время, должны были отыскивать для найма нищенские углы у разного отребья городского народонаселения. В южной России было обыкновение рассылать подобных учеников на жительство в городские приходские школы, помещавшиеся при церквях, где они и жили вместе с занимавшими должности учителей (бакаляров) церковниками;³¹⁶ в Великороссии подобных школ не было, вследствие чего школьному начальству и архиереям оставалось настаивать только на том, чтобы семинаристы по возможности размещались по семействам и по квартирам у духовных лиц. В белгородской епархии встречаем любопытное распоряжение от 1737 г. архиерея Петра Смелича, которым на духовенство в пользу школяров налагалась своего рода квартирная повинность: ко всем дух. лицам города, где было тогда предположено открыть школы, к домовым архиерейским служителям указывалось поставить на квартиры человека по два и по три своекоштных учеников, с обязательством, чтобы хозяева смотрели за ними, как за своими детьми, и обо всех беспорядках их доносили учителям; в вознаграждение за этот постоя подвергавшимся ему предположено выхлопотать свободу от постоя по светской команде, о чем в губернскую, воеводские и военные канцелярии и посланы были из архиерейского приказа промемории. По этим промемориям светское начальство потребовало справок о числе учеников, очевидно склоняясь к тому, чтобы исполнить предложение преосвященного. Справки были доставлены; но чем кончилось это дело, неизвестно.³¹⁷

Самым употребительным средством для облегчения содержания своекоштных учеников в семинариях было

зачисление за ними церковных мест.³¹⁸ Зачисление это, как известно, выродилось из обычая наследственности церковных мест. С тех пор, как реформа Петра потребовала от всех кандидатов духовного служения образования и в руководство при определении их на места на первый план выставила правило, чтобы обучившейся в школе кандидат был во всяком случае предпочитаем неученому, хотя бы и наследнику, зачисление церковных мест, практиковавшееся доселе на основании исключительно родовых счетов, стало все более и более связываться не столько с правами наследственными, сколько с правами школьного обучения. Во всех семинариях каждый год было по несколько учеников, за которыми еще задолго до окончания курса были зачислены разные места, как священнослужительские, так и причетнические. При этом они имели права полных владельцев этих мест, для служения держали на них викариев, а сами пользовались от них известной долей (половиной или третью) церковных доходов для своего содержания в школе. С течением времени наследственные права при этом даже вовсе стали упускаться из виду.

Епархиальные начальства весьма часто предоставляли ученикам места, соображаясь единственно с их школьными успехами. Места эти за ними даже переменялись: если ученики оказывали бóльшие успехи, числившееся за ними, не совсем хорошее, место переменялось на другое, лучшее и наоборот. В московской епархии очень рано вошло в обычай священнические места предоставлять преимущественно богословам, дьяконские философам и т. д. Причетнические должности в случае удобства ученики могли исправлять сами лично, не нанимая викариев. В инструкции Питирима нижегородского юрьевской школе определено отпускать таких учеников из школы к их церквам в воскресные и праздничные дни с тем только, чтобы они по отправлении службы немедленно возвращались в школу того же дня или на утро, смотря по расстоянию места. Если приход был дальний, ученики для исправления своих причетнических обязанностей и получения своих доходов отправлялись в него во время ваката.

Другим обычным средством для содержания бедных семинаристов были так называемые кондиции, состоявшие в обучении учениками детей разных городских священнослужителей, дворян и других более достаточных обывателей; за это обучение они получали плату, около рубля в месяц, или по условию пользовались готовым столом и квартирою. К помещикам, жившим с семействами по деревням, семинаристы нанимались в учителя даже в отъезд на время ваката. Кондиции эти, разумеется, немало должны были вредить их собственным успехам в семинарии, – начальству это было известно очень хорошо, но запретить их было все-таки нельзя вследствие крайней нужды юных учителей, а потому приходилось смотреть на это дело снисходительно. Иногда сами ректоры по просьбе разных лиц отпускали к ним своих учеников на уроки, даже с своими рекомендациями. Этот способ содержания бедных учеников преимущественно был развит в юго-западных епархиях; в других местах, частью по меньшему развитию потребностей в образовании среди самого населения, частью по молодости самих духовных школ, он стал развиваться в более обширных размерах уже несколько позднее.³¹⁹ Но в великорусских епархиях зато гораздо шире практиковался другой род кондиций, – в самих семинариях, – состоявших в том, что некоторые лучшие ученики получали здесь должности учителей еще до окончания своего собственного курса. Везде, где это было допущено, т. е. чуть не во всех великорусских семинариях, настоящие учителя занимались лишь в высших классах, а в низшие для преподавания посылали своих учеников. Правда в большей части семинарий из экономии такие ученики должны были нести свои учительские обязанности даром из послушания начальству, пользуясь за это только какими-нибудь школьными преимуществами, но в некоторых более достаточных семинариях и при более щедром начальстве им назначалось за их труды известное жалование и они таким образом приобретали себе немаловажные при их бедности собственные средства жизни. Напр. св. Тихон, будучи студентом богословия новгородской семинарии за преподавание в низших классах

греческого языка получал жалование в количестве 50 р. и 9 чт. хлеба в год.³²⁰ В одном донесении казанской семинарии при архиерее Сильвестре в числе получавших жалование упоминаются даже семинарские аудиторы (двое), получавшие в год по 4 р. и по 8 четв. хлеба.³²¹ Хитрая на выдумки нужда заставляла бедных учеников и самих изобретать разные средства к снисканию себе пропитания. Многие добывали себе кусок хлеба перепиской книг и рукописей, от которой испокон века кормилось наше духовенство. Работы этого рода было довольно и в XVIII веке, потому что печатная книга и тогда была еще значительно дороже рукописной.³²² Случалось, что ученики с дозволения начальства поступали в письмоводители к разным начальственным лицам. В инструкции Питирима юрьевской школе читаем: „Которые ученики скорописи и цифири скоро навыкнут, а у тамошнего судии дух. дел или градских и уездных священников с причетники случатся какие приказные или домовые письменные потребности, и будут из тех учеников кого требовать для того письма из платы добровольно, – и им в том дать позволение, писать велеть в школе или приказе или и вне школы и приказа на квартирах по их судейской и священнической потребе, где хотят, токмо после обеда; а до обеда от школы никого и ни для чего не отпускать, но разве какое нужнейшее по указам государственное дело случится, тогда должны и все умеющие для государственной пользы и скорейшего отправления труд приложить, елико возможно, со тщанием”. В своей тяжелой борьбе за существование нищие ученики брались и за другие занятия уже менее им сродные, напр. поступали в услужение или нанимались на черные работы. У начальников и учителей дух. школ прислуга всегда состояла из бедных учеников. Славный Ломоносов, учась в московской академии, был келейником у одного из законоспасских монахов. Во время каникул многие питомцы киевской академии нанимались на черные сельские работы.³²³ То же делали и воспитанники других школ; большею частью впрочем по вакантам им приходилось нести эти работы даром у своих бедных отцов и родственников, у которых гостили. Св. Тихон воронежский, учась в новгородской школе, до своего

поступления на благотворительную бурсу, в свободное время занимался копать у новгородских огородников гряды.³²⁴

Наконец, весьма распространенным способом к добыванию пропитания у школяров были разного рода поборы по добрым людям. Сюда относятся старинные суплики или славленья учеников со звездою и вертепом в Рождество и в Пасху, перешедшие из Польши сначала в киевские школы, потом уже отсюда распространившиеся по всей России. Все эти суплики с их стихами, речами, диалогами, песнями и представлениями из свящ. истории были охотно дозволяемы самими школьными начальствами, которые принимали иногда даже личное участие в составлении диалогов и драм для ученических представлений, находя последние полезными не в одном материальном отношении, но и для развития воспитанников. Кроме того в семинариях, почти везде, где были архиереи и школьные учителя малороссы, непременно устраивались семинарские театры, в которых, как говорили семинарские отчеты, „целобровались различные комедийные акции повсюдно публичне, такожде интермедии”, и на которые даже отпускались особые деньги из арх. дома. Суплики были удобным средством почтить разных высоких и нужных для школ персон, восхвалить их добродетели и заслуги и тем расположить их к большим щедротам. Семинарская риторика едва ли не больше всего изощрялась в составлении разных панегирических слов и виршей. В училищных городах, по примеру Киева, редкое семейное торжество в богатом и знатном доме, вроде именин, свадьбы, похорон и проч., обходилось без того, чтобы местная школа устами какого-нибудь бурсака не прославила виновников его в цветистых стихах или речах.³²⁵ Сами архиереи в торжественные праздники принимали у себя семинарских ораторов и поэтов с поздравлениями и давали им за их речи и стихи поощрительные подарки.³²⁶ В вакатное время ученики южно-русских школ отправлялись с своими супликами, орациями и кантами по епархии, снабженные для своих сборов даже билетами от начальств, и таким образом добывали себе средства продовольствия на предстоящий учебный год.³²⁷

В южнорусских школах сборы учеников доходили до настоящего нищенства. Бедняки, даже студенты высших классов, по окончании учения каждый день отправлялись на свой нищенский промысел, ходили с своими торбами и горшочками по всему городу, становились толпой под окнами или на дворах и начинали петь хором разные партесные псалмы и канты, испрашивая подаяния, потом набрав всякой всячины, что подавали им сердобольные хозяева и хозяйки, спешили в семинарию производить своего рода дукан.³²⁸ В великорусских епархиях это крохоборничество под окнами было менее развито, но все-таки существовало. Архиереи жаловались, что ученики и здесь тоже „ходили наподобие сущих нищих, выпрашивая себе дневной пищи”.³²⁹ Старые предания рассказывают также, что нищие ученики, как и все нищие, не сумнились, что плохо лежало, забирать в свою собственность и без просьбы...

Поборы по добрым людям производимы были не только своекоштными учениками, но и бурсаками; самое название бursы произошло от лат. bursa-кошель. На юго-западе эти сборы на бурсу производились с участием начальства и получили даже правильную организацию в форме, так называемого, конгрегационного сбора. Начало его было положено еще в старинных братских школах. Вот как производился этот сбор в киевской академии. „За месяц до академического праздника зачатия св. Анны, во храме, посвященном сему событию, под начальством настоятеля конгрегационной церкви, ученики торжественно избирали, а на самый праздник объявляли двух так называемых префектов, одного из братии или студентов старшего братства, другого из учеников братства младшего; назначали в помощь каждому из их же товарищей по два ассистента и по одному секретарю. Сим-то избранным и обнародованным лицам вручаема была белая, неисписанная книга, называемая album, с которой они обязаны были в продолжение года ходить по домам киевских и поветовых граждан для испрошения пожертвований на конгрегационную церковь, приглашая с собой в важнейшие дома и самого ее настоятеля. Пожертвования сии

употреблялись большею частью на житейские нужды содержавшихся в сиротском училищном доме. В два академических праздника, в день зачатия св. Анны и в день Благовещения пресв. Богородицы, та же книга предлагаема была гостям в бурсацкой трапезе после торжественного обеда, на который они нарочито приглашаемы были академическим начальством по окончании литургии”.³³⁰ Такой же конгрегационный сбор по примеру Киева заведен был в Чернигове, где конгрегация сосредоточивалась около коллегиумской церкви Иоанна Богослова в Борисоглебском монастыре, но называлась собранием преблагословенной Девы Богородицы. Как и киевская, она имела свой *album*, выдававшийся для сборов на бурсу тоже в день зачатия св. Анны ученикам высших классов. Для поощрения жертвователей при церкви был заведен конгрегационный синодик, в который и вписывались их имена для поминовения за здравие и упокой. В день открытия конгрегации совершалось их общее и торжественное поминовение. Жертвы были разные – деньгами и продуктами; некоторые богатые патроны коллегиума возвышали свои подачки до 1–2 руб. и до червонца. В 1737 г. при архиерее Иларионе Рогалевском происходило восстановление конгрегации, вероятно почему-нибудь пришедшей до этого времени в упадок.³³¹ Конгрегационные сборы очевидно были уже несколько облагороженной и упорядоченной формой нищенства. Ученики, за исключением избранных префектов и ассистентов, по крайней мере избавлялись от деморализовавшего их непосредственного попрошайства по дворам, да и самим сборщикам, как лицам уполномоченным на свои сборы от начальства, по всей вероятности приходилось меньше терпеть разных унижений и терять доброго чувства чести, чем бедным ученикам, которые ходили по дворам с своими спеваньями и миркованьями сами от себя. В великорусских епархиях конгрегационных сборов не было; им соответствовали здесь сборы подаяний от разных благодетелей, производившиеся на содержание учеников семинарскими начальствами и архиереями.

Нам остается сказать еще о содержании школьных преподавателей, которое, как и содержание учеников, производилось из тех же местных источников, будучи возложено Регламентом на архиерейские дома. Оно тоже было чрезвычайно разнообразно по количеству. Назначение того или другого учительского оклада вполне зависело от усмотрения архиереев, которые руководствовались в этом случае разными соображениями. Так учителям из духовных лиц, имевшим доходы от мест своего служения, а также (впрочем не всегда) монашествующим, содержавшимся от монастырей, оклады назначались в уменьшенном количестве или даже вовсе не назначались, как наприим. по инструкции Питирима юрьевской школе учителя из священнослужителей должны были содержаться на собственном коште. Далее, разность окладов зависела от предметов преподавания; учитель богословия получал более, чем учитель философии, а этот более риторического и т. д. Оклад возвышался также, когда один учитель преподавал два или три предмета. Были примеры, что учитель иностранец получал высший оклад, чем его сослуживцы из своих русских людей. Обращалось затем внимание на степень усердия и успехов учителя в преподавании³³² и т. д. Немало разнообразилось жалование учителей и от того, чем оно выдавалось, деньгами или хлебом, и в каком отношении были хлебные дачи к денежным. Вывести какие-нибудь общие средние цифры здесь так же невозможно, как при обозрении содержания учеников.

Максимум окладов, которому могли позавидовать даже преподаватели академии, опять находим в троицкой семинарии. Денежного жалования на первых порах выдавалось здесь четверым учителям по 200 р. и одному низшего класса 100 р. В 1747 г. ректор, префект и учитель иеродиакон получали почти по 300 р., один учитель белец 130 и учитель арифметики 108 р. В 1758 г. жалование было расписано так: ректору 200 р., префекту 150, учителям по 100, учителям латинского класса высшего 70, низшего 60. Кроме этих денежных окладов учителя пользовались полным и весьма щедрым содержанием от лавры. В первые годы им выдавалось (пятерым учителям и

интенданту – всем вместе): 2 окорока, в 30 ф. каждый, и 2 говяжьих студеней на неделю, каждодневно 30 ф. говядины, 20 ф. баранины, 2 курицы, а в праздники гусь или индейка или пара уток, 30 яиц, 1/3 ведра сметаны, 1/4 ведра молока, 1/3 в. творогу, 1/2 ф. меду сырцу, 1 1/2 белых хлеба, по хлебу братскому, 16 булок, 1 ф. белой соли, по 5 золотн. перцу и инбирю, затем достаточное же количество хрена, уксуса, капусты, круп и лука, муки гречневой и крупичатой по 5 ф., 2 бутылки белого вина, по бутылке водки сладкой и анисовой, 1/2 ведра меда, ведро пива, кваса и кислых штей – сколько потребуется. Все это отпускалось для общего обеда и ужина учителей, да кроме того в праздники каждому отпускалось известное количество пива, меда или чего потребуется, на дом. Дачи эти не уменьшались и в последующие годы, хотя на освященном соборе лавры и поднимался вопрос об их упорядочении и сокращении. В 1759 г. архимандрит Гедеон составил подробное расписание провизионных дач на семинарию, чтобы не выдавалось лишнего, но вместе с тем всего бы было и нескучно. По этому расписанию каждому из учителей выдавалось: по хлебу белому и ситному на неделю, затем ежедневно по 2 ф. муки куличной, по 2 1/2 ф. осетрины просольной, по 1/2 ф. семги, 1/2 тешки, по 1/4 ф. икры, по 1 щуке, свежей рыбы по 15 рыб, 1/2 ф. коровьего масла, 4 яйца, 1/4 пива, 1/3 крепкого меда, 1/4 кислых штей, да в год вязиги по пуду, по 7 вед. сивухи, по ведру водки и проч. Префекту назначено выдавать еще больше. Кроме того всем велено выдавать разный крупы, горох, толокно, муку, когда что будет потребно, по рассмотрению наместника. На счет лавры учителя получали и одежду; в первый же год архим. Кирилл распорядился сшить учителям по два мундира, – один для ежедневного употребления, другой для праздников из самого лучшего сукна. Для разъездов учителям лавра назначила из своих конюшен 10 лошадей.³³³ При таких условиях жизнь начальников и учителей семинарии была так хороша, что м. Платон вспоминал об ней (в своей автобиографии), как о самом счастливом, „райском” времени своей жизни. „Особливо мне нравилось, что все в лавре находил готовое, яко то: всегда

довольный стол, напитки и выезд, и нимало о том не заботился”. – В невской семинарии и жалование и хлебные дачи были несравненно скуднее. Всех больше получал здесь одно время учитель Афанасий Скиада (1726–1729 г.), именно 400 р. деньгами, 10 саж. дров и варю пива в 7 четвертей, но это потому, что он был иностранец. Служивший вместе с ним учитель арифметики, Соснин, получал всего 60 р. в год. В 1737 г. два учителя, Кременецкий и Зертис-Каменский, получали – первый 150 р. в год, второй 100; в 1740 г. оба они были уже монахами и в качестве ректора и префекта стали получать по 220 р., а Каменский (Амвросий) кроме того еще 100 р. за преподавание греческого языка; в 1742 г. Кременецкий получил 300, а Каменский 250 р., но при этих окладах они не получали хлебных дач, имевших обыкновенно большее значение, чем денежное жалование; другие учителя (светские) вознаграждались всего 25 рублями в год с прибавлением хлебного оклада в 6 чет.³³⁴

Из епархиальных семинарий большими учительскими окладами отличались семинарии новгородская и переяславльская. В первой по штатному положению 1740 г. положено выдавать учителям низших классов 80 р., грамматическому 120, синтаксическому 130, пиитическому 150, риторическому 180, учителю философии 200, богословия и еврейского языка по 300; оклады эти были выше троицких, но зато хлебные оклады были гораздо скуднее того содержания, какое давала своим учителям Троицкая лавра, и ограничивались только выдачей муки, солоду, крупы, гороху, соли и дров, простираясь в переводе на деньги до 477 р. 60 к. на 12 человек (общая сумма всего денежного жалования учителей высчитана была в 1920 р.). В переяславльской семинарии ректор, как настоятель Данилова монастыря, где она помещалась, не получал ничего. Об окладе учителей можно судить по контракту 1753 г. с новым учителем риторики Дьячковым; ему назначено было к годовой выдаче: 100 р. деньгами, хлеба ржаного и ярового по 10 чет., солоду на пиво 7 чет., мяса 1 п. 10 ф., масла 1 п. 5 ф.; кроме того полагались: келлия, дрова, истопник, коляска и пара лошадей для выездов.

По расчету местных ценностей того времени оклад этот, по замечанию автора Истории переяславской семинарии, на наши деньги доходит до 1200 р. Под 1757 г. находим любопытное распоряжение архиерея об денежных окладах учителям пиитики и риторики; обоим назначено по 100 р. „ибо, сказано здесь, хотя Гуссельщиков (второй) пред Радовичем (первым) и более трудов имеет нести, но в рассуждении оказанной его преосв-вом к нему милости, из которой кафедральным коштом дом ему построен, должен он вышеписанным жалованьем быть доволен. А Семену Камкову за тот резон, что он в семинарии на казенном коште содержится (он был еще учеником высшего класса), производится имеет жалование по тому, чего будет впредь достоин”³³⁵ Довольно близки к переяславльским окладам были оклады казанской семинарии: денег выдавалось меньше, – всего по 60 р, затем хлебных дач мукою, крупами и горохом назначалось по 47 четвертей, масла по 2. п., постного по два ведра, по 500 свеч, 3 п. соли, по два стяга говядины, по 6 баранов, по 6 свиных туш, по 10 вед. вина и по 5 двойной водки.

Для определения важности дач продуктами можно привести известия об окладах учителям воронежской семинарии. В 1748 г. при определении на должность учителя Оранского ему назначено было 36 р годового денежного жалованья, продуктами в год же по 12 пуд говядины, по 6 пуд. свинины, по 6 баранов, по 12 п. рыбы свежей и 6 соленой, масла 3 п., постного 3 в., муки пшеничной 12 четвериков, круп и пшена 18 чет., 300 свеч, 18 вед. вина, кроме пива и меду; сверх того положена квартира, повар с посудой и конюх с лошадьёю и со всем убором. Другому учителю Стасиевичу, получавшему тот же оклад, по случаю посвящения его в попы и выбытия с семинарской квартиры, дачи продуктами положено было выдавать деньгами, и при этом по расчету оказалось, что эти дачи ценностью равнялись чуть не тройному окладу деньгами: в 1752 г. таких провизионных денег он получил за одну треть 31 р. 56 к.³³⁶ Пропорция эта при переводе провизии на деньги соблюдалась однако не везде; в бедных семинариях учителя при этом проигрывали очень много. Так было в Смоленске.

Денежные оклады здесь были следующие: учителю богословия 50 р., философии 48, риторики 45, пиитики 40, синтаксисы 36, грамматическому 30, инфимическому 28, русской школы 20, за греческий язык, преподававшийся одним из перечисленных учителей, в прибавок давалось 20 же рублей. На стол и трапезы всем им выдавалось деньгами: учителю богословия только 20 р., философии 10, риторики 9, пиитики 8, синтаксисы 7, грамматики 6, инфимы 5, русскому 4, греческому 10 р.³³⁷ Нельзя не заметить, что на деньги в семинариях вообще более соблюдали экономии, чем на припасы, особенно, разумеется, в тех епархиях, где не переводились на деньги самые сборы с духовенства. Денежные оклады в этих епархиях спускались иногда до самых ничтожных цифр, рублей до 20 учителю высшего класса, притом же в разные годы были неодинаковы, завися вполне от количества денежных доходов в самой кассе семинарии.³³⁸

В низших школах оклады были меньше и редко превышали цифру 20 р. в год. Хлебное жалование было тоже невелико, – четвертей 5–10. В нижегородской епархии, по известной инструкции Питирима, принято было учителям низших классов назначать порционные дачи в двойном количестве против учеников и даже кормить их за одною общею трапезою с учениками. Такие общие трапезы бывали впрочем и в семинариях, наприм. в костромской.³³⁹

Все учителя как высших, так и низших школ, кроме женатых, пользовались казенными квартирами с отоплением, освещением, прислугою и, как мы видели в некоторых семинариях, с экипажами и лошадьми для выездов. Квартиры эти были обыкновенно небольшие, состояли из одной кельи, а то даже в такой келье помещались и по два человека зараз. Учители женатые казенных квартир не имели, так как большая часть школ помещалась в монастырях и при арх.-домах, да и вообще женщинам жить в семинарских зданиях считалось неприличным. В случае женитьбы учителей архиереи даже вовсе увольняли их от должностей. В 1748 г. воронежский архиерей Феофилакт сделал наприм. такую резолюцию об учителе Лукиане Стасиевиче, который только лишь женился:

„Понеже в семинарии женатому учителю быть неприлично, ибо по св. писанию не оженившийся печется о Господних, како угодити Господеву, а оженившийся печется о женских, како угодити жене, того ради... помянутому учителю приискать в доме его преосвященства или в епархии воронежской праздное поповское или диаконское место, и где приищет, объявить ему его преосвященству доношением, куда по желанию его и будет удостоен”. Но женатые священнослужители и церковники сплошь и рядом бывали учителями дух. школ, только не жили в школьных помещениях и получали провизионные оклады себе на дом. Так, тот же Стасиевич после своего посвящения долго продолжал занимать должность семинарского учителя, получая за провизионные дачи деньгами.³⁴⁰

В случае недостатка средств к улучшению быта школьных учителей за ними, как и за учениками, зачислялись церковные места. „Вам учителям, сказано в инструкции Питирима, будучи для прилежного учеников всегдашнего учения и ради домового вашего пропитания, в награждение вам, в городе или уезде приискывать порожних священнических и диаконских и церковничьих мест и, приискав каждому себе, о бытии при тех церквах на праздных местах... прислать за своими руками, а где подпишутся и приходские люди с прочими тех церквей священно-церковнослужители, которые за наилучший способ приняты будут, прошения на указной гербовой бумаге, по которым прошениям о бытии вам при тех церквах на священно-церковнослужительских праздных местах и о владении церковным доходом, землею, угодьи и домам вам будут указы, а со временем и посвящены будете в те требуемые священно-и-церковно-служительские чины”. – Можно прибавить к этому, что учителя получали иногда от щедрости своих архипастырей разные поощрительные подарки деньгами, платками, кушаками и т. п., наприм. в праздники за произносимые ими поздравительные речи (по рублю на брата).³⁴¹

Кроме того учительская служба не чужда была и другого рода доходов, которые в тогдашнее время были общею принадлежностью всякого рода службы. „Вам, говорится в той же инструкции Питирима, будучи при тех школах, как за прием в

школы и за учение учеников, так и за отпуск из школы, с определенных или и сродников их и свойственников никаких ни с кого ни за что денежных и съестных и питейных и прочих всякого звания запросов и взятков не касаться, под лишением за преступление чинов ваших вовсе с тяжким наказанием”. Но подобные запрещения при всей их строгости обыкновенно плохо выполнялись на практике; разного рода презенты учителям, особенно при приеме учеников или после возвращения их из домов родительских с ваката, всегда были весьма употребительны в духовных школах и после штатов 1764 г. и даже в текущем столетии. Между учителями попадались люди, которые не совестились возмутительным образом живиться на счет бурсацкой нищеты. В 1750 г., вскоре по открытии владимирской семинарии, из нее был выгнан учитель Ф. Радикорский человек пьяный, занимавшийся в классе „отобранием у учеников с мучением и принуждением денег”. Ученики жаловались на него, что у одного он взял посредством вымогательства 80 к., у другого 30, у третьего 15, у четвертого, у которого денег не было, отнял шапку и заложил ее за 6 коп. в кабаке. Надобно впрочем сказать, что это был человек далеко незаурядный; еще раньше поступления во владимирскую семинарию он был уже выгнан из вятской семинарии; во Владимире он дошел до того, что его выгнали не только из семинарии, но и из города.³⁴² Нужно полагать, что таких людей по дух. школам было немного.

В таком виде содержание школ оставалось во все описываемое время до 1760-х годов. В 1762 г. при Петре III, в связи с секуляризационной попыткой этого императора относительно церковных вотчин, правительством снова было поднято дело о назначении на содержание дух. школ определенных штатных окладов; проектированы были³⁴³ и самые оклады: средним счетом на каждую из 26 семинарий предполагалось ассигновать по 3000 р. в год, причем дальнейшее, более подробное распределение между ними всей (78000 р.) штатной суммы по их многолюдству и другим обстоятельствам предоставлялось св. Синоду, который по собрании надлежащих сведений и должен был принять на себя

заботу о равномерном их обеспечении. Императору не пришлось видеть исполнения этого указа; переворотом 29 июня того же года царствование его кончилось и на престол взошла Екатерина II...

в) Ученики дух. школ и обязательность школьного образования для детей духовенства

Предоставленная в полное распоряжение епархиальной власти и обязанная всем своим материальным обеспечением исключительно сословным средствам духовенства, духовная школа, разумеется, должна была быстро развиваться в том же сословном направлении, начало которого мы видели еще при Петре, и усиливать свой замкнутый характер. Среди почти повсеместной скудости школьных средств, стоивших однако таких тяжких жертв бедному духовенству, и при явной их недостатке для образования детей самого духовенства, в интересах ближайших для духовной администрации, в надежду лучшего священства, нечего было и думать о допущении в дух. школы людей посторонних.

Несколько месяцев спустя по смерти Петра Великого, когда герольдмейстерская контора по обыкновению прислала несколько дворянских недорослей для обучения в московскую академию, ректор последней Гедеон прямо отвечал конторе, что принять их в академию нельзя, потому что „в той школе происходят в учение токмо духовных персон дети, которые бы могли в духовный чин происходить”.³⁴⁴ Всего замечательнее здесь то, что такой взгляд на дух. школу был высказан начальством такого заведения, которое было основано некогда с целью сосредоточить в нем не сословное, а именно общее образование, долгое время выполняло такое назначение и после, по крайней мере до 40-х гг., в XVIII в., оставаясь среди других чисто профессиональных школ разных ведомств единственным учебным заведением, в котором дворянским детям можно было получать приговорительное к их специальному обучению общее элементарное образование.³⁴⁵ Правительство оставило заявление академии без внимания и продолжало посылать в нее недорослей, причем по-прежнему заботилось о том, чтобы последние не продолжали в ней учения дольше законного 16-ти летнего возраста, когда должны были являться на службу. В 1736 г. по определению Сената в

академию зараз поступило 158 дворянских детей, между которыми были князья Оболенские, Хилковы, Тюфякины, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские и др.³⁴⁶ В то же время в ней обучалось несколько детей разночинцев, приказных людей, которые так же, как дворянские недоросли, не доходили до высших классов и в узаконенные сроки тоже должны были являться или на службу или для обучения в свои специальные школы. В одном указе 1744 г. прямо говорилось, что в академии не одни духовные, но и всякого чина людей дети в обучении находились.³⁴⁷ Тем не менее сословный принцип, так ясно высказанный еще в 1720-х гг., неуклонно продолжал развиваться в академии, придавая ей замкнутый характер и вытесняя из нее все посторонние, пришлые элементы, бесполезные для духовной службы. Не далее как через 4 года после сейчас приведенного официального заявления об ее всесословном характере, светских учеников, детей разночинцев, в ней оказалось до того мало, что на требование из нее таких 1748 г. для поступления в медицинскую школу она могла прислать всего только 8 человек, и доктор Блюментрост, заведовавший медицинской школой, просил у Сената дозволения вызывать из академии учеников уже из духовных детей, потому что разночинских детей там более нет.³⁴⁸

Почти одновременно с тем, как московская академия в лице своего ректора Гедеона вздумала было решительно заявить о своем сословном характере, такое же стремление к сословной замкнутости открылось в другой столичной школе, невской, которая оставалась открытою для светских учеников до конца Петровского царствования, даже и учреждена была, как гласил указ архиепископа Феодосия (11 июля 1721 г.), „во общую пользу“. В составе ее воспитанников значительное большинство было из детей монастырских вотчинных служителей, дьяческих, подьяческих, посадских, дворянских и других, а детей духовенства училось в ней очень мало. В 1725 г. она была переименована в семинарию с специальным назначением воспитывать достойных служителей церкви и ограничена штатом в 50 человек, в число которых поступили преимущественно дети священно-и-церковнослужителей и

только лучшие из посторонних, а остальным предоставлено было избирать род жизни или оставаться при семинарии на своем коште. После этого из людей светского звания семинария обучала у себя главным образом детей служителей неевского монастыря, которые по окончании своего учения и поступали не на церковные должности, а на разные роды монастырской службы, где требовались грамотные люди.³⁴⁹

С своей стороны правительство, распределяя все государственное население по классам в интересах своей службы и тягла, формируя из этих классов замкнутые наследственные сословия, никак не могло благосклонно смотреть на поступление служилых и тяглых людей в дух. школы, откуда они могли выйти в дух. службу. Относительно высшего служилого класса дворянского законодательство ясно успело высказаться в этом направлении еще при Петре. Относительно же детей низшего служилого люда, солдат, матросов и т.п., тогда еще не сделано было никаких прямых определений, но стремления правительства были ясны и без того. Мы видели, что еще в 1723 г. из академии было вытребовано 5 учеников в матросы и один, солдатский сын, в солдаты, и что св. Синод тогда же распорядился и по этому случаю собрать справки, есть ли какие-нибудь указы о приеме в духовные школы всякого чина людей, кроме духовных. Что касается до целостности податных классов, то она вполне была упрочена еще первой ревизией, и заботливость правительства об их неприкосновенности простиралась до того, что в духовный чин положительно запрещалось принимать даже церковников, если только они каким-нибудь образом попадали в подушный оклад, дабы тем, как объяснено было в одном указе 1725 года, „в сборе оклада не чинить помехи” – этого мало, запрещалось выписывать из оклада и тех из попавших в него церковников, которые как-нибудь успели получить даже священно-служительский сан, а повелевалось „брать с них подушные деньги наряду”³⁵⁰. Распоряжения эти имели затем полную силу в течение всего XVIII в.³⁵¹

Ввиду таких обстоятельств дух. школа могла принимать посторонних учеников разве только для элементарного

обучения их в своих низших классах, но во всяком случае уже не „в надежду священства“, а это было, разумеется, не в ее интересах и служило только лишнюю тяжесть для ее материальной скудости, тяжестью, от которой ей всего лучше было освободиться. И вот в 1728 г. (7 июня) от св. Синода был издан относительно этого предмета решительный указ, который, хотя и имел ввиду одну московскую академию, но стал потом служить руководством и для других дух. школ. „По определению св. прав. Синода, а по доношению коллегии экономии, велено обретающихся в московской славяно-греко-латинской академии в школах солдатских детей, обуча, отослать в полки в службу и впредь для обучения принимать таковых, о которых тех полков, в которых отцы их служат, от командиров прислано будет письменное уведомление, что они ныне и впредь в полки не надобны; а помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных от упомянутой школы отрешить и впредь таковых не принимать”.³⁵² Указ этот, составленный совершенно в духе сословных интересов, соблюдался академией со всей точностью даже в тех случаях, когда в ней чувствовался крайний недостаток учеников и „учение распространением пресекалось”.³⁵³ Также строго следовали высказанным в нем требованиям и другие дух. школы, хотя он прямо к ним и не относился. Епархиальные школы, уже прямо открывавшиеся для сословно-специального назначения, имели еще больший интерес следовать этим требованиям, чем академия, долго имевшая более широкое назначение. Как на школы специальные и сословные, смотрели на них и администрация и разные классы общества. Вследствие этого всякое, даже случайное уклонение их от этого назначения и расширение своего просветительного влияния на людей других сословий считалось явлением незаконным или по крайней мере несвойственным для них и влекло за собой иногда весьма чувствительные неприятности.

В 1733 г., когда сословные принципы достигли уже значительной крепости, вятский архиерей Лаврентий Горка, малорусс, привыкший к всесословному характеру южно-русских школ, вздумал было придать такой же характер только лишь

открытой им в Вятке архиерейской школе. Опираясь на слова Регламента о приеме в архиерейские школы „детей и лучших градских людей”, недавно только целиком повторенные в указе имп. Анны 1731 г. о заведении новых дух. школ, он издал распоряжение о наборе в учение, кроме духовных детей, еще детей лиц светских, как находившихся в ведении самой духовной власти, разных монастырских и домовых стряпчих, приказных, живших на монастырском корме отставных солдат, сержантов, поручиков, капитанов и т. п., так и других лиц гражданского ведомства. Первых, согласно указу 1723 г. о дух. детях, он без церемонии подвергнул обычному порядку набора, „имая в школу и неволею”; о последних, как людях неподведомственных ему, снесся с провинциальной канцелярией, настойчиво потребовав от нее, чтобы она сама распорядилась годных из них выслать в арх. дом для определения в школу. Но как он на этом ни настаивал, как ни убеждал самих горожан в пользе латинского учения для их детей, ревность его не повела ни к чему. Вскоре ему пришлось горьким опытом убедиться, что он не в Малороссии, что здесь к дух. школе только и могут быть „причинны” дети лиц дух. же ведомства. В 1736 г. из-за одного посадского мальчика, которого вероятно неволею имали в арх. школу, дело дошло до настоящего бунта против архиерея. „По злобе Злыгостева (отца взятого в школу мальчика), писал Лаврентий в своем доношении на высочайшее имя, по поданной от него в воеводскую канцелярию челобитной, дому нашего келейников и стихарных подъяков и учеников и служителей в тое воеводскую канцелярию похватали,... и тоеж канцелярии подъячие, и рассыльщики, и посадские человек со сто и больше на дом архиерейский, в котором и школы имеются, с дубинами и с палками и с кирпичем нападали, и школы разоряли, и в дом архиерейский, и в избу кирпичем бросали, и в ворота те необычно ломились, что те ворота от них были и досками подперты. И мое смирение в доме архиерейском, яко во осаде, доселе содержусь, и нельзя из дому архиерейского никому вон выттить. Понеже из оной канцелярии дому нашего учителей хватать различно похваляются, а некоторых служителей

содержат в той канцелярии другую неделю.”³⁵⁴ После этого посадских людей пришлось, разумеется, не беспокоить больше никаким славено-латинским учением.

В 1742 г. открылась новая семинария в Троицкой лавре и с самого же начала, как невская, наполнена была светскими людьми лаврского ведомства, которых лавра считала нужным обучить для своих вотчинных служб, детьми монастырских приказных, подъячих, солдат, конюхов, портных, колесников и др. лаврских служителей, так что в числе 92 учеников первого курса духовных детей училось в ней всего только 12 человек. Но через два года такой состав школьного курса значительно изменился. В конце 1744 г. солдатских детей велено было отпустить к их отцам и впредь их не принимать. Дети крестьян потребовались к производившейся тогда второй ревизии для записи в подушный оклад, хотя еще пред ревизией св. Синод исходатайствовал у Сената указ, чтобы ученики академии и семинарий, как дух. звания, так и всякого чина людей дети, не были отдаваемы ни в службу, ни в оклад. Не довольствуясь этим, московская канцелярия ревизии записала в оклад еще разных учившихся в троицкой семинарии детей захребетников и служителей лавры, в числе 67 человек. Лавра горячо заступилась за своих питомцев и подняла об них длинное и дорого ей стоившее дело. Сначала канцелярия ревизии отвечала на протест монастыря тем, что она не знает и о существовании троицкой семинарии, кем и по каким указам она заведена; потом, когда лавра представила, что семинария основана по высочайшей воле, сообщила в подлиннике и самые указы об ее основании, ревизионная комиссия не урезонилась и этим, а потребовала еще сведений о том же предмете из св. Синода; наконец, уже по получении ответа из св. Синода, в 1750 г., почти через 6 лет после начатого дела, семинаристы из оклада были выписаны. Как следовало ожидать, кроме хлопот, лавра должна была потерпеть в этом деле еще немалые издержки на взятки генералитету и чиновникам, ублажить их деньгами, икрой, винами, лимонами, свиными тушами, сеном и подносными иконами. После этого в семинарию стали приниматься только духовные, служные, приказные и

подьяческие дети из лаврского ведомства. Но и между ними было соблюдаемо строгое сословное различие. В 1746 г. лаврский собор постановил правилом чтобы дети духовенства учились в школе в надежду священства, а служительские в пользу Троицкой лавры. Поступление последних в священнослужители допускалось только в виде исключения для особенно успевших в науках; большею же частью они определялись к письменным делам при лавре и в ее вотчинах.³⁵⁵

Между всеми дух. школами исключение составляли только школы южнорусские, неизменно удерживавшие свой прежний общесословный характер, и некоторые низшие училища в самой Великороссии. В киевской академии, по словам ее историка, „в продолжение всего ее существования (до реформы) постоянно воспитывались дети всех сословий государственных, от дворянского до земледельческого, а прежде открытия в нашем отечестве народных училищ и университетов воспитывались и дети всех почти малороссийских и некоторых великороссийских знатнейших фамилий”. Число светских учеников даже превышало число духовных.³⁵⁶ В черниговской семинарии и харьковском коллегиуме тоже обучались и дворянские, и казацкие, и мещанские дети, выходя потом на разные роды службы и занятий. Харьковский коллегиум, при самом основании своем получивший общее назначение „учить, как гласила высочайшая грамота 1731 г., всякого народа и звания детей православных”, до самой реформы начала текущего столетия был заведением совершенно открытым для всех сословий и имел характер не столько семинарии, сколько гимназии. Так на него постоянно смотрели главные его благодетели, разные представители фамилии Голицыных, прямо высказываясь, что они поддерживают его именно за ту пользу, какую он приносит всему обществу, а не одному духовенству Слободской украины.³⁵⁷ Низшие епархиальные школы, по мере своего возникновения, повсюду получали характер заведений приготовительных к семинариям и так как кроме того содержание их производилось большею частью из одних и тех же источников с семинариями, то для обучения в

них, как и в семинарии, обыкновенно набирались дети духовенства. Но с другой стороны по элементарному характеру своего курса они представляли собою самые удобные, а при полном недостатке других даже единственные заведения для элементарного народного обучения. Поэтому, по крайней мере некоторые из них оставались открытыми для всех, желавших получить в них первоначальное обучение. Так наприм. это известно об упомянутой нами школе Далматовского монастыря по обращении ее в дух. училище и о других школах тобольской епархии.³⁵⁸ Кроме платы за своих детей, обучавшихся в дух. школе, обыватели школьного города принимали по местам участие в содержании самой школы, как наприм. это известно об астраханском купечестве, принимавшем живое участие в самом открытии астраханской школы и назначившем от своего общества сумму на жалование учителю, также о гражданах г. Торопца, которые вместе с духовенством участвовали в строении и содержании торопецкой школы.³⁵⁹

Обязательность обучения в дух. школе для детей духовенства была достаточно утверждена еще прежним Петровским законодательством и с течением времени делалась все настоятельнее по мере распространения духовно-учебных заведений по епархиям. Ограничивая практику духовной службы определенным для нее сословием духовенства, правительство постоянно требовало от этого последнего известной подготовки к ней в дух. школе, назначенной „в надежду священства“, и вместе с духовной администрацией смотрело на школьное обучение духовных детей, как на необходимую предварительную часть самой духовной службы. Уклонение от этого обучения трактовалось, как уклонение от самой службы духовной, от существенного назначения духовного сословия, и необходимо должно было вести или к мерам принудительного привлечения уклонявшихся в школу, или к совершенному отчислению их от самого духовного сословия. Указы Петра об „имании дух. детей в школы неволею“ (1723 г.) и об отдаче неучившихся из них, яко излишних, в солдаты и в подушный оклад постоянно приводились в указах его преемников на справку, как главное основание всех новых

распоряжений о детях духовенства, и имели полную силу в практике. Небольшое ослабление их заметно только в короткий период реакции от смерти Петра до восшествия на престол имп. Анны, но с начала 1730-х годов, когда правительство с особенною настойчивостью стало требовать, чтобы „неученых в духовных чинах уже не было“, они стали приводиться в исполнение с величайшей и даже, можно сказать, неумолимой энергией.

В 1731 г. св. Синоду было донесено из московской академии, что „в оную академию священники и диаконы и причетники детей своих для обучения не отдают, отчего число учеников в академии умалилось и учение распространением пресекается, а оные священники и диаконы и причетники отдают детей своих в разные коллегии и канцелярии в подъячие“. Донесение это вызвало со стороны Синода указ, весьма замечательный по той решительности, с какою высказан был в нем принцип сословной замкнутости духовенства: все священно-и-церковнослужители обязывались „детей своих для научения в надежду священства отдавать в школу без всякого отлагательства и отговорок, а в подъячие по коллегиям и канцеляриям, также и в другие чины отнюдь не отдавать, под лишением чинов своих и под беспощадным наказанием; и для того велено от дух. дикастерии и их попов и диаконов со причетники обязать их в том письменно с подпискою их рук, и коликих лет у кого священников и диаконов и причетников дети не в службе ныне суть, взять сказки, и те сказки и обязательные письма подать в оную дикастерию, а из нее, учиня из того обязательный реестр, взнести для ведома в св. Синод, а в епархиях архиереям о таковых поповских и диаконовских и причетнических детях чинить по усмотрению потребности и лет их и по силе указов; а чтоб отныне тех священнических и проч. детей в коллегии и канцелярии в подъячие и в другие светские чины принимать было запрещено, о том из св. прав. Синода сообщить в прав. Сенат ведение“. Сенат согласился на это ведение и в следующем году издал о том же предмете указ от себя. Светское ведомство правда крайне нуждалось в подъячих и канцеляристах, так что в том же 1732 г. потребовалось издать

особый сенатский указ, чтобы к дух. делам в подъячие нигде не были определяемы приказные из светской команды, а только люди из команды синодальной, из детей духовенства; но оно все-таки без особенного сожаления могло отказаться от приема в свою службу лишь поповичей, еще не учившихся в школах, о которых говорил указ Синода; – от права принимать на службу тех же дух. детей, но уже вышедших из дух. школ с известным образованием, оно, как увидим, не отказалось, как это обстоятельство ни было невыгодно для духовного ведомства. Замечательно, что как ни грозен был приведенный указ св. Синода, в следующем году его еще пришлось повторить два раза, потому что из московской академии все еще жаловались, что без дух. детей там учение пресекается, а солдатских, помещиковых и вотчинниковых и крестьянских детей принимать запрещено.³⁶⁰

С 1736 г. уклонявшиеся от учения дети духовенства подверглись страшной грозе разборов, которые целыми сотнями погнали их в школы, где только и можно было спастись от беды,³⁶¹ потому что от солдатства или подушного оклада освобождались, кроме старых и малых, только те лица духовного звания, которые или состояли на действительной церковной службе, или еще готовились к ней обучением в своей сословной и специальной школе. Разбор 1736 г. был назначен на основании точного смысла Петровских указов и с тем „претекстом, как гласил сенатский указ (28 сентября), что всех действительно служащих священно-и церковнослужителей детям велено в надежду священства учиться в школах, чего для они и в подушный оклад не положены, а ныне ведомо учинилось, что многие детей своих в школы не отдают, но в подъячие по канцеляриям и в прочие чины производят и другими разными видами от того их укрывают; того ради велено их всех от мала до велика переписать и годных ко учению от негодных разобрать, по которой переписи и рассмотрение учинено будет в прав. Сенате обще с св. Синодом”. Перепись эту велено произвести губернаторам и воеводам вместе с архиереями по сказкам поповских старост, заказчиков и самих причтов, засвидетельствованным от местных светских властей,

помещиков, приказчиков, сельских управителей и старост; за утайку в этих сказках как числа людей, так и количества их лет виновным назначена смертная казнь без пощады. Затем всех церковников и дух. детей, которые по разбору окажутся не на действительной службе и не в школе, за исключением малолетних, назначенных по достижении известного возраста к определению в дух. школы, велено годных взять в солдаты, а остальных записать в оклад. Вслед за этим указом последовал ряд новых подтвердительных указов, в которых правительство торопило скорейшей присылкой ведомостей о духовенстве из епархий и грозило разными строгостями за нерадение о переписи и утайке велено было подвергнуть разбору и тех людей духовного происхождения, которые, уклоняясь от дух. школы, а между тем желая спастись от разбора светской службой, поспешили определиться на службу при канцеляриях уже после сентябрьского указа о разборе.³⁶²

С самого начала разбора было объявлено, что нежелающие поступать в военную службу могут поставлять за себя наемщиков; но при этом правительство постаралось устранить у них всякую мысль о том, что, откупившись от солдатства, они могут после этого быть уже свободны и от обязательного обучения в дух. школе. обстоятельное разъяснение касательно этого предмета находим в указе 6 февр. 1737 г. После поставки за себя рекрута, которая, заметим кстати, сама по себе обставлена была условиями слишком тяжелыми для бедного духовенства (с обмундированием и вооружением рекрут оценивался в 200 р.), всякий откупившийся таким образом от службы, должен был тут же дать обязательство непременно „поступить в дух. школу, иначе должен был приписаться к подушному окладу; а чтобы школа не сделалась для таких молодых людей местом одного укрывательства от службы, через три года после поступления в нее их велено подвергать экзамену пред архиереями и губернаторами, после чего успевших в науках определять по достоинству в духовные и гражданские чины, а тех, которые те годы провели праздну, отдавать в солдаты без всякого зачета.³⁶³ Нельзя не обратить при этом внимания на то, что, увлекаясь своими

просветительными замыслами, законодатели совсем упускали из виду даже издавна принятый порядок и продолжительность обычного семинарского курса: в три года эти новые школяры должны были пройти арифметику, геометрию, грамматику, риторику и, буде есть охота, философию, т. е. пройти чуть не все классы, кроме богословского. Но о странности этого распоряжения тогда никто не осмеливался сделать замечания. Св. Синод решился войти об этом с представлением, как увидим, гораздо позже, уже по окончании назначенного трехлетнего срока, когда несостоятельность указа обнаружилась на деле и вызвала непреодолимые затруднения в его практическом применении.

В сентябре того же 1737 г. определен был самый возраст, после которого дети духовенства, не поступившие в школу, подлежали разбору, именно 15-ти летний, равно как и возраст, после которого люди дух. звания, не имевшие службы, освобождались от солдатства, именно 40-летний. Но дней через 12 распоряжение это было изменено и велено брать в солдаты здоровых и крепких людей, хотя бы они были записаны и ниже 15 или выше 40 лет. Через неделю новый указ; правительство добралось до самих школьников, как учащихся, так особенно выбывших из школы, и распорядилось разыскать всех прежних школьников, живущих праздно, и распределить по службам, ленивых и непонятных в школе отнюдь не держать, а прямо отсылать чрез гражданских управителей в военную службу; кончивших учение до тех пор не выпускать из школы, пока не сыщут по желаньям своим место и к тому потребованы и определены будут.³⁶⁴ Крепко держа в голове мысль, что всякий человек в государстве непременно должен или платить оклад или служить, и не допуская никаких отсюда исключений, законодатели на этот раз забыли даже то, на чем сами же настаивали несколько недель тому назад (в сентябрьском указе 1737 г.), чтобы во священство никого, в том числе и кончивших школьный курс, не ставить раньше 30 лет возраста.

Перепись и разборы духовенства миновали только Малороссию и Землю Войска Донского, откуда пришли представления, что наследственного духовного сословия там не

было, что церковники и дети духовенства больше в казачьем звании обретаются, вообще живут в особом определении;³⁶⁵ но зато в других местах они производились очень сурово и имели своим результатом совершенное опустошение духовного чина, который поэтому сохранил о царствовании имп. Анны самое тяжелое воспоминание. Поводами к такой суровости разборов послужили во-первых тогдашняя тяжелая война с Турцией, потребовавшая усиленных наборов в солдаты, во-вторых дошедшие до правительства известия о множестве лиц дух. звания, не исполнивших в 1730 и 1731 гг. государственных присяг на верность императрице, известия, возбуждавшие в правительстве сильную подозрительность в отношении к духовенству и повлекшие за собой огромное и придирчивое следствие о не присягавших по всем епархиям. В то время, как война естественно должна была придавать разборам особую энергию, дело о присягах сообщило им еще какой-то карательный характер, характер настоящего гонения на духовное ведомство.

Несмотря на то, что правительство в своих указах постоянно высказывало свою ревность о распространении школьного образования между духовенством и несколько раз подтверждало, что учащиеся в дух. школах и от записи в оклад и от солдатства освобождаются, что самые разборы назначены для очищения дух. чина от невежд и др. лишних людей, разборы все-таки должны были сильно задевать и дух. школы. Все эти указы о трехлетнем сроке обучения в них молодых людей, откупившихся от службы поставкою вместо себя наемщиков, о строгих им экзаменах в присутствии воевод, о немедленной отдаче в солдаты учеников малоуспешных, о записи в оклад или в солдатство 15-ти летних дух. детей и моложе, которые, при тогдашнем обыкновении поздно начинать учение, могли бы еще поступить в школу, о тщательных переписях всех школьников и т. п. невольно заставляют подозревать в законодателях какое-то сожаление, что в школах пропадает слишком много сил, которые можно было бы употребить в пользу военной службы или в оклад. Некоторые ревнители государственного интереса, участвовавшие в

производстве разбора, так эти указы и понимали. Из Новгорода наприим. в начале 1737 г. пришла в Синод жалоба на вице-губернатора Бредихина, что он совсем опустошил причты при церквях, по делу о присягах забрал в солдаты даже несколько школьников, которые в надежду священства в архиер. школе обучены были. Такая же жалоба на забирание школьников к разбору в 1739 г. была подана из тверской епархии.³⁶⁶ На первую жалобу новгородская губернская канцелярия прислала любопытное объяснение: в объяснении этом она с своей стороны жаловалась Сенату на епархиальное начальство, что оно мешает разбору, спорит с губернией о том, что сначала нужно удовлетворить церковниками и дух. детьми церковные места по штату и оставить известное число их для занятия впредь имеющих открыться вакансий, а затем остальных уже подвергать разбору, а по мнению де ее, канцелярии, духовные управители должны наполнять церковный штат преимущественно из людей, не годных уже в солдаты, остающихся после разбора, в противном случае можно будет почти всех распределить по церквям и в запас, ибо они и все того же желают, да и духовные правители о том же стараются, в чем наивяще произойдут беспорядки, понеже все священнослужители и церковники, не желая детям своим быть в службе, будут всякими своими происки и пронырствы искать того, чтобы дети их были при местах, а другие впредь для наследства тех мест оставлены (т. е. отданы в школу или причислены к церквям), отчего в службу годных мало и останется.³⁶⁷ Таким образом в пользу дух. службы и для определения в школы в надежду священства должен был употребляться один только оборот от военной службы. Замечательно при этом, что правительство не находило в этом мнении ничего странного и в своих указах само высказывалось в том же смысле. Выдав помянутый указ 1737 г. о привлечении к разбору всех не действительно служащих людей дух. звания от 15 до 40 лет возрастом, оно прямо высказывало свое неудовольствие на то, что приставленные к разбору особы „самых лучших людей из подлежащих разбору в штат пишут и под разными видами от службы кроют и защищают, не

рассуждая того, что при нынешнем военном времени в укомплектовании полков крайняя нужда”.³⁶⁸ После этого указа и другого того же года о недержании в школах малоуспешных учеников отдача последних в солдаты значительно усилилась. Так напр. в псковской семинарии в первые годы царствования имп. Анны до 1738 г. из 149 учеников отдано в солдаты 31, а в 1738 г. 30 учеников (из 236) в один год.³⁶⁹ Точно так же правительство ревновало и о целостности подушного оклада. Уже под конец разбора св. Синод просил кабинет министров, чтобы при записи разных церковников в подушный оклад не были выключены из дух. ведомства по крайней мере дети их, которых можно поместить для обучения в дух. школы. Кабинет отказал в этой просьбе на том основании, что без детей таких церковников за собой в оклад никто и записать не похочет, согласился выписать из оклада только некоторых из них самых дряхлых, которых уже никто за себя не брал, но детей их все-таки велели числить в податном состоянии.³⁷⁰

Указы очевидно преследовали разом две цели: усилить духовное образование для интересов дух. службы и в то же время в прямой ущерб для нее поддержать интересы государственной службы и тягла. Стремление к последней цели оказывалось сильнее и не могло не мешать достижению первой. Неудивительно поэтому, что под конец царствования имп. Анны результаты просветительных мер, предпринятых с 1736 г., оказались далеко не соответствовавшими степени их форсированности. Дух. школы наполнились множеством учеников и обязательность школьного образования для детей духовенства утвердилась весьма крепко; но в то же время духовное сословие доведено было до такого опустошения, что многочисленные церковные вакансии по всем епархиям все-таки пришлось замещать людьми неучеными или недоучившимися в школах. Когда возник вопрос об этом замещении вакансий, св. Синод в 1739 г. вошел к императрице с докладом, в котором прямо просил, за крайним недостатком духовенства, от кандидатов священства не требовать обучения высших наук, а дозволить ставить их на места, только обуча букварю и катехизису и главным образом обращая внимание

лишь на доброе и непорочное их житие. Императрица согласилась. До такой степени пришлось спустить тон прежних горячих и многоречивых просветительных требований в отношении к духовенству. В следующем году Синоду пришлось сделать другой подобный же доклад по просьбе некоторых из детей духовенства, которые, откупившись от рекрутчины при разборе 1737 г., были посланы на 3 года в школы учиться грамматике, риторике и философии под угрозой в случае неуспешности быть записанными в солдаты. В просьбе своей они представляли, что „они за превосходством отроческих лет оных наук понять никак не могут, зачем де их в духовные чины на праздные места не производят.” „А понеже, писал св. Синод в своем докладе, риторическое и прочих высших школ учение преподается, начиная от нижних школ, и производится в высшие от школы в школу не кратким временем, и для того таковым священно-и-церковнослужительским детям, кои уже в превозрастных летах находятся, а между тем многим уже и в супружестве обязавшимся, оного достигнуть в скорости совершенно неудобно,... в церковном же клире повсюду крайний недостаток, и хотя долженствует, чтобы священнослужители везде поне мало были учительны, но того, доколе могут произойти таковые из начавшихся училищ, долго ждать, а между тем без священников крайняя настоит прихожанам во всяких христианских требах нужда”. Принимая все это во внимание и несколько обобщая вопрос, св. Синод просил всех освобождавшихся от военной службы лиц духовного происхождения от 20 до 30 и более лет, яко к понятию высших наук неспособных, от обучения тех наук уволить и дозволить определять на места, обуча только тому, чему повелено в приведенном сейчас именном указе 1739 года. Правительство согласилось и на это.³⁷¹

После тяжелого для духовенства времени 1730-х годов настала более счастливая для него пора царствования имп. Елизаветы. Разборы церковников и дух. детей много потеряли своей прежней суровости, но не были прекращены совершенно. В 1743 г. была предпринята новая ревизия и для производства ее выдана подробная инструкция, составленная на тех же

самых началах, которые лежали в основе первой ревизии при Петре.³⁷² Неизбежные после этого разборы духовенства тоже во всей точности следовали принципам, выработанным для них при Петре и при Анне Иоанновне, не представили в этом отношении ничего нового, кроме разве меньшей степени энергии, с какой эти принципы приводились в исполнение.³⁷³ Обязательность школьного обучения для кандидатов на духовную службу во всех указах мыслилась в качестве предмета совершенно бесспорного. В 1746 г. св. Синоду представился случай высказать свои воззрения на этот предмет с особенною ясностью вследствие вновь возникшего при разборе вопроса о духовенстве казачьих земель, которое и теперь, как в 1730-х гг. отказывалось от переписи своих детей, ссылаясь на свое исключительное положение.

Дело это началось в 1745 г. в земле донского войска, причислявшейся к воронежской епархии. В это время в Воронеже открывалась семинария и по распоряжению епархиального начальства со всей епархии собирались ведомости о детях духовенства, годных к приему в учение, и о хлебе на содержание новой школы. Донское войско чрез своих атаманов объявило, что в своих станицах оно не дозволит произвести переписи ни хлеба, ни семейств духовенства, причем сослалось на свои казацкие привилегии и на указ 1737 г., которым при тогдашних разборах духовенства дети донского духовенства были исключены из переписи, как состоящие в войсковом порядке. О том же донесло оно чрез военную коллегия и св. Синоду. В 1746 г. в Синоде состоялось решение (17 июня), что переписи и смотра детей казачьего духовенства „для обучения оных в надежду священства св. Синод оставить не может, потому что по Д. Регламенту и по указам их имп. величеств оным в школе архиерейской для обучения быть должно, ибо без обучения к священству способны быть не могут; и описи хлеба, на землях церковных рождающегося, отрешить не надлежит”, тоже согласно постановлению Д. Регламента.³⁷⁴ После этого дело перенесено в Сенат. В указе своем от 30 июля Сенат вполне согласился с мнением Синода, что дети духовенства действительно должны обучаться в

архиерейских школах в надежду священства, но в то же время, не желая обижать сильного войска, признал нужным, все-таки, согласно указу 1737 г., не тревожить детей тамошнего духовенства ни переписью, ни взятием в школу, так как все они причислены не к дух. званию, а к войску, служат на войсковом жаловании и по возрасту принимают казачью службу, и предложил Синоду – для образования кандидатов священства из донского края послать туда достойных из семинаристов воронежской или других епархий, „коим там и обучать желающих детей в надежду священства позволить.”³⁷⁵ Но св. Синод, привыкнув к установившимся уже порядкам, никак не мог примириться с таким только частным обучением в надежду священства, без обязательной школы, обучением только желающих, притом же из казачьих, а не непременно из духовных детей, и в своем указе на имя воронежского архиерея предписал: выбрав из детей тамошнего духовенства, сколько потребно без малейшего недостатка, на убылые впредь церковные места, „отослать их для обучения в домовую архиерейскую воронежскую семинарию, ... а буде сие возмнится им (казакам и духовенству) тягостно и неудобно, то позволить иметь в Черкасске или в другом по их рассмотрению удобном месте семинарию же или училищный дом и содержать оный на своем коште и учителя.”³⁷⁶ О том же Синод послал указ в военную коллегию, твердо стоя на своем, что „производимым в священнические и дьяконовские чины в школьном обучении надлежит быть неотменно.” В сентябре того же года Сенат однако отменил это распоряжение, признав как содержание новой школы, так и посылку учеников в Воронеж для войска донского отяготительным и невозможным и восстановил силу своего прежнего решения.³⁷⁷ Училище в Черкасске все-таки впрочем, как мы видели, в 1761 г. успело устроиться, хотя и не долго продержалось.

В 1755 г. подобное же дело возникло относительно духовенства в землях яицкого казачества, где казанский архиерей Лука Конашевич, к епархии которого эти земли причислялись, стал тогда вводить обычные епархиальные порядки, намеревался открыть дух. правление и привлечь детей

духовенства к обучению в казанской семинарии. Епархиальное начальство и здесь, как среди донских казаков очевидно стремилось к тому, чтобы выделить духовенство из казацкого войскового порядка в особый наследственный класс, не подведомый войсковому управлению, и сделать дух. детей свободными от казацкой службы, для чего самым лучшим средством было обучение их в семинарии в надежду священства. Узнав о действиях казанского епископа чрез донесение казаков военной коллегии, Сенат указал не трогать и яицких казацких порядков, но на этот раз распоряжения его были менее решительны, чем относительно духовенства донского: для общей пользы духовенства и войска дозволено было детям духовенства и прочим, кто пожелает, „потребному числу в надежду священства и в казанской семинарии обучаемым быть, чего для и надлежащее о том его преосвященству рассмотрение учинить”.³⁷⁸

Из самого характера этих узаконений о казацком духовенстве видно, что они составляют только исключение из общего порядка, какого одинаково держались и Синод и Сенат как относительно развития наследственного, сословного характера духовной службы, так и относительно введения в духовном сословии обязательного, сословного же и специального обучения детей. Исключение это явилось вследствие того, что в казацких землях при их военно-общинном быте задатки сословного разделения были очень слабые; класс духовенства, при неразвитости наследственности духовного служения, постоянно восполнялся поступлением в него новых членов из среды казачества и сам постоянно выделял из себя молодых людей на казацкую службу. При таких условиях правительству оставалось наблюдать только за тем, чтобы чрез посвящение новых дух. лиц не наносился ущерб казацкой службе, чтобы грунт казацкий, с которого казак нес свою военную службу, не делался грунтом не служилым, а оставался постоянно обложенным казацкими повинностями и после посвящения своего владельца в духовный сан. Грунт этот для казака, поступившего в дух. службу, был тем же, чем для посвящавшегося в дух. сан податного человека был подушный

оклад, платеж которого тоже не слагался после посвящения. Дети того и другого должны были оставаться в прежнем звании своего отца.³⁷⁹ Духовной администрации, любившей замещать церковные вакансии своими людьми, очень естественно было настаивать на замене этого вольного казацкого духовенства наследственным; но для правительства такая замена была очевидно так же невыгодна, как и выписка из подушного оклада священнослужителей из податных людей со всеми их семействами.

Указанными общими распоряжениями к введению в духовенстве обязательного образования ограничиваются почти все меры, какие предпринимались по этому предмету со стороны высшей, как государственной, так и духовной, власти. Дальнейшее развитие их в частностях и применение к практике предоставлялось затем епархиальным властям и самим дух. школам.

Мы видели, как ревностно шло по епархиям заведение дух. школ; с такою же ревностью архиереи заботились о наполнении этих школ учениками. Нужда в образованном духовенстве была крайняя, и на месте, в сфере епархиального управления чувствовалась несравненно сильнее, чем представителями высшей власти. С одной стороны грозные указы правительства, требовавшие посвящения на церковные места только ученых, с другой новые нужды церкви при распространении нового образования после реформы, новые опасности для веры, требовавшие особенного напряжения духовных сил для борьбы, крайнее унижение духовного чина пред образованным обществом и т. п. заставляли архиереев дорожить каждым, хотя сколько-нибудь поучившимся человеком. А таких было крайне мало. Кончивший курс в риторике был уже редкий ученый и обязывался сказывать проповеди своего сочинения. Число семинаристов, попадавших на священнослужительские места, было более, чем мы видели под конец Петровского времени, но немногим. Из 2589 человек времени имп. Анны или из 6000 времени имп. Елизаветы, учившихся во всех классах семинарии, едва ли и 20-я часть доходила до высших классов. Поэтому даже в Москве и Петербурге ученого священника

можно было встретить лишь при немногих церквях. В начале царствования имп. Елизаветы в пажеский корпус потребовался образованный священник в законоучители; петербургский архиерей Никодим отвечал на это требование, что ученых священников в Петербурге так мало, что для означенной должности ни одним из них поступиться нельзя.³⁸⁰ В Москве в 1749 г. насчитывалось всего 40 человек ученых священнослужителей, в том числе были риторы и даже доходившие только до пиитики. Что касается до остального духовенства московской иерархии, то преосв. Платон Малиновский жаловался, что в среде его многие священнослужители не знают даже букваря, по которому их учили при поставлении.³⁸¹ В других епархиях не совсем заурядным явлением были и такие священнослужители, которые умели только удовлетворительно читать. По разным отдаленным областям нашего обширного отечества немало было даже и вовсе безграмотных священнослужителей. Наприм. в Сибири в начале царствования имп. Анны, когда духовенство приводили к присяге, оказалось, что на всем пространстве нынешних тобольской и томской епархии только половина духовенства была в состоянии сделать собственноручную подпись под присяжными листами; за остальных расписывались другие, обозначая в подписи, что он поп, за которого прикладывали руку, грамоте не умеет, или немного стыдливее: он поп очами скорбен. В восточной Сибири безграмотных оказывалось еще больше.³⁸²

Между духовными семействами безграмотность оставалась очень распространенною, несмотря на все строгости, с какими детей духовенства принуждали, если не к школьному, то по крайней мере к домашнему учению. Наприм. по ведомостям пермских заказчиков за 1741 и 1742 гг. оказывается, что из 399 юношей и отроков от 7 до 20 лет неграмотных по епархии было 119 человек, т. е. чуть не треть оставалась без всякого обучения.³⁸³ Во время смотра дух. детей в 1750 г. при открытии владимирской семинарии в одном Кинешемском уезде оказалось 26 неграмотных из 40 человек.³⁸⁴ При наборах в духовные школы новых учеников епархиальным и школьным

начальствам каждый раз приходилось отсылать домой для обучения грамоте множество из представленных на смотр духовных детей. Для общего заключения о распространении образования по епархиям мы имеем за время Анны Иоанновны цифру всех учившихся тогда по разным школам 2589 и цифру всех мужского пола лиц духовного сословия по исповедным росписям, следовательно за исключением малолетних, – 124 923 души;³⁸⁵ сравнивая эти цифры, находим, что один учащийся приходился на 25, – отношение крайне неудовлетворительное для сословия, члены которого должны были учиться все без исключения. При этом нужно взять во внимание еще то, что указанная общая цифра духовенства извлечена из росписей 1737 г. уже после того, как над ним разразился разбор, исключившей из среды его большую часть разных безграмотных церковников и дух. детей, после того, как из них только в солдаты было отдано 6557 человек, кроме записанных в подушный оклад. Не имеем права вести дальнейших заключений в более частном и определенном смысле прямо насчет того, сколько молодых людей в духовных семействах оставалось вовсе без учения, потому что не имеем определенных сведений о степени распространенности обучения вне школ.

Ставленники, являвшееся к архиереям для посвящения на священнослужительские места, постоянно оказывались неподготовленными к своему будущему служению, не знали самых существенных пунктов вероучения даже в пределах обязательного для них с Петровского времени знания Прокоповичева букваря. Вследствие этого старинное обучение ставленников при кафедре не только не ослабевало, но по мере развития запросов на образование духовенства еще усиливалось, несмотря на умножение школ. Наиболее строгие указы об этом предмете встречаем в царствование имп. Анны. Всем архиереям предписывалось посвящать ставленников не иначе, как после достаточного обучения их вере и закону, не ограничиваясь одним испытанием их только в чтении и пении, а для этого держать их при архиерейских домах или при ближних монастырях не менее 3-х месяцев, причем экзаменовать их

каждую неделю, подмечать состояние жития их и поступков и посвящать из них лишь достойных; св. Синоду указано разослать по епархиям учительных священников или иеромонахов по одному или по два, чтобы они с крайним прилежанием обучали ставленников, приводя их к совершенному познанию должности священнической.³⁸⁶ При каждом арх. доме непременно был экзаменатор, или, лучше сказать, учитель ставленников, имевший огромное значение в ставленническом производстве. Под влиянием новых порядков испытание ставленников так и называлось школой; в пометах об нем на ставленническом деле писалось: „послать в школу”, – „произошел школу”. Вот одна из полных программ ставленнического обучения, изображенная в указе (1748 г.) воронежского архиерея новому экзаменатору, учителю семинарии Стасиевичу: обучать „символу веры православной, заповедям Божиим и церковным таинствам, добродетелям богословским и евангельским, апостольским и отеческим преданиям и прочему, до букваря и катехизиса принадлежащему, что священнику необходимо ведать надлежит, всему со истолкованием писания, в чем состоит закон христианский и проч., а притом примечать состояние жития их и поступки, чтобы к чтению св. писания прилежали и, что читают, рассуждать могли и не словом, но самым делом образ сами собою другим простым людям оказывать могли”. Экзаменатор по крайней мере в той же воронежской епархии, должен был примечать состояние жития не только самого ставленника, но и жены его, должен был дать епарх. начальству свидетельство и об ее характере и поведении.³⁸⁷ Обучение катехизису при архиерейском доме было тем более необходимо, что книжки этого катехизиса были очень редки в уездах и кандидату священства все равно нужно было ехать в город, чтобы их найти для пользования, и проживать здесь до тех пор, пока не выучит всего наизусть, что не могло сделаться скоро, потому что тогдашние необработанные и не привыкшие к книге головы осиливали ее с весьма большим трудом. Только в 1742 г. св. Синоду указано было позаботиться о распространении катехизисов в достаточном числе по всем епархиям и

приходам.³⁸⁸ Ставленнические экзамены до того усердно поддерживались епарх. начальствами, что в том же виде продолжались и после, когда уже на все церковные места стали определяться одни ученики семинарии, до самой реформы духовных училищ 1808 г. И в позднейшее время XVIII столетия, когда они обратились уже в одну формальность, от них не освобождался никто из ставленников, хотя бы даже кончивший курс академии, человек несравненно более образованный, чем сам экзаменатор, какой-нибудь полуграмотный иеромонах архиерейского дома.

Не ограничиваясь обучением одних ставленников, многие архиереи заставляли изучать катехизис и самих священнослужителей, стараясь этим средством хоть сколько-нибудь заменить для последних недостаток предварительного школьного обучения. В 1742 г. при рассылке по епархиям вновь напечатанных катехизисов св. Синод предписал, чтобы все священно-и-церковнослужители непременно их изучали наизусть, а епархиальные архиереи строго за этим наблюдали. Наблюдение это производилось обыкновенно при объезде архиереями епархии и при явке в кафедральные города самих дух. лиц по делам, причем каждый раз им производился экзамен, особенно если они просили о переводе их с места на место или о повышении в должности. Кроме архиереев, свидетельством дух. лиц в знании катехизиса занимались особо назначенные для того экзаменаторы³⁸⁹ и дух. правления. От такого свидетельства по некоторым местам не освобождались и церковники; так, в 1753 г. преосв. Платон Малиновский двоих церковников московской епархии за отказ учить катехизис велел наказать на страх другим плетьюми и кроме того лишить церковного дохода до тех пор, пока не выучат, что следует. В том же году он разослал по епархии окружную грамоту, которая всего лучше показывает, как это обучение было тогда нужно: „Понеже нам известно учинилось, что епархии нашей при церквах священно-и-церковнослужители, как в давних, так и в недавних летах произведенные, надлежащего по их должности учения, которое им пред посвящением по букварю и по особливо изданной тетрадке от экзаменаторов преподается,

ничего не знают, ибо по посвящении своем совсем оное забывают, умышленно никакого радения о содержании его в памяти не прилагая; а иные... того учения никогда и не учили, да и впредь о знании того никакого радения не имеют, чем они смертно грешат” и проч., – велено всех оных священно-и церковнослужителей обязать подписками, чтобы непременно учили букварь и упомянутую тетрадку наизусть, под угрозой лишения в противном случае, чинов своих и мест.³⁹⁰ Меры подобного рода употреблялись в отношении к духовенству и в других епархиях. Белгородский архиерей, известный ревнитель дух. просвещения, Иоасаф Горленко в 1749 г. велел духовенству своей епархии непременно выучить книгу о таинствах и строго следил за исполнением этого предписания, вызывая не знавших означенной книги священников для научения ее в Белгород. В 1750 г. вызвано было для этого 27 человек; все они до окончательного изучения должны были исполнять послушание в хлебной. В 1752 г. сделалось известным, что книги о тайнах не знало целое ахтырское благочиние, где одних священников было 21 человек; всех их велено вызвать в Белгород, а чтобы от этого не последовало остановки в службе и требоисправлениях, преосвященный распорядился привозить их в Белгород поочередно, по 3 человека. В том же году в оскольском уезде за незнание книги о тайнах и за неправильное совершение службы он лишил 10 священников сана.³⁹¹

Весьма важным пособием для изучения катехизиса были заведенные при дух. школах катехизические беседы, посещение которых в назначенные для них праздничные дни было открыто для всех. Троицкая лавра, заведя эти беседы при своей семинарии, объявила посещение их даже обязательным как для своих монахов, так и для ближайшего к лавре подведомого ей духовенства и назначила за опущение этой обязанности штраф, – для священников по 1 рублю, для дьяконов по полтине, для причетников по 25 коп. в пользу семинарии. Наблюдение за ними поручено префекту семинарии, для чего ему вручены были списки как монахов, так и духовенства, по которым он и должен был по окончании каждой беседы делать им перекличку.

Сельские священники и дьяконы лаврского ведомства обязывались учить катехизис поурочно у себя по домам. В назначенное время каждый из них должен был являться к префекту; префект задавал явившемуся урок и назначал срок, когда вновь явиться для прослушания заданного и назначения следующего урока по порядку книги, пока последняя не будет выучена до конца. За не явившимися в срок велено было посылать нарочных; за невыученный урок взимался денежный штраф.³⁹²

Кроме этого обучения дух. лиц вне школ, встречаем в некоторых местах попытки к привлечению их в самые школы. В московской епархии нередко случалось, что епархиальное начальство, за недостатком образованных кандидатов на церковные места, посвящало в св. сан не кончивших курс академистов и после этого все-таки заставляло их доучиваться в академии, угрожая в противном случае отрешением от места. Таких посвященных студентов в академии всегда было довольно, наприм. человек по 10 дьяконов и по столько же попов.³⁹³ Бывали такие и в триицкой семинарии.³⁹⁴ В других епархиях, вследствие неполноты семинарских курсов в большей части семинарий, такие примеры едва ли могли быть часты. В 1761 г. смоленский архиерей Парфений сделал распоряжение посылать в школы для доучивания причетников, не исключая женатых, но это распоряжение не имело успеха: несмотря на всякие телесные наказания, каким эти невольные ученики подвергались в школе, они так и отбились от рук педагогов.³⁹⁵ В самом начале описываемого времени св. Синод вспомнил Петровский указ 1723 г. о привлечении в дух. школы молодых монахов и в 1727 г. вздумал его подтвердить,³⁹⁶ но этот подтвердительный указ по всей вероятности также мало имел успеха, как и указ 1723 г., по крайней мере известий о посылке таких монахов в школьное учение из монастырей до нас не дошло, кроме известий из истории владимирской семинарии. При открытии ее и при наборе в нее учеников преосв. Платон велел переписать безграмотных и малограмотных монахов менее 40 лет и „представить их в скорейшем времени в семинарию. Неизвестно, в каком числе,

но такие монахи действительно были представлены в семинарию и поселены вместе с семинаристами в Богородицком монастыре. Скоро однако оказалось, что они были ученики не совсем удобные. В 1752 г. в консистории об них возникло дело, из которого явствует, что они зажили в семинарском монастыре по своему обычаю, завели у себя по кельям водку и вместе с школьниками производили такие беспорядки, что однажды чуть не сожгли самой семинарии.³⁹⁷ Долго ли потом они учились в семинарии, не знаем.

Все подобные меры к обучению наличного, уже состоявшего на местах духовенства, как они иногда ни были малоуспешны, достаточно определяют ту степень энергии, с какой по епархиям принялись поднимать уровень образования духовенства. Понятно, с каким усердием епархиальные начальства должны были при этом держаться за провозглашенный реформой принцип обязательности школьного обучения для молодого поколения духовенства, на котором покоились главные надежды лучшего священства.

Школьное обучение все еще приходилось навязывать силою. „Редкие отцы и матери охотно провожали детей в семинарию, рассказывает автор Истории нижегородской семинарии, большею же частью расставались с прискорбием и тяжкою грустью, с горькими слезами и воплями. Многие отцы считали счастливым сына, если он избегал школы, оставаясь в числе церковников, или приписываясь к ведомству крестьян. На школьное учение смотрели как на военную службу или место истязания. Только невольное и усиленное принуждение могло собирать в семинарию детей и разлучать их с родителями... Большая часть учащихся с первого же года смотрели вон из семинарии”.³⁹⁸ Вот какое доношение в 1734 г. подал преосв. Феофилакт Лопатинскому учитель тверской школы Евдокимов: „Иже должного си учения удаляющиеся различные неудобности детям своим предлагают, реку же: или малолетство или многолетство (Христос истинно глаголет: кто от вас пекийся может возрасту своему прибавити локоть един но се могут zde и прибавити и убавити), или притворяют немощь, или женитву, или хирагру, или подагру, или одноочие но, что ужаснее, сказуют

от беса дети свои мучимы быти. Сия же вся в приказе (архиерейском) сказкою нецыи показаша. И что глаголю? Велию и яко удобнейшую скважину изобретоша многи брать себе новоявленную (дьячковскую грамоту). Не иные же яковые либо вины вся сия творят, точию да не будут во учения свете. А инде разглашают: прежде меньше знали да больше едали. О отцы святии! Разумейте убо, кому подобни есте. Не оным ли званым на вечерю велию, иже начаша купно отрицатися вси"?³⁹⁹ Подобные же обличения духовенству за нерадение о школьном обучении детей писали архиереи в своих грамотах и указах о наборе учеников в школы.⁴⁰⁰

Одной из сильных, хотя и косвенных мер к привлечению детей духовенства в школы было устранение неученых кандидатов священства от посвящения к просимым ими местам. По епархиям вследствие этого шла сильная борьба архиереев, стоявших за своих кандидатов на места учеников епархиальных школ, против приходских выборов, если последние падали на необразованных кандидатов, и с наследниками церковных мест, которые, опираясь на одни свои наследственные права, не желали подкрепить этих прав школьным образованием.⁴⁰¹ В Малороссии, где и право приходских выборов и права наследников имели особенную силу вследствие сравнительной слабости епархиальной власти, борьба эта доходила до того, что беспокоила даже верховную власть и в 1735 г. вызвала именной указ, запрещающий всем малороссийским архиереям навязывать прихожанам попов и дьяконов силою, без приходского избрания.⁴⁰² Недостаток в образованных людях впрочем повсюду составлял непреодолимое препятствие к полному проведению принципа, которому желали следовать епархиальные начальства, а вместе с тем сильно продолжал поддерживать в детях духовенства надежды попасть на наследное или даже на свободное церковное место и без школьного обучения. Продержав у себя сына до известных лет и обучив его или сам или чрез кого-нибудь из местного причта в частной школе, в Малороссии в школе дьяка, чтению и пению, отец поскорее определял его в причетники, а чтобы еще вернее освободить

его от школы, где не принято было держать даже женатых учителей, спешил заблаговременно его женить и затем уже оставался совершенно спокоен на счет его будущей участи и насчет даже возможности со временем оставить ему в наследство свое собственное место, хотя бы и священническое. Большинство кандидатов священства почти в течение всей первой половины XVIII в. все еще являлось именно из этого церковнического класса, а не из семинарии. В своем стремлении привлечь детей духовенства к обязательному школьному обучению архиереям поэтому естественно было обратить на этот класс особенное внимание.

В некоторых епархиях архиереи старались достигнуть своей цели, стесняя слишком свободный доступ к причетническим должностям, которые часто, даже едва ли не большею частью замещались единственно по воле настоятеля прихода и самих прихожан, без всякого участия в этом деле со стороны епархиальной власти. Вновь определенный причетник иногда вовсе не считал для себя нужным записаться каким-нибудь указом на свою должность или новоявленную памятью и целый век затем служил вольным, безуказным церковником. Для духовных лиц была поэтому полная свобода держать своих сыновей при церквях на низших должностях с самых ранних лет. Регламент постановил, чтобы священники не держали детей своих церковниками при своей церкви, но их можно было, разумеется, держать при других церквях, да кроме того это постановление плохо и соблюдалось.⁴⁰³ Свободу поступления в церковники без указов, очень мало, кажется, стесняли самые разборы духовенства, потому что комиссии о разборах наблюдали только за тем, чтобы при церквях не было церковников лишних, служивших свыше штата и считавшихся поэтому не действительно-служащими, также положенных в подушный оклад, а остальных, служивших не свыше штата и свободных от оклада, оставляли в покое, считая их действительно-служащими, какие бы они ни были, указные или безуказные. Епархиальные начальства имели прямой интерес подчинить замещение церковнических вакансий своему надзору и, воспользовавшись указами об обязательности школьного

образования для духовных детей, а также указами об испытании ставленников, стали строго требовать, чтобы без ведома их духовные лица не определяли своих детей на церковную службу раньше обучения в школе.

Из южнорусских архиереев с этой стороны стал особенно известен черниговский Иродион Жураховский. В своих универсалах, рассылавшихся по епархии, он сильно обличал священно-служителей, пренебрегавших школьным образованием своих детей, державших их при себе на дьячковстве и женивших в ранних летах: „что сынам священническим, писал он, не безвредительно, поневаж лета свои до науки способнии надаремне теряют... Так мы, хотячи тот худый и вредительный обычай исправить, поставляем, аби отселе всяк священник, хотящий сына своего браком законным сочетати, отсылал его самого к нам в катедру по квити без всякой виновки; такожде бы каждый священник при своей церкви не держал сына своего на дьяковстве и на пономарстве”, а посылал учиться в коллегиум. Ослушникам универсалы эти грозили лишением парохии и священства, а детям их отнятием всякой надежды будущего священства.⁴⁰⁴ Такие же грамоты рассылали по своей епархии белгородские архиереи Досифей Богданович-Любимский и Иоасаф Горленко.⁴⁰⁵ В московской епархии строгие меры против самовольного определения причетников в молодых летах и без указов являются сравнительно довольно поздно, при архиереях Платоне Малиновском (1748–1754) и Тимофее Щербатском;⁴⁰⁶ но в некоторых других великорусских епархиях они практиковались еще с 1730-х годов.⁴⁰⁷ Притом же при наборах дух. детей в школы в Великороссии мало обращали внимание на этих молодых безуказных церковников, – вместе с другими забирали в учение и их, даже иногда, как мы видели, и после женитьбы. Женитьба для избежания школы преследовалась строго во всех епархиях, где были заведены дух. школы. В 1744 г. с одного сельского дьякона Троицкой вотчины за такую женитьбу сына, назначавшегося в троицкую семинарию, взяли штрафа 15 руб., а другого такого же юношу заставили учиться и после женитьбы.⁴⁰⁸ При открытии владимирской семинарии

некоторые церковники, прослышав о наборе в учение, тоже поспешили поскорее жениться. Преосв. Платон наложил на них особого рода штраф натурою: они должны были по очереди все прослужить в семинарии по году служителями и притом на своем собственном содержании. С них взяты были при этом подписки „быть при семинарии (в течении года) неотлучным, и караул и всякую работу исправлять безленостно, а за отлучку из семинарии и неисправности свои подвергаться жестокому на теле истязанию”. Таких церковников оказалось тогда столько, что, благодаря наложенному на них штрафу, семинария целых 10 лет могла иметь у себя даровых служителей.⁴⁰⁹ В некоторых епархиях браки сыновей духовных лиц положено было заключать не иначе, как с разрешения епарх. власти. Во время одного объезда своей епархии Лука Конашевич казанский заметил, что духовенство часто женит сыновей своих в очень ранних летах, чтобы не отдавать их в семинарию, и разослал указ, по которому в духовных семействах не велено было допускать не только самовольных браков, а даже с разрешения одних низших епарх. властей, которые выдавали венечные памяти, заказчиков и духовных управителей, „без собственного его преосвященства повеления и без подписанного рукою его преосв-ва о каждом особливом приказании о венчании”, а священно-и-церковнослужителям велено „объявить с подписками, дабы они тех детей своих без приказания его преосв-ва отнюдь женить не дерзали и от школьного учения не таили под жестоким штрафом неотменно.”⁴¹⁰

Прямые меры к привлечению детей духовенства в школы оставались в основных чертах те же, какие были намечены при Петре, и состояли в переписи всех достигших известного возраста детей священно-и-церковнослужителей в особых ведомостях, рассылке призывных списков к явке их на смотр и принудительных наборах к учению. Благодаря отчасти указам правительства, особенно 1730-х годов, отчасти местным распоряжениям епархиальных начальств, меры эти в описываемое время получили полное развитие во всех подробностях.

Указом 1731 года, запрещавшим отдавать дух. детей в канцелярскую службу, между прочим предписывалось по всем епархиям собирать с духовенства правдивые сказки о том, сколько у кого детей мужеского пола и каких лет, и обязательные письма или подписки, что дети эти в свое время будут представляемы в семинарии. Сказки собирались поповскими старостами и дух. правлениями и представлялись в консисторию, которая, сведя их вместе, составляла из них реестр для отсылки в св. Синод призывные списки для вызова достигших определенного возраста детей на смотр. Возраст этот в епархиальных и правительственных указах определяется различно, от 7 до 10, 15 и 18 лет. Кроме лет записанных детей, велено также писать, кто из них чему обучается или обучился.⁴¹¹ В некоторых сказках писались даже особые приметы детей, вероятно на случай розыска их при наборе, наприм.: „города N, N церкви, сын священника такой-то 12 лет, возрастом одного аршина 6 вершков с половиною, кругл лицом, глаза серые, волосом бел, грамоте обучен”. Другие родители старались вставлять в своих сказках разные обстоятельства, по которым бы дети их могли освободиться от учения, вроде таких: „исправляет дьячковскую должность”, или: „имеется весьма болен чесотною болезнию, имеется в ломотной болезни, имеется слаб, без ноги и без зуб”.⁴¹² При подаче сказки о детях каждый отец давал за себя обязательное письмо, наприм. такого содержания: „я NN священник по евангельской непорочной заповеди, еже ей ей, в правду сказал: имею у себя столько-то сыновей таких-то лет, и по указу его преосвященства сына NN, достигшего лет, привезу тогда-то для учения на свой кошт; а ежели на означенное число детей своих не предъявлю, то взять на мне по показанному указу штраф, что его архиерейство укажет, – в том я NN и подписуюсь”.⁴¹³

Указы об объявлении детей, особенно при открытии новых школ, писались обыкновенно в очень энергическом тоне и с разными угрозами. Наприм. при открытии низших школ белгородской епархии указом Петра Смелича 1737 г. дух. управителям велено переписать всех детей духовенства, не минуя ни единого, начав от 14 лет до сущего младенца, под

угрозой жесточайшего наказания и лишения должностей без всякой отмены.⁴¹⁴ При открытии владимирской семинарии преосв. Платон указал дух. правлениям собрать и представить списки детей в консисторию в одну неделю без прибавления и уменьшения лет, а за неисправности и утайки пригрозил членам и подьячим правлений неослабным на теле истязанием. Духовенству объявлялось: „ежели кто детей своих в школу для наук не объявит, или по отдаче в оные школы, не окончив науки, отлучит, или из оных детей кто убежит, а отцы их будут у себя держать, и оные отцы не точию каждый от своей церкви отлучен будет, но нигде служить не будет”.⁴¹⁵ Несмотря на подобные строгости, ведомости о детях духовенства составлялись по местам очень подолгу, наприим. в вятской епархии целый год, и с большими утайками детей и их лет. Для проверки их из епархиального города посылались иногда особые рассылные.⁴¹⁶ В обыкновенном порядке, после преодоления первых препятствий при первоначальном заведении школы, наблюдение за правильным ведением этих ведомостей поручалось заказчикам, поповским старостам и дух. управителям.⁴¹⁷

Еще труднее было набрать в школу самих детей. При открытии каждой школы по епархии обыкновенно рассылался указ, чтобы все достигшие определенного возраста мальчики ехали в епархиальный город на смотр, который будет произведен им при архиерейском доме, при консистории или в самой школе. Указы этого рода наводили тогда не меньший ужас на духовенство, как и страшные указы правительства о разборах. Кроме старинного взгляда на школу, как на заведение бесполезное в практическом отношении, а между тем крайне тягостное, кроме финансовых пожертвований на содержание в ней детей, с 1730-х годов явились еще другие причины, внушавшие к ней страх и отвращение. Набор в школы совершенно слился в сознании духовенства с тогдашними суровыми наборами духовных детей в солдаты. Переписи их для определения в школы и для разбора производились всегда почти одновременно и с одинаковыми приемами. Притом же один из указов 1737 г. о разборе прямо предписывал

„непонятных в науках долго в школах не держать, но отсылать их к гражданским управителям для определения в военную службу, дабы на таких глупых или ленивых людей напрасного расхода и другим трудолюбивым людям в их науках препятствия от них не было”.⁴¹⁸ Такое распоряжение, будучи направлено к тому, чтобы заставить школьников лучше учиться, в то же время делало школу одним из самых верных орудий разборов, потому что неспособность человека не могла в ней утаиться и неизбежно вела за собой отдачу в солдатство, от которого, в случае непоступления в нее, все еще была надежда как-нибудь спастись, напим. втершись в состав какого-нибудь причта. Разборы 1737 и 1738 г. в самом деле, как мы видели, очень чувствительно задевали дух. школы и записали в солдаты значительное число их учеников. В заметках о костромской семинарии арх. Макария рассказывается, что подозрительность духовенства в отношении к школам сохранилась и в царствование имп. Елизаветы. При открытии этой семинарии духовенство не представляло в нее детей под разными предложениями, так что консистория разослала за ними по епархиям особых рассыльщиков. „Главною причиною, почему отцы неохотно отдавали детей в семинарию, была молва, что непонятных учеников будут отдавать в военную службу. Недоброжелатели просвещения находили к этому повод в узаконениях импер. кабинета от 26 сентября 1737 г. (в 6 пункте) и в регламенте новгородской семинарии от 24 мая 1740 г., что ленивых повелено отдавать в солдаты. Предубеждение это против семинарии долго оставалось среди духовенства”.⁴¹⁹ Насильственные наборы учеников оказывались необходимыми при открытии всякой новой семинарии, потому что на смотр везде являлось только самое малое число детей. В невскую семинарию по ведомости дух. правления о детях духовенства 1733 г. следовало собрать 79 учеников, которых синодским указом и предписано „отобрать у отцов” но указ этот пришлось повторить несколько раз, да и после этого только в начале 1736 г. явилось 19 человек а 60 не бывало; к полугоду еще доставлено 24, из которых по освидетельствованию „удобными к учению” оказались только трое. При открытии семинарии

Троицкой лавры успели собрать в нее только 12 мальчиков из детей духовенства, так что почти весь первый курс (92 человека) семинарии составил из детей подручных лавре светских лиц, служителей, приказных и т. д., взято было даже 10 человек нищих из детей вотчинных крестьян.⁴²⁰ В воронежскую семинарию в первый год собрано было по всей епархии только 8 учеников, да в следующей 7 и только в начале третьего года набрано 124 человека.⁴²¹ В костромской семинарии долгое время число учеников не превышало 30, тогда как в епархии считалось более 700 церквей.⁴²² В ответ на строгие указы о явке детей на смотр сердобольные отцы отовсюду начинали обыкновенно присылать самые разнообразные отговорки, наприим. одни доносили, что их дети поступили уже в причетники или даже женились, другие, что их дети болезненны, третьи, что простоумны и к понятию наук неспособны, четвертые, что не годны к школе за урослием или что нужны дома к земледельству и т. п. Некоторые отцы находили даже лучшим приписывать детей к подушному окладу, чем отдавать в школу. При Иннокентии Неруновиче в Иркутске был такой случай: один сын пономаря, отбывая от набора в школу, сказал, что отец его пономарь неучазный и что следовательно его, как не принадлежащего к дух. званию, несправедливо присуждают к школе; по справке оказалось, что он солгал, но любящий отец сам поспешил выручить сына из школы, пожертвовал для этого и своей свободой от податей, и своей тридцатилетней службой при церкви и приписался к посаду в подушный оклад, после чего сына его, разумеется, уже не тревожили.⁴²³ Сами дух. управители и заказчики держали сторону духовенства и заодно укрывали детей последнего, несмотря на угрозы лишением должностей, штрафами и жестоким на теле наказанием, или же при всем усердии не могли сломить упрямства отцов и в ответ на указы о высылке детей слали в епархиальный город жалобы, что ничего не могут поделаться с противниками указов, что отцы даже не показывают им детей своих, сказывая их в дальних отлучках или в бегах. Беги эти тоже были не редкость; будущих школяров немало разбегалось еще с дороги, когда их только что везли из родных сел в епархиальный город на смотр.⁴²⁴

Смотры детей назначались очевидно вследствие того, что епархиальное начальство не надеялось произвести набора учеников с помощью одних их родителей и разных окружных своих органов, ясно чувствовало, что в этом деле непременно требуется его собственный глаз. Но иногда чрез окружных властей не надежно было устраивать и самые смотры. В таком случае оставалось одно средство: отправлять по епархии для сбора детей нарочных рассыльщиков. При открытии дух. школ к этому средству приходилось прибегать почти повсюду. Вот как наприм. происходил набор школьников в новооткрытую вятскую семинарию. Разослав по епархии указы о сборе детей духовенства, архиеп. Лаврентий сперва около полгода ждал действия их, но так ничего и не дождался, наконец, потеряв всякое терпение, в исходе 1734 г. указал своему дух. приказу послать за ребятами нарочных приставов с поручением сыскивать их „всякими сыски” и, кого сыщут, всех везти в Хлынов, а в случае сопротивления их вязать, заковывать в колодки и отправлять в арх. дом партиями за надлежащим караулом; заказчики должны были оказывать этим сыщикам всякое вспомоществование. Набрав таким образом несколько ребят, рассыльные ехали с ними в другое место, затем в третье и т. д., пока не набирали партию человек в 10–15, которых и везли наконец с собой в Хлынов, если они не разбегались по дороге, и сдавали здесь под расписку в архиерейском приказе. Дело набора этим путем пошло так живо, что в начале следующего 1735 г. в арх. доме набралось до 400 школьников от 7 до 25 лет.⁴²⁵ Таким же порядком шел набор школьников в новооткрытую костромскую и др. семинарии. Троицкая лавра посылала за ребятами для своей семинарии солдат, снабжая их инструкциями ехать по реестру туда-то, забирать всех годных к учению, не слушая никаких отговорок, а если кто из них будет укрываться, высылать в лавру тех, у кого они будут жительствовавшими.⁴²⁶

После первоначального, самого трудного набора учеников дело укомплектования школ учащимися становилось несколько легче; духовенство постепенно привыкало к своей новой повинности и оказывало менее противодействия при

представлении детей на смотры, но все-таки оказывало. Даже в таких епархиях как московская, где школьное образование сделалось известно уже давно, отец, который сам бы, по доброй воле, представил детей своих в школу, был большою редкостью даже в конце 1740-х годов. М. Платон в своей автобиографии рассказывает, что секретарь московской консистории был сильно удивлен настойчивостью, с какой отец Платонов добивался приема своих детей, его Платона и брата его Александра, в московскую академию. „Ну, ты прямо отец детям, сказал изумленный секретарь. Здесь мы не можем обирать денег от священников, кои просят, чтоб их детей в школу не брали, а от тебя не могу отвязаться, чтобы детей твоих в школу определить”.

Вследствие первоначальной неопределенности семинарских программ, и неустановившейся продолжительности курсов по времени, вызовы новых учеников в школы не имели еще характера периодического, производились в разные сроки, смотря по надобности и усмотрению архиерея, часто зависели даже от случайного уменьшения числа наличных учеников вследствие определения некоторых из них на церковные вакансии, исключения негодных, или усилившихся между ними побегов. По докладу семинарского начальства о замещении школьных вакансий архиерей сдавал в консисторию распоряжение о наборе новых школьников на смотр. Вот один такой доклад учителя холмогорской семинарии Либеровского архиерею Варсонофию от 1752г. „В домовых вашего архипасторства словено-латинских школах за отпуском в прошлом 1751 и 1752 годах 12-ти человек имеется ныне во учении в риторике (высшем классе) 17, в пиитике 13, в синтаксисе 7, итого 37 человек, да из тех некоторое число крайне непонятны, а в грамматике, инфиме и фаре уже никого нет (набора очевидно не было по крайней мере три года), отчего к производству впредь высшей школы следует остановка, ибо по обыкновению училищ всегда в тож самое время, когда высшие даются школы, и в нижних для зауготовления к ежегодному производству бывает учеников по немалому числу, дабы в таковой ежегодной промоции на

праздные места из школы в другую вступить имели и не были бы каковые классы от того праздны. А по присланному прошлого 1744 г. апреля 16 дня ее имп. в-ва из св. прав. Синода к вашему преосвященству указу велено в реченных вашего архипастырства школах всегда быть 50 человекам непременно. Того ради по мнению моему нижеименованного, к лучшей означенных вашего архипастырства школ пользе надлежит ныне из епархии вашего преосв-ва малолетних св.-и-ц.-служительских детей, по-славянски совершенно читать, писать и нотного пения умеющих, собрать в реченные в. пр-ва школы для учения до 50 человек или и в-ва, дабы по силе Д. Регламента из оных понятных, по времени рассматривая, потребное число во учение определить было можно, дабы тупые и непонятные напрасным сидением в школах времени втуне не потеряли и отцов своих в бесполезные издержки не подвергли; ибо таковым учеником по силе вышеописанного е. и. в-ва указу надлежит быть в реченных школах во учении на своем отцовском пропитании и одежде, для чего и высылке оных учеников потребно быть из мест хлебородных и от таковых св.-и-ц-служителей, которые могут детям своим произвести упомянутое содержание, чтоб неимением пропитания и одежды ученики от трудов учения не могли отговариваться. А из вышепрописанного ныне в упомянутых школах находящегося числа учеников, из пиитики и из синтаксиса, крайне непонятных повелено б было, куда надлежит, от учения освобождая, от школ выпустить, ибо от таковых плода ждать по-человечески неуповательно, а учащимся оттого происходит, несносное, но напрасное затруднение и труд бесполезный. На сие все на высокое архипастырства вашего благорассмотрение” и проч.⁴²⁷

Смотры детей все еще оказывались необходимыми при определении новых учеников и в старые семинарии и, судя по сейчас приведенному докладу учителя, требовали немалой внимательности в распознавании годных и негодных к учению; вероятно, как во времена Д. Регламента, некоторые из детей, желая отбыть от учения, и теперь нарочно „притворяли себе тупость”. Но при установившемся уже порядке школьного обучения в епархии смотры эти облегчились тем, что

епархиальное и семинарское начальства по крайней мере, имели у себя уже готовые ведомости о детях, по которым более или менее знали, кого вызывать в школу, и не имели постоянной надобности делать тяжелых и для себя и для духовенства генеральных вызовов дух. детей со всей епархии. Подобные вызовы производились уже только в экстренных случаях, когда до начальства доходили известия об усилении укрывательства от школы. Такой наприм. смотр детей назначила однажды в 1746 г. Троицкая лавра⁴²⁸. В 1751 г. Лука Конашевич казанский во время посещения своего г. Сызрани и сызранского заказа заметил, что многие дети духовенства, „годные к обучению в семинарии, отпущены на оброк, а иные для обучения читать и писать на долгое время без приказания его преосвященства фальшиво, а иные священно-церковнослужители детей своих возрастных и по ныне в семинарию к обучению не представляют и утаивают, а некоторые тех детей своих уже и оженили в несовершеннолетних летах, как видно, точию для того, чтобы им в семинарии не быть, к тому же в некоторых данных тем священно-и-церковнослужительским детям за подписанием его преосв-ва, билетах явились в прописании термина чищения и поправки и во многих присланных из семинарской конторы указах оказались некоторые сумнительства”. Вследствие этого указом его преосв-ва от 29 августа велено было всем заказчикам казанской епархии „имеющихся в ведомствах их детей, кроме самых малолетних, как женатых, так и не женатых, не обходя тех, которые от казанской семинарской конторы отпущены были, из обучающихся в школах за болезнями и за непонятием наук и на время, и которые от казанской консистории определены в правление дьячковских и пономарских должностей, а его преосв-вом еще не произведены, выслать к представлению для освидетельствования его преосв-вом в семинарскую контору и с данными им указами, и для того имеющиеся в указах о семинаристах дела и посланные об них из семинарской конторы указы какие ни есть, с 1742, г., все прислать же на рассмотрение при доношениях и при именных реестрах в немедленном времени конечно к октября 1 числу 1751 г. А когда св.-

церковнослужительские дети высланы будут, тогда отцам их с ними же ехать в Казань, и от parroхии своей отлучаться не велеть, дабы без них в исправлении мирских треб не воспоследовало остановки и упущения, того ради выбрать им, духовным управителям и заказчикам, из них же священников, кого пристойно, по рассмотрению своему, к каждым 30 или 10 селам по одному десятоначальнику, коим велеть тех священно-церковно-служительских детей, которые к ним в надсматривание поручены будут, привозить в Казань и в семинарской конторе объявлять самим без всяких отговорок". Далее следует приведенное уже выше распоряжение о неразрешении молодым людям в духовных семействах вступления в брак без личного согласия самого архиерея⁴²⁹. Мы нарочно привели этот любопытный указ почти целиком, потому что в нем с одной стороны подробно описана процедура вызовов дух. детей на школьные смотры, а с другой указываются те виды укрывательства от школьного учения, заведенного в епархии уже около 28 лет, которые вызывали подобные генеральные смотры, простиравшиеся не только на ребят, но и на служивших на местах, даже женатых церковников.

На обыкновенные смотры вызывались те из детей духовенства, которые по летам стояли, так сказать, на очереди к несению школьной повинности; вызов их производился обычным порядком чрез заказчиков и дух. управителей, но вследствие уклонения многих из них от школы нередко и за ними надобно было посылать нарочных. В ведомстве Троицкой лавры посылка за учениками солдат продолжалась во все описываемое время. Нужно впрочем заметить здесь кстати, что многие из причтов в Троицких вотчинах имели особую, весьма важную причину уклоняться от представления своих детей в лаврскую семинарию: вотчины лавры были раскинуты на огромном пространстве, среди нескольких епархий, в которых были свои семинарии, а между тем лавра требовала, чтобы подведомственные ей дух. лица непременно везли своих детей в ее семинарию и ни под каким видом не отдавали их в ближайшие местные семинарии. По жалобам духовенства св.

Синод в 1755 г. выдал было распоряжение представлять в триицкую семинарию дух. детей только из ближайших монастырских вотчин, отстоящих от лавры не далее 200 верст, но в 1758 г. распоряжение это было отменено. В 1761 году вместо солдат лавра послала по вотчинам за ребятами учителей, снабдив их строгими инструкциями и большими полномочиями: приехав в известное место собрать по сказкам духовенства всех детей мужск. пола и освидетельствовав их лично в чтении, писании и в способностях, годных к учению всех выслать на крестьянских подводах в лавру при доношениях; в случае непослушания отцов требовать, где надлежит, команды и забирать детей силой, не приемля никаких отговорок, а о противниках рапортовать; по приезде в лавру о всех забранных в семинарию подать учрежденному собору подробную ведомость; во время пути обид и налог никому не чинить и взяток не касаться: – этот последний пункт в тогдашнее время составлял необходимую принадлежность всякого рода инструкций, писался и в упомянутых солдатских инструкциях. Посылка учителей с такими поручениями была, разумеется, полезнее, потому что учитель набирал детей в школы с разбором, после экзамена, и высылал только годных к учению, тогда как при обыкновенном представлении на смотр всякого рода ребят огулом множество из них не подготовленных к школе, приехавших иногда издалека, приходилось отправлять назад с большими издержками на счет или их отцов или самой администрации⁴³⁰. Но такая мера едва ли могла быть употребляема в других семинариях, имевших большею частью самое ограниченное число учителей. В воронежской епархии в 1753 г. епархиальное начальство уполномочило для такого набора детей учеников высших классов семинарии (риторов и философов), отпущенных тогда на вakat: в инструкции, данной им на этот предмет, было сказано, чтобы они пересмотрели по ведомостям всех детей духовенства 7–10 лет „в рост, лета и приметы” и затем обученных славяно-российской грамоте, т. е. букваря, часослова, псалтири и письма, взяли в семинарию, а с дух. управителей и всего духовенства собрали подписки с наикрепчайшим подтверждением под штрафом, чтобы они

детей своих с 7 лет непременно обучали славяно-русской грамоте, а в 10 лет представляли уже обученных в семинарию, каковые подписки по возвращении с ваката и представили бы в семинарскую контору⁴³¹.

Самым благовидным и обычным средством избавиться от представления в школу, кроме притворения себе тупости, было еще притворение себе болезни. В предотвращение этого рода обманов епархиальные начальства прибегали к строгому освидетельствованию всех отказывающихся от школы за болезнью чрез заказчиков и нарочных из дух. правлений. Стремление уклониться от школы у некоторых духовных юношей простиралось до того, что они нарочно наносили себе разные увечья, как при наборах в солдаты. Как поступали при доношениях об увечьях и болезнях будущих учеников, показывает, наприим. следующее дело 1763 г. о сыне одного попа ярославской епархии угличского уезда Диомида Ильина. Увечье на этот раз было невольное: в челобитной своей в угличское правление поп Диомид писал, что попущением Божиим во время пожара сыну его Ефиму „упавшим с избы его попа бревном расшибло левую руку так жестоко, что кости в той руке – большую раздробило, а малую от оной отшибло и вся та рука весьма распухла и от того де он Ефим находится в тяжелой болезни, за коею его в тое семинарию, по взятому с него попа заказчиком, в силу указов обязательству, представить не можно”, вследствие чего он поп, опасаясь, чтобы семинарская контора не наложила на него безвинно штрафа, и просит сына его освидетельствовать. Из дух. правления по этой челобитной был послан нарочный копиист с инструкцией „накрепко исследовать, оного попова сына рука, подлинно ли во время бывшего пожарного случая нечаянно упавшим с избы поповой бревном расшиблена, а не другим каким случаем, и не нарочно ль то им учинено”. Копиист донес, что действительно так все случилось, как сказано в челобитной. К следствию в качестве свидетелей привлечены были местные крестьяне и они тоже показали, что все случилось „Божиим попущением, а не другим каким порядком, нарочно”⁴³². Были примеры, что признанных больными учеников сначала увольняли от ученья, но потом,

услыхав о их выздоровлении, снова привлекали в школу. В троицкой семинарии однажды заставили одного такого ученика учиться даже после того, как он успел уже жениться⁴³³.

В случае безуспешности всех перечисленных мер к привлечению духовных детей в школы, епархиальные начальства прибегали к разнообразным мерам карательным, которые направлены были как против детей, так и против их отцов. Для детей важнейшим наказанием за неучение было лишение прав духовного звания чрез отдачу в подушный оклад или в солдатство по разборам или по определению самого епархиального начальства. Затем следовало, часто впрочем неосуществлявшееся в практике, лишение возможности получить церковное, преимущественно священнослужительское место. Наконец, в случае побегов от школы, они подвергались более или менее жестоким телесным наказаниям. Некоторые из карательных мер направленных против отцов, нам уже известны из тех угроз, какими наполнены все архиерейские указы о представлении детей к смотрам, – это телесные наказания и лишения должностей. Что угрозы эти не были только пустыми словами, на это можно привести множество примеров. В практике впрочем всего употребительнее были наказания посредством денежных штрафов.

Штрафы эти первоначально вполне зависели от усмотрения архиереев и потому были очень разнообразны по епархиям, начинаясь с копеек и доходя до десятков рублей. В иркутской епархии принято наприм. было взыскивать с отцов по 15 руб. за каждого не представленного в свое время к учению сына. В Нижегородской епархии количество штрафа соразмеряемо было с степенью виновного лица, с священника больше, дьякона меньше и т. д., и с степенью самой виновности; брали по 3, по 2 рубля, по рублю, полтине, 25 коп.⁴³⁴. В 1742 г. св. Синод издал указ, которым повелевалось за непредставление ученика к учению в назначенный срок брать с его родственников штраф в 10 руб. В 1744 г. явилось новое общее распоряжение о штрафах; указом 23 февраля предписано было за каждый месяц укрывательства ученика брать с протопопов по 2 р., со священников по 1¹/₂, с дьяконов по 1 р., с причетников по

полтине⁴³⁵. Указ этот с самого же начала был принят в руководство по всем семинариям, хотя и не без исключений, большею частью впрочем состоявших не столько в уменьшении, сколько напротив в усилении указанных штрафных сборов. В следующем наприим. году, как известно, открылась воронежская семинария и когда некоторые отцы не представили детей своих к сроку, к ним тогда же было применено и новое распоряжение о штрафах, хотя в оправдание своей неисправности они выставляли довольно уважительные резоны – дальность расстояния и рабочую пору. Из определений воронежской консистории видим, что штрафная сумма аккуратно высчитывалась не только по месяцам, но и за каждый день просрочки, наприим. положить штраф свыше объявленного им срока, с августа с 20 сего же 1745 г. ноября по 27 число, что надлежит с попа августа за 12 дней 60 коп.; за сентябрь 150 к., за октябрь то же число, да ноября с 26 дней 120 к., итого 4 р. 90 к. С дьячка на теж числа августа за 12 дней 20 к. 3 полушки, за сентябрь 50 к., за октябрь 50 к., да ноября за 26 дней 45 к. 2 полуденьги, итого с дьячка 1 р. 66 к. 2 полуденьги и т. д.⁴³⁶ В доказательство того, что епархиальное начальство могло всегда наложить штраф и выше указанного, можно указать на примере ростовской консистории, которая однажды положила собирать с неисправных отцов по 5 руб. за каждую просроченную неделю⁴³⁷. Кроме того штраф, как мы видели, отягчался еще в случае самовольного поступления назначенного к призыву в школу на церковную службу и преждевременной женитьбы.

Уклонявшихся от школы так было много, что штрафные деньги, как мы знаем, составляли очень важную статью содержания тогдашних семинарий. Но мы знаем также, что, благодаря настойчивости, с какой епархиальные начальства проводили принцип обязательности школьного образования для детей духовенства, число кандидатов этого образования все более и более увеличивалось и на семинарские смотры стали привозить такое множество ребят, что в школах не оказывалось для них ни достаточного места, ни достаточных материальных средств. Отсюда явились неизбежные и невольные ограничения принципа обязательности школьного обучения, выразившиеся в

двух формах, в форме устранения из епархиальных школ первоначального элементарного обучения и в штатах, какими пришлось ограничить число учеников в каждом учебном заведении.

Первая форма ограничения явилась еще раньше, при Петре Великом. Мы видели, что как только школы стали расширять свои курсы введением латинского языка, из элементарных, славяно-российских преобразовываться в средние, так и обнаружилось, что славяно-российское обучение составляет для них только лишнее бремя, которое следует сдать по принадлежности семействам духовных детей или низшим школам грамотности, и что духовная администрация, пренебрегши последними, взявши все обучение детей духовенства только на себя, взялась за дело для себя непосильное. После этого славяно-российское обучение в архиерейских школах все более и более стало удаляться на задний план, наконец с 1730-х гг., когда они преобразовались в семинарии, все почти внимание епархиальных архиереев поглотило поддержание одних этих семинарий, в которых курс уже прямо начинался с латыни. Славяно-российские школы заводились в небольшом числе и преимущественно в епархиях или более богатых, которые могли содержать их без особенного ущерба для главных своих школ, – семинарий, или в более обширных, в которых при трудности сосредоточить все духовное образование в одном кафедральном городе, чувствовалась настоящая потребность в местных школах по епархиальным округам, приготовительных к главной кафедральной школе. Да и эти приготовительные школы по большей части являлись уже в форме славяно-латинских; в славяно-латинские же нередко преобразовывались и старые низшие школы разных епархий. При наборе детей в семинарию от них вследствие этого повсюду стали требовать, чтобы они предварительно были выучены грамоте и могли приступать уже прямо к латинскому учению. Практика епархиальных властей была вполне одобряема и указами правительства, особенно указами 1738 и 1740 гг. об учреждении семинарий троицкой и новгородской. В том и другом было сказано, что в семинарию следует принимать

только тех детей, которые читать и писать на русском языке уже обучены, а „понеже, прибавлено во втором указе, отчасти известно, что до сего времени при семинарии таких учеников содержать, которые по-российски читать и писать не обучены, того ради всех таких отдать родителям их с таким определением, чтобы они тех детей своих до пришествия их возраста в 12 лет всему тому конечно обучили и, обучив, для обучения прочих наук в семинарию их отдавали”, под опасением штрафа и отдачи необученных детей в военную службу. Указ 1740 г. не отрицал, впрочем, как мы уже упоминали, и существования в епархиях низших школ, даже нарочно велел завести их в разных местах новгородской епархии, но только на манер частных школ, относя вознаграждение их учителей на счет самих учеников по обычной плате за учение, как вознаграждались за свои труды прежние мастера грамотности⁴³⁸.

Приведенные указы имели частное значение относительно только троицкой и новгородской семинарии; в начале августа 1740 г. вышел такого же содержания общий указ, который главною целью имел определить возраст, с какого отцам следовало начинать первоначальное обучение своих детей, и затем каких лет определять их в семинарию, но заговорив об этом первоначальном обучении, предложил несколько новых разъяснений касательно его организации, дозволив архиереям заводить и низшие школы грамотности, только бы они не были в ущерб семинариям. На основании Регламента и приведенных указов 1738 и 1740 гг. в семинарию дозволялось принимать детей от 10 до 12 лет и непременно обученных уже грамоте; „которые же по достодолжному и ревностному отцов своих тщанию российской грамоте и писать обучены и прежде 10 лет возраста, и таковых принимать, не ожидая, пока они тех лет достигнут, без отречения, точию выше пятнадцатилетних отнюдь не принимать, разве с таким достоверным свидетельством, как в Д. Регламенте показано (т. е. что отрок и в доме родительском жил в страхе и добром надсмотрении); а которые российской грамоте и писать от 10 до 12 лет не обучены и обучаются в школах при арх. доме на определенном от монастырей

пропитании, и таковых, – где ежели от содержания оных другим отрокам, кои учатся в латинских школах, может воспоследовать в довольствовании и в прочем к содержанию их какое недовольство, – для того российской грамоте обучения, кроме убогих, отдавать отцам и сродникам их с надлежащими оных, в коликое время тех, кто чему еще не обучены, обучить и потом на который срок в школы для обучения высшим наукам представить должен, обязательства под немалым штрафом. А ежели которые архиереи похотят при арх. домах обучать и из таких, кои оной российской грамоте еще не обучены, то в том оставляется быть на их пропитании. Також и прочим всем священно-церковнослужителям с наикрепчайшим подтверждением приказать, дабы они детей своих славено-русской грамоте, т. е. букваря с десятословием, часослова, псалтири и скорописному, обучали от себя, начиная им то учение всеконечно с 7-летнего их возраста, с положением им на то учение по последней мере трилетнего срока, в котором каждый сына своего должен, всему оному обучив, для обучения высшим наукам представить в доме архиерейском неотменно, в чем тех отцов их потому ж обязать штрафом по рассмотрению архиереев, и тот штраф с тех, кто детей своих на определенный срок, вышешоказанному обуча, не поставит, и взыскивать без упущения, и для того оным обязательствам иметь в домах архиерейских, у кого надлежит, для всегдашней памяти и действием исполнения записную книгу, а потому смотрителю, кому такая книга будет дана, к наставлению, как ему в том поступать, дать инструкцию”⁴³⁹.

Таким образом со времени преобразования дух. школ в семинарии и особенно после приведенных указов все дети, оказывавшиеся на смотрах необученными русской грамоте, стали считаться негодными для поступления в семинарии и отсылались обыкновенно назад в дома отцов, но от обязанности учиться все-таки не освобождались. В силу тех же указов и еще раньше их практически утвердившегося обычая с отцов таких неграмотных детей брались обязательства представлять их вновь в семинарию в трехлетний срок уже обученными. Штраф за неисполнение этого обязательства

взимался обыкновенно в возвышенном количестве против штрафа за непредставление детей по вызову на первый смотр, наприм. в троицкой семинарии простирался до 10 р. В тех епархиях, где были готовые славяно-российские школы или оставались русские классы при самих семинариях, неграмотные дети оставлялись для предварительного обучения при них, но так как число таких неграмотных оказывалось слишком велико, то в школы эти принято было включать главным образом сирот и других подобных детей, которые почему-нибудь не имели возможности учиться дома и на свои средства. В некоторых более достаточных семинариях для обучения таких детей даже нарочно открывали русские классы, наприм. Троицкая лавра в 1743 г. открыла у себя такой класс на 20 сирот, не включая их в штатное сотное число учеников семинарии, т. е. сверх штата. Об открытии новых низших школ по округам разных епархий мы уже говорили. Большинство дух. детей по всей вероятности должно было учиться в частных школах при церквях, у разных членов приходских причтов, или при монастырях. Этим частным обучением для распространения грамотности в дух. семействах пользовались по местам и сами епархиальные начальства, когда после смотра представленных в семинарию детей находили нужным вступить в дело обучения неграмотных и указать им самые способы этого обучения. Так при открытии вятской семинарии преосв. Лаврентий известное число неграмотных, сколько было можно, определил в русскую школу при своем доме, остальных же частью возвратил отцам, которые обязались сами учить их, чему надобно, и оказались к тому способными, частью отослал для той же цели к разным искусным в чтении дьяконам и причетникам г. Хлынова, либо в монастыри⁴⁴⁰.

Второе ограничение школьного обучения, состоявшее в определении числа учеников штатами, еще ближе касалось принципа сословной обязательности дух. образования. Штаты постепенно сформировались во всех дух. школах частью на основании прямых указов правительства, как в семинариях невской, новгородской и троицкой, частью путем практическим, будучи вызваны ограниченностью материальных средств в той

или другой епархии. Последнего рода штаты, разумеется, не могли быть так постоянны, как первые, с переменою в количестве материальных средств к содержанию учеников нередко изменялись и сами. Но и те и другие, ограничивая число учеников известною цифрою, необходимо вели за собою устранение от школы множества дух. детей, призывавшихся к смотрам, и таким образом прямо ослабляли принцип обязательности сословной школы для духовенства. При замещении семинарских вакансий архиереи обыкновенно распоряжались сначала определить число учеников казеннокоштных, включая в него более талантливых и более нуждавшихся молодых людей, затем собирали справки, сколько еще новых учеников могут содержаться на собственные средства, причем приходилось собирать самые достоверные справки о доходах их отцов с помощью заказчиков, потому что многие отцы вовсе не желали видеть своих детей в школе и нарочно утаивали свои средства, наконец, определив этим путем и число своекоштных, всех остальных отсылали от семинарии по домам с обязательством непременно приобрести низшую степень образования, какая обыкновенно требовалась от ставленников, т. е. умение читать, писать и петь и знание по букварю краткого катехизиса. Епархиальные начальства при этом озабочивались иногда еще назначением из епарх. духовенства самых лиц, у которых такие непринятые в семинарии дети могли получать требуемое от них образование частным образом, если того желали, или если в том нуждались. Устранение затруднения, производимого семинарскими штатами, этою обязательностью низшего дух. образования и ограничивалось. В некоторых епархиях к обязательному обучению в школах призывались иногда дети одних священнослужителей, а церковно-служительские только от более богатых церквей, как это наприм. было в ростовской епархии⁴⁴¹; этим устранялись хлопоты при собирании справок о доходах отцов. Как много молодых людей должно было вовсе оставаться без школьного образования, можно видеть из нескольких взятых на выдержку известий о числе являвшихся на смотры. Так в вятскую семинарию при ее открытии явилось

до 400 детей, но принято было всего 200, а затем и это число упало до 95; в воронежской семинарии из 130 первоначально явившихся на смотр принято 30; во владимирскую явилось на смотр 862, сколько из них принято не знаем, но судя по максимуму числа учеников в других семинариях, едва ли многим более 200 и т. д. Приведем еще пример из истории холмогорской семинарии, особенно любопытный по своими выразительным подробностям. Семинария эта была одна из беднейших и в начале 1740-х годов при архиепископе Варсонофии, о котором мы уже упоминали, как о недоброжелателе черкасских затей, едва не закрылась. В 1742 г. св. Синод потребовал из епархии ведомостей о том, сколько семинария может содержать учеников на казенном коште, затем сколько найдется учеников, которых отцы могут содержать в ней на свой собственный счет, и наконец, сколько за оным должно остаться детей духовенства без школьного образования, при одном российском обучении. В силу этого указа к концу года составлены были ведомости, по которым первого рода учеников показано в наличности только 8, второго 19, – всего 27; к концу года следовало собрать новых учеников из ребят, умеющих грамоте, от 10 до 15 лет, но принять на казенный кошт ни одного из них было нельзя; поэтому следовало вызвать к учению только таких, которых отцы могли содержать на своем пропитании – таковых оказалось 26 всего-навсего, тогда как всех детей духовенства, подлежащих по летам к вызову в школу, было по епархии 451 человек. Вся эта масса молодых людей должна была следовательно оставаться при одном только славяно-российском обучении. При представлении этих ведомостей арх. канцелярия решила: показанных детей к обучению российских наук, – часослова, псалтири, писать, букваря с толкованием, катехизиса и церковного пения, – раздать по уездам священно-и-церковнослужителям великоприходных церквей (которых сама же и указала), „и которые отцы пожелают взять детей своих в дома для совершенного оных российских наук, кроме катехизиса, изучения, и тех отдавать им учителям на срочное время, смотря по остроте детей учения, а для скорого собрания по всем

уездам оных детей и общего с учителями термина отпуску послать домовых служителей, знающих совершенно оных российских наук, и людей добросовестных, понеже по вышеозначенному указу велено о изучении их с вышеобъявленными обучающимися в доме вашего преосвященства школьники присылать в св. прав. Синод репорты, различая, которые чему в школах и кои чему при церквях обучаются именно". Затем представлен реестр самих священно-и-церковнослужителей разных уездов, при домах которых должны были учиться эти не попавшие в семинарии дети, каждый в своем уезде: „У гор. Архангельского боровской Успенской церкви священник Яков да Воскресенской церкви диакон Никита. В Холмогорах соборный дьякон Филипп, певчий Терентий Шабанин. В Емецком Никольской волости поп Афанасий" и т. д. всех 20 человек; детей с вотчин Соловецкого монастыря велено для обучения отдать в монастырь⁴⁴².

Таким образом, громко провозгласив принцип обязательности сословного образования дух. детей именно в архиерейских школах и на основании этого принципа совершенно осудив прежнее обучение их у отцов и в частных приходских школах, даже, как мы замечали, отнесясь к последним с пренебрежением, духовная администрация в конце концов все-таки пришла к тому, что сама созналась в непосильности принятой на себя задачи и обратилась за помощью и содействием к тем же частным школам. К счастью эти школы, несмотря на все пренебрежение к ним, еще сохранились и продолжали свою невидную, но полезную деятельность, – распространяя грамотность не только в духовенстве, но и в народе, – о котором тогда пока никто еще с этой стороны не заботился. Судьба их впрочем и после была незавидная; при имп. Екатерине II правительство озаботилось об образовании народном и тоже, вместо того, чтобы воспользоваться уже готовыми для того средствами, обратить внимание на организацию старых приходских школ, взялось за дело с обычною у всех наших реформаторов и попечителей народа радикальностью и презрением к истории, стало заводить новые школы по последней западной моде, а старые ломать...

Обращение к помощи приходских школ и домашнего обучения детей допускалось впрочем лишь, так сказать, практически, как некоторого рода исключение из общего правила, вынужденное обстоятельствами; самое правило, принцип обязательности именно семинарского образования, в сознании дух. властей оставалось неприкосновенным. Из просветительной практики разных епархиальных начальств к удивлению нашему узнаем, что с не принятых в семинарию детей духовенства взымались даже штрафы точно так же, как с уклонявшихся от нее произвольно, по нежеланию учиться. Так в одном донесении 1736 г. о казанской семинарии говорится, что „многие священно-церковнослужительские дети, которые посвящены по просьбам к церквам в причет церковный (не бывши в семинарии), другие за малолетством отпущенные в дома отцов своих” платили „в ту семинарию оброчные деньги” по рублю в год⁴⁴³. Вятский архиерей Антоний Илляшевич при имп. Елизавете, как мы знаем, стал сокращать число учеников в семинарии для поправления семинарской экономии, исключив из семинарии до 100 учеников, признанных малопонятливыми или великовозрастными, он обложил при этом всех их денежными штрафами, „смотря по состоянию, кто что понести может”. Еще выразительнее другое его распоряжение, в силу которого „с произведенных им и впредь с производимых попов, дьяконов, также дьячков и пономарей, кои в латинской школе в науках не были, на содержание студентов, каждый год” стали „брать с священников по рублю, с дьяконов по 50 к., с пономарей и дьячков по 25 к. с человека”⁴⁴⁴. Налог этот очевидно был тоже чем-то вроде штрафа за необучение в школе. Такие же штрафы взымались еще с учеников, которые выходили из школ на церковную службу раньше времени, не кончив курса. Основанием для этих последних штрафов служило правило Регламента о том, чтобы вновь принимаемые в академию студенты „давали на себе запись, что до конца учений пребудут под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды”⁴⁴⁵.

Попавший в семинарию совершенно был к ней прикрепляем и должен был выходить из нее не иначе, как по окончании всего

курса и прямо на духовную службу. Семинаристы были в этом отношении чем-то вроде церковных кантонистов, для которых по идее школа духовная и служба церковная были одинаково обязательны и неразрывно между собою связаны, как начало и конец, средство и цель. Известным нам указом 1737 г. было прямо определено: „которые впредь для наук будут определены”, тех не выпускать из школ, „хотя бы кто и совершенно обучился”, до тех пор, пока или сами не отыщут пожелания своим мест, или не будут куда-нибудь определены начальством. Духовное начальство в тех видах, чтобы получившие семинарское образование как-нибудь не растеривались по окончании курса и не уклонялись от обязательной для них дух. службы, само по мере возможности поддерживало выполнение этого правила и заставляло старших учеников семинарии учиться в последнем классе иногда по несколько лет. Наприм. в троицкой семинарии в богословском классе иные учились всего по году или даже меньше, другие же, не успевшие скоро найти места, года по 3, по 4 и даже по 5. Так бывало даже и в тех семинариях, где высших классов вовсе не было. В вятской наприим. семинарии в 1740 г. учеников оставили таким образом в риторике и некоторые из них подняли жалобы, что „за непроизведением в школе высших наук быть им в риторике вельми стало скучно, и в оной школе они все содержатся и токмо лета теряют напрасно”⁴⁴⁶.

Обязательность духовной службы для кончивших семинарский курс прямо вытекала из всего сословного характера семинарии и поддерживалась духовными властями с величайшей энергией. Все семинаристы, за очень немногими исключениями, по окончании курса прямо определялись на церковные места, а некоторые поступали в монахи. Даже из лаврских семинарий, которые были содержимы Александро-Невскою и Троицкою лаврами между прочим в видах образования кандидатов на разные светские службы по лаврским вотчинам, на эти светские службы принято было определять только учеников из детей лаврских служителей, приказных и других разночинцев, а детей духовенства выпускали непременно на духовную службу. О всех церковных

вакансиях в своих вотчинах Троицкая лавра обыкновенно давала знать в семинарскую контору с предложением, не пожелает ли кто занять их из семинаристов; кроме того ходатайствовала за своих воспитанников пред архиереями тех епархий, куда они отправлялись по окончании курса, прося об определении их на священнослужительские места⁴⁴⁷. Сами ученики привыкли смотреть на себя, именно как на кандидатов дух. службы, к которой тянули их и родовые симпатии и характер их семинарского образования. В 1747 г. доступ к церковным должностям был стеснен строгим указом, настойчиво требовавшим, чтобы в священники посвящались имевшие не менее 30, а в дьяконы не менее 25 лет, – и вот какую жалобу подали по этому случаю в св. Синод ученики, кончившие тогда курс в невской семинарии. „Где нам нижайшим правильных лет дожидаться? у родителей или у сродников, но тех большее нас число не имеет. Рукоделием кормиться? но того не обучались. Куплями ли промысляти? но и на две лепты почти у всех нас не наберется. А хотя у одного и другого из нас и родитель сыщется, но и сам он на силу пропитание имеет: как же кормить столь возрастного сына, от которого и сам себе в такие лета надеялся помощи, станет? При семинарии уже ни сяк – ни так оставаться и 30 лет дожидаться вовсе не мочно; ибо и так уже бедственное школьническое житие паче меры наскучило, вне которого, может быть, давно уже иной честное себе заслужил прокормление. И так мы нижайшие, вместо чаятельного за труды 12-тилетные награждения, Бог весть с какою надеждою остаемся. В монахи пострижения нет; в священники без всякого изъятия по 30 лет требуется; в диаконы желаемого прихожаны голосу недостает; в дьячки или пономари стыдно и весьма обидно и, кроме посмеяния от всех, а наипаче от тех, которые за тупостию к учению или другим коим недостатком отставлены от семинарии или и ногою в оной не бывали, и давно по местам таковым определены благополучно себе живут в совершенном жития стане, – больше нет чего надеяться. Как впредь быть и что делать, и сами не ведаем. От чего и тем, которые в классах обретаются, уповательно, что охота к учению крайне ослабеет”. Строгость постановления о

законных летах была впрочем скоро ограничена в отношении ко всем, кончившим курс в семинариях и академиях⁴⁴⁸. Нельзя опускать при этом из внимания и того, что многие, если не большая часть учеников, при тогдашнем обыкновении начинать школьное обучение поздно, уже в изрядном великовозрастии, оканчивали курс в летах совершенно удовлетворительных для посвящения по крайней мере в дьяконы.

Некоторая часть семинаристов, сравнительно впрочем меньшая с числом поступавших на священнослужительские места, преимущественно из малороссийских школ и главным образом в видах учительских должностей, поступали на духовную службу чрез пострижение в монахи. При Анне Иоанновне пострижение их было сильно стеснено сначала указом 1733 г., запретившим постригать студентов без трехлетнего искуса и ранее 30 лет, потом другим 1734 г., которым, кроме отставных солдат и вдовых священнослужителей, вовсе не велено было постригать никого⁴⁴⁹. Указы эти грозили совершенным уничтожением ученого монашества и вызвали горькие жалобы на то, что в ученых монахах стал ощущаться крайний недостаток даже в Малороссии, где ими держались все дух. школы. В 1738 г. правительство сочло поэтому нужным умерить строгость своих указов о пострижении, по крайней мере для Малороссии, где без ученого монашества духовных школ не могли и представить, и снова дозволило там пострижение ученых людей, только с особого на каждый случай разрешения от кабинета министров и Синода⁴⁵⁰. Но под конец царствования в монашестве, как в рядовом, так и ученом, чувствовалось все-таки крайнее оскудение и св. Синод не переставал высказывать серьезные опасения касательно самого его существования⁴⁵¹. По неоднократным его представлениям об этом предмете в 1741 г. дано было наконец довольно широкое разрешение постригать в монашество всех желающих, только с соблюдением прежних штатных определений о числе монахов, а семинаристов и студентов кроме того дозволено освобождать при пострижении и от законного трехлетнего искуса, заменяя последний только шестимесечным⁴⁵². Но указ об этом предмете

действовал весьма непродолжительное время. В царствование имп. Елизаветы, отменившей все распоряжения брауншвейгского правительства, при котором он был издан, он потерял всякую силу и пострижение стало опять производиться на основании указа 1738 г., т. е. только с особого высочайшего разрешения и по указу из св. Синода⁴⁵³. Малороссийские дух. начальства снова стали жаловаться на оскудение ученого монашества и на этот раз, пользуясь особенной любовью императрицы к малороссам, в 1749 г. успели выхлопотать для себя такой указ, который шел совершенно вразрез всему прежнему законодательству о монашестве со времен Петра Великого: этим указом дозволялось постригать молодых людей даже с 17-ти летнего возраста и с разрешения одних только епархиальных архиереев, а в киевской лавре с разрешения одного архимандрита. О великоруссах в этом указе сказано было лишь мимоходом и очень неопределенно: „не постригать никого неволею и ранее 17 лет, особенно из великороссиян, без высочайшего повеления”, вследствие чего он и был относим только к одним малороссам и имел для великорусского монашества очень невыгодные результаты, о которых правительство узнало уже в 1761 г. В сентябре этого года издан был новый указ, распространявший силу первого и на великорусские монастыри. Ее величеству, говорилось в нем, известно учинилось, что с 1749 г. пострижение в монахи в великороссийских монастырях совсем оставлено затем, будто бы в указе 1749 г. постригать великороссиян не велено, между тем „такое высочайшее повеление не для другого какого намерения воспоследовало, как только дабы годные в службу и мужья от живых жен и жены от живых мужей, також несвободные и младолетные по принуждению родителей и родственников постригаемы не были; того ради” и проч., – дозволено постригаться всем желающим с разрешения одних архиереев, а в Синод велено представлять годовичные ведомости о постриженных для сведения⁴⁵⁴. После этого указа свобода пострижения на непродолжительное время стеснена была указом Петра III 1762 г.⁴⁵⁵, но с восшествием на престол Екатерины II снова восстановлена.

Духовные начальства в интересах духовной службы чрезвычайно дорожили кончившими в семинариях полный курс и употребляли все старание, чтобы удерживать учеников в школах до конца; с этою целью право увольнения учеников от учения архиереи постоянно старались удерживать исключительно в своих собственных руках, не доверяя в этом случае ни ректорам, ни семинарским конторам⁴⁵⁶. Закон по-прежнему позволял увольнение молодых людей из школы раньше конца курса только в крайних случаях, когда ученик или крайне туп, или ленив и дурного поведения, и требовал, чтобы оно сопровождалось для уволенных исключением их из самого духовного сословия⁴⁵⁷. Но разные настоятельные нужды, встречавшиеся в практике епархиальных властей, невольно заставляли их отступать от выполнения таких суровых требований, увольнять от школы не одних только никуда не годных учеников и не для только отдачи их в солдаты или записи в подушный оклад, а также и притом большею частью для церковной же службы. Само правительство сознавалось, что того долго ждать, когда явится возможность замещать церковные вакансии одними учеными людьми, и в виду чрезвычайного множества этих вакансий после разборов позволяло ставить в священнослужительские должности даже вовсе неученых, за одно доброе житие. Понятно, что какой-нибудь уже достаточно возрастной ритор во всяком случае был лучшим кандидатом на священнослужительскую должность, чем вовсе не учившийся в школе церковник. Когда открывалась церковная вакансия, в семинарию нередко нарочно посылались предложения, не пожелает ли кто занять ее из учащихся. Даже в московской епархии в священники сельских приходов могли поступать академисты прямо из пиитики. На наследные священнические места посвящали риторов в самой Москве, хотя общий порядок, принятый там в руководство при производстве в священнослужительские степени, требовал, чтобы на эти места в столице посвящались только богословы и философы, а риторы лишь на дьяконские⁴⁵⁸. В некоторых особенных случаях дело доходило до того, что вследствие такого преждевременного посвящения учеников высшие классы

семинарии совсем пустели; наприм. в 1756 г. в трех высших классах псковской семинарии не осталось ни одного ученика, потому что в епархии было слишком много при церквях вакансий, а в 1755 г. прислан был высочайший указ заместить эти вакансии в возможно скорейшем времени⁴⁵⁹. Кроме замещения священнослужительских вакансий, множество учеников увольнялось из семинарии для определения на церковнические должности; должности эти были обыкновенным уделом исключенных из низших классов.

С течением времени, вследствие большего наплыва учеников в семинарии и недостатка средств к их содержанию, заставлявшего архиереев прибегать к сокращению семинарских штатов, исключение учеников стало производиться все чаще и все в больших размерах. Понятно, что оценка ученических успехов при этом естественно становилась гораздо взыскательнее, чем на первых порах существования дух. школы, когда, по требованию Регламента, тупого ученика до исключения нужно было испытывать целый год, чтобы не обмануться тупостью притворной, а злонравного столько же времени предварительно исправлять, чтобы окончательно убедиться, что он действительно „детина непобедимой злобы”. Исключались не одни никуда не годные юноши, а просто только сравнительно менее талантливые, иногда даже только менее состоятельные, которые не могли содержаться в заведении на свой счет, а на казенный не попали за излишеством. К этому присоединялись еще разные семейные расчеты самих отцов, желавших уволить своих детей от учения и обращавшихся о том с просьбами. Вся эта масса уволенных, если не попадала неожиданно под разбор, и расходилась затем по низшим церковным должностям.

Епархиальные начальства, допуская эти случаи преждевременного увольнения учеников в силу практической необходимости, все-таки старались выдержать принцип обязательного и полного обучения дух. детей в школах посредством наложения на уволенных штрафов или оброков, как на нарушителей закона, хотя бы в таком нарушении они не были лично виновны ни душой, ни телом. Штрафы,

рассказывает автор Истории нижегородской и рязанской семинарии, собирались „с детей за увольнение их за урослием, за непонятием и за всякими неспособностями. Отец брал неспособного к учению сына домой, иногда при самом вступлении в школу, иногда по истечении некоторого времени, и за это вносил за него ежегодное количество денег. По определении к месту сам уволенный от школы должен был платить за себя каждый также год штрафные деньги. Из сего оброка, как значится в бумагах, выключались только за совершенством лет, за скудостью и за пожарным разорением”⁴⁶⁰. Мы упоминали уже, что в вятской епархии архиерей Антоний обложил таким оброком или штрафом в пользу семинарии даже всех вообще духовных лиц, получавших при нем посвящение без предварительного обучения в школе. Количество этих оброков вполне зависело от усмотрения архиерея и в разных епархиях для разных лиц было разное. Вследствие почти общего тогда нерасположения духовенства к школе увольнение учеников на оброк, разумеется, не обходилось без злоупотреблений. Между дух. отцами было слишком много таких, которые желали бы поскорее видеть своих детей „в совершенном жития стане” без излишней потери времени на латинское учение, а между детьми еще более „паче меры скупавших от бедственного школьного жития”. Как только архиерей выпускал это дело из своих собственных рук, так и начинались разные подкупы семинарского начальства, увольнение мальчиков талантливых, которых следовало бы непременно удержать от выхода из школы, и другие злоупотребления⁴⁶¹. Поэтому, кроме штрафов, архиереи старались затруднить дело увольнения семинаристов еще разными справками об их успехах, семейных обстоятельствах и т. п., а главное постоянно держать это дело в зависимости от своего собственного усмотрения. Любопытно, что, привыкнув к поборам от второстепенных семинарских и епархиальных начальств, духовенство являлось откупать своих детей от школы деньгами и к самому архиерею, может быть смотрело с такой точки зрения и на самые оброки и штрафы. В 1748 г. один священник воронежской епархии подал наприим. такую

челобитную архиерею Феофилакту: „Пожалуй, архипастырь Божий, преосв. владыко, повели от школы отпустить сына моего Матвея в Ольховатовку ко храму Введения Богородицы дьячком и выдати из своей архиерейской крестовой палаты указ и освятити в стихарь. Прошу слезне вашего архипастырства и от своего убожества преосвященству вашему рублей 20 кланяюсь”. Архиерей велел консистории деньги принять с выдачей просителю квитанции и употребить на семинарские расходы, а об ученике Матвее навести надлежащие справки. По справкам оказалось, что он обучался в третьей школе, в грамматике, но точию за разными болезнями учил оную тупо. После этого его вероятно уволили в Ольховатовку⁴⁶². Не надеясь преодолеть все затруднения при увольнении законным порядком, некоторые, желавшее поскорее пожить в совершенном жития стане, уходили из школы самовольно и при помощи подкупов, обманов и др. средств сами втирались на дьячковскую службу; но такие ученики считались уже беглыми и подвергались особому рода наказаниям, о которых речь впереди...

Всего неприятнее и невыгоднее для духовного ведомства были частые вызовы учеников духовных школ в учебные заведения светского ведомства или прямо на разные роды государственной службы. Вызовы эти одинаково нарушали и принцип обязательности полного семинарского образования в дух. ведомстве, и принцип обязательности для духовных воспитанников церковной службы, потому что вызванные таким образом молодые люди в свое прежнее ведомство потом уже не возвращались. Интересы дух. ведомства в этом случае резко сталкивались с интересами государственными: тогда как первое естественно старалось замкнуть всякий выход из своих школ на все посторонние для него службы, настоять на строгом выполнении их специального назначения исключительно в пользу службы церковной, ради интересов которой и предпринимались все эти материальные затраты и все эти заботы, каких они стоили, государство напротив, не менее церкви нуждаясь в образованных людях, заботилось только о том, чтобы замкнуть один доступ в эти школы для людей посторонних ведомств, выход из них на посторонние,

государственные службы сделать свободным. Как мы видели, оно охотно допускало запрещение принимать на светскую службу духовных детей и церковников еще до поступления их в школу, т. е. людей худших, которыми не очень дорожило и само духовное ведомство, но никогда не отказывалось от права принимать в эту службу детей духовенства, которые уже побывали в духовной школе⁴⁶³, т. е. таких, на которых дух. ведомство возлагало свои самые лучшие надежды и которые составляли лучшие его силы. Само собой понятно, что перевес в этом столкновении духовного ведомства с государством оставался всегда на стороне последнего.

От этих вызовов учеников в светское ведомство чаще всего приходилось терпеть тем дух. школам, которые были в столицах и поблизости их. Ректоры московской академии не переставали жаловаться св. Синоду, что светские школы постоянно отнимают у них студентов. Вот одна такая жалоба ректора Стефана Калиновского по случаю присланного в 1735 г. вызова студентов в академию наук: он писал, что из учеников „немногие доходят до богословия: ибо инии посылаемы бывают в Санкт-Петербург для обучения ориентальных диалектов и для камчадальской экспедиции, инии в Астрахань для наставления калмыков и их языка познания, инии в сибирскую губернию с д. ст. сов. В. Татищевым, инии в оренбургскую экспедицию с ст. сов. Иваном Кирилловым, инии же берутся и в московскую типографию и в монетную контору, мнозии же и бегают, которых и сыскать невозможно, еще же суть, что и по разным приказам принимаются, а искомии укрываются, а от другого вопрошены, отчего бегают, говорят, искать де места и хлеба за времени, понеже де мало видим тех, которые по совершении течения наук своих угодное пристанище получают; а что паче всего есть, что некоторые ученики по многотрудных в фаре, инфиме, грамматике, синтаксисе, чрез 2, 3 и 4 лета около их тщаниях и прилежностях, в пиитику уже, риторику и философию поступят, а остроумнейшие и надежнейшие покажутся, тотчас московские гошпитали учениками, яко своими друзьями, понеже из московских же латинских школ туды переведенными, для довольнейшего, честнейшего в госпитали, нежели в академии,

ученического состояния и содержания, удобно наговорены, повсягодно в московскую гошпиталь определяются и отсылаются, а в московской академии почти самое остается дрождие”. Св. Синод распорядился отпускать в госпиталь учеников не из детей духовенства, а из разночинцев, и притом таких, которые ушли не дальше синтаксимы, а из высших школ студентов не отпускать. Кроме того академия старалась сбыть туда учеников похуже, так что госпиталь иногда возвращал их назад⁴⁶⁴. Только такими мерами и оставалось поддерживать себя бессильному духовному ведомству. Медицинская профессия всего более отнимала у него ученых молодых людей, а между тем за интересы этой профессии стояло само правительство. В указе следующего 1736 г. о разборе духовенства, где настойчиво проведена мысль, что из дух. сословия только и есть один выход, – в подушный оклад да в солдаты, вдруг ни с того ни с сего читаем: „а из славяно-греко-латинской академии учеников по прежним указам определять в хирургическую науку, а из той науки достойных в полки в лекари, как и наперед сего чинилось”⁴⁶⁵.

С 1735 г. вызовы дух. воспитанников в академию наук не прекращались. По первому вызову между прочим был послан в академию знаменитый Ломоносов. Впоследствии, будучи уже профессором, он предлагал академии просить сенат о дозволении выбирать к слушанию лекций при академическом университете студентов из семинаристов, особенно из невской и новгородской семинарии, и выставлял это мерой в высшей степени полезной для русского просвещения⁴⁶⁶. Воспитанники дух. школ действительно до такой степени были необходимы для академической гимназии и университета, что до прибытия их из семинарии академия наук не открывала своих годовых курсов. Мысль Ломоносова нашла себе осуществление в 1747 г. при учреждении академического университета. На основании регламента академии наук, утвержденного тогда же, президент академии граф Разумовский обратился в св. Синод с представлением, что в канцелярии академии за благо рассуждено вызвать в университет 30 воспитанников из семинарии невской и новгородской и из московской академии,

из каждой по пропорции. Св. Синод распорядился учеников требуемых выслать, по 10 из каждого из упомянутых заведений, но выбрать для этого нужное число не из детей духовенства, воспитывающихся в надежду священства, а из детей разночинцев, и только за крайнюю нуждою из детей причетнических. В Москве, где учеников академии было до 400, и в Новгороде, где в семинарии по штату было 200 воспитанников, вызов из академии наук не встретил препятствий, но петербургскую семинарию, где было только около 70 учащихся, привел в затруднение. Петербургский архиепископ Феодосий просил св. Синод, нельзя ли набрать в академию учеников из какой-нибудь другой семинарии за малолюдством невской: „студенты, которые слушают богословие, в богословских лекциях далеко произошли и летами уже не молодые; человек 17 мальчиков, которые обучаются грамматике, почти токмо еще на апробации содержатся и к выбору не годятся: и так только те, которые в пиитике и риторике (ибо сего года философия в александроневской семинарии не преподается, потому что не доспели еще ученики как летами, так и учением к слушанию оных) находятся, человек с одним тридцать к выбору могли бы быть представлены, да и они нужны для епархии”. Св. Синод распорядился было по этому представлению выбрать из невской семинарии только пять воспитанников, а остальных 5 вызвать из семинарии смоленской; но Разумовский настаивал на своем и не без колкости писал Синоду, что он мог бы и всех 30 человек взять из одной невской семинарии, но пожалев ее, распорядился сделать вызов из трех школ, чтобы ее не отягчить, а в заключение пригрозил, что в случае дальнейшего упорства и оттяжки дела доведет обо всем до сведения ее величества. В том же тоне он послал письмо и к архиепископу Феодосию, внушая ему, что вызов учеников произведен по высочайшему именному указу и что в государевых делах отсрочки делать не годится. Уступая необходимости, св. Синод предписал исполнить требование академии, но разрешая выбрать 10 человек из невских семинаристов, все-таки поспешил при этом по возможности смягчить эту потерю нужных

людей тем, что велел произвести выбор по крайней мере из семинаристов. не посвященных в стихарь, потому что посвященных, „яко уже на степень священного церковного причта молитвами, с призыванием Духа святого, в церкви при народном собрании возведенных, от церкви св. отрешать и в помянутый университет, яко к светскому делу требуемых, отдавать не подобает”⁴⁶⁷. – С 1755 г. из дух. школ начались вызовы в новый московский университет, который тоже преимущественно стал наполняться учениками обеих академий и семинаристами.

Между тем в том же 1755 г. духовная администрация снова была обеспокоена вопросом об уходе духовных воспитанников в медицинскую науку и службу. Мы видели, что в 1735 г. св. Синод решил этот вопрос распоряжением посылать в эту науку учеников из разночинцев. Распоряжение это было подтверждено еще раз в 1754 г. по случаю вызова студентов в медико-хирургическую академию. Но дух. школы, развиваясь в своем сословном духе, с течением времени все менее и менее принимали к себе детей недуховного происхождения. Разночинцы исчезли даже из московской академии и еще в 1748 г. доктор Блюментрост, как мы видели, задавал вопрос, откуда же ему брать учеников в госпиталь, так как детей духовенства вызывать для этого из академии не дозволялось. Тот же вопрос задала теперь и медико-хирургическая академия и просила св. Синод дозволить поступать в медицинское учение не одним разночинцам, но и детям духовенства. Синод отвечал ей на это решительным отказом „для некоторых, как он объяснял, указных и настоящих резонов”. Академия, крайне нуждаясь в студентах, такой неопределенной отговоркой не урезонилась и стала настаивать на более выгодном для себя решении важного вопроса. В 1756 г. из канцелярии ее последовала в Синод новая просьба, в которой, указывая на настоятельную потребность умножения медицинских знаний в России, она просила выслать по крайней мере человек 50 семинаристов из разных епархий. В св. Синоде наконец решили: ради крайней потребности в русских медиках отпуск семинаристов в медицинскую науку дозволить, но отпускать все-таки не всех, а кои в священстве и

в прочем церковном причте быть не похотят и пожелают сами обучаться медицинской и аптекарской науке, откуда и сколько человек в то пятидесятое число можно, по усмотрению архиереев и ректоров⁴⁶⁸. Желających в медицинскую и в др. светские науки находилось всегда довольно, потому что с развитием замкнутости духовного сословия это был единственный честный и выгодный выход из него для всех, кто чувствовал себя нерасположенным к духовной службе.

Нам остается сказать о случаях самовольного выхода учеников из школы, выражавшихся в форме бегства, против которого семинарские и епархиальные начальства вооружались всеми карами, какие находились в их распоряжении. Несмотря на все страхи, бегство от учения доходило в семинариях до каких-то повальных размеров, о которых теперь даже трудно составить понятие, так что удерживать учеников в школе было едва ли еще не труднее, чем набирать их вновь. В историях разных семинарий находим наприм. такие известия. В псковской семинарии в 1741 год из 253 учеников беглых числилось 24, в 1742 – 30 человек, в 1744 – 60, которых и отыскать не могли⁴⁶⁹. В воронежской семинарии по одной ведомости 1746 г. из 102 учеников бегали 41, некоторые вторично и в третий раз; в 1748 г. из 29 человек в бегах значилось 7, а в следующем 1749 году, только лишь собрано было 35 учеников вновь, как весной, во время Пасхи, бежало из них 30 человек, вследствие чего пришлось остановить самое учение; в последующие годы, благодаря строгим мерам, предпринятым против беглых и их отцов, бегство значительно уменьшилось, но все еще существовало в очень почтенных размерах – так, в 1751 г. из 24 учеников в бегах показано 6, да 5 человек отмечены часто отлучавшимися от школы, т. е. бегавшими, так сказать, по мелочам; об одном из них замечено, что он „от школы неведомо на какие промыслы часто отлучался”⁴⁷⁰. В тверской семинарии в начале ее существования был такой случай: в мае 1732 г. несколько учеников отпущено было на вakat, но вместе с ними разбежались по домам и остальные; прошло лето, прошла и осень, а в семинарию ни из отпущенных, ни из бежавших никто не являлся, наконец уже 15 декабря учитель Евдокимов донес

об этом событии архиерейскому приказу, причем представил список одних только отпущенных, а о бежавших показал, что он их не знает, кто были такие, потому что во время отпуска, когда они бежали, так вероятно утащили у него с собой и все ученические списки⁴⁷¹. В вятской епархии по смерти ревностного поборника просвещения и основателя хлыновской школы Лаврентия ученики толпами побежали из нее по домам, так что в 1737–1739 г. она оставалась почти совсем пустая⁴⁷².

Одной из важнейших мер к отвращению такого бегства служило заграждение для беглецов доступа к причетническим должностям, к которым они обыкновенно стремились. Мы знаем что мера эта прилагалась и к тем детям духовенства, которые вовсе уклонялись от школы, но знаем также, как она плохо исполнялась на деле вследствие долгой почти полной независимости церковнических мест от епархиальной власти. Беглый ученик тоже мог довольно легко сделаться церковником, особенно если имел возможность выждать время, когда об его бегстве забывали при кафедре, – в этом случае он мог даже надеяться на получение указа и зачислиться в действительно-служащие дьячки. На указанную меру поэтому мало надеялись духовные начальства и старались обыкновенно накрывать беглецов как можно скорее, по свежим следам. Когда счастливо удавалось их уследить, тогда их не спасало уже и дьяконство, на которое они иногда поступали. В 1744 г. в Троицкой лавре возникло дело о троих таких беглецах, успевших уже заявиться в духовную дикастерию для получения указов на церковнические места и для большего успеха заручившихся подложными увольнительными документами из троицкой канцелярии. Приказный и повытчик канцелярии показали, что эти ученики высланы в дух. дикастерию по указу императрицы. Показание по справкам оказалось ложным и над виновными разразилась гроза: с приказного велено взять 100 руб. штрафа в пользу семинарии, повытчик определен в конюхи, а учеников уволили с худыми рекомендациями, которые тогда вели за собою запись в подушный оклад или солдатство⁴⁷³. Встречаем известия, что епархиальные начальства отыскивали своих беглых учеников даже по канцеляриям на светской службе. В

1750 г. в воронежской консистории допрошен был об одном беглом школьнике отец его соборный дьячок и показал, что сын его успел уже определиться копиистом в московскую дворцовую контору. Архиерей воронежский Феофилакт немедленно донес об этом св. Синоду и просил для удержания от побегу прочих домовой его семинарии студентов, помянутого беглого студента в помянутой дворцовой конторе сыскать и в семинарию возвратить, а от оной дворцовой конторы, по какому указу приняла она беглого студента, взять правдивый ответ и решение учинить по указам и государственным правам. Удовлетворена ли была такая решительная просьба, неизвестно⁴⁷⁴.

Ответственность за беглых учеников возлагаема была на все епархиальные власти, на духовные приказы или потом консистории, на дух. управителей и заказчиков, и на семейства самих беглецов. В 1742 г. псковский архиерей Стефан в своем указе консистории писал: „беглых учеников консистории в скором времени отыскать и представить в школы без всяких отговорок, иначе она будет оштрафована за потворство, по которому она, несмотря на неоднократные подтверждения его преосв-ва, допустила более 30 человек жить в бегах; значащихся в ведомостях больными призвать в дух. консисторию и вместе с ректором и префектом, приглася лекаря, освидетельствовать и о последующем за рукоприкладством свидетельствовавших отпрапортовать его преосв-ву; без ведома его преосв-ва ни этих учеников, ни имеющих поступить, хотя бы и за болезнью, не отпускать под опасением штрафа”⁴⁷⁵. Когда в 1749 г. воронежская семинария совсем было опустела от бегства учеников, Феофилакт воронежский задал консистории сильный нагоняй. „Узнав, писал он, что в семинарии не осталось ни одного человека, приказали мы нашей консистории прислать нам правдивый ответ, чего ради в домовой нашей семинарии учеников не обретаются и кем распущены или же бежали, и о тех бежавших от учителя Оранского в подаче в консистории репорты имеются ли и по тем репортам оным ученикам каковой о том консистории сыск был и для чего донесе та наша дух. консистория о помянутой

семинарии к нам не рапортовала и смотрение своего о том о той семинарии не имела, а пока помянутый ответ (будет прислан), также и все ученики в семинарию будут собраны и в действительное учение вступят, за слабое духовной консистории присутствующих смотрение, тем присутствующим быть в той консистории неисходно, правящего же секретарскую должность канцеляриста, ключаря и канцеляриста, у которого о той семинарии дела имеются, содержать в той консистории под караулом скованных без выпуска”⁴⁷⁶. В отыскании беглых консистория участвовала или сама чрез нарочных сыщиков из своих служителей, или чаще всего поручая это дело ближайшим окружным властям, местным духовным правлениям и заказчикам.

Разыскивание беглых составляло неременную обязанность заказчиков, о которой постоянно писалось в их инструкциях с разными угрозами за неисправность, наприим.: „а ежели твоим небрежением и несмотрением, паче же понаровкою будут оные школьники жить в домах своих под укрывательством отцов их и не высланы в школу и от того в сыску их, в послании указов и нарочно посланных произойдет архиерейскому дух. приказу затруднение, и за то позван ты будешь к ответу и жестоко наказан неотменно”⁴⁷⁷. Наказанием за неисправность было для них лишение должности и денежные штрафы, наприим. в вятской епархии до 3 рублей⁴⁷⁸. Заказчики ловили беглых во время своих объездов по заказам или же поручали это другим лицам. Так, в петербургской епархии, получив указ из консистории о беглом ученике своего заказа, заказчик подговаривал к поимке его какого-нибудь мужика или солдата, давал ему инструкцию и отправлял в то село, где проживал беглец; посланный являлся на место incognito, где-нибудь выслеживал ученика и, связав веревками или сковав, на ямских подводах вез его прямо в консисторию⁴⁷⁹. Кроме заказчиков, ловлей семинарских беглецов обязаны были также монастырские власти в своих вотчинах. Вот один указ касательно этого предмета, посланный вятским архиереем Лаврентием, в 1735 г. властям Пыскорского монастыря и заключающей в себе между прочими любопытные указания на самый характер этой ловли беглых учеников: „Как

вы сей его преосв-ва указ получите, и вам бы, ежели того монастыря и вотчин священно-и-церковнослужительские дети, имеющиеся в доме его преосв-ва, из греко-латинской школы побегут и в дома отцов своих придут, и их тотчас имая за караул, стегати жестоко и высылати в дом его пр-ва так, как беглых рекрут, скованных, в колодках, за караулом, при доношении своем, с отцами их в самой скорости; а ежели отцы их тех детей своих, бежавших из учительской школы, станут в дом к себе принимать или под укрывательством в домах свойственников или чужих будут держать, и за то оных отцов их отлучить, – попов и диаконов от священнодействия, а церковных, причетников и просвириц и сторожей от мест их и доходу им никакого не давать, а детей их по тому же скованных в колодках неотложно присылать” и проч.⁴⁸⁰. Кроме нарочных из консистории, дух. правлений и от заказчиков, посылались за беглыми нарочные из самых школ. Встречаем примеры посылки за ними семинарских учителей и даже учеников; в упомянутой инструкции отправлявшимся на вakat ученикам воронежской семинарии о проверке по епархии всего духовенства в исправности несения ими школьных повинностей между прочим, есть пункт и о ловле беглых учеников. Наконец довольно живое участие в этой ловле принимала и светская полиция, потому что беглецы нередко попадались в противозаконном бродяжничестве и разных беспорядках⁴⁸¹. Рассылка нарочных и все издержки по доставке учеников в семинарию производились на счет отцов и вообще укрывателей беглецов, что составляло для них весьма чувствительное наказание.

Кроме временного запрещения от службы, лишения доходов и издержек на отыскание и доставку беглых учеников, отцы их или родственники за держание их у себя подвергались штрафам рубля в 2, 4, 5, 7, смотря по продолжительности укрывательства и по усмотрению начальства. Некоторые отцы в своем потаковничестве детям и в своем нерасположении к школе доходили до того, что не только содействовали беглецам в укрывательстве от заказчиков и рассылщиков, но даже прямо слушались указов и не хотели выдавать своих детей силою; тогда их самих везли в консисторию на расправу. Большею

частью впрочем они и без подобного ослушания забирались вместе с детьми в епархиальный город для того, чтобы отвечать при консисторском следствии о бегах в качестве пристанодержателей⁴⁸². Дело редко обходилось при этом и без телесного наказания, которым угрожали им архиерейские указы. Для такого наказания виновных, не только церковников, но и священников, в консистории иногда нарочно собираемо было все духовенство епархиального города и экзекуция производилась в его полном присутствии, чтобы все возымели должный страх и на такие же вины не отваживались⁴⁸³. Едва ли не самым страшным и чувствительным наказанием за детей для отцов был арест при архиерейском доме или при консистории, который продолжался большею частью немалое время, стоил им многих нравственных страданий в разлуке с своими семьями, сопровождался разными унижениями и оскорблениями, каким обыкновенно подвергались тогдашние колодники, останавливал все их домашние дела по хозяйству и доходы по должности, а между тем стоил немалых издержек на проживание в тюрьме и убогостворение разных административных лиц, и потому иногда совсем их разорял. В указах писалось: взять таких-то священно или церковнослужителей за держание у себя беглых ребят в консисторию, а за наемные подводки деньги доправить с них же и отдать подводчикам, а ежели кого из них в домах не найдут, то брать таким же порядком в консисторию, кто попадется из домашних или кто домом владеет; по привозе в консисторию отдать их под караул недельным сторожам с повелением из-под караула без указа никуда их не выпускать до тех пор, пока не заплатят всех издержек и положенных штрафных денег, а если сами беглые ребята еще не отысканы, то до тех пор, пока оных беглых не представят. Некоторые колодники – священники отпускались впрочем в свои приходы на время, на праздники Рождества и Пасхи, под строгим письменным обязательством после праздника снова явиться в консисторию под караул⁴⁸⁴. После неоднократного повторения подобных строгостей над духовенством оно с течением времени само начинало поскорее

сбивать беглецов с рук, чтобы с ними не попасться в беду, и даже иногда ловить их, вязать и представлять в консисторию⁴⁸⁵.

Сами беглецы подвергались суровым телесным наказаниям и даже по несколько раз за одну вину. Как мы видели из указа вятского архиерея пыскорскому монастырю, на их проступок смотрели, как на уголовное преступление, а самих их сравнивали с военными дезертирами. Поэтому наказание их не ограничивалось стенами школы и школьными карами, а производилось по присутственным местам. Иногда их „стегали жестоко“, как сказано в том же указе, еще низшие власти, поймавшие их, где-нибудь в дух. правлении или в монастыре, прежде сдачи в консисторию. После сдачи в консисторию и рассмотрения дела судебным порядком следовала обыкновенно одна и та же резолюция: „наказать нещадно плетью пред дух. консисториею и отослать в школу с распиской,“ или с видоизменением: вызвать в консисторию всех учеников и учинить наказание в их присутствии чтобы другим так поступать было неповадно⁴⁸⁶. Сами семинарские педагоги смотрели на беглецов с той же уголовной точки зрения, а потому пойманным не легко доставалось расплачиваться за свою вину и в том счастливом случае, когда помимо консистории и дух. правления, без особенного суда и следствия, они доставляемы были прямо в школу на ее собственную расправу.

Несмотря на все ужасы этих экзекуций, бегство учеников продолжалось почти неослабно во все описываемое время. „Бедственное школьническое житие“, надоскучив паче меры, заставляло их забывать все опасности жития в бегах и предпринимать для своей свободы самые рискованные средства, на которые, по замечанию автора Истории владимирской семинарии, теперь может решиться разве редкий осторожный. Не обременяя внимания читателя множеством фактов, относящихся к этому предмету, из исторических очерков других семинарий, ограничимся несколькими известиями из сейчас упомянутого сочинения о владимирской семинарии. Не можем не заметить здесь кстати, что перед всеми другими сочинениями этого рода оно отличается особенным обилием и

редким мастерством в изображении живых и типических черт нашего старого семинарского быта, между прочим и наших семинарских бегунов.

Весной 1761 г. бежал из семинарии ученик грамматики Иван Тимофеев, мальчик лет 13, тихий и скромный сирота, сын одной вдовой владимирской дьяконицы. Он не выдержал разлуки с своей матерью, к которой его не пустили даже в светлый Христов праздник; протосковав первые два дня Пасхи, на третий он вдруг без спроса явился в свой дом. Зная, как строго поступают с беглыми, мать к вечеру сама отвела его в семинарию с слезной просьбой пощадить ее мальчика. Суровые педагоги не обратили на эту просьбу никакого внимания, мать прогнали с ругательствами, которых она вовсе не заслужила, а сына жестоко высекли, заковали в железа и посадили в семинарскую тюрьму. Здесь он просидел целый месяц; на другой месяц вздумали его облегчить тем, что сняли у него с желез тяжелый замок и перевязали их веревками, но конца мучениям все-таки не предвиделось и ученики стали поговаривать между собой, что с Тимофеевым что-то неладное делается. Вдруг 12 мая арестант пропал неизвестно куда; искали его у матери и не нашли. Спустя несколько времени открылось дело очень плачевного свойства. В консисторию подано было прошение городского попа Якова Федорова, в котором было прописано, что в ночь на 12 число у него была украдена лошадь и что с этой лошадью в одной деревне владимирского уезда был пойман беглый семинарист Иван Тимофеев, прежде неоднократно у него бывавший по знакомству его попа с его Ивановыми родителями. Беглеца снова заковали в кандалы, посадили в тюрьму уже консисторскую, в которой он по обычаю должен был и содержаться на свой кошт, т. е. на счет бедной вдовы матери, и подвергнули строгому формальному следствию, как уголовного преступника. Замечательно, что учителя семинарии на запрос консистории дали об нем очень хороший отзыв. Показания самого Тимофеева были чисто детские и самым характером своим устраняли юридическую точку зрения, с какой на его проступок упорно смотрели тогдашние консисторские судьи. Он

показал, что воспользовавшись снятием у него с кандалов замка, ночью бежал из семинарской тюрьмы на двор о. Якова, спрятался на сеннице и проспал там целый день, а ночью схватил у него на дворе лошадь, сел на нее и ускакал за р. Клязьму, чтобы поскорее удалиться от Владимира; украсть эту лошадь намерения не имел, а хотел только доехать на ней до с. Палищ к священнику дяде, у которого надеялся приютиться, и потом пустить оную лошадь к о. Якову обратно, сама де дойдет до дому. Он рассказал также при этом историю своего путешествия, как для утоления голода просил у крестьян милостыню, как ночевал две ночи среди леса, не спускаясь со спины лошади, чтобы не съели волки, как боялся проезжать по деревням, чтобы не схватили мужики; оставалось уже недалеко и до Палищ, как отуманенный радостью скорого спасения от всех тревог у дяди, он забыл свою осторожность – поехал прямо через деревню Гришинскую; тут его и схватили, приняв за конокрада, связали и представили к попу Якову, а Яков в консисторию. Выслушав это показание, консистория привела к делу справки из Регламента и указов о сдаче негодных семинаристов в солдаты или оклад, этого мало, – по обвинению его в воровстве обратилась к Уложению Алексея Михайловича и подвела мальчика под 9 пункт 25 главы, где велено татя пытать и за первую татьбу, каковою признана покража Тимофеевым лошади, бить виновного кнутом, отрезать ему левое ухо и посадить в тюрьму на два года в кандалах, а затем сослать в украинные города. Для исполнения этого приговора Тимофеев и был затем сдан в провинциальную канцелярию.

Приводим еще другой рассказ, который выразительно показывает и то, как сильна была у учеников жажда свободы от семинарского жития, и то, как дорого стоило их бегство как им самим, так и их родителям, обязанным за них отвечать перед начальством. В конце января 1760 г. пропал из владимирской семинарии ученик инфимы Дубровский. К нему только лишь перед этим приезжал его отец, – священник из г. Арзамаса; во время свидания расспрашивал сына об истязаниях, каким он подвергался в семинарии, поплакал над ним, хотел было отпросить его у начальства к себе домой отдохнуть, но, получив

грубый отказ, с горестию покинул Владимир и отправился восвояси. Консистория, получив донесение о побеге инфимиста, тотчас же послала о поимке его указы в арзамасское дух. правление, к отцу и родственникам беглеца, дала знать об нем с описанием его примет и в провинциальную канцелярию. Прошел февраль, а об нем не было ни слуху, ни духу. Отец был, разумеется, сильно встревожен полной неизвестностью об его участии в такое время, когда без средств и порядочной одежды мальчику легко было погибнуть от мороза и голода, а тут на него вдруг еще опрокинулись беды от начальства, которое было уверено, что он держит сына тайно при себе, иначе беглецу негде деваться такое долгое время. Стали посылаться к нему грозные указы о высылке сына, приезжал на его счет нарочный пристав, обшарил весь дом и донес, что означенного школьника у отца действительно нет. В неизвестности о судьбе пропавшего беглеца прошло затем целое лето. К осени несчастного священника вызвали во владимирскую консисторию и серьезно принялись допрашивать о сыне, потому что на него подан был его врагами донос, что он в самом деле прячет сына у себя. Отрицательным ответам его, разумеется, не поверили и посадили его в тюрьму с угрозой, если не выдаст сына, лишит должности. Целых три с половиной месяца высидел он в этой тюрьме на своих харчах, в полной неизвестности о сыне, в страшном беспокойстве об оставленной семье и в тревоге от предстоящего лишения места; уже к концу 1760 г. ему удалось вымолить себе отпуск домой на праздник Рождества, после чего его, кажется, уже не тревожили. Прошло еще 11 месяцев, когда наконец, в последних числах ноября 1761 г. отыскался беглец Дубровский и самим отцом был представлен в арзамасское дух. правление, а отсюда под караулом препровожден в консисторию. На допросе он рассказал самую плачевную историю своего странствования по разным селам и деревням, которых по именам и припомнить не мог. Кормился он по всей дороге Христовым именем, называя себя сиротою; ночи проводил, где Бог привел, – если не пускали в избу, так спал на гумнах, на которых зимой по целым ночам дрог, забившись в солому, одевался в отрепья своего изношенного тулупа, а

обувался в выпрошенные Христа ради лапти и онучи. Таким образом плутая по разным местам много месяцев, добрал он до тамбовской губернии, где в одном уездном городе жил у него дед, посадский человек Сорокин. Дед этот приютил его у себя и держал недель 10, пока как-то не проведал про его самовольное бегство из семинарии. Страх перед утайкой беглого так был велик, что сердобольный старик, как только узнал, кого держит у себя, сейчас же повез внука к отцу в Арзамас, а отец, нимало не медля, представил сына в духовное правление. Так как по следствию никакой уголовщины за этим беглецом не оказалось, то консистория решила наказать его сама и наказала едва ли не самым страшным для него и для других семинаристов, готовых бежать, образом; не отдала его ни в солдаты, ни в оклад, а примерно высекши оставила в семинарии.

Исключение для многих учеников было вовсе не наказанием, а напротив особенным счастьем, которого они усиленно добивались; они и бегали из семинарии именно оттого, что не могли добиться законного из нее увольнения. Некоторые махнули рукой даже и на будущее дьячковство и отчаянно рвались из семинарии, куда бы их ни вынесло, хоть бы даже и в солдатство. Наприм. в 1750-х гг. один ученик той же владимирской семинарии, Мих. Гусев, юноша уже за 20 лет, нарочно учился и вел себя, как только мог гаже, попадался в уличных драках, в пьянстве, в воровстве у своих товарищей разных вещей, все для того, чтобы его исключили, дважды подавал об этом начальству даже просьбы, в которых в качестве основания откровенно указывал на свою леность и дурное поведение, а во второй просьбе, прилагая к себе известный пункт Д. Регламента: „буде окажется детина непобедимой злобы, свирепый и до драки скорый” и проч., даже прямо старался внушить, что его следует непременно отдать в солдаты и что „жить ему в семинарии стало всячески невозможно”. Но семинарское начальство не вняло ни той ни другой его просьбе и только настойчиво старалось об его исправлении посредством жестоких наказаний. Наконец, истощив уже все свои старания к получению желанной свободы

и потеряв всякое терпение, он прибегнул к последнему отчаянному средству, сказал за собою страшное „слово и дело“, после чего отправлен был в тайную канцелярию. Здесь на допросе он показал, что никакого слова и дела ни за собой, ни за другими он вовсе не знает, а объявил то слово и дело потому, что ему невтерпех стало семинарское житье, от которого он никакими другими способами избавиться не мог, и что прежде имел и теперь имеет неотъемлемое желание быть в военной службе. После этого за ложное произношение страшных слов он подвергнут был жестокому наказанию плетьюми, но и тут все-таки не вдруг попал в солдаты, а предварительно должен был просидеть целых полгода в консисторской тюрьме, да после тюрьмы года два прожил на поруках в неопределенном положении, потому что дела тогда делались нескоро и целые годы таскались по канцеляриям, как бы ни были просты. В конце концов он все-таки достиг своей цели. Другие таким же образом добивались приписки в крестьянство. Как ни страшна была тогда тайная канцелярия, но подобных примеров, когда ученики употребляли ее в качестве мытарства для выхода из школ чрез сказывание „слова и дела“, встречается немало в истории как владимирской, так и других семинарий; о нещадном наказании плетьюми за ложное произношение указанных слов рассуждали, что хотя оно и очень больно, но по крайней мере за раз можно оттерпеться от частых и несносных мучительств семинарских⁴⁸⁷.

Сопоставляя это упорное бегство учеников из школ с другим явлением в истории нашего школьного образования, о котором мы уже говорили, с таким же упорным уклонением от несения школьных повинностей и обязательного образования в школах своих детей со стороны самого духовенства, нельзя не видеть их совершенной однородности и по характеру и по мотивам. В борьбе своей с этими явлениями духовные власти горячо жаловались на грубое невежество духовенства и закоснелую его вражду к просвещению; духовенство с своей стороны оправдывалось своей бедностью, по которой будто бы оно не могло ни школ содержать, ни детей своих в них воспитывать, и предоставляло все школьное дело попечениям

самой власти, которая вздумала заводить школы. И то и другое объяснение очевидно было преувеличено, односторонне и потому вовсе не состоятельно. Дело было очевидно не в этом совершенно противоестественном отвращении от просвещения в целом сословии, даже и не в бедности этого сословия, хотя она и действительно была велика, а главным образом в том, что школа навязывалась сословию не для одного просвещения, а еще с разными посторонними целями, да и просвещение вводила такое, которое не отвечало тогдашнему спросу на него среди духовенства. Как мы видели, она с самого же начала своего существования сделалась орудием какого-то прикрепления человека к сословной обязательной службе, уничтожавшим свободный выбор профессии для всего молодого поколения духовенства, орудием страшной для него дилеммы: „или выучись, чему указано, или ступай в податное состояние, а то и в солдатство,” орудием страшного разбора. Образование, какое она давала своим воспитанникам, и теперь оставалось для духовенства почти так же непонятным, как и при Петре Великом оно казалось совершенно чуждым интересов духовной службы, связанным с нею в качестве необходимого для нее условия совершенно произвольно, по одной непонятной прихоти черкас. Что для лучшего священства можно обойтись и без латинских школ, в этом убеждены были не одни малообразованные священники и церковники, но и сами архиереи из великоруссов, считая эти школы пустыми черкасскими затеями и, когда было можно, открывая вместо них другие школы с привычным славянским курсом. При таких условиях самая строгость, с какою вводилась обязательность семинарской науки, должна была усиливать противодействие ей и ронять ее внутренний авторитет. Насилие везде вредит делу, в пользу которого предпринимается, а здесь и самое дело было еще очень спорное в среде духовенства.

Излагая правила школьного образования, Д. Регламент в деле водворения этого образования всю надежду возлагал на само молодое поколение духовенства, которое указал привлекать в новые школы; убедить в пользе нового образования старое поколение он не понадеялся и вследствие

этого проектировал закрытые дух. школы, в которых бы можно было совершенно изолировать учеников от их отцов и таким образом беспрепятственно воспитывать их в известном направлении, не выпуская их никуда, доколе „не ощутят знатной пользы такового воспитания.” Составитель Регламента, будучи вполне уверен в достоинствах проектированной им учебно-воспитательной системы, рассчитывал, что ученик должен войти во вкус семинарской науки и жизни не более, как в три года, а в другом месте утверждал, что „кто обыкнет так жить хотя через один год, тому весьма сладко будет.” Но практика показала, что расчет этот был слишком короток, что для развития в духовенстве сознания сладостей новой школы нужны были не три каких-нибудь года, а довольно длинное время преемственной череды нескольких духовных поколений. Конечно в семинариях всегда были талантливые юноши, которые скоро сознавали важность своего призвания и успевали извлекать сладость просвещения из-под самых иногда горьких его форм, но заурядное большинство училось из-под палки и глядело из семинарии вон, не находя в ней никакой сладости ни во внешней обстановке семинарской жизни, ни в приемах тамошней дисциплины, ни в свойствах самой науки. Внешнюю обстановку „бедственного школьного жития” мы уже видели и могли достаточно взвесить, как много нужно было или сознательной и самоотверженной любви к новому просвещению, или же внешних принудительных мер для того, чтобы можно было эту обстановку вынести. Обратимся теперь к изучению внутренней стороны школьной жизни, характера семинарской педагогики и науки.

г) Состояние учебно-воспитательной части в духовных школах

Закрытый характер дух. школ поддерживался везде, где было можно завести сколько-нибудь обширные ученические общежития, причем правило Регламента, запрещавшее отпускать новых учеников на вкаты, применялось к делу весьма строго. Естественная потребность свидания с родной семьей и свободного отдыха от стеснительных рамок школьной дисциплины, так настойчиво чувствуемая в живом полудетском возрасте, была поэтому одной из самых обыкновенных причин умножения числа семинарских беглецов.

Отпуска учеников на вкат производились с разбором и не иначе, как с согласия самого епархиального архиерея, потому что редко оканчивались без того, чтобы множество учеников не пропустило срок, а некоторые и вовсе не пропали. В новых семинариях первый вкат оттягивался обыкновенно на несколько лет. Наприм. в воронежской семинарии первый вкат по просьбе учителя Стасиевича назначен был уже на третий год после ее основания. Отпуск был дозволен только на один месяц (август); отпущенных учеников велено обязать подписками о непременно возвращении к сроку и всех снабдить паспортами, в которых прописать, „что должен он (ученик) у отца или сродников его в доме до означенного срочного числа трезвенно и благоговейно обходиться и на показанный срок с тем пашепортом в семинарию явиться, а ежели он с тем пашепортом не на той дороге или не в том месте, куда он отпущен, явится или и в том месте, но за сроком, то его за беглеца почитать и духовным того места управителям ловить и присылать в дух. консисторию при доношениях, за что они студенты наказаны будут жестоко, а с отцов их и сродственников возмется штраф по указу, чего ради описывать их студентов в тех пашепортах в рост, в лета и в приметы; и кто имяны студенты, прибавлял консисторский указ, и когда тобою учителем в дома отцов их отпущены будут, подать его преосвященству при репорте ведомость”⁴⁸⁸. В прошении

Стасиевича об отпуске учеников говорится, что такая оттяжка вакации была принадлежностью собственно новых семинарий, а в старых, успевших уже устроиться, „езде студентам от 15 июля до сентября 1 дня, которые похощут в домах отцов своих побывати, дается позволение”, но всем ли, неизвестно. Судя по некоторым известиям, наприм. по приведенному из Истории владимирской семинарии о мальчике Тимофееве, которого не пустили на побывку к матери, жившей в самом Владимире, даже в светлое Христово Воскресение, можно думать, что в отношении к ученикам новичкам указанное постановление Регламента наблюдалось и не в новых семинариях. Первый вakat во владимирской семинарии был оттянут еще дольше, чем в воронежской, на целые 6 лет, да и в это время (1756 г.) разрешен был уже вследствие только крайней необходимости распустить учеников, по случаю открывшейся между ними какой-то повальной болезни⁴⁸⁹.

Епархиальные и школьные начальства очевидно смотрели на дух. школы с той же точки зрения, с какой смотрел на них автор Д. Регламента, как на заведения воспитательные, назначенные к созданию если не новой породы людей, потому что до времени Екатерины II русская педагогика еще не возвышалась до такого широкого понятия о воспитании, то по крайней мере новой породы священства, что было тогда согласнее с профессиональными понятиями об образовании. Но на самом деле воспитательная практика этих школ стояла далеко ниже, хотя тоже не совсем ясных, педагогических идей Регламента, руководствуясь исключительно понятиями юридическими и служебными и ставя своей главной задачей не нравственное развитие воспитанников вообще, а их выучку, специальное приготовление к их будущей службе. Самая школа, как мы уже замечали, становилась при этом только необходимым преддверием службы, ее предварительною частью. Ученик трактовался, как полный гражданин, человек уже служащий и присяжный. При поступлении в школу он наравне с своим учителем давал присягу на верноподданство, что будет, как говорится в инструкции Питирима „действовать вся по силе указов ее имп. величества безленостно со всяким прилежанием,

пренебрегая всякия свои угодия и успокоения и не притворяя себе никакого невежества и во всем поступать, как доброму слуге и подданному надлежит;” во время розысков по духовенству о присягах в 1730-х годах правительство очень серьезно исследовало, все ли школьники были у присяг. За многие проступки ученик судился не школьным начальством, а в обыкновенных присутственных местах своего ведомства, в дух. правлениях и консисториях, а за сказывание „слова и дела” его, как политического преступника или свидетеля, привлекали в губернскую или же в самую тайную канцелярию. Его бегство из школы трактовалось, как дезертирство человека служилого.

При таком слиянии школьного образования с службою педагогические начала в школе естественно заменялись юридическими, которые притом же были более понятны тогдашним начальствам, а воспитание обращалось в одну дисциплину, которая вместо нравственного развития имела своей задачей лишь водворение внешнего порядка, благопристойности и субординации. Вот почему от первой половины XVIII века до нас дошло чрезвычайно мало памятников старой семинарской педагогики, но зато весьма достаточное количество известий о дисциплинарных порядках и мерах, которыми специально занимались школьные начальства. В указах епархиальных начальств о надзоре за семинаристами в разных семинарских инструкциях и делах по проступкам учеников однообразно переписывались и приводились на справку одни и те же известные нам пункты Д. Регламента дисциплинарного характера. Правила морали, в тесном смысле педагогические воззрения, когда их уже непременно приходилось тут как-нибудь высказать, тоже не далеко возвышаются над чисто дисциплинарными требованиями порядка и благопристойности, вследствие чего между прочим стараются внушить духовным воспитанникам мораль не столько общечеловеческую, сколько, так сказать, сословную, отвратить их от поведения именно „церковническому чину” непристойного. Так инструкция Питирима нижегородского требовала: „безчинного и зазорного жития, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драки, татьбы, обманства и прочих тому подобных,

закону Божию и чину церковническому подозрительных причин отнюдь бы никто не чинил.” В указе 1740 г. об учреждении новгородской семинарии велено огородить семинарские палаты „особым двором, чтоб ход был один, дабы приставленным удобнее было за ними (учениками) смотреть, чтоб они не имели случая по своим волям по улицам таскаться и излишним гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, но во всем, как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении, над ними непрестанное имелось смотрение.” Далее говорится о „порядочном” хождении „по сигналам учителей” в церковь, в классы, за трапезу, к спальню и требуется, чтобы семинаристы везде „учтивыми обхождениями себя показывали”. „Равным образом на их нравы, обычаи и поступки надзиратели и учителя должны иметь радетельное смотрение, дабы они во всех своих поведениях так, как добродетель, учтивость, пристойная покорность и честь повелевает, всегда чинили, а лжи и неверности и прочие духовным чинам непристойные пороки заранее были у них искоренены.” В истории Троицкой семинарии передается известие, что в самом начале ее существования архимандрит лавры Кирилл Флоринский написал для нее инструкцию о поведении учеников, которую потом читали ученикам каждую субботу; из этой, не дошедшей до нас, инструкции сохранилось в семинарских делах одно правило: „слов мерзких никогда ни внутрь, ни вне семинарии, хотя бы с своим учеником или с кем другим случилось разговаривать, не произносить”⁴⁹⁰.

Практика семинарской педагоги доводила это преобладание юридических и дисциплинарных воззрений на воспитание еще до больших крайностей, сводя всю нравственность воспитанника на одно аккуратное исполнение оффиции своего звания и делая из школы какую-то неестественную копию корпорации не учебно-воспитательной, а чисто служебной со всеми обычными чертами последней, строгой субординацией на началах обычных тогдашних служебных отношений между командирами и подчиненными и в добавок еще монашеского принципа послушания, с обычными

карательными мерами за нарушение оффиции и преступления и даже с обычными формами тогдашнего приказного делопроизводства, характер которого достаточно известен. Тупая канцелярщина, господствовавшая у нас с самого начала XVIII в. по всем ведомствам в царствование императриц Анны и Елизаветы доходила до какой-то совершенно отрешенной от жизни юридической схоластики, рассматривала всякое дело с полною бюрократическою отвлеченностью и бездушностью, подводила к нему свои форменные справки по государеву уложению и новым указам их импер. величеств и прописывала показанное там количество плетей и кнутов, урезывание носов и ушей и т. п. наказания, не обращая ни малейшего внимания ни на личность попадавшегося под ее практику, ни на обстановку рассматриваемого дела, кроме того, путаясь в своих мелочных и пустых формах, каждое, самое пустое дело тащила целые годы по длинному ряду инстанций, плодила его донельзя своим крючкотворством и растила из него целую гору бумаг. Опутав собою все государственные ведомства, она проникла затем и в разные частные отношения, где один человек думал разыгрывать роль начальника для других, в отношении хозяина к рабочим, помещика к крестьянам и лакеям, монастырского настоятеля к братии и служкам, священника к причетникам и т.д. В кругу своих подчиненных каждый старался пародировать эти почему-то соблазнительные тогда порядки канцелярии, их указы, промемории, доношения, входящие и исходящие бумаги, справки и самую манеру резолюции и наказаний провинившимся. В старых бумагах наших монастырей и помещичьих усадеб можно найти множество этих образчиков подражания канцелярским порядкам, – как наприм. покупка какого-нибудь предмета для монастырского или барского обихода принимала форму целого дела, которое несколько дней шло по инстанциям низших властей, чрез контору, приказчиков, казначеев, старост, проходило по журналам, входящим и исходящим книгам, толстая день ото дня от пожираемых им бумажных справок, помет и пр., и оканчивалось исполнительным доношением, которое тем же порядком, но в обратном виде шло снизу доверху, до главного хозяина, или как

возникало целое дело по всем формам о наказании известным количеством плетей пьяного кучера и т. п.

Та же система проникала и в семинарскую жизнь, что было для нее тем легче, что первыми семинарскими начальствами, как мы видели, были органы общего епархиального управления, члены консистории, попреизлиху деловые люди, и что школьная администрация составляла только отрасль общей епархиальной администрации, которая не могла и создать для школьной жизни какой-нибудь иной организации, кроме организации по типу юридическому, канцелярскому. „Отношения учителей к ученикам и учеников между собою, характеристично замечает автор Истории владимирской семинарии, были чрезвычайно ложные и странные. Собственно нравственных отношений ни в том, ни в другом случае не было; самые добрые наклонности иного начальника или наставника уступали неуместной и нелепой официозности. Учителя слишком униженно держали себя пред начальством. Ученики смотрели на учителей, не как на добрых наставников, но как на слишком строгую полицейскую власть; они умели только бояться, а не любить и уважать. „Все это было совершенно понятно при замене нормальных педагогических основ школьной жизни основами юридическими, когда вместо моральных принципов педагоги держалась на одной официи, авторитет наставника заменялся для учеников авторитетом закона и делал этого наставника только блюстителем закона, начальством. Вот и другая черта школьных отношений, подмеченная тем же автором: „на проступок ученика смотрели не как на проступок мальчика или юноши, а судили его, как взрослого, даже как гражданина. Положим, подрались ученики между собою; в обыкновенный будничный день это легко могло сойти с рук, особенно, если никто из них не жаловался, но если то же самое происходило в торжественный день, они судились в консистории по всем формальностям, и не как ученики, а как взрослые, как и все граждане, нарушившие спокойствие и тишину такого дня. Начальники и наставники как будто боялись стать в отношения к ученикам неофициальные; мало-мальски важное распоряжение или приказание отдавались на бумаге, причем от учеников

требовалась расписка в ее чтении. С своей стороны ученики обязывались обращаться к начальству преимущественно на бумаге. Украл, наприм. у семинариста одежду, – он, подозревая товарища, не прямо заявляет об этом начальству, но по всем правилам тогдашней казуистики подает прошение о розыскании украденного. Даже когда случались факты, прямо вызывающие наставника обратиться к ученику с серьезными внушениями и рассуждениями, то и в таких случаях учитель как бы не смел стать в положение наставника.”

Юридический характер воззрений на проступки школьников мы уже имели случай видеть в делах о беглых учениках. За более тяжкие вины ученики судились в общих со всеми присутственных местах своего епархиального ведомства, – это прямо обозначало, что школьный суд трактовался только, как низшая инстанция общего епархиального суда, которая имеет право вершить дела известного дисциплинарного суда между людьми ее ведомства, а более важные должна переносить дальше, – в консисторию. По инструкции Питирима нижегородского начальство дух. школы уполномочивалось судить школьника даже в „легких винах” только до пяти вин, а о шестой обязывалось доносить уже духовному суду, которому в свою очередь поведывалось, „сыскав такового преступника и сковав в ножные железа,” отсылать в Нижний в архиерейскую канцелярию на его учениковых подводах, совершенно так же, как производилась отсылка виновных в чем-нибудь священно-церковнослужителей. За воровство и прочие тяжкие вины велено было прямо отсылать виновных в канцелярию, не судя школьным судом. К довершению всего инструкция присовокупляет к этому правило, очевидно скопированное с правил общего законодательства: того, кто за кем сведав какую вину утаит, подвергать равномерному наказанию, чему и виноватый подлежит, – правило слишком безнравственное для школы, хотя и постоянно практиковавшееся в наших духовных школах, и в самой общественной жизни XVIII в. служившее только поддержкой страшной язвы доносов и крюкодействия. Замечательно то, что правило это распространяется и на учителей, которые таким образом становятся в юридическую

ответственность за своих учеников перед высшим своим начальством не как педагоги за своих питомцев, а как одни граждане за других: „ежели и вы, учителя, сами виноватому в чем учините послабление, воспримете равномерное наказание, как и об учениках показано”⁴⁹¹. В случае обвинения семинариста в уголовном деле, напим. в краже, дело об нем, как мы это видели из дела о беглом 13-ти летнем мальчике, укравшем лошадь во Владимире, не заканчивалось и в консистории, а переносилось в светский суд, потому что консистории в подобных делах принадлежал только первоначальный суд над людьми своего ведомства, а для окончательного решения дела и исполнения приговора виновные отсылались в провинциальную или губернскую канцелярию. Тем более, разумеется, такая отсылка школяров к светскому суду имела место в делах политических.

На дела этого последнего рода в первой половине XVIII в. был громадный запрос у подозрительного правительства. Язва политических доносов, заразившая вследствие этого все русское общество с самых верхних слоев его до самых нижних, благодаря тому же юридическому взгляду на учеников, успела проникнуть и в духовные школы. Политического в них ровно ничего не было, но тайная канцелярия специально обязана была верить всякому вздору доносов. Ученики, как и другие подданные Российской империи, тоже стали сказывать за собою „слово и дело,” то желая избавиться от наказания, то стремясь к совершенному увольнению из семинарии, то просто из детской злобы на какого-нибудь сурового педагога, из злорадного желания насладиться видом его бессильной злобы и его тревоги вследствие опасения самому попасть в бестолковую и жестокую власть тайной канцелярии, из которой редкие уходили целыми. После произнесения магических слов, на всех наводивших тогда ужас, ученик сейчас же выходил из-под власти своих педагогов, – и кто знал, что он мог наказать на них на допросах. В тайной канцелярии редко кому удавалось очиститься даже от явной клеветы и то после неизбежных пыток, но легко можно было оказаться и на самом деле виноватым, после чего впереди предстояли страшные муки, а

может быть, даже ссылка куда-нибудь в Нерчинск или Охотск, смотря по тому, какой оборот примет дело; для этого напим. достаточно было, чтобы учитель или префект ударил ученика в высокаторжественный день.

Во владимирской семинарии (в 1759 г.) был такой случай. В праздник Рождества ученик Снегирев в пьяном виде прибил товарища. За обиженного вступился учитель Воронов и собирался, как следует, высечь обидчика и посадить на цепь. Снегирев еще раньше этого вытерпел жестокую экзекуцию от Воронова, был зол на него и теперь в пьяном виде решился сорвать на нем свое сердце, оттолкнул его от себя, сказав за собою „слово и дело“, и с торжеством вышел из учительской комнаты, оставив его крайне озадаченным. Поднялась суматоха в семинарии, а затем в консистории, которой немедленно дано было знать о происшествии и которая в тот же день собралась на экстренное заседание. На консисторском допросе Снегирев отперся от сказанных им слов и показал, что только оттолкнул от себя учителя, сказавши, что наказывать себя не даст, а „слова и дела“ не говаривал. Но на этом показании в таком важном тогда деле остановиться было невозможно; консистория дала ученику и учителю очную ставку, на которой оба они остались при прежних показаниях, после чего постановлено было ученика отослать в провинциальную канцелярию, а учителя Воронова держать до окончания дела в консисторской тюрьме на его иждивении. Дело могло протянуться очень долго и Воронову, Бог знает, когда пришлось бы освободиться от тюрьмы, если бы к счастью его Снегирев не сознался в провинциальной канцелярии, что действительно сказал „слово и дело“, но от пьянства, желая избыть наказания и не зная ни за кем ничего тайного. Провинциальная канцелярия после этого отослала его в Москву, где порешили бить его плетьюми и отослать обратно в консисторию для исключения из духовного звания в подушный оклад. Пока это дело шло, бедному учителю все-таки пришлось просидеть в консисторской тюрьме целых три месяца на своем содержании и в страшной тревоге за свое будущее⁴⁹².

Педагогические меры в отношении к ученикам в стенах самой школы исключительно состояли в наказаниях, которые, притом же, как и следовало ожидать, имели не нравственно-исправительный и воспитательный характер, а именно карательный, совершенно согласный с общим юридическим взглядом на школьную жизнь и учеников, и были весьма суровы. Наказания эти иногда регламентировались и в этом случае пересчитывались и прилагались к разным винам совершенно в той же форме, как наказания уголовные, наприим. в инструкции Питирима за легкую вину, кроме татьбы и других тяжких вин, до двух раз велено наказывать ученика словесным выговором, в третий раз в собрании учеников смирять шелепами, в 4-й и 5-й наказывать плетью и недельным заключением в тюрьму, в 6-й раз доносить о виновном духовному судие. Приемы наказания не ограничивались только указанными в этом скудном их перечне, были очень разнообразны и большею частью вполне зависели от изобретательности школьных начальств и учителей; тут были и коленопреклонения на горохе и без гороха, более или менее продолжительные, и заимствованные из южных школ удары палями по рукам, и сажание на цепь, и нещадное сечение в одну и в две лозы, даже на воздусех, иногда биение батогами, даже кошками и тому подобные „мучительства семинарские”, от которых, как жаловались ученики, „жить в семинарии становилось всячески невозможно” и от которых они иногда готовы были спастись даже в солдатстве.

В истории псковской семинарии встречаем указ преосв. Симона Тодорского (от 1745 г.), которым определялись педагогические полномочия ректора и префекта семинарии; последний уполномочивался наказывать по своему личному усмотрению всех учеников до философского класса, а философов мог штрафовать только с согласия ректора⁴⁹³. Но подобные ограничения едва ли были распространены по семинариям; и префект и все учителя в кругу своих учеников постоянно были полными хозяевами и могли по Регламенту наказывать виновных „всякими по рассуждению наказаниями.” Еще менее можем ожидать от описываемого времени

распоряжений, которые бы ограничивали самую суровость школьных наказаний: в качестве необыкновенного и едва ли не единственного в этом роде факта указываем на распоряжение переяславльской консистории от 1758 г., т. е. от самого конца описываемого времени, предписывавшее прямо не наказывать учеников переяславльской семинарии жестокими наказаниями⁴⁹⁴.

Система сурового карания виновных развита была тогда по всем ведомствам и можно сказать, во всех сферах жизни, а в школах считалась до того необходимой, что даже самые добрые и любимые учениками наставники ставили себе не переменным долгом держаться ее, как можно крепче⁴⁹⁵. Высшие начальства сами требовали, чтобы воспитатели не давали потачки воспитанникам, и одобрительно принимали их официальные донесения о варварских истязаниях последних, как о доказательствах их служебного усердия и ревности к своему делу. Вот как однажды доносил невскому монастырскому собору об исправлении учеников учитель петербургской невской семинарии, знаменитый Адам Селлий, даже не русский ученый, а приехавший к нам с более нас образованного запада. Ученик Брызгалов, писал он, три недели притворялся по лености больным. „но я его служительским хлебом и розгами в прежнее здоровье привел; после этого „он публично людям, в здешней слободе живущим, доношение на меня показал, что я его неверно учил, что он у меня позабыл больше, нежели научился, что я его братским хлебом не кормил и проч. Того ради укрепляю я ему получше ученые вещи плетями, дабы он их не позабыл.“⁴⁹⁶ Среди этой грубой системы семинарских экзекуций и вырабатывались эти долго господствовавшие в наших бурсах, доживавшие и до нашей памяти, типы старых бурсаков – кремней, притерпевшихся к плетям и физической боли экзекуций до такой степени, что, по пословице, уже ни за каким лишним тычком не гнались, способны были выдержать какие угодно истязания от начальства, не уступив ему ни на волос, могли хоть сейчас же отправиться под шпицрутены солдатской службы или под муки тайной канцелярии, – вырабатывался тот и доселе известный по преданиям бурсацкий закал, во имя

которого всякая чувствительность, нежность нравственного чувства, особенно совесть пред педагогическими внушениями преследовались в среде учеников как черты бабы, недостойные порядочного бурсака, закал, который обязывал человека и делал для него возможным не поморщиться под самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною бесчувственностью к наказанию уколоть и посрамить бесившегося педагога. Педагоги страшно мучились с подобными „детинами непобедимой злобы” и обращались иногда к архиереям с просьбами вроде напим. такой, какую в 1761 г. подали вяземские учителя Парфению смоленскому, докладывая ему, что многие ученики совсем отбиваются у них от рук, и прося позволения выгнать таких из училища: „хотя де таковым обыкновенное по регулам наказание и бывает, но они, не приемля то за страх, ласкаются тем, что школьное наказание им на теле сносно, чего ради не только не можно таковых привести к указному учрежденного учения окончанию, но и не надежно ожидать от них успеха”⁴⁹⁷. Выйдя потом из школы на службу, эти закаленные люди, презиравшие и свои и чужие страдания, сами делались тиранами своих подчиненных, или по крайней мере своих жен и детей и верными продолжателями той же системы кар и жестокостей. Не знаем, много ли было тогда людей, которые способны были возмущаться господством этой системы, но знаем, что с течением времени число их и в школах и на дух. службе все увеличивалось и под конец описываемого времени в среде их созрела сильная и плодотворная реакция господствовавшему доселе порядку вещей, реакция, принесшая плоды уже в царствование Екатерины II.

Вследствие такого преобладания в школьном воспитании юридических начал над нравственными собственно педагогические отношения учителей и начальников к ученикам, были, разумеется, крайне слабо развиты. Во всем строе тогдашней школьной корпорации видим не детей и отцов, как бы следовало ожидать, а исключительно подчиненных и начальников или, как их тогда выразительно называли, командиров. Командирство это охватывало собою все

школьные отношения сверху донизу. Ректор был командир префекта и учителей, префект и учителя командиры учеников и служителей. Между самими учениками одни были командирами других и обязывались чисто начальственным надзором за последними и служебными доносами о их проступках под угрозой законного наказания за недонесение. Выше всех стояли лучшие ученики высших классов, сами занимавшие должности учителей для учеников низших классов. За ними следовали классные и комнатные сеньоры или старшие, наблюдавшие за всей дисциплиною в классе или в комнатах, и аудиторы или нотаторы, из которых каждый приставлялся к 5–10 человекам из своих товарищей для ежедневного прослушивания их в знании заданных им уроков и надлежащей о том отметки в особой нотате или эррате. Все эти ученические чины были перенесены в семинарии целиком из киевской академии. Для нас особенно любопытно то, что прежде чем они были усвоены в некоторых школах, заведенных и управлявшихся архиереями великоруссами, наприм. в нижегородских школах преосв. Питирима, распределение учеников по рангам, с целью надзора одних за другими, прямо было снято с порядков обычного древне-русского строя низшей администрации: ученики разделялись на станицы и поставлялись под надзор избранных между ними же десятников, пятидесятников, сотников и старосты, людей добросовестных; о замеченных за рядовыми учениками проступках десятники доносили пятидесятникам, эти сотникам, а сотники старосте⁴⁹⁸. Кроме этих официальных командирских чинов, было много командирств неофициальных, признававшихся семинарскою средою только практическим образом, *de facto*: такими командирами были все ученики высших классов в отношении к ученикам низших, разные ученики, назначавшиеся для наблюдения за приемом сборного хлеба и других припасов и за выдачей их на расход, ученики, служившие келейниками у ректоров, префектов, учителей и т. п. люди.

Все эти крупные и мелкие командиры держались в отношениях к своим подкомандным одной и той же системы грубой строгости, величания своим начальством и внушения

перед собою страха посредством разного рода истязаний. Грубые права командира были необходимою, общепризнанною принадлежностью его командирства. На него и жаловаться было небезопасно, потому что жалоба была бы принята, как явный знак восстания со стороны жалобщика против субординации, которая наблюдалась больше всего. Даже в случаях крайних злоупотреблений командира, когда подкомандный человек окончательно терял терпение, жалоба с его стороны сопряжена была с большими затруднениями: нужно было подавать челобитную на бумаге, начинать формальное дело с разными справками, допросом свидетелей и т. п., и при этом подвергаться немалому риску, потому что начальство считало не переменным своим долгом поддерживать командира во имя дисциплины и порядка. При возникновении подобных жалоб первым делом начальства была справка, действительно ли челобитчик находится под командой ответчика, потому что это обстоятельство играло первую роль и в движении всего дела, и в определении окончательного по нему решения. Действительный командир редко получал сколько-нибудь серьезное внушение за свою жестокость. Начальство проявляло свою строгость преимущественно только над командирами самозванцами, отчасти также над превышавшими свою власть. Фальшивых командиров было тогда тоже немало, особенно между разными келейниками и лакеями семинарских начальников и учителей, которые не упускали случаев пользоваться своею близостью к этим настоящим источникам власти и сильно зазнавались перед всеми учениками и служителями школы. Приведем образчики дел по жалобам на действительных и недействительных командиров из истории владимирской и воронежской семинарий.

В 1752 г. весной из архиерейского дома во Владимире поступила в тамошнюю семинарию жалоба на командира над певчими Афанасьева. Архиерея в городе тогда не было за отъездом в Петербург и старший его хора, этот самый Афанасьев, сильно загулял. После одного, особенно удачного, хождения с пасхальными концертами по купцам он воротился вечером домой с сильною потребностью показать свое

командирское значение, явился в этом состоянии в певческую столовую и привязался ни за что ни про что к певчему Трофимову: „я де тебя высеку, понеже я твой командир” – Хотя де ты и командир, отвечал тот, а бить тебе меня не за что. – Афанасьев принял это за грубость, расвирепел, ударил Трофимова в лицо, этот выскочил из палаты с криком: „караул”, Афанасьев за ним, и принялся таскать его по архиерейскому двору. На допросе командир оправдывался тем, что хотел только пожурить Трофимова и звал его для этого к себе в келью, но он ослушался, за что и был наказан. Несмотря на то, что по другим справкам он оказался вполне виноватым как в беспорядке, который был произведен им в доме его преосвященства, так и в пьянстве, начальство оставило его все-таки без наказания, вероятно чтобы не уронить его командирского авторитета, и таким образом благословило его и на дальнейшую командирскую практику подобного рода.

Вот другое дело о недействительном командире. В той же семинарии у учителя иеромонаха Палладия был келейником ученик Гусев, детина нахальный, и к тому же пьяный, от которого много доставалось и товарищам, и семинарским служителям. Долго он командировал, не зная удержу, колотил и сек, кого попало, и никто не смел жаловаться на такое важное лицо, хотя официальной команды он и не имел. Наконец в 1752 г. открылся подходящий случай разоблачить его командирское самозванство. У повара Алексеева собака стащила из кухни рыбу, которую он готовил к столу учителя Палладия. Явился на кухню Гусев за кушанием и, узнав о несчастии, вышел из себя, начал бить повара по щекам, потом не урезонившись этим, „велел другому служителю принести еще розог: и оными розгами, показывал повар, меня именованного он Гусев велел бить немилосердно, и ругался всячески, и похвалялся еще больше бить.” Сошло бы ему и это с рук, если бы на его беду вся эта экзекуция не пришлось на 24 ноября, как раз в тезоименитство супруги наследника, в. княгини Екатерины Алексеевны. Кто-то надоумил об этом Алексеева, и вот в семинарскую контору явилась от него просьба на имя преосвященного, что де так и так, наказан в такой великий день,

прошу его Гусева допросить и учинить с ним, как по ее имп. величества законам надлежит. На формальном следствии по этому делу обвиненный показал, что повара бил за дело, а о высокаторжественности дня в сердцах запомывал. Последнее оправдание принято было во внимание и контора на этом обвинительном пункте больше не настаивала; не обратила она затем никакого внимания и на нравственное безобразие этой расправы зазнавшегося бурсака с пожилым служителем, и привязалась только к тому, что он не имел права бить повара, потому что не был поставлен над ним командиром. Вот самая резолюция, всего лучше обрисовывающая понятия тогдашних педагогов о правах командиров: „семинарская контора, рассудив, что оный студент Гусев, над оным поваром Алексеевым никакой команды не имеющий, так дерзостно бить отважился, – ибо если бы поименованного повара Алексеева в чем была погрешность, то ему Гусеву, не имея команды, ни почему бить не следовало, а должно о том кому следует представить, а собою, сверху всякого права, дерзостно так устремляти, что не точию по щекам, но и розгою положила наказывать, как командующий, – постановила наказать его Гусева при собрании всех студентов, учинив нещадное розгами наказание, дабы и другим, на сие смотря, так бесстрашно делать было неповадно”. Т. е. если бы то же безобразие учинил другой, действительный командир, нечего было бы и толковать об этом, да и самая жалоба едва ли была бы подана, как не правая⁴⁹⁹.

Мы уже упоминали, что в число семинарской прислуги входили иногда разные штрафованные духовные лица. Несмотря на то, что это были люди уже вполне самостоятельные, бывшие на церковных должностях, семинарскому командирству со всеми его последствиями должны были подчиняться и они наряду со всеми служителями. Нужно заметить при этом, что в семинариях и между учителями, и между учениками непомерно развился дух ученой кичливости, по которому они считали себя какими-то высшими существами и ни во что не ставили какого-нибудь попавшего в их среду дьяка, не знавшего ни единого латинского слова.

Очень плохо приходилось среди такой высокоученой братии не только церковникам, проходившим в семинариях служительские должности за разные провинности, но и таким, которые прикомандировывались сюда епархиальной властью к разным делам. Вот наприим. какое прошение один такой церковник подал в 1746 г. преосв. Феофилакту воронежскому на учителя воронежской семинарии Стасиевича. „Имеюся я нижепоименованный (Михаил Попов) в том доме его преосв-ва при семинарии у приходу и расходу денежной казны, и сего декабря 21 дня показанный учитель призвал меня именованного пред себя и учал мне говорить, что у тебя школьником рыбы нет, и я ему на то ответствовал, что мне как от его преосвященства, так из воронежской дух. консистории от присутствующих приказу никакого о покупке той рыбы не было; и оный учитель, взяв меня именованного за волоса, поваля наземь, и приказал школьникам держать и бил в три раза, заворотя рубашку, из своих рук превеликою калмыцкою плетью и мучительно безвинно; и дабы указом повелено было: на мне нижайшем бои осмотра описать, а показанного учителя в воронежской дух. консистории сыскать и в безвинном мучительстве таком меня именованного в бое допросить, а по допросе учинить с ним, как указы повелевают.” Челобитная сильно напирает именно на безвинность боев, давая знать, что если бы челобитчика за вину отстегали калмыцкою плетью, то ему бы и челом бить было нечего. По резолюции преосв-го консистория на другой день в своем заседании осмотрела бои, „а по осмотре на нем Попове явилось, как гласил протокол, седалище все избито и имеются великие синевые знаки, и как латинской школы учитель Стасиевич его Михайлу калмыцкой плетью бил, – и приговаривал ему Михайлу: „для чего ты моего пива не варишь и на поварне не работаешь.” Чем кончилось это дело и наказали ли чем-нибудь Стасиевича, неизвестно⁵⁰⁰.

Основные черты семинарской дисциплины вполне прилагались начальствами даже не к одним ученикам, но и к самим учителям. Ректор, а тем более архиерей обращались с ними совершенно так же, как они сами обращались с учениками. Старинная грубая система управления, вся основанная лишь на

„смирении” подчиненных, имела тогда самое широкое применение в практике. От действия ее в епархиальном управлении, к которому причислялось и школьное, не были изъяты и самые почтенные духовные сановники, протопопы и архимандриты, нередко подвергавшиеся в консисториях унижительным телесным наказаниям, тем менее могли считать себя застрахованными от подобных мер тогдашней административной практики учителя дух. школ, положение которых в ряду епархиальных чинов было очень невысоко. Известная нам инструкция Питирима, определив наказание за школьные вины учеников, кандалы, шелепы, плети, вслед за этим прямо говорит, что и учителя за свое послабление подлежат „равномерному наказанию, как и об учениках показано.” Что слова эти не были только пустой угрозой, которая впрочем и сама по себе выразительна, на это имеем фактические указания, относящиеся притом же к самому уже концу описываемого времени. Так, по преданию известно, что указанные меры смирения в 1750 г. заставили бежать из казанской семинарии одного из лучших ее преподавателей из ее же воспитанников, знаменитого потом витию Гедео́на Криновского, бывшего тогда уже монахом и назначенного даже в префекты; беглеца приютила в своих стенах московская академия. Подобный же случай известен из биографии м. Платона Левшина московского. Во время своего учительства в московской академии, будучи еще светским преподавателем пиитики, он проходил должность академического катехизатора и своим необыкновенным ораторским талантом привлекал на свои катехизические беседы такую массу слушателей, что академическая аудитория не могла их вмещать. На беду молодого оратора этой ранней славе его, стяжавшей ему почетное прозвание московского апостола, позавидовал присутствовавший в московской синодальной конторе переяславльский архиерей Амвросий, потребовал тетради его поучений к себе, к чему-то в них придрался и порешил высечь учителя Левшина перед собранием академии и выгнать из службы. Наказание это не было исполнено благодаря только заступничеству ректора Геннадия Драницына, который

производил следствие по этому делу и не нашел в беседах катехизатора ничего предосудительного. Таким образом, грозный для своих учеников, как полный их командир, учитель сам должен был постоянно трепетать перед своими собственными командирами, в отношении к которым был крайне маленьким и бесправным человеком.

Такая низменная постанова учителя званія, составляющая весьма характерное явление при изучении учебно-воспитательной части тогдашних школ была необходимым результатом того же исключительно служебного взгляда на науку и школу, который уже достаточно нами обрисован. Образование имело значение только практическое, для известного рода службы, к которой приготавлило человека, а не само по себе. Равным образом и ученый человек оценивался не по своему личному ученому достоинству и ученой профессии, а по своему служебному рангу, который один давал права и авторитет. Если и теперь для возвышения достоинства ученого человека, профессора, учителя, государство находит еще нужным возводить его в известный ранг и определяет достоинство ученых степеней и званий посредством приложения к ним известных канцелярских чинов, то в прежнее время, время еще крайне незрелой цивилизации без этого положительно нельзя было обойтись. Ученый без ранга и служебного положения не внушал к себе уважения, был совершенно бесправен перед человеком служилым и в высоком ранге, часто был настоящим его холопом, по крайней мере постоянно нуждался в его покровительстве, а для этого должен был принижаться перед ним, льстить ему, как меценату. Это меценатство ранга над наукой и литературой охватывало собою всю сферу образовательных учреждений от академии наук до школы грамотности и всех лиц, служивших делу образования, от Ломоносова, у которого был меценат Шувалов до пономаря, учившего ребят читать по часослову. Встречаем и такие явления, что мог сделать человек ранга, невлюбивший человека ученого: Волынский хлещет по щекам Тредьяковского. В самой академии наук люди науки, профессора, вызванные из-

за границы, должны были лакейничать пред чиновником Шумахером или уезжать, откуда приехали.

В духовном ведомстве наука была более знакома властям и ценилась ими высоко, но тоже не столько сама по себе, сколько по отношению к интересам духовной службы, которым вполне подчинялась. Звание ученого, должность учителя и здесь не могли еще быть самостоятельной специальностью, давать человеку положение и права в пределах его ведомства сами по себе. Оставаясь только при них одних, он только и мог существовать под меценатством представителя духовной службы, – архиерея, оставался чем-то вроде безместного, бесправного наемщика, служащего на частной службе по найму, и сам смотрел на свое учительство, как на состояние лишь переходное, как на средство заслужить внимание епархиального начальства и потом получить чрез него настоящее служебное положение в священстве или монашестве. Когда учительство соединялось с другою, – епархиальною должностью, то положение учителя определялось именно этою последнею, а первое при ней считалось только побочным послушанием, которое как мы знаем, даже иногда не вознаграждалось и особым окладом. Остатки подобных понятий, в свое время господствовавших, сохраняются, как известно, и доселе у многих духовных властей, все еще непривыкших мыслить духовную науку без духовного ранга. Единственная возможность светскому учителю дух. школы приобрести некоторые права открывалась только тогда, когда он делался интендантом или префектом (ректором мог быть только монах), вообще как-нибудь приставлялся к школьной администрации, т. е. сам делался чиновником, органом епархиального управления над школою и следовательно командиром.

При всей своей ревности к развитию школьного образования, архиереи держали своих учителей в довольно черном теле за исключением разве учителей высших классов, но и то больше потому, что высшие науки преподавались лицами, имевшими более или менее высокий духовный сан. Материальная обстановка учительской должности нам уже

известна. Невысоко было положение учителя, когда он ничем почти не отличался от служек архиерейского дома, часто вместе с ними имел и помещение и стол, получал 20–30 руб. годового оклада, был поощряем в своем усердии к делу праздничными подачками платков и кушаков за поздравление начальства витиеватою речью и состоял в полнейшей зависимости от воли своих командиров и епархиальных и школьных, которые по своему личному усмотрению могли и лишить его места и наказать каким-нибудь школьным наказанием. В некоторых семинариях учителя подчинены были надзору ректоров на тех же основаниях, как ученики, наприим. одинаково с последними не смели без дозволения ректора выходить за стены семинарии⁵⁰¹.

Прав у учителя не было, кроме разве командирских прав над учениками, а между тем в назначении ему количества тяжких обязанностей и работы не скупилась. Как бы ни велико было число учеников в школе, в определении числа учителей епархиальные начальства наблюдали обыкновенно крайнюю экономию. На целый класс полагался один только учитель, так что сколько открывалось классов, столько же при школе было и учителей. Таким образом каждый учитель должен был всякий день заниматься с учениками бессменно в течении всех учебных часов, которых было притом же немало: ученики находились в классах утром с 7 до 10 и 11 часа, да после обеда от 1 часа до 4; ученики русского класса для большей практики в чтении и письме учились еще дольше, с 6 часов утра, а после обеда от часа до 6 вечера⁵⁰². Кроме того учителю еженедельно приходилось читать и поправлять разные ученические версии, эзерциции и оккупации; не говорим уже о приготовлении разных отчетов об успехах учеников, которое возлагалось на него же. Притом же и такое в обрез необходимое число учителей существовало еще далеко не во всех, а лишь только в более богатых семинариях, как-то в троицкой, новгородской, харьковской, отчасти в казанской. В большей части семинарий старались сократить и это число, соединяя в одних руках преподавание нескольких предметов иногда в разных классах, и облегчая в таком случае непомерные труды учителей только

чрез допущение к преподаванию низших предметов учеников старших классов. Даже в такой, довольно богато обставленной семинарии, как переяславльская, некоторое время существовал всего один учитель, преподававший риторику: в 1753 г. архиерей Серапион писал ректору семинарии, что „больше учителей и не надобно для того, что риторики ученики есть свои и школы (классы) меньшие могут учить совершенно.” Потом впрочем видим четверых учителей⁵⁰³. Заваленные работой, учителя должны были просто выбиваться из сил; и сами архиереи сознавались, что они находятся на своей учительской службе „в невыносных трудах”⁵⁰⁴. В низших русских школах по епархиальным округам постоянно полагалось по одному учителю; другой учитель определялся, когда в такой школе вводилось преподавание начатков латинского языка.

Трудность преподавательской должности немало должна была увеличиваться еще вследствие полного отсутствия специальности в ее прохождении. За исключением малообразованных учителей низших классов, которые только и могли учить элементарным предметам, каждый учитель последовательно преподавал один за другим несколько предметов семинарского курса, переходя из одного низшего класса в высший, иногда даже вместе с своими учениками; в этой форме выражалось тогда служебное его повышение за усердие к своему делу. Таким образом образованный учитель мог последовательно пройти весь семинарский курс от элементаря до философии и префектурской должности включительно, а если затем принимал монашество, то мог сделаться учителем богословия и ректором. Примеры этого во множестве представляют биографии наших высших духовных сановников, архиереев, архимандритов из ученых, которые почти все начинали свою карьеру со школьного учительства. Учительство в известном классе очевидно трактовалось, как известная служебная степень или чин. Пройдя все эти чины, человек попадал на возделенный путь другого рода чинов, начинал шествие по лестнице высших иерархических должностей. Но большая часть учителей уходила с тяжелой школьной службы раньше. Понятно, что тогда никому и в голову

не могло прийти избрать эту службу в качестве постоянной, жизненной для себя специальности. Учителя сменялись очень часто; прослужив много года 4–5, каждый из них спешил поскорее пристроиться на какую-нибудь другую, преимущественно епархиальную службу.

В новых семинариях с первоначальными низшими курсами по всей вероятности не возбуждалось и вопроса о возвышении положения учителей. На учительские места определялись разные грамотники из местного духовенства, дьяконы (редко священники), дьячки, пономари, поповы дети, певчие и т. п. люди, с которыми начальству нечего было особенно церемониться. Когда не находилось годных людей из духовенства, архиереи приглашали к преподаванию разных грамотеев из посторонних людей, но тоже невысокого полета и мало претендательных. При открытии русской школы в Иркутске (в 1728 г.) духовенству поручено было выбрать в учителя какого-нибудь грамотника и добронравного дьячка, но такого между иркутскими дьячками не оказалось и в учителя был нанят после этого один посадский, „человек добрый и не пьяница,” как его рекомендовало духовенство, который и обязался за 20 р. в год учить детей всему добрым порядком, чтобы было в твердость⁵⁰⁵. В тобольской епархии учителем далматовской школы был (с 1747 г.) один расстриженный священник Кирило Павлов⁵⁰⁶. Труднее было найти учителя для преподавания латыни, которой великорусское духовенство прежде не училось. В начале описываемого времени латынщики так были еще редки, что наприм. вологодский архиерей Афанасий Кондоиди, открыв у себя латинскую школу, некоторое время сам преподавал в ней латинский язык. Но с течением времени и такие учителя, по крайней мере годные для преподавания элементаря, мало-помалу переставали быть редкостью. Архиереи малороссы, заводившие латинские классы в великорусских школах, всегда приезжали на епархии в сопровождении большой свиты из земляков, которых забирали с собою в качестве своих будущих помощников по управлению или же келейников и слугителей. Люди эти были большею частью недалекого образования, но для обучения ребят

элементарю годились. В самой Малороссии такие латынники, разумеется, давно были не редкость.

Все эти импровизованные учителя ничем не возвышались над старинными мастерами грамотности и современными им учителями частных школ, разными пономарями Брудастыми, и ни по своим знаниям, ни по своим нравственным достоинствам не способны были внушить к себе уважение и поднять себе цену. Большинство из них можно было только терпеть на первый раз по безлюдью и по новости школьного дела, но попадались между ними и такие, которых и на безлюдьи терпеть было нельзя, как наприм. известный нам учитель сначала вятской, потом владимирской семинарии Ф. Радикорский, пропивавший у учеников шапки, или наприм. сам ректор владимирской семинарии архим. Павел, который во главе учителей, учеников и служителей своей семинарии выходил на драку с городскими купцами и мещанами, довел их до того, что они мимо семинарии и ходить боялись, а когда подали на него в консисторию жалобу, так против них же заявил претензию, что в драке ему спину расшибли⁵⁰⁷. В списках учителей разных семинарий можно встретить отметки: „уволен за нерадение,” или „за недобропорядочную, небережливую жизнь, за пьянство”. В 1746 г. в воронежской семинарии встречаем жалобу одного ученика на преподавание учителей. Учителя пения, регент Степанов да поп Семен Григорьев, донесли на него, „якобы он нотному пению непонятен и обучить его тому пению не можно; а я именованный, жаловался он, нотному пению обучаться всеусердно желаю и понять могу, точию они за их праздностью и леностью меня не обучают и в школы мало приходят, а меня теми их доношениями обносят напрасно; и дабы указом повелено было меня именованного в помянутой певческой музыке обучать той музыки певчим В. Бахмутскому да В. Старику, понеже они при той школе почитай всегда имеются безотлучно, а от упомянутых учителей меня освободить.” Консистория навела по этой жалобе справки и нашла на учителях еще другую вину: оказалось, что они доселе не подавали ни одного месячного репорта о своих занятиях. В ответах своих по этому поводу они объяснили, что в школе

бывают по 4 часа утром и по 3 часа после обеда каждый день, показуя ученикам самое существо, чему и сами обучены, что же касается до репортов, то поп Семен показал, что не подавал их за неимением в школе писцов и за делами, а регент Степанов прямо признался, что ему с таким делом не справиться, что у него для того ни чернил, ни бумаги не имеется, а купить не на что⁵⁰⁸.

С расширением курсов потребовались более образованные учителя, которых приходилось искать, зазывать на учительские должности назначением высших окладов и приманкой лучшей обстановки. Главными, наиболее желательными кандидатами этого рода были студенты киевской академии, – этой *almae matris* всех архиереев малороссов, смотревших на нее, как на высший образец для своих епархиальных школ. В 1739 г. Гedeон Вишневский, вызывая из Киева студентов для своей смоленской семинарии писал киевскому митрополиту Рафаилу: „изобиловала всегда учеными людьми академия киевская, и имела себе честь сицевую, что от нее, аки от преславных оных Афин, вся России источник премудрости почерпала и вся своя новозаведенные училищные колонии напоила и израстила.” „Не проходило года, замечает по поводу этого письма историк киевской академии, в который бы многие из питомцев киевских по беспрестанным приглашениям не поступали в разных семинариях на учительские должности; не проходило года, в который бы другие не отправлялись сами на те же должности, бывшие для них выгоднейшим родом службы, – и это продолжалось постоянно до самого конца древней академии”⁵⁰⁹. С учителями, вызванными таким образом из Киева, архиереи, как мы видели, должны были заключать контракты, в которых обозначались как обязанности учителей, так с другой стороны и обязательства самой епархиальной власти относительно их содержания, а иногда определялся самый срок обязательной службы учителя, после которого он по желанию мог уйти с своего места на другое. Все это, кажется, не могло бы не повлиять на улучшение быта и положение учителей самым решительным образом. Но на самом деле улучшение это все-таки шло весьма медленно. В более ясных чертах оно

обнаруживалось только в тех немногих семинариях, где были открыты классы философский и богословский, требовавшие для учительства не кое-каких киевлян, а кончивших полный академический курс, даже монахов. По приезде на должность эти учителя получали высшие оклады, назначались в ректоры и префекты, определялись в члены консисторий и в настоятели монастырей и таким образом занимали видное положение не только в школьной, но и в епархиальной службе. Но таких привилегированных учителей было тогда немного во всей России. Остальные киевляне, разные риторы, философы, даже нарочно вызывавшееся в епархии по контрактам, имели участь немного лучшую той, какая выпадала на долю разным импровизованным учителям, – их предшественникам.

Отчасти по экономическим расчетам архиереев, искавших в свои школы учителей по средствам, так сказать попроще, отчасти потому, что академия дорожила студентами богословия, проча их на свои собственные учительские места и на разные духовные должности в Малороссии, из Киева в епархии ехали почти одни недоучившиеся студенты, хотя и из успешных в науках. Очутившиеся на чужбине прямо с академической бурсы, где с детства были воспитаны в страхе пред начальством, бедные догола, беспомощные, по приезде на место службы они вполне предавали себя и свою судьбу в волю приглашавших их архиереев патронов. Хорошо ли, худо ли им затем жилось, выходу из службы никуда не было, кроме какого-нибудь епархиального места, находившегося в распоряжении того же архиерея патрона; уехать в другую епархию было нельзя, потому что не на что; бедняки не имели за душой ничего и не в состоянии были прожить самого короткого срока до приискания нового места. Понятно, что в таких обстоятельствах не имели значения никакие контракты. Кроме того, с течением времени цена таких киевлян не только не возрастала, но даже заметно опускалась, с одной стороны вследствие все более и более усиливавшегося их наплыва в епархии, где заводились школы, а с другой вследствие быстро развивавшейся конкуренции с ними студентов других дух. школ, особенно студентов великоруссов.

Открывая свои школы и по необходимости воздерживаясь от слишком больших расходов на них, епархиальные начальства везде старались по возможности оттянуть вызовы учителей-киевлян на более или менее продолжительное время, чаще всего до открытия высших классов, начиная с риторики, а до этого, в случае неизбежной нужды в латынниках, привлекали к делу учительства малороссов, случайно находившихся у них в епархиях, или же разных недоучившихся академистов, которые сами приезжали к ним искать учительских мест и являлись, разумеется, кандидатами самыми скромными, готовыми на всякие условия. И тех и других кандидатов было довольно почти повсюду, особенно с царствования имп. Анны, так благоприятного для усиления партии малороссов в иерархии и развития латинского образования по семинариям. Даже наприм. в отдаленной иркутской епархии, где при святителе Иннокентии едва могли найти даже русского учителя для архиерейской школы и откуда еще в начале царствования Анны другой архиерей Иннокентий Нерунович нарочно посылал для приготовления в учителя двух служителей своего дома в московскую академию, под конец того же царствования семинария имела возможность обильно воспользоваться преподавательскими услугами ученых малороссов, на этот раз впрочем ссыльных, между которыми встречаем, даже такого ученого, как архимандрит Платон Малиновский, бывший префект московской академии, затем ректор харьковского коллегиума (по возвращении из ссылки архиепископ московский)⁵¹⁰. Студенты, которые выходили из академии раньше конца курса и старались прежде размещаться больше у себя на родине, слышав о множестве учительских вакансий в новых семинариях, тоже стали чаще являться в великорусских епархиях, так что отыскание подходящего по условиям учителя для преподавания не только какой-нибудь синтаксимы, но и пиитики с риторикой уже едва ли где могло представлять серьезные затруднения. Если при этом примем во внимание то, как епархиальные архиереи старались воздерживаться от увеличения числа учительских кафедр, до последней возможности обходясь с помощью одного или двоих

преподавателей высших классов, то мы едва ли ошибемся, если скажем, что предложение учительских услуг, по крайней мере в некоторых епархиях, должно было увеличиться быстрее самого спроса на них, что не могло не отзываться на понижении самой их ценности.

Далее, пользуясь молодостью новых школ и небольшой величиной требований от кандидатов на учительские в них должности, с киевлянами счастливо стали конкурировать воспитанники других западных русских школ, наприм. харьковского коллегиума. В истории воронежской семинарии находим несколько фактов, которые довольно выразительно рисуют положение этого рода кандидатов на учительство. Через два года по учреждении семинарии (в 1747 г.) начальство нашло нужным облегчить труды ее единственного за все это время преподавателя Стасиевича и стало искать в помощь ему других учителей. Из харьковского коллегиума разом явилось три кандидата: один ритор Гаврило Винецкий, запасшийся на всякий случай рекомендательным письмом знакомого архиерею подполковника острогожского полка Тевяшева, у которого жил при каких-то делах 4 года, да два философа, Ф. Оранский и К. Черняховский, подавшие витиеватое прошение прямо от себя, в котором откровенно писали, что „весьма не имеют места, где бы жить” и „смиренно молили им, ныне всяким несчастьем объатым, архипастырскую явити милость.” Осенью все трое явились в Воронеж. Винецкий, обнадеженный протекцией подполковника и в самом деле зачисленный в учителя еще с сентября, только без жалованья, приехал даже с братом, таким же бедняком, как сам. Но архиерей не торопился окончательным решением дела и только в декабре надумал сначала еще справиться о способностях кандидатов у ректора коллегиума. Бедные студенты, в ожидании „высокомилостивого призрительного пожалования, без всяких обстоятельств живучи,” в конец проживались в Воронеже и неустанно осаждали архиерея униженными просьбами о решении своей участи. Винецкий по крайней мере имел хоть какую-нибудь уверенность в своем успехе, кроме того успел выхлопотать брату священническое место; товарищи же его теряли всякую

надежду, один уже собирался уехать, другой, Черняховский, дошел почти до прошения милостыни. „Хочай и многожды, писал он в одной из своих просьб, стужали вашему преосв-ву и уже как много весьма опечалились, но не иное нас, как крайняя нужда, зовет... Меня бедного весьма видимое несчастье мое обленило, и как рассуждаю, это мне бедному и не без урону и крайнего убытку стало, яко остатние вещи спродал и ямщику 3 руб. уплатил, и донеже жадной (ни одной) надежды и жадного определения не имею и отыскивать усумневаюсь, того ради всемирно прошу ваше пр-во мене бедного, чем ни на есть, от всещедрой своей десницы пожаловать.” Решение последовало уже в начале 1748 г.: учителем определен был Оранский, признанный вероятно лучшим. Винецкий же так и остался с одной прикомандировкой к семинарии без жалования и прожил в этом положении в Воронеже целых полтора года, пока не был определен в действительные учителя уже по смерти Оранского⁵¹¹.

Около конца 1720-х гг. по семинариям стали являться новые кандидаты на учительство, сделавшиеся еще более опасными соперниками киевлян, студенты московской академии. По своему образованию они немногим уступали киевлянам и то разве только в начале описываемого времени, а между тем для великорусских семинарий были, так сказать, больше под рукой и по всей вероятности менее претендательны, чем привилегированные студенты киевляне. Вследствие этого в московскую академию за учителями нередко стали обращаться даже такие архиереи, которые более других отличались любовью к киевским студентам, наприм. Гедеон Вишневский смоленский, вызвавшей к себе в учителя ученика московской академии Бестужева еще в 1728 г. Семинарии коломенская и крутицкая имели у себя учителей почти всегда из московских студентов. Вызывали их также в Астрахань, Псков, в Нижний, Владимир, Устюг, Вологду, Вятку, Архангельск, в семинарию Троицкую и в обе сибирские. Некоторые архиереи, особенно из великоруссов, нарочно посылали своих учеников в Москву, чтобы приготовить их к учительству⁵¹². Кроме московской академии, к концу описываемого времени учителей

стали поставлять еще некоторые более благоустроенные семинарии, троицкая, новгородская, казанская⁵¹³. Наконец почти во всех семинариях на низших учительских должностях встречаем их собственных воспитанников⁵¹⁴, а в некоторых, наприм. в новгородской, троицкой, петербургской собственные воспитанники допускались к учительству уже и в высших классах. Приобретение учителя из своих собственных воспитанников было самым большим торжеством семинарии, лучшим свидетельством ее высшего развития и верным залогом ее будущих успехов. В костромской епархии сохранилось предание, как при определении на должность первого учителя из воспитанников тамошней семинарии, И. Красовского, архиерей Дамаскин, сам вводя его в класс, плакал от умиления и воссылал Господу Богу благодарение за то, что сподобил семинарию дожить до своих доморощенных учителей⁵¹⁵.

Известная борьба великоруссов с малоруссами, господствовавшая в среде иерархии за все описываемое время, имела самое большое влияние на умножение числа учителей из студентов московской академии. В то время, как архиереи-малороссы старались выдвигать на учительские места киевлян и считали главным источником всякого просвещения свою знаменитую киевскую академию, архиереи-великоруссы обращали свои надежды к родной московской академии, в которой видели в будущем близкое уже спасение от тяжелой работы черкасам для всех великорусских школ и для всего великорусского духовенства. Мы видели примеры, как плохо приходилось учителям – малороссам, когда после призавшего их и водворившего в семинарии архиерея земляка случайно являлся в епархии архиерей великорусс, враждебно относившийся к черкасским затеям. Были случаи, что школы, заведенные черкасами, совсем распускались; но большею частью гонение на черкас ограничивалось только переменою учителей. Так, наприм. в вологодской семинарии при архиерее Амвросии Юшкевиче видим учителей малороссов: при преемнике его великоруссе Пимене Савелове (1740–1752) все учителя были тоже великоруссы. При своем вступлении на вологодскую кафедру он нарочно послал в московскую

академию троих учеников своей семинарии, чтобы они усовершенствовались там в науках и могли приготовиться к учительству, и все время их академического курса содержал их на счет арх. дома: в 1751 г. в расходной книге архиер. дома значится даже расход в 5 руб., сделанный архиерейским канцеляристом в Москве „в почтение за учеников” т. е. на подарки за их обучение академическим властям. По возвращении на родину все они сделаны были учителями, и один из них, Ключарев, читал уже философию. По смерти преосвященного при его преемнике Серапионе Лятушевиче (из малороссов) положение этих учителей, должно быть, было не совсем хорошо: известно по крайней мере, что самый видный из них Ключарев получал всего 20 рублей жалования. – оклад в тогдашнее время крайне обидный для учителя философии⁵¹⁶. Мы видели также, как сурово отнесся к черкасским затеям и учителям черкасам холмогорский архиерей Варсонофий. В начале его архиерейства заведенная черкасами холмогорская семинария совсем было рушилась, но дальнейшие его действия показали, что он вовсе не был врагом духовного образования вообще, и даже латинского в частности, а именно хотел только вытеснить неприятных ему малороссов. В 1743 г. он снова возобновил семинарию, вытребовав в нее для преподавания студента московской академии Заостровского; в 1747 г. учитель этот выбыл и заменен другим тоже из Москвы, Либеровским, который довел семинарский курс до риторики; в 1758 г. видим третьего учителя, Велокриницкого, опять из московских студентов⁵¹⁷. Очень может быть, что некоторые архиереи не прочь были бы и от того, чтобы ослабить в школах и самое господство латыни, но это было уже невозможно, потому что господство это было уже вполне упрочено и кроме того крепко поддерживалось высшею духовною властью, которая смотрела на упадок в школе латыни, как на упадок самой школы. В 1741 г. тобольский архиерей Арсений Мациевич вошел было в св. Синод с представлением об отмене латинского учения в тобольской семинарии вследствие крайней скудости ее средств, но получил такой ответ, который прямо показывал, что об этом предмете не следует заводить и речи⁵¹⁸. В конце описываемого

времени встречаем пример действительного прекращения латинского учения в воронежской семинарии при архiereе Иоанникии Павлуцком, который по приезде в епархию совсем распустил учеников высших классов и оставил при школе одно славянское учение, но и этот пример едва ли можно объяснить одним только отвращением нового архiereя от черкасских затей, хотя он действительно был из людей не получивших школьного образования, – дело естественнее объясняется тем, что предшественник его Кирилл при переходе своем из Воронежа в Чернигов взял с собой самого лучшего из тогдашних троих учителей семинарии, учителя риторики и префекта Иерофея Малицкого, а другой учитель (синтаксисмы) иеромонах Смарагд Расчисловский вскоре, еще до приезда Иоанникия, помер, и в семинарии остался только один учитель низшего класса, Тимофей Далматов: новых учителей Иоанникий вероятно не успел отыскать, потому что и сам прожил в Воронеже всего только 9 месяцев.⁵¹⁹

К концу Елизаветинского царствования число ученых людей великорусского происхождения успело возрасти до того, что они почувствовали себя в состоянии поддержать дело учительства в местных семинариях одни, без особенной нужды в помощи малоруссов. Малоруссы тем не менее повсюду продолжали сохранять преобладающее значение в школьном мире, занимая в семинариях все начальственные должности и пользуясь кроме того сильной поддержкой со стороны своих земляков – архiereев, тоже продолжавших удерживать за собой преобладающее значение в иерархии. Сквозь их крепко сплоченные ряды трудно было пробиться вперед, на более видное место, человеку не их партии и приходилось волей неволей вечно оставаться позади, в досадном, но неизбежном у них подчинении. Тяжесть этого подчинения в начале XVIII века казалась по крайней мере злом необходимым, потому что наезжие ученые были пока единственными учителями, которые могли преподавать в новых латинских школах, по той же причине можно было терпеть пока и неприятное поведение этих довольно нахально державшихся гостей, смотревших на хозяев гордо и заносчиво, как на невежд и людей ни к чему не

способных. Но с течением времени они все менее делались необходимыми; просветительная миссия их оказалась более успешною, чем они сами того ожидали и очевидно приходила к концу. Под их суровой ферулой успело воспитаться уже не одно поколение молодых великорусских ученых, из которых многие ничем не уступали своим учителям, если еще не превосходили их своим более свежим и близким к родной жизни направлением, и которые сами порывались теперь к самостоятельной деятельности. Старая монополия черкас на первенство и власть очевидно переставала быть необходимою и удерживать ее в своих руках стало крайне для них невыгодно и опасно, значило только усиливать против себя раздражение и вести дело к такому же концу, как в последних годах XVII столетия, когда москали позорно прогнали их от себя восвояси. Черкасы, разумеется, этого не понимали и подобно всем старым учителям, не захотели уступать ученикам ни своих мест, ни своего авторитета, стали делать к ним разные придирки с явным желанием принижать местные таланты, держать их в черном теле и не давать им слишком бойкого хода вперед. Мы уже указывали случаи подобного рода из жизни Гедеоны Криновского и Платона Левшина. В царствование имп. Елизаветы общий ропот великорусского духовенства против черкас усилился до того, что дошел до ушей самой императрицы и, несмотря на то, что она сама очень благоволила к малороссам, что и духовник и фаворит ее были оба малороссы, побудил ее к изданию известного указа 1754 г., которым дозволено было на важные духовные посты возводить не одних киевлян, но и из великороссийских людей. Стало быть, доступ к этим важным постам до сих пор был до такой степени стеснен для великороссийских людей, что оказался нужным даже особый указ для его облегчения.

Усилению малороссов едва ли не более всего помогли приведенные нами указы о пострижении в монашество, составлявшее всегда необходимую ступень к высшим постам. Малороссы как мы видели, успели очень рано освободить свои юго-западные школы и киевскую академию от всех почти стеснений, какими эти указы окружили пострижение студентов, а

при имп. Елизавете по указу 1749 г. добились такой свободы для поступления их в монашество, которая уже явно противоречила всему законодательству относительно этого предмета с самого начала XVIII в. и близко напоминала еще старое допетровское время, тогда как великоруссы должны были подчиняться всей строгости новых постановлений о монашестве по указу 1738 г., который действовал в отношении к великоруссам и при Елизавете, в случае намерения семинарского или академического начальства удостоить кого-нибудь из великорусских учеников пострижения в монахи, на этот предмет каждый раз испрашивалось особое высочайшее дозволение⁵²⁰. Добиться этого дозволения без особого ходатайства начальства было вероятно нелегко; по крайней мере в знакомой нам жалобе кончивших курс петербургских семинаристов 1747 г. на то, что им некуда деваться вследствие строгих указов о законных летах для посвящения, прямо говорится, что пострижения в монахи для них тогда не было. Даже указ 1749 г., так благоприятный для малороссов, в отношении к великоруссам был кем-то истолкован в смысле полного запрещения постригать их, и толкование это имело практическую силу до сентября 1761 г., т. е. до самого почти конца царствования Елизаветы. Между тем без поступления в монашество с течением времени все труднее и труднее становилось занять сколько-нибудь видное положение, не говоря о высших духовных постах, даже и на учительской службе, потому что и учительские места стали постоянно связываться тоже с монашеским саном.

Киевские учителя, усвоив себе дух иночества в древней столице православия, старались и в великороссии утвердить господство в области науки за монашеством. Сначала это им долго не удавалось, потому что при существовании в семинариях только низших курсов преподавание поручалось всякого рода людям и большею частью не имевшим не только монашеского, но и священнослужительского сана. В 1733 г., по случаю возбуждения вопроса о пострижении студентов московской академии, сам св. синод высказался в своем указе, что монашество вовсе не необходимо для учительства, и

подтверждая правило Дух. Регламента об обязательности для желающих пострижения трехлетнего искуса, прямо требовал, чтобы учителя тоже не были от него освобождаемы, и служили эти три года искуса в светских чинах. Но потом мысль о монашестве учителей стала все более и более усваиваться и в 1741 г. тот же св. Синод, ходатайствуя перед правительством о сокращении этого трехлетнего срока для кандидатов на учительство в шестимесячный, утверждал уже другую мысль, что не только в академии, но и в епархиальных училищах „пристойнее и весьма полезнее быть учителям из монашествующих, с чем тогда согласилось с ним и правительство⁵²¹. При имп. Елизавете монахов учителей встречаем почти во всех семинариях, и в некоторых наприм. в псковской, число их даже превышало число светских и не только в высших, но и в низших классах. Нечего и говорить, что значительное большинство таких учителей было из малороссов. В московской академии с начала 1740-х гг. по свидетельству ее историка, монашество до того успело вкорениться, что „было много курсов, когда между наставниками не было ни одного светского лица. Любопытный случай представляется в 1744 г; в этом году все наставники были монашествующие, кроме одного учителя низшего класса Г. Кондакова, которому, вероятно после непринятых им убеждений вступить в монашество, последовало на представлении ректора такое определение св. Синода: „Г. Кондакова из учителей, понеже он монашеского чина поныне не приемлет исключив, ни к каким школам не определять.” В 1753г., избрав в учителя бельцов, Афанасия Пельского и Григория Драницына, академия писала Синоду в объяснение: „сии учителя хотя бельцы, однакож люди весьма надежные. Драницын действительно оказался надежным, принял монашество с именем Геннадия, но о другом ректор Варлаам в следующем году подал такое доношение в Синод: „риторике обучал А. Пельский исправно, но понеже он монашества прияти не желает, а затем, что не все учителя монахи, бывает в предиках остановка, того ради не повелит ли св. Синод, откуда пристойно, взять на его место монаха. Св. Синод согласился и уволил ненадежного учителя⁵²².

Понятно, что, подвергнувшись всей строгости указов о монашестве, великорусские ученые с трудом могли пробиваться на высшие посты в училищной, а потом и на иерархической службе. В московской академии первым префектом, (с 1755 г.), потом ректором (с 1757 г.) из великоруссов видим Геннадия Драницына уже в последнее пятилетие царствования Елизаветы. В Троицкой семинарии первым великорусским ректором был Гавриил Петров, уже в 1758 г. он же был вторым ректором академии. В других семинариях таких ректоров встречаем раньше, но большею частью одиночно и по случайным причинам; таковы напр.: в петербургской семинарии Сильвестр Старогородский (с 1756 г.), сын придворного священника и крестник имп. Елизаветы, в казанской – Димитрий Сеченов (с 1740 г.), бывший в Казани главою новокрещенской конторы и заведовавший делом образования новокрещенных инородцев, в новгородской (с 1746 г.) Дамаскин Аскаронский, назначенный в ректоры, кажется, временно, без преподавательской должности, в качестве только администратора. На поприще иерархической службы первым из великоруссов возвысился Димитрий Сеченов, сделавшийся с 1757 г. архиепископом новгородским, главным членом св. Синода и сильным человеком при дворе. Несколько раньше его (в 1755 г.) в Синоде был посажен другой великорусс, придворный проповедник, архимандрит Гедеон Криновский, но до назначения в Новгород Димитрия не имел особенной силы, состоя в невысоком, сравнительно с другими членами, сане. Соединившись вместе, они потом были постоянными покровителями затертых доселе великоруссов, с 1758 г. внимательно отыскивали между ними людей наиболее талантливых, склоняли их к принятию монашества, и затем употребляли все свое влияние, чтобы дать им больше ходу к высшим местам. Сделавшись с 1758 г. архимандритом Троицкой лавры Гедеон обратил особенное внимание на Троицкую семинарию, стараясь сделать ее главным средоточием и рассадником местных талантов. Так, заметив в Москве воспитанника академии Гавриила Петрова, который уже несколько раз упорно отказывался от монашества, не пошел

даже из-за этого отказа на учительскую службу академии и занял скромную должность типографского корректора, Гедеон насильно вытянул его из этой должности в учителя риторики при своей семинарии, затем также почти насильно заставил постричься и после этого при содействии Димитрия быстро провел по всей лестнице монашеских и училищных чинов до архимандритства и ректуры сначала в Троицкой семинарии, потом в академии; впоследствии это был знаменитый иерарх Екатерининского царствования, митрополит петербургский. Вслед за Гавриилом он точно так же обратил внимание на другую будущую знаменитость – Платона Левшина, который, как мы упоминали, подвергся в московской академии таким же неприятностям от черкас, как сам Гедеон некогда в казанской семинарии, и был едва выручен из беды тогдашним ректором академии, великоруссом Геннадием; точно так же, как и Гавриил, Платон был привлечен сначала в Троицкую семинарию, затем пострижен в монахи и после перевода Гавриила в академию сделан ректором; – это был впоследствии знаменитый Платон митрополит московский. В то же время сильные великоруссы заметили еще третьего талантливого человека, который после примкнул к блестящей плеяде светил Екатерининского века, префекта московской академии Иннокентия Нечаева. Димитрий от лица Синода назначал было его в ректоры своей новгородской семинарии (в 1761 г.), но Гедеон перетянул его в Троицкую лавру, где и сделал своим наместником. В новгородской семинарии в управление Димитрия приняли монашество и потом быстро стали возвышаться два учителя, Симон Лагов, сделанный в 1759 г. архимандритом Антониева монастыря и ректором семинарии (при Екатерине епископ костромский, потом архиепископ рязанский), и Тихон Соколов, назначенный в том же 1759 г. префектом. Вскоре он был переведен из Новгорода в ректоры тверской семинарии, но Димитрий Сеченов весьма его уважавший, через два года (в 1761 г.) снова воротил его в Новгород и сделал своим викарием (при Екатерине он получил самостоятельную кафедру в Воронеже). Так, благодаря поддержке Сеченова и Кривовского, в последнее время успела

сформироваться целая дружина молодых монахов великоруссов, которые в свою очередь усердно поддерживали друг друга и сами, каждый в пределах доставшегося в его власть ведомства, старались всеми силами поддерживать и привлекать к монашеству более талантливых учеников или молодых учителей, все более и более усиливая свою партию, готовившуюся вытеснить монополию черкас и занять их места самой. Цель эта была достигнута великорусской партией уже в царствование Екатерины II.

Раздражение, которое накопилось над головою черкас, не ограничивалось только служебной сферой; в школьной жизни оно было одинаково сильно; великорусс воспитывался в нем еще со школьной скамьи какой-нибудь фары или инфимы. Нельзя сказать, чтобы школьная система малоруссов была особенно сурова и груба сравнительно с той, какая испокон века господствовала у местных великорусских мастеров грамотности; основные приемы педагогики были одни и те же и у тех и у других, с той разве разницей, что малороссийские школы их подробнее выработали и развили. Точно так же едва ли грубее великорусской была и система администрации, какой держались черкасы, завладев высокими духовными постами. Но, как всегда водится, когда власть делается монополией одного класса людей, все ошибки, тяжести и другие недостатки администрации приписывались обыкновенно не общему ее строю или духу времени, а именно этому классу монополистов власти, причем недовольные менее всего думали о том, не точно ли бы также при том же административном строе стали поступать на месте черкас и самые коренные великоруссы; в школьной жизни было то же самое, – все неприятное, тяжелое, невыносимое, что только здесь встречалось, приписывалось тоже черкасам, потому что и ректор и префект и почти все учителя были черкасы. Нужно при этом взять во внимание то, что все эти “приставники школы были для учеников люди в собственном смысле чужие, наезжие из какой-то чужой земли, какой тогда представлялась Малороссия, с своеобразными привычками, понятиями и самою наукою, с своею малопонятною, странною для великорусского уха речью, притом

же не только не хотели принориться к просвещаемому ими юношеству и призвавшей их стране, но даже явно презирали великоруссов, как дикарей, над всем смеялись и все порицали, что было не похоже на их малороссийское, а все свое выставляли и навязывали, как единственно хорошее. Сделавшись преподавателями в великорусских школах, они не оставили даже своего провинциального наречия, вследствие чего, по замечанию одного из исследователей по истории наших семинарий, часто „ни учителя учеников, ни ученики учителей не понимали. Преданность их к своему наречию доходила до такой степени, что они даже в классе осмеивали формы великороссийского наречия и принуждали учеников объясняться так, как они сами говорили, наприм. запрещали говорить в Киеве, а – о у Киеви. Оттого ученики иногда подвергались от учителей незаслуженному наказанию палкою, т. е. дубовою круглою палкою по правой ладони и стоянием голыми коленами на песке или на рассыпанном горохе⁵²³. Понятно, какие чувства в отношении к ним воспитывал в себе каждый ученик и затем выносил из школы на всю свою жизнь, потому что на школьные впечатления человек бывает очень злопамятен.

Самая наука, которую принесли с собою учителя малороссы, стоила многих мучений великорусскому юношеству и долго возбуждала в нем непреодолимое отвращение, пока кое-как не привилась на новой непривычной к ней почве. Противодействие ей, которое мы видели на первых порах ее введения в дух. школы при Петре, продолжалось, очень медленно ослабевая в своей силе, во все описываемое время. Из всех ревнителей нового образования, архиереев черкас, едва ли не один Феодосий Яновский сделал в свое время попытку применить его к местным великорусским преданиям; другие ревнители действовали прямо в подрыв этим преданиям. Семинарские курсы повсюду делались точною копией курса киевской академии, который сформировался под влиянием своеобразных исторических условий юго-западной России и образцов латинско-католических коллегиумов, условий и образцов далеко чуждых и непонятных в Великороссии, испокон века тянувшей не к западу, не к Риму, а к востоку, – к

Греции. Если что и напоминало в этом курсе старину, так это только преподавание в низшем классе словено-российского учения и церковного пения, но и этот низший класс с течением времени совсем выделился из состава семинарского курса, сделался классом только приготовительным к нему, а в некоторых семинариях и вовсе был упразднен, как такой, предметы которого относятся не к школьному, а к частному и домашнему обучению. Затем следовали все новые чисто уже черкасские латинские классы или, как их называли тогда, школы, не известные в Великороссии до самого нашествия новых учителей: фара или аналогия, инфима, грамматика, ситаксима, пиитика, риторика, философия и богословия.

Прямо после славяно-российского класса ученики должны были вплотную присаживаться за изучение латинского языка, считавшегося фундаментом всех знаний. В фаре или аналогии учили только читать и писать по-латыни по элементарю, отчего и сами фаристы или анологисты назывались еще элементарниками. Несмотря на всю нехитрость элементаря, дикие и совершенно невосделанные головы тогдашних ребят часто по несколько лет не могли осилить его премудрости, причем, разумеется, не без вины был и самый метод тогдашнего преподавания. Между анологистами встречаем ребят лет 26; в русской школе были ученики еще старше, но при этом нужно взять во внимание то, что здесь нередко учились уже давно бывшие на местах церковники, уличенные архиереями в безграмотности⁵²⁴.

За аналогией следовала другая еще более трудная школа, – инфима, где начиналось грамматическое учение, продолжавшееся затем в школах грамматики и синтаксимы. Здесь ученики должны были в первый раз погрузиться в мудрость великого Альвара, как называлась толстая латинская грамматика Эммануила Альвара, напечатанная для польских школ, потом перешедшая из них в русские, чрезвычайно трудная для понимания не только начинающих учиться латинскому языку, но даже и для достаточно с ним знакомых. Несмотря на то, что ученики с огромным трудом осиливали этот темный учебник, он пользовался необыкновенным уважением в

семинариях и восхвалялся до небес. На первом листе книги грамматика эта изображалась в виде плодовитого дерева с тремя отделами сучьев и пояснительными надписями сбоку: *infima classis*, *media classis*, *suprema classis*. В предисловиях, сочинявшихся преподавателями, это дерево Альварово сравнивалось с древом в видении пророка Даниила, достигающим до неба и укрывающим своими ветвями и зверей земных и птиц небесных. „Высоко это дерево и достигает до неба, ибо Творец неба, сам сый премудрость, любит ищущих полезной мудрости. Весь мир осеняет это дерево, ибо всюду имеет место мудрость. Чудесен плод его, ибо питает души смертных в учителях и проповедниках церкви. Витает звери под этим древом, ибо мудрость заграждает уста неверных и еретиков. На ветвях этого дерева укрываются птицы небесные, т. е. ангелы, любители мудрости. Прииди и виждь это дерево, восходи по нему умом и духом, вкушай плоды его, пребудь под его тенью и, усладившись, воскликнешь с поэтом: *exigit ad coelum radiis felicibus arbor....* Высоко это дерево, но вот три класса, как бы лестница о трех ступенях, низший, средний и высший: восходи по ним и рви плоды грамматики”⁵²⁵. Несмотря на подобные красноречивые восхваления великого Альвара, семинаристы далеко не склонны были восторгаться его тремя томами – квадрантами и самих учителей малороссов ругательно прозвали альварями⁵²⁶.

В низшем классе (*infima*) преподавались первоначальные этимологические правила Альваровой грамматики, причем ученики приучались к грамматическому разбору и начинали писать небольшие переводные экзерциции. В следующем классе, называвшемся грамматикою, проходились почти все грамматические правила, не исключая и главных синтаксических, имеющих более частое приложение в практике переводов; занятия переводными экзерцициями и оккупациями усиливались и ученики серьезно вооружались Кнапиушем, как назывался латинский лексикон Кнапия (*Сnapius*), изданный первоначально для польских школ и на польском языке. Здесь же начинались упражнения в латинских разговорах под руководством разговоров Лангиевых и Диалогов Себастиана

Кастеллия и в первый раз пускали в ход известный нам *calculus*. В высшем грамматическом классе, синтаксисе, совсем заканчивали грамматику с синтаксисом, чтобы, как сказано в одной инструкции Киевской академии, „уже ничего в Альваре не разумеемого не оставалось и даже редкого употребления регул.“ Большая часть времени посвящалась переводам с латинского на русский и с русского на латинский язык. Переводы эти писались или в классе (экзерции), или давались на дом (оккупации). Упражнения в латинском разговоре считались обязательными и в классе и дома. Вследствие огромного значения латинского языка в тогдашней семинарской науке учителя грамматики и синтаксиса имели у себя в день до 5 учебных часов каждый, в течение которых они то экспликовали Альваровы регулы, то упражняли учеников в переводах, то занимались каранием ленивых и малоспособных, получавших от своих нотаторов и аудиторов неудовлетворительные отметки: *ns* (*nihil scit*), *nt* (*non totum*), *nr* (*non recitavit*), *err* (*erranter*). Для поощрения прилежных и способных употреблялось повышение их по спискам или по местам сидения в классе. По примеру киевской академии в семинариях принято было писать спорные оккупации и экзерции из соревнования с выше сидевшим товарищем; такое упражнение подавалось учителю с надписью: *certo cum NN de erratis*, или *de calligraphia*, *de diligencia* или прямо *de loco*. Бедные ученики могли писать на богатых, но ленивых товарищей на более практический приз, надписывая на своих упражнениях: *certo de pane*, или *de candella*, *de calceis* и т. п. Но едва ли не более всяких поощрительных мер для вперения в учеников всех таинств великого Альвара употреблялись меры карательные. Кроме помет в нотатах и постоянного спрашивания уроков учителями, для контроля над успехами учеников им каждый год производились экзамены, ученикам низших классов, в большей части школ по синтаксису включительно, три раза в год, перед каникулами рождественскими, пасхальными и летними, а в высших классах дважды, по полугодиям.

Время учения в грамматических классах было так же неопределенно, как и в фаре, хотя официально на курс каждого класса и назначалось по году. В некоторых семинариях, как наприим, в воронежской, инфимисты, грамматисты и синтаксисты, кажется, даже и учились вместе, не отделяясь одни от других. Неудовлетворительность тогдашних методов преподавания и непобедимые для юношества трудности Альвара были причиной крайней медленности в успехах учеников. В годичных каталогах, где отмечались их успехи и удостоение промоции или перевода в следующую школу, встречаем отметки: *non negligens, sed ipsissima negligentia est*, или по русски: „велик, но пуст, телом силен, но умом немощен, – мало чего изучил”, на испытании отвечал зле и задачу написал зле, произведения недостойны⁵²⁷. Таких недостойных произведения в низших классах оказывалось наполовину; многие малые учились лет по 6–8 в одном классе и достигали до весьма почтенного возраста, лет 27–28, пока наконец не выбывали куда-нибудь на место или по своей собственной просьбе, или будучи исключаемы за великовозрастие. По одной ведомости смоленской семинарии от 1741 года некоторые инфимисты значатся поступившими в семинарию еще в 1729 году. В 1760 г. один синтаксист московской академии оказался сидевшим в синтаксисе целых 10 лет; св. Синод, узнав об этом, сделал ректору выговор за излишнее снисхождение к такому юноше⁵²⁸.

Синтаксимой заканчивался ряд низших школ. Обучившись латыни, ученики переводимы были в высшие школы, начинавшиеся с пиитики, и после изучения разнообразных регул и форм языка принимались за изучение регул и форм пиитической и риторской речи. Но прежде чем достигнуть до этой новой мудрости, состав учеников, учившихся в низших школах, сокращался обыкновенно более, чем на половину⁵²⁹. Как ни старалось дух. начальство доводить семинаристов непременно до конца курса, обстоятельства постоянно заставляли его допускать преждевременное увольнение учеников из заведений и притом в огромных размерах. На малочисленность учеников в высших классах жаловались даже

академии⁵³⁰, в которых эти классы существовали уже давно и утвердились на более крепких основаниях, чем по семинариям.

Пиитика, как *ars oratione metrica rem quamlibet per imitationem effingens ad delectationem audientium*, или проще, как *ars pangendi versus* (искусство плести вирши), ставилась весьма высоко киевлянами, имевшими, как известно, общую слабость к виршам, и удостоилась в школах особого класса наравне с риторикой, философией и богословием. Но понятие об ней было весьма узкое, именно только, как о науке сплестать вирши. Чисто формальная наука духовных школ, можно сказать, нигде не проявляла своей односторонности в такой резкой и уродливой степени, как в системах пиитики, которых доселе еще довольно можно отыскать в бумажном семинарском хламе. Семинарские учебники, даже печатные, у нас доселе еще не подвергались специальному библиографическому и критико-педагогическому разбору. Существует только несколько кратких характеристик произведений этого рода в историях наших семинарий, как-то троицкой, вятской, смоленской, которыми и приходится пока довольствоваться в общих исследованиях о характере нашего старого семинарского образования.

Учебники поэзии все составляют более или менее близкие копии пиитик киевской академии. Хотя семинарская пиитика и задавалась целью учить сложению стихов как латинских, так и славянских, в южных школах кроме того еще польских, но на самом деле преимущественно занималась стихосложением латинским. Пиитическое обучение так и начиналось с латинской просодии и версификации; о славянском стихосложении говорилось очень немного и притом только о стихосложении по силлабическому размеру, дальше которого семинарские пииты не простирались даже и после того, как Тредьяковский указал на неприменимость этого размера к русскому языку, а Ломоносов написал свою знаменитую оду на взятие Хотина новым тоническим размером и сделался отцом новой русской поэзии. После изложения правил стихосложения пиитики обращали особенное внимание на украшения пиитического стиля, на разные тропы и фигуры, на амплификации, состоящие в замене одного простого слова целым рядом звучных и

красивых слов, подобозначащих или каким-нибудь фигуральным оборотом, затем на источники и пособия поэтического вымысла (fictio), главным образом мифологию, историю и басню, и наконец на разные виды и подвиды стихов и стихотворных произведений. В этом подробном и до крайности мелочном и формальном изложении разных рецептов, как писать стихи, учебники не пренебрегали ничем когда наприм. у пииты не хватало или рифмы или набора красивых синонимических слов для амплификации, то советовалось ему обратиться затем и другим к лексикону Кнапия. В тех же интересах изучения форм поэзии учителя пиитики долго останавливались на правилах стихотворного размера и перечитывали роды стопосложения применительно к тому или другому роду пиитических произведений, указывая, где идет спондей, где анапест, где диррахий и т. д., и представляя образцы самых затейливых поэтических прихотей в этом роде, о которых и не снилось нынешним поэтам; тут были и стихи ретроградные, которые можно читать и спереди назад и сзади наперед, и четырнадцатисложные стихи львиные с двумя рифмами в середине каждого, кроме третьей главной на конце, и стихи змеиные, и стихи перекрестные, и стихи звездой и многие др. Образцы приводились частью из стихотворных прегрешений Яворского, Прокоповича, Иоанна Максимовича и Димитрия Ростовского, большею же частью из латинских поэтов. Из классической истории и мифологии заимствовались также и так называемый subsidia poëseos. В отделе пиитик об этих субсидиях, по словам историка вятской семинарии, излагались „сведения о всех богах и богинях Олимпа, богах и богинях рощ, лесов, нимфах, наядах, сильфидах, героях, героинях и некоторых лицах исторических. Тут встретите Сарданапала наряду с Еврисфеем, Александра македонского рядом с Ахиллесом, Аннибала с Тезеем; за Прометеем следует Крез, после Иракла и Иуды искаротского видите имя какой-нибудь музы либо гарпии и проч, и проч.”. Из многочисленных тогдашних видов поэзии, которых учебники касаются большею частью лишь в сухом перечне и схоластических дефинициях, всего подробнее изучались те, которые имели в тогдашнее

время особенное практическое применение в семинарской жизни, как-то: трагедия, комедия и интермедия, образцы которых, или заимствованные у прежних киевских пиитов, или изредка вновь являвшиеся в свет из-под пера уже новых семинарских драматургов, „целебровались публично” едва ли не во всех семинариях, где были учителя и начальники киевляне, затем эпиграммы, оды, акrostихи и т. п. виды стихотворений, весьма нужные тогда для поздравления с праздниками и восхваления епархиальных архиереев и др. школьных патронов, а также и для приносивших доход бедным семинаристам спеваний и гратуляций по частным домам семинарского города. В столичных семинариях гратуляционная поэзия имела случаи проявляться с особенным блеском во время посещения семинарий высочайшими особами⁵³¹.

Надобно впрочем заметить, что киевская пиитика в Великороссии имела далеко не такие успехи, как на своей родине. Великорусские воспитанники не увлекались ей, как малороссийские, по крайней мере не считали ее особенно необходимой в семинарском образовании. Под конец описываемого времени в Троицкой семинарии встречаем касательно ее преподавания замечательное распоряжение Гедео́на Криновского. В первый же год своего архимандритства в Троицкой лавре (1758) этот известный уже нам представитель партии великорусских ученых распорядился совсем уничтожить класс пиитики, поручив ее преподавание учителю риторики и назначив для того всего только один день в неделю: „понеже, сказано в определении, пиитика не столь нужна церкви; и для того особливо ее учить и время тем продолжать не рассуждается за благо, да и в других знатных училищах особливо учителя ей не имеется”. Такого же мнения о пиитике держался потом и Платон Левшин, сам преподававший ее троицким семинаристам во дни своей молодости⁵³².

Риторика, как мы видели, в большей части семинарий до последнего времени оставалась высшей наукой, которой завершалось все тогдашнее семинарское образование. Поэтому на нее смотрели весьма высоко, особенно где вовсе еще не было философского и богословского классов; риторам

предоставлялись лучшие места на духовной службе, и сами они смотрели на себя, как на превзошедших всякую мудрость. В сущности риторское обучение было продолжением той же *ludus literalis*, игры в словесные формы, как и обучение пиитическое.

Сохранилось несколько рукописных учебников риторики, составленных академическими и семинарскими учителями. Все они на латинском языке, имеют значительный объем и носят весьма пышные заглавия, выражавшие сознание их важности и драгоценности: *Thesaurus praeciosissimo rerum et verborum pondere abundans, ad thesaurisandos oratorum animos comparatus*; *Arena Tullianae eloquentiae*; *Regia Tullianae eloquentiae*⁵³³ и т. п. Но все эти сокровищницы, чертоги, арены представляют собою не более, как набор одних чисто механических рецептов, как писать периоды, хрии, письма и целые ораторские речи на все возможные случаи жизни и преимущественно для проповеднической практики. Как и в пиитиках, в них целые отделы посвящены правилам амплификации, украшения речи тропами и фигурами и так называемого изобретения мыслей. Обязательные авторы записок представляют своим ученикам для заучивания целые словари разных слов и выражений, относящихся к амплификации и украшению речи, *nomina laudis et vituperii* (похвалы и порицания), правила, как восхвалить область, город, здание, поле, реку, гору, сад и т. п., общие шаблоны, с каких сторон рассматривать тот или другой предмет, большие запасы самых материалов для разных речей на более ходячие темы, – *supellex eruditionum* (собрание примеров из истории), *supellex sententiarum* (разных изречений ученых мужей), *supellex symbolorum* (символических изображений, надписей, гербов, девизов и т. д.), наконец образцы для указания практического применения общих правил (*praxis*), взятые или из латинских авторов, или реже из отечественной литературы на русском языке. После длинного отдела об изобретении мыслей следует такой же длинный и мелочный отдел о расположении мыслей и о частях ораторского сочинения. Все это предлагалось не в виде серьезного научного анализа человеческой речи, а именно как сбор регул, имеющих практическое значение научить человека

писать и выработать из него оратора. Поставленная таким образом, риторика представляла из себя целый арсенал разных готовых механических приемов, высокопарных фраз, сравнений, подобий, сентенций и примеров из истории, с помощью которых ритор мог бы без дальнего затруднения составить речь на какую угодно заданную тему и насколько угодно высокопарным языком.

Лучшим украшением ораторского, как и пиитического языка, под влиянием тогдашнего псевдоклассицизма считались мифологические термины, без которых не обходилось ни одно сочинение и которыми обильно испещрены самые образцы, приводимые и в учебниках. В речи напр. на новый год, говорится в истории вятской семинарии, „встречаете повесть о Фаетонте, о Паллядином дожде, об Еритрейских маргаритах, Додонских дубах, Марсовых купрессах и т. д. Вы читаете речь на празднество Крещения Господня, и тут идут рассказы об аквилонах, фавониях, Клеопатре и Антонии. Вам попадаетея какая-то речь о греческом царе Перикле, о несчастном Велизарие, о Диогене и Александре, о тиране сиракузском Дионисие, о Дамоне и Питииасе; вы недоумеваете, к чему тут перебираются все упомянутые личности и, обращаясь к заглавию, узнаете, что все это не что иное, как утешительная речь юной вдове, лишь только лишившейся супруга, похищенного злою фортуною”. Можно судить, насколько полезна была развиваемая в семинариях привычка к подобного рода болтовне для того служения, к которому специально приготавливались семинарские риторы. Интересно было бы знать, как отнеслись к киевским риторским замашкам обладавшие более практическим смыслом великорусские учителя риторики в троицкой семинарии, но к сожалению лекции их не дошли до нашего времени. Судя по образчикам ученических сочинений этой семинарии, изданных в ее истории, ложноклассический хлам имел здесь менее значения в риторской практике, чем в заведениях, где учителями были киевляне.

Кроме обучения формам речи, составлявшего специальность риторического класса, в этом классе начиналось обыкновенно первоначальное развитие у учеников формального

мышления и они готовились таким образом к курсу следующего философского класса. Риторика, близко гранича с одной стороны с грамматикой, а с другой – с логикой, обыкновенно наполовину наполнялась правилами, относящимися либо к той, либо к другой из этих наук. Из логики риторы более всего знакомились с силлогистикой, которой никак нельзя было им избежать, как только они начинали составлять свои простые и превращенные хрии, а тем более, когда изучали расположение частей ораторской речи и формы доказательств. В киевской академии риторическому учителю нарочно предписывалось в инструкциях: „понеже nemo est rhetor nisi philosophus, dialecticam вкратце предлагать”⁵³⁴. В семинариях, где философский класс не был еще открыт или открывался поздно, такое краткое преподавание диалектики было, разумеется, еще необходимее и действительно заведено было в нескольких семинариях. Так, при архиепископе Дмитрие Сеченове оно заведено было в нижегородской семинарии, еще задолго до открытия особого философского класса⁵³⁵. В начале 1750-х годов в вологодской семинарии, точно так же еще до открытия философского класса, преподавалась целая философия; особый философский класс видим здесь уже в 1778 году⁵³⁶. В воронежской семинарии несколько времени (с 1751 г.) читал философию ученик киевской академии Прокл Бухартовский и оставил даже после себя записки⁵³⁷. В вятской семинарии в риторике читалась краткая диалектика, а о переяславской семинарии известно, что в риторическом ее классе преподавались не только начатки философии, но и самонужнейшие трактаты из богословия⁵³⁸. По всей вероятности с богословием знакомили риторов и в других семинариях, где не было высших классов.

С риторики всего более обращалось внимание на письменные упражнения семинаристов. Духовное начальство предписывало „к большому успеху наичаще содержать учеников в экзерцициях”⁵³⁹. Экзерциции эти развивали у риторов мыслительность и своего рода ловкость и находчивость до такой степени, что за недостатком философов и богословов они могли иногда заменять этих ученых мужей и в преподавании и

на проповедническом поприще. Некоторые архиереи заставляли риториков говорить их ученические проповеди даже в церкви. Вот наприим. что писал первый учитель риторики вятской семинарии Финитский архиерею Варлааму в 1745 г.: „в школах, мною основанных, некоторые из студентов в толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойного преосвященного Вениамина бытность поучения в церквях сказывали, також уже и в бытность вашего преосв-ва, какового суть оные учения, в самоперсональном проповедания их слушании ваше преосвященство опробовать их изволили”⁵⁴⁰. Ввиду такой важности риторического обучения на него назначалось два года. В тех семинариях, где весь курс оканчивался риторикой, ученики оставались в риторическом классе года по 4 и больше до приискания места, точно так же, как в полных семинариях они оставались по окончании курса в богословском классе⁵⁴¹. В новгородской семинарии в 1742 году риторики были оставлены в том же классе на 4 года, в ожидании замедлившегося тогда открытия философского класса⁵⁴². Не говорим об обыкновенных случаях оставления учеников без перевода за безуспешность. В псковской семинарии в 1752 г. встречаем такой случай: начальство узнало, что ученики, переведенные уже в философию, почему-то плохо знали риторику, и распорядилось снова преподавать им эту важную науку в философском классе⁵⁴³.

В философию переводилось еще менее учеников, чем в пиитику и риторику. Поэтому прошедшие оба высших класса считались очень редкими учеными до конца описываемого времени, тем более, что самых семинарий с обоими этими классами было всего только 8 (кроме академии), да и в этих 8 семинариях полные курсы явились большею частью уже в царствование имп. Елизаветы. Раньше всех завел у себя высшие классы харьковский коллегиум, – философию в 1727, богословие в 1731 гг. Затем довольно рано явились они в семинарии смоленской⁵⁴⁴. В Казани и Пскове при имп. Анне был только философский класс (с 1739 г.); богословие введено в Пскове с 1746 г., а в Казани с 1751. Не ранее этого последнего года полный курс сформировался в семинарии петербургской, –

первый философский курс кончился здесь еще в 1743 г.⁵⁴⁵ В новгородской семинарии философия стала читаться с 1746 г.; богословский класс открыли было с 1748 г., но в том же году начавший в нем преподавание учитель Иосиф Ямницкий помер, ученики снова были переведены назад в философию и приступили к изучению богословия уже через два года⁵⁴⁶. В 1749 г. философия введена в Троицкую семинарию, богословский класс открылся через два года в 1751 г. Около того же времени философия стала читаться в семинарии тверской, а в 1759 г. новый ректор ее архимандрит Тихон, знаменитый после святитель воронежский, приступил к преподаванию ее ученикам богословия⁵⁴⁷. Кроме этих 8 полных семинарий были еще 3 семинарии с одним философским классом: тобольская с 1755 г., рязанская с 1757 г., нижегородская со времени архиерея Феофана Чарнуцкого⁵⁴⁸. Мы упоминали, что философские классы стали было заводиться также в семинариях воронежской и вологодской, но за недостатком средств и учителей не продержались до конца.

Обе высшие науки читались в семинариях на латинском языке по рукописным запискам, составленным под руководством академических лекций. Записки эти остаются неизвестными в нашей литературе до настоящего времени и о содержании их можно судить только по извлеченным из них конспектам и кратким их характеристикам в историях семинарий⁵⁴⁹. Философия проходила в два года и разделялась обыкновенно на пять частей: диалектику или логику, физику, психологию или, как ее иногда называли, анимостику, метафизику и ифику. Из них две первые обращали на себя особенное внимание преподавателей; логика была важна в видах господствовавшего схоластического образования, физика была единственной наукою, которая, при всей своей отсталости и наивности в понятиях о природе и объяснениях физических явлений, давала семинаристу хотя кое-какие реальные знания. В основе всей философии лежали начала Аристотеля, а господствующим методом был метод схоластический. В 1750-х гг. господство Аристотеля стало сильно колебаться на философских кафедрах обеих академий;

в среду академических схоластиков незаметно начали проникать идеи новой философии Бэкона, Декарта и особенно Лейбница и Вольфа. Было ли что-нибудь подобное в семинариях, за недостатком фактов сказать не можем.

В богословском классе ученики оставались неопределенное время до приискания места. Напр. из ведомости троицкой семинарии 1758 г. видно, что одни из учеников учились богословию 2 года и менее, другие 3, 4 и 5 лет. Самый курс науки рассчитан был в одних семинариях на два, в других на 4 года. Получившие место ранее этих сроков большею частью оставляемы были при семинарии доучиваться. Богословие преподавалось по тому же схоластическому методу. Образцом богословствования был латинский богослов Фома Аквинат, система которого была долгое время главным руководством и для академических лекций. Семинарские записки по богословию держались впрочем не столько системы самого Аквината, сколько лекций его академических последователей, особенно лекций киевского богослова Иоасафа Кроковского и московского Феофилакта (характеристику их можно читать в историях киевской и московской академии), которые они только перифразировали и сокращали. По характеру своему они представляли собою обыкновенные схоластические трактаты со всеми обычными недостатками старого схоластического богословствования. Так наприим., разбирая записки по богословию смоленской семинарии 1747 и 1755 гг., автор Описания смоленской епархии говорит, что они „состояли из разных боле или мене утонченных дефиниций, квестионов, диспутаций, изложенных без систематического порядка; чрезвычайная дробность делений и подразделений, изысканность и сухость силлогистических форм, в которых посылки большею частью извне пригнаны к готовым заключениям, незначительность, иногда мелочность вопросов, пустая терминология и отсутствие истинного духа учения христианского только порождали любопытствие и ошибочную самоуверенность в приобретении мудрости. Еще в начале XVIII столетия в Киеве явилась новая система богословия, система Феофана Прокоповича, изложенная по образцу новых

протестантских теологий Германии и нанеся сильный удар старому схоластическому методу богословствования, но она долго не принималась в руководство ни в семинариях, ни в академиях. Первые попытки освободиться от схоластики и приблизиться к направлению Прокоповича в академиях встречаем уже в 1740-х гг. После этого система Прокоповича начала понемногу проникать и в семинарии, начиная с троицкой. Первый троицкий учитель богословия Афанасий Вольховский оставил записки, составляющие почти копию с лекций Феофана, но с разными отступлениями от его метода в пользу отживавшей свой век схоластики. Разбор этих записок, представляющих собою „разительный пример борьбы между привязанностью к схоластике и стремлением к свободному преподаванию науки можно видеть в Истории троицкой семинарии.

Рука об руку с господством в богословии схоластики шло господство в нем латинского языка. Тонкости и абстракции схоластического богословия не нашли для себя в русском языке равносильных форм и выражений, да и в самой латыни требовали множества технических, нарочно выдуманных в средние века терминов, о которых и не снилось римским классикам, вроде напим. *ubicatio*, *entitas*, *quidditas*, *aseitas*, *perseitas*, *futuritio* и т. п. С другой стороны эта варварская латынь в свою очередь оказывала важную услугу схоластике, составляя обманчивый покров для пустоты и бесполезности ее богословских разглагольствий. С первыми же опытами изложения богословия на русском языке в 60 х гг. XVIII столетия покров этот стал спадать и богословская схоластика быстро склонилась к упадку. Но пока это случилось, латынь и схоластика успели много повредить развитию у нас богословского образования, отвлекая внимание учеников богословия от содержания науки к одной ее форме. Путаясь в бесплодных диалектических тонкостях и варварских терминах, богослов только и годился для школьных диспутов в кругу таких же педантов, как он сам, но не мог попонятнее и на русском языке объяснить самых простых истин веры, что собственно и требовалось от будущего народного учителя и пастыря. Русский

научно-богословский язык, образчик которого можно видеть наприим. в тезисах для публичных диспутов в московской академии⁵⁵⁰, был до того мало развит, что стоял несравненно ниже даже языка наших старинных переводчиков св. отец и оригинальных богословских произведений древней Руси. Мысль о преподавании наук на русском языке высказана была еще в 1731 г. в грамоте харьковскому коллегиуму, где говорилось, чтобы высшие науки „старались вводить на собственном российском языке.” Несмотря на это, первую попытку подобного преподавания богословия встречаем уже в 1759 г. в киевской академии: м. Арсений распорядился тогда читать богословам по-русски Православное Исповедание П. Могилы; но и эта уступка требованиям жизни допущена была академией, так сказать, ради человеческой слабости, в виде прибавления к настоящему богословскому курсу, который все-таки положено читать, „сохраняя чистый латинский штиль и оберегаясь грубого простого наречия”⁵⁵¹. Раньше этого практическим потребностям богословского образования семинаристов могли удовлетворять только упражнения в составлении русских проповедей и особенно заведенные в нескольких семинариях, по примеру академий, катехизические беседы, на которых только и можно было услышать живое слово об истинах веры на родном языке, так как эти беседы имели публичный характер. Для семинаристов посещение бесед было строго обязательно, поэтому перед началом каждой беседы им обыкновенно делалась перекличка по списку. Составление и произношение бесед поручалось ректору или префекту или кому-нибудь из учителей большею частью духовного сана. Можно положительно сказать, что катехизация была лучшим богословско-образовательным средством для самих наших богословов, с нее начал свое богословское поприще и знаменитый автор нашего первого русского Богословия, м. Платон⁵⁵².

Торжеством богословско-философской учености в семинариях, как и в академиях, были публичные диспуты, производившиеся на латинском же языке в конце каждого учебного года. Схоластическая тонкость и изворотливость и знание латинского языка проявлялись здесь во всем своем

блеске. Объявления о диспутах разрисовывались на материи или вырезывались на железных листах с разными символическими фигурами, представлявшими заслуги архиерея или благотворные следствия просвещения, прибавались вместе с назначенными для диспута тезисами к воротам семинарии и привлекали в семинарский зал множество любопытных посетителей. О многолюдстве подобных собраний можно судить по тому, что наприм. в смоленской семинарии на наем одних стульев для публики в день диспута выходило свыше 14 рублей, – сумма тогда очень большая для семинарии; замечательно, что в той же семинарии и в то же время на лекарства и содержание больных семинаристов за целый год расходовалось всего 9 р. 19 к. Многие посетители, ничего не понимая по-латыни, являлись просто из любопытства посмотреть как будут спорить между собою назначенные для состязания бурсаки оппоненты и дефенденты, или из желания послушать всегда сопровождавшие эти диспуты партесного пения кантов и концертов. Кроме этих торжественных диспутов в богословском и философском классах от времени до времени, большею частью помесечно, производились еще диспуты частные для упражнения учеников в диалектике. В петербургской семинарии заведены были еще общие собрания всех воспитанников и учителей каждую субботу, на которых действующими лицами были ученики всех классов, кроме богословского; риторы и философы читали тут свои сочинения, пииты декламировали вирши, синтаксисты и грамматисты вели между собой сочиненные для них на разных языках разговоры, а ученики низших классов читали наизусть места из свящ. истории и катехизиса. По окончании всего лучшие ученики получали от ректора похвалу, а дурные нагоняй⁵⁵³.

Все перечисленные нами классы или школы были латинские. Преподавание греческого языка было повсюду в упадке. Сама московская академия до 1738 г. оставалась с одной только латынью и далеко отстала в этом отношении от киевской, которая все-таки имела у себя греческие классы, хотя и не обязательные для всех студентов, и могла выставять из среды своих питомцев таких редких эллинистов, как Симон

Тодорский, Варлаам Лящевский и Иаков Блонницкий. В 1738 г., когда греческий язык велено было ввести в московскую академию, за преподавателями его пришлось обратиться именно в Киев, который Москва сама когда-то упрекала за исключительную привязанность к латыни. С этого же времени стали заботиться о преподавании греческого языка и в семинариях. В указах о штате новгородской семинарии и об открытии семинарии троицкой он поставлен был в семинарском курсе наравне с латинским. На практике такого равенства он впрочем никак не мог достигнуть. В смоленской наприм. семинарии для него не было особого учителя, а поручалось преподавать его одному из наличных учителей в качестве прибавочного предмета. В псковской с 1743 г. ему велено было обучать только понятнейших и надежнейших учеников по 3 раза в неделю в послеобеденное время⁵⁵⁴. В некоторых семинариях преподавание его введено очень поздно, наприм. в нижегородской и рязанской (1757 г.)⁵⁵⁵. Всего успешнее он преподавался в Харькове, Новгороде, Твери и в семинариях петербургской и троицкой. Студент петербургской семинарии Пельский в 1745 г. по знанию греческого языка признан достойным занять в московской академии место выбывшего из учителей Иакова Блонницкого; тверские семинаристы были хорошо заправлены в знании этого языка еще при Феофилакте Лопатинском, который сам был его знатоком, потом о преподавании его много заботился другой тверской архиерей Митрофан Слотвинский (1739–1752), который лично задавал ученикам разные переводы и пересматривал все их греческие упражнения⁵⁵⁶.

К числу „диалектов наипаче приличных дух. чину” присовокуплялся еще язык еврейский, но сами указы о введении его в семинарии говорили только условно: „если возможно”. Поэтому он преподавался лишь в немногих более устроенных семинариях, невской, новгородской, троицкой. В последней ученики начинали изучение его с младших классов и так в нем успевали, что в списках 1761 года один из них Новиков отмечен умеющим по-еврейски даже *non ineleganter colloqui*. В последнее время в академиях начали заботиться о

введении преподавания новых языков. Из семинарий, сколько известно, первая ввела у себя эти языки, немецкий и французский, харьковская при Петре Смеличе, но после него в 1741 г. кафедры их были снова закрыты⁵⁵⁷. В 1758 г. Геден Криновский распорядился о введении новых языков в троицкой семинарии; чтобы приготовить учителей к их преподаванию, лавра отправила двоих троицких студентов в московский университет. Вероятно около того же времени преподавание этих языков введено в семинарии петербургской. В Нижнем архиерей Феофан завел класс французского языка, а в Новгороде уже в 1762 г. открыт класс немецкий⁵⁵⁸. Об изучении местных инородческих языков тогда еще не заботились. Мы можем указать на один только факт, относящийся к этому предмету, и то касавшийся учеников, исключенных из семинарий. В 1748 г. петербургский архиепископ Феодосий распорядился взять с двоих таких учеников подписку, чтобы они научились чухонскому языку „ради необходимо случающихся в здешних странах нужд”; при этом, в случае хороших успехов, им обещаны были не только дьяконские, но и священнические места⁵⁵⁹. Исключение составлял язык польский, преподававшийся в юго-западных семинариях, кажется, повсюду, как и в киевской академии.

Кроме перечисленных главных предметов семинарского курса, по именам которых назывались самые классы, по программе Д. Регламента в семинариях должны были преподаваться другие светские науки, совокупность которых могла бы составлять необходимое восполнение сословно-специального курса духовной школы, его часть общеобразовательную: арифметика с геометрией, география, история, физика и политика. Но где и как они преподавались на самом деле, об этом мы имеем очень мало определенных известий. В известных доселе документах по истории разных семинарий говорится только в общих чертах, что ученики учились в фаре, инфиме,... философии, богословии, но чему они там обучались, отдельно не говорится. Политика, сколько известно, не преподавалась ни в одной семинарии. Физика составляла часть философии и преподавалась с философско-

богословской точки зрения, как натур-философия, а не как наука из области естествоведения. Немного также посчастливилось в семинариях и науке математической.

Св. Синод, как мы знаем, обещался при Петре завести цифирное обучение во всех своих школах, но обещания своего не выполнил, арифметика введена была главным образом в тех из архиерейских школ, которые возникали на место прежних цифирных или были с последними в какой-нибудь связи, как наприим. архиерейские школы в Вологде и Рязани. Да и самое обещание завести в своем ведомстве цифирное обучение дано было не столько по сознанию его важности для образования детей духовенства, сколько из желания освободить их от невыгодной для духовного сословия посылки их в цифирные школы вместо духовных и из угождения царю, который желал развить это обучение в духовных школах в интересах государственной службы⁵⁶⁰. Некоторые же местные дух. начальства тогда же стали освобождать от этого обучения всех учеников, готовившихся собственно к духовной службе; так, в смешанной рязанской школе арифметике обучались дети только светских лиц, готовившихся на государственную службу, а ученики духовные отделены были от них в особую группу, которая ее не изучала. После Петра такой взгляд на арифметику стало разделять и правительство: в указе 1737 г. о детях духовенства, откупавшихся от военной службы, прямо говорилось, чтобы желающие из них приготовиться к светской службе учились арифметике с геометрией, а готовившиеся в дух. чин обучались грамматике, риторике и философии⁵⁶¹. Те же науки, как особенно приличные дух. званию, перечисляются в указах о штате новгородской семинарии и об открытии троицкой. Около конца 1730-х годов, известия о преподавании в дух. школах арифметики совсем прекращаются. Знаем только, что она входила в состав курса в семинариях невской, смоленской и казанской⁵⁶². В истории харьковского коллегиума, где математический класс при П. Смеличе организован был очень роскошно (в нем читались математика, геометрия и архитектура), находим известие, что в 1741 г. математика вовсе была исключена из курса, между тем как коллегиум был еще не

столько духовным, сколько общеобразовательным заведением⁵⁶³. В Троицкой семинарии с 1743 г. она была напротив введена вновь по определению лаврского собора (велено было преподавать арифметику, геометрию и тригонометрию), но самое это определение всего лучше показывает, что она вводилась вовсе не в качестве науки нужной для полноты собственно семинарского курса, а из практических видов для удовлетворения потребностей самой лавры, потому что „помянутое обучение для знания находящихся в монастыре к приказному порядку и прочих нужнейших искусств, за неимением таковых людей, весьма Троицкому монастырю надобно.” Оттого и учились этой науке не все семинаристы, а вероятно только назначавшиеся после на лаврскую приказную службу, сначала 45, а потом с 1750 г. всего 17 человек. В подобных же видах с 1746 г. лавра завела при своей семинарии класс иконописи, в котором с самого начала обучалось 8 учеников, а потом больше; класс этот давал лавре возможность иметь своих иконописцев⁵⁶⁴. В качестве обязательного предмета арифметика стала читаться в лаврской семинарии уже при архимандрите Гедеоне с 1758–1760 гг.

Что касается до введения в семинарский курс преподавания географии и истории, то об нем стали вспоминать только под конец описываемого времени. Раньше всех семинарий ввели у себя эти науки петербургская невская⁵⁶⁵ и харьковский коллегиум (до 1741 г., когда исторический класс в нем был снова закрыт вместе с математическим). В Троицкой семинарии география с историей стали преподаваться только с 1758–1760 гг. при Гедеоне Кривовском; в новгородской введена была одна география, и то уже в 1762 г.⁵⁶⁶. В других семинариях, если и сообщались какие-нибудь сведения по этим наукам, то вероятно мимоходом и между прочим, наприм. в числе каких-нибудь *subsidia poëseos*, или, как было в переяславльской семинарии, чрез чтение географических и исторических руководств в неучебные рекреационные дни. Переяславльским семинаристам принято было читать в такие дни по истории *Mellificium historicum*, а по географии

историческую географию Целлярия. Какие руководства приняты были в других местах, неизвестно.

Таким образом со стороны преподавания общеобразовательных наук семинарский курс до последнего времени постоянно оставался ниже программы, предначертанной для него в Д. Регламенте, несмотря на то, что и самая эта программа, как мы видели, еще далеко не обнимала собою всех даже самых существенных требований общего образования и отличалась в этом отношении слишком большими сокращениями и в числе назначавшихся к преподаванию наук и во времени их преподавания. Причиной такой односторонности семинарского курса прежде всего была первоначальная неразвитость юных духовных школ, потом большое с течением времени развитие в духовном ведомстве известных нам сословно-профессиональных взглядов на образование, на основании которых „науки святей церкви потребные и наипаче духовному чину приличные” все резче и резче отделялись от других наук не прямо полезных для духовной службы. Чем более развивался сословный характер дух. школы, тем сильнее он отражался и на составе учебного курса. Знания общеобразовательного характера попадали в ее курс, можно сказать, только случайно, или вследствие признания их полезными для изучения специальных предметов, или по их надобности, так сказать, для домашнего обихода сословия, чем наприм. мотивировано было введение в троицкой семинарии класса математики и обучения иконописи, или наконец по старым традициям, как изучение классических языков, риторики с пиитикой и философии. Несмотря на всю прочность того положения, какое эти языки и науки издавна занимали в семинарском курсе, все-таки до последнего времени находились люди, которые, смотря на семинарию с исключительно профессиональной точки зрения, считали их вовсе не так для нее нужными, как это следовало по старым традиционным понятиям; – в числе этого рода людей видим даже одного из образованных архиереев малороссов, Арсения Мациевича. Как однако ни сильно наклонялось семинарское обучение к своей специальной цели и как вследствие этого ни

суживался объем его курса с общеобразовательной стороны, общее образование в семинариях было довольно высоко по тогдашнему времени и давало им важное преимущество перед другими учебными заведениями, которые все имели тогда специальные курсы. Каковы бы ни были семинарская риторика и философия, они сообщали ученику не одну уже ремесленную выучку, а в собственном смысле образование, развитие. Их изучал один семинарист, оттого он и имел огромное преимущество перед воспитанниками всех других заведений, где этих наук не было; оттого так и дорожили им в университетах, петербургском академическом и в московском, оттого так много замечательных людей из духовных воспитанников встречаем в XVIII в. и на всех родах государственной и ученой службы. Надобно при этом заметить и то, что самая специальность дух. школ, образование богословское, по своему развивающему влиянию стоит ближе к общему образованию, чем всякая другая светская специальность, и в известных границах сама входит в состав этого образования.

Важнее была другого рода односторонность семинарского образования, уже не находившая себе восполнения, – это слишком и даже исключительно формальное его направление. Ученик в течении всего своего многолетнего курса вращался в одних формах, от форм языка переходил к формам пиитической и ораторской речи, от форм речи к формам мысли, наконец все эти формы учился прилагать к разным богословским положениям, которые затем и оставались почти единственным их содержанием. Кое-какие положительные знания только и попадались ему, что в разных *subsidia poëseos* или в источниках изобретения мыслей, в разных риторических супеллексах *eruditionum*, *sententiarum* и проч., или наконец в философской физике; но само собою понятно, что все подобные обрывки разнообразных сведений по разным наукам без правильного изучения этих наук, только могли служить разве в качестве пособий для украшения ораторских речей, для придавания им известного рода занимательности к увеселению слушателей, или в качестве примеров и свидетельств для усиления диалектической аргументации. Недостаток положительных

знаний вредно отзывался на самом богословии. Формальная, исключительно диалектическая ученость, при всем своем самомнении, была слишком доверчива и наивна. Обращая все свое внимание только на формальную правильность своих силлогизмов, она вовсе не отличалась критикой и простодушно набивала свои богословские трактаты всякими средневековыми бреднями, апокрифами, легендами об ангелах и демонах, рассказами о ложных чудесах, важными решениями пустых и мелочных вопросов, которые человеку верующему и нетронутому схоластикой не могут прийти и в голову, и т. п. Феофан Прокопович в свое время колко смеялся над этими трактатами, называя их потешными кладовыми всякой всячины, смеялся и над их всезнающими поклонниками, которые „готовы, по его словам, отвечать на всякий вопрос и отвечают так самоуверенно, так бесстыдно, что ни на волос не хотят подумать о том, что такое говорят”. Схоластическая привычка вращаться только в области формальной диалектики производила даже какое-то отчуждение от положительных знаний, так что в самом богословии устранялась вся его положительная сторона, состоящая в филологическом и историческом изучении самых источников христианского вероучения и церковной древности, и оставалась одна сторона логическая, лишенная всякой научной опоры и защищенная от диалектического произвола только требованиями православного чувства.

Надобно однако сказать и то, что старая семинарская наука имела слишком мало средств для более солидной своей постановки. Еще Регламент толковал о необходимости для дух. школ библиотек, „ибо без библиотеки, как без души, академия,” но только немногие семинарии успели обзавестись несколько достаточными библиотеками, большинство же крайне нуждалось даже в самых необходимых учебных книгах. Богаче всех семинарий были в этом отношении семинарии лаврские, имевшие возможность, кроме своих библиотек, пользоваться еще книжными сокровищами лавр, потом новгородская, на библиотеку которой в штате 1740 г. ассигнована была значительная ежегодная сумма в 638 р. „Знатная библиотека”

троицкой семинарии, составившаяся частью благодаря щедрости на покупку для нее книг лаврского начальства, частью от пожертвований разных духовных и светских лиц в 1762 г. содержала в себе 2655 книг и 190 рукописей. Невская лавра тоже отличалась значительною щедростью на покупку книг для своей семинарии; кроме того последняя воспользовалась для своей библиотеки собраниями книг и рукописей Афанасия Скияды, Никодима Селлия, и Феофана Прокоповича⁵⁶⁷. Библиотека новгородская, кроме покупки книг на ассигнованную сумму, особенно обогатилась отдачей в ее пользу части огромной библиотеки Прокоповича и книжными пожертвованиями новгородских архиереев Амвросия Юшкевича и Стефана Калиновского. Амвросий устроил для нее каменный корпус и завещал в ее пользу все свое весьма богатое книжное собрание⁵⁶⁸. В южной России славился книжным богатством харьковский коллегиум, благодаря поступлению в его библиотеку книг Стефана Яворского и богатым пожертвованиям Голицыных, Епифания Тихорского и Петра Смелича. Пожертвования архиереев составляли основу вообще всех семинарских библиотек: покупка книг производилась только в крайних случаях, и то книг исключительно учебных, Альваров, элементарев, трязычных лексиконов Поликарпова или Кнапиуша, Иустинов историков, Цицерона *ad familiares* и т. п., потому что денежных средств для таких покупок решительно не было никаких, кроме разве пожертвований со стороны тех же архиереев. В 1739 г. казанский архиерей Лука Конашевич, воспользовавшись тем, что правительство обратило тогда особенное внимание на казанскую семинарию и указало привести ее в лучшее устройство, в составленном для того штате семинарии включил статью об ассигновке на ее библиотеку особой суммы в количестве 500 р. на первоначальное обзаведение и затем постоянной ежегодной, сколько будет соблаговолено правительством. Представление это, несмотря на всю свою скромность, не было, кажется, утверждено. Просвещенный архипастырь однако не оставил мысли о заведении библиотеки и учредил, по словам Любарского, на собственные средства „библиотеку не малую,

снабденную многими знатных авторов разноязычными и особенно латинскими книгами”⁵⁶⁹. В Вятке таким же обогащением местной семинарской библиотеки на собственные средства сделался известен Лаврентий Горка, первый устроитель семинарии. Один из его преемников, Варфоломей Любарский, при восстановлении вятской семинарии после пожара 1758 г., выписал для ее библиотеки книг латинских и греческих на 1492 р. 77 к.⁵⁷⁰. В Нижнем к 1764 г. из пожертвований архиереев составила библиотека из 684 экземпляров⁵⁷¹.

Но и в подобных семинариях, обильно воспользовавшихся щедротами своих преосвященных патронов, самый состав библиотек был далеко не удовлетворителен для потребностей учащихся, носил характер случайный, сборный, не приспособленный к специальным учебным целям. Большею частью было так, что в библиотеке имелись дорогие и важные для ученого многотомные издания в роде *Maxima bibliotheca veterum patrum*, *Corpus iuris civilis Justiniani*, *Thesaurus antiquitatum graecarum et romanarum* и т. п., – и не было необходимого учебника или даже славянской Библии. Согласно с постановлением Регламента, чтобы ученики дух. школ учились туне и на готовых книгах епископских, архиереи не скупились на покупку учебников, но все-таки никак не могли удовлетворить в этом отношении всех учащихся. От этого последние должны были прибегать к постоянному списыванию уроков и теряли на свои учебные записки самую большую часть дорогого учебного времени. Дело и при этом не обходилось без затруднения: книг было так мало, что не с чего было и списывать. Тогда учителя прибегали к диктовке урока во время классных часов, что необходимо должно было отнимать много классного времени нужного для экспликования урока, как тогда выражались⁵⁷². В смоленской семинарии встречаем еще другой способ для достижения той же цели, указывающий на еще более крайнюю нужду в учебниках: преосв. Парфений (уже в 1766 г.) распорядился, чтобы учителя сами прочитывали с учениками уроки тоже в классе⁵⁷³. Вместо славянской библии в семинариях употреблялась более доступная, хотя тоже

довольно редкая, латинская Вульгата; пользование ею было тем удобнее, что и лекции и оккупации по богословию были на латинском же языке. Славянская Библия была большой редкостью, почти недоступной для частных лиц из духовенства, слишком дорогой и для семинарской библиотеки даже после издания ее в 1751 г. Неудивительно, что изучения св. Писания вовсе не было не только в семинариях, но даже и в академиях. Между духовенством о чтении св. Писания и речи не было. Издание 1751 г., как известно, в первый раз только познакомило с Библией русскую публику, но число экземпляров, выпущенных в свет, было слишком недостаточно для удовлетворения потребностям не только народа, но и служителей церкви, кроме того каждый экземпляр стоил 5 рублей, большой тогда суммы денег. В смоленской наприм. епархии, как рассказывает автор ее описания (стр. 165), „не раньше, как 1752 г., выдано было на всю епархию, – архиер. дом, монастыри, церкви и семинарию, 10 библий по 5 р. Как было поделиться этими книгами, когда одних монастырей в епархии было 10?” По всей вероятности то же было и в других епархиях.

III. Состояние духовных школ с восшествия на престол Екатерины II

С восшествия на престол имп. Екатерины II в России началось новое преобразовательное движение и наступил новый период в истории народного образования. Прежний утилитарный взгляд на образование, как на одну выучку чему-нибудь непосредственно нужному для известного определенного рода занятий и главным образом для пользы того или другого рода государственной службы, сменился новыми, более широкими, педагогическими воззрениями, развившимися под влиянием философии XVIII века. Правительство создало, что государственное благосостояние зиждется не на одном распространении в обществе непосредственно полезных, специальных знаний, а на общем образовании ума и сердца граждан, на народном развитии и нравственности, и обратило усиленное внимание на народное воспитание. „Наказ” императрицы провозгласил, что одно учение бессильно производить истинно полезных граждан, отвращать преступления и сообщать крепость гражданскому порядку и что „правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами”. На основании таких воззрений на народное образование новая реформа русского общества поставила себе задачей обновить это общество нравственно, создав посредством воспитания „новую породу людей”. Старые учебные заведения подверглись преобразованиям; кроме того рядом с ними одно за другим возникали новые заведения с более широкими общеобразовательными и воспитательными целями. Учебно-воспитательная часть в государстве никогда еще не пользовалась такими попечениями со стороны правительства и никогда не была предметом такой щедрости, как в царствование Екатерины. Сравнивая образовательную деятельность императрицы с такою же деятельностью Петра Великого, современники говорили: „Петр Великий создал в России людей; Ваше Величество влагаете в них души”.

На духовные школы Екатерина обратила свое внимание в первый же год своего царствования. В инструкции комиссии о церковных имениях она писала: „Св. Синод сам довольно ведает, что познание слова Божия есть первое основание благополучия народного и что из сего источника истекает вся народная добродетель. Но мы с прискорбием видим, что народ наша простой весьма удален еще от должного исправления, так что и самые многие священники не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи сами часто малограмотные, нередко простому народу служат собственными примерами к повреждению”. Для поднятия уровня духовного просвещения она считала необходимым поднять благосостояние и расширить курсы духовных школ, на что, между прочим, согласно с узаконениями Петра I, назначала доходы с церковных имений. „Когда нет доброго учреждения к воспитанию и приготовлению молодых людей, говорилось в инструкции, из которых бы добрые пастыри и учителя ко всем церквам определяемы были, то и ныне в простом народе нет никакого руководства к отвращению от пагубных дел, нет исправления нравов и доброго сожития в обществе.” Современным состоянием дух. школ императрица была крайне недовольна. Прошло 40 лет со времени издания Д. Регламента, давшего дух. школам устав, но и „по сие время архиерейские семинарии состоят в весьма малом числе достойных и надежных учеников, в худом учреждении для наук и в бедном содержании. Семинаристы нынешние обыкновенно в некоторых местах обучаются латинскому и греческому языку от неискусных учителей, не знают иных учений, как только самые школьные и первые основания латинского языка, не обучаются ни наук философских и нравоучительных, не знают истории церковной ни гражданской, ниже положения круга земного мест, на которых в рассуждении других народов живут. Набираются они в семинарии от отцов и матерей большею частью неволею и содержатся без разбора, способные с тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосам, дабы певческую повседневную должность отправляли, которая их и от того малого учения иногда отводит”. В этой меткой характеристике признаны таким

образом неудовлетворительными все стороны быта семинарий, и экономическая, и учебная, и воспитательная. Правительство очевидно требовало полной их реформы. В дальнейшем изложении той же инструкции вкратце намечена самая программа этой реформы. В каждой епархии велено завести по одной семинарии и по два – по три училища и на содержание тех и других составить подробные штаты, причем определить жалование для всех учителей и сумму на учебные пособия (библиотеки). Согласно с общими просветительными стремлениями правительства курс семинарского учения велено расширить введением общеобразовательных наук, – математики, истории и географии; ученикам рекомендовалось больше заниматься чтением в имеющихся составиться семинарских библиотеках, „ибо без чтения такового одни школьные классы весьма недовольны к просвещению учащегося и к обогащению его, к проповеди слова Божия приготовляемого”. Большого числа учеников, как в Регламенте, набирать не советовалось: „ибо лучше число умеренное содержать учеников, но чтобы были все остротою и понятием выборные и надежные, а притом по учительским примечаниям добронравные, и кошт определенный был бы им в лучшее довольство не суетно употребляем”⁵⁷⁴.

Занявшись исключительно вопросами об управлении церковными вотчинами и о штатах для арх. домов, монастырей, соборных и вотчинных церквей, комиссия не успела составить никаких предначертаний касательно судьбы дух. школ. Поэтому по распусчении ее в 1764 г. императрица в указе 26 февраля опять повторила свою волю относительно их преобразования⁵⁷⁵. На этот раз для начертания проекта такого преобразования составлена была особая комиссия из трех наиболее талантливых духовных лиц, пользовавшихся особенным доверием со стороны императрицы: Гавриила, епископа тверского, Иннокентия псковского и иеромонаха Платона Левшина (после митрополита московского). Составленный ими проект не был осуществлен в практике, как и прежний такой же проект организации дух. школ, начертанный в Д. Регламенте. Тем не менее, как и проект Регламента, он

весьма важен для истории духовно-учебных заведений, представляя собою полное выражение современных ему взглядов на духовное образование и организацию духовных школ, взглядов самых лучших людей из духовенства, притом же солидарных с современными просветительными идеями самой императрицы. Сличение его с проектом Регламента всего лучше может определить разницу в тех основных воззрениях на дело, из которых развивались разные подробности в постановке дух. школ и в определении состава их образования в первой и во второй половинах XVIII в.⁵⁷⁶.

Согласно предписанию инструкции 1762 г. о разделении школ на разряды по достоинству и богатству епархии, на школы меньшие и большие, комиссия предполагала открыть по епархиям два разряда семинарий, большие и меньшие, смотря по епархии, и по 3–4 на каждую епархию; низшие школы или гимназии при монастырях, – все на определенном содержании по штатам, кроме того особые низшие школы грамотности при каждом благочинии вне определенного числа штатных заведений.

Последние школы комиссия предполагала сделать всеобщими и сосредоточить в них под ведением благочинных народное образование, о котором во время Екатерины в первый раз начались серьезные попечения. Курс их ограничивался русским чтением, чистописанием и пением. Гимназиям придавалось назначение двойственное, с одной стороны такое же общенародное, для обучения детей всякого состояния и чина, с другой специальное, собственно для детей духовенства, значение заведений приготовительных к семинариям, оттого против курса низших благочиннических школ в их курс предположено ввести преподавание арифметики и первых оснований латинской или греческой грамматики. Малые семинарии назначались специально для образования кандидатов в духовную службу, их предполагалось завести 21, т. е. в большинстве епархий, „однако, добавлялось в проекте, чтобы епархии, в которых учредятся меньшие семинарии, в равенстве были с епархиями, в которых будут семинарии большие, для сего из меньших семинарий в большие всегда

некоторое определенное число учеников будет отсылаемо для совершенного обучения, чрез что все епархии некоторым образом сравняются". Преподавать в них предположено классические языки, арифметику, географию, историю, риторику с пиитикой, логику, моральную философию и богословие. В курс больших семинарий введено сверх этих предметов преподавание немецкого и французского языков, предпочтительно последнего, геометрии, метафизики, теоретической физики и полемического богословия. „К большому же успеху в богословских учениях, прибавлял проект, должно неотменно присоединено быть толкование св. Писания в известные дни и часы". Далее для лучшего изучения св. Писания высказана надобность ввести со временем в курс еще преподавание языка еврейского. Большие семинарии предположено завести только в Новгороде, Казани, Ярославле и в „рассуждении царствующего города" в Петербурге, хотя епархия его и позволяла завести только семинарию малую. Киевская академия должна была оставаться на старом положении. Что касается до академии московской, то из уважения к ее давности и к самой Москве, как царствующему граду, комиссия определила отличить ее от других больших семинарий даже особым названием, как „такое место, где всяким наукам обучаются", именно названием духовного университета. В этом любопытном определении выразилась весьма важная мысль о необходимости выделить наконец академию из круга средних заведений, с которыми она доселе совершенно сливалась, как учебное заведение высшее, хотя впрочем курс ее и при этом остался ничем не отличен от курса семинарии, кроме более полного преподавания математики и физики. Мысль эта очевидно еще далеко не выяснилась в головах самих составителей проекта и высказана была едва ли только не в связи с посылкой в 1765 г. по повелению императрицы нескольких молодых людей из дух. школ за границу, в Оксфорд, Геттинген и Лейден, для обучения высших наук, восточных языков, и богословия. По крайней мере, признавая необходимость возвышения академического образования и введения в него преподавания восточных

языков, проект прямо рассчитывал в этом деле на силы и знания именно этих молодых людей, когда они воротятся из-за границы для занятия профессорских должностей.

В статье о штатном содержании дух. школ комиссия положила разделить воспитанников на штатных или казеннокоштных и заштатных, своекоштных. Содержание назначалось из доходов церковных имений и распределялось по заведениям, сообразно с их степенями, в разнообразном, но вообще весьма удовлетворительном количестве. Так, на содержание гимназии с 20 штатными учениками и одним учителем назначалось от 271 до 415 р. На жалование наставникам духовного университета исчислено 4401 р. в год; на стол 256 студентам 4608; всего на 4 гимназии московской епархии, 3 крутицких и московский дух. университет назначалось в первый год 25,879 р. 80 к., во второй 15,101 р. 80 к., в третий 19,625 р. 39 к., в четвертый, как во второй, в пятый 22,523 р. 40 к. и т. д.

Внутренняя администрация школ вверена префектам с инспекторами из учителей; в больших семинариях во главе всего заведения поставлен ректор. По внешнему управлению все школы оставлены по-прежнему в ведении епархиальных архиереев, за исключением университета, подчиненного непосредственно Св. Синоду, а местному архиерею, только как куратору. В этом важном исключении, как и в указанном стремлении отличить академию от семинарий, тоже нельзя не видеть первых проблесков идеи высшего дух. заведения, по самому существу своему выступающего из узкой сферы епархиальной жизни в более широкую сферу жизни общецерковной. Кроме этого комиссия предположила завести еще общее центральное управление для всех духовных школ в лице особого протектора школ из членов св. Синода и таким образом придать этой важной отрасли церковной жизни единство, которого она никак не могла получить, оставаясь под ведомством одних епархиальных властей. Подобный протектор школ уже был одно время при Синоде в царствование Петра I, но мысль о возвышении учебного управления на степень дела общецерковного тогда еще не созрела до надлежащей степени,

а потому должность протектора вскоре, как мы видели, снова была упразднена. Проект комиссии воспользовался этим неудавшимся прежде учреждением и предположив его восстановить, придал ему некоторые новые черты и более компетентный вид. Протектор должен был заботиться об усовершенствии дух. школ, приводить в действие, что потребуется для этой цели по обстоятельствам, представлять государыне об определении на учебные потребности новых сумм, какие окажутся нужны, иметь общее наблюдение за порядком учения и воспитания во всех училищах и быть ходатаем обо всех их делах пред св. Синодом и верховною властью. Назначение его должно было зависеть от высочайшей воли. Для большей пользы дух. школ комиссия представляла императрице „почтить наименованием протектора дух. училищ одного из светских знатнейших особ, дабы он с тем духовным протектором в пользу дух. училищ к вашему императ. величеству был надежнейший предстатель”.

Относительно учебно-воспитательной части комиссия руководствовалась особым, как говорит проект, предписанием императрицы, „чтоб учение соединено было с добрым учащимся воспитанием”. „Чтобы достигнуть сего, говорится далее, нам надобно, чтобы учащиеся дети все жили в одном месте, на одних благоразумных правилах. Под добрым и неопускаемым присмотром, и всем для их содержания потребным были бы снабжены”. Учебный курс для семинарии назначался в 8 лет. На классы каждый день отведено по 6 часов, 4 до обеда и 2 после обеда. До риторики большая часть учебного времени должна была посвящаться по-прежнему на изучение латинского языка. На преподавание риторики в первый год риторического курса назначалось по 4 часа каждый день, вместе с нею должны были преподаваться по часу каждый же день греческий язык и история; в среду и субботу для последней назначено еще по другому часу. Во второй год к риторике и истории, по окончании преподавания греческого языка, предполагалось присоединить обучение стихотворству. На философию тоже назначалось по 4 часа ежедневно. Во второй год философского (и вместе катехизического) курса положено читать ученикам

катехизическое богословие по 4 же часа и по часу Библию. Остальное время положено заниматься экзерцициями и проповедями. В больших семинариях распределение времени было то же, лишь с необходимыми изменениями для преподавания тех предметов, которые были введены в их курс сверх предметов малых семинарий. Последнее два года в них исключительно назначались для изучения богословия.

Учителей рекомендовалось принимать в школы с строгими разбором, по надлежащем испытании их в знании предметов, которые они намерены преподавать, и удостоверении в их доброй нравственности; положено произвести экзамены и тем учителям, которые уже состояли на службе. Способ преподавания представлен в таких чертах: первая обязанность учителя выслушать уроки, потом толковать правила науки, которой обучает, с изъяснением примеров на всякую регулу, причем спрашивать учеников, все ли поняли; назначать в низших классах переводные экзерциции, а в высших пристойные сочинения в присутствии учителя, которые учитель потом должен разобрать по регулам; всякую субботу делать ученикам краткое повторение тех правил, которые в неделю толкованы, да и о том спросить, что читали ученики; при изучении языков наблюдать, чтобы семинаристы говорили на них. Кроме изложения этих правил, имевших целью улучшить и упростить преподавание, проект почел нужным предоставить учителям больше самостоятельности и свободы вводить от себя все, что найдут полезным для учеников, лишь извещая о том предварительно префекта. Так как все учителя должны были быть вместе и воспитателями, то проект налагал на них обязанность внимательно наблюдать не только за успехами, но и за поведением семинаристов, посещать последних в жилищах, возбуждать их советами к прилежному хранению учрежденного порядка, бывать с ними в церкви и во всем подавать собою пример. Для наблюдения за успехами учеников назначались экзамены, частные и публичные. В первый день каждого учебного года положено делать торжественное собрание „в воспоминание основания училищ и прославление всегдашнее мудрости их основательницы, всепресветлейшия

самодержицы Екатерины II”, на котором „в присутствии архиереев и других приглашенных знатных духовных и светских людей один из учителей должен сказать речь, избрав материю приличную, соединяя оную с должным благодарением ее имп. величеству, всемилостивейшей основательнице и покровительнице”. После речи в собраниях следовало производить диспуты и раздавать семинаристам подарки. Не забыл проект упомянуть в своем семинарском уставе и о других школьных торжествах, которые тогда везде были в большом ходу, о торжествах по случаю посещения школ архиереями и другими высокими персонами; при этих посещениях положено читать семинаристам приветственные речи на разных языках, которым они обучались. Образ жизни воспитанников определен подробными правилами. Подобно Д. Регламенту устав позаботился об увеселениях семинаристов „для здоровья и для разогнания смутных мыслей”. Раз в два года дозволено быть в семинариях комедиям, „приобучающим семинариста к честной смелости и к вежливости”, только чтобы эти комедии не заключали в себе чего-нибудь неприличного и вредного для нравственного чувства, „но под видом увеселительного представления вдыхали бы воспитанникам нравоучительную пользу”. Дозволялись также и другие забавы под надзором инспектора и сеньоров: кидание в мячи, катание шарами в фортуны, кегли – летом в саду, а зимой в комнатах. В праздничное время позволено семинаристам заниматься музыкою и пением. – В педагогических мерах проекта, касавшихся разных школьных провинностей, находим значительное смягчение прежней крайне суровой системы наказаний. Современная ему педагогика отрицала эту систему в самом ее основании, устраняя в деле воспитания всякое устрашение воспитанников, чем бы то ни было, телесными ли наказаниями или грубым принудительным обращением, и замену его более мягкими и благородными побуждениями детей к добру и порядку, обращением к их чувству чести или стыда. Устав комиссии, не отступая от прежней системы устрашения, ограничился пока только изгнанием прежних жестоких наказаний батогами, розгами и т. п. Из 12 видов

дозволенных им наказаний самыми чувствительными признавались: обувание провинившегося в лапти или замаранный кафтан, назначение ему прислуживать на кухне, подавать блюда за столом, чистить обувь и платье, лишение на день или на два пищи, угрозы телесным наказанием, исключением из семинарии и отдачею в солдаты.

В 1766 г. составители проекта представили его на утверждение императрицы. Но так как в том же году порешено было созвать знаменитую комиссию о составлении нового уложения, которая должна была пересмотреть все стороны государственной жизни и отозваться на все предпринятые правительством реформы, то императрица не утвердила проекта, а предоставила его рассмотрение имеющей собраться комиссии нового уложения. Последняя, как известно, была вскоре распущена, не оправдав цели своего созвания, и оставила дело о преобразовании дух. школ без решения⁵⁷⁷. Проект таким образом остался не утвержденным и не был приведен в исполнение в целом его виде. Но многие мысли его, бывшие выражением современных понятий о духовном образовании, не остались без приложения к практике школьной жизни.

а) Штатные оклады, открытие новых школ, и внешняя организация духовного школьного образования

Самым главным, исходным пунктом в предпринятом преобразовании дух. школ бесспорно было назначение на их содержание постоянных штатных окладов из доходов отобранных в казну церковных вотчин. Так на это дело смотрели и инструкции комиссии о церковных имениях и проект комиссии о дух. школах, прежде всего и с особенным вниманием остановившиеся именно на определении школьных окладов.

Своею торжественно провозглашенною заботливостью о благе духовных школ императрица первоначально должна была возбудить большие надежды на скорое и блестящее улучшение их скудной жизни. Еще недавно в манифесте о церковных вотчинах, изданном при Петре III, на семинарии назначалось по 3000 руб. ежегодного штатного содержания; в манифесте Екатерины II все распоряжения Петра о церковных имениях и штатах были осуждены, как невыгодные для церковных учреждений; стало быть, при новом правительстве можно было ожидать еще большей щедрости и еще большего обеспечения для школьной братии, что служило для нее единственным утешением в долговременном бедственном положении, в каком она находилась в течение всего времени, пока шло неожиданно затянувшееся дело о школьных штатах. Монастыри почти вовсе прекратили свои школьные платежи, архиерейские дома тоже были стеснены в своей поддержке школ. Еще по указу Петра III в 1762 году имения и тех и других подверглись подробной переписи, причем переписчики опечатывали их житницы и другие хозяйственные статьи и отбирали все наличное имущество их в свою команду. Потом, только лишь церковные имения были снова возвращены в распоряжение духовенства, как в 1763 г. по распоряжению комиссии опять в них наехали переписчики и стали отбирать их в ведомство коллегии экономии. Другие плательщики на школы, лица белого духовенства, тоже прижались, вероятно слышав о своем

скором освобождении от церковного тягла. В феврале 1764 г. дело отобрания церковных имений было уже кончено, и прежние сборы с них на дух. школы прекратились: в то же время в манифесте о прекращении деятельности комиссии было объявлено: „белое священство во всем нашем государстве, каждому известно, в каком до сего времени находится неустроительстве... Но понеже еще сей части учреждения мы не совершили, а уповаем с Божиею помощью и то к желаемому концу привести, то предварительно избавили мы только все помянутое белое священство от сбора им разорительного данных денег с церквей, который прежними патриархами был уставлен и по сие время в отягощение священству продолжался, и оный вовсе сложили, так как и собираемую часть хлеба с монастырей и церквей на семинарии, к немалому оскудению того же священства до сего бывшие, оставили, а определили вместо оной на училища от той же коллегии экономии знатную повсягодно денежную отпускать сумму, которая тогда будет известна, когда наше учреждение о семинарии в народе объявится”⁵⁷⁸.

Таким образом все главные источники содержания дух. школ были закрыты, а между тем штатные оклады на них все еще существовали только в одних обещаниях. Комиссия, выработавшая штатное положение, по важности дела не могла скоро его кончить, да и когда кончила, дух. школы все-таки остались еще без определения, потому что дело об их преобразовании пошло в оттяжку. Самое тяжелое время переживали они от 1763 до 1765 г.

Вот наприим. в каком положении в это время находилась семинария троицкая, одна, как мы знаем, из самых богатых. Как только началось дело об отобрании церковных имений, троицкий архимандрит Лаврентий начал высказываться, что прежним щедротам Лавры для семинарии скоро будет конец. В 1763 г. все требования семинарского начальства стали по возможности урезываться. Так, на представлении семинарской конторы о пошитии для учеников платья архимандрит написал, чтобы эта надобность была исправлена, „ежели без нее крайне обойтись невозможно... и с крайним учрежденного собора

рассмотрением". Выдача провизии для ректора, префекта и учителей была уменьшена наполовину против прежнего, да и в таком количестве производилась неаккуратно, с остановками, так что они вынуждены были покупать себе припасы на свое денежное содержание и подать о том жалобу монастырскому собору. Для большей экономии учительские порции не велено было раздавать по кельям, а собираться для пользования ими всем учителям к обеду и ужину за общий учительский стол. В 1764 г. для семинарских надобностей нужно было произвести денежную выдачу, но собор отказал в ней „понеже посланным из коллегии экономии секунд-майором г. Турчаниновым имеющаяся в Лавре сумма вся описана и запечатана". Учеников содержали кое-как на запасы, оставшиеся от прежнего времени. Наконец учителям вовсе прекращена выдача жалования. По окончании первой трети 1764 г. они решились напомнить о себе и подали собору прошение о выслуженных деньгах. Собор определил „с прописанием обстоятельств, на каком основании и по каким указам лаврская семинария учинена, также с показанием каждому из учителей подлежащего денежного жалования на январскую сего года треть, в коллегию экономии представить доношением и требовать, откуда соблаговолено будет учителям зажитое и заслуженное жалование выдать, ибо без выдачи оно все продолжающиеся в лаврской семинарии науки остановиться могут". Но коллегия отказала в этой просьбе за неопределением штатов. На лето учеников распустили на вakat даже раньше времени. К этим материальным неприятностям присоединилась глубокая скорбь, в которую была погружена вся семинария, вследствие ходивших тогда слухов об ее скором закрытии. Ректор Варлаам писал Платону, бывшему тогда законоучителем при наследнике престола: „слишком 20 лет наука проводила счастливые дни в лавре, а теперь грустно склонила голову и ходит в смущении.... Я скорблю не столько о своей несчастной судьбе, сколько об учениках нашей семинарии. Ничего мы не видим, не слышим, и едва ли можем чего-нибудь ожидать успокоительного для сердца. Господин N, присланный в лавру от коллегии экономии для повершения дела, сперва ласкал нас некоторою надеждою

и обещал хлопотать, чтоб нам выдали заслуженное жалование, но получив приказ из коллегии экономии, не велел выдавать.... Ужели не увидим более светлого лица фортуны? Мы уже много видели неприятностей, под бременем которых, если не будет легче, придется скоро пасть. Теперь скоро вакация ученикам; боюсь, чтобы она не была навсегда”, и проч. После получения в сентябре первого жалованья, он писал, что страх закрытия семинарии все еще не миновал у него; из того же письма видно, какими затруднениями сопровождалось самое получение этого жалованья: „Хотя я получил жалование за две трети года, но поверьте, когда я хлопотал о нем, почти половину издержал. Три раза ездил в Москву и там жил два раза по неделе, а в третий раз 10 дней. В лавре целый сентябрь ел купленный хлеб, и питье у меня покупное”⁵⁷⁹.

В таком же несчастном положении очутились и другие семинарии. После отобрания церковных вотчин и прекращения хлебного сбора смоленский архиерей Парфений Сопковский писал в коллегию экономии: „И теперь учителя с великою нуждою пребывают; семинаристы почти Христовым именем питаются от подаяния”⁵⁸⁰. Во владимирской епархии с 1763 г. и семинарское и епархиальное начальства поставлены были в безвыходное затруднение, чем содержать семинарию. Епископ Павел распорядился выдавать некоторую сумму из архиерейского дома на жалование учителям, выдавал в пособие семинарии муку, крупу и т. п., раздавал деньги бедным семинаристам, „доводя до скудости” свои собственные доходы. С епархии старались собрать по крайней мер недоимки за прежнее время. При всем том до 1765 г. семинарская экономия находилась в самом бедственном положении; начальство решительно не могло определить, на какую сумму можно рассчитывать на известную треть года вперед, и очевидно должно было перебиваться кое-как день за днем⁵⁸¹. В костромской епархии с 1763 г. преосв. Дамаскин распорядился все доходы, какие семинария могла еще получать, употреблять на содержание семинарских зданий и на учительское жалование, а учеников перевести всех на их собственный кошт, потому и в семинарию указал набирать только детей

достаточных отцов. Ученики после этого могли жить в семинарских зданиях и пользоваться здесь столом с семинарской же кухни, но с платою 6 р. 23 к. в год, а одежду иметь собственную. В облегчение нуждающимся употреблялось только зачисление за ними причетнических мест, да с некоторых дозволено сложить плату за семинарское помещение, но не за стол⁵⁸².

Вследствие прекращения семинарских сборов с церковью и монастырями до назначения штатов семинарии могли рассчитывать для своего содержания главным образом на получение недоимок за прежние годы. Но мы знаем, как трудно было собирать эти недоимки и в прежнее время, а когда стали ходить слухи о прекращении самих семинарских сборов и отобрании церковных имений, духовенство и монастыри сделались еще неисправнее в платежах. Наприм. во владимирской епархии духовенство почти повсеместно отказывалось платить деньги на семинарию. На требования сборщиков члены многих духовных управлений отвечали даже с дерзостью: один член сказал консисторскому копиисту, посланному для сбора: „много де мы таких приказаний слышали; пусть будет ведомо: в нашем уезде никто не заплатит, да и платить нечем”⁵⁸³. Монастыри, даже такие, как Троицкая лавра, собирались положить конец своей щедрости. Когда имения их были отобраны в коллегию экономии и они освободились от годовых семинарских платежей, с них едва ли не труднее стало сорвать старые недоимки, чем с духовенства. Вот одно дело такого рода о взыскании семинарской недоимки за 1763 г. с угличского Алексеевского монастыря ярославской епархии.

По получении консисторского указа об уплате этой недоимки уже в 1765 г. архимандрит Павел с братиею рапортовали, что „достального за 1763 г. числа хлеба – ячменя, пшеницы, гороху и за овес денег 6 р. 8 3/4 коп. заплатить нечем, понеже в оном монастыре от угличской провинциальной канцелярии коллежскими асессорами (такими-то) как хлеб, так и деньги описано и отобрано в ведомство коллегии экономии все без остатку”. В консистории обсудили этот ответ и все-таки решили: „понеже означенный монастырь имеется положенный в

штат, и хотя хлеб и деньги были и описаны, но по расчету положенная на содержание того монастыря сумма в тот монастырь уповательно непременно за прошлый год получена да и впредь производиться имеет, а как в доимке на том монастыре положенного на семинарию хлеба и денег состояние весьма небольшое число, то оный монастырь от платежа той доимки уволить не можно и для того те доимочные хлеб и деньги от одного монастыря в семинарскую контору заплатить неотменно". Взыскание платежа поручено было семинарской конторе, но она уже знала хорошо алексеевского архимандрита по прежним платежам и отказалась от этого поручения: „Оной де конторе с того монастыря вышепоказанной доимки взыскать, кроме (помимо) консистории, не можно, потому что одного монастыря настоятель с братиею той доимки и прежде по требованию семинарской конторы чрез долгое время не плачивал за одними только своими отговорками, а и ныне того платежа вскоре не уповательно". Как бы в подтверждение этого архимандрит прислал в консисторию ответ на ее указ с довольно ловким его опровержением; он извещал, что указ получил, но что доимки платить все-таки нечем: „означенный монастырь хотя и имеется положенный в штат, токмо на ту семинарию платежей никакой суммы от коллегии экономии не определено". После этого консистория рассердилась и послала в Алексеевский монастырь о доставлении доимки „в сем же марте месяце (а дело началось еще в январе) без всякого отлагательства" наистрожайший указ. Подействовал ли наконец этот наистрожайший указ, не знаем⁵⁸⁴.

Надобно при этом взять во внимание еще то естественное раздражение, в каком находилось монашествующее духовенство вследствие отнятия у него вотчин, чтобы в полной мере понять смысл подобного рода отношения его к семинариям. Мы знаем один весьма выразительный пример, до каких опасных для дух. школ мыслей могло довести это раздражение даже архиерея, в руках которого находилась вся судьба духовного образования в епархии, – говорим об известном борце за неприкосновенность церковных вотчин Арсении Мациевиче ростовском. Увлечшись своим горячим

протестом против современной реформы, которая между прочим обещала на счет доходов с церковных вотчин улучшить судьбу дух. школ, он прямо доказывал в этом протесте, что содержать и снабжать всякие науки, философские, богословские и др. вовсе не есть обязанность архиереев: „нам по слову Божию то одолжение, что и апостолом от Христа преданное, сиречь: шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам... А чтобы академии заводить, того нигде не обретаем. Аще бы и сие не было противно, то чем и каким иждивением заводить, когда последнее содержание и пропитание от архиереев и монастырей отъемлется. Нужны суть воистину школы и академии, но надлежащим порядком, как издревле бывало в Греции, а теперь на западе, – сиречь по местам знатым, в царствующим граде, на коште государевом, как то и Д. Регламент, еже его внятно в тонкость прочесть, повелевает академиям и семинариям быть при Синоде на государственном коште. А при архиереях быть школам нужно для священнических детей к произведению в священство, дабы могли исправно читать и разуметь, что читают. И таковые школы при архиереях не иные нужны, токмо русские, понеже в церквях у нас не по-латыне, ниже другими иностранными языками читается и поется и служба Божия совершается, но по-русски”. Для разумения читаемого, по мнению Арсения, достаточно изучить только катехизис Петра Могилы, ибо по Екклесиасту во множестве мудрости множество разума, а приложивый разум приложит болезнь. В инструкции комиссии о церковных имениях говорилось между прочим о развитии церковного проповедничества; Арсений полемизировал и против этого на основании слов апостола: не мнози учителя бывайте, и фактов древней церковной истории насчет того, как мало было церковных проповедников в старое благочестивое время⁵⁸⁵. Он отрекался таким образом от всех просветительных требований, какие выработала новая жизнь в России после реформы Петра, отрекался даже от главной, просветительной миссии, которая так вознесла в Великороссии его земляков малороссов, пошел назад, к тому времени, когда для священника действительно

достаточно было знать только русскую грамоту. Почти уже год спустя после прекращения школьных сборов комиссия о церковных имениях представила императрице доклад (от 4 янв. 1765 г.), в котором писала, что „о содержании семинарии особливые штаты” все еще „делаются с немалым рассмотрением, которые вскоре хотя и окончатся, однакож по оным действие самое начато не инако быть может, как с сентября месяца наступившего года, дабы потому иметь довольное время для учреждения надлежащего строения и приискание достойных учителей”, что поэтому, пока дело о штатах продолжается, из коллегии экономии следует выдать на содержание семинарий деньги за две трети года до сентября месяца в количестве 22,951 р. 57 к. Утвердив этот доклад, императрица округлила эту сумму, дополнив ее до 25,000 р.⁵⁸⁶. Сумма эта назначена была не по расчету предполагаемых новых штатов, а по примерному исчислению прежних училищных расходов, о которых для этого наводились по епархиям справки. Так напр. троицкая семинария получила тогда за две трети 3267 р. 75 к.; сумма эта определена была по ведомостям, вытребованным от лавры, с показанием, сколько чего от лавры на семинарию исходит⁵⁸⁷. Точно так же после отмены хлебного сбора потребованы были от харьковского коллегиума справки о том, какую сумму составляли ежегодно сборы за хлеб, сколько из нее платилось жалования учителям и шло в расход на содержание бедных учеников, какие у коллегиума есть грунты и заводы и сколько с них получается и проч.⁵⁸⁸. Из цифр назначенных в 1765 г. третних окладов нельзя однако не видеть, что они были ниже прежних семинарских доходов и исчислялись или с крайней урезкой последних, или вероятно по количеству одних только расходов из хлебного сбора. Голодавшие семинарии, разумеется, рады были и этой выдаче. Притом же впереди была надежда на определение постоянных штатов. В этой надежде прошло еще две трети года и подходил вожделенный сентябрь, до которого была определена указом временная выдача сумм. Но разочарование наступило еще раньше; 11 августа 1765 г. последовал высочайший указ коллегии экономии: „пока совершится новое

учреждение о всех епархиальных семинариях, о которых мы теперь прилагаем неперменное попечение, то повелеваем продолжать старое оным содержание впредь до указа”. На этот раз уже не назначено было и срока, до которого можно было надеяться получить постоянные оклады. В следующем году новое учреждение об епархиальных семинариях, о которых прилагалось такое „неперменное попечение”, было наконец выработано с определением достаточных для них штатных окладов и представлено работавшей над ним комиссией на высочайшее утверждение. Но дело и тут пошло в оттяжку, будучи, как мы видели, передано на рассмотрение комиссии о составлении уложения.

Величина окладов, ассигнованных по указу 1765 г. далеко не оправдывала обещаний, какие духовенство получало до этого времени, была несравненно ниже не только той, какая была определена в проекте комиссии о духовных школах, но и той, которая назначалась в указе императора Петра III об отобрании церковных вотчин. По совершении секуляризации церковных вотчин правительство стало получать с них до 3,000,000 руб. одного ежегодного оброка с крестьян и роскошно воспользовалось новым источником доходов для осуществления разных посторонних для духовного ведомства потребностей и в пользу разных частных лиц из дворянства, а на все духовные штаты назначило всего 403,712 р. в том числе только 40,000 р. на духовные школы, так что слова, сказанные недавно в манифесте Екатерины о секуляризации, предпринятой Петром III: „кажется, надобность состояла только в том, чтобы отобрать у духовных имущества, а чтоб смотрительные взять меры о порядочном и как для церкви и дух. чина безобидном, так и для отечества полезном управлении, о том и не подумано”, могли быть в полной силе приложены к ее собственным распоряжениям об этом предмете. Время секуляризации церковных вотчин было, можно сказать, самым удобным временем для решения вопроса об улучшении быта не только наших духовных училищ, но даже всего нашего духовенства в течение всей русской истории; но правительство Екатерины не воспользовалось тогда

полученными им богатыми средствами для достижения этой самой приличной для них цели и оставило предстоявший пред ним вопрос без решения в тяжелое наследие последующих царствований до нашего времени.

Именным указом повелено было впредь до положения штатов на все 28 тогдашних духовно-учебных заведений отпускать 40,000 р. в год, распределяя эту сумму по заведениям сообразно с их важностию и числом учеников⁵⁸⁹. На московскую академию назначено 4847 р. 16 к., На семинарии положены следующие оклады: на новгородскую всех больше – 8285 р. 23 ½ к., на Троицкую 4901 р. 62 ½ к. на невскую 2146 р. 90 ½ к., казанскую 1635 р. 87 ½ к. на харьковский коллегиум 816 р. с копейками, потом, вследствие расширения его курса некоторыми прибавочными светскими науками по представлению дворян, в том же 1765 г. 3000 р.⁵⁹⁰, на рязанскую семинарию 1633 р. 87 к., на ярославскую и крутицкую по 1143 р. 70 ½ к., на смоленскую, архангельскую, коломенскую, псковскую, нижегородскую, тверскую, суздальскую и переяславль-залесскую по 816 р. 93 ¾ к., вологодскую 716 р. 93 ¾ к., владимирскую, устюжскую и воронежскую по 653 р. 55 к.⁵⁹¹, вятскую 490 р. 93 ¾ к., тобольскую 490 р. 16 ½ к. На семинарии черниговскую и переяславскую новые оклады не были назначены, так как на Малороссию штаты еще не простирались; по той же причине и киевская академия получила только небольшую прибавку к прежнему окладу и стала получать всего 500 р. из сумм малороссийского казначейства. Могилевская семинария оставлена при прежнем своем окладе (в 400 р.).

Так как оклады эти объявлении были временными (впредь до положения штатов), то самая выдача их из коллегии экономии долгое время не организовалась, как следовало, и производилась весьма неисправно, что было новым источником школьных затруднений. Мы видели, как на это обстоятельство жаловался ректор троицкой семинарии, находившейся в сравнительно более выгодном положении, чем семинарии провинциальные, и пользовавшейся сильной поддержкой Платона Левшина. Вот еще подобная же жалоба, поданная

полковому эсаулу Слободской украины конторою харьковского коллегіума: „по состоявшемуся августа 11 дня прошлого 1765 г. именному ее имп. величества указу за собственноручным ее подписанием велено, – пока совершится новое учреждение о всех епархиальных семинариях, о котором ее имп. величество прилагает неперменное попечение, продолжать старое оным содержание впредь до указа; и в силу того ее в-ва высочайшего указа на содержание в епархии св. прав. Синода члена преосв. Порфирия епископа белогородского и обоянского семинарии прошлого 1765 г. за январскую и майскую трети жалования из белгородской губернской канцелярии 544 р. 62 ½ к. выдано, а за сентябрьскую треть, також и нынешнего 1766 г. за январскую треть, которая впредь чрез немногие уже числа кончается, учителя и ученики за невыдачею жалования представляют во всем крайнюю нужду; и ежели прошедшего 1765 за сентябрьскую, а сего 1766 годов за январскую трети учителя и ученики не будут удовлетворены, то оное коллегіум состоять будет без государственной пользы и все, как учителя, так и ученики разойдутся. О чем вам для представления, куда надлежит, сообщается”⁵⁹².

Кроме подобного рода временных неудобств, которые с течением времени были устранены устройством выдачи окладов не из коллегіи экономии, а из местных казначейств каждого семинарского города, духовные школы сразу не могли не почувствовать недостаточности своего содержания. Денежные средства их теперь почти повсюду сделались богаче, чем в прежнее время, но зато для них прекратились доходы разными хозяйственными продуктами, которые составляли прежде более, чем подспорье к денежным дачам как для учеников, так и для всех служивших в духовно-учебной службе, составляли, можно сказать, главную статью семинарской экономии. Вместе со сборами с епархий после 1764 г. для дух. школ прекратились, или по крайней мере значительно оскудели и прежние щедрые даяния из архиерейских домов и монастырей, лишившихся своих прежних богатств навсегда. Для монастырей штаты были еще скуднее, чем для школ, а архиереи были вознаграждены за свои домовые богатства

такими окладами, на которые они едва только могли поддерживать свои дома и свое административное положение. Из епархии поэтому немедленно стало являться в Петербург множество просьб о прибавках к школьным окладам; временный характер последних на этот случай очень пригодился в качестве наиболее удобного мотива и подкрепления подобных просьб. Вследствие просьб оклады лет через 10 после своего назначения стали постепенно увеличиваться, кроме того иногда правительство выдавало семинариям пособие посредством единовременных денежных ассигновок.

Последнего рода пособие выдавались впрочем очень редко. Можно сказать вообще, что получить что-нибудь лишнее для своих школ сверх штатных окладов могли только те из архиереев, которые пользовались почему-нибудь особенным вниманием императрицы или которых она считала неловким обидеть, а также те, которые успевали сообщить ей о семинарских нуждах лично во время ее проезда чрез их епархии, когда она особенно любила сиять щедростью. Посещение ею семинарий всегда сопровождалось разными пожертвованиями в их пользу. Епархиальные и семинарские начальства в этих торжественных случаях приготавливали ей по возможности блестящую встречу, для чего выбирали из семинаристов самых красивых отроков, наряжали их в триумфальный убор, состоявший обыкновенно из белых длинных и накрахмаленных хитонов с позументами и разноцветными лентами, зеленых венков на напудренных и завитых головах, чулков и башмаков на ногах и ветвей в руках⁵⁹³, сочиняли для того же особенные речи, диспуты, стихи, канты в роде: „Гряди, желаннейшая мати,” или: „Приди Екатерина, надежда всем едина” и т. п. Троицкая семинария по случаю таких высочайших посещений получила: в 1762 г. 500 р., в 1767 – 660 от самой императрицы и 140 р. от наследника престола, в 1775 – 500 от императрицы, 200 от Потемкина, сопровождавшего ее, и 300 от м. Платона⁵⁹⁴. Такими же подарками местным семинариям сопровождалось посещения ею Твери, Нижнего и Казани во время ее путешествия по Волге

в 1767 году, а также ее путешествия по западному и южному краю⁵⁹⁵. Единовременные пособия ассигновались некоторым архиереям главным образом на постройки семинарских зданий. Так, в 1775 г. по ходатайству Платона, бывшего тверским архиепископом, тверская семинария на устройство своего дома получила из казны 15000 р.⁵⁹⁶. По просьбе другого уважаемого императрицей архиерея Дамаскина Руднева нижегородского несколько раз выдавались из казначейства суммы на возобновление разных церковных зданий в нижегородской епархии и между прочим здание семинарии; сам Дамаскин называет эти выдачи „достаточными”; точное количество их определенно неизвестно, – известно только, что в течение одного 1786 г. нижегородская казенная палата выдала ему 4896 р. с лишком⁵⁹⁷. После казанского пожара 1765 г. из коллегии экономии выдана была сумма на возобновление погоревшего здания казанской семинарии, но казанскому архиерею Вениамину Григоровичу получение этой суммы досталось нелегко, – деньги были высланы после четырехкратного ходатайства с его стороны и не ранее, как через год⁵⁹⁸. В 1774 г. Казань подверглась погрому Пугачева, во время которого семинария вновь была сожжена вместе с множеством других казенных зданий, и для возобновления ее снова потребовалось пособие из казны, но на этот раз казна не была так щедра. По первому впечатлению при получении известия о казанском бедствии императрица велела казанскому губернатору кн. Мещерскому составить подробную смету на необходимые поправки казенных зданий. По этой смете на епархиальные здания, в том числе на семинарию и ново-крещенские школы требовалось 54541 р. Епархиальное начальство стало с нетерпением ждать утверждения этой сметы, но так и не дождалось. Постройку семинарии пришлось вести на одни местные средства духовного ведомства, вследствие чего она затянулась до 1790-х годов и кончена была уже при архиерее Амвросии Подобедове. Между тем указом св. Синода от 7 сентября 1788 г. по епархиям было предписано, чтобы „по силе учиненного в правительствующем сенате определения все по дух. местам оказывающиеся в строениях ветхости исправляемы

были на отпускаемую по штатам сумму, отнюдь не требуя больше от казны.” Указ этот, выданный по поводу просьб из Казани, очень огорчил архиереев, так как отнимал у них всякие надежды на прибавочные к штатам ассигновки. „Получил и я известие, что отказано в деньгах на поправку церковных зданий, писал м. Платон Амвросию в Казань, – и не дивлюсь этому, а тому больше удивляюсь, что наши не только не заботятся облегчить эти бедствия, но еще умножают их и увеличивают. Те отказали в деньгах во время войны, а эти навсегда. Но тяжелее самого отказа то, что мы и на свои деньги ничего не можем возобновлять в домах и монастырях, не испросив дозволение от светского начальства”⁵⁹⁹. После этого единовременные пособия семинариям из казны при Екатерине по всей вероятности совершенно прекратились.

Увеличение штатных окладов продолжалось до 1784 г. Сколько известно, первый из архиереев решился обратиться к императрице с просьбой об увеличении семинарского оклада Платон во время своего служения в тверской епархии; в 1774 г. по его ходатайству к осьмисотенному окладу тверской семинарии прибавлена 1000 руб.; в 1784 г. этот оклад был увеличен до 2000 руб. в год⁶⁰⁰. В 1779 году увеличены до 2000 руб. оклады семинарии псковской⁶⁰¹ и тобольской; в 1780 г. до такой же суммы – оклады семинарий ярославльской, рязанской, смоленской, нижегородской, воронежской и владимирской и до 2500 р. оклад семинарии могилевской – вновь назначен 2000-ный оклад для школы белгородской, из которого впрочем половина отделялась в харьковский коллегиум, так как в Белгороде были только низшие классы; в 1782 г. таким же 2000-ным окладом обеспечена семинария крутицкая, а в 1783 вятская⁶⁰². В 1784 г. прибавлено было 2353 р. к окладу петербургской семинарии, так что она стала с этого времени получать 4500 р.; в год возвышены до 2000 р. оклады и других семинарий. Вновь открывавшиеся семинарии с самого же начала были обеспечиваемы 2000 руб. С 1784 г. на все духовно-учебные заведения постоянно отпускалось 77431 р. 27 ½ к. в год и менее 2000 р. не получала уже ни одна семинария. Но это возвышение окладов едва ли было сколько-нибудь

чувствительно для благосостояния семинарий, потому что в течении 20 лет после штатов (1765–1784) число духовных учеников успело возрасти почти вдвое, увеличилось, как увидим, и число самих дух. школ.

В 1780-х годах штатные оклады стали назначаться и на юго-западные семинарии. Прежде всего ими обеспечивались здесь новые семинарии, – в 1779 г. екатеринославская в Полтаве и в 1785 г. слущкая при коадьюторе киевского митрополита Викторе Садковском; на ту и другую положено по 2000 р.⁶⁰³. В 1786 г. на Малороссию простерлась секуляризация церковных имений и потребовалось определить штатными окладами остальные семинарии и академию. Последняя получила оклад в 8400 р., возвышенный в следующем году до 9000 р.; на семинарии определено отпускать по 2000 руб. Оклад этот назначался потом на все вновь открывавшиеся семинарии⁶⁰⁴. Но вместе с этим академия и харьковский коллегиум, неразрывно связанные с своими монастырями, при которых они существовали и содержались, навсегда лишились самого богатого источника для своего содержания, своих вотчин, которые были отобраны от них вместе со всеми церковными вотчинами. В 1787 г. от Покровского харьковского монастыря отобраны были все имения, от которых содержался коллегиум, не исключая и пожертвованных кн. Голицыным, которые тоже подведены были под разряд монастырских, и вместо всех доходов с них на содержание коллегиума положено было отпускать, как и на все другие семинарии, всего по 2000 р. в год; еще раньше отобраны были от него в казенное ведомство и доходы от Каплуновской иконы Богоматери⁶⁰⁵.

После 1786 г. оклады семинарий оставались неизменными до конца царствования Екатерины. Известен только один случай увеличения штатного оклада для смоленской семинарии. Воспользовавшись посещением императрицей Смоленска в 1787 г. во время ее известного путешествия в Крым, преосвященный смоленский Парфений лично просил ее об усилении средств к содержанию своей семинарии посредством прибавки к ее 2000-ному окладу еще 2260 р. на содержание корпусов, пропитание сирот, на больницу и три нормальных

училища. Императрица согласилась и вскоре от графа Безбородко пришло извещение: „ее величество, приняв за благо представление вашего преосвященства о множестве учащихся, о способе учения по образу нормальных школ и о намерении вашем распространить учение как в семинарии, так и в школах по городам, от нее зависимых, и поспешествуя столь похвальному подвигу вашего пр-ва, высочайше указать изволила в дополнение к получаемой на смол. семинарию годовой сумме дополнить еще по 2500 р.” Сумма эта за первый год была немедленно выдана из кабинета; но ассигновка дополнительного оклада на последующие годы долго не была сделана по причине войны. Парфений не переставая хлопотал об исполнении указа и обращался с просьбами о том к разным лицам, окружавшим государыню, наконец по совету Трощинского уже в ноябре 1792 г. обратился с письменным прошением к ней самой и на этот раз достиг своей цели. В начале 1793 г. высочайшим указом повелено было отпускать на смоленскую семинарию ежегодно по 4500 р. и выдать единовременно все, что следовало к выдаче ей с 1788 г., со времени первой ассигновки дополнительного оклада⁶⁰⁶.

Новые прибавки к штатным окладам всех вообще дух. учреждений, в том числе и дух. школ, последовали уже в следующее царствование. Император Павел Петрович предпринял в свое царствование новые реформы духовных школ, составлявшие по характеру своему переход от Екатерининских не осуществившихся предначертаний о дух. образовании к реформе его в 1808 году. „Попечение о благоустройстве церкви и призрение к служащим ей почитая одной из главнейших обязанностей царствования, писал благочестивый государь в указе от 18 декабря 1797 г., признали мы за благо на пользу оной следующие распоряжения: как просвещение и благонравие духовного чина способствуют просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских: то и полагаем начальнейшею надобностью устройство в лучшем по возможности виде духовных училищ”. Прежде всего, „дабы все дух. училища нескудное имели содержание,” положено было увеличить их оклады почти вдвое, дополнив прежнюю сумму,

выдававшуюся на них (77431 руб. 27 к.), до 142,000 р.⁶⁰⁷. После этого менее 3000 р. не получала ни одна семинария, кроме харьковского коллегиума, который оставался при прежнем окладе. Оклад этот, как и прежде, восполнялся отделением в пользу коллегиума почти половины оклада семинарии белгородской после 1797 г., когда последняя получила оклад в 4000 р., коллегиум получал от нее по 1750 р. в год, что продолжалось до 1800 г., когда на коллегиум ассигновано было по 2000 р. в год особо от белгородского оклада⁶⁰⁸. Вновь учреждавшиеся семинарии получили тоже возвышенные против прежнего оклады, минимум которых не спускался ниже 2500 руб. Вследствие частных прибавок и назначения новых окладов для вновь открывавшихся семинарий к концу царствования общая сумма училищных штатов постепенно возвысилась до 181,931 р. 62 ½ к.⁶⁰⁹

Кроме возвышенных окладов, разные семинарии получали от государя довольно щедрые единовременные пособия для удовлетворения своим экстренным нуждам, на которые текущих доходов не хватало. Так, в 1797 г., посетив после своей коронации Троицкую лавру, он пожертвовал на лаврскую семинарию 2100 р., которые и были употреблены в раздел между служившими при семинарии и на улучшение бурсацкого стола⁶¹⁰. В том же году по высочайшему повелению ассигновано было 30,000 р. с отпуском этой суммы в три года на построение семинарии вифанской и 5000 р. на возобновление зданий казанской семинарии после постигшего ее тогда пожара⁶¹¹. В 1798 году из государственного казначейства единовременно было отпущено 32781 р. 26 ½ к. на исправление построек в старых семинариях; указ об этой выдаче должен был настолько же обрадовать семинарии и архиереев, насколько их огорчил упомянутый совершенно противоположный ему Екатерининский указ 1788 г. Св. Синод тогда же разослал по епархиям запросы, в каком положении находятся там старые семинарские здания, и на основании донесений и просьб из епархий делал потом из полученной суммы потребные ассигновки. Так напим. псковская семинария, нуждавшаяся в расширении своего помещения, тогда же получила от него на

устройство нового флигеля 2000 р. Так как этой суммы не хватило у нее на всю постройку, то в 1800 г. св. Синод разрешил семинарии для той же цели получить еще 1935 р. из сумм псковской консистории, оставшихся из штатного жалования псковских церквей по случаю упразднения некоторых из них⁶¹². В 1801 г. св. Синод ассигновал 6000 р. на строение и починки в черниговской семинарии „в рассуждении умножившегося знатного количества учеников”⁶¹³. Удвоение училищных окладов конечно, было весьма благотельно для благосостояния духовных школ, но все-таки не могло считаться окончательным решением вопроса об их обеспечении, потому что к началу XIX столетия и число учащихся тоже более, чем удвоилось. На эти 181,931 р. нужно было содержать уже 4 академии, 36 семинарий и (по счету комитета 1808 г.) до 115 малых училищ с 29,000 учащихся. Поэтому, немного времени спустя, в 1807 г. удвоенную сумму окладов снова потребовалось удвоить, что и сделал император Александр Благословенный, назначив в этом году к отпуску на дух. школы 338,863 р. В то же время, сознавая недостаточность и этой прибавки к школьным окладам, правительство серьезно занялось вопросом об изыскании средств к постоянному обеспечению дух. школ и всего вообще духовенства и учредило для разработки этой задачи особый комитет, делом которого была всесторонняя реформа дух. училищ, давшая им новую жизнь. В знаменитом докладе этого комитета находим самое компетентное суждение о недостаточности существовавших до него школьных окладов: невозможно, говорится здесь, содержать училищный дом, учителей, библиотеку, учебные пособия и до 1000 учеников на иждивении 8000 р., что составляет высший оклад семинарии, простирающийся и в самых академиях не более, как от 20460 до 24000 р.” Такая недостаточность окладов, по словам доклада, всегда была „непреодолимым препятствием” для усилий и усердия епархиальных начальств ко всякого рода усовершенствованиям и по учебной части дух. училищ, тоже страдавшей разными недостатками.

Нужно прибавить к этому еще то, что из своих скудных окладов семинарии должны были уделять более или менее

значительные суммы на содержание низших школ, потому что ни Екатерининские, ни Павловские штаты на эти низшие школы не простирались, несмотря на то, что комиссия о духовных школах в своем проекте при назначении школьных окладов не забыла и их. Казенные оклады положены были только на некоторые низшие училища уже после составления штатов, по особым всемилостивейшим распоряжениям. Так в 1775 г. Платон московский испросил по 300 р. оклада на два учрежденные им училища в звенигородском Саввином монастыре и калужском Лаврентьевском⁶¹⁴. В 1779 г. велено было отпускать по 500 р. ежегодного оклада на училище невелиское псковской епархии⁶¹⁵. Кроме этих окладов, кажется, не было еще ни одного училищного оклада отдельного от семинарских. Указы об открытии училищ, касаясь вопроса об их содержании, прямо соединяли это содержание с местным семинарским окладом. В 1787 г. сделав упомянутую нами прибавку оклада для смоленской семинарии, императрица в то же время указала смоленскому епископу Парфению открыть на эти увеличенные средства нормальные школы при своих училищах⁶¹⁶. Даже отдельные оклады училищ выдавались в прибавок к общему семинарскому окладу. Так в 1779 г. к окладу псковской семинарии прибавлено было 500 р. „в диспозицию псковского архиерея на заведение в той же епархии в полоцкой губернии школ”⁶¹⁷; эта сумма и составила оклад невелиской школы. Точно так же в случае упразднения семинарии и обращения ее в низшую школу оклад обращался в собственность той семинарии, в подчинение которой она поступала. Таким образом наприм. в 1788 г. после соединения новгородской семинарии с петербургской и обращения ее в низшую школу ее оклад в 8285 руб. был присоединен к окладу петербургской семинарии; при этом в указе императрицы на имя м. Гавриила между прочим было сказано: „мы надеемся на ревность и усердие ваше к закону и отечеству нашему, что вы сие наилучшим образом учредите и пользу оногo распространите и на заведение в других местах епархии, вам вверенных, малых училищ”⁶¹⁸.

Величина окладов, какие отделялись от семинарских сумм в пользу низших школ, была различна, вполне завися от усмотрения епархиальных архиереев, в иных местах и для иных школ была довольно значительная, рублей до 200, для других очень небольшая, рублей до 10–5, но при малости семинарских окладов все-таки чувствительная для семинарий, особенно если в епархии было несколько таких школ. Наибольшее количество училищной суммы, выделявшейся из семинарских средств, видим в епархиях новгородской до упразднения новгородской семинарии, смоленской и псковской. В первой на три училища в Валдае, Боровичах и Старой Руссе по указу м. Гавриила от 1780 г. отпускалось по 150 р., впрочем из сверхштатной семинарской суммы⁶¹⁹. В смоленской епархии после усиления семинарского оклада в 1787 г. положено было выдавать на 5 училищ 375 руб. в год, но с 1788 г. постоянно отпускалось по 200 р. в год на одно только вяземское училище, – другие не получали из семинарии ничего. В псковской епархии, кроме семинарского оклада, существовал, как мы знаем, еще оклад невеличской школы; на училища выделялись доли из того и другого. Больше всех получала школа при самой семинарии, так называемая сиротская; с 1780 г. в пользу ее ежегодно выделялось по 100 р. от семинарии и столько же от невеличской школы до 1785 г., а с этого года по 150 от невеличского оклада и по 100 от семинарского. Сама невеличская школа пользовалась из своего оклада только 200 руб.; остальное количество с прибавкой небольших сумм от семинарии шло на другие училища, на великолукское 85 р., полоцкое 75 и торопецкое 95⁶²⁰. В других епархиях семинарии выделяли на училища только небольшие суммы или вовсе ничего им не давали. Наприм. в нижегородской епархии, где низших школ было особенно много, участие семинарии в их экономическом быте ограничивалось только административными к нему отношениями да выдачею им рублей по 5–10 в год „на дрова, на покупку бумаги и чернил, сургучу для присылаемых ведомостей, репортов и прочего в контору семинарскую”⁶²¹.

Большая же часть низших школ и основывались и содержались исключительно на местные епархиальные средства. Нечего и говорить, что этот источник содержания был необходим и для тех, которые получали более или менее крупные крохи от скудной семинарской трапезы. Не прибегая к местным епархиальным средствам, семинарии положительно не могли существовать на свои нищенские оклады. Мы еще будем говорить об этих средствах особо при обозрении экономической жизни дух. школ, а теперь ограничимся пока только этим обзором правительственных штатных окладов.

Назначение этих окладов очевидно далеко еще не решало предположенной при этом задачи и имело результатом своим не столько действительное обеспечение духовных школ, сколько лишь одно, хотя и богатое, восполнение их скудости, при котором не устранялась потребность и в других источниках содержания. Правительство Екатерины само сознавало это и потому объявило назначенные оклады только временными, ассигнованными лишь предварительно до будущего генерального учреждения о дух. школах. Учреждения этого дух. школы не дождались во все время ее царствования. В последующее время до действительно генеральной реформы школ 1808 года сознание неудовлетворительности их штатного обеспечения выразилось со стороны правительства в двукратном общем возвышении штатных окладов. Тем не менее время назначения училищных окладов составило весьма крупную эпоху в истории духовных школ, с которой во всех без исключения историях частных семинарий справедливо принято начинать новый период школьной жизни. В своем штатном окладе дух. школа в первый раз нашла для себя определенный и постоянный источник содержания, каких прежде у нее не было ни одного; это была для нее первая надежная опора против всех случайностей, каким подвержено было ее существование в прежнее время при обеспечении ее неопределенными и по времени и по количеству сборами с епархиального духовенства, тем более, что, при всей недостаточности штатной суммы для полного обеспечения заведения, в связи с другими местными способами содержания она все-таки должна была составлять

самую основную статью всего школьного бюджета даже в самых богатых епархиях. Далее, благодаря штатным окладам, дух. школы в первый раз стали приходить к большему единообразию в своем внешнем быте, в содержании учителей и учеников и в заведении учебных пособий, что не могло не отразиться и на внутренней стороне их жизни. Нельзя наконец не обратить внимания на то, что в назначении казенных окладов на дух. школы, можно сказать, в первый же раз правительство выразило сознание не одного местного и сословного, но и общегосударственного значения этих школ и приняло на себя обязанность непосредственно заботиться об их благосостоянии самому, а не предоставлять это дело одним только сословным и местным властям. Это было необходимым начальным шагом и к их дальнейшему устройству и к определению государственных прав духовного образования.

Понятно, что после неудовлетворительного решения главного экономического вопроса необходимо должно было затрудниться и решение других вопросов школьной реформы касательно умножения числа дух. школ и распределения их по разрядам. Императрица нередко высказывала желание, чтобы духовное начальство прилагало попечение о заведении больших и малых епархиальных школ, но особенного материального вспомоществования ему в этом деле мало оказывала. После первых заявлений касательно этого предмета, высказанных при учреждении комиссии о церковных имениях более с априорной, чем с практической точки зрения, в 1770-х годах она имела тяжкий повод практически убедиться, как важно для государства иметь образованных пастырей народа. В восточной части империи поднялось грозное волнение народных масс, собравшихся под знамя Пугачева. Правительство было сильно недоволено поведением в это время духовенства. Усмиритель Пугачевщины гр. Панин писал в своих донесениях: „если бы духовный чин хотя мало инаков был, злодеяния не возросли бы до такой степени”; он находил духовенство „погруженным в самом вышнем невежестве и грубиянстве”, так что человек „с настоящим чувством добродетели и хотя с некоторым познанием должности пастыря”

казался среди него каким-то дивом. Соглашаясь с Паниным, императрица писала ему: „великое невежество духовного чина, примеченное в тех местах, где находитесь, конечно ничем поправить нельзя, окромя воспитанием и поучением и из первых моих попечений будет после прекращения всех нынешних хлопот учреждение школ, где только возможно,... но тогда родится другой вопрос об определении священству сходственного содержания с воспитанием”⁶²². Последнее замечание особенно любопытно и невольно наводит на мысль, что государыня-философ не чувствовала особенной щедрости к духовному чину, даже подобно всем тогдашним модным философам, и коронованным, и некоронованным, едва ли не считала не лишним держать его на всякий случай в черном теле. Прошла и Пугачевщина, а учреждение дух. школ, „где только возможно”, все-таки не сделалось одним „из первых попечений” государыни. Оклады и пособия по-прежнему отпускались им в очень скромных размерах. Наконец с 1786 г., когда был издан устав народных училищ⁶²³ и последние стали усердно заводиться во всех губерниях и наместничествах, внимание правительства было совершенно отвлечено от школ духовных. Все, что заводилось в новых народных школах, их устройство, правила воспитания, метод преподавания и т. д. все это сделалось своего рода коньком в административных сферах, считалось единственно хорошим, рекомендовалось и для духовных школ. Архиереям ничем нельзя было лучше понравиться императрице и испросить от нее пособия для своих бедных школ, как введением в них пресловутого нормального курса и метода, чем, как мы видели, и воспользовался Парфений смоленский. Заведение новых дух. школ продолжалось и при Екатерине и при Павле I, но несколько не усиленнее, чем в предшествовавшие царствования, и благодаря не столько заботливости правительства, сколько попечениям тех же епархиальных властей, которые ревновали об этом деле и в прежнее время.

Из новых семинарий раньше других была открыта семинария в астраханской епархии. Это была епархия древняя и более многих других требовавшая для себя образованного

духовенства, но по своей бедности не успела завести у себя ни одного духовно-учебного заведения, кроме только упомянутой нами низшей школы, открытой еще в 1729 г. епископом Варлаамом Леницким с помощью астраханских купцов для обучения как духовных, так и купеческих детей. В 1730-х гг. она закрылась, потом, в 1739 г. открыта уже в качестве школы архиерейской, духовной, и на содержании одного духовенства; через год опять закрылась за неимением учителя и открылась снова по указу Синода от 1744 г. по-прежнему в качестве общесловной, хотя и существовала в епархиальном ведомстве сначала при Спасском монастыре, потом в архиерейском доме. В 1776 г. св. Синод испросил высочайшее дозволение завести в Астрахани полную семинарию, приводя в качестве уважительных к тому побуждений с одной стороны знатность и пограничность этого города, а с другой нужду для него в ученых людях. Вследствие этого ходатайства семинарию велено открыть, а на содержание ее ассигновать 2000 р. оклада в распоряжение нового архиерея Антония Румовского. Открытие ее последовало в начале 1778 г. Помещалась она сначала в нанятом доме, потом с 1783 г. в собственном помещении из четырех одноэтажных каменных флигелей, уступленных ей городом от богадельни за 2500 р. Учителя для преподавания вызывались из разных мест, из киевской академии, казанской, харьковской, рязанской и др. семинарий. В 1787 г. в ней уже было введено преподавание богословия и философии; в 1791 г. учреждена ректура. Число учеников к концу XVIII столетия простиралось до 280 человек⁶²⁴.

В один год с астраханской открыта семинария в новой севской епархии, учрежденной уже при Екатерине в 1764 г. Обширный край, из которого образована епархия с 900 церквей, до сих пор не имел у себя никаких школ и отличался крайним невежеством духовенства, о котором красноречиво свидетельствуют указы первых севских архиереев, Тихона Якубовского и Кирилла Флоринского⁶²⁵. Священники не одни молодые, но и прослужившие на своих местах 20–30 лет, оказывались не умеющими отслужить правильно даже литургии Златоуста, не говоря о литургии преждеосвященных даров.

Ставленники являлись к посвящению, не выучившись хорошенько даже грамоте. Дьяконов приходилось сечь лозами, чтобы заставить поучиться читать и писать. К тому же средству и к тяжелым штрафам приходилось прибегать для того, чтобы побудить отцов учить детей грамоте. В 1777 г. Кирилл Флоринский первый из севских архиереев вздумал завести при своем доме школу, в учителя которой вызвал из Киева никоего Роговского. Преемник его Амвросий Подобедов, прославившийся своею заботливостью об образовании духовенства во всех епархиях, в которых проходил свое архиерейское служение, не довольствовался низшей школой, а с самого прибытия своего в Севск начал заводить здесь уже полную семинарию, для которой в 1778 г. чрез св. Синод исходатайствовал и штатный оклад в 2000 р. В октябре того же года собралось до 70 человек учеников и учение было уже открыто. Прокуратором семинарии поставлен архимандрит Никон, а учителя (Дорофея Григорьева) вызвали из крутицкой семинарии. Помещение семинарии отведено было поблизости архиерейского дома „в покоях для приезжающих из епархии духовных властей и прочих случающихся персон”, но с самого же начала стали собираться материалы и средства на постройку для нее собственного помещения. После 1778 г. открытие новых классов шло непрерывно, вместе с тем быстро возрастало и число учеников; через три года их было уже 400; в 1784 г. при архиерее Феоктисте с большою торжественностью открыто было богословское учение и семинария организовалась вполне. Ректура явилась в ней еще в 1781 г. К концу XVIII столетия число учеников простиралось до 900⁶²⁶.

В 1775 г. открыта была новая епархия словенская и херсонская. Первый ее архиепископ ученый Евгений Булгар на другой же год по приезде своем в Полтаву, где назначено было место епархиальной кафедры, озаботился открыть семинарию на первый раз в виде низшей школы и исключительно на местные средства. Граф Разумовский пожертвовал для ее помещения свой дом. Жалование учителям и сумму на содержание бедных учеников архиерей назначил от себя и из добродетельных пожертвований полтавского духовенства,

дворянства и купечества. Сочувствие к школе дворянства и купечества поддерживалось тем, что она объявлена была всеобщей. Кроме Разумовского участие в ней принял бунчуковый товарищ Петр Паскевич, взявший на себя звание ее куратора и заботившийся об ее экономии. Ректором сделан ученый грек Никифор Феотоки, бывший преемником Евгения. При самом посвящении своем в архиепископы, воспользовавшись своим пребыванием в Петербурге, Никифор в 1779 г. испросил для полтавской школы 2000-ный оклад, с помощью которого завел в ней бурсу и начал постепенно открывать высшие классы. Поэтому 1779 г. и считается обыкновенно годом открытия словенской семинарии. В 1783 г. открыт в ней класс философский, а с 1786 г. началось преподавание богословия⁶²⁷.

В том же 1779 г. открыты были семинарии в двух старых епархиях – иркутской и тамбовской. В первой духовное образование было распространено и прежде, со времени начального ее утверждения при св. Иннокентии, но ни при нем, ни при образованном Иннокентии Неруновиче не простиралось до высших семинарских наук, а по смерти Иннокентия (1747 г.) и при преемнике его Софронии, не получившем школьного образования (из великоруссов), совсем пришло в упадок, так что при арх. доме оставалась одна русская школа. Наконец епископ Михаил Миткевич с помощью ассигнованного в 1779 году 2000-ного оклада положил начало прочного существования иркутской семинарии и успел даже выстроить для нее каменное двухэтажное помещение. До богословского класса она дошла уже в 1802 г.⁶²⁸.

Тамбовская епархия была древнее иркутской, но дух. образование не успело в ней привиться вследствие долговременного ее закрытия и присоединения к рязанской кафедре после заточения епископа Игнатия (1699 г.) в течение 59 лет. Первый епископ по ее восстановлении, Пахомий Симанский, как мы видели, еще в начале 1760-х годов собрал с епархии около 2000 р. денег и множество материалов для постройки семинарии но так ее и не выстроил. Между тем тамбовский край имел в ней самую настоятельную потребность

вследствие повального невежества местного духовенства, вредные следствия которого особенно обнаружились во время Пугачевщины. В это тяжелое для государства время ни в одной из местностей, взволнованных бунтом, не было столько случаев измены между духовными лицами, как именно в тамбовском крае. Семинария была открыта наконец в 1779 г. при преемнике Пахомия Феодосии Голосницком, и то самим св. Синодом по желанию императрицы, которая собственноручно написала на синодском докладе повеление об ежегодном отпуске на заводимую семинарию 2000 р. За неимением в епархии ученых людей св. Синод сам назначил в ректоры новой семинарии архим. Иоанникия из владимирской епархии, а учителей велел выслать из епархии рязанской по выбору тамошнего архиерея. На первый раз семинария помещена была в нижнеломовском Казанском монастыре, но св. Синод указал в то же время на остаточную сумму от ежегодного оклада семинарии „с возможным поспешением” строить для нее собственное помещение в Тамбове. Несмотря на этот указ о возможном поспешении, семинария строилась очень долго, потому что остатков от 2000-го содержания на постройку оказывалось очень мало. В 1788 г. выстроен был только нижний этаж здания и покрыт на время лубьями. В нем и открыт был первый философский класс, до которого к этому времени семинария только лишь успела развиваться. После этого семинария стала жить на два дома, – низшие классы остались в Ломове, а высший философский был в Тамбове. Семинарский корпус отстроен был уже в 1790 г. при архиерее Феофиле на пожертвования его собственные и разных посторонних лиц. Тогда же семинария вся была переведена в Тамбов и получила законченный курс чрез открытие богословского класса. Число учеников ее простиралось до 300, а к концу XVIII столетия было 395⁶²⁹.

В том-же 1779 г. открыл у себя семинарию викарий новгородского митрополита Гавриила, олонецкий епископ Иоанникий. Семинария эта помещалась при архиерейской кафедре в Александро-свирском монастыре и наряду с другими получала 2000 руб. оклада. Она впрочем существовала

недолго, упразднилась в 1786 г. вместе с переводом новгородской викарной кафедры в Хутынский Новгородский монастырь⁶³⁰, после чего в Александро-свирском монастыре осталось только низшее дух. училище.

Еще менее продолжалось существование упомянутой нами семинарии слуцкой, учрежденной при коадьюторе киевского митрополита, переяславском епископе Викторе Садковском, для образования духовенства польской украины, не имевшего прежде никаких средств к обучению детей, кроме существовавших при некоторых церквах дъяковских школ грамотности. В 1785 г. она была учреждена, а в 1789 г., когда преосв. Виктор по приказанию польского сейма был взят под стражу и отвезен в Варшаву, закрылась. После второго польского раздела в 1793 г. Виктор снова воротился в свою епархию, которая теперь уже вся поступила под власть России, составив в гражданском отношении три губернии, минскую, изяславскую, и брацлавскую, и был сделан уже самостоятельным архиепископом с титулом минского, изяславского и брацлавского. В том же году на ассигнованный 2000-ный оклад он поспешил открыть у себя в Минске новую семинарию. После третьего раздела Польши эта обширная епархия еще более увеличилась вновь присоединенными землями и потому в 1795 г. подвергнулась раздроблению; некоторые местности ее отошли к епархиям киевской и екатеринославской, а из подольской губернии и из Волыни образовались новые епархии – подольская и волынская. Вслед за этим в новых епархиях явились и новые семинарии, впрочем уже в следующее царствование при Павле Петровиче.

Подольская семинария открыта первым подольским епископом Иоанникием в 1797 г. в зданиях Шаргородского монастыря и снабжена была тогда же новым 3000-ным окладом. Волынская в г. Остроге, открытая в 1799 г., в первый год не была самостоятельной, а зависела от минской, от оклада которой в пользу ее отделялось 1000 р., так как и самая епархия волынская считалась пока викарию минской. В том же 1799 г. волынский епископ получил самостоятельность, а в

следующем и на семинарию ассигновано 3000 р. особо от минской⁶³¹.

Кроме подольской и волынской, благодаря большей щедрости училищных окладов, при имп. Павле I открылось еще несколько семинарий. Посетив после своей коронации любимую обитель Платона Вифанию, государь велел возвести ее по окладу во второй класс монастырей и „для вящего распространения преподаваемого в семинарии Троицкой лавры учения, полезные успехи которого государь сам видел, учредить в Вифании такую же семинарию в числе 100 учеников, на содержание коих пищею, одеждою и прочим, также на жалование учителям, на книги, дрова, свечи и проч, производить ежегодно по 4000 р., на построение училища и покоя для жития учеников и учителей отпустить 30,000 в три года по равным частям.” Семинария с торжеством была открыта в августе 1800 г.⁶³².

Еще большей щедростию государя воспользовалась учрежденная по его воле в том же году армейская семинария в Петербурге для обучения детей военного, армейского и флотского духовенства; на содержание ее ассигновано было по 12,000 р. в год⁶³³.

Менее щедро были обеспечиваемы новые семинарии в провинциальных городах. В 1799 г. открыты были 4 новых епархии: калужская, пермская, пензенская и оренбургская, и потребовали новых семинарий. В Калуге семинария была учреждена еще в 1775 г. в Лаврентьевом монастыре, тогда же получила и оклад на первый раз в 300 руб., но до царствования императора Павла так и не пошла далее обыкновенного курса двухклассных низших школ, потому что Калуга принадлежала до этого времени к московской епархии, в которой и без того была уже семинария и академия. После образования калужской епархии первый калужский архиерей Феофилакт Русанов на другой же год преобразовал лаврентьевское училище в полную семинарию, поместив ее в самой Калуге в зданиях, назначавшихся первоначально под присутственные места и уступленных гражданским начальством под семинарию вследствие высочайше утвержденного доклада св. Синода (16

окт. 1799 г.). Учители были набраны из московских духовно-учебных заведений; оттуда же явились ученики высших классов, большею частью из прежних учеников лаврентьевского училища, учившихся в Москве высшим наукам; низшие классы наполнились наличными учениками лаврентьевского училища. В 1803 г. всех учеников считалось до 405, потом это число, возросло (к 1808 г.) до 571. Учителей было 7. Сначала семинария имела высшим своим классом философский, но в сентябре 1802 г. открыто было и преподавание богословия. Денежный оклад семинарии простирался до 3000 р.⁶³⁴.

Пермская семинария учреждена тоже в 1800 г. первым епископом пермским Иоанном и помещена в деревянном доме, подаренном ей чиновником Медведевым, потом в особом купленном для нее доме кн. Голицыной. Оклад ей назначен был всего в 2500 р., так что для своего содержания она постоянно должна была прибегать к помощи разных жертвователей, которых особенно умел склонять в ее пользу второй пермский епископ Иустин, оставивший по себе прекрасную память в семинарии, как ее благодетель. Очень неудивительно, что курс ее при таких условиях не мог достичь надлежащей полноты до самого ее преобразования в царствование имп. Александра, несмотря даже на удвоение оклада в 1807 г.⁶³⁵. С таким же окладом учреждены были семинарии пензенская и оренбургская⁶³⁶.

Таким образом за весь описываемый период времени успело возникнуть 15 новых семинарий, если не класть в этот счет семинарии слуцкой. Но в то же время, вследствие разных перемен в епархиальном делении России, некоторые семинарии были переводимы на другие места и даже вовсе закрываемы⁶³⁷. Так, мы уже упоминали о закрытии недолговременно существовавших семинарий олонецкой и слуцкой. Особенно важными переменами в судьбе семинарий ознаменовался 1788 год, когда последовал высочайший указ приводить разделение епархий в сообразность с новым разделением губерний, начавшимся еще с 1775 г., с издания нового учреждения о губерниях; вследствие этого указа пришлось закрыть несколько старых епархий, главные города которых по новому делению

губерний сделались уездными, и открыть новые, кафедры которых приурочивались к новым губернским городам, а с этим вместе потребовались и перемены в установлении центров семинарского образования. Так, вместе с упразднением Крутицкой епархии была закрыта в этом году крутицкая семинария. С открытием владимирского наместничества епархии владимирская, переяславльская и суздальская соединены были в одну, после чего соединены были и их семинарии в главном епархиальном городе Суздале, а во Владимире и Переяславле оставлены были только низшие классы. С присоединением г. Устюга к вологодской губернии упразднилась устюжская епархия и семинария ее присоединена к вологодской. В том же году закрытию подверглась даже такая знаменитая и древняя семинария, как новгородская; по желанию Гавриила м. петербургского и новгородского она была соединена с петербургской, а в Новгороде остались одни низшие классы, что продолжалось до 1800 г., когда м. Гавриил оставлен при одной новгородской епархии и начал снова восстанавливать свою семинарию. При императоре Павле в 1790 г. восстановлена также семинария владимирская, но зато суздальская, к которой она была прежде приписана, обращена в низшую школу. Тогда же коломенская кафедра, еще с 1777 г. причислявшаяся к московской губернии, переведена была вместе с семинарией в г. Тулу, а в Коломне осталась низшая школа. В 1798 г. подвергнулась переводу из Полтавы семинария словенская, – вместе с словенскою кафедрою она переведена в Новомиргород, а после в 1804 г. еще на другое место, в Екатеринославль. В 1799 г. епархия переяславская, бывшая викарию митрополии киевской, сделана самостоятельной, а в 1803 г. переименована в полтавскую; то же именование получила и переяславская семинария, по-прежнему впрочем оставаясь в Переяславе (переведена в Полтаву уже в 1862 г.). После всех подобных перемен к 1808 г. всех семинарий по счету комитета о преобразовании дух. училищ было 36, кроме двух старых семинарий, петербургской и казанской, переименованных при Павле Петровиче в академии.

Низшие духовные школы, за исключением упомянутых трех школ, все заводились на местные средства, по инициативе местных архиереев или самого духовенства и не пользовались никакой поддержкой со стороны правительства. Понятно, что при таких условиях число их, хотя впрочем весьма почтенное, никак не могло достигнуть до той величины, как предполагалось правительством в начале 1760-х годов, и что самое существование их не могло отличаться надлежащей прочностью; – находясь в полной зависимости от своих случайных средств, они то открывались, то снова закрывались, переходили с места на место, соединялись с семинариями и т. п. Отказываясь от полного их перечня, ограничимся лишь несколькими образчиками их возникновения и их непостоянной судьбы.

Устройство и умножение их всего легче было, разумеется, в более богатых и более образованных епархиях, где и материальных средств было достаточно и привычка к образованию между духовенством успела развиться шире. В московской епархии было 4 училища: перервинское, звенигородское-савинское, дмитровское и калужское до обращения его в самостоятельную семинарию в 1800 г.; с 1799 г. явилось еще коломенское, образовавшееся из коломенской семинарии, переведенной тогда в Тулу. Вот что говорит м. Платон об учреждении первого из этих училищ в своей автобиографии: „находя в Перервинском монастыре доходы не малые, издерживаемые едва на что полезное и между рук уходящие, архиепископ московский по указу императрицы в 1775 г. устроил там училище и содержание оно на монастырских доходах, которые добрым и верным хозяйством весьма умножил, так что на одно училище исходило в год более 4000 р.” При подобных средствах московские училища естественно могли сделаться одними из лучших; притом же Платон, как мы уже знаем, исходатайствовал для двух из них штатные оклады в 300 р. Новгородская епархия в прежнее время содержала до 13 низших школ. При м. Гаврииле учреждены в ней 4 русские школы: в Тихвине, Валдае, Старой Русе и Боровичах, на содержание которых отпускалось по 250 р.

на каждую, по 150 из богатого семинарского оклада и по 100 р. от митрополита. В 1784 г. школы эти по воле того же митрополита были закрыты и по соединении новгородской семинарии с петербургской в новгородской епархии оставалось одно училище, образовавшееся на месте закрытой семинарии. С 1802 г. после нового открытия новгородской семинарии низшие школы опять стали открываться в разных местах новгородской епархии. К 1808 г. их было 7: кирилло-белозерское на месте прежней школы, которая была в этом монастыре с 1778 г. во время принадлежности его к вологодской епархии и именовалась семинариею, с 264 учениками и с курсом, простиравшимся до философии включительно; тихвинское с 130 учениками и с курсом, заключавшим в себе логику и риторику; алекса́ндро-сви́рское на месте прежней оло́нецкой семинарии с 66 учениками; новгородское при архиерейском доме с 115 учениками; старорусское с 68, каргопольское с 46 и петрозаводское с 23 учениками. Все были на содержании исключительно из местных средств, доставлявшихся местными монастырями и духовенством, а новгородское на иждивении архиерейского дома; о величине этих средств новгородской епархии можно судить по цифрам: первое получало на свое содержание ежегодно 1600 р., второе 1500, четвертое 1256, остальные меньше, кроме того в состав их окладов входили неопределенные суммы из церковных сборов⁶³⁸.

Из других епархий наибольшее число школ находим в епархиях смоленской, псковской, нижегородской, тверской и тобольской, но вследствие меньшего обеспечения материальными средствами они едва держались, частью благодаря только энергии местных архиереев, частью вследствие крайней в них необходимости для самого духовенства. Так в смоленской епархии было 5 школ: вяземская, дорогобужская, торопецкая, бельская и рославльская, но все они получали нищенское содержание от сборов с духовенства; последнее, жалуясь на свою бедность, было к ним скупое и давало нужные для их потребностей суммы, только благодаря энергичным требованиям преосв. Парфения⁶³⁹. После усиления семинарского оклада в 1787 г.

преосвященный назначил было отделять от него известную часть на все училища, но, как мы упоминали, ограничился только назначением 200-рублевого оклада на одну вяземскую школу, которую, по желанию духовенства ее отдаленного от Смоленска училищного округа, он преобразовал в просеминарию с классами до риторики. К концу XVIII в. это училище помещалось в каменном здании при Предтеченском монастыре и имело до 300 учеников. После этого другие школы, кроме торопецкой, отчисленной в псковскую епархию, по всей вероятности закрылись, по крайней мере в документах того времени об них уже не упоминается: известно только о рославльской школе, что она была восстанавливаема в 1796 г.⁶⁴⁰. В псковской епархии было тоже 5 училищ: невелиское (с 1780 г.), получавшее штатный оклад, полоцкое (с 1788 г.) при Богоявленском монастыре, торопецкое, отошедшее от смоленской епархии, великолуцкое (с 1789 г.) в Троицком монастыре и сиротская школа (с 1780 г.) при самой семинарии. Все они обязаны были своим существованием известному ревнителю просвещения Иннокентию псковскому, который искусно умел разделять между ними небольшой оклад невелиской школы и помогать им из семинарских средств; после него они немедленно стали закрываться. Сначала, еще в 1795 г невелиское и полоцкое училища отошли к могилевской епархии, после этого остальные содержались несколько времени на счет остаточной суммы от невелиского оклада, затем сиротская школа соединилась с семинарией, а торопецкая и великолуцкая закрылись, первая в 1799, вторая в 1803 г.⁶⁴¹.

В нижегородской епархии низших школ было почти так же много, как в новгородской, они начали заводиться с 1778 г. при епископе Антонии Зыбелине под именем гимназий на место старых Питиримовских школ, из которых некоторые еще кое-как существовали, другие давно уже закрылись. Первоначально этих гимназий было 4: в Алатыре, Саранске, Курмыше и Лыскове; потом к ним присоединились новые в Арзамасе, Починках и Ардатове; сверх того, вероятно под влиянием современного учреждения народных училищ, в разных местах устраивались небольшие школы грамотности из двух классов

для приготовления к самым гимназиям, наприим. в Балахне, Семенове, Сергаче, в селе Мурашкине и др. Но все эти школы содержались на счет самих отцов учившихся в них детей, получая лишь небольшие дачи из семинарского оклада. Курс их был доводим большею частью до пиитического класса и только в алатырской заключал в себе и пиитику с риторикой. В 1799 г. эта школа вместе с г. Алатырем, а равно и школа саранская отошли к казанской епархии; остальные гимназии по распоряжению архиепископа нижегородского Вениамина были соединены в одно нижегородское училище⁶⁴². В тверской епархии было учреждено 4 школы: кашинская в 1768 г. при Гаврииле по просьбе кашинского духовенства, новоторжская и осташковская в 1772 при Платоне и бежецкая в 1776 г. Но так как духовенство не в состоянии было содержать их одними собственными средствами, то по распоряжению Платона они объявлены были всесословными с целью привлечь к вспомоществованию им светских лиц. С тою же целью Платон хотел было объявить свободным для светских лиц и прием в семинарию; не знаем, было ли это намерение исполнено⁶⁴³. В тобольской епархии, вследствие ее необычайной обширности и невозможности привлечь для образования всех детей духовенства в одну тобольскую семинарию, низшие школы, как мы видели, стали заводиться уже давно; в начале царствования Екатерины при ревностном к просвещению м. Павле Конюскевиче их насчитывалось до 11; все содержались от сборов с духовенства, помещавшиеся в монастырях получали небольшие пособия от этих монастырей. Лучше других из них была школа при Далматовом монастыре, дотянувшая свое существование до 1800 г., когда открыта была пермская семинария и далматовские ученики были вытребованы в Пермь; цветущее состояние ее продолжалось впрочем недолго, с 1769 г. она была только с низшим русским курсом без латыни⁶⁴⁴.

Кроме бедности епархиального духовенства, возникновению школ по некоторым епархиям мешало и теперь все еще продолжавшееся в духовенстве нерасположение к школьному обучению; в таких епархиях школы заводились только после усиленных настояний духовной власти и кроме

того редко отличались долговечностью. Таковы наприим. были школы воронежские, устроенные в начале царствования Екатерины по настояниям святителя Тихона, который по приезде в воронежскую епархию был поражен невежеством духовенства и ставленников и горячо принялся за распространение здесь дух. образования. Кроме поддержания прежнего острогожского училища, в 1764 г. он завел еще две русских школы в Ельце и Черкасске, а в 1765 г. когда была восстановлена упавшая при его предшественнике воронежская семинария, указал учредить во всех городах своей епархии славянские школы чтения, письма и пения. Несмотря на сильное противодействие духовенства и небрежность духовных управителей, поблажавших невежеству духовных лиц, школы эти были все-таки заведены, но просуществовали всего два года. Закрылись потом и другие, раньше заведенные школы. Второй преемник святителя, Тихон III, с 1780 г. завел было еще училище в донецком Предтеченском монастыре, но и оно существовало недолго. Наконец уже в 1799 г. по представлению епископа Мефодия и по указу св. Синода открыты были два малых училища, одно при семинарии, другое восстановленное в Острогожске⁶⁴⁵. Другой пример такой трудности заведения школ представляет слущкая епархия Виктора Садковского, образовавшаяся из заграничных, бывших польских приходов, в которых все дух. образование, какое только было, сосредоточивалось доселе в одних дьяковских школах при церквях и не простиралось далее умения читать и петь. Согласно распоряжению св. Синода, который указывал новому епископу обратить особенное внимание на заведение школ, преосв. Виктор потребовал, чтобы подведомственное ему духовенство или везло своих детей в новооткрытую слущкую семинарию, или устраивало школы по своим протопопиям, и указал прислать из протопопий списки всех духовных детей. Духовенство повсюду выставило против этих распоряжений самое упорное противодействие, или совсем отказываясь объявлять и высылать детей к учению, или стараясь как-нибудь оттянуть отбывание навязываемой ему школьной повинности. Из протопопов нашелся только один, который поспешил открыть

у себя школу в местечке Ольшанке, именно протопоп чечельницкий, Лука Романовский, да еще другой, черкасский, стал вместе с своим духовенством собираться открывать школу. Другие протопопии, чигиринская и богуславская совсем отказались от заведения школ за неимением средств; богуславское духовенство не прислало даже и списка дух. детей. После ареста Виктора в 1789 г. покончились все эти хлопоты о школах, а ольшанская школа тогда же прекратила свое краткое существование вместе с самой слущкой семинарией⁶⁴⁶. Надобно впрочем заметить, что подобные мелкие школы вообще не удавались даже в более образованных епархиях, где были заводимы. Так, в 1765 г. такие школы были заведены в епархии крутицкой под именем десятинных по одной при каждом десятке приходов, и сейчас же возник трудный вопрос об их помещении. В белевском уезде порешили выстроить эти помещения на сумму от продажи зданий белевского русского училища, которое предположено было закрыть, так как большая часть его учеников разошлась по десятинным школам. Вероятно не менее трудным оказался и вопрос о приискании для них достаточного числа преподавателей. Не более, как через 2 года, все они были снова закрыты и ученики их распущены по домам, но вместе с ними закрылось и городское белевское училище. Новое открытие его последовало уже лет через 8 после этого⁶⁴⁷. По всей вероятности такова же была судьба школ при дух. правлениях в костромской епархии, учреждение которых, как мы знаем, было предпринято еще в 1760 г. при епископе Дамаскине. Преемник его Симон Лагов в 1770 г. снова предписал, чтобы при каждом правлении непременно была русская школа для обучения грамоте, но потом об этих школах опять ничего не слышно⁶⁴⁸. К тому же разряду мелких школ нужно отнести также упомянутые городские школы (кроме так называемых гимназий) в нижегородской епархии.

Более прочное существование имели старые школы, к которым духовенство уже привыкло и которые успели определеннее устроиться по разным статьям своего быта, но и они постоянно нуждались в самой бдительной поддержке со

стороны епархиальной власти. Встречаем несколько примеров закрытия подобных школ, особенно по случаю крупных перемен, какие происходили в описываемое время в епархиальном разделении русской церкви. С закрытием епархии или с отчислением какого-нибудь округа от одной епархии к другой нередко закрывались и местные школы. Так в 1784 г. закрылись школы новгородские вследствие присоединения новгородской епархии к петербургской; в 1788 г. с закрытием крутицкой епархии во второй раз закрылась школа белевская; в 1800 г. после присоединения Далматова монастыря к новой пермской епархии прекратила свое существование школа далматовская. Исключение составляли училища, образовавшиеся из упраздненных семинарий, прочно занимавшие свои уже насиженные наукой места и даже сохранявшие самое название семинарий. Таковы училища: коломенское московской епархии после перевода коломенской семинарии в Тулу, устюжское вологодской епархии, суздальское и переяславльское епархии владимирской⁶⁴⁹. В деле поддержания этих училищ всего более видим участия и со стороны самого духовенства. Привыкнув посылать своих детей для обучения в известный семинарский город, после закрытия семинарии оно само обыкновенно просило епархиальное начальство об открытии вместо нее по крайней мере низшей школы. Так, при закрытии устюжской семинарии, немедленно по получении о том указа семь человек из местного духовенства подали преосв. Иринею вологодскому прошение „о оставлении в Устюге четырех нижних классов, на их коште квартиры и отопления, на что де и все почти сельские священно-церковнослужители, имеющие детей в семинарии, согласны, потому что по дальнему расстоянию от Вологды и дороговизне содержания в вологодскую семинарию детей своих они представить не в силах”. Архиерей дал полное согласие на заведение не только этих четырех классов в Устюге, но, буде пожелают, и на содержание риторического класса. На этот раз духовенство ответило, что более просимых классов оно содержать не в силах, но потом нашло выгодным присовокупить к ним сначала пиитику, а потом в 1793 г. и риторику, хотя

впрочем, после содержало эти классы не совсем удовлетворительным образом. Подобное же прошение в 1788 г. подало суздальскому архиерею Виктору духовенство переяславльского округа по переводе переяславльской семинарии в Суздаль, принимая на себя содержание училища до риторики. В 1792 г. в училище этом заведена была и риторика, а с 1797 до 1800 г. существовал даже класс философский⁶⁵⁰.

Экономический расчет был едва ли не самым сильным побуждением, по которому духовенство принимало на себя инициативу в открытии школ. Встречаем несколько примеров такой инициативы даже в епархиях, где школьное образование далеко еще не было развито. Так, когда Амвросий Подобедов учредил севскую семинарию и в помощь ей по причине крайней обширности своей епархии завел еще орловское училище, брянское духовенство обратилось к нему с просьбой об открытии еще другой школы в упраздненном Спасском монастыре г. Брянска, ссылаясь при этом на дальность своих приходов от Севска и на трудность содержания в нем своих детей при семинарии. Просьба была удовлетворена⁶⁵¹. В 1769 и 1770 гг. поданы были такие же прошения духовенством белгородской епархии о восстановлении старых белгородских школ. Духовенство курского округа подало архиерею Самуилу длинное прошение, в котором подробно описывало, как дорого обходятся ему и проезд его детей до Белгорода и содержание их там на дорогих квартирах, дровах и хлебе, как тяжело там жить без призрения и самим детям, которые по своему малолетству необходимо нуждаются в надзоре и т. п., и просило о восстановлении прежней курской школы, закрывшейся около 1759 г. Школа была открыта в Знаменском монастыре с низшим латинским курсом, хотя духовенство просило завести 4 или 5 классов; епархиальное начальство вероятно сообразило, что такого большого училища духовенство поддержать не в состоянии. Вместе с курским поднялось духовенство старооскольского округа с таким же прошением о восстановлении старооскольской школы, закрывшейся еще в 1742 г., но так как в этом прошении вовсе опущено было из виду

материальное обеспечение просимой школы, то на него последовал полный отказ. Духовенство белгородского округа в то же время выражало желание избавиться от обучения своих детей высшим наукам в харьковском коллегиуме и просило вместо низшей школы завести в Белгороде полную семинарию; его желанию тоже долго не суждено было исполниться как по недостатку на то средств, так и потому, что епархиальное начальство было несколько пристрастно к своему коллегиуму и ревниво блюло его интересы; белгородская семинария освободилась от своего подчинения коллегиуму не ранее уже 1800 г. Духовенство четвертого округа белгородской епархии, – обоянского, зато само отказалось от основания у себя русской школы, которую ему велено было открыть епархиальной властью; в 1771 г. школа все-таки была основана и без его воли, но тотчас же и закрылась, даже еще раньше начала учения⁶⁵².

Те же экономические соображения в своих внушениях духовенству относительно поддержания школ представляли и сами архиереи. В 1767 г. едва не закрылась вяземская русская школа смоленской епархии, потому что духовенство изъявило желание за неурожаем обучать своих детей дома, не отказываясь впрочем от возобновления своих издержек на школу „впредь, если последует урожай хлеба”. Преосв. Парфений нашел это заявление неосновательным, „ибо дети их (духовенства) и при хождении в школу не более потребуют хлеба, как и в домах будут... А учение домашнее давно известно всем, как оно скудно есть и недовольно для церковной общей пользы, а к тому для чего бы и публичные школы уставлять, буде бы учение без учителя могло быть довольно. Итак школе быть по-прежнему на тех указных основаниях, от наших антецессоров, прежних архиереев положенных”. В 1780 г. точно так же он отказал рославльскому духовенству, которое, отказываясь от издержек на возобновление своей рославльской школы, истребленной тогда пожаром, изъявляло желание посылать своих детей для обучения в Смоленск. В 1789 г., когда преосв. Парфений изъявил намерение открыть в вяземской школе латинские классы и довести курс ее по семинарскому

порядку до риторики, то же вяземское духовенство, которое 20 лет тому назад едва не закрыло этой школы, уже с радостью отозвалось на предложение архиерея и по общему приговору священно-церковнослужителей вяземского, юхновского, сычевского и гжатского уездов положило ежегодно выдавать на школу до 150 р., а в случае надобности и более⁶⁵³.

С началом царствования императора Александра I началась самая горячая пора для заведения духовных училищ, особенно с 1803 г., когда правительство в бессмертном указе 24 января выразило особенное попечение о распространении наук в России и приглашало духовенство к участию в деле народного образования чрез заведение приходских школ и преподавание в них. Вопрос об умножении дух. школ и их усовершенствовании, разрабатывавшийся с самого начала царствования, получил с этого времени особенную важность. В том же году св. Синод, по мысли м. Амвросия Подобедова, указал заводить по епархиям русские школы, в которых могли бы получать образование и после быть достойными сельскими священниками и учителями народных школ ученики, хотя и с хорошими дарованиями, но почему-нибудь не успевшие в обыкновенном тогда школьном языке семинарии, – латинском⁶⁵⁴. Школы эти немедленно стали заводиться при всех семинариях. Затем последовало возвышение училищных окладов, имевшее, разумеется, немалое влияние на открытие новых дух. училищ. Ревность к образованию духовного юношества была возбуждена до того, что на дух. школы стали собираться многочисленные пожертвования и от духовных и от светских лиц⁶⁵⁵. К 1808 г. в редкой епархии не было уже 2–3 низших дух. училищ, а число всех, по докладу комитета 1808 г., простиралось до 115. По всей вероятности в числе их считались и некоторые приходские училища, заведенные духовенством и причислявшиеся иногда к духовно-учебному ведомству⁶⁵⁶. При всем том, принимая во внимание многочисленность духовенства и обширность епархий, комитет и теперь еще находит число этих школ недостаточным. „Для каждой епархии, читаем в его докладе, простирающейся часто на великое расстояние и объемлющей более целой губернии, учреждена одна семинария и в ней

вмещены все предметы учения так, что круг их, быв стеснен в одном месте, и от первоначальных познаний простираясь до самых высших наук, не оставляют сим последним, ни надлежащего времени, ни нужного пространства; к облегчению семинарий заведены в некоторых епархиях, как-то в новгородской, московской и немногих других⁶⁵⁷, малые приготовительные училища, но сие установление по недостатку способов не везде могло воспринять свое действие”.

Не могло воспринять своего действие и предположение, высказанное в начале царствования Екатерины, касательно лучшего „учреждения” дух. школ, разделения их в стройной градации на разряды, хотя в течение рассматриваемого периода времени неоднократно проявлялись попытки к его осуществлению. Попытки эти начались при Екатерине с организации высшего духовно-учебного заведения, которое должно было сформироваться из старой московской академии, ничем существенно не отличавшейся от семинарии.

В мае 1765 г., когда известная нам комиссия о дух. школах еще продолжала составлять об них свой проект, где намечала организацию и московского духовного университета, императрица объявила св. Синоду чрез обер-прокурора Мелиссино указ о посылке 10 человек из более талантливых семинаристов, дошедших уже до риторики, в Англию „дабы в университетах оксфордском и кембриджском в пользу государства высших обучатися могли наук и восточных языков, не выключая и богословия”, и с ними двоих инспекторов для надзора за их поведением. Не прошло и трех месяцев со времени объявления указа, как требуемые по нему молодые люди были уже набраны и притом в большем числе, чем требовалось. Избраны были: Мартин Клевецкий и Семен Матвеевский из невской семинарии, Алексей Левшинов, Василий Багрянский и Петр Розанов из московской академии, Михаил Быков, Дмитрий Новиков и Иван Наумов из семинарии троицкой, Мина Исаев (учитель), Василий Антонский и Егор Андреевский из новгородской, Прохор Суворов из тверской; кроме них явились еще два волонтера учитель московской академии Василий Никитин и учитель крутицкой семинарии

Дмитрий Семенов-Руднев. По докладу св. Синода императрица изъявила согласие послать за границу всех кандидатов. При увеличении их числа между тем последовало новое распоряжение: вместо отправки их только в Англию, велено было разделить их на три группы, приставив к каждой по инспектору из явившихся к отправке за границу трех учителей, и первую, состоявшую из Суворова, Матвеевского, Левшинова и Быкова с инспектором Никитиным, послать в Оксфорд, вторую из Розанова, Новикова, Смирнова и Андреевского с инспектором Рудневым – в Геттинген, третью из остальных студентов с инспектором Исаевым – в Лейден. К первой группе присоединился еще чиновник Буховецкий, посланный по высочайшему повелению для изучения восточных языков. Отправка этой группы последовала в ноябре 1765 года, а остальных в июне 1766. Кроме инспекторов, людей уже зрелых лет и хорошо подготовленных, и Буховецкого, все это были юноши, лет 16–18 и притом недоучившиеся, между тем весьма рьяные в занятиях, стремившиеся с честью выполнить надежды, какие на них возлагало пославшее их в науку правительство. Заграничные профессора отзывались об них с самыми лестными похвалами и писали об основательном изучении ими почти невероятной массы наук и языков, – видно, что они работали не щадя живота. Большинство из них серьезно перехворали за границей и воротились домой с надорванными силами: двое из них, Смирнов и Исаев, так и не воротились, первый умер в Геттингене, второй в Мангейме на возвратном пути в Россию. Левшин, Быков, Клевецкий и Наумов должны были за болезнью вернуться в Россию, не кончив полного курса наук; последний через 4 года помер. Из кончивших курс Новиков умер вскоре по возвращении, Антонский через 2 года.

Возвращение всех групп в Россию последовало в разное время от 1772 по 1775 г. Раньше всех явились Семенов-Руднев, Розанов, Новиков и Андреевский и были испытаны в приобретенных познаниях членами особой комиссии из высших духовных и светских лиц. После удовлетворительных результатов этого испытания комиссия в своем докладе императрице особенно рекомендовала инспектора Руднева,

получившего похвальные отзывы от лучших немецких профессоров и за свои труды за границей по русской истории принятого в число экстраординарных членов королевского исторического института. Вместе с тем комиссия представила императрице свое мнение об организации высшего дух. образования, напоминая известную часть проекта 1766 г. о московском духовном университете с тою разницей против этого проекта, что теперь предполагалось устроить не особый духовный университет, а только особый богословский факультет при университете. По словам комиссии московскому университету, доселе состоящему только из трех факультетов, именно не хватает этого четвертого богословского факультета, чтобы сравняться с заграничными, по образцу которых он устроен: выпуская своих студентов в учителя семинарии, в духовное и монашеское звание, факультет этот был бы полезен и для образования духовенства, умножил бы со временем в среде последнего число просвещенных людей, могущих читать книги на многих языках и поэтому способных к дальнейшему самообразованию. Новый факультет предполагалось учредить под особенным управлением Синода и собственным покровительством императрицы. В профессора рекомендовались студенты, как уже возвратившиеся из заграницы, так и ожидаемые еще из Лейдена и Оксфорда, а в студенты для слушания лекций предназначалось вызывать лучших воспитанников из семинарий. Но чтобы в то же время почтить древность московской академии, комиссия предлагала соединить и новый факультет и академию в одно учебное заведение под именем академии. Приняв этот доклад с благоволением, императрица поручила комиссии составить полный проект нового духовно-учебного учреждения, а воротившихся из заграницы ученых, согласно удостоению комиссии, утвердила: Семенова в звании профессора словесных наук и церковной истории с жалованием по 600 р. в год, Розанова, Новикова и Матвеевского в звании магистров словесных наук с жалованием первому по 400, а прочим по 350 р. Кроме того все они получали на исправление первых нужд по трети назначенного жалования не в зачет. До назначения на

места их поместили пока в Александроневском монастыре под надзором м. Гавриила.

Но этими предварительными распоряжениями дело и кончилось. Проект богословского факультета был составлен к 1777 г., но уже совсем в другом роде, чем предполагалось. Еще в 1775 г. св. Синоду повелено было найти лучшее место для московской академии, помещавшейся в Заиконоспасском монастыре, и составить для нее новый устав и штат. В том же году синодальным указом 18 ноября она отдана в полную дирекцию своего епархиального архиерея Платона, чем подрывалось не только ее будущее факультетское значение, но и значение вообще высшего дух. заведения, по самому существу своему выступающего из узкой сферы епархиальной жизни⁶⁵⁸. Распоряжения эти прямо показывают, что мысль о богословском факультете или и прежде не была надлежащим образом выяснена, или же запуталась в последнее время. В 1777 г. св. Синод представил новый штат академии вместе с проектом богословского факультета, где понятие о факультете было совершенно спутано со старым понятием об академии; вместо высшего специально-богословского духовно-учебного заведения трактовалось об учебном заведении с прежним универсальным, смешанным характером. В курс этого проектированного заведения, кроме предметов собственно богословского и философского характера и необходимых языков, положено включить всякую всячину: математику, экспериментальную физику, историю гражданскую и натуральную, медицину краткую, ботанику, нужнейшие правила экономии гражданской и сельской. Св. Синод очевидно опустил из виду всякое понятие не только о факультетском, но и вообще о специальном характере своего высшего учебного заведения, и задался одною мыслью организовать такое же самодостаточное учебное заведение в сословном роде, каким были все вообще дух. школы, чтобы иметь у себя, что понадобится по части образования для сословного обихода, все свое и не обращаться за чем-нибудь на сторону. Частные пункты проекта менее интересны: курс академически распространен на 6 лет, профессорами положено делать обучавшихся за границей,

управление составить из ректора и префекта под высшим надзором протектора, каковым быть московскому архиерею, и самого св. Синода, оклад на все заведение назначить в 14,000 р.; главное назначение этого факультета-академии указывалось в подготовке наставников для семинарий. 25 октября 1777 г. проект был представлен императрице, но остался без утверждения. Нашла ли она его незрелым или просто сама охладела к мысли об учреждении богословского факультета – неизвестно; всего вероятнее последнее. Замечательно, что после первой партии ученых, возвратившихся из-за границы в 1772 г., следующие партии оставлены были ею уже без всякого внимания, не получили от правительства ни назначения, ни окладов, и оставлены были на полное попечение одного св. Синода, который уже сам распоряжался и об их испытании и об их распределении по местам. Правительственных назначений на места не получила впрочем и первая партия, долго проживавшая в Невском монастыре пока только с одними званиями и окладами, без определенных занятий, так что св. Синоду пришлось позаботиться и об ее членах. Кроме Никитина и Суворова, получивших места учителей в морском кадетском корпусе, Матвеевского и Буховецкого, судьба которых неизвестна, и Левшина, посвященного в протоиереи московского Благовещенского собора, все остальные ученые были распределены по учительским должностям в петербургской и новгородской семинариях и в московской академии⁶⁵⁹.

После этой неудавшейся попытки к организации высшего духовно-учебного заведения, относившейся к московской академии, в 1788 г. встречаем другую, стоявшую в связи с вновь установленною тогда (1786 г.) организацией народных училищ и касавшуюся петербургской семинарии. В параллель с распределением народных училищ на малые и главные, назначенные к образованию учителей для первых, м. Гавриил, принимавший участие и в первой попытке к устройству высшей дух. школы, возымел мысль дать своей петербургской семинарии значение главной для других епархиальных семинарий и обратился с ходатайством о том к императрице.

Она согласилась и повелела на содержание этой главной семинарии к прежде определенной на нее сумме присоединить еще сумму новгородской семинарии. С своей стороны св. Синод тогда же издал указ: чрез каждые два года присылать в главную семинарию учеников из всех епархиальных семинарий, исключая троицкой, черниговской, новгород-северской и слущкой, первой по ее близости к московской, а последних, по близости к кивской академиям, однако не более, как по два из каждой человек таких, кои бы надежнейшие были в благонравии, поведении и в учении лучшего пред другими понятия, не ниже риторического класса, для образования их к учительской должности в высших классах. Студенты эти должны были учиться на казенном содержании и обязывались, по окончании курса, прослужить два года на учительской должности или в петербургской, или в своих местных семинариях, из которых были присланы. В течение 9 с лишком лет главная семинария занималась приготовлением в учителя лучших воспитанников из разных семинарий не только ближайших к Петербургу, но и отдаленных, именно: псковской, олонечкой, тверской, вологодской, могилевской, владимирской, воронежской, казанской, коломенской, тамбовской, рязанской, ярославской, астраханской, тобольской, иркутской и из харьковского коллегіума, и успела выпустить из своих стен довольно светлых личностей, сделавшихся потом известными на разных поприщах службы. Ее воспитанниками наприм. были: Сперанский, И. Мартынов, Феофилакт Русанов, Амвросий Орнатский и др. Пользуясь всеми удобствами выбора между множеством талантливых людей в среде своих питомцев, приезжавших в качестве лучших учеников из разных епархий, главная семинария имела полную возможность постепенно улучшать состав своих преподавателей и довести его до совершенства; м. Гавриил лично принимал участие в этом деле и нередко обращался к разным архиереям с просьбами оставить того или другого из присланных ими студентов при своей главной семинарии. Курс семинарии сравнительно с обыкновенным семинарским курсом был расширен введением в него механики, физики, естественной истории и математики. Но

при всем том она все-таки оставалась только лучшей семинарией и никогда не достигала до степени высшего духовно-учебного заведения ни по своему влиянию на другие духовно-учебные заведения, ни по составу своего курса, постоянно имевшего не специальный и высший, а обыкновенный в семинариях смешанный характер⁶⁶⁰.

В царствование имп. Павла вопрос об организации духовно-учебных заведений поднят был снова и разрешен с несколько большим успехом. В указе от 18 дек. 1797г., заявив свое особенное внимание к духовному просвещению, государь повелел: кроме двух прежних академий, открыть еще две новые, в Петербурге и Казани вместо существующих там семинарий, снабдя их всем, званию сему соответствующим и для преподавания наук потребным. Другим указом 11 января 1798 г. велено было: „потребный для благоустройства академии и семинарии порядок учредить во-первых в невской академии, с тем, чтобы, применяясь уже к тому, и в прочих академиях и семинариях таким образом учение происходило”⁶⁶¹. Для разрешения этого, довольно прямо поставленного вопроса св. Синод нашел нужным собрать от всех епархиальных архиереев сведения, каким порядком и какое учение преподается в каждой семинарии и какие требуются по этой части перемены. Полученные по этому указу сведения показали, что духовно-учебные заведения не имели доселе ни правильного устройства, ни однообразного управления; академии и семинарии находились под исключительным ведением местных архиереев, управлялись по их инструкциям и без особого требования никуда не относились с своею отчетностью; повсюду был недостаток в местных и благонадежных учителях; в числе и пространстве преподаваемых наук, в учебных руководствах, в распределении наук по классам и в методах преподавания господствовало величайшее разнообразие. Разрешение вопроса о правильной организации школ таким образом оказывалось почти вовсе не подготовленным. До нас дошло мнение об изменениях, какие следовало произвести в курсе новой казанской академии, составленное Амвросием Подобедовым казанским; из этого мнения всего лучше видим, как недалеко

простирались преобразовательные проекты даже этого одного из лучших архиереев своего времени. Нисколько не затрагивая существенного вопроса о характере высшего духовно-учебного, собственно академического курса, он только и выдумал, что в казанской академии следует усилить изучение языков (еврейского, немецкого, французского, а по времени и татарского), учеников риторики обучать зачем-то теоретической и практической юриспруденции и рисовальному искусству (которое сам очень любил), соединить вместе риторику с пиитикой и установить особый класс проповедничества, к философии прибавить изучение свящ. истории, а к богословию изучение пасхалии, – и только; в заключение всего, вероятно для отличия преподавателей академии от преподавателей семинарии, он предложил дать им особые титулы, – преподавателю богословия титул доктора, а учителям философии и красноречия титулы профессоров⁶⁶². Очень неудивительно, что, собирая большей частью лишь подобные недалекие и шаткие предположения, не мог выработать вполне удовлетворительной организации дух. школ и сам св. Синод. Определение его состояло в следующих пунктах:

Для усовершенствования в науках присылать лучших учеников в показанные 4 академии через два года, из каждой семинарии в свою окружную академию (п. 1, 7–9). Курс академии составить из преподавания в два года полной системы философии, в три года богословия, сверх того высшего красноречия с чтением и разбором лучших авторов, физики и языков еврейского и греческого обязательно для всех и немецкого, с французским для желающих (п. 2–3, 5–6). В частности о философском и богословском классах, которые, разумеется, по преимуществу должны были представлять собственно академическое образование для всего наезжающего из семинарий юношества, было определено: в первом преподавать краткую историю философии, логику, метафизику, нравоучение, натуральную историю и физику, в богословском же – краткую церковную историю, герменевтику, систему догматико-полемического и нравственного богословия, пасхалии, сверх того читать с объяснениями св. Писание и книги

Кормчую и о должностях приходского священника; в обоих классах упражнять студентов в сочинениях, а также в частных и публичных диспутах (п. 4.). Внутреннее управление академии по-прежнему составлено из ректора и префекта (п. 10). Относительно связи академии с семинариями сказано: дабы с лучшим успехом учение по семинариям происходило, для сего потребно каждой семинарии иметь сведение о порядке учения, преподаваемого в той академии, куда будут присылаемы семинаристы; равно и каждая академия должна также иметь сведение о порядке учения, в тех семинариях преподаваемого; ректору же академии при всяком случае, где нужда потребует, делая свои замечания, служить тем семинариям потребными советами и наставлением (п. 12)⁶⁶³.

Во всех этих пунктах очевидно не было ничего нового, кроме одного нового распределения духовно-учебного ведомства по академическим округам. По кругу и характеру учебных занятий академии по-прежнему не отличены от семинарий, так что если академии и сообщали своим питомцам высшее или точнее лучшее образование, чем семинарии, то это зависело не от состава и постановки их учебного курса, а единственно от больших средств дарованных им, большего к ним внимания администрации, возможности завести у себя лучший состав преподавателей, от наплыва талантливых молодых людей из епархий и т. п. причин. После своего открытия в новом виде академии старались усовершенствовать свой курс, делали в нем разные перемены, прибавки и убавки, но все эти перемены ограничивались только разными частностями и внешностью учебного дела, нисколько не касаясь самого значения и постановки академической науки⁶⁶⁴. Самое распределение академических округов, ставя академии и семинарии в ближайшее взаимное отношение, было мотивировано и развито со стороны своего назначения весьма неопределенно и неполно; 12-й пункт указа, относящейся к этому предмету, представляет собою не столько административное организационное распоряжение, сколько неопределенный на что-то намек, какое то общее desiderium, чтобы академии и семинарии друг к дружке приглядывались,

без ясного определения, как им это делать и что именно отсюда должно выходить в частности. Из истории академий, главным образом двух новых, – старые продолжали пользоваться своим старым, исторически выработавшимся значением, – мы видим, что отсюда действительно ничего и не вышло. Историки новых академий видят в пунктах 1797 г. начало централизации в управлении духовных училищ⁶⁶⁵, но фактически этого не подтверждают. Семинарии продолжали жить прежнюю жизнью под влиянием своих епархиальных начальств помимо всякого влияния академий; последние в свою очередь оставались в исключительной дирекции своих местных архиереев, не относясь с своей отчетностью никуда выше их без особых требований⁶⁶⁶. Поэтому, когда наступила новая реформа духовных училищ при императоре Александре I, централизация духовно-учебного управления и распределение дух. училищ по классам опять были выставлены в качестве все еще непечатых вопросов и комитету 1808 г. в качестве первой задачи была поручено: „начертать основательный план духовно-учебной организации сообразно с целью учреждения разных родов дух. училищ, разрозненное по управлению совокупить единством власти и управления и устранить затруднения, возникающие от усмотренного несоответствия между способами образования и нуждами, равно как средствами и состоянием духовенства.” Комитет с своей стороны нашел, что дух. училища, устрояемые отдельно и без общих правил, не имеют ни общего систематического образования, ни полного устава, ни точной связи их управления с академиями, хотя все это давно признавалось для них нужным.

Высшее духовное образование по крайней мере подвергалось нескольким попыткам правильной организации; об организации семинарий и низших школ, кроме местных епархиальных начальств, никто не заботился. Св. Синод в их дела не входил, считая их учреждениями исключительно епархиальными, и довольствовался только самыми общими об них сведениями, какие заключались в ежегодно посылаемых ему от архиереев ведомостях, а в ведомостях этих говорилось только о числе учащихся и учащих и уже с 1798 г. еще о том, что

преподавалось в классах⁶⁶⁷. Из упомянутых указов 1775 и 1782 гг. видим, что он отдал в епархиальное ведомство даже саму московскую академию. Семинарии по всем своим частям находились в непосредственном ведении своих архиереев и епархиальных консисторий, без ведома и дозволения которых семинарское начальство не могло сделать ни одного самого пустого распоряжения. В консисторию семинария подавала все свои ведомости и отчеты; чрез консисторию же шли все распоряжения по семинарским делам как от архиереев, так и от св. Синода. Училищная служба не имела никакой самостоятельности и была не более, как только частной отраслью службы епархиальной. Все ее лица и по назначению своему на должности, и по прохождению последних, и по увольнению от них вполне зависели от воли епархиальной власти. Конторское управление внутренними делами семинарской жизни, как и в прежнее время, мало содействовало к освобождению семинарии от начальственного влияния консистории потому что контора сама состояла под указами консистории. Более самостоятельности придавала семинариям власть ректора, как лица почетного, доверенного при самом архиерее и кроме того постоянно облакавшегося должностью первенствующего члена в самой консистории. Ректор являлся в семинарии, обыкновенно долго спустя по ее основании, когда она уже достаточно укреплялась и начинала заявлять способность твердо встать на свои собственные ноги, и делался главной поддержкой ее эмансипации от влияния консисторских дельцов, связывая ее непосредственно с самим архиереем. Консистории поэтому недолюбливали ректоров и нередко заводили с ними сильные пререкания, желая им показать свое начальство. Исход таких пререканий зависел, разумеется, от того, на чью сторону склонится архиерей. Некоторые архиереи, понимая неестественность такого подчинения семинарии консисториям, старались хоть сколько-нибудь выделить семинарское управление из общего строя епархиальной администрации, наприм. Феофил тамбовский с этою целью учредил в 1788 г. особую экспедицию семинарских дел, назначив присутствующими в ней ректора и префекта, с

тем, чтобы в поветьях консистории семинарских дел уже более не производилось, но зато большинство других архиереев выказывали недоверие к семинарскому начальству и старались усилить над ним надзор консисторий; – так наприим. в 1784 г. поступил Иннокентий псковский, вовсе отняв у семинарии заведывание расходом семинарской суммы и передав это заведывание консистории, причем даже самый расходчик семинарский был заменен при семинарии особо назначенным епархиальным чиновником из благонадежных священников; также поступал м. Платон относительно начальства Троицкой семинарии, которое он старался держать в строгом подчинении главному своему органу – наместнику лавры и монастырскому собору⁶⁶⁸. Так продолжалось управление семинариями до 1798 г., когда вместо контор повсюду стали заводиться семинарские правления из трех членов: ректора, префекта и эконома, с особыми зеркалами, печатями, обычным делопроизводством и правилами присутственных мест. Правление, как и контора, состояло в ведомстве консистории, получало от последней указы и предписания и относилось к ней рапортами, доношениями и представлениями, но, будучи организовано по образцу всех присутственных мест, составило по крайней мере особую инстанцию в епархиальном управлении семинарскими делами, что было немаловажным шагом в развитии самостоятельного значения семинарий⁶⁶⁹.

Окончательное выделение их из епархиального ведомства произведено уже после трудов комитета 1808 г., создавшего целую систему особого и самостоятельного духовно-учебного управления, сосредоточенного при Синоде в комиссии духовных училищ.

Очень неудивительно, что, находясь в таком исключительно-епархиальном положении, без внимания со стороны центральной церковной власти, семинарское образование представляло собою нечто в высшей степени разрозненное и бессистемное и чуждо было всякого общего „учреждения”. Покуда каждая епархия устроила свои школы по-своему, нечего было и думать о каком-нибудь общем для них уставе, а тем более о каком-нибудь систематическом их

распределении по степеням, вроде предложенного в проекте 1766 г. разделения их на меньшие и большие. Предложение это действительно тогда же было забыто; штаты в течении всего описываемого времени не делали между семинариями никакого различия. Этого мало; епархиальная постановка дух. школ не смогла выработать определенных отношений и даже вполне ясного различия между семинарией и низшими школами в одной и той же епархии.

По управлению и семинария, и низшие школы находились в одинаковом непосредственном подчинении епархиальной власти, а потому последние могли стоять совершенно независимо от семинарского начальства. Подчиненные отношения их к семинариям встречаем лишь в немногих епархиях и то в виде отрывочном, бессистемном. Более полные определения касательно этого предмета существовали едва ли не в одной только нижегородской епархии, благодаря подробным инструкциям, которые были даны тамошним гимназиям архиереями Антонием Зыбелиным (1778 г.) и Дамаскиным Рудневым (1787 г.). Гимназии давали семинарской конторе отчет в приходе и расходе своих сумм, как полученных из семинарского оклада, так и сборных, а также посылали ей месячные, третные и годовые ведомости об успехах, поведении и промоции по классам учеников и о преподавании учителей с приложением даже учебных ученических работ, но в то же время непосредственно относились с подобными же ведомостями и к самому архиерею⁶⁷⁰. Большею же частью отношение училищ к семинариям, где только они успели сформироваться, ограничивались отчетностью в расходовании уделяемых из семинарского оклада денег, ведомостями об учениках, главным образом при переводе последних из училищных в семинарские классы, и разными случайными сношениями по учебной части. В 1766 г. в тобольской епархии встречаем пример ревизии низших школ в разных (6) заказах, произведенной учителем тобольской семинарии иеромонахом Вениамином. Но при этом нельзя не обратить внимания на то, что ревизор был послан не семинарией, а консисторией, и кроме ревизии школ имел некоторые епархиальные поручения

как-то: проэкзаменовать учеников, имевших определиться в причетники, и набрать новых певчих для архиерейского хора. По своему постоянному управлению все тобольские школы были в полном ведомстве дух. правлений (каждая своего заказа) и консистории⁶⁷¹. Так же управлялись низшие школы и в большинстве других епархий, получая все распоряжения непосредственно от епархиальных органов администрации, большею частью из дух. правлений, и к ним же относясь со всякого рода отчетностью и нуждами⁶⁷². Изолированные от семинарии, вдали от влияния центральной епархиальной власти, иные школы более глухих округов в своей жизни особняком, под начальством одних своих дух. управителей, достигали изумительной степени своего рода самостоятельности. В 1803 г. вологодский архиерей Антоний с консисторией вздумали собрать сведения об устюжской школе, которая величала себя тогда семинариею. Вот эти сведения: учеников имелось в ней 75, в том числе 6 в риторике; учителей двое – протопоп Ильин и священник Семенов, обучали в собственных своих домах с платой по 3 р. за ученика в год, „Семенов нижние классы, а протопоп поэзию и риторику, а в случае его протопопа несвободности позволял тому священнику и высшие классы обучать; обучали же поутру и после обеда, не назначая особливо ни часов, ни дней, а когда свободное время имелось” от других должностей. Таким образом все шло очень просто; в довершение всего учителя объявляли: „особливые экзамены не бывают, так как ученики от учителя не переводятся, в вологодскую семинарию на термин (экзамен) не посылаются, а по своему желанию, в разные времена, из разных классов выпускаются с аттестатами”. Усмотрев из этих сведений, что учение в школе шло „непорядочно”, епархиальное начальство в следующем году распорядилось послать в нее подробное расписание классов и того, что в каком преподавать. Надзор за выполнением этого расписания поручен консистории и местному дух. правлению; последнему кроме того предписано ежегодно выбирать из ученых священников и дьяконов экзаменаторов для производства в школе испытаний и для удостоения успешных учеников промоций в следующий для

каждого класс; получив от экзаменаторов ведомости об удостоенных перевода учениках, дух. правление должно было снять с них копии, из которых одну отправить в училище для исполнения определения о переводе, другую „для ведома и справок” в семинарское правление. Школу велено было называть с этого времени школою, а не семинарией⁶⁷³.

Название семинарии по старой памяти долго прилагалось ко всем вообще низшим школам, в которых заведены были латинские классы. При первоначальном назначении семинарских окладов вопрос о том, какие школы считать семинариями и какие нет, по всей вероятности представлял немало затруднений в своем решении и был решен не столько по существу дела, по характеру и полноте их курсов, сколько по чисто внешнему признаку: семинариями признаны были все вообще главные школы по епархиям, хотя иная такая главная школа, наприм. воронежская, не имевшая даже латинских классов, стояла несравненно ниже многих низших школ по другим епархиям. С 1765 г. оклад стал поэтому самым ясным признаком семинарии, которым они наглядно отделились от низших школ. Надлежащей же полноты курсов многие семинарии достигли, как увидим, уже очень поздно, некоторые не ранее начала XIX столетия. Неудивительно, что некоторые более устроенные низшие школы, особенно такие, которые простирались до пиитики и риторики, до позднейшего времени продолжали удерживать за собою название семинарий и не только в обычном словоупотреблении в кругу духовенства, но и в официальных бумагах, наприм. школы вяземская, перервинская, звенигородская, дмитровская, кирилло-белозерская, переяславльская и устюжская.

Что касается до предположения о разделении низших училищ на главные или гимназии и малые школы грамотности по благочиниям, то от него только и осталось, что употреблявшееся по местам название этих училищ гимназиями, наприм. в псковской и нижегородской епархиях. Точно так же покинуто было намерение придать обоим этим разрядам школ характер училищ народных. В 1780-х годах, когда правительство занялось вопросом о народном просвещении, оно завело целую

систему народных школ особо от учебных заведений в епархиях и этим самым окончательно выделило последние из общей системы народного образования в особое специальное ведомство. Правда, императрица поощряла заведение новых нормальных школ и при школах духовного ведомства, наприим. в смоленской епархии, но в этих нормальных школах или, лучше сказать, в преобразованных по образцу их русских духовных школах продолжали по-прежнему учиться одни и те же дети духовенства.

б) Сословное значение духовных школ

Предшествовавшая история духовных школ, как мы видели, шла вовсе не в том направлении, чтобы способствовать доступу в них учеников посторонних. Причины, способствовавшие к развитию их специально-сословного характера в прежнее время, продолжали действовать и во второй половине этого столетия нисколько не слабее прежнего. Правительство по-прежнему смотрело на них, как на школы с специальным назначением, обучение которых может отвлечь постороннего человека от его собственной профессии, от службы или тягла. С своей стороны само духовное ведомство по-прежнему продолжало заботиться о том, чтобы затраты, какие оно делало на свои школы, шли в пользу духовной же службы, а не на что-нибудь иное. Духовная школа была обеспечена штатными окладами от правительства, но оклады эти с самого начала получили специальный же характер, притом по своей недостаточности требовали значительного восполнения теми же самыми способами, которые и прежде так сильно развивали ревнивую замкнутость дух. школы и которые при общем оскудении архиерейских домов и монастырей теперь сделались для духовного ведомства еще тяжелее прежнего. В прежнее время лица посторонних ведомств нередко поступали в дух. школы, будучи вынуждаемы к тому необходимостью приобрести хоть какое-нибудь образование и вместе крайним недостатком других школ; с течением времени, по мере умножения светских школ, все более и более ослабевало и это побуждение, заставлявшее прежде, как мы видели, поддерживать открытый доступ в дух. школы для посторонних даже само правительство, иногда даже прямо вопреки желаниям духовного ведомства. Наконец, вследствие большого развития потребности образования в среде самого духовенства, дух. школы становились все менее просторны и для своих собственных духовных питомцев, а по местам переполнялись ими до того, что с трудом могли удовлетворять даже нуждам ближайшего к их цели сословного образования.

Сама московская академия, дольше всех великорусских школ сохранявшая следы общесословного характера, при Екатерине имела уже значение исключительно духовного-учебного заведения. Из светских лиц прием в нее по указу 1769 года дозволен был только для детей типографских (синодальной типографии) служителей, и то с ограничением, только для тех, отцы которых вступили в типографии из священнослужительских детей и в подушный оклад не положены. Историк академии за всю вторую половину XVIII столетия знает всего только один случай принятия в академию ученика не из духовного звания: это было в 1787 г., когда принят был в нее один Можайский купец Пыпин в качестве вольнослушателя для слушания философских лекций⁶⁷⁴. В триоцкой семинарии светских учеников было больше всех других великорусских семинарий частью вследствие того, что лавра по-прежнему продолжала обучать здесь детей своих приказнослужителей и военных людей, служивших при разных ее учреждениях, частью по распоряжениям м. Платона. Так в 1767 г. было в семинарии 8 учеников лейб-гвардии унтер-офицерских детей и один канцелярист, готовившийся впрочем к поступлению в монашество; в 1773 г. поступил в семинарию сирота из военных по просьбе, поданной Платону дедом этого ученика, генералом Дурново и т. д. Кроме того в той же семинарии в разное время училось по несколько человек из греков, которых Платон очень любил, один турок, изъявивший желание креститься, и один крещеный калмык из Астрахани⁶⁷⁵. О Платоне мы впрочем уже знаем, что, еще во время своего тверского архиерействования, он изъявлял желание сделать открытою для светских учеников тверскую семинарию с училищами, надеясь чрез привлечение таких учеников усилить средства своих школ. Удалось ли ему исполнить это желание, неизвестно, но во всяком случае подобный взгляд на дух. школу был если и не исключительно личною особенностью Платона, то по крайней мере явлением весьма необыкновенным в Великороссии. В других епархиях не только семинарии, но и низшие школы уже постоянно наполнялись учениками из детей одних священно-и-церковнослужителей.

Общесословный характер по-прежнему продолжали удерживать за собою одни юго-западные школы. Киевская академия все еще продолжала сохранять свое прежнее значение для малороссии, значение не столько заведения духовного, сколько общесословного университета, в котором получали высшее образование все стремившиеся к нему, и казаки и мещане. Московский университет, скоро отбивший такое значение у академии московской, на киевскую имел в этом отношении только весьма слабое влияние. До 1790-х гг. число светских воспитанников в ней постоянно превышало число духовных; так в 1768 г. первых было 575, последних 506; даже после учреждения в 1786 г. малороссийских штатов и после значительного уже упадка академии и уменьшения в ней числа учащихся первого рода студентов было в ней 524, а духовных 426, и уже в 1790 г. в первый раз встречаем превышение числа последних – 419 над первыми – 232⁶⁷⁶. С этого времени академия является уже с преобладающим сословным значением, но полное упрочение за ней сословного характера все-таки последовало не ранее духовно-училищной реформы при импер. Александре I. То же самое нужно сказать о черниговской и переяславской семинариях, хотя число духовных учеников в них было несколько больше числа светских; так в 1766 г. в переяславской семинарии первых было 75, последних 62⁶⁷⁷.

Харьковский коллегиум, с самого начала имевший характер гимназии для образования как духовных, так и дворянских детей слободской украины, в 1765 г. по указу императрицы, вследствие представления ей дворян, был даже нарочно снабжен несколькими светскими классами, необходимыми для образования дворянских детей, именно классами новых языков, математики, рисования, инженерства, артиллерии и геодезии, с ассигновкой на них особой суммы в 3000 р. Фамилия князей Голицыных, его благодетелей, постоянно смотрела на него, как на заведение общеобразовательное, и с этой точки зрения резко отличала его от белгородской семинарии, в которой видела заведение сословное. Наприм. в одном письме (от 1786 г.) кн. А. М. Голицына говорится: „Белгородская семинария не так

полезна обществу, как харьковский коллегиум. Наше намерение быть полезными харьковскому коллегиуму, а не семинарии". Князь узнал, что часть Голицынских денег употреблена была на семинарию. В другом письме (1797 г.) по такому же случаю он писал: „если деньги наши будут употреблять на другие расходы, а не по прямому назначению, то я прекращаю пересылку процентов и самую переписку с коллегиумом." Благодаря сильной поддержке Голицыных прежний характер коллегиума благополучно выдерживал все покушения против него со стороны его духовного начальства естественно стремившегося придать этому заведению более сословное назначение. Так, еще в 1768 г. прибавочные классы при коллегиуме, вероятно не без влияния епархиального начальства, были отделены вместе с ассигнованной на них суммой в ведомство губернского правления, а в 1789 г. присоединены к вновь открытому в Харькове главному народному училищу, послужив таким образом началом основания в Харькове губернской гимназии. В 1790 г. архиерей Феоктист решился совсем обратить коллегиум в семинарию, уничтожив самое название его, и выдал указ, в котором говорилось, что так как де по указу св. Синода 1788 г., изданному вследствие именного указа ее величества, училищный Покровский монастырь, назначавшийся прежде к упразднению, повелено оставить во втором классе „для семинарии", а по справке оказалось, что находящееся в нем училище именуется не семинарией, а коллегиумом, то „белогородскою консисторией определено и его преосвященством утверждено означенную семинарию отныне впредь харьковским коллегиумом не именовать, а называть и писать, где следовать будет, согласно вышеписанному именному указу харьковской семинарией, а имеющуюся при ней контору семинарским правлением". Но это распоряжение недолго имело силу. Обеспечив свое любимое заведение вместо отобранных вотчин процентами с 35000-ного капитала, Голицыны настойчиво требовали, чтобы оно существовало в прежнем открытом виде. „Князя Голицыны желают, говорится в одном письме А. М. Голицина от 1802 г., чтобы в харьковский коллегиум были принимаемы не одни дети духовного звания, но

бедных дворян и разночинцев. Для духовных есть семинарии, а для бедных дворян и разночинцев таких заведений мало, как коллегиум. В таком смысле и названа харьковская семинария коллегиумом. Если же желание наше не будет исполнено, то я отказываюсь от участия в коллегиуме". На этом основании в коллегиуме на Голицынский счет постоянно содержалось 15 лучших учеников преимущественно из дворянских детей. Такое значение коллегиум стал терять уже после учреждения в 1804 г. харьковского университета, который с течением времени отвлек от него всех светских учеников, так что и 15 вакансий Голицынских пансионеров стали замещаться лучшими учениками исключительно из детей духовенства. После преобразования дух. училищ коллегиум был окончательно включен в число обыкновенных дух. семинарий, хотя и удержал свое прежнее наименование⁶⁷⁸.

Обязательность школьного образования в среде духовного сословия была уже настолько общепризнанным требованием, что ни правительство, ни св. Синод не считали нужным делать ее предметом каких-нибудь особых законодательных определений, как в прежнее время, хотя осуществление ее в практике все еще нередко требовало разных побудительных и даже принудительных мер к отдаче детей духовенства в школы.

Со стороны правительства самую сильную меру этого рода по-прежнему были разборы, освобождавшие духовное сословие от всех вообще негодных для его службы людей. Мы уже видели, как тревожило императрицу невежество духовного чина. Очищение его от недостойных людей и возвышение его образования было поставлено в числе важнейших задач с самого начала церковных реформ Екатерининского царствования. С этою целью при определении церковных штатов епархиальным и губернским начальствам предписано было с наивозможною поспешностью собрать по всей империи сведения о числе всего духовенства и его детей с обозначением их возраста, умения читать и петь и поведения. Сведения эти должны были послужить главным основанием предпринимавшегося разбора⁶⁷⁹. По получении их в 1769 г. начался и самый разбор, заметно отличавшийся от прежних

разборов тем, что при оставлении церковников и детей духовенства в дух. сословии теперь обращалось внимание не столько на принадлежность их или их отцов к числу действительно служащих при церквях, сколько на известную степень их образования. В Малороссии, которой разбор этот коснулся еще в первый раз, в духовенстве недаром поэтому распространился тревожный слух, что всех неграмотных детей духовенства будут брать в солдаты или запишут в крепостные⁶⁸⁰. Разбор действительно назначался главным образом для усиления армии по случаю турецкой войны посредством зачисления в солдаты разных лишних людей в среде духовенства, которые никуда не позаботились приписаться, а между тем, по выражению указа, и „в семинарское учение до ныне не вступили и принадлежащими науками священническому чину достойными себя не сделали“. Набору на этот раз одинаково подлежали дети как действительно служащего духовенства, так и недействительно служащего и безместного, с тем только различием, что из первых велено взять в солдаты четвертую часть, а из вторых половину; возраст, ниже которого безграмотные и вообще не учившиеся в семинариях разбору не подвергались, определен в 15 лет; остальные, не попавшие в солдаты, по-прежнему записывались в подушный оклад. Семинаристы объявлены свободными от разбора, но чтобы дети духовенства не стали теперь только записываться в семинарии, единственно лишь для спасения от разбора, в распоряжение к набору дозволено было не класть только тех из них, которые записаны в семинарии ранее этого указа. В заключение указ выражал надежду, что по выполнении всех изложенных в нем пунктов при церквях останутся одни только грамотные и благонравные духовные лица⁶⁸¹.

В 1784 г. начался новый разбор духовенства, в основание которого положены были те же правила. Ученики духовных школ, которых в это время насчитывалось 11329 человек, изъяты были от разбора, не исключая даже и тех, которые происходили из податного состояния; затем остальных детей духовенства свыше 15 лет хотя бы они были и действительно

служащих отцов дети, но в семинариях не обучаются и в церковные должности не приготавливаются, всех и с детьми их, если у кого такие есть, для общей и собственной их пользы, чтобы праздными не оставались, велено было заставить избрать род жизни, предоставляя им на волю поступать в купечество, в военную службу, в цехи или в число государственных крестьян; также поступить с заштатными церковниками и их детьми, не обучившимися исправно грамоте и бывшими в подозрениях⁶⁸². Нельзя не заметить в этом указе важной новости против прежнего времени, когда при разборах духовенства лишним людям предстоял единственный выход из сословия – или в солдаты или в подушный оклад за каким-нибудь владельцем; теперь всем им давался довольно широкий выбор рода жизни в свободных от крепости состояниях купечества, мещанства и государственного крестьянства. В гуманное царствование Екатерины самые разборы уже лишены были суровости прежних принудительных мер так называемого „распределения” и предоставляли это распределение собственному желанию и выбору самих распределяемых, так что множество отчисленных от дух. звания людей имели возможность оставаться без приписки к какому-нибудь роду жизни многие годы, пока их не накрыл новый большой набор в солдаты 1788 г.⁶⁸³. Тем не менее духовное сословие было очищено от множества безграмотного и малограмотного люда, особенно по разбору 1784 г.; так осенью того же года орловская казенная палата доносила сенату, что в одном орловском наместничестве в светскую команду назначено было 2214 церковников, из коих 194 приписались к купечеству, 743 к мещанству, 280 в крестьяне, а остальные пока еще не явились к разбору⁶⁸⁴.

В царствование императора Павла открылся новый разбор, своею суровостью напомнивший забытые разборы времен Бироновщины и заставивший духовенство сильно пожалеть о спокойном сравнительно времени Екатерины. На другой же месяц по воцарении (в декабре 1796 г.) государь издал указ, в котором писалось, что, усмотрев из синодских ведомостей, „сколь великое число состоит священно-и-

церковнослужительских детей, праздно живущих при отцах своих, и желая устроить состояние их с лучшею выгодой для общества”, его величество повелел, распределив всех годных из них на церковные и учительские места, остальных взять в солдаты, – „где они будут употреблены с пользою по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались”⁶⁸⁵. На этот раз, хотя разбор и велено было производить на основании правил 1784 г. для подвергавшихся ему не указывалось никакого другого выхода из дух. звания, кроме одного солдатства, так что негодные в солдаты оставались совсем без распределения до 1805 г., когда указ 1784 г., о выборе ими всякого рода жизни по желанию и способности, снова был восстановлен во всей своей силе⁶⁸⁶. Суровость разбора, бывшая следствием главным образом слишком рьяной энергии тогдашних властей и привычки их к быстрому и часто суматошливому исполнению повелений строгого и нетерпеливого государя, доходила до того, что в солдаты улетело множество лиц духовного происхождения, еще прежде уволенных из дух. звания и числившихся в мещанстве или даже состоявших на гражданской службе; задеты были разные исключенные семинаристы, жившие без дела за неприисканием мест и вовсе не считавшиеся лишними людьми в сословии, даже нередко довольно высоко ценимые духовными начальствами, как люди уже ученые; наконец вопреки указу 1784 г. и постоянному правилу всех прежних разборов забираемы были в военное ведомство, именно в гарнизонные школы, даже малолетние дети духовенства ниже 15 лет. Это последнее обстоятельство произошло единственно от суматошливого недоразумения производителей разбора, не понявших одного указа 1797 года, которым повелевалось малорослых церковников, не годных в военную службу, а между тем назначенных к поступлению в нее, зачислять в военные гарнизонные школы, и начавших энергично забирать в эти школы, вместо малорослых, малолетних. Св. Синод должен был по этому поводу входить с особым представлением в Сенат, что в самом указе о разборе малолетних ниже 15 лет касаться не велено, так как они подлежат определению в

семинарии, и что, если всех малолетних 8–15 лет брать в гарнизонные школы, так и семинарии совсем опустеют, да и в духовную службу определять скоро будет некого; Сенат разъяснил ошибку особым указом⁶⁸⁷.

Последующее царствование ознаменовалось только одним разбором духовенства. Разбор этот произведен был в конце 1806 года и всего более касался детей духовенства, уклонявшихся от обязательного для них образования. „Из оказавшегося по ведомостям св. Синода за 1805 г., говорилось в именном указе, некоторого числа священно-церковно-служительских детей, не обучающихся в школах и живущих празднично при отцах своих, как для государственной, так и для собственной их пользы учинить разбор, на основании прежде бывших, и тех, кои более 15 лет от роду, обратить всех в военную службу, менее же 15 лет и знающих грамоте, рассмотрев, каких лет удобнее, отослать в военно-сиротские отделения для обучения их и приготовления на унтер-офицерские места”. В последующем указе о правилах разбора отсылка детей моложе 15 лет в военные школы была впрочем отложена до указа и потом не была произведена ни разу, зато к числу подлежащих отдаче в солдаты причислены отрешенные от мест причетники, праздные послушники и исключенные за поведение школьники. Разбор продолжался только до следующего года и был весьма легок для духовенства⁶⁸⁸. После этого разборов не было во все царствование Александра; без них обошлась даже отечественная война и новая ревизия 1815 года. Но зато указами 26 июня 1808 и 27 авг. 1814 гг. велено было зачислять в духовно-училищное ведомство всех детей духовенства с 6–8 лет и обязательность для них школьного образования была закреплена окончательно. В то же время церковная служба закрылась для всех не обучавшихся в духовных школах, вследствие чего не учившееся в них лицо духовного происхождения уже по этому самому волей неволей должно стало отчисляться от своего сословия для приискания рода жизни.

Разборы были весьма сильным поощрительным средством для дух. детей к поступлению в школу, так что они во

множестве бросались в нее при первом слухе о предстоящей вскоре беде, надеясь по миновании опасности снова уйти из учения и зажить вольной жизнью при своих родных церквях, что, как мы видели, заметило в 1769 г. и само правительство. Но от разбора до разбора проходило много времени, в течение которого им можно было уклоняться от школьного учения без опасности от солдатства. К отвращению подобного уклонения, кроме временных мер, требовались еще меры постоянные.

Наиболее общею и наиболее сильною из этих мер было заграждение для неученых доступа к церковным должностям, которое постоянно требовалось от епархиальных начальств с тем большею настойчивостью, что с умножением ученых кандидатов церковной службы церковные вакансии могли менее нуждаться в кандидатах не подготовленных к занятию их, первых попадавшихся под руку случайно, по приходским выборам или по родовым наследным счетам. Св. Синод неоднократно издавал указы, в которых требовалось от архиереев, чтобы они непременно предпочитали ученых кандидатов на места неученым, невзирая ни на приходские выборы, ни на права наследников, старался ограничить самые эти наследные права определенными правилами касательно сбавки ценности принадлежавших наследникам дворовых строений и мест при церквях, определением степеней родства, за которыми следовало признавать наследные права, отказом в этих правах лицам, уже имевшим свои собственные места, и признанием их только за вдовами и сиротами.⁶⁸⁹ Сама императрица в инструкции комиссии о церковных имениях доводила свою заботливость о просвещении духовенства еще далее, прямо указав для посвящения ученых кандидатов, „если места готового не будет, неученых отрешать”. Архиереи с своей стороны повсюду старались приводить предписания св. Синода в исполнение, питая совершенно согласные с ними убеждения. Отрешение от мест неученых в пользу ученых не было принято в епархиальной практике. Оно заменялось здесь известными нам мерами к возможному обучению неученого духовенства уже на должностях, предписаниями всем священно-и-церковнослужителям учить катехизисы, обучением их при

архиерейских домах когда они приезжали в епархиальный город по делам, а иногда и в самых семинариях, весьма нередко имевших в составе своих учеников разных духовных лиц. Но в отношении к ставленникам требование от них известной степени образования практиковалось весьма строго, особенно в великорусских епархиях, где епархиальная власть была сильнее и где не только священнослужительские, но и причетнические места уже все находились в ее распоряжении. Человек с одним домашним образованием с большим трудом мог найти здесь какую-нибудь церковную должность, разве только должность так называемого недействительного церковника, служившего без указа; но разбор с течением времени поразобрали в солдаты и в оклад и таких недействительных церковников. Единственными кандидатами на церковные места мало-помалу сделались воспитанники дух. школ, опиравшиеся на свои школьные аттестаты, которые имели в глазах епархиального начальства большую важность, чем и выборы прихожан и права наследства. В случае открытия вакантных мест консистории даже сами стали давать об них сведения в семинарии с запросами, не пожелает ли кто занять эти места из учеников. Зачисление за учениками мест во время прохождения ими семинарского курса стало практиковаться в несравненно больших размерах, чем прежде, и еще строже сообразовалось с их школьными успехами помимо всяких наследных прав. Духовные власти не отвергали прав наследников вовсе, но всегда ставили эти права в зависимость от прав образования. Св. Синод настойчиво требовал: „если наследник церковного места будет неученый, такового к производству на место отцовское не допускать и за место отцовское никакой платы, кроме только по оценке за дом и то погодно, не давать.” Опираясь на подобные указы и постепенно забирая в свое распоряжение и утверждение прав наследников, и выбор викариев на наследные места, и определение условий их с наследниками, епархиальные власти во второй половине XVIII столетия успели совсем сбить прежние притязания наследников, заставили их наряду с другими детьми духовенства учиться в школах и из полновластных владельцев

наследных мест превратили их в скромных сирот, зависящих от милости и сострадания архиереев⁶⁹⁰.

Несколько медленнее развивалась такая зависимость церковных мест от школы в епархиях малороссийских до их преобразования в 1780-х гг. по великорусскому типу. Епархиальные власти, как мы видели, и здесь очень рано стали усиливать ученых кандидатов дух. службы и вступили из-за них в борьбу как с приходскими выборами, падавшими на неученых людей, так и с неучеными наследниками, но имели мало успеха с одной стороны вследствие своей собственной слабости, с другой по неразвитости сословного характера в местном духовенстве, не подходившего под строгие правила об обязательности для него сословного образования. Духовенство долго не привыкло считать своих детей принадлежавшими к духовному сословию. Сын духовного лица вовсе не подчинялся духовным властям и мог без их ведома избирать себе, какой было ему угодно, род жизни. Поэтому требование всех духовных ребят в архиерейскую школу было здесь непонятно; они по местным понятиям совершенно свободны были вовсе не ходить в школу, а обучаться, вместо ее латыни, какому-нибудь художеству, наприм. кравецкому, или поступить в купцы, казаки и т. п. и что кому до этого за дело? Что же касается до тех из них, которые намеревались или, как наследники, должны были поступить в духовную службу, то при слабости епархиальной власти и они большею частью без особенного затруднения могли добиться церковного места тоже помимо школы, единственно по правам наследства или приходского выбора, приобретши предварительно только какую-нибудь грамотность и практическое знание своих будущих богослужебных обязанностей у себя дома, в школе дьяка или при кафедре, во время ставленнического делопроизводства. До самого преобразования малороссийских епархий в них бывали такие округа, и очень обширные, в которых едва ли и служивал когда священник, учившийся в архиерейской школе. Священник, „достигавший даже до философии“, был редкостью в самом Киеве и претендовал уже на старейшинство. В селе такой ученый считал себя вправе требовать от начальства всякого

внимания и наград, возведения в протопопы или по крайней мере в „кандидаты протоиерейства”, каковым титулом потом везде и подписывался, а то в крестовые иереи, что давало ему независимость от местного протопопы, непосредственную подведомственность консистории. Низшие, причетнические места при церквях чуть не все занимались по найму разными вольными дьяками, учившимися в дьяковских школах⁶⁹¹.

Из распоряжений юго-западных архиереев, издававшихся с целью ввести в среде духовенства обязательное обучение детей, замечательны два распоряжения м. Арсения Могилянського от 1765 г., одно, – чтобы священно-и-церковнослужители непременно отдавали своих детей в академию, другое, – чтобы священники и дьяконы, желающие сдать места свои зятям, выдавали своих дочерей за людей учительных, имеющие parroхии дворов в 80–100 за богословов, имеющие дворов 60–80 по крайности за философов и т. д., а в случае неотыскания ученого зятя представляли о том, куда следует, доношения, а без того за неучительных людей дочерей не выдавали. Со времени этого указа наследницу, не отыскавшую ученого жениха, родственники обыкновенно возили к архиерею с объяснением, что к ней не случился ни богослов, ни философ, а архиерей отправлял ее к училищному начальству, которое в свою очередь приглашало богословов и философов на ее „оглядины” или в видах этих оглядин ставило ее саму у дверей класса⁶⁹². Но подобные распоряжения все-таки плохо действовали на духовенство до самого преобразования малороссийских епархий, с одной стороны укрепившего епархиальную власть, с другой завершившего сословный характер юго-западного духовенства. После этого наприм. такое же распоряжение об обязательном обучении детей духовенства, изданное м. Самуилом Миславским в 1787 г., возымело более силы, чем распоряжение м. Арсения⁶⁹³. Против вольного дьяковства с особенной энергией вооружился в 1771 году м. Гавриил Кременецкий, издавший указ, чтобы при церквях было только штатное число причетников и чтобы на причетнические должности были определяемы только учившееся в школах люди духовного происхождения, не по

найму и не на время, а по указу консистории и после посвящения в стихарь, с причислением навсегда к клиру. С этого времени вольные дьяки из разночинцев действительно стали понемногу удаляться от церковной службы, но более решительный подрыв этому дьяковству сделан опять-таки только в 80-х годах введением церковных штатов и разборами⁶⁹⁴. В конце XVIII столетия в малороссийских епархиях во всех отношениях господствовали уже те же порядки как и в Великороссии; духовенство стало сословным и стало вполне подлежать правилам обязательного обучения своих детей.

Теснимые со всех церковных мест, неученые дети духовенства по неволе начинали поступать в дух. школы, хотя ненадолго, чтобы приобрести какие-нибудь права на церковную службу. А кто имел охоту поучиться подольше, всегда мог рассчитывать на лучшее место. „Почитая за долг свой, писал св. Синод архиереям в 1770 г., всякое прилагать старание не токмо о распространении полезных наук и о содержании учрежденных на то училищ в возможном порядке, но наипаче дабы в оных училищах в пользу церкви учившиеся студенты, взирая на известный трудов своих конец, больше поощряемы тем были оказывать похвальные свои в учении и поведении успехи, следственно потому и не оставлены б они были без достойных мест и без пристойного по их учению содержания, св. Синод повелевает, дабы... учившиеся достойные неучившимся в произведении в св. чины были предпочитаемы неотменно, и для того, в случае какой-либо священнической или дьяконской вакансии, письменно справкою требовать от семинарии, не имеется ли достойных, учение свое окончивших или оканчивающих студентов, которые бы показанные места занять достойны были, и если таковые окажутся, то оных предпочтительно и производить, а хотя бы которые совершенных лет и не достигли, но они находятся в высших школах и имеют окончить скоро учения своего круг, за таковыми и без производства в св. чин могут места утверждаемы быть по пастырскому епархиальных архиереев рассмотрению”⁶⁹⁵. Таким образом будущая карьера студента была обеспечиваема вполне

еще во время его учения по распоряжению высшей церковной власти. Если ученик был наследник церковного места, этого места никто не мог у него занять из посторонних, как бы долго ему ни оставалось до окончания курса и совершеннолетия, потому что указ Синода (1767 г.) прямо гласил: „буде после умерших священнослужителей останутся малолетние дети мужеска полу такие, кои действительно уже обучаются в школах, то до изучения и возрасту их на отцовское место никого не определять, а велеть содержать из получаемых от тех церквей доходов викария”⁶⁹⁶.

Постоянное предпочтение, какое отдавалось ученым людям на духовной службе, побуждало поступать в духовно-учебные заведения не только детей духовенства, но и самих духовных лиц, уже служивших на местах. Кроме академий, духовные лица: священники, дьяконы, монашествующие, причетники нередко поступали и в семинарии⁶⁹⁷. „В прошениях своих к архиерею, говорится в истории севской семинарии, многие из них довольно наивно прописывали самые главные причины, побуждавшие их учиться в семинарии: всем известно, писали наприим., что находящиеся под покровительством вашего преосвященства по окончании благородных наук особливую вашею милостию пользуются.” Там же впрочем сказано, что были и такие, которые поступали с своих должностей в семинарию, „рассматривая пользу от учения происходящую.” Архиереи поощряли такую охоту духовных лиц к учению и обыкновенно оставляли за ними на все время их обучения те самые церковные места, какие они занимали прежде, чтобы они могли содержаться идущими с этих мест доходами. В свободное от занятий время, в Пасху, Рождество, в каникулы, они отпускались к своим приходам для исполнения приходских треб и христославления с обязательством по истечении отпускного срока снова вернуться в семинарию⁶⁹⁸. Кроме того в низших классах, особенно в русском, всегда и повсюду училось по несколько невольных учеников из дьячков и пономарей, сделавшихся известными епархиальным архиереям по своей малограмотности.

К ослаблению прежнего отвращения от школы как в детях духовенства, так и в их семействах немало способствовали также значительные улучшения в школьном быте и в учебно-воспитательных приемах дух. школ, какие последовали во второй половине XVIII столетия. Некоторые более благоустроенные семинарии перед всеми другими отличались множеством учеников, приезжавших учиться в них даже из других епархий. Так наприм. внутренним своим улучшениям обязаны были многолюдством учеников учебные заведения московской епархии при м. Платоне. В 1779 г. для троицкой семинарии он даже вынужден был ограничить прием иноепархиальных учеников, чтобы наплывом их не стеснить детей духовенства своей собственной епархии. В прошении одного священника о приеме в троицкую семинарию его детей (в 1772 г.) говорится, что семинария эта „цветет славою наук с немалым преимуществом от прочих и знатнейших училищ, а плоды приносит пользою трудов не только церкви святой, но и отечеству в сладость. Сие не требует доказательств; ближние и дальние, уже многие страны ведают и видят и чувствовать стали, и для того все окрестные дух. чина стремятся с охотою, яко к доброму пристанищу или добродетелей питомству, сей св. лавры семинарии детей своих вверить”⁶⁹⁹. В академии число учеников при Платоне увеличилось до того, что под конец описываемого времени восходило свыше 1500 человек⁷⁰⁰. О казанской семинарии при Амвросии Подобедове, находим такие известия: „ученики, восчувствовав легчайший способ учения, явили к наукам охоту, и как прежде отцы почитали за несчастье отдавать детей своих в семинарию, так ныне самые священники, дьяконы и прочие приводят в оную детей своих весьма охотно. Сим способом из 200 прежде бывших учеников число оных возросло до 500”⁷⁰¹. Да и в других семинариях житие семинаристов было уже гораздо менее жестокостное, чем прежде, и много потеряло своего грозного характера для новичков и сердобольных родителей. Автор истории нижегородской семинарии говорит, что вследствие улучшений в ней с царствования Екатерины II „переставали уже смотреть на нее (семинарию) с тем страхом, который обнимал духовных

прежде; стали видеть благие плоды наук; многие не только из духовных, но и из мирян пришли к сознанию, что учение свет, а неучение тьма. А не понимавших этого начальство принуждало учиться насильно”⁷⁰².

Принудительные меры все-таки еще были необходимы, хотя и далеко уже не в той мере, как в прежнее время, и главным образом в тех местностях, где школьное обучение распространялось еще вновь. О насильственных наборах учеников в школу чрез рассыльных из консисторий и дух. правлений и о доставлении их, как арестантов, в цепях уже вовсе не находим известий. В ведомстве Троицкой лавры последний рассыльный для набора школьников ездил по монастырским слободам в 1763 г., и то для набора не детей духовенства, а приказно-служительских; тогда же семинария сделала Платону замечательное представление, что такие посылки „непристойны”. После этого отдача дух. детей в школы по всей московской епархии вполне отдана была на ответственность самих отцов их, а чтобы они не забывали о своей обязанности, Платон в первый же год по вступлении своем на московскую кафедру распорядился обязать все духовенство подписками чтобы они „безотговорочно отдавали своих детей или в московскую академию, или в троицкую, или в перервинскую семинарию, кому куда способнее или куда кто отдать пожелает”⁷⁰³. В других великорусских епархиях укомплектование принятого в том или другом заведении числа учеников тоже совершалось без особенно важных затруднений, посредством обыкновенного вызова их чрез консисторию. О прямом сопротивлении духовных лиц вызовам их детей в школу встречаем только небольшое число известий и то преимущественно в начале царствования Екатерины, наприм. в воронежской епархии при преосв. Тихоне I, где казацкое духовенство все еще продолжало упрямо стоять против воспитания своих детей в духовных сословных школах и вынуждало кроткого святителя прибегать к строгим мерам, к штрафам и отдаче виновных в монастырский подначал⁷⁰⁴. В костромской епархии в 1768 г. духовенство, вместо 83 новых учеников, которых должно было представить в семинарию по

требованию, представило всего 12 человек; преосв. Дамаскин всех виновных в ослушании его указа подвергнул штрафам, священников в размере 1 ½, руб. за каждый месяц просрочки, а дьяконов в размере 1 р.⁷⁰⁵. В смоленской епархии по штрафной книге вяземского духовного правления с 1761 по 1766 г. значится 72 дух. лица, оштрафованных за самовольное держание у себя в домах детей, на сумму 113 р.⁷⁰⁶. В конце царствования Екатерины и при Павле I особенно прославился своею строгостью к неучившимся и плохо учившимся детям духовенства нижегородский архиерей Павел (Пономарев), обыкновенно отдававший таких юношей в военную службу⁷⁰⁷.

Вызов новых учеников производился чрез консистории или дух. правления в разное время, по мере открытия вакансии в местном семинарском штате. К концу XVIII столетия в некоторых епархиях, очень впрочем немногих, эти вызовы облегчились еще более вследствие вводимых постепенно одновременных сроков приема, один раз в год, в сентябре или январе, при начале годичного курса, или три раза, после рождественских, пасхальных и летних каникул⁷⁰⁸. Для контроля над отцами по-прежнему употреблялась обязательная подача ими ежегодных ведомостей о детях с точным обозначением их лет и предметов их домашнего обучения. Ведомости эти собирались благочинными и представлялись в дух. правления, а отсюда в консистории, где по ним составлялись уже призывные списки имеющих поступить в школу. Лета для поступления определялись в разных епархиях различно, наприм. в московской с 8–15, в смоленской с 7, в псковской с 12, нижегородской с 10 и т. д.⁷⁰⁹. От первоначального обучения грамоте теперь отказывались уже все духовные школы, предоставляя это дело самим семействам духовенства, а потому все вызывавшиеся в школы дети должны были выдерживать надлежащий экзамен в чтении и письме, иначе обращались назад в дома отцов с назначением срока, когда должны были вновь явиться к экзамену уже с достаточной подготовкой. За необучение детей грамоте отцы подвергались штрафам. В некоторых епархиях такое штрафование нерадивых родителей предоставлялось непосредственным блюстителям за

поведением духовенства – благочинным. В 1780 г. преосв. Амвросий севский выдал указ: „всем священно-церковнослужителям заблаговременно обучать сынов своих грамоте, а благочинным строго наблюдать за этим и нерадивых отцов склонять, увещевать, а иногда штрафовать, если сын велик, а грамоте еще не учится”⁷¹⁰. Пункт об обучении духовными лицами своих детей вошел и в благочинническую инструкцию м. Платона, которая служила руководством для благочинных по всей России до новейшего времени. Вследствие большего распространения духовного образования и умножения учеников в дух. школах епархиальные начальства стали между прочим ограничивать прием в школы учеников великовозрастных, которых так много было в прежнее время. Так наприм. при вступлении преосв. Парфения на смоленскую кафедру (1761 г.) в славянских школах и в низших классах семинарии были сотни престарелых учеников, из которых некоторые поступили в науку еще в 1730-х гг., имели за 40 и даже по 49 лет от роду и считались безуспешными; они составляли такое бремя для школ, что новый архиерей постарался немедленно очистить от них свои заведения и подвергнул их исключению. С этого времени в смоленской епархии постоянно наблюдалось правило не принимать великовозрастных и не давать ученикам долго засиживаться в школах⁷¹¹. В московской епархии в 1775 г. выдано было распоряжение: „которое свыше 15 лет и великовозрастны, тех не принимать (в семинарию), разве отцы их захотят им обучаться совсем на своем коште, и то позволять”⁷¹².

С большими сравнительно затруднениями происходил набор учеников в малороссийских епархиях, где вследствие слабого развития сословного характера духовенства и слабой зависимости церковной службы от духовной школы, обязательность сословного образования для детей духовенства долго не находила для себя почвы, на которой бы могла привиться, как в Великороссии. Епархиальная власть не имела почти никакого влияния на дух. детей, – пока последние не поступали сами на действительную церковную службу, даже не имела об них надлежащих сведений. Первые ведомости об

обучившихся и не учившихся детях духовенства являются здесь со времени вступления на киевскую кафедру Гавриила Кременецкого, который первый стал вводить в Малороссии великорусские епархиальные порядки, а в заграничной уkraine первый указ о составлении таких ведомостей был выдан преосв. Виктором Садковским в начале 1787 г. по случаю открытия слущкой семинарии. Распоряжения о составлении ведомостей на первых порах встречены были духовенством неприязненно и долго не приводились в исполнение; некоторые дух. лица старались утаивать своих детей, другие писали неграмотных грамотными, третьи для удержания детей при себе без отдачи в школу старались выдумать какие-нибудь предлоги, наприм. писали их при себе дьячками и пономарями или неопределенно – готовившимися к церковной должности, а то обучающимися какому-нибудь кравецкому или золотарскому художеству, безграмотных извиняли „непонятием”, болезненностью и т. п., одного так даже тем, что у него „от природы на голове волос не”. Самые ведомости подавались из протопопий крайне неохотно и лениво, через год и больше после срока и после настойчивых повторительных требований из кафедры. Одним словом здесь происходили те же самые явления, какие в первой половине XVIII в. мы видели в великорусских епархиях. После составления ведомостей о духовных семействах епархиальным властям предстояло еще более трудное дело годных к школе ребят заставить в самом деле поступать в школу. Преосв. Виктор Садковский вынужден был прибегать для этого к самой крайней мере, к запрещению не отдававшим детей в школу отцам священнослужения. Даже в киевской епархии по ведомостям 1776 г. возрастных детей духовенства, не учившихся в киевских школах, значилось 466 человек, кроме успевших уже поступить на вольные дьяковские места⁷¹³. Окончательное утверждение обязательности сословного образования для духовенства малороссийских епархий последовало, как мы заметили, уже не ранее конца XVIII века.

Благодаря перечисленным мерам к распространению школьного образования в духовенстве, а также улучшениям в

самой школьной жизни и постепенному развитию потребности в образовании среди духовенства, число учеников возрастало год от году во всех духовных школах, за исключением разве юго-западных, которые с ослаблением своего прежнего общесословного характера постепенно закрывались для всех молодых людей светского звания, составлявших в прежнее время наибольшую часть их учеников. В начале царствования Екатерины всех учившихся в духовных школах считалось до 6000 человек; в 1783 г. их было уже 11329, как показано в указе о разборе духовенства 1784 г.; за 1784 г. автор Истории Российской иерархии круглым счетом насчитывает до 12000; по сведениям, собранным к разбору духовенства 1807 г., их значится уже 24167, а по счету комитета о преобразовании дух. училищ 1808 г. – до 29000 человек. Очень не удивительно поэтому, что строгие меры, какие практиковались в прежние времена для привлечения духовных детей к школе, все более и более выводились из употребления во всех епархиях. Вследствие большого наплыва учеников епархиальным начальствам приходилось заботиться уже не столько о наборе учащихся, сколько о расширении самих школ и увеличении их средств для содержания большого числа поступающих в науку.

Мы видели, что недостаток средств и помещения в школах в прежнее время повлек за собою значительные ограничения обязательности школьного обучения для детей духовенства. Несмотря на назначение школьных окладов, эти ограничения оказывались теперь еще более необходимыми. Первые штатные оклады были положительно недостаточны для всей массы учащихся и неизбежно повели за собой уменьшение числа последних, по крайней мере в некоторых епархиях. На казенное содержание они позволяли принимать только самое ограниченное число беднейших учеников; все же остальные должны были учиться на свой счет. После этого епархиальные архиереи некоторых епархий поневоле должны были ограничивать школьные наборы детьми только более состоятельных отцов. Наприм. в воронежской епархии при свят. Тихоне велено было обязательно представлять в семинарию лишь детей священно-служительских, а причетнических только

от городских церквей; в костромской епархии при преосв. Дамаскине определено, чтобы и из священно-служительских детей принимались в семинарию дети только таких отцов, у которых приходы заключают в себе не менее 100 дворов; допускались и такие ограничения, что если даже у достаточного отца имелось несколько сыновей годных в школу, то указывалось брать из них только одного, более способного, чтобы отцу не было отягощения⁷¹⁴. Все остальные молодые люди, стало быть, должны были оставаться при одном домашнем образовании, объем которого был определен еще в прежнее время. С увеличением штатов ограничения этого рода естественно делались реже, но все-таки продолжались, потому что кандидатов школьного учения всегда оказывалось более, чем сколько можно было принять по штату, и в числе их всегда было много таких, бедность которых могла быть хорошо известна епархиальному начальству по самым достоверным справкам. Понятно, что с ними ничего не оставалось делать, как только отсылать их от школы для обучения домой, обязав по прежним примерам обычным трехлетним сроком, после которого они должны были явиться на экзамен или в семинарию, или же прямо в консисторию при приискании места. Примеры такого увольнения молодых людей от школы на трехлетний срок встречаем не только в бедных, но и богатых епархиях, даже в Петербурге⁷¹⁵. На недостаток средств к содержанию всех нуждающихся учеников жаловался даже м. Платон, заведения которого были обеспечены сравнительно очень богато. „Вы счастливы, писал он в 1787 г. Амвросию казанскому, что у вас хлеб не дорог, а здесь напротив: муки пуд с лишком 80 к., овса четверть с лишком 2 р., круп четверть с лишком 8 р. Забочусь о пропитании семинарии. Приходится число уменьшать”⁷¹⁶.

Такое „уменьшение числа” и отказы в приеме к школьному учению везде впрочем считались уже самою крайнею мерою в воспособление школьным недостаткам и допускались весьма осторожно. Явившиеся к приему ученики подвергались внимательному испытанию в своих способностях и подготовке и к домашнему обучению отсылались преимущественно юноши

почему-нибудь малонадежные для школы. С другой стороны архиереи внимательно справлялись о достатках самих отцов, которые просили об увольнении своих детей от школы по бедности. Так наприим. в одном указе преосв. Симона Лагова от 1771 г. о наборе учеников в костромскую семинарию сказано: „набрать в семинарию тех только мальчиков, которых отцы могут содержать на своем коште; если же не имеют возможности, то об этом должны взять свидетельство от дух. правления, местного десятиначальника и священно-церковнослужителей близких селений”⁷¹⁷. Притом же вследствие быстрого возрастания числа обучавшихся в школах домашнее образование естественно стало цениться очень низко и в глазах духовных начальств и в среде самого духовенства, да и действительно не могло быть удовлетворительно как за недостатком порядочных учителей по деревням, так и вследствие мало благоприятной для него обстановки домашнего быта у большинства сельского духовенства. Вот наприим. какое донесение в 1770 г. послал преосв. Самуилу белгородскому духовный управитель обоянского округа, настаивавший на основании в этом округе особой дух. школы: „сего 1770 г. в сентябре города Обояни и обоянского уезду священно и-церковнослужительские дети в дух. правление к свидетельству, чему они чрез год в домах отцов своих обучались, были сысканы и по свидетельству оногo правления явилось, что многие дети, доспев до 15 и выше лет, за всегдашним в домашних работах и во хлебопашестве отцов их упражнением, також и за неимением, кому их обучать, весьма мало чему обучены, а другие и ничему; и затем дух. правление построить российскую в г. Обояни школу признает за благопотребно” и просит распоряжения о сборе на то с духовенства суммы „не по воле их, но по необходимой надобности”⁷¹⁸. Мало полагаясь на достоинство домашнего обучения, епархиальные начальства второй половины XVIII столетия старались, как мы знаем, заводить особые русские школы по округам и благочиниям даже для первоначального обучения духовных детей, которое возлагалось на попечение самих духовных семейств.

Мы видели, что такие окружные русские и латинские школы основывались нередко по инициативе самого духовенства. Человек, учившийся только дома, в большинстве случаев, разумеется, мог получить только какое-нибудь плохое место в церковном клире, так как школьники везде перебивали ему дорогу на лучшие, даже причетнические места, да кроме того и на такое место мог попасть только после надлежащего экзамена, подвергаться которому для большинства таких мало подготовленных людей было довольно рискованно. За неизучение к сроку всего, что следовало, можно было подвергнуться не только штрафу, но даже исключению из духовного звания, так как в последнее время сами архиереи стали заботиться об очищении дух. сословия от подобных только обременявших его людей, отсылая их в гражданское ведомство для почисления в податное состояние или в военную службу.⁷¹⁹ На основании подобных соображений все более или менее заботливые отцы старались на последние средства включать своих детей, если не в семинарии за недостатком там свободных вакансий, то в низшие окружные школы, по крайней мере на несколько времени, чтобы дать им некоторые более надежные права на поступление в духовную службу. Оттого число учеников в низших классах семинарии и в низших окружных школах повсюду представляло весьма значительную цифру и самые эти школы довольно быстро размножались по епархиальным округам, особенно к концу XVIII и в начале текущего столетия. Умножение их очевидно было единственным способом к разрешению тяжелого вопроса о примирении строгих требований касательно обязательного обучения такой громадной массы молодого поколения в дух. сословии с крайним недостатком на то надлежащих средств у специально учрежденных для этого епархиальных семинарий. Но понятно также и то, что воспользоваться этим способом бедному духовенству было нелегко и потому, при всем напряжении его сил к открытию как можно большего числа низших школ, означенный вопрос все-таки оставался нерешенным до последнего времени. В 1810 г. в пермской епархии касательно этого предмета возникло любопытное дело; преосв. Иустин

сделал такой запрос семинарскому правлению: „семинарское правление имеет подать мнение, что с теми детьми делать, которые по сиротству грамоте не обучены будут, или по нищете родителей в семинарии содержимы быть не могут, а причетнических мест не будет, да и на семинарское содержание сверх комплекта приняты не будут”. Правление в ответ на этот запрос предложило, разумеется, завести по уездам и монастырям малые школы грамотности, в пособие которым выдавать суммы из пожертвований доброхотодателей в семинарию на содержание бедных; „бедные дети, кроме того, писалось в предложении, имеющие обучаться по уездам, могут быть в содержании своем помоществуемы и родственниками своими, находящимися поблизости их, а притом и из домов родительских удобнее будут получать нужное на свое содержание, да и содержание в уезде для наставления детей чтению, письму и пению может быть несравненно дешевле, нежели в губернском городе”. Решение вопроса было самое естественное и простое, но осуществление его оказалось очень мудреным. Преосвященный изъявил полное согласие на обучение детей духовенства в малых школах, какие были налицо, но заводить новые нашел невозможным вследствие больших издержек, какие необходимо потребуются на этот предмет; пересчитав разные школьные потребности, он писал: „все сие чтобы устроить и приуготовить, надобно иметь в готовности много тысяч рублей; а на доброхотные подаяния положиться не можно. Множайшие находятся, которые едва свои семейства прокормить ныне могут. Да настоятели (монастырей) денег, хотя бы и имели, тратить для устройства училищ не согласятся, да без особого указа к сему и приступить не можно. Указ о заведении училищ по городам и монастырям, хотя и издан, но еще не повелевал заводить оные (разумеется высочайше утвержденный доклад комитета 1808 г.). Итак доклад сей члены правления представили нам без дальнего размышления”⁷²⁰. Вопрос после этого так и остался открытым, потому что и самое дальнейшее размышление очевидно тут ничего не могло придумать в тогдашнее время.

Как велико было число таких молодых людей, остававшихся без обучения, можно видеть отчасти из цифровых данных о детях духовенства, выведенных в докладе св. Синода по поводу последнего разбора духовенства 1806 г. для 33 подлежащих этому разбору епархий. Всех обучавшихся в дух. училищах считалось тогда 24,167, затем детей духовенства остававшихся при отцах моложе 15 лет, – обученных грамоте показано 11,329, а необученных 49,460, – цифра очень большая для сословия, подлежавшего обязательному обучению, хотя она конечно обнимает собою и таких детей, который еще не достигли до надлежащего для обучения возраста; далее следует другая цифра, касающаяся детей уже свыше 15-ти летнего возраста и потому допускающая менее ограничительных объяснений, – из 3368 таких детей, остававшихся при отцах без всякого дела, неграмотных показано 1166, следовательно более трети⁷²¹.

Недостаток места и средств в дух. школах повел между прочим и к тому, что епархиальные и школьные начальства должны были значительно против прежнего времени облегчить для учеников выход из школ до окончания курса. При повсюдном скоплении учащихся в заведениях строгие постановления Д. Регламента, заставлявшие держать ученика в школе до последней возможности, естественно потеряли свою силу. Мы видели, что еще при импер. Анне правительство было против долговременного удерживания при семинариях юношей, мало подававших надежд для церковной службы. Указ 14 октября 1737 г., касавшиеся этого предмета, теперь постоянно приводился на справку во всех делах об исключении учеников. В 1770 г. сам св. Синод указал: „непонятных учеников, которые к продолжению наук никакой о себе надежды не подают, долговременно в школах не держать”, более достойных, не опорочивших себя дурным поведением, определять по усмотрению архиереев в церковный причт, а негодных отсылать в светскую команду⁷²². Поэтому исключения учеников во второй половине XVIII столетия производились весьма часто и иногда в очень больших размерах. Мы уже видели наприим., какому радикальному очищению от неспособных и засидевшихся в

низших классах учеников подверглись смоленские школы при вступлении на смоленскую кафедру Парфения Сопковского, архиерея, надобно сказать, замечательно доброго и гуманного⁷²³. В троицкой семинарии в 1766 г. исключено было зараз 39 человек. Определение к исключению падало преимущественно на учеников дурного поведения и на так называемых великовозрастных, без толку сидевших по несколько лет в одном низшем классе, наприм. какой-нибудь информатории. В списке исключаемых из троицкой семинарии 1768 г. против одного ученика находим отметку: *potius excludi videtur ob nimiam staturam*. В 1769 г. Платон предписал: не держать учеников в грамматическом и синтаксическом классах более 2 лет в каждом и переводить их в следующие классы или исключать⁷²⁴. В 1784 г. от него же вышло распоряжение: „находящихся в информатории учеников, имеющих от роду 17 лет, выключить, – также хотя некоторые и от 14 лет, да обучаются в оной информатории 2 года. Так как в информатории ученики обучаться должны ничему иному, как единственно читать и писать по латыни и первым склонениям и спряжениям грамматических правил, потому в информатории более года не держать”. Вследствие этого распоряжения в следующем же году исключено из академии 43 человека большею частью из информатории. Некоторых выгоняли из школ даже с бесчестием: „яко нерадивого и ленивого ученика, выключить, выгнав его из академии в присутствии учеников до ворот метлами”. В 1793 г. из московской академии зараз было исключено 146 человек⁷²⁵.

За недостатком определенных правил об этих учениках участь их была весьма рискованная, особенно в случае нежданно накрывавшего их разбора. Более надежных из них епархиальные власти старались впрочем по возможности оберегать от выключения из дух. звания, давая им билеты на приискание мест, по которым они числились кандидатами на церковную службу, или зачисляя их до приискания места в служители при семинариях.⁷²⁶ При имп. Павле начались необычайные строгости относительно этих юношей, но к счастью для них продолжались не долго, до кончины государя. Поводом

к этим строгостям, послужило участие одного „отставного семинариста” в убийстве, случившемся в 1800 г. в Астрахани. Узнав об этом обстоятельстве, государь объявил Синоду, что ему „удивительно, каким образом может быть семинарист отставлен, ибо коли он не годится в духовное звание, то следует быть отправлен к тому роду службы, куда способным найдется, а отставлять из семинарии совсем противно установлению”. После этого св. Синод поспешил издать указ: „как семинаристы между духовенством никакого особого состояния не составляют, но будучи тех же самых священно-и-церковнослужителей дети, предуговляются в семинариях к поступлению в св.-и-церковнослужительские чины и состоят в числе прочих церковников, из семинарий же они не отставляются, а выписываются токмо оказывающиеся из них в учении непонятными к продолжению высших наук для определения к причетническим должностям, и тогда же для приискания оных даются им от консистории письменные билеты, с коими они иногда и остаются чрез несколько времени праздными, приискивая себе те места; во 2-х же исключаются из семинарии ученики, опозорившие свое состояние и потому к дух. званию не годные, которых посему и обязан каждый епархиальный архиерей отправлять тогда же в светские правительства на их рассмотрение”; поэтому, чтобы исключенные не могли долго шататься без мест и производить какие-либо проступки, определено: не выписывать их из семинарии и не снабжать билетами до тех пор, пока они действительно не приищут мест, а между тем обучать их в русских школах всему, что нужно для причетнической должности, считая их наличными, а не отставными учениками, исключаемых же за дурное поведение немедленно отсылать к светскому начальству⁷²⁷. Мы видели, что почти такое же распоряжение было издано при Анне Иоанновне; последнее, как очень стеснительное для семинарий, не знавших, чем содержать и наличных учеников, кроме этих уже выбывших из учения, скоро само собой потеряло свою силу, – та же участь постигла и распоряжение 1800 года.

Освобождение дух. школ от ненадежных учеников чрез исключение было одной из лучших тогда форм „уменьшения числа“, к которому, как мы видели из письма м. Платона, должны были прибегать духовные начальства вследствие слишком большого скопления учеников в заведениях. Кроме того много учеников выходило из школ до окончания полного курса по своей воле, из семейных расчетов или просто из желания поскорее освободиться от неприятностей школьного учения и зажить в „совершенном жития стане“. Некоторые из них определялись в светскую службу по канцеляриям, которые тогда повсюду нуждались в писцах, и в консисториях, где с 1764 г. все канцелярские должности по высочайшему указу стали повсюду заниматься исключительно светскими людьми. Консисторская служба была заманчива для таких недоучек, потому что, поступив на нее, можно было прежде всего избежать опасного разрыва с своим сословием, а потом при случае достигнуть лучшего места на самой церковной службе, такого места, которое не всегда доставалось и ученому человеку. Прослужив несколько лет в консисторской канцелярии, такой приказный мог потом смело проситься в священнослужители к выбранному им самим приходу, представив в резон, что его пора таким образом наградить за службу, тем более что де „по дозрелым летам ему непременно следует одружиться, ибо и еще в позднейшие лета жениться будет ему совестно и почти не надобно“. Другим таким же верным средством добиться хорошего места для таких недоучек была разве еще служба в архиерейских келейниках и певчих⁷²⁸. Множество юношей поступало в послушники по монастырям, но тут их всегда могли потревожить грозные разборы. Большинство же, как и в прежнее время, расходилось по должностям причетническим и отчасти дьяконским. Для определения в причетники особенно много уходило из школ детей причетнических же, которые смотрели на эту должность, как на какое-то природное, наследное свое призвание. Понятия этого рода были так живучи, что еще в текущем столетии, на нашей даже памяти, многие дьяческие и пономарские дети сами торопились поскорее уйти из школы в причетники, бывали даже

исключаемы против воли своими отцами в тех мудрых видах, – „высших де себе не ищи” и выше своего отца не стремись. Как много учеников выходило и было исключено из заведения до окончания курса, видно из того, что число студентов высших классов везде составляло только самый небольшой процент общего числа всех учеников. Многолюднее всех были самые низшие классы, затем до риторики и пиитики число учеников год от году все уменьшалось; в риторике и пиитике снова увеличивалось, потому что в эти семинарские классы ученики поступали не из одних низших классов самой семинарии, но и из других низших школ по епархии, курсы которых обыкновенно доводились до пиитики с риторикой; потом с первого же года риторического курса опять начинало уменьшаться с огромной быстротой. Так, под конец XVIII столетия, когда богословское и философское образование получило уже наибольшее распространение в дух. школах, в московской академии из 1118 всех учеников было только 118 богословов и философов; в киевской академии по отчету 1802 г. из 1146 учеников философов было 75, а богословов 56⁷²⁹; в петербургской академии в конце XVIII столетия из 157 – философов 24 и 15 богословов; в троицкой семинарии из 264 учеников в обоих высших классах было 67 человек; в харьковском коллегиуме на 718 учеников приходилось 79 философов и 43 богослова⁷³⁰. Мы пересчитываем только такие заведения, в которые для изучения высших наук поступали ученики даже не из одной, а из разных епархий; в других исключительно епархиальных заведениях философов и богословов было и того меньше. Наприм. в смоленской епархии в семинарии и во всех низших школах считалось (в 1798 г.) 986 учеников, а в богословии и философии всего 31, в тамбовской семинарии из 592 учеников в обоих высших классах училось 65, в воронежской (в 1780-х гг.) на 336 человек приходилось около 20 философов и человек 7 богословов, в вологодской на 502 человека – тех и других 67⁷³¹ и т. д.

Понятно, что этими редкими учениками начальствам приходилось дорожить и теперь не меньше, чем в прежнее время. Исключению из заведения они подвергались только в

каких-нибудь уже крайних случаях. М. Платон наприм. сам лично старался исправлять философов и богословов увещаниями, если они по своему дурному поведению подвергались опасности быть выгнанными из заведения, и утверждал представления о том школьных начальств уже после того, как истощались все средства к исправлению виновных⁷³². Так же относилась к ним большая часть других архиереев. Встречаем множество примеров чрезвычайной снисходительности к ним последних. Вот наприм. несколько резолюций, относящихся к богословам епископа владимирского Ксенофонта. В 1800 г. на одном представлении семинарского правления он писал: „студенту, хотя и неоднократно учинено было от нас все возможное снисхождение в рассуждении бесчестных и несоответственных званию его поступков, но как он затем и поныне не только не оставил постыдной своей привычки (пьянства), но еще более оказывает к тому свои наклонности, навлекая на семинарию бесчестным своим ночным волокитством нареkanie и подавая прочим к тому повод; и в прекращение сего, призвав его в консистории, подтвердить ему наистрожайше в последний раз с подпискою, что ежели впредь не удержится от таковых поступков; то более в дух. звании терпим не будет”. Другая резолюция 1802 г. гласила: „NN (богослова), представленного нам лично в пьяном образе, хотя и следовало бы отослать в военную службу, но, снисходя ему в последний раз, обязать строжайшею подпискою в имении трезвенной и честной жизни и при особенном за поведением его надзоре ежемесячно рапортовать нам”. Третий богослов за самовольное проживание в доме отца и за путешествия по трактирам отделался тоже „в последний раз” переводом на некоторое время в философский класс, а один философ, изругавший в пьяном виде полицейского и попавший на съезжую, – двухчасовым стоянием на коленях и переводом на время в риторику⁷³³. Некоторые архиереи употребляли в подобных случаях для исправления виновных телесные наказания, сечение розгами в собрании товарищей или стояние на коленях в разных классах поочередно, сначала в богословии, потом в философии, наконец в риторике, лишение казенного

содержания или предоставленного места и т.п., но от исключения воздерживались до последней возможности⁷³⁴. Встречаем известия, что привыкши к такой снисходительности начальства, богословы считали свое исключение, если наконец подвергались ему, чем-то незаконным и обращались с претензиями на своих архиереев в св. Синод⁷³⁵. Когда ученики высших классов сами просились из семинарии на какое-нибудь священнослужительское место, их большею частью увольняли беспрепятственно, как лучших кандидатов на подобные места, но в тех епархиях, где, как в московской, успело уже довольно явиться священников из кончивших полный курс семинаристов, не всегда увольняли на церковную службу и богословов раньше полного окончания ими богословского курса или заставляли их доучиваться в богословии после посвящения.

Более талантливыми учениками начальство дорожило и в низших классах, стараясь удерживать их от преждевременного выхода, хотя бы и на церковную службу и даже на наследное место. „Пусть только учится прилежно, писал наприм. Платон на прошениях таких учеников об определении на места; без места пристойного не останется”, или: „велеть ему учиться, а место за ним предоставить”; „велеть обучаться и оканчивать учение, а доходом может он пользоваться. Велеть ближнему священнику службу временно и требы исправлять”⁷³⁶. Предоставление за учениками мест, практиковавшееся в больших размерах повсюду, между прочим служило к устранению самого главного повода к увольнению учеников из семинарии, бедности их семейств и разных семейных, наследных отношений к просимым ими местам.

Самовольное уклонение учеников от школы, так часто проявлявшееся прежде в форме бегства, с течением времени становилось все реже и реже, точно так же, как и случаи уклонения духовных детей от первоначального поступления в школу. Вот одно довольно точное показание касательно этого предмета из истории смоленских школ. За прежнее время при преосв. Гедеоне (1728–1761 г.) из 185 училищных архивных дел здесь насчитано 95 дел о побегах учеников, тогда как за все время управления епархией преосв. Парфения (1761–1795) из

399 дел к побегам учеников и к неявкам их в школу с вакаций относится всего 41 дело, притом же самые крупные из них относятся главным образом к началу описываемого времени, к 1760-м годам. Так, в 1767 г. из вяземского училища было донесение преосвященному, что из 300 учеников записанных в школе „и половинного числа не имеется”, – одни не явились с ваката, другие вовсе еще не были в школе, несмотря на высылку их в нее через дух. правление. В следующем году был составлен общий список всех детей духовенства в смоленском уезде выше 7 лет возраста, проживавших в своих домах; их оказалось 40 человек, в том числе были даже такие лица, которые имели 25–60 лет и никогда еще ни в какой школе не бывали. В последующие годы управления Парфения не встречается уже ни одного донесения с такими крупными цифрами⁷³⁷. Даже в новых семинариях случаи самовольного ухода учеников и неявки с ваката встречаем преимущественно лишь на первых порах, затем после нескольких лет они быстро начинают уменьшаться. Меры, предпринимавшиеся против побегов, были почти те же, что и прежде, с небольшими разве смягчениями в их прежней энергии вследствие более мягкого духа времени и менее частого повторения вызывавших их случаев: Отцы и родственники беглецов за держание их у себя подвергались штрафам. Так, в первый год существования севской семинарии с ваката не явилось 25 человек; по этому поводу архиерей дал такую резолюцию: „велеть выслать немедленно: отцов штрафовать отсылкою в труды на неделю, если не покажут законных причин. Дать знать всем, что впредь в подобном случае отцы, или у кого те семинаристы будут жить, отсылаемы будут под начал на столько времени, сколько семинаристы в домах их за сроком промешкают, в случае же болезни должны рапортовать благочинным, а благочинные давать знать префекту; а если кто и болен был, но знать о том не дано, то наложен будет штраф по вышеписанному”⁷³⁸. Штрафы в разных местах были разные, с священников от 1 р. до 5, с дьяконов 50 к.–3р., с причетников 25 к.–2 р. и более по усмотрению начальства. Кроме штрафов и ссылки на труды, виновные подвергались также консисторскому аресту⁷³⁹. В 1802

г. в черниговской семинарии встречаем любопытный случай наложения штрафа на запоздавших после ваката учеников с практической целью воспользоваться штрафными деньгами для производившейся тогда постройки семинарской церкви. При отпуске на вakat с учеников взята была подписка: „если который из нас пропустит неявкою своею в семинарию 5 число сентября, повинен на новостроящуюся семинарскую церковь внести 2 р., а ежели который пропустит 10 число сентября, повинен взнести 3 р., а неявившиеся к 20 сентября взнести обязаны 5 р., после 20 сентября неявившиеся повинны взнести на церковь 10 р. После этой подписки, из 70 человек, отпущенных на вakat, к сроку явилось только 30, остальные 40 внесли штраф в количестве не менее 100 р.⁷⁴⁰. Взнос этот тоже, разумеется, падал не на самих учеников, а на их отцов и родственников. Частью из опасения штрафов и гнева дух. начальства, частью из опасения за судьбу своих детей, духовные лица теперь сами уже стали наблюдать за тем, чтобы их дети не уклонялись от учения, так что в прежних мерах к отыскиванию беглецов чрез духовные правления, благочинных и рассыльных уже едва ли была какая-нибудь надобность.

Сами беглецы подвергались, по мере своей вины, или обычным школьным наказаниям, или совершенному увольнению от школы и даже из дух. звания. Духовное начальство продолжало смотреть на это преступление с прежней юридической точки зрения и, за исключением только неважных случаев мелкого уклонения учеников от классов по лености и т. п., предоставляло назначение расправы за него не школьной администрации, а самой консистории, которая в свою очередь действовала с доклада епархиальному архиерею. Школьные наказания назначалось производить чрез школьное начальство. Так, преосв. Парфений смоленский, получив при вступлении на кафедру сведения о большом числе учеников, уклонявшихся от учения, предписал чрез консисторию: „ректору и префекту семинарии всех праздношатающихся учеников большого возраста плетми, а малого лозами высечь нещадно”⁷⁴¹. Сечение взрослых семинаристов высших классов самим школьным начальством во 2-й половине XVIII в.

допускалось очень редко и не во всех семинариях, но в приговорах епархиального суда не было исключения и для них, так как они трактовались этим судом уже не как школьники, а наравне со всеми подсудимыми духовного ведомства. Кроме сечения розгами, назначались и другие школьные наказания, наприим. владимирская консистория в 1800 г. предписала указом, чтобы ученики училища за пропуск срока после вakatной явки наказывались за два дня стоянием на коленях в течение двух классов, за 4 дня переводом в низший класс, а после недельной просрочки принимались не иначе, как по особому отношению в училище⁷⁴². Некоторые беглецы по распоряжению епархиальной власти, лишались зачисленных за ними мест, на доходы с которых они содержались и на которые они иногда спешили попасть на действительную службу посредством преждевременного удаления из школы⁷⁴³. Ученики казеннокоштные за просрочку после ваката и опущение классов подвергались вычетам из их содержания или лишению казенного кошта на более или менее длинный срок, смотря по числу опущенных учебных дней, наприим. за один день на 3 дня или неделю, за 2: вдвое и т. д.⁷⁴⁴. В некоторых епархиях они подвергались денежным штрафам уже при выходе из школы, когда определялись на места; для этого из семинарии в консистории присылались ведомости о том, сколько дней в течении курса пропустил каждый ученик, и по числу их рассчитывалось количество штрафа с каждого, наприим. за 30 дней 2 р. и т. п.⁷⁴⁵. Самое страшное наказание за побег состояло в исключении из школы, особенно если сопровождалось еще выдачею исключенного светскому начальству для приписки в податное состояние или зачисления в военную службу. В архиерейских указах по поводу беглецов писалось: „если кто станет от школы бегать, то по взятии указного штрафа и по жестоком наказании из числа церковников имеет быть по указам, яко неугодный к церковному служению, исключен и в подушный оклад будет отдан”⁷⁴⁶. Надобно впрочем заметить, что к этому суровому наказанию епархиальные начальства прибегали только в крайних случаях, когда бегство ученика соединялось еще или с дурным

поведением или с полной неспособностью к церковнической службе по малограмотности, когда следовательно он оказывался действительно негодным членом своего сословия и составлял для него одно только лишнее и даже вредное бремя.

Особенно не любили духовные начальства, когда ученики дух. школ стремились выходить из них на светскую службу. По мере развития замкнутости дух. сословия все более и более развивалась и замкнутость духовной школы, в то же время сама служба главной поддержкой замкнутости сословия. Все затраты последнего на свои школы, все учение этих школ направлялось к исключительным интересам духовной службы, в надежду лучшего священства, и сами воспитанники, как высказал упомянутый синодский указ 1800 г., состояли „в числе прочих церковников”. Бегство из школы трактовалось как измена самой духовной службе, оттого и судилось не школьною, а консисторскою властью и вело за собой отчисление от сословия. Многие семинаристы состояли в числе церковников на самом деле, имея за собой зачисленные и предоставленные места, с которых получали доход и на которых в свободное время действительно исправляли церковную службу, любили даже и по внешности походить на церковников, носили наприм. длинные волосы, завязанные сзади в пучок, и церковнические полукафтаны. С своей стороны архиереи и школьные начальства употребляли все средства к тому, чтобы вкоренить в дух. воспитанниках любовь к их будущему церковному служению и удержать их от выхода в светское звание. За исключением немногих епархий, в которых духовные школы были постарше и успели уже выпустить из своих стен несколько поколений образованных священно-служителей, недостаток сколько-нибудь поучившихся людей на церковной службе был еще слишком чувствителен, чтобы епархиальные начальства могли равнодушно смотреть на выход из их ведомства не только многоученых риторов, философов и богословов, но даже весьма скромных по степени своей грамотности учеников низших классов. „Выход учеников в светское звание, читаем в Истории троицкой семинарии (стр. 537) казался дух. властям делом увлечения и необдуманности, казался совращением с

прямого пути. Это высказал Платон по поводу просьбы ученика философии Сокольского в 1769 г. Сокольский, прося уволить его в университет для продолжения наук, написал, что он не имеет склонности поступить в дух. звание. Платон дал резолюцию на его прошении: просителю Сокольскому продолжать свое учение в семинарии нашей, о увольнении же его от дух. команды по окончании учения в семинарии нашей рассуждать принадлежит архиерею той епархии, откуда он Сокольский. А между тем ему Сокольскому изъяснить, что склонность к каковой-либо должности не есть непременная, но зависит от собственного о должности понятия. Почему, если он будет себя уверять (как то и должно), что дух. должность, по его от духовного родителя происхождению, также и по учению, каковое он в дух. семинарии снискивает, ему есть следственна, полезна и пристойна, то по таковому рассуждению он к дух. должности может и склонность получить". Для удержания его от выхода из дух. звания Платон в следующем году, когда он перешел в богословию, сделал его даже учителем в низшем классе. Мысль Платона была публично развиваема на школьных диспутах: так в 1782 г. на таком диспуте в московской академии два студента рассуждали о том, какой избирать род жизни, и один из них, игравший роль Добросклонина, победоносно доказал преимущество духовного звания и пред военным, и пред судебным, и пред всяким другим, которыми увлекался по своему легкомыслию его оппонент, названный Ветрениковым⁷⁴⁷. Подобные же мысли высказывали и другие архиереи. Напр. в инструкции рязанской семинарии преосв. Симона Лагова читаем: „впечатлевать должно, чтобы учащиеся от духовенства дети наследственным себе считали право быть служителями церкви, и стыдно им должно быть, если они захотят отлучиться в иные чины, а к церкви дадут место из светских людей. Они тем уподобятся Исаву, который за ушицу продал первенство свое Иакову и лишился отчего и Божия благословения"⁷⁴⁸. Вениамин архангельский в 1795 г. предписал: „дабы сумма, из казны на семинарию отпускаемая, происходила вся в пользу церквей, то потребно в семинарии наблюдать, дабы на оную сумму те только семинаристы содержаны были, которые к

церквам действительно определиться желают, а которые намерение имеют в сторонние и светские звания вступить, на тех тщетно оную и сумму употреблять не надлежит”⁷⁴⁹.

Чтобы устранить такую тщетную трату семинарской суммы не в пользу церковной службы, с семинаристов, переходивших в высшие классы, принято было брать подписки, что они непременно останутся в духовном звании. М. Платон указал брать эти подписки с риторов при переходе их в философию⁷⁵⁰. В некоторых епархиях их брали и раньше, наприм. начиная с риторики или даже с синтаксисы. В упомянутом указе Вениамина архангельского говорится: „от семинаристов, на казенном коште содержащихся, от синтаксиса до высших школ, отобрать сказки: кто куда желает поступить, в светское или духовное звание и кто пожелает быть в духовном звании и даст обязательство, что и в светское звание никогда проискивать не будет, тех оставить на казенном содержании, а которые объявят желание быть в светском состоянии и не дадут обязательства быть вечно в дух. звании, тем от казенного штату ныне же отказать и велеть им кормиться, чем хотят, или проситься к местам,... а без того на казенный кошт не принимать как ныне, так и навсегда”. Ученики низших классов освобождались от подачи обязательств „за малолетством их”. К лишению казенного содержания назначались здесь также ученики всяких классов вообще, которые не годились на будущее время к церковной службе по дурному поведению или болезненным припадкам. Когда на учеников не действовали ни увещания, ни подписки, их иногда удерживали от перехода в светское звание силою. На прошениях студентов об увольнении в светские учебные заведения Платон нередко давал решительные резолюции: „оставить при семинарии”, или: „обучаться ему в семинарии в надежде вступления в дух. чин, иначе издержанный на него духовного училища кошт мог бы почесться напрасным”. В 1783 г. подал просьбу об увольнении из дух. звания один учитель академии Завьялов; Платон написал на ней: „как Завьялов недавно в академии должность учительскую проходит, то должен он еще оную продолжить и тем заслужить приобретенное им в дух. училищах просвещение”⁷⁵¹. К таким же

мерам прибегали и другие архиереи; вот наприм. отрывок из письма к м. Платону известного нижегородского архиерея Дамаскина Руднева, который сам был человеком светского образования (воспитанником геттингенского университета), „здешние (нижегородские) семинаристы, обучавшиеся в московской академии, на сих днях (в 1787 г.) явились ко мне и просили дозволения, чтобы им еще поучиться в академии, а потом в московском университете, но как я заметил из их речений, что им хочется посредством университета выйти в другое состояние, то и рассудил оставить их здесь”⁷⁵². Богатые семинарии, вроде Троицкой, удерживали при себе без увольнения даже кончивших курс богословов до самого определения их на места, чтобы они как-нибудь не ушли из духовного ведомства⁷⁵³. Лучших студентов старались не пускать на светскую службу или в светские учебные заведения даже в случае вызова их туда от светского начальства, отделяясь от этих вызовов отправкой учеников похуже и учившихся не выше риторики или изредка учившихся в семинариях учеников светского происхождения. Чтобы чем-нибудь оправдать такой образ своего действия Троицкая семинария в одном таком случае (в 1790 г.) прибегнула даже к крючковой ссылке на указ о разборе 1784 г., где говорилось, чтобы учащиеся в семинариях дети духовенства были оставляемы в заведениях для укомплектования впредь церковью и из ведомства духовного к распределению в светскую команду не требовались, хотя это правило касалось изъятия означенных детей собственно от разбора и к данному случаю не имело решительно никакого отношения⁷⁵⁴.

Стремления семинарских и епархиальных начальств вполне разделял и сам св. Синод, всегда, как мы видели, с неудовольствием смотревший на уход из своего ведомства образованных людей и употреблявший все свое влияние к тому, чтобы противодействовать вызовам их в светскую команду.

Между тем вызовы эти в царствование Екатерины сделались особенно часты так как правительство более, чем когда-нибудь, нуждалось теперь в людях для наполнения вновь открывшихся вакансий как в гражданской службе, во вновь

учреждавшихся и старых преобразованных канцеляриях, так и в умножавшихся год от году светских учебных заведениях. В первые годы царствования духовное ведомство еще не проявляло особенной ревности к сохранению своей замкнутости и относилось к вызовам своих воспитанников в светские заведения иногда даже довольно благодушно. Так наприим. тот же Платон, который впоследствии едва ли не более всех архиереев был против увольнения своих семинаристов и академистов в светскую команду, в 1767 г. с большой любезностью отнесся к вызову 10 человек из Троицких семинаристов в академию наук, велел выбрать для этого лучших учеников из философии, риторики и грамматики в числе 15 человек, предоставив выбор из них нужных 10 человек самому себе, кроме того тогда же отпустил в академию одного богослова, который сам пожелал поступить в нее⁷⁵⁵. Нельзя впрочем не обратить при этом внимания на то, что это было еще в ранний период жизни Платона, когда он находился под влиянием придворной среды и невольно обращал внимание на расположение сильных лиц вроде братьев Орловых, из которых один был директором академии наук. Митрополит петербургский Гавриил под подобными влияниями и после, до конца XVIII столетия, предоставлял петербургским студентам полную свободу выходить на светскую службу и простирали свою снисходительность в этом отношении до того, что некоторые студенты, оставлявшие при семинарии учителями, открыто просили его назначить им более легкие предметы для преподавания, чтобы иметь более удобства в приискании места на гражданской службе, и он удовлетворял их желанию⁷⁵⁶. В том же 1767 г. в академию наук послано было 5 человек из лучших же семинаристов от Иннокентия псковского⁷⁵⁷. Поступление учеников на службу в канцелярии в первые годы царствования до того было легко, что некоторые из них получали канцелярские должности даже без увольнительных видов от дух. начальства. Так продолжалось до 1769 года, когда назначен был первый разбор духовенства, заставивший безместных молодых людей духовного происхождения бросаться на всякие места, где можно было укрыться от

грозившей беды, и между прочим на канцелярскую службу. Заметив такое укрывательство, сенат в мае того же года издал указ навести справки по всем канцеляриям и другим светским командам, нет ли где там людей поступивших на службу из духовного ведомства без увольнения от дух. начальства и после издания указа о разборе, и всех таких взять в солдаты⁷⁵⁸. С этих пор выход из духовного звания в какое бы то ни было состояние стал постоянно ставится в зависимость от увольнения со стороны самого св. Синода и все ведомства при приеме в состав своих членов людей дух. происхождения обязывались наводить предварительно справки, не нужны ли эти люди для церковной службы⁷⁵⁹. Духовное ведомство могло теперь совершенно успокоиться в уверенности, что потери нужных для него людей без согласия св. Синода больше не будет, но спокойствие это очевидно было не надежно; мы знаем, что в 1731 и 1732 гг. были изданы еще более строгие указы, безусловно закрывавшие для духовных детей все места в канцеляриях, но крайняя нужда в людях на государственной службе взяла свое и сделала эти указы недействующими, – то же было и теперь.

После учреждения о губерниях (1775 г.) и открытия наместничеств потребовалось громадное число способных молодых людей для наполнения новых присутственных мест. Самыми первыми кандидатами на новые канцелярские должности явились, разумеется, ученики семинарий и академий. Но так как увольнение их в светское звание чрез св. Синод сопровождалось слишком длинной процедурой, представлявшей для местных властей в наместничествах и губерниях немало затруднений, то в начале 1779 г. вышел новый указ, которым лишних детей духовенства дозволялось определять на канцелярскую службу с разрешения одних епархиальных архиереев. Таким образом только лишь установившийся порядок выхода из дух. звания был снова отменен. В пользу дух. ведомства сделано было впрочем важное ограничение: архиереям дозволялось увольнять в канцелярии семинаристов не выше риторического класса⁷⁶⁰. Как только этот указ вышел, так семинаристы целыми сотнями

устремились на канцелярскую службу, где кроме умения писать, почти ничего больше не требовалось от кандидатов. В том же наприм. году в канцелярию нижегородского наместничества ушло 155 человек из нижегородских семинаристов⁷⁶¹. Гражданские начальства, нуждаясь в канцеляристах, употребляли с своей стороны все средства для привлечения на свою службу духовных воспитанников. Так еще в 1778 г. орловский наместник Репнин, приглашая к себе студентов киевской академии, обещал им казенную обмундировку и от 40 до 100 р. жалования; на первый же раз к нему тогда же уехало 23 студента. В 1779 г. из академии еще просили людей в наместническую службу, хотя бы, откровенно писалось в вызове, и таких, которые неспособны к учению. В 1783 г. из академии поступило в канцелярии 12, а в 1795 г. 30 студентов, отправленных самой академией по вызовам, кроме тех, которые сами отыскивали себе места на гражданской службе⁷⁶². В списках московской академии с 1775 г. против имен разных студентов тоже часто встречается отметка: „выбыл в светскую команду”. Московским семинаристам вероятно чаще, чем каким-нибудь другим, предстоял соблазн уйти на гражданскую службу, – недаром упомянутый нами разговор о выборе родов службы, читанный на акте в московской академии, был повторен еще на акте в Троицкой семинарии; любопытно, что о канцелярской службе благомыслящий Добросклонин делает в этом разговоре особенно дурной отзыв⁷⁶³.

Едва ли еще не тяжелее для духовного ведомства был уход его учащейся молодежи в светские учебные заведения, потому что большей части учеников, уходивших на гражданскую службу, по их малоспособности к дух. службе, жалеть было нечего, между тем как в учебные заведения вызывались и уходили люди по образованию и талантам весьма ценные. Вызовы их шли непрерывно из года в год в течение всего царствования. Так, очень много воспитанников уходило в университеты, при академии наук и московский, как по особым вызовам, так и по по доброй воле. Требования от поступающих в университет были тогда невелики, так что наприм. в 1789г. в числе принятых в студенты видим даже одного ученика грамматического класса

московской академии, тем не менее большинство духовных воспитанников поступали в университет из философского и даже богословского классов, когда ими особенно дорожило их духовное начальство⁷⁶⁴. В 1782 г. дружеское ученое общество основало при московском университете филологическую семинарию для приготовления молодых людей к учительскому званию; – воспитанники ее большею частью тоже были вызваны из дух. семинарии и академии, так что из 35 человек, поступивших в нее в первый год, 21 были из духовных студентов⁷⁶⁵. Некоторые из них впрочем поступили после окончания курса на службу по духовному же ведомству, каковы были известные потом иерархи Серафим (в миру Стефан Глаголевский) и Михаил (Матвей Десницкий).

В 1780-х гг. занявшись вопросом о народном образовании, правительство почувствовало сильную нужду в учителях для народных школ и для удовлетворения ее тоже обратилось к помощи духовных школ. Комиссия об учреждении народных училищ в первый же год своего существования (1783) вытребовала 20 воспитанников из петербургской семинарии для приготовления к учительским должностям в столице, затем, открыв в Петербург главное народное училище, из которого могли бы выходить учителя в прочие города империи, сделала зараз общий вызов учеников для наполнения этого училища из всех духовных семинарий и академий в числе 142 воспитанников не моложе 18 лет, доброго поведения и хороших способностей, имеющих уже достаточные основные сведения в арифметике, грамматике, катехизисе, истории, геометрии и физике следовательно семинарии должны были уступить комиссии лучших своих воспитанников. В 1786 г. решено было открыть главные народные училища в 25 губерниях, в которые по высочайшему указу и выслано было 40 человек из разных семинарий, тоже из лучших воспитанников, из риторики или философии, которые по дарованию и благонравию отрекомендовали бы себя противу прочих достойнее и в учительское звание способнее. В том же году от главного народного училища отделена учительская семинария, в которой был введен новый метод преподавания, заимствованный от

австрийских нормальных школ; для обучения в ней этому методу опять были вызовы из духовных семинарий. Между тем, независимо от этих вызовов, с того же года в главные народные училища по губерниям начались постоянные вызовы семинаристов из разных семинарий уже со стороны местных губернских властей, по которым тоже выбывали туда ученики большею частью из высших классов, даже из богословия. Вызовы эти еще более усилились с 1788 г., когда повсюду стали открываться многочисленные малые народные школы⁷⁶⁶. Как тяжелы они были для духовно-учебных заведений, особенно некоторых, пользовавшихся лучшею репутацией, видно из того, что наприм. киевская академия в 1786 году должна была отправить в главное народное училище 45 студентов, между тем как в то же время открывалось главное училище в самом Киеве, которое тоже стало тянуть к себе по несколько студентов ежегодно; через 3 года министр Завадовский писал митроп. Самуилу, что киевские студенты ему очень понравились, и просил прислать еще 15 человек, а через месяц – прибавить к ним еще 10, потому что преосвященный черниговский, который должен был прислать этот десяток учеников, отказался поступиться ими ради местных епархиальных нужд в образованных людях⁷⁶⁷. Из петербургской семинарии по подобным вызовам и по собственному желанию столько выбыло учеников, что высшие классы почти опустели и м. Гавриил стал чувствовать значительное затруднение в приискании достойных людей для занятий священнослужительских мест⁷⁶⁸.

В то же время множество духовных воспитанников вызывалось и поступало добровольно на издавна любимое ими поприще медицинской науки и службы. Вызовы в медицинскую службу особенно усиливались с 1786 г, когда последовало преобразование медицинской коллегии и для удобнейшего снабжения империи врачами при трех медицинских училищах умножено число лекарских учеников. Так как для укомплектования этих училищ понадобились люди, знающие латинский язык, то коллегия и обратилась за ними чрез св. Синод к семинариям и академиям, назначив для приема их 3 срока, – в январе, мае и сентябре. Св. Синод очень неохотно

взялся исполнить эту просьбу коллегии, оговорил свое согласие важными условиями, „если ко удержанию учеников, пожелавших в медицинскую науку, в дух. звании надобности не усмотрится, или которые из риторики к высшим наукам безнадежны”, а от местных духовных властей потребовал кроме того, чтобы они, отпуская учеников, обозначали в их аттестатах обязательство, в случае непоступления в назначенный срок в медицинскую науку, не определяться потом ни в какие иные науки, а возвращаться в свое дух. училище. После этого в медицинскую науку ежегодно стало уходить множество воспитанников, даже из академий человек по 4–15 и более, так что дух. начальства стали насильно удерживать у себя желающих уйти, а на вызовы из медицинской коллегии посылать отказы. По случаю турецкой войны, потребовавшей увеличения числа медиков, особенно пострадала от этих вызовов южная киевская академия; в 1788 г. по требованию Потемкина из нее взято было 29 студентов в елисаветградский госпиталь, в 1792 г. – 15 человек в медицинские училища, в 1794 г. – 4, в 1795 – 30, да кроме того президент медицинской коллегии требовал еще 25. М. Самуил наконец, нашелся вынужденным отвечать на этот вызовы что не только 25, но и одного студента он послать не может, так как желающих ни одного не явилось⁷⁶⁹.

В царствование имп. Павла пошли другие порядки и выход из дух. звания был сильно стеснен особенно для поступления в гражданскую службу. Прежде всего в 1798 г. отменен был указ 1779 г. об увольнении дух. воспитанников с разрешения одних архиереев, и разрешение это как для поступления на службу, так и для перехода в светские учебные заведения по-прежнему предоставлено самому св. Синоду. В начале следующего года отнятое право опять возвращено архиереям с одним только ограничением не увольнять без сношения с Синодом студентов философии и богословия⁷⁷⁰. В 1800 г. явился новый указ, по которому право это отнималось опять и не только у архиереев, но у самого св.Синода; с обычной неразборчивостью своего горячего характера государь выразил в этом указе сильное неудовольствие на духовное начальство за увольнение на статскую службу 10 семинаристов тверской семинарии и велел

сделать за это выговор тверскому архиерею, хотя последний был вполне прав, не выступив в этом деле ни на шаг из полномочий, только лишь данных архиереям указом прошлого года. „Чтоб впредь без особого моего повеления, гласил новый именной указ, из сего звания в другие места отнюдь не поступали. Вы же (указ был на имя м. Амвросия) имейте неослабный надзор за тем, чтобы сия моя воля по всем епархиям равномерно соблюдалась. Предпишите всем епископам семинаристов не обращаться без воли моей ни в какое другое звание, о чем каждый раз Синоду меня спрашиваться”⁷⁷¹. Не известно, к чему понадобилось издавать такой указ, но он был очевидно весьма не выгоден для интересов статской службы, стеснителен и для самого дух. ведомства, у которого отнял возможность увольнять из сословия даже лишних людей, если только последние учились в семинариях. Понятно, что из слишком радикального правила вскоре же потребовались исключения, именно для вятских и сибирских канцелярий, которым, кроме семинарий, вовсе неоткуда было брать людей; в начале 1801 г. в этих местностях дозволено определять на канцелярскую службу детей духовенства, живших при отцах, а в случае нужды семинаристов, только не выше риторического класса⁷⁷². В начале следующего царствования указ 1800 г. был отменен совсем и восстановлена сила прежнего указа 1779 г.⁷⁷³. Св. Синод впрочем скоро постарался присвоить право увольнения из дух. звания исключительно себе, и указами 1803 и 1804 г. потребовал, чтобы архиереи без его ведома не увольняли в гражданскую службу учеников не только высших, но и низших классов, кроме опорочивающих себя дурным поведением, так как большинство семинаристов подавали прошения об увольнении из дух. звания, ссылаясь на свою неспособность к церковной службе по причине болезненного состояния, то положено было подвергать таких просителей под надзором их архиереев медицинскому освидетельствованию и затем архиереям уже представлять об увольнении их св. Синоду⁷⁷⁴. Соглашаясь с этими строгими постановлениями, правительство с своей стороны выдало несколько указов, в силу которых

людей дух. звания без увольнения от св. Синода нельзя было нигде принимать на службу ни в гражданском, ни в учебном, ни даже в военном ведомствах.⁷⁷⁵

Вызовы и переход дух. воспитанников в светские учебные заведения и на службу в народные школы продолжались впрочем по-прежнему и в царствование Павла I и в царствование Александра I. Именным указом 28 августа 1797 г. определено было из духовных семинарий ежегодно отпускать в медицинскую науку до 50 воспитанников. Кроме этого в медико-хирургическую академию ежегодно поступало значительное число раторов, философов и богословов по собственному желанию. Св. Синод, по представлению медицинской коллегии предписал училищным начальствам увольнять таких желающих в медицинскую академию беспрепятственно. Медицинское управление с своей стороны, нуждаясь в медиках в начале текущего столетия значительно облегчило для поступающих в академию экзамен что еще более стало привлекать в нее семинаристов⁷⁷⁶. На службу в народных училищах из дух. воспитанников уходило столько людей, что наприм. в 1804 г. на вызов в учителя 5 воспитанников из петербургской академии м. Амвросий должен был наконец отвечать графу Завадовскому отказом, потому что в академии, объяснял он, состоит небольшое число студентов, но и те надобны для помещения на службу, также общую, особливо по здешнему месту, где по разным духовным надобностям таковых людей много требуется. Порядочные оклады привлекали в народные училища много дух. воспитанников и без вызовов. В том же году м. Платон писал Амвросию: „Дай Бог, чтобы на училища наши прибавка к содержанию была. Сие несколько ободрит. Но много паче прежних времен охотников из студентов выходить от нас. Мирские скорые и лучшие выгоды льстят их. Преосв. вятский пишет, что у него на Вятке губернатором тот, который с ним в академии учился курсом ниже, попов сын. Не лестно ли это для других? В деревенских школах учителю семинаристу 200 р. жалования да чин офицерский. Поп тут, где он будет, был может быть в семинарии лучше его, но он на попу едва ли смотреть будет. Да и школы сии при церквах, а никакого к ним отношения

– к нам, учителям церкви и народа, иметь не обязаны. Deus meliora!” В народные школы уходили не одни семинаристы, но даже учителя московской академии, а удерживать их от этой службы, пользовавшейся особым вниманием правительства, было не удобно. В 1806 г. у Платона просился в педагогический институт учитель Самарин, один из собственных Платоновых стипендиатов, Платону пришлось отпустить его, выразив бессильную досаду по этому случаю только заметкой в резолюции: „хотя я кошт положил на содержание учеников Платоновых, единственно в том намерении, чтоб они обучались в пользу церкви и быть им в дух. звании, почему учитель Платонов и почитается нами поступившим противу одного намерения и издержанный на него кошт употреблен напрасно; однако, когда он не похотел быть в дух. звании, то его отправить немедля, только Платонову более сим прозванием не именоваться”⁷⁷⁷.

Говоря о заслугах дух. школ, дававших им право на внимание правительства, комитет 1808 г. писал в своем докладе государю: „учительская семинария народных школ, все прежние врачебные училища наполнялись и доселе наполняются большею частью питомцами дух. семинарий; сверх сего знатное их число при учреждении губерний и при других случаях поступило в разные части государственной службы”. Нужно прибавить к этому, что, уступая светским ведомствам, весьма часто свои лучшие молодые силы дух. школы на всех указанных поприщах гражданской и особенно ученой службы выставили немалое число блестящих представителей, получивших историческую известность. Имен и заслуг их перечислять не будем, так как предмет этот может дать обильное содержание особому историческому труду. С общегосударственной точки зрения это было действительно великой с их стороны заслугой. Но с ближайшей точки зрения сословной или точнее – с точки зрения специального духовного ведомства такая потеря ими своих лучших молодых сил была вознаградимою потерей для дух. служения, которую иерархи вроде Платона имели полное право оплакивать, жалуясь на неблагоприятные для церкви обстоятельства.

Специальное значение дух. школы „в надежду священства» в последнее время, как мы видели, достигло полной меры своего развития, сопровождавшегося полным отрицанием остатков ее старого общесловного характера, вынесенного ею вначале из Малороссии. Поэтому отвлечение ее воспитанников от их исключительно церковного назначения в ущерб церковной службе естественно казалось иерархам, так много заботившимся о своих семинариях, нечем иным, как обидой церкви, актом духовной секуляризации, едва ли не более неприятным, чем акт Екатерининской секуляризации их материальных вотчинных богатств, „жезлом на жребий праведных”. и заставляло их невольно восклицать: „Deus meliora! Еда во веки отринет Господь и не приложит благоволити паки?”⁷⁷⁸ Дело это не обходилось притом же и без материального ущерба. – непроизводительно тратился училищный кошт, тоже имевший теперь еще более специально-церковное значение, чем прежде, когда собирался с самого духовенства, с отцов учившегося в школах юношества. Отцы имели естественное право коштовать своих детей и для иных, нецерковных целей, и собиравшийся с них училищный кошт, приобретал тогда специально-церковное значение только потому, что сама духовная школа явилась созданием не духовенства, а церковной администрации, отчего и сборы на ее содержание с самого же начала стали трактоваться, не как сборы, назначенные для удовлетворения потребностей духовенства, как самостоятельного общества плательщиков, а наряду со всеми другими тяглыми сборами с духовенства, назначавшимися для удовлетворения потребностей его администрации. После штатов главный училищный кошт стал выдаваться уже из суммы, прямо ассигнованной на церковное ведомство. получавшейся из доходов бывших церковных имений и назначавшейся по указам „в диспозицию архиереев” специально на поддержание духовного образования в интересах духовной службы. Все другие способы содержания дух. школ получили теперь значение уже второстепенное, да кроме того сами зависели от попечительности и нелегких хозяйственных забот тех же местных архиереев или от

доброхотства жертвователей, большею частью назначавших свои жертвы, как м. Платон свои стипендии, в пользу церкви.

в) Содержание духовных школ

Вследствие очевидной недостаточности училищных окладов для удовлетворения всем потребностям школьной жизни духовная школа и после штатов не перестала быть предметом тяжких забот и пожертвований для наших архипастырей. Правда, она имела теперь уже свои собственные постоянные средства, каковы они ни были, и требовала от епархиальной администрации гораздо меньше прежнего, но не нужно забывать, что после 1764 г. несравненно меньше прежнего стали и самые епархиальные средства. В том же году, даже раньше назначения училищных окладов, как мы знаем, отменен был самый главный источник содержания дух. школ, школьные сборы с духовенства; не говорим уже об отобрании церковных вотчин. Распоряжение об освобождении духовенства от сборов на школы озадачило тогда всю школьную экономию, а потом, когда назначены были училищные оклады и обнаружилась вся их недостаточность, поставило епарх. начальства в страшное затруднение, чем еще помочь бедным школам, потому что все другие епархиальные средства, которые употреблялись для той же цели, носили характер или исключительно местный, принадлежали той или другой частной епархии, или случайный и непостоянный и все вообще отличались мало удовлетворительными размерами. Правда, распоряжение об отмене сборов было высказано в указе 1764 г. почти условно, в тесной связи с обещанием правительства немедленно назначить на школы „знатную сумму“, а потому после назначения на них суммы не совсем знатной само по себе теряло свою практическую обязательность. Но прямо нарушать его все-таки было нельзя. С одной стороны духовенство, обрадованное им, крепко за него держалось и сейчас же прекратило свои платежи, отказываясь даже от взноса недоимок за прежние годы, с другой стороны после своих торжественных слов: „избавили мы все белое священство“ и проч., не могло не стоять за это распоряжение само правительство, по крайней мере когда нарушение его

делалось слишком открыто. В 1788 г. из-за подобных сборов с духовенства подвергся большой неприятности сам м. Платон. Кто-то донес на него, что он сделал незаконный налог на белое духовенство в пользу академической бursы. Из Петербурга по этому случаю прислали ему самый обидный выговор чрез главнокомандующего Москвы Еропкина, потребовали ответа, на каком основании он затеял этот новозаведенный налог и указали возвратить все собранные деньги, с кого сколько получено, по принадлежности⁷⁷⁹. Поэтому, вынуждаемые необходимостью прибегать для воспособления школам к сборам с духовенства, архиереи старались обыкновенно придавать этим сборам характер доброхотных пожертвований самого духовенства.

Некоторые сборы действительно имели такой характер; таковы были большая часть сборов на школьные постройки, на открытие новых школ, в пособие семинарским бурсам, особенно при первоначальном их заведении и т. п. Сборы этого рода продолжались до позднейшего времени и при умении архиерея возбудить щедрость духовенства трогательными воззваниями, увещаниями, поощрениями, а отчасти и влиянием власти, были иногда очень значительны⁷⁸⁰. Некоторые школы как мы видели, открывались прямо по инициативе окружного духовенства и на его добровольную складчину. Но как ни щедры бывали иногда эти пожертвования, в деле регулярного и постоянного содержания школ положиться на них все-таки было нельзя. Семинарии, обеспеченные штатными окладами, еще могли ими удовлетворяться, потому что нуждались в них главным образом для удовлетворения каких-нибудь чрезвычайных своих потребностей. Но низшие школы, только ими и содержавшиеся, естественно требовали, чтобы они были обращены в сборы постоянные и обязательные, так как доброхотство дателей, предоставленное самому себе нередко охладевало и ставило школьное дело в затруднительное положение. Встречаем, наприим. жалобы учителей на неполучение ими жалования. В 1767 г. один учитель вяземского училища жаловался преосв. Парфению смоленскому, что он уже несколько времени не получает вознаграждения за труды, а это вознаграждение

состояло всего-навсего из 10 руб. в год; преосвященный велел удовлетворить его из штрафных денег. Другой учитель того же училища, получавший 50 р. в год, в 1786 г. писал тому же архиерею, что ему выдавалось уже несколько лет жалование неполное, так что к этому году за дух. правлением числилось таких недобранных денег 188 р. 32 к. Преосвященный велел выдавать ему жалование неотменно по третям года, что, разумеется не могло быть исполнено без понудительных мер относительно окружного духовенства⁷⁸¹.

Во избежание подобных затруднений в содержании низших школ архиереи обращались к доброхотству духовенства обыкновенно лишь при открытии школ или при первоначальном определении их содержания, а затем, когда духовенство определяло от себя на это содержание известную сумму, сейчас же старались последнюю закрепить и сделать на будущее время уже обязательною: после этого можно было совершенно свободно практиковать всякие понудительные меры против недоборов, не опасаясь провиниться против указа 1764 г., так как цифра сбора определялась самим духовенством. По всей вероятности впрочем не без понуждения обходилось иногда и первоначальное определение этой цифры, – по крайней мере встречаем примеры, что она определялась заранее самим начальством и предлагалась духовенству уже только для изъявления на нее согласия и подписки. Наприм. при открытии школы в Ельце (в 1765 г.) на содержание ее положено было брать с священников по 30 к., с дьяконов по 15, с причетников по 7 1/2, к. в год⁷⁸². При возобновлении рославльской школы смоленской епархии в 1782 г. по расписанию преосв. Парфения на жалование учителю и отопление здания положено ежегодно собирать с окружного духовенства 19 р. 99 к., считая по 1 деньге со всех священно-церковно-служительских и приходских дворов⁷⁸³. По поводу упомянутого дела о школьном сборе с духовенства московской епархии московский протоиерей Алексеев писал духовнику императрицы Памфилову: „ежели под колоколами такое происходит своеволие, то чего уже лучше ожидать от прочих удаленных от столицы епархий”. Еще удобнее было употреблять принудительные меры для

собрания школьных сборов, когда они налагались не на все вообще духовенство школьного округа, а только на отцов обучавшихся в школе учеников. В этом случае школьный сбор получал вполне благовидный характер не налога, а платы за обучение. Так наприим. в устюжской школе, как уже было упомянуто, положено было брать с каждого ученика по 3 рубля в год. В переяславльском училище принималась в расчет степень состоятельности отцов, – с священнических детей брали в год по 1 р. с дьяконских 50 к., с причетнических 25⁷⁸⁴. В иных школах плата взималась за выучку ученика тому или другому предмету: так, в далматовской школе, по указу тобольской консистории положено было платить за обучение азбуке по 30 к., часослову по 50, псалтири по 1 р., письму по 2 р., пению тоже по 2 р., букварю по 25 к.⁷⁸⁵. Сборы этого рода производились без всякого стеснения благочинными и др. местными властями или чрез нарочно посланных из дух. правлений и консисторий и освобождались от них только дети таких отцов, с которых взять было нечего. Наприим. в 1783 г. для сбора в указанном сейчас размере денег за учеников далматовской школы монастырское начальство посылало по своему заказу учителя дьякона Кривицкого с реестром всех духовных лиц, которые подлежали платежу, и с наказом, где было между прочим сказано, что в случае упорства не уплативший денег взят будет чрез солдата в монастырь и не будет выпущен из цепи по то время, пока не заплатит.

Сборы на низшие школы были впрочем значительны и обременительны для духовенства главным образом только при первоначальном их открытии и обзаведении, а также в случае каких-нибудь новых к ним пристроек, возобновления их зданий после обветшания и пожарных случаев: постоянная же поддержка их стоила недорого. Бурс у них за немногими исключениями не было до позднейшего времени, а потому весь расход на них ограничивался обыкновенно отоплением, некоторыми учебными пособиями, жалованием одному или двоим учителям и училищному сторожу. На довольно большое сравнительно училище вяземское с тремя учителями и двоими сторожами духовенство в 1789 г. положило платить до 150 р. в

год; менее крупные школы довольствовались всего рублями 20 и даже 10. Под конец описываемого времени, когда число этих школ стало все более и более умножаться, многие из них потребовали устройства бурс и более сложных учебных расходов, платежи духовенства должны были увеличиться; но в облегчении его усилилась доля, отделявшаяся на училища из увеличенных семинарских окладов, кроме того в петербургско-новгородской епархии, где на училища расходовалось больше всех других епархий, явился новый источник для их содержания: по проекту тогдашнего митрополичьего викария, Евгения Болховитинова, в 1806 г., кроме сборов с духовенства, положено отделять в их пользу по одной 10 части с церковных доходов. О важности этого нового источника можно судить по тому, что одно из этих училищ, петрозаводское, считало у себя в ежегодном приходе от духовенства 290 1/2 р., а из церковных сборов 396 р. 77 к.⁷⁸⁶.

К числу платежей, сходивших на школы с белого духовенства, нужно отнести еще упомянутые случайные платежи, штрафные за необучение детей к известному сроку, за непредставление их в школу, за просрочки после вакационных отпусков, побег, и держание бегунов у себя в доме. По мере распространения школьного образования среди духовенства этого рода штрафы с течением времени естественно становились все реже и реже, но зато увеличивалась сумма другого рода штрафов – штрафов с ученого духовенства за несказывание проповедей. Во второй половине XVIII столетия штрафы эти были заведены, кажется, по всем епархиям и назначались специально в пользу дух. школ, вследствие чего и самое расписание проповедей, а также наблюдение за его выполнением предоставлены были семинарским конторам, которым хорошо известно было число всех ученых священников и дьяконов⁷⁸⁷. Более ревностные к дух. просвещению архиереи обращали в пользу дух. школ и все штрафные деньги, взыскиваемые консисторией за разные неисправности духовенства, опущения по службе, за безграмотность и т. п. вины. По-прежнему сохранялся также обычай посылать дух. лиц на семинарские труды вместо монастырского подначала. Напр.

в 1790 г. Феофил тамбовский выдал указ подвергать являвшихся в консисторию священно-и-церковнослужителей из неученых испытанию в чтении и пении и тех, которые не выдержат, посылать на месяц в семинарские работы. Во время постройки семинарских корпусов очистка семинарского двора, по распоряжению того же преосвященного, несколько лет производилась разными подначальными церковнослужителями. Автор Истории пермской семинарии рассказывает, что с самого начала ее существования до преобразования в 1818 г. в служители ее определялись подначальные дух. лица, исключенные ученики, безграмотные ставленники и не учившиеся нигде великовозрастные дети духовенства. Эти последние и исключенные ученики должны были вместе с прислуживанием еще кое-чему учиться, чтобы приготовиться к причетнической службе и наравне с учениками были подчинены семинарской дисциплине. „Но посылаемые в штраф диаконы и причетники, с одной стороны не считая себя подчиненными дисциплине, с другой будучи большею частью народом отчаянным, не только вели жизнь крайне пьянственную, но и производили такие дела, за которые прямо грозили острог и Сибирь”⁷⁸⁸. Несмотря на все неудобство иметь такой люд при учащемся юношестве, не только бедные, но и богатые семинарии, даже академии постоянно пользовались этого рода служителями, потому что они были даровые⁷⁸⁹.

Духовенство монашествующее с своей стороны тоже приносило немалые жертвы в пользу дух. школ, хотя и не было уже так щедро в этом отношении, как до потери своих вотчинных богатств. По-прежнему большая часть дух. школ обязана была монастырям своим помещением. Даже и семинарии очень многие все еще продолжали помещаться или в самих монастырях или в монастырских подворьях и др. уступленных для них монастырских зданиях; что касается до низших школ, то по словам комитета 1808 г. „по недостатку казенных сумм большая их часть” не только помещалась в монастырях, но и „состояла на содержании их”⁷⁹⁰. Кроме дарового помещения монастыри много давали и для содержания приютившихся под их сению школ. Так, Троицкая

лавра даром отпускала на свою семинарию дрова из своих лесных дач, соль из соляных запасов, сено с своих лугов для трех семинарских лошадей, отвела для пользования семинарии часть подмонастырской земли под семинарский огород, во время ремонта семинарских зданий отпускала для них лес, плотников и небольшие денежные пособия; лаврский казначей безмездно исполнял обязанность семинарского эконома и одновременно с покупкой огромных монастырских запасов делал закупки и семинарской провизии, чрез что последние становилась, разумеется, гораздо дешевле для семинарии⁷⁹¹. Из доходов Перервинского монастыря, как сказано в автобиографии Платона, на перервинское училище выходило до 4000 р. В новгородской епархии кириллобелозерское училище получало от Кириллова монастыря по 1500 р. в год и 100 р. процентов от капитала, пожертвованного на училище Кирилловским наместником Епифанием; тихвинское получало от Тихвинского монастыря сначала 500 р., потом тоже 1500: свирское содержалось из неокладной суммы Александровского монастыря, который кроме того содержал 7 бедных учеников на своем полном коште⁷⁹². Таких богатых и щедрых монастырей было впрочем немного. Большею частью монастыри ограничивались менее крупными, но тоже весьма важными для школьной скудости жертвами, наприм. содержали на свой счет по несколько бедных учеников, или принимали на себя отопление школ, починки их помещений и т. п. Немалой услугой с их стороны было даже и то, что они иногда принимали на себя содержание школьной братии за известную плату. В начале описываемого времени духовенство далматовского заказа обратилось к властям Далматовского монастыря с просьбой, не возьмется ли он содержать учащихся в школе детей за какое-нибудь вознаграждение, и если возьмется, то за какое именно. Монастырь согласился давать желающим из учеников особое помещение и стол с платою в год по 2, 2 1/2, и 3 р. и в счет той же платы обязался производить в ученических комнатах отопление и починки, нанимать необходимую прислугу и содержать для школы лошадь и водовоза⁷⁹³. Когда из консисторий рассылались по епархиям воззвания к щедрости

доброхотных дателей для удовлетворения каких-нибудь особенных школьных нужд, наприм. на необходимые постройки или на пособия семинарским бурсам, монастыри всегда являлись в числе самых крупных жертвователей, отзываясь на подобные воззвания присылкой денег, припасов, холста, посуды и др. предметов из своих кладовых или строительных материалов из своих лесных дач. Настоятели монастырей из ученых кроме того от себя лично давали или завещевали при кончине в пользу дух. школ более или менее значительные капиталы и собрания книг.

Заботясь о благосостоянии своих школ, архиереи умели побуждать к пожертвованиям в их пользу не одно только подчиненное свое духовенство, но и светских лиц. Вот напр. что читаем в Истории владимирской семинарии о епископе Ксенофонте, которого современники называли радетелем духовного просвещения: „При каждой поездке по епархии он имел в виду между прочим изыскивать большие и большие средства для обеспечения бедных учеников. Нередко он за общественным столом предлагал соучастникам подписку в пользу бедных учеников: „не заключить ли, добрый хозяин, нашу трапезу добрым делом” И хозяин предлагал лист бумаги для записки пожертвований, а епископ всегда первый делал почин доброму делу. Особенно значительны были пожертвования в пользу дух. просвещения в Шуге. Только благодаря попечениям Ксенофонта, открыты были на частные пожертвования училища в Шуге, Переяславле и Юрьеве. Примеров подобного рода можно привести довольно из истории разных семинарий. Архиереи недаром повсюду старались выставлять свои семинарии на вид, заводили в них торжественные акты, диспуты, публичные экзамены, привлекали семинаристов к участию в разных губернских торжествах и т. п.; чрез это они невольно заинтересовывали публику в их благосостоянии и привлекали к ним щедрость жертвователей. Кроме разных мелких даяний по подпискам, в семинарских реестрах пожертвований нередко встречаем весьма почтенные цифры подаяний от светских лиц, даже целые капиталы. Так, мы уже знаем о 15000-ном капитале, пожертвованном харьковскому

коллегиуму кн. Голицыными. К. Г. Разумовский пожертвовал на московскую академию 3500 р.⁷⁹⁴. Благотворительницею Троицкой семинарии была колл. асс. Твердышева, ежегодно присылавшая провизию и деньги для семинаристов в день поминаения своих родных (23 окт.), а по смерти оставившая в пользу семинарии капитал в 1539 р. 80 к. Кроме нее, разные богатые люди вроде П. Демидова, посещая лавру и ее семинарию, не раз дарили семинарии кто 50, кто 100 р.⁷⁹⁵. В списке пожертвованных капиталов черниговской семинарии за 1783–1792 гг. занесены три крупных пожертвования в 571 р. каждое, одно от лица духовного, московского златоустовского архимандрита Варлаама, и два от светских, войскового товарища Симонтовского и ст. сов. Долинского⁷⁹⁶. В 1780 г. генерал-майор Сатин два раза пожертвовал по 500 р. на бедных учеников воронежской семинарии⁷⁹⁷. Астраханская семинария обязана подобным жертвователям значительною частью своей библиотеки, физическим и минералогическим кабинетами и большими денежными суммами: в 1806 г. князя Куракины по просьбе архиепископа Анастасия дали ей в пособие 1000 р., а в 1811 г. купец Посылин – 4500 на построение библиотеки и 500 р. на покупку физических инструментов⁷⁹⁸. При пермском епископе Иустине, который особенно умел возбуждать усердие жертвователей, пермская семинария нередко получала от разных чиновников, дворян и купцов по 50, 20 и менее руб. В 1805 г. колл. сов. Яковлев враз пожертвовал 1000 р. на постройку семинарских зданий, а один заводчик Серов сам занялся сбором пожертвований в ее пользу и набрал до 520 р.⁷⁹⁹. Являлись по местам лица, которые вызывались на свой счет держать при семинариях стипендиатов⁸⁰⁰. Наконец мы уже знаем, что семинарии полтавская и пермская обязаны были светским жертвователям домами для своего первоначального помещения⁸⁰¹.

До позднейшего времени сохранялась даже известная нам старинная форма испрашивания подаяний на школы посредством супплик, рассылавшихся по епархии обыкновенно пред праздниками Рождества и Пасхи. Вот образчик такой супплики из истории калужской семинарии. „Души

благодетельные, сердца чувствительные! Для нежных друзей человечества утешительны случаи изливать благотворные чувствования свои, евангельскою любовью и милосердием в сердце их напечатленные; насыщать алчущего, одевать ноготующего... – вот отличительное качество Христова и братий его христиан, усыновляющее в Нем их небесному Отцу. Нежные и благородномыслящие души! Человеколюбие и чувствительности вашей представляются убогие питомцы, сырые дети бывших пастырей и служителей церковных, алчущие, ноготующие, скорбящие, лишенные всякого призрения и помощи. Благотворение ваше, им оказанное, не останется на земле, но молениями их о вас, признательными сердечными обетами вознесется на небо к престолу Царя всевышнего, дарствующего в домах ваших славу и богатство, мир и благословение. Сам Христос поручился вам платить и воздавать за них сими словами: понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших” и проч. Чувствительные души действительно трогалась подобными воззваниями; с одного наприм. города Калуги собиралось по суппиликам рублей 200–350 в год; всего суппличного сбора за 1811 г. по калужской епархии в феврале 1812 г. показано 1559 р. 58 к.⁸⁰². Надобно впрочем заметить, что в этом сборе, может быть, даже не совсем добровольно, участвовало и духовенство и что до подобной цифры он едва ли доходил когда-нибудь в других епархиях.

Примером и живым побуждением к пожертвованиям на дух. школы были сами архиереи, имена которых везде стоят во главе длинных списков других жертвователей. Так, м. Гавриил назначил на бедных учеников петербургской академии и новгородской семинарии свой орденский оклад (по ордену св. Андрея Первозванного), составлявший сумму в 2138 р., кроме того он ежегодно жаловал по 100 р. на низшие училища новгородской епархии. М. Амвросий с 1805 г. содержал из неокладной домово́й суммы целое училище при новгородском арх. доме и в нем 20 человек собственных стипендиатов⁸⁰³. М. Платон, кроме мелких, хотя и частых благодеяний своим учебным заведениям, особенно любимой им Троицкой

семинарии, в 1789 г. учредил при московской академии и Троицкой семинарии по 5 стипендий своего имени, внося для этого на вечные времена достаточный капитал (по 4000 р. на то и другое заведение) в опекунский совет. Кроме этой суммы, он положил 10,000 р. своих денег в сохранную казну на имя Троицкой лавры с тем, чтобы проценты с 4000 р. из этого вклада были обращаемы в пользу семинарии; а в 1796 г. внес в банк еще 6000 р. уже прямо на имя семинарии. В пользу московской академии поступали пожертвования и от других архиереев; так в 1775 г. м. Гавриил внес на ее имя в банк 1000 р. а Дамаскин нижегородский в 1790 г. – 3000 р. Троицкая семинария тоже получила в 1802 и 1807 гг. пожертвования от Аполлоса епископа архангельского и Серафима смоленского по 500 р.⁸⁰⁴. Другие епархиальные училища тоже постоянно пользовались от своих преосвященных разными пособиями для улучшения бурсацкого стола и одежды, для увеличения скудных окладов учителей или для награждения последних за особенное усердие к делу, для увеличения библиотек и т. п. „Трудно было бы, говорит автор статьи о содержании дух. училищ в России⁸⁰⁵, перечислить всех, известных в этом отношении, архипастырей, когда почти каждый из них считал как бы своею обязанностию уделять из своих доходов известную часть на училище”. Кроме подобных случайных пособий, выдававшихся из арх. дома по требованию текущих нужд, некоторые семинарии получали от своих архиереев постоянные капиталы, как указанные столичные заведения. Так, Амфилохий Леонтович переяславский (1795–1799 гг.) положил в банк 2000 р. для вспомоществования из процентов ученикам „бедственно проходящим свое учение в переяславской бурсе”, как сказано в завещании⁸⁰⁶. М. Михаил Десницкий во время своего служения в Чернигове постоянно содержал при семинарии двоих стипендиатов, в 1804–1806 гг. роздал на семинарскую церковь и библиотеку свыше 10,700 р. и оставил после себя в семинарии капитал в 1428 р. на содержание бедных семинаристов⁸⁰⁷.

Всякого рода другие местные источники воспособления дух. училищам тоже, разумеется, открываемы были по милости местных же преосвященных. Кроме сборов с духовенства,

самым обильным источником для такого восполнения в прежнее время служили церковные имущества; источник этот теперь оскудел, но от него все-таки кое-что осталось и для поддержки школ епархиальные архиереи нередко прибегали к помощи его остатков. В пользу училищ отдавались разные епархиальные здания или материалы от них по их упразднении, оброчные статьи, некоторые церковные доходы, земли и проч. Так, к московской академии для содержания бursы в 1770-х гг. была приписана церковь Димитрия Солунского на Ильинке с 4 лавками и полулавкою, потом в 1790 г., когда она обветшала и была разобрана, деньги, вырученные от продажи ее иконостаса и материалов, в количестве 1500 р., положены были на имя академии в банк. В 1780 г. к академии были приписаны лавки, оставшиеся после упраздненной церкви Покрова на Покровке. У Троицкой семинарии был в банке капитал в 7086 р. от продажи материалов и земли упраздненной Введенской церкви в Москве близ гостинного двора, кроме того по распоряжению Платона лавра отвела для семинарии два значительных места для сада и огорода⁸⁰⁸. Такое же место для огорода было отведено Невской лаврой для петербургской академии⁸⁰⁹. К казанской академии в 1800 г. приписаны были здания закрытых новокрещенских школ с церковью Захарии и Елизаветы; кроме того она получала доход с устроенных при ее здании 39 лавок и подвалов, простиравшийся до 3150 р., а потом в 1813 г. возвышенный до 4665 р.⁸¹⁰. Астраханская семинария получала доход от приписанных к ней угодий и пустых покоев Троицкого монастыря и от нескольких лавок, доставлявших ей арендной платы около 400, а с 1800 г. до 700 р.⁸¹¹. Кроме этого, благодаря заботливости и содействию епархиальных начальств, в случае надобности каждая школа могла во всякое время рассчитывать на необходимые для нее ссуды из епархиальных сумм с более или менее выгодною рассрочкою в уплате, что имело для нее особенную важность при больших единовременных расходах во время школьных построек⁸¹².

Наиболее распространенным способом материального вспоможения школьному делу был известный уже нам способ вспоможения на счет церковной службы, к которому, вследствие

оскудения других епархиальных источников, епарх. начальствам второй половины XVIII столетия приходилось прибегать с особенно усиленной против прежнего энергией, оставляя в пользу бедных учеников множество церковных мест незамещенными. В костромской епархии видим любопытный опыт предоставления доходов от таких праздных мест в пользу самой семинарии. До 1770-х гг. доходы эти обращались на содержание ее сполна, потом со времени преосв. Симона Лагова определено брать на нее только половину, а другой половиной пользоваться исправлявшим на таких местах священнослужительские должности. В 1771 г. в пользу же семинарии положено обращать установленные преосв. Симоном штрафы с приходов за долговременное недоношение о праздных местах и неприискание к ним кандидатов положено было: за каждый год взыскивать в приходе из 100 дворов с священнического дохода 10 р., с дьяконского и причетнического по пропорции, в приходах бедных по рассмотрению дух. правлений менее, однако не менее 6 р. с священнического дохода; где праздному месту года еще нет, взыскивать штраф по расчислению времени; штрафы эти высылать чрез консисторию на семинарские потребности⁸¹³. В других епархиях господствовавшая практика по-прежнему предоставляла праздные церковные места с их доходами прямо тому или другому ученику. Крайняя необходимость такого прокормления учеников на счет церковной службы усиливала практику предоставления им мест с каждым годом, несмотря на все неудобства такого порядка вещей и явный ущерб для церковной службы. Места церковнические часто оставались при этом даже без викариев, которые бы исправляли на них действительную службу за их фиктивных владельцев, – учеников, а сами эти владельцы могли исправлять свои служебные обязанности только по праздникам, во время, свободное от учебных занятий, и то если церковь была в самом семинарском городе, а в других местах – только во время вакациальных отпусков. Священнослужительские места принято было непременно замещать викариями, но викарии эти большею частью были люди негодные, из безместного духовенства, исполняли свои

обязанности, как наемники, кое-как, были в тягость и приходу, и остальному причту при церкви, да и самим ученикам, за которых служили, обижая их в расчетах по доходу. Но делать было нечего, – приходилось как-нибудь мириться со всеми этими неудобствами. Сам св. Синод (в приведенных указах 1767 и 1770 гг.) должен был узаконить принятую практику предоставления мест, „почитая за долг свой всякое прилагать старание” о распространении наук. В 1784 г. во время разбора он издал одно распоряжение весьма любопытное в настоящем случае: „Св. Синоду известно, что в некоторых епархиях за обучающимися семинаристами для поощрения их к учению уже зачислены места и доходы с них получают, то и ныне эти места для них оставить и до окончания курса других на те места не определять, чтобы излишнего причта умножаемо не было”⁸¹⁴. Нужно взять при этом во внимание то, что св. Синод был сильно тогда озабочен размещением множества заштатных священнослужителей, так что до распределения их по местам запретил даже посвящения новых ставленников, и что потому нужда в церковных местах была тогда в высшей степени настоятельна. В 1799 г. опубликован был высочайше утвержденный доклад св. Синода о способах призрения духовных сирот; предоставление церковных мест за такими сиротами, учившимися в школах, поставлено и здесь в числе важнейших законных способов их обеспечения⁸¹⁵.

Бедные ученики всегда смело могли обращаться к архиереям с просьбами, чтобы, за неимением бурсацких вакансий, для поощрения наук им предоставлены были праздные церковные места, и такие просьбы редко сопровождались отказом. Такое предоставление мест отмечалось затем пред ученическими фамилиями и в семинарских ведомостях с обозначением, сам ли ученик получает доход с своего места и в каком количестве, наприм.: „половинную часть дохода получает”, „доходом мать владеет” и т. п. Места эти по-прежнему за ними переменялись, смотря по их успехам в науках. Обычай зачислять места за учениками соответственно классам, церковнические – за учениками низших, а священнослужительские – за учениками высших

классов, был распространен уже едва ли не по всем епархиям⁸¹⁶. Для устранения слишком заметного ущерба церковной службе некоторые архиереи наблюдали только, чтобы места зачислялись при церквях неодиоклирных⁸¹⁷, а для предотвращения слишком частых тяжб учеников с их викариями из-за платежа доходов старались определять эти платежи определенную цифрой. Так, преосв. Иероним владимирский по поводу таких жалоб распорядился: „с диаконских мест за землю, покосы и с доходов получать в год по 10 руб., а с дьячковских и пономарских по 6”⁸¹⁸. Число учеников, владевших местами было очень значительное во всех дух. школах, так что этот способ их обеспечения сделался совершенно равносильным, а в иных местах даже преобладающим дополнением казенного бурсацкого кошта. Так, в воронежской семинарии в 1782 г. на казенном содержании было 50 учеников, с зачисленными местами 29, но в следующем году первых считалось только 28, а последних стало 47. В орловской число казеннокоштных простиралось не далее 20–50, тогда как с предоставленными местами училось в 1780-х гг. по 100, в 1790-х по 200, а потом даже до 300 человек. В смоленской в конце прошлого столетия тех и других было почти поровну, около 120; в 1801 г. на казенном коште оставлено всего 45, за то число содержащихся от мест возросло до 236. В нижегородской семинарии, по словам ее историка, „все почти из обучавшихся имели за собой места, пользуясь от них доходами, а некоторые взрослые ученики были даже женаты”⁸¹⁹. Были примеры, что места предоставлялись даже и казеннокоштным ученикам. В начале текущего столетия псковское епархиальное начальство распорядилось лишить казенного содержания всех философов и богословов, так как они могут содержаться от предоставленных им церковных мест, а на их бурсацкие вакансии поместить учеников низших классов, между которыми тогда особенно много скопилось совершенно беспомощных бедняков⁸²⁰. Есть известия, что содержание от предоставленных мест ученики даже предпочитали бурсацкому кошту и что, когда им приводилось делать между тем и другим добровольный выбор, то они выбирали первое. Из особого

уважения к ученикам богословии и философии архиереи иногда позволяли им даже самим искать церковных мест для дохода с тем, чтобы по окончании курса они потом определялись на эти места и на действительную службу. Надеясь на благоволение владык, некоторые из них подавали при этом прошения даже на живые места, старались выжить с них их настоящих владельцев разными доносами и заводили возмутительные кляузы⁸²¹. Возможность подобных злоупотреблений со стороны школьных кандидатов на места может служить едва ли не лучшим показателем той степени внимания, каким они пользовались от епархиальных начальств, как питомцы их дорогих школ.

Пересматривая все эти местные, епархиальные средства к содержанию школ, нельзя не видеть, что все они, если не вполне, то главным образом зависели от степени просветительной ревности и заботливой изобретательности архиереев. В дополнение к этому нельзя также не обратить внимания на постоянное и необыкновенно внимательное личное участие владык во всех делах школьной экономии, которое тоже было весьма важно в деле устройства школьного благосостояния. Они, можно сказать, вполне, с начала до конца создали весь порядок школьной экономии со всеми его подробностями, так как до царствования императора Павла касательно этого предмета не было никаких, даже самых общих руководительных правил и вся штатная сумма каждой семинарии отдавалась обыкновенно в полную „диспозицию” местных преосвященных. Они сами по собственному усмотрению должны были распределять ее по статьям, определять предметы, количество и порядок ее расходования, составлять с помощью семинарских контор и консисторий подробные годовые сметы, внимательно наблюдая при том за каждой копейкой, чтобы избежать страшной для бедных заведений передержки, избирать надежных расходчиков и экономов, писать для них и для самих контор руководительные инструкции, наконец определять и поддерживать порядок экономической отчетности. При импер. Павле заботы их в этом отношении несколько, хотя впрочем весьма мало, были облегчены общим указом св. Синода, определившим разделять

семинарскую сумму приблизительно поровну на три статьи, из которых одна должна была идти на содержание управления и преподавателей, другая на учеников, третья на все остальное, и правильной организацией семинарского правления с применением к его деятельности общих правил для деятельности всех вообще присутственных мест. Диспозиция сумм все-таки и после этого осталась в усмотрении архиереев. Не было такого мелкого предмета в хозяйственной жизни дух. школ, который бы мог оставаться независимым от этого усмотрения.

При недостатке правил для училищной экономии и скудости ее средств малейшая слабость архиерейского над ней надзора нередко вела к опасному для заведения расстройству в хозяйстве, которое потом уже очень трудно было исправить. – Нельзя было в этом деле положиться не только на консисторских дельцов, но и на самих даже ректоров и на правления. Так, в псковской семинарии не раз замечалось неправильное расходование сумм, что побудило епархиальное начальство поставить семинарских властей под усиленный надзор консистории, но и сама консистория требовала зоркого наблюдения за своими действиями. В начале текущего столетия ректор Бенедикт попал даже под суд. „В архиве псковской консистории, говорится в истории семинарии, есть и теперь бумаги, показывающие, как она судила этого ректора за постройку каменного флигеля при семинарии. Сам преосвященный Ириней не мог читать их без скорби. – Сильно возмущается дух мой от такого нестроения, – писал он на одной из них”⁸²². Начальство тамбовской семинарии в 1786 г. за передержку семинарской суммы подверглось замечанию самого Синода и особой ревизии, порученной за смертью местного архиерея Феодосия преосв. Симону рязанскому. В донесении своем св. Синоду последний между прочим писал, что указанные им излишние расходы нельзя ставить в вину семинарскому начальству, потому что при преосв. Феодосии для сего предмета не было дано никакого учреждения, после этого св. Синод распорядился, чтобы тамбовская семинария приняла себе в руководство положение рязанской семинарии

преосв. Симона. В 1788 г. приехал в Тамбов новый деятельный архиерей Феофил и энергично принялся за устройство школьного дела по всем частям. Благодаря его распорядительности, семинария в течение 8 лет с помощью одного своего оклада успела построить и отделать для себя довольно обширное каменное здание и кроме того сберечь для будущих построек свыше 2000 р. запасной суммы⁸²³.

Примеры замечательной экономической деятельности архиереев можно встречать в избытке во всех исторических очерках наших семинарии. Особенно любопытны описанные в истории Троицкой семинарии распоряжения м. Платона, получившего между архиереями репутацию образцового хозяина и обвинявшегося даже в скупости: „а как я, писал он в своей автобиографии, был к хозяйству весьма склонен и крайне наблюдал, чтобы ничего излишнего и без причины не употреблять, то по всему сему почитался скупым”. Общие годовые сметы расходов и частные ведомости и журналы по экономической части подвергались обыкновенно самому внимательному его рассмотрению и все испещрялись его замечками, показывавшими, что никакая мелочь не ускользала от его хозяйственного взгляда. Кроме обычной расчетливости в распределении расходов по сметам и бумажного ведения хозяйственных дел, он требовал от семинарского начальства деятельной внимательности ко всему на практике и „внимательных во всем догадок, ибо с сим будет во всем порядок и довольство, а без сего, сколько на бумаге ни писать, ни распоряжать, хорошего не будет”, – указывал „поступать хозяйственно и прилежно, 1) чтобы все куплено было верно и в свое время, 2) чтоб все было в хорошем месте бережено, 3) чтоб все купленное, кому следует, было доставляемо в точности, 4) предостерегать, чтоб не было ни от кого хищения”, сам заботился об организации правильного экономического надзора в семинарии, учреждал должности интенданта, комиссара, столового и хлебного инспекторов или сениоров и сам же писал для них подробные инструкции. Внимательность его к сбережению семинарского добра доходила до того, что напим. велено было вычитать из суммы расхода даже самые

мелкие, едва возможные сбережения, напим. от порции того или другого ученика, наказанного так называемым голодным столом (на хлеб и на воду) или не бывшего в столовой по случаю праздничной отлучки с дозволения начальства к родным. Встречаем даже особое распоряжение о недоеденных за обедом кусках хлеба; их велено семинаристам брать из столовой с собой и доедать за ужином⁸²⁴. Благодаря такой строгой экономии, передержки по расходованию штатных окладов по семинариям были редки; большею частью архиереи успевали от каждого года сберечь даже кое-какие остатки на разные непредвиденные расходы, По распоряжению Платона остаточной суммы должно было постоянно быть в кассе не менее 1000 р. К 1808 г. всей такой суммы от прежних лет в Троицкой семинарии числилось 10,717 р 74 к. В других семинариях такого крупного остатка не встречаем впрочем нигде. Даже в петербургской академии в 1807 г. остаточной суммы числилось всего 1115 р. 68 к. да на 3688 р. разных припасов. Остатки этого рода употреблялись обыкновенно на ремонт зданий, на улучшение одежды и пищи бурсаков, на награды учителям, на умножение библиотек и на пособия бедным своекоштным и полуказенным ученикам.

При всех однако заботах архиереев и при всех вспомогательных средствах, какие они могли извлечь в восполнение штатных окладов из епархиальных источников, дух. школы все-таки жили бедно, и „духовное юношество —, как выразился в одной речи на торжественном собрании петербургской академии (1814 г.) ректор Филарет (после м. московский). должно было „приготовляться к служению церкви более терпением и неутомимостью, нежели обилием пособий”⁸²⁵. Конечно дух. школа, получив постоянный штатный оклад, стала теперь свободна от прежних случайностей, угрожавших ее существованию, все-таки очень трудно решить, лучше или хуже прежнего она была обеспечена теперь вообще. Бедные прежде семинарии стали теперь несколько обеспеченнее, но богатые, вроде Троицкой и др., обильно пользовавшейся прежде от вотчинных доходов арх. домов и монастырей и от семинарского тягла с духовенства, должны

были почувствовать значительную скудость в средствах против прежнего. Число казеннокоштных учеников с 1764 г., в большей части семинарий пришлось сокращать; содержание их, по крайней мере в более богатых прежде семинариях тоже стало урезываться по всем возможным статьям. В низших школах бурс вовсе не было, за исключением очень немногих, наприм. невеличской и сиротской школ псковской епархии и упомянутых училищ новгородской и московской епархии. В некоторых семинариях число казеннокоштных было убавляемо даже гораздо более, чем позволял это семинарский штатный оклад, в тех видах, чтобы более оставалось денег на семинарские постройки, на возведение которых со времени штатов обращено было особенное внимание и епархиальных начальств и самого св. Синода.

Обзаводиться собственными домами для семинарии делалось теперь все более и более необходимым с одной стороны потому, что год от году возраставшее число учеников уже не могло довольствоваться прежними кое-какими помещениями в монастырях и др. уступленных под семинарии зданиях епархиального ведомства, с другой и потому, что обедневшие монастыри и арх. дома стали сильно тяготиться своей старой школьной повинностью. Новые семинарии, как мы видели, почти все уже обзаводились собственными помещениями, или строя их вновь, или покупая и приобретая чрез пожертвования. Примеру их последовали и некоторые старые. Кроме того, наприм. казанская семинария в течении почти всего описываемого времени строилась по причине неоднократно постигавших ее пожаров. Все эти покупки и постройки домов производились главным образом в счета семинарских окладов, так как добавочные пособия на этот предмет от правительства были редки, и в счета жертвованных сумм. Сам св. Синод при открытии новых семинарий указывал по возможности скорее строить для них помещения, и именно из назначавшихся на их содержание окладов, которые с этою целью и ассигновались для них сполна еще прежде их открытия. Таким порядком он наприм. поступил при открытии семинарий севской и тамбовской. По случаю замедления в

постройке зданий для последней он даже сделал выговор семинарскому и епархиальному начальствам и назначил об этом предмете следствие. В любопытном указе 1786 г. архиерею Феодосию было сказано, что со времени открытия семинарии (1779 г.) получено штатной суммы уже до 14,000 р., а между тем у семинарского корпуса выведен только один фундамент, да и самой суммы, остаточной от оклада, показано только 3548 р., – куда же давались остальные деньги? По следствию, произведенному рязанским архиереем Симоном, оказалось, что семинарское начальство издержало их на учеников, не обращая особенного внимания на ускорение постройки. Получив об этом донесение, св. Синод прямо предписал, чтобы из ассигнуемого оклада (2000 р.) на будущее время непременно была оставляема часть суммы на постройку корпуса, и сколько возможно в большем количестве, что очевидно должно было сильно урезать содержание семинарской бursы⁸²⁶. В костромской семинарии (еще с 1763 г.) бурса была, даже совершенно уничтожена и ученики содержались все на собственном коште, а семинарская сумма целиком была обращена на постройку, да еще на необходимое жалование учителям. Здание для нее было выстроено довольно большое (деревянное), в 3 этажа с 20 комнатами, из которых 14 было теплых, но все-таки оказалось недостаточным, так как по отдаленности семинарии от города число учеников, желавших в нем жить за известную плату, оказалось слишком для него велико; большая часть их принуждена была с крайними неудобствами поселяться на дурных квартирах по близлежащим двум слободкам. Поэтому преосв. Симон устроил для пансионеров еще корпус, где они наконец все и поместились, но эта новая постройка послужила новым препятствием к устройству необходимой при семинарии бursы⁸²⁷.

Старые помещения семинарии нам уже известны. Новые были много их лучше и по простору и по большим удобствам для школьной жизни, некоторые могли служить даже украшением городов, в которых они находились. Более просторными зданиями были здания семинарий: ярославской, о которой Платон заметил в своих путевых записках:

„семинарская линия нехуда и немала”; костромской в Запрудненском монастыре, где для лучшего надзора за семинарскою жизнью преосв. Дамаскин выстроил и для себя загородный деревянный дом с церковью; нижегородской, помещавшейся в каменном трехэтажном здании с флигелями и имевшей свою особую церковь⁸²⁸; казанской, имевшей прекрасное каменное двухэтажное здание на лучшей улице города; астраханской, помещавшейся после 1782 г. в четырех каменных флигелях⁸²⁹, назначенных первоначально для богадельни; тамбовской после упомянутой продолжительной постройки каменного двухэтажного корпуса, к которому в начале текущего столетия пристроены были еще два флигеля для учеников и учителей; черниговской в пожертвованном ей и значительно расширенном при Викторе Садковском доме бывшего гетмана Полуботка с особою семинарскою церковью⁸³⁰; подольской в двухэтажном каменном здании Шаргородского монастыря тоже с особою церковью⁸³¹; вятской при загородном архиерейском, так называемом Филимоновском, доме с двумя каменными флигелями, устроенными преосв. Лаврентием Барановичем (1774–1796); архангельской после перевода ее в 1771 г. из Спасского монастыря в Архангельский, где преосв. Антоний Зыбелин выстроил для нее 5 деревянных корпусов⁸³²; иркутской, с 1790 г. помещавшейся в большом двухэтажном каменном корпусе с домовою церковью⁸³³. Старые помещения семинарии тоже почти везде расширялись и перестраивались, наприм. семинарии троицкой, петербургской, псковской и др.

При всем том вследствие бедности средств, какими располагали семинарии при постройках, помещения их, даже и вновь устрояемые, были большею частью и теперь далеко не удовлетворительны. Теснота зданий чувствовалась почти повсюду, потому что везде было множество учеников, желавших жить в семинарских корпусах за известную плату, кроме казеннокоштных, и в ученические комнаты набивалось обыкновенно столько народу, сколько лишь могло влезть. Нечего и говорить о том, что занятые комнаты везде служили вместе и спальнями: было довольно и таких дух. школ, в которых эти же комнаты служили и классами. Так наприм. было

в рязанской семинарии. Здания ее состояли из нескольких изб, по избе для каждого класса, и кроме того еще для столовой, кладовой, для учителей и проч. и представляли из себя нечто вроде деревни. В избах этих по стенам тянулись лавки, служившие и для сидения и для спанья вместе, с особыми под ними помещениями для склада ученических вещей или рундуками, а в середине стояли длинные столы и скамейки. „Едва ли не при каждом классе, рассказывает Ростиславов в своей биографии Феофилакта Русанова, в сенях была еще особая комната, которая называлась холодной, наприм. риторику, философию и пр., смотря по тому, к которому классу она причислялась; в нее ученики ставили свои сундуки и на день выносили свои постели, т. е. войлоки и подушки. Ночью же постели вносились в теплую риторику, философию и пр. и ученики располагались спать, кто на рундуках, кто на столах. Кроме того летом для умывания висел рукомойник в сенях с лоханью; но в зимнее время и рукомойник и лохань, если не постоянно, то на время умывания помещались в комнатах. Об опрятности в этих комнатах смешно и думать; их даже и мыть возможно было разве в каникулы, во всякое другое время они были переполнены народом. Еще страннее было думать о чистоте воздуха.... В учебные дни сидело в них около 6–8 часов не менее 40, в некоторых даже до 100, но и в прочие часы дня тут оставалось постоянно до 20–30 человек”⁸³⁴. Не лучше этого описываются в мемуарах и биографиях разных лиц помещения и многих других семинарий: теснота, страшный холод и сквозняки зимой в нетопленых классах с худыми, разбитыми окнами и изломанными дверями, нечистота, мириады паразитов, от которых чуть не скребницами очищали бедных мальчуганов их родные по ватагам, составляют общие черты всех подобных описаний. Вот наприм, как описывает свое семинарское житье известный архим. Фотий юрьевский, учившийся еще в сравнительно богатой семинарии, новгородской. В ней, по его словам, „не бывало внешней чистоты”, хотя и были наблюдавшие за ней сеньоры, цензоры и аудиторы, – „заботились больше о чистоте нравственности и наблюдали за нею строжайшим образом.... Места учения, т. е.

классы, мало или вовсе не были топлены в зимнее время, отчего холод был так велик, что иногда при сказывании уроков учителям нельзя было открыть рта. Намерение же доброе было в малом топлении келлий учебных, дабы на часть, оставшуюся от экономии, бедных кормить пищею учеников”⁸³⁵. В Троицкой семинарии, о которой так много заботился м. Платон, ученики зимой должны были и в комнатах сидеть в тулупах; соблюдая экономию в топливе, Платон заметил на одной примерной годичной смете: „семинаристы могут зимой жить теснее”, – это чтобы не было холодно⁸³⁶. Не лучше были и помещения академические: на тесноту в здании московской академии были постоянные жалобы; киевская помещалась в таком тесном и сыром здании, что в моровую язву 1770 г. первая подверглась опустошительному действию эпидемии; петербургской на отделку классов отдельно от ученических помещений выдана была особая сумма уже в 1802 г.

Необходимую принадлежностью почти всех семинарий была зала для экзаменов, актов и диспутов, чрез которую, как единственную, можно сказать, среду сообщалась семинария с публикой. Это было парадное, а потому самое роскошное место во всей школе, на убранство которого не жалели ничего, хотя впрочем главною принадлежностью этого убранства служили только дареные портреты высоких дух. особ, да зелень и цветы, набравшиеся к торжественным дням самими учениками. Церкви были в немногих (указанных выше) семинариях; школьными храмами обыкновенно были храмы приходов и монастырей, в которых школы имели свое помещение. Особые семинарские больницы начинают являться кое-где только под конец описываемого времени, несмотря на то, что при дурных санитарных условиях училищной жизни потребность в них была вероятно очень немалая; это была слишком дорогая нежность для закаленной в нищете и грубости бурсы. Даже в самой московской академии больных принято было отвозить в лазарет; в уплату за их лечение и содержание у учащихся и учащихся вычитали из окладов лазаретные деньги, – у ректора 3 р. в год, с учителей по 1 1/2 р., из содержания учеников по 1% с каждого рубля, – всего из таких вычетов собиралось в год

рублей до 50⁸³⁷. В киевской академии была впрочем своя больница. Из семинарий больницы известны в семинарии смоленской⁸³⁸, потом в Троицкой с 1798 г. после того, как импер. Павел сам пожелал открытия этой больницы в лавре и пожертвовал на ее устройство 2000 р. и в харьковском коллегиуме, получавшая с 1801 г. по распоряжению кн. Голицына по 50 р. в год из процентов с Голицынского капитала⁸³⁹. С царствования имп. Павла, предполагавшего ввести в семинариях преподавание медицины, и особенно с 1803 г., когда это предположение стало осуществляться, вместе с медицинским классом стали везде заводиться и семинарские больницы. Но и после этого некоторые семинарии все еще продолжали считать лекаря человеком ненужным для заведения и, несмотря на указы, не назначали для содержания его никакого жалования⁸⁴⁰. По всей впрочем вероятности в разных семинариях издавна существовали запасы некоторых медицинских веществ для подачи помощи больным домашними средствами, преимущественно разумеется, из трав, сбором которых еще на нашей памяти занимались семинаристы в летнее время по распоряжению своего начальства⁸⁴¹.

Число казеннокоштных, а также полуказенных учеников, живших в семинарских зданиях, вполне зависело от экономических соображений училищного и епархиального начальства и было различно не только в разных семинариях, но и в одной и той же в разные годы. В первое время после назначения штатов оно, как мы заметили, быстро стало упадать до минимума, но с 1770-х гг. вместе с увеличением окладов стало опять подниматься и дошло до максимума к самому концу описываемого времени, после увеличения окладов при имп. Александре I; кроме увеличения окладов возрастание его много зависело также от расширения семинарских помещений. Представим несколько цифр преимущественно более позднего времени. В Троицкой семинарии на полном казенном содержании с 1775 г. было 150 человек и неопределенное число полукоштных (по распоряжению конторы и митрополита их предполагалось держать столько же); в петербургской при м. Амвросии – 100 казенных, 50 полуказенных и кроме того до 50

же на жалование или на пособия от семинарии (в количестве до 750 р. в год); в смоленской в 1800 г. до 120 всех, потом по распоряжению преосв. Димитрия, вследствие неимения денег, 30 на полном и 15 на половинном коште⁸⁴²; в нижегородской со времени преосв. Дамаскина Руднева из 450 учеников на казенном коште содержалось 100⁸⁴³; в казанской – из 500 до 100 на полном казенном коште и около того же числа на половинном; в рязанской – до 70⁸⁴⁴ и т. д. Семинарские начальства и архиереи вообще не были скупы в деле призрения бедных учеников на благотворительной бурсе, а скорее впадали в противоположную крайность. В разных своих диспозициях они правда постоянно толковали об осторожности в этом деле, о том, что прием учеников в бурсу должен строго сообразоваться с количеством семинарских средств и вместимостью зданий, но нищета множества школяров так была жалостна, что эти диспозиции большею частью не выдерживались на практике и на казенный кошт чаще всего принималось людей гораздо больше, чем следовало. Исключение составляли семинарии, поставленные в необходимость расходовать семинарскую сумму на устройство и содержание зданий, напр. костромская, вовсе не имевшая бурс, тамбовская и севская, имевшие небольшие сравнительно с общим числом учеников бursы – человек в 30–50, наконец некоторые очень немногие семинарии, старавшиеся нарочно уменьшать число бурсаков для того, чтобы можно было улучшить содержание остававшихся на казенном коште, предоставляя епарх. власти обеспечивать других бедняков посредством предоставления им церковных мест, чем особенно известны семинарии смоленская при преосв. Димитрии, и псковская, отличавшаяся величиною оклада на каждого бурсака пред всеми другими семинариями⁸⁴⁵.

В 1779 г., когда эта семинария получила 2000-ный оклад, преосвящ. Иннокентий распорядился принять на казенный кошт из высших двух классов 15 учеников, из низших тоже 15 и 20 информатористов или учеников сиротской школы, назначив на первых в год по 25 р, на вторых по 20 на третьих по 10; с течением времени, с увеличением дороговизны содержания,

оклады эти понемногу все возвышались и в 1802 г. возросли до 50 р. на каждого из учеников больших и 30 из малых. Выше этих окладов не было нигде, кроме семинарии петербургской, впрочем уже после того, как она объявлена была академией и снабжена была высшим окладом; по распоряжению м. Амвросия на 100 казенных и 100 полуказенных ее воспитанников в 1800 г. положено было 5307 р. 25 к., а в 1807 г. – 14,218 р.⁸⁴⁶. В московской академии в 1797 г. на 60 человек полагалось всего 1000 р., а в 1807 г. – 2000 на 100, причем оклады на каждого ученика по классам разверстывались в количестве, меньшем против псковской разверстки почти вдвое⁸⁴⁷. В Троицкой семинарии в 1766 г. Платон распорядился выдавать богословам по 6–5 1/2 к. в сутки на все содержание, с пищей и одеждой, философам по 5 1/2–4 1/2, риторам по 4 1/2–4 и т. д. до учеников заправного класса, которым положено всего по 2 1/2 к. С течением времени расходы на учеников возвышались, но никогда не могли сравняться с псковскими⁸⁴⁸. Даже на содержание так называемых Платоников, стипендиатов Платона, ассигновалось всего по 30 р., когда оклады псковской семинарии возросли уже до 40 р. Ближе всех подходили к псковским окладам оклады семинарии смоленской с 1801 г., после того, как число бурсаков с 120 было сокращено до 30 человек полнокоштных и 15 полукоштных; на всех на них ассигновалось 1500 р. в год⁸⁴⁹. Затем во всех остальных семинариях до последней прибавки окладов, в 1807 г. доли казеннокоштных учеников не возвышались свыше 20–25 р.⁸⁵⁰. После 1807 г. по местам последовали увеличения этих долей, напр. тахитим рублей до 36⁸⁵¹, но большею частью местные начальства пользовались увеличением семинарских окладов для увеличения самого числа призираемых на бурсе бедняков.

Понятно, что содержание казеннокоштных учеников на такие оклады далеко не могло быть достаточно при самой скрупулезной внимательности начальства к семинарской экономии. Представим несколько образчиков того, что можно было сделать из этих окладов на практике.

В псковской семинарии жизнь бурсаков может представлять собою образчик, кажется, наиболее удовлетворительного

содержания их, какого только можно было достигнуть при наибольшем возвышении их частных окладов на счет одной штатной суммы, так как других пособий, кроме разных подачек от архиерея, семинария эта не имела еще никаких. Из одежды бурсаки получали белье, затем для зимы сапоги с чулками, шапки с рукавицами, овчинные тулупы на три года, для лета башмаки с чулками (ученики низших классов без чулков бахилки), суконные (низших классов сермяжные) кафтаны на 3 года с починкою и перевероткою, кушаки из коломейки, спали они на скамьях с подголовками и на войлоках, обшитых холстом; кормили их хлебом, полагая по 14 ф. на брата в неделю, квасом, щами – в будни без говядины, по праздникам с говядиной (по 2 ф. на 3 человека), зимой со свежей, а летом с солониной, в посты щами с сухими сметками, по праздникам еще кашицей с мелкой рыбой (по 3 рыбки на человека); кроме щей давалась еще изредка каша; в большие праздники баловали бурсаков холодной говядиной и студенью (по блюду на 7 человек). Большие ученики имели за столом по два кушанья, малые по одному. Посуда в столовой вся была деревянная. Для большей экономии семинаристы сами же мололи себе рожь на хлеб и квас, скот для говядины тоже свежеевался в самой семинарии. Любопытно, что начальство псковской семинарии выдавало небольшие кормовые деньги даже ученикам, отправлявшимся на вакат, большим по 80, малым по 50 к., тогда как в др. семинариях, наприм. в Троицкой, остававшиеся порции и денежные доли отсутствовавших учеников тщательно высчитывались и вычитались из общего расхода для экономии⁸⁵². В смоленской семинарии, где содержание бursы при преосв. Димитрие поставлено под условия, довольно близко подходившие к псковским, по смете на 1802 г. на 45 учеников полагалось по 2 четверт. в год ржаной муки, 10 кулей круп, 8 пудов масла (только постного), 5 пуд. сала, говядины всего на 10 р. на всех, только 2 п. сальных свеч, белья по 3 перемены, по одному кафтану в 5 р. и по тулупу в 4 р. на два года, по паре сапогов и на поддержку им еще неопределенное количество лаптей; стол состоял из хлеба, щей

с салом или постным маслом и крупника, по праздникам – из щей с говядиной или сметками и из каши вместо крупника⁸⁵³.

Лучше этого бурсаки содержались разве только в петербургской семинарии, снабженной более богатым окладом, где и одежда их была наряднее и в столе полагалась каждый день говядина (по 3/4 ф. на брата, на малых по 1/2 ф.)⁸⁵⁴, да еще в семинарии Троицкой, имевшей свои капиталы и пользовавшейся особенной внимательностью со стороны Платона. В первое время по открытии Троицкой бursы (в 1768 г.) Платон старался содержать ее в довольстве, приблизительном к прежнему довольству до штатов, но вследствие этого вскоре явились в ее экономии передержки и поневоле пришлось урезать ее содержание по всем статьям. В Истории этой семинарии находим любопытные резолюции Платона, всего лучше показывающие, как скудно жила ее бурса, несмотря на то, что ее житию завидовали даже казеннокоштные студенты самой академии. В начале 70-х гг. убавлена была (каждодневная впрочем) порция мяса, – велено было выдавать старшим ученикам по 3/4 ф., риторам по 1/2 ф., прочим по 1 1/2 ф. на четверых. На расписании стола 1771 г. о гречневой крупе замечено: „каша на ужин может иногда отменена быть... и масло потому уменьшено быть может. Также рассмотреть, не много ли класть по 3 ложки во всякое блюдо (т. е. на четверых)”. На расписании в 1779 г. о мясе и рыбе сказано, что вместо мяса можно по временам готовить потроха, легкие или ноги, а вместо рыбного блюда – горох или кисель. В 1789 г. Платон добрался и до хлеба: „я рассуждаю, писал он, с добрым хозяйством довольно положить на каждого семинариста в 9 месяцев (за вычетом времени отпусков) по 10 п. муки да на кислые шти по 2 п. на каждого, а всего на 150 человек 1880 п. (вместо 2231 п.), особливо что печеным хлебом более выйдет, притом бывает иногда неполное число, и после отпусков не все вдруг собираются”. Тогда же положено пшеничной муки для булок по праздникам покупать не более, как на 24 дня в году, и убавлено опять количество мяса (по 1 1/2 п. в год на каждого). Точно также с течением времени сокращались расходы и на одежду. Сначала в 1768 г. положено шить богословам и

философам немецкие суконные пары, риторам сюртуки, прочим казакины из сукна; в 1771 г. оставлены одни сюртуки и казакины, – для меньших учеников отменены кроме того штаны; в 1779 г. в покое и в школах всем семинаристам велено ходить в одних халатах. В 1786 г. введена была в семинарии для праздников парадная униформа из суконных синих казакинов с малиновыми воротниками и обшлагами, в обыкновенное время велено носить по прежнему халаты, а зимой тулупы. Платье беречь предписывалось так строго, что кто изнашивал его раньше срока (2 лет), тот подвергался лишению казенного кошта; для сбережения обуви малым семинаристам велено было в комнатах ходить босиком. В 1800 г. вышло распоряжение рубахи, порты, шляпы, чулки и платки на шею иметь всем собственные, а на семинарский счет только мыть белье. Спали семинаристы, – старшие на соломенных тюфяках, младшие на войлоках⁸⁵⁵.

Так содержалась одна из самых богатых семинарий; об остальных нечего говорить. Пустые шти, приправленные конопляным маслом или сметаной, квас, ржаной хлеб и сухая каша не сходили со стола бурсаков круглый год; кусочка по три говядины и дешевой рыбы да ломоть белого хлеба они видели только по самым великим праздникам. Одевались в длинные камзолы или затрапезные халаты, скрывая их длиннотой и пестрядинные порты и босоножье. В высших классах ученики облекались в полукафтаны, причем, по крайней мере в некоторых семинариях, обязательно должны были отращивать себе волосы, как церковники⁸⁵⁶. В многолюдных бурсах содержание бурсаков ограничивалось даже одним только столом и помещением, а на одежду только самым бедным ученикам выдавалось по несколько денег⁸⁵⁷. Самое пропитание их в некоторых местах производилось, что называется, впроголодь. В южнорусских семинариях, черниговской, где на всю бурсу из 50 учеников ассигновалось 585 р. в год⁸⁵⁸, и переяславльской, хлебные дачи были так малы, что бурсаки чуть не помирали с голоду и в избежание такой беды должны были обращаться к мирскому подаянию. После классов они обыкновенно партиями выходили из бursы на свой нищенский

промысел с горшочками и мешечками и рассыпались по всему городу, испрашивая под окнами и на дворах подаяние всякой всячиной, что дадут хозяева, жалеючи их молодые желудки. После назначения штатных окладов семинарские начальства стали стесняться этим нищенством бурсаков и запретили его; тогда ученики стали производить свои сборы украдкой, уходя из бурсы тихонько от начальства, преимущественно по субботним вечерам. „Вместе с заходом солнца в эти дни, рассказывает очевидец таких сборов в Чернигове уже в начале XIX столетия, ходят бывало по дворам человек 15 семинаристов 18-ти, 8 и 7 летнего возраста. Их называли бурсаками. Став в кружок посреди двора, поют они согласным хором: „Боже, зри мое смирение, зри мои плачевны дни“... По окончании жалобного канта, из середины этой толпы вырывается резкий дрожащий голос: „борщину“ Изобильно наделяемые хозяевами, певцы удалялись с низкими поклонами... Если припомнить измятую и изорванную одежду, бледность и худобу, то ходившие по дворам для выпевания пищи, кажется, не подлежат порицанию”⁸⁵⁹. Вот еще свидетельство о бурсацком содержании одного ученика уже не южнорусских школ, а довольно богатой новгородской семинарии, архим. Фотия: „в семинарии тяготила меня крайняя бедность: часто ходил я без обуви в лютые морозы келья мне давалась самая худая с бедными товарищами, но рад был, что она келья была уединенна, безмолвна и к занятию мне способна. В трапезе пища была самая грубая, убогая, недостаточная, так что часто гладен исходил от стола лучший из учеников; можно сказать, пресыщен не был никогда от нея; умеренность и скудость в пище таковая полезна была весьма мне; пришед в келью, сном я не был никогда отягчен” и проч.⁸⁶⁰.

Скудость содержания казеннокоштных учеников в некоторых семинариях увеличивалась еще от того, что в них не было правильного устройства бурсацких общежитий и ученические оклады выдавались бурсакам на руки. Так было, как известно, в самой московской академии. В Троицкой семинарии правильное общежитие является с 1768 г., когда семинарское начальство доложило Платону о всех неудобствах

содержания учеников при выдаче им порционных денег на руки; в псковской семинарии в конце 1770-х гг.⁸⁶¹ сохранился один любопытный устав бursы, составленный в 1784 г. преосв. Вениамином для архангельской семинарии, в котором видим попытку упорядочить содержание казеннокоштных учеников, при раздаче порционных денег в их собственное распоряжение, на началах общежития. Назначив выдавать на годичное содержание (харч, дрова, свечи, книги) богословам по 9 р., философам и риторам по 8, остальным ученикам по 7, да на одежду первым и вторым по 8, риторам по 7, прочим по 6 р., устав этот обязывает всех таких учеников жить непременно в тех же покоех, где учились, и не иначе, как артелями человек по 30 и не меньше 20. Для приготовления пищи, топки печей и чистки комнат каждая артель должна была держать для себя особого служителя, нанимая его по общему согласию всех своих членов с платой по 15 руб. в год из артельных денег, точно так же сама должна была закупать и расходовать нужные для своего содержания предметы. На казенное содержание велено принять прежде всего всех учеников высших классов до пиитики, а затем уже включать в число казеннокоштных из остальных учеников, сколько позволят средства, обращая при этом внимание на степень их бедности и вместе с тем успешности в науках. Дозволено поступать в состав казеннокоштных артелей и ученикам своекоштным, разумеется, под условием денежных взносов, равных артельным окладам; такие же взносы должны были делать поступавшие в артели ученики, которые содержались от предоставленных им церковных мест, „а которые, замечает устав, от своих мест потребного к содержанию своему иметь не надеются, тем, числя за собою то место, дабы при выходе из семинарии было для поступления им готово, не касаться ничего церковного, ни службы, ни доходов, ни земли, а вместо того консистория на себя приемлет учредить за тех отправление службы и из доходов, буде что взять может в семинарию, все то в пользу общую обращать имеет”⁸⁶².

Не красна была жизнь учеников казеннокоштных в стенах бursы, но жизнь своекоштных по квартирам была еще хуже. Не

много между ними было счастливых, отцы которых в состоянии были содержать своих детей безбедно на более или менее удовлетворительных квартирах или которые могли жить в училищном городе у каких-нибудь достаточных и сердобольных своих родственников. О бедности большинства нашего духовенства распространяться здесь нечего. „Даже из тех учеников, говорит автор Истории нижегородской семинарии, кто имел у себя родителей, редкие не имели крайней нужды частью от бедности, а частью от какой-то беспечности некоторых отцов, не считавших своею неременною обязанностью содержать учащихся в семинарии детей”. Не настаивая на мысли о такой беспечности отцов о своих сыновьях, считаем за лучшее обратить внимание на то обстоятельство, имеющее влияние на жизнь семинаристов и доселе, что большинство из них даже не дети священников, а дети бедных дьячков и пономарей, и что большинство их отцов жители сел, а в селах самое богатство состоит главным образом в натуральных продуктах сельского хозяйства, а не в деньгах, которых так много надобно для содержания детей в городе, на чужой стороне. Обеспечивать своих детей в школе одними деньгами духовные отцы были бы положительно не в состоянии, а потому всегда старались доставлять им, что было нужно для удовлетворения их потребностей, главным образом натурой, так что собственно денежной статьей расхода на детей оставалась у них почти одна квартира, да и за нее старались платить по возможности тоже сельскими продуктами.

На квартирах своих ученики для большей экономии всегда становились артелями человек из 6–13 и более и содержались сообща привезенными из дома припасами, вкладывая в общий для всех стол каждый свой пай.

Вот рассказ одного своекоштного воспитанника, относящийся уже к началу XIX столетия: „бывало едешь после вакации от родителей, – или что говорить: едешь – вернее, идешь пешком за лошадью, везущей целый воз разной запасной провизии, а на верху воза пар 10 лаптей; и не наглядишься на свое денежное богатство, состоявшее, сказать по правде, много-много из 2–3 рублей. Составляешь разные планы,

предполагаешь расходы, делаешь всевозможные сметы и всегда, бывало, выходит, что данных от родителя денег далеко не хватает на третное содержание, а при этом должно было еще помнить строгое отцовское приказание: не трать денег по пустому... При выборе квартиры стараешься, чтобы она была подальше от семинарии, ибо ближайšie были дороги; потом, чтобы квартира состояла из какой-либо особой каюты с русской печью, чтобы можно было самим ученикам готовить по очереди пищу. Устроив так. образом свою оседлость, считаешь себя чуть не паном. О дальности же расстояния, затруднявшей ходьбу в класс, и не думали⁸⁶³. Это еще ученик достаточный, но сколько было таких, которые, проработав для своего пропитания весь вака́т около деревенского хозяйства у своих родных или даже в качестве наемных работников у чужих возвращались в школу пешком, напутствуемые одним благословением отца или слезами матери.

Квартиры семинаристов постоянно располагались на окраинах семинарских городов или даже в подгородных слободках, в домах мещан, солдат и др. бедного люда, который не гнался за большою платою и не боялся работ около школьной артели. А в некоторых местах сами семинарии помещались далеко от города, напр. семинарии костромская, севская, смоленская. Не говорим о низших школах, из которых большая часть помещалась для учащихся чрезвычайно неудобно, в небольших уездных городах, где квартир было мало, или по загородным монастырям. На ходьбу из квартир в классы, разумеется, терялось множество драгоценного времени, а в холодную и дурную погоду при плохой одежде и обуви бедняков много терялось при этом и молодого здоровья; кроме того сожителство с разными дурными людьми, каковыми часто бывали сами хозяева учеников, не могло не отзываться дурно и на нравственности последних. Касательно этого предмета укажем на один весьма выразительный документ, относящийся к 1804 г. Один смоленский помещик Малышев, жалея о бедном дух. юношестве, предложил дух. начальству проект об устройстве для квартирных воспитанников общежительного помещения при семинарии на счет духовенства

и добрыхотных дателей, жертвуя на этот предмет с своей стороны для почина благого дела 1000 р. Вот как он описывал в своем предложении быт этих воспитанников. „Многие священно-церковнослужители недостаточные, привозя детей своих в город, по состоянию и возможности нанимают для них квартиры за малую плату у людей самобеднейших и низшего сословия и то в отдаленности от семинарии, – а чрез то дети остаются без надлежащего присмотра и попечения; за дальностью расстояния теряют немало времени в приходе в семинарию и обратно в квартиры в осеннюю, зимнюю и весеннюю пору от ненастной погоды и стужи подвергают себя разным болезням и, что всего хуже, в самой ранней юности подвергают опасности свое благонравие необходимое сану, к которому они предназначаются; потому что таковые бедные хозяева, у коих они квартируют, занимаясь большею частью мелочною торговлею на рынке, там бесчинствуют и в домах своих производят разные неблагопристойности, посылают их в питейные дома, приучают с собою юношей к нетрезвости и своими примерами поселяют в них разные пороки, которые, вкоренившись с малолетства, остаются уделом на всю жизнь. А хотя есть из них и достаточные и имеют хорошие квартиры и выходят из семинарии учеными, но, будучи товарищами первых, в обращении делаются почти таковыми же, а потом будучи выпущены с каковым ни есть званием, тем же снабжают в последствии и прихожан своих”. Эта картина жизни квартирных учеников, которой Малышев думал побудить дух. начальство к принятию его предложения, к сожалению имела вовсе другое действие на архиерея и консисторию: они обиделись ею, отвечали на бумагу Малышева, что у них, слава Богу, все идет благополучно и по указам, ученики учатся, как следует, под добрым надзором семинарских начальников, подозрительного за ними ничего не примечено, дурные же по поведению немедленно исключаются, что из духовенства преосвященному никто не заявлял готовности жертвовать на устройство общежития, а принуждать дух. лиц к пожертвованиям на этот предмет незаконно, и отклонили предложение.⁸⁶⁴

Это был едва ли не единственный впрочем пример такого бессердечного отношения к участи квартирных учеников, со стороны их начальства. И семинарские и епархиальные начальства, насколько от них зависело, везде и постоянно заботились о том, как бы помочь беднякам и изобрести средства к улучшению их быта. Для наблюдения за нравственностью этих учеников употреблялись все меры, какими могла тогда располагать инспекция. В семинарских инструкциях постоянно внушалось, чтобы родители учеников нанимали для своих детей квартиры у людей честных, любящих порядок, и по преимуществу у духовных, с которыми легче иметь дело и самому начальству как семинарскому, так и епархиальному⁸⁶⁵. Правление семинарии с своей стороны должно было вести списки всех ученических квартир и для надзора за квартирующими в них семинаристами назначать старших. Выбор и перемена квартиры поставлялись под непосредственное наблюдение префекта, который имел право по своему усмотрению сводить учеников со всякой почему-нибудь неподходящей квартиры на другую⁸⁶⁶. Но с одной стороны бедность учеников, а с другой недостаток дешевых квартир у порядочных хозяев парализовали все подобные распоряжения. До чего по местам доходили затруднения в приискании квартир, видно из того, что наприм. в Севске духовенство нашло выгоднее для помещения своих детей построить новые „камеры” при семинарии на свой счет, что и сделало, складываясь для этого деньгами по благочиниям⁸⁶⁷. Не мудрено, что в семинариях, где бursы были пообширнее, везде было довольно пансионеров, живших в семинарских зданиях за известную плату. Такого рода помещение детей было всего удобнее для отцов, если только у них хватало средств вносить эту плату. В видах такого удобства и в интересах педагогических при некоторых семинариях для своекоштных учеников нарочно заводились пансионерские общежития. При костромской семинарии такое общежитие было заведено преосв. Симоном Лаговым, который в 1770 г. нарочно выстроил для него большой деревянный корпус. Все своекоштные ученики должны были жить в нем обязательно с платою 6 р. 16

1/4 к. в год; когда эта плата для многих оказалась непосильной, преосвященный нашел возможность сделать ее еще меньше, понизив всего до 5 р.⁸⁶⁸. После перевода своего на епархию рязанскую он устроил такое же общежитие и в рязанской семинарии, обязав жить в нем только детей священнических, так как плата с пансионеров была здесь гораздо выше костромской, 13 р. 50 к. с каждого ученика⁸⁶⁹. При Лаврентии Барановиче вятском такое же общежитие было заведено в семинарии вятской, именно после помещения ее в загородном арх. доме⁸⁷⁰. В 1790-х гг. строгий нижегородский архиерей Павел тоже заставлял квартирных учеников переселяться на жительство в семинарское помещение, назначив за их содержание довольно значительную плату, в 22 р. с каждого пансионера⁸⁷¹. Частью по несостоятельности духовенства, а частью вследствие недостаточной поместительности большей части семинарских зданий число пансионеров, при всей его величине, было все-таки незначительно в сравнении со всей массой своекоштных учеников, которые должны были кое-как перебиваться в течение всего своего многолетнего курса на дрянных квартирах.

Нечего много говорить о том, как они на этих квартирах содержались. „Зимою, рассказывает автор исследования о способах содержания дух. училищ, они спали в избе на печи и на полатах, а летом на сеновале или на погребнице, ели щи без говядины и черный хлеб. Отцы из остатков своих подрясников и тулупов – произведения домашней фабрикации – шили им летние халаты и зимние шубки; на ногах их только зимою появлялись сапоги – и то с отцовской ноги и худые”⁸⁷² и проч. Немногие из них получали из дома достаточное количество харчей на свое содержание; остальным приходилось более или менее значительно восполнять эти харчи самим, своими собственными трудами, какие кто мог придумать и на какие был способен. Самое видное место между подобными трудами занимал по-прежнему труд переписки разных книг и рукописей для желающих, а также уроков для более состоятельных товарищей. Другим средством добывать пропитание были уроки или кондиции по частным домам, иногда репетиторство у

некоторых состоятельных городских семинаристов. Вследствие дешевизны этих уроков (напр. рубль в месяц за каждодневные уроки) бедняки должны были занимать по несколько кондиций, каждодневно исхаживать по разным домам верст по пяти и терять на уроки почти все дневное время после классных занятий, употребляя на свое собственное учение преимущественно ночные часы, которые только и оставались в их распоряжении. Училищные начальства не могли воспрепятствовать этим кондициям, зная всю их необходимость для учеников; и только старались ограничивать их число. Южнорусские семинаристы получали от начальства дозволение брать уроки даже в отъезд по деревням разных помещиков и по полугоду, даже больше, вовсе не являлись в свои семинарии. Не брезговали бедняки и менее благородными занятиями для своего пропитания, принимая на себя труды будильников, послушников, огородников и даже пахарей. Наконец, если даже сами бursы должны были обращаться к пособию частной благотворительности и испрашивать для себя подаваний у доброхотных жертвователей, то своекоштное ученичество и подавно не могло обойтись без этого источника своего пропитания. Некоторые ученики в буквальном смысле содержались милостынею, как обыкновенные нищие; большая же часть для той же цели испрошения подаваний прибегали к сборам суппличным, произношению стихов и рацей, пению кантов и т. и. Из южнорусских училищ в летнее время ученики по-прежнему производили свои сборы даже вне училищного города, расходясь для этого по уездам. „Раннею весною, рассказывает в автобиографии Тимковского, явились на дворе две голубые киреи. То были переяславские семинаристы, отпущенные, как издавна велось, на испрошение пособий с именем эпетиции. Такие ходоки выслуживались более пешем по домам и церквам, проживали по монастырям и пустыням, еще имевшим в то время свои деревни; иным эпетентам так счастливилось, что одно село разом обогащало их; иные пробирались даже на Запорожье. Начав труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себе и братии”. Очень не мудрено, что при такой бедности учеников

ученики попадались и в недобросовестном приобретении разных припасов для своего содержания, что владельцы садов и огородов хорошо знали их ловкость в преодолении трудностей, какие предоставляли высокие заборы, а торговки на рынке, усмотрев семинаристов, расходившихся по домам после классов, спешили закрывать свои лотки⁸⁷³.

Преждевременный выход учеников из заведения на какую-нибудь причетническую должность был следствием не одной только безуспешности или лености их, а нередко и крайней бедности, которая не давала возможности доплестись до окончания курса иногда весьма прилежному и даровитому юноше. Епархиальные начальства хорошо это знали, но не имея возможности помочь всем таким беднякам, должны были, скрепя сердце, соглашаться на их прошения об определении на службу; „хотя жалко, читаем в одной резолюции на такую просьбу (1805 г. Иустина пермского), увольнять из семинарии оказывающих в учении хорошие успехи, однако как семинарская сумма его и других содержать недостаточна, того ради дать указ на пономарское место”⁸⁷⁴. За недостатком училищных и епархиальных средств архиереи в этих случаях только и могли прибегать к известным уже нам мерам, – к зачислению за лучшими и беднейшими учениками церковных мест и к увеличению до последней возможности числа казеннокоштных и полуказенных учеников в бурсах, хотя бы даже к явному ущербу в качестве бурсацкого содержания.

Перемена, произведенная штатами в содержании семинарских преподавателей, была для них положительно невыгодна в большинстве дух. школ. Они лишились теперь всех прежних своих дач разными жизненными продуктами, которые составляли такую важную статью для их материального обеспечения даже в самых бедных епархиях, и стали получать вознаграждение за свой труд исключительно денежным жалованием. В первый год по ассигновании окладов в Троицкой семинарии стали было заменять эти провизионные дачи выдачей порционных денег в количестве 35 к. в день ректору, 30 префекту, по 25 учителям-монахам и 20 светским, но в 1766 г. и эти дачи были отменены и всем указанным лицам назначено

одно денежное жалование в количестве 300 р. в год ректору, 250 префекту и от 200 до 120 учителям⁸⁷⁵. От прежнего обеспечения служивших по духовно-учебному ведомству остались только одни квартиры, отводившиеся им в семинарских и училищных зданиях на прежних основаниях, т. е. с отоплением, в некоторых епархиях и освещением, и под условием, если они были люди не семейные. Семейные учителя жили на собственных частных квартирах, пользуясь по местам только казенными дровами. В немногих семинариях отличнейшим учителям вместо наград выдаваемы были квартирные деньги⁸⁷⁶. Между тем оклады денежного жалования были крайне недостаточны и лишь немногим превышали денежные оклады прежнего времени, а в некоторых семинариях и вовсе не превышали. Указанные сейчас оклады для преподавателей Троицкой семинарии были самые высокие, так как и оклад самой семинарии был тоже одним из самых высоких, превышал даже оклад московской академии. Понятно, что большинство семинарий, получавших от 800 до 490 р. в год на весь свой обиход, не могли назначать и таких окладов. Так, в псковской семинарии, имевшей оклад в 816 р., ректор получал 100–120 р., учитель философии 60, риторики и пиитики (за оба класса) 130, учителя латинских классов по 60–50, информатор всего 20–30 р.; в семинарии владимирской с окладом из 653 р. учителя получали жалования до 3 р. в месяц, и то не всегда исправно⁸⁷⁷. При таких окладах из всего состава семинарских начальников и учителей только и могли считаться обеспеченными лица монашествующие, получавшие кроме семинарского жалования еще содержание от монастырей, особенно когда сами делались монастырскими настоятелями. Посторонние доходы получали еще учителя из белого духовенства, занимавшие места при церквях семинарского города, но за то семинарское жалование было по-прежнему выдаваемо им в значительно уменьшенном количестве, да и церковным своим доходом они не могли пользоваться в полной мере, потому что часто были отвлекаемы от исправления своих церковных обязанностей семинарской службой и едва ли не более теряли, чем приобретали от своего учительства. В

истории владимирской семинарии встречаем напр. такой случай:

В 1765 г. префект иеромонах Моисей, по недостатку учителей преподававший два предмета, соединявшуюся с префектурой философию и еще риторику, выбился из сил и отказался от преподавания последней по причине „меланхолической болезни, которая, как писал он в прошении архиерею, тоlikое замешательство мыслей и затмение уму его наводила, что часто и о себе самом чувства и памяти лишался”. Архиерей вместо него определил в риторику дьякона Степанова из села Крутца, для чего и перевел его к одной церкви во Владимир. Степанов этот был из студентов Троицкой семинарии, но под разными предлогами доселе уклонялся от учительства, считая за лучшее оставаться сельским дьяконом. На этот раз отказаться от прямого архиерейского назначения на семинарскую службу было нельзя; он оставил свое село и, переехав в город, принялся за риторику. Но вот какое прошение пришлось ему писать здесь через 7 месяцев тяжких трудов и лишений. „Определен я во владимирскую семинарию и нахожусь во отправлении своей должности со всеохотным рачением; точию с самого меня определения, чему уже седьмой месяц совершается, не точию денежного за труды вознаграждения, но ниже дневной пищи от семинарии не получил ни малой части, с чего, а больше перебираючись с бывшего моего жительства во Владимир с нужными домашними скарбами моими наемным перевезением, крайне оскудел. Також и ныне, яко человек светский, и необходимо должен с домашними моими иметь особенный вне семинарии дом; пристраиваючи же себе домашнюю хижину, пред многими не малым числом во всяких нуждах обязательным должником сделался. Того ради всепокорнейше прошу, да соблаговолено будет милостиво определить мне, сколько заблагорассудится, на пропитание”. По этой просьбе консистория сочла еще нужным затребовать от семинарского начальства справки о прилежании и успехах голодавшего с семьей учителя. Справки были одобрительного характера, что учитель прилежен, искусен и пользу приносит. После этого вышла наконец милостивая

резолуция: выдать ему на пропитание 3 четверти ржи и 2 четв. овса из арх. дома, а на прочие нужды до времени 4 руб. деньгами из семинарской конторы⁸⁷⁸.

Когда семинарские оклады были возвышены, вместе с ними увеличивалось постепенно и жалование семинарских наставников, но далеко не в той мере, как можно было ожидать. Большая часть прибавочных сумм употреблялась главным образом на расширение бурс в видах призрения бедных учеников, участь которых была еще жалче, чем участь преподавателей. Кроме того, вследствие постепенного расширения семинарского курса, увеличивалось самое число преподавательских кафедр. Определенных правил касательно количества наставнического жалования не было; как и все другие статьи семинарской экономии, определение этого количества вполне зависело от усмотрения архиереев, руководствовавшихся в этом деле теми же соображениями, какие выработаны были практикой семинарской жизни еще в прежнее время. Как и прежде, при этом обращалось внимание на продолжительность службы учителя, на его усердие, на то, какую науку он преподавал, главную или второстепенную, или враз две-три науки, на его звание, светский он был или духовный, из белого или монашествующего духовенства, сколько имел постороннего дохода, от монастыря или прихода и т. п. Количество наставнического жалования в разных семинариях, в разное время и для разных лиц было поэтому так же разнообразно, как и до штатов. Разнообразие это не уменьшилось даже после упомянутого нами определения, чтобы на жалование служащим при духовно-учебных заведениях употреблялась треть всего училищного оклада, потому что частнейшего распределения этой третней суммы по рукам определение это вовсе не касалось, да кроме того почти такое же распределение штатных сумм на трети, какое в нем узаконялось, с давнего времени существовало в практике семинарской экономии и прежде него. Не пересчитывая всего множества разнообразных окладов наставнического жалованья, приведем только более обыкновенные его цифры.

После первых прибавок, когда семинарии стали получать по 2000 р., жалование служащих при них по наиболее щедрому размеру распределялось в таком виде: ректору и вместе учителю богословия 150 р., префекту (он же учитель философии) 100, учителю риторики и пиитики 80–100, учителям латинских классов – высшего 60–100, низшего 50–80. информатору 45–50, учителю пения около 20 р.⁸⁷⁹. Выше этих окладов были оклады только немногих более богатых по штатам семинарий, вроде петербургской, троицкой, казанской; но ниже встречаются нередко. Так, в костромской семинарии оклады с 1778 г. простирались всего от 20 до 70 р., а с 1780 – от 30 до 100; в нижегородской семинарии высший оклад преподавателя философии и богословия не возвышался дальше 80 р.; в черниговской средний оклад жалования доходил всего до 30 р. и т. д.⁸⁸⁰. Только под конец царствования Екатерины, вследствие возраставшей дороговизны содержания и все более и более увеличивавшихся нужд семинарских преподавателей, оклады их стали увеличиваться уже по распоряжениям самих архиереев, наприм. ректорский по местам доходил до 200 р., префектовский до 150 и т. д. В случае соединения нескольких наук в руках одного преподавателя, что случалось весьма нередко в течение всего описываемого времени, он получал два оклада, точно так же оклад наставника возвышался, если он занимал какую-нибудь должность при заведении, оплачиваемую особым содержанием, должность проповедника, комиссара, делопроизводителя. Чаше впрочем случалось, что в том и другом случае количество оклада было для экономии уменьшаемо, как оно уменьшалось иногда в случае получения преподавателем или начальником семинарии каких-либо доходов из посторонних источников, от прихода или монастыря⁸⁸¹. Эти прибавочные предметы и должности в семинариях служили очень важным подспорьем к бедному содержанию преподавателей, давая им возможность сводить концы с концами без приискания посторонних занятий. Поэтому редкий наставник из послуживших уже при семинарии несколько лет оставался только при одной своей главной должности. Чаше всего такими прибавочными предметами были

языки греческий и еврейский, а особенно немецкий и французский. Для преподавания этих последних епархиальные начальства редко старались подыскивать какого-нибудь немца или француза, потому что эти господа были гораздо дороже и потому менее удобны, чем невзыскательные учителя из своих, которые рады были хоть небольшому лишнему куску хлеба. В 1778 г. воронежский архиерей Тихон III нанял для преподавания немецкого и французского языков берлинца Штельтера; в контракт положено было, чтобы он имел для преподавания не более 4 часов в день и 30-ти учеников на оба языка с правом притом же обучать еще столько же приходящих посторонних учеников, а жалования получал в год 150 р. (наравне с ректором); через 10 же лет (в 1789 г.), когда преподавание этих языков поручено было своим семинарским наставникам, оно стало оплачиваться, можно сказать, незаметно: французский язык преподавал учитель риторики Болховитинов, а немецкий учитель пиитики и истории, первый получал всего жалования и с прибавкой 160 р.; второй за все три предмета 140, т. е. почти столько же, сколько при тогдашних уже возвышенных в семинарии окладах они могли бы получить и без преподавания языков⁸⁸².

После удвоения штатных окладов при имп. Павле I жалование служащим при семинариях еще возросло, но, как и прежде, тоже далеко не в той мере, в какой увеличены общие семинарские оклады. Жалование ректора и префекта доходило до 200 р., учителей риторики и пиитики до 150–160, грамматических классов до 100–140 и т. д., считая тоже по более обыкновенному из высших окладов. Жалование это до общей реформы дух. школ при имп. Александре успело потом еще немного возвыситься в 1807 г.⁸⁸³. В образчик довольно полного распределения жалования можно представить таблицу смоленской семинарии за 1801–1802 гг., в которой между прочим можем видеть любопытные указания на то, какую важность имели для наставников прибавочные предметы, даже при значительно уменьшенном за них вознаграждении. Ректор – архимандрит, пользовавшийся доходом с монастыря, получал от семинарии всего 120 р.; учитель философии – 150 да 50 за

высший класс греческого языка, всего 200; учитель риторики – 140, кроме того за класс высшего красноречия и за историю по 30, всего 200 же р.; учитель пиитики – 120, да за географию 30, за французский язык 65 и катехизаторство 30, всего 245 р.; учитель высшего грамматического класса – 100 и 30 за низшие греческие классы; – среднего грамматического класса – 90 и 65 за немецкий язык – низшего – 70; учитель русского класса – 60; учитель нотного пения – 30⁸⁸⁴. Вот еще образчик менее щедрых окладов, любопытный в том отношении, что из него можно видеть, как жалование наставников распределялось архиереями не только по важности предмета, какой кто из наставников преподавал, но и по продолжительности службы каждого наставника; он относится к началу 1805 г. и к новой пермской семинарии. Ректор архимандрит, имевший монастырь, и по должности ректора и за преподавание (риторики) получал 100 р., учитель философии 200, префект игумен, преподававший катехизис, историю и географию, – 50 р., учитель синтаксиса 80, среднего грамматического класса – 70, низшего – 80, информатории – 40, математики – 80, греческого языка – 40, учителю медицины (светский) 150 р.; к сентябрю того же года учителям философии, математики и греческого языка прибавлено было еще по 20 р. Впоследствии, время от времени, жалование прибавлялось и другим учителям по мере продолжительности их службы и усердия к делу⁸⁸⁵.

Жалование учителей в низших школах до позднейшего времени оставалось ничтожным. Количество его по возможности должно было сообразоваться с количеством жалования учителям низших классов семинарии, параллельных училищным, но так как оно производилось обыкновенно на счет духовенства, то часто далеко не достигало до надлежащих по этому соображению размеров, спускаясь иногда до крайне малых сумм, наприм. рублей до 10–8 в год⁸⁸⁶, кроме того в некоторых училищах выдавалось не в форме определенного периодического жалованья, а в виде задельной платы за годичное обучение каждого ученика в количестве от 25 к. до 3 руб.⁸⁸⁷, наконец, как мы видели, не всегда выдавалось исправно

и отцами учащихся и самими дух. правлениями, на попечении которых лежало содержание окружных училищ.

Архиереи очень хорошо сознавали всю скудость учительского вознаграждения за труды и желали бы ей помочь, но не имели на то достаточных средств. Кроме предоставления учителям разных семинарских должностей и преподавания лишних предметов, в распоряжении их оставалось только два источника для ободрения бедных тружеников науки, те же самые, к которым они прибегали и для пособий бедным ученикам, – это единовременные вспоможения из своих домовых или остаточных училищных сумм и доходы от церковной службы.

Первого рода вспоможения выдавались обыкновенно в виде праздничных наград в Рождество, в Пасху и перед вакалом. Так, Платон изредка назначал награды из остаточных сумм преподавателям московской академии и триицкой семинарии; в пользу первых в 1782 г. он ассигновал даже постоянную наградную сумму во 150 р. в год из доходов Перервинского монастыря, а в 1797 г., по случаю прибавки к окладу семинарии 2000 р., определил подобную же постоянную выдачу награды для служащих при триицкой семинарии в количестве 100 р. ректору, 60 префекту и 30–45 учителям⁸⁸⁸. Величиною наград отличалась также семинария невская, особенно в последнее время, когда оклад ее достиг до упомянутых сравнительно больших размеров; „в уважение похвальных в обучении трудов” учителя ее, кроме праздничных наград, получали иногда еще вспоможения по их семейным обстоятельствам⁸⁸⁹. Обычай таких праздничных наград учителям соблюдался во всех епархиях, даже и не таких богатых, как московская и петербургская. Вот наприим. известия подобного рода о воронежской епархии: „от преосв. Тихона III наставники получали всегда денежные подарки, восходившие иногда до 25 р. за поздравление с праздником Р. Х. и В. Х.; также преосвященные разделяли между ними небольшие частные пожертвования на семинарию; заботились о столе и мебели в покаях наставников неженатых, живших в семинарии, жившим же на квартирах выдавали так наз. дровяные деньги;

независимо от того любили выдавать учителям рублей 5, 10, 15, 20 и более не в зачет жалования для ободрения их к трудам". В 1780 г. в семинарии воронежской было великое торжество, – выпуск первого богословского курса. „Благодарение Господу Богу, написал обрадованный Тихон на списке учеников, что имеем в семинарии в первый раз окончивших курс школьного учения” и приказал выдать префекту, преподававшему богословие, 200 р. в награду из семинарской суммы⁸⁹⁰.

Обеспечение на счет церковной службы имело, разумеется, более важное значение в быте семинарских и училищных наставников, чем эти временные праздничные подачи и пособия; оно доставляло им доход постоянный и в большинстве случаев значительно превышавший их вознаграждение по учебной службе. Оттого большая часть их по-прежнему стремились занять священнослужительские должности при церквях, а некоторые поступали в монахи. Самое лучшее обеспечение получали наставники монашествующие, получавшие вместе с семинарским жалованием доходы от монастырей и занимавшие высшие и более богатые должности в самих семинариях. В 1799 г. для возвышения благосостояния ученого монашества вышло известное распоряжение о соборных иеромонахах, по которому некоторые монашествующие наставники причисляемы были к соборам богатых монастырей и пользовались кружечным доходом последних⁸⁹¹. Степень обеспечения учителей из белого духовенства вполне зависела от количества доходов, какие они могли получать от своих приходов. Само собою понятно, что при таком соединении церковной и учебной службы либо та, либо другая, а то и обе вместе непременно должны были терпеть более или менее значительный ущерб. Чаще всего, разумеется, такой ущерб приходилось терпеть службе учебной; – по ничтожному вознаграждению за ее прохождение она до позднейшего времени так и не могла возвыситься до степени самостоятельного специального занятия, оставаясь по-прежнему или прибавочною к главной церковной службе проходившего ее духовного лица или переходною ступенью к этой последней; понятно что опущения по ней проходившие ее

духовные лица считали менее важными, чем опущения по своей церковной службе, да не иначе должно было смотреть на это дело и их епархиальное начальство. А между тем опущения эти были постоянно неизбежны, особенно при прохождении учителем священнослужительской службы в большом приходе⁸⁹²; монашествующее лицо при немногосложности своих церковных обязанностей могло учительствовать еще сравнительно исправнее, отчего между прочим архиереи и любили определять на училищную службу более монахов, чем лиц из белого духовенства. Радея о пользе учебного дела, архиереи делали очень естественные попытки назначать для учителей священников и дьяконов приходы поменьше, требовавшие от священнослужителей менее труда и времени; но тут возникало другое затруднение, – в таком приходе менее было и доходов, и были случаи, что избранный в учителя священнослужитель, переведенный в такой приход, отказывался от него и с учительством и просился на свое прежнее место. Вот наприим. одно прошение, поданное одним таким священником в 1793 г. преосв. Симону рязанскому. „По требованию вашего пр-ва и семинарской конторы явился я сюда для определения в учителя в высший класс грамматики, которой уже несколько дней и обучаю. Но поскольку 40-рублевое жалование, положенное учителю высшего класса, для меня столь бедно, что едва ли может стать и на перевозку мою из села; переход же (приход?), который бы должен поспособствовать к моему пропитанию и содержанию, не токмо не доставит мне одного, но под видом одного должен буду растерять и последнее; того ради вашего высокопреосвященства прошу меня от учительства означенной школы уволив отпустить к моему месту в село, где я могу и скорее достать себе содержание и быть спокойнее”. Преосв. Симон должен был согласиться на эту просьбу „для прописанных от него обстоятельств”⁸⁹³.

При всех однако неудобствах соединения училищной службы с церковною, практика его была чрезвычайно распространена повсюду и главным образом по причине бедности учительского звания. Потребность обеспечения

учителей на счет церковной службы всего выразительнее обнаруживалась в том, что, кроме множества действительно проходивших эту службу, от нее до сих пор еще продолжали по местам кормиться даже учителя светские, не посвященные в свящ. сан, имея за собой только зачисленные и предоставленные церковные места, на тех же самых основаниях, как бедные ученики⁸⁹⁴. В московской епархии такое зачисление церковных мест за учителями практиковалось даже в отношении к монашеским вакансиям: по распоряжению м. Платона от 1799 г. светские учителя, изъявившие намерение постричься, зачислялись на соборные вакансии и получали соборные оклады еще до пострижения⁸⁹⁵.

Считаем излишним говорить о тех доходах, какие получали семинарские и училищные наставники от самих учеников и их отцов, в форме разных копеечных презентов деньгами и натурой при поступлении учеников в тот или другой класс или при явках их после школьных отпусков. Эти презенты, сохранившиеся и после училищной реформы 1808 г., составляли один из самых грустных результатов и свидетельств крайней бедности наших духовных педагогов.

Немудрено, что звание учителя мало привлекало к себе талантливых людей, которые могли иметь иной кусок хлеба более сытный и за менее тяжелый труд. Под конец описываемого времени, когда в высших сферах дух. администрации уже начал разрабатываться вопрос о новой общей реформе дух. школ и заинтересованные этим делом иерархи стали высказывать по поводу его свои собственные соображения, требование увеличить учительское жалование постоянно ставилось ими на первом плане. В одном проекте 1805 г., составленном м. Серапионом для преобразования киевской академии, на первых же строках читаем: „Важным предметом признается возвесть содержание (академии) до таковой степени, чтобы определившие себя в учительские должности, довольствуясь оными, не были удобно отвлекаемы видом других выгодных состояний и не устремляли бы мыслей к избранию других родов жизни, но имели бы в виду возвышения по степеням своих предметов, также, нуждаясь недостатком

выгод, не истощали бы воодушевляющей к сим предметам их ревности на посторонние занятия”⁸⁹⁶. М. Платон, не желавший никаких существенных реформ в принятых порядках учебно-воспитательной стороны дух. школ, с своей стороны только и настаивал на увеличении их материальных средств для лучшего содержания воспитанников и вознаграждения учителей. Высказывая свои мысли об этом предмете в письмах к м. Амвросию, стоявшему во главе школьной реформы, он между прочим писал: „Да и некоторые наши братия епископы тоже ко мне пишут. Что за нужда нам соображаться светским? Пусть они от нас учатся. Прибавка жалования не от учреждения зависит, но от недостатка содержания. Теперь у меня 150 человек на содержании, и то на хлебе, щах и каше; а столько же бедных на своем коште. Учителя получают 100, 150 и 200, а префект 250 р. А светские получают по 300, 400, 500 р. и больше. Вот истинная причина к прибавке”. – „Бьемся с учителями, читаем в другом письме, – не всегда то лучших найти можем. В монахи охотников мало, а бельцы, поучив год или два, просятя вон или в духовное или в светское состояние”. В самый год реформы (1808) дух. училищ он писал тому же Амвросию, что не находит нужным никаких перемен в духовных науках: „совершенное не для чего усовершенствовать, – сие опыты доказали”, и по-прежнему указывал только на недостаток учителей. „Вся сила есть в учителях способных, в коих есть недостаток. Для сего надобно разрешить пострижение желающих ученых постричься: ибо бельцы не надежны. Год или много два побудут и просятя вон; – они в надежде лучшего места только в учителя желают. И учат нерадиво, и порядок учения расстраивают. А монашествующие надежнее”⁸⁹⁷. На этот раз митрополит уже слишком увлекся своим пристрастием к монашеству и отступил от своего прежнего, более прямого взгляда на дело. Сила была очевидно не в монашестве, а, как он сам прежде доказывал, в плохом вознаграждении за труд учительства, которое не позволяло этому труду сделаться постоянною жизненною специальностью приставленных к нему людей, которое и монаха побуждало смотреть вон из школы нисколько не менее, чем бельца. Все преимущество монаха

перед бельцом заключалось только в том, что его легче было задержать при неблагодарном послушании, но специалистом школьного учительства, преданным последнему, как делу жизни, он мог быть едва ли еще не менее, чем учитель светский, потому что уже по самому своему монашеству был кандидатом на высшие посты церковной службы, к которым учительство было для него только переходною степенью и притом редко продолжительною.

г) Состояние духовных школ по учебно-воспитательной части

Архиереи „бились с учителями, не всегда лучших найти могли”, а между тем с расширением учебного курса дух. школ и с приложением к ним новых педагогических требований века потребность в большем числе учителей и именно лучших, становилась год от году настоятельнее. Довольствоваться прежними случайными, импровизованными учителями из недоучившихся студентов, монахов архиерейского дома и разных лиц из местного духовенства становилось все более и более неудобным даже и в низших классах семинарии. Вопрос о выборе и специальном приготовлении учителей делался одним из важнейших вопросов школьной жизни и занимал не только епархиальную, но и высшую администрацию. Мы видели, что он был возбужден правительством еще в самом начале царствования Екатерины, признавшей обучение в дух. школах неудовлетворительным, а учителей их „неискусными”. Комиссия об усовершенствовании дух. училищ 1765 г. тоже обратила на него серьезное внимание, предположив произвести строгий разбор между всеми наличными учителями, а новых определять не иначе, как после внимательного их испытания. В том же году состоялось определение императрицы и св. Синода о посылке для приготовления к учительскому званию нескольких молодых людей в заграничные университеты, а по возвращении их оттуда проектировано учреждение в Москве особого заведения для образования учителей дух. школ под именем богословского факультета. Открытие такого факультета не состоялось, призвание, какое он должен был выполнять, по-прежнему продолжало возлагаться на лучшие из наличных духовно-учебных заведений; но мысль, лежавшая в основе проекта, не пропала. Она проявлялась в особенной заботливости администрации о возвышении благосостояния обеих академий, затем в переименовании петербургской семинарии в главную с предоставлением ей значения духовного учительского института, наконец в последнее время в открытии двух новых

академий и первоначальном разделении семинарий на четыре академических округа.

При императрице Екатерине не оставляли даже и той мысли, чтобы кандидаты на академическое учительство были посылаемы для довершения образования за границу. В именном указе 15 марта 1787 г. о киевской академии и ее штате между прочим было прямо сказано: „из той же суммы посылать по рассмотрению киевского митрополита студентов в иностранные университеты для приобретения лучших знаний в науках, дабы академия могла снабдить себя искусными учителями”. На основании этого указа м. Самуил в том же году послал двоих студентов в слущкий реформатский конвент для изучения новых языков, немецкого, французского и польского, обязав их при этом подпискою, что, „показав плоды своего учения”, они не отлучатся никуда без ведома и дозволения академии, а вступят в соответствующие их занятиям учительские должности. Около того же времени еще два студента отправлены были для приготовления к учительству в польский виленский университет⁸⁹⁸. В проекте 1777 г. о преобразовании московской академии тоже было сказано, чтобы в профессора ее были избираемы лица, довершившие свое образование в заграничных университетах, но, сколько известно, после 1765 г. из нее ни разу не посылали туда студентов с этою именно целью. О приготовлении таким способом преподавателей для семинарии не было, кажется, и речи.

Более сподручным и употребительным средством для той же цели как у академии, так и у семинарии была посылка студентов в лучшие из своих же русских учебных заведений. Замечательной новостью было то, что такие кандидаты на учительство стали посылаться теперь уже не в одни только духовные заведения, но и в светские, которые с течением времени успели значительно усовершенствовать свои курсы и в некоторых отношениях стать выше духовных. Сам м. Платон, утверждавший, что не духовные у светских, а напротив светские у духовных должны учиться, охотно допускал, чтобы его студенты „собирали плод познаний и с цветов светской

учености” в московском университете и филологической семинарии Дружеского Общества, и этим путем успел приготовить довольно число хороших наставников как для своей московской академии, так и для Троицкой семинарии, особенно по классам новых языков. Таковы были: Павел Пономарев, Серафим Глаголевский, Михаил Десницкий, Аполлос Байбаков и другие менее известные лица. Для того, чтобы такие студенты не уклонялись потом от духовной службы, с них брали подписки в том, что они непременно останутся в дух. звании, с тою же целью в течении всего времени их обучения в светских заведениях они продолжали числиться в академических или семинарских списках наличными студентами, т. е. не увольнялись из своих дух. заведений, а многие даже и на самом деле продолжали слушать лекции того класса, к которому принадлежали. В 1787 г., отпустив 9 студентов на три года в филологическую семинарию, Платон предложил Дружескому Обществу два условия: 1) чтобы эти студенты продолжали слушать богословские лекции в академии, 2) „если кто из них для производства в учителя в наши семинарии нужным окажется, такового чтоб и прежде трехлетнего времени взять было мне не возбранно”⁸⁹⁹. При м. Самуиле в московский университет в тех же видах было отправлено несколько студентов из киевской академии⁹⁰⁰, главным образом для изучения русского языка и словесности, знание которых в академии стояло очень низко. Были примеры подобной же посылки студентов в университет и из семинарий. Так, Амвросий Подобедов казанский, желая возвысить уровень образования в своей семинарии, сделал распоряжение о посылке нескольких студентов для приготовления к учительству в троицкую и невскую семинарии, в академию и в московский университет⁹⁰¹. В тех же видах в московском университете обучалось несколько лучших студентов из смоленской семинарии; преосв. Парфений смоленский содержал их там обыкновенно на свой счет. Воронежский епископ Тихон III послал двоих студентов в Москву слушать лекции как в академии, так и в университете; одним из этих студентов был знаменитый после наш ученый иерарх Евгений Болховитинов⁹⁰².

Надобно впрочем заметить, что подобных примеров было очень немного. Епархиальные начальства вполне довольствовались учителями, получившими образование только в лучших дух. заведениях, да кроме того находили светские заведения не совсем надежными для обучения своих семинаристов, потому что последние часто уходили из них в светскую службу; из опасения такой непроизводительной траты семинарского кошта и в предотвращение ущерба духовной службе архиереи, как мы это видели из письма Дамаскина нижегородского к м. Платону, не пускали в университет даже таких юношей, которые сами туда просились.

Из духовных заведений приготовлением кандидатов на учительские должности более всего ознаменовали себя заведения м. Платона, – московская академия и Троицкая семинария. Южнорусские школы, харьковский коллегиум и киевская академия, хотя по старой памяти все еще продолжали снабжать семинарии учителями, но уже далеко не в том количестве, как прежде, когда великорусские школы только лишь формировались под руководством малороссийских ученых. Во второй половине XVIII столетия киевская академия должна была уступить пальму ученого первенства не только своей младшей сопернице – академии московской, но и некоторым лучшим семинариям⁹⁰³. Число учеников ее заметно уменьшилось, особенно в высших классах, тогда как в московской академии возросло почти впятеро⁹⁰⁴. Вместе с академией высокой ученой репутацией пользовалась любимая и возвышенная Платоном Троицкая семинария. Архиереи наперерыв добивались его согласия на то, чтобы их лучшие студенты довершали свое образование в его заведениях, как самых лучших в России. Иногородные семинарии, по словам историка Троицкой семинарии, „считали себя счастливыми, если получали учителя из Троицкой семинарии, которая снабжала ими Тверь, Белгород, Псков, Кострому, Ярославль, Казань, Владимир, Калугу, Тулу и др. города”. Если иной семинарии почему-нибудь нельзя было раздобыться постоянным учителем из лавры, то вызывался оттуда учитель на время, на прим. на год, с тою целью, чтобы он сообщил по крайней мере

направление ходу учения, затем лавра вызывала его обратно к себе⁹⁰⁵. Всегда внимательный к делу духовной науки, Платон сам лично подбирал у себя состав академических и семинарских преподавателей, входил во все мелочи их службы, поощрял и направлял их труды и действительно довел свои школы до возможного в то время совершенства, так что они считались образцовыми и возбуждали самые лестные отзывы со всех сторон, даже за границей⁹⁰⁶. Второе место после Платоновых школ в деле приготовления семинарских учителей занимала семинария петербургская, особенно после того, как в 1788 г. переименована была в главную с прямым назначением готовить наставников для семинарий наравне с академиями. Для семинарий ближайших к Казани нередко доставляла учителей казанская семинария, особенно со времени управления казанскою епархией Амвросия Подобедова, когда по словам уже цитованного нами автора, она „не имела уже нужды заимствовать учителей из других мест, но по справедливости хвалилась, что могла другим их давать”. Наконец в 1798 г. произведено было известное разделение семинарий на четыре академических округа, причем св. Синод обязал епархиальных архиереев, – „избирая из семинарии своих лучших учеников, чрез два года, присылать их в окружные академии по два человека, так, чтобы когда прежде посланные поступят в богословию, другие поступали в философию, почему и будет из каждой семинарии обучаться в академии по четыре человека”⁹⁰⁷.

Архиереи охотно пользовались указанными средствами к образованию своих школьных учителей, вследствие чего во всех приспособленных к этой цели заведениях число иноепархиальных учеников всегда было значительно, даже еще раньше, чем посылка их туда объявлена была обязательною. Тем не менее впрочем в общей сложности оно, кажется, никогда не доходило до указной величины (по два с епархии) ни в петербургской главной семинарии, ни даже после 1798 г. в окружных академиях. Причиной этого была та же скудость материальных средств, которая парализовала все вообще попытки к улучшению дух. школ. И посылка таких студентов в

высшее заведение и содержание их там производились на счет самих же семинарий и стоили им весьма недешево. На казенное содержание студенты принимались только в семинарии петербургской, да еще некоторое время в Троицкой; в 1779 г. Платон заметил, что вследствие такой щедрости к чужим семинаристам семинария должна была стесняться в средствах помогать многим достойным воспитанникам своей собственной епархии и начал ограничивать прием их на бурсу, а в 1787 и 1789 гг. запретил вовсе⁹⁰⁸. При открытии окружных академий предполагалось было возложить на семинарии только расходы по проезду и обмундированию студентов, а дальнейшее содержание последних в течение академического курса предоставить самим академиям, но предположение это не приводилось в исполнение до 1807 г., когда св. Синод указом 7 марта постановил принимать на казенное содержание всех академических студентов, не исключая и иноепархиальных. Сумма, расходовавшаяся семинариями на каждого своего питомца в академии, простиралась обыкновенно до 60 р. в год, но по бедности семинарии могла спускаться и ниже этой цифры, – рублей до 40⁹⁰⁹. Мы знаем, что такие оклады были не из последних даже между самими учителями, и можем поэтому судить о тяжести их для семинарской экономии. Встречаем примеры, что, щадя скудость последней, епархиальные начальства для покрытия этого рода расходов принуждены бывали обращаться к тому же известному нам епархиальному источнику, который отвечал за все вообще нужды школьной братии, – к доходам от праздных церковных мест. Вот наприм. одна резолюция Димитрия смоленского (от 1805 г.) на просьбу двух смоленских учеников, учившихся в московской академии, о прибавке к скудному окладу на их содержание (получали по 40 р. в год): „студенты сии могут просить о предоставлении за ними священнических или диаконских мест, и доходами, получаемыми от оных вместе с ныне получаемым ими жалованием должны довольствоваться, не требуя ничего более от семинарии”⁹¹⁰. Таких студентов с предоставленными местами было довольно во всех академиях.

Понятно, что из какого-нибудь 2000-ного или даже и 4000-ного оклада платить ежегодно до 240 р. (за четверых студентов) для семинарии было весьма нелегко, и потому неудивительно, что из экономии они не всегда старались иметь при академиях полное число таких дорогих стипендиатов, посылали их реже и меньше надлежащего, а иногда вызывали обратно к себе еще до окончания их курса, чтобы поскорее воспользоваться их учительскою службою. Частый уход учителей по истечении каких-нибудь двух-трех лет со времени поступления на службу делал такое нарочитое приготовление их в высших заведениях, разумеется, еще более невыгодным и тяжелым. Архиереям правда удавалось иногда насильно удерживать их на службе⁹¹¹, но чаще всего приходилось только бесплодно сожалеть о потраченном на них коште, как не раз жаловался на это даже сам м. Платон, потому что, при многочисленных вызовах ученых людей на разного рода светские службы, удерживать их на бедных семинарских окладах духовным начальствам не было никакой возможности. Нередко бывало и так, что пославши куда-нибудь несколько своих студентов для приготовления к учительству, семинарии не успевали залучить их к себе обратно даже и на самое короткое время, потому что их разбирали к себе разные ведомства на службу прямо из академий, которые со всех сторон были осаждаемы вызовами студентов и, стараясь от этих вызовов отделаться повыгоднее для своих епархий, преимущественно отпускали от себя студентов иноепархиальных.

Вследствие всех этих обстоятельств, несмотря на все попечения высшей власти и епархиальных начальств, состав духовно-училищных преподавателей улучшался очень медленно и далеко не в той мере, как это предполагалось в начале училищных реформ при Екатерине. От начала 1790-х гг. до нас дошли весьма неблагоприятные отзывы о составе учителей даже в главной невской семинарии. Известный воспитанник ее И. И. Мартынов, явившись в нее для высшего образования из Полтавы, был неприятно разочарован преподаванием самых главных ее наставников. Один из них, иеромонах Павел, читавший философию, „был большой

схоластик и принадлежал к числу тех старых ученых, которые незнание свое прикрывали лишь латинским языком и важностью сана. Другой (архим. Иннокентий, читавший богословие) заикался и во весь двухгодичный курс был в классе не более 10 раз и, указывая на сочинение Феофана Прокоповича, состоящее из трех больших томов на латинском языке, довольствовался одною остротою: „сие море великое и пространное, но тамо гады, имже несть числа”⁹¹². Этот по крайней мере скоро был уволен и навсегда сошел с ученого поприща, но первый в 1792 г. сделан был префектом в московской академии. Другой воспитанник той же семинарии и того же времени, М. М. Сперанский рассказывал, что некоторых преподавателей вовсе не стоило слушать; был один такой, который или был пьян или трезвый проповедовал ученикам Вольтера и Дидро и которого Сперанскому беспрестанно приходилось заменять на уроках в частных домах⁹¹³. Можно судить по этим отзывам о том, как медленно должно было идти улучшение состава преподавателей в других менее видных и менее богатых семинариях, особенно же в низших школах.

К учительству в низших школах, а равно и в низших классах семинарий приглашались почти такие же лица, как и в прежнее время, большею частью из местных семинаристов, даже не кончивших курс. До позднейшего времени в самих академиях сохранялся обычай поручать преподавание в этих классах ученикам классов высших – богословия, философии и риторики, – это было самое обычное начало учительской карьеры и семинарских и академических преподавателей. Архиереи вроде м. Платона считали такое поручение преподавания ученикам лучшим способом к образованию из них опытных учителей и прибегали к нему всякий раз, как только замечали какого-нибудь даровитого воспитанника, на которого можно было рассчитывать впереди, как на хорошего учителя⁹¹⁴. Учителей с высшим образованием в этих низших школах и классах, по крайней мере до класса высшей грамматики, почти вовсе не видим за исключением разве столичных епархий. Да и в семинарских классах, начиная с пиитики, в более заметном числе они начинают являться уже не ранее, как после

учреждения окружных академий, в которые семинарии должны были посылать своих кандидатов на учительство обязательно. До этого времени вызовы учителей со стороны производились только в случаях какой-нибудь особенной в них надобности, напим. для открытия новых классов, для которых своих учителей в семинарии еще не было, или для того, чтобы дать новое лучшее направление ходу учения и т. п. С своей стороны академии и равнявшиеся с ними семинарии, дорожа своими все еще очень редкими тогда богословами, внимательно разбирали, в какую семинарию требуются новые учителя, в полную с богословским курсом, или неполную, и в семинарии первого рода посылали богословов, а в неполные старались назначать философов или риторов, даже иногда только на время, с обязательством, что по миновании в них надобности они снова воротятся в свое заведение для окончания курса⁹¹⁵. Подобного рода воздержность высших школ в рассылке своих студентов по чужим семинариям была одной из самых главных причин того, что при усилившейся потребности в хорошо подготовленных учителях епархиальные и семинарские начальства стали более прежнего заботиться о посылке в эти заведения своих собственных воспитанников, на которых в деле замещения учительских вакансий могли рассчитывать вернее, чем на чужих. Но, раздобывшись таким образом несколькими наиболее нужными учителями, без которых уже вовсе нельзя было обойтись, они обыкновенно прекращали свои заботы о подобных дорогих посылках учеников, иногда на очень долгое время, довольствуясь при замещении учительских кафедр молодыми талантами, которые успевали образовываться на месте, дома, под руководством прежде подготовленных учителей. Оттого в списках учителей разных семинарий, после первого же выпуска учеников, кончивших полный богословский курс, мы постоянно встречаем имена все местных уроженцев и воспитанников. Семинарии даже хвалились тем, что могли поддерживать свою науку своими собственными силами и „не имели нужды заимствовать учителей из других мест”. Так производилось замещение учительских вакансий до того самого времени, когда кончили курс первые воспитанники окружных

академий; с этого времени, т. о. уже с начала текущего столетия, учителя академисты стали умножаться по семинариям довольно быстро, прибывая чрез каждые два года по академическим выпускам. Понятно, что при таком составе учительских корпораций исключительно из местных воспитанников, без прилива новых элементов со стороны, наука той или другой частной семинарии должна была иногда подолгу вращаться в одном и том же кругу, намеченном для нее откуда-нибудь вызванными первыми заправителями ее.

В числе препятствий к улучшению состава учителей нельзя не указать еще на продолжавшееся доселе прежнее отсутствие в учительских занятиях всякой специальности. Каждый учитель по-старому должен был начинать свою службу с низшего класса и затем, по мере своих заслуг, более или менее быстро, но постепенно переводился в высшие классы. В качестве исключения из этого общего правила можно указать разве только на то, что некоторые более ученые люди из академистов в начале своей службы были определяемы не в самые низшие классы, а наприм. прямо в высшую грамматику и оставались здесь менее продолжительное время, так как начальство спешило воспользоваться их знаниями для преподавания более важных наук; но и из этих привилегированных учителей редкий не был преподавателем в низших классах еще во время своего собственного обучения в семинарии или академии. Распределение учителей по классам изменялось поэтому в начале каждого учебного года. Представляя архиерею программу занятий на предстоящий год, семинарское начальство обыкновенно вместе с ней представляло также именной список преподавателей с обозначением, кто из них в каком классе и что имеет преподавать, причем, если в семинарии открывалась какая-нибудь учительская вакансия, на нее представлялся следующей по порядку учитель, на его место следующий за ним и т. д. до низшего класса, а сюда рекомендовался уже новый кандидат на учительство. От заведенного порядка таких представлений и семинарские и епархиальные начальства отступали только разве из каких-нибудь особенных побуждений, которые сейчас же и объясняли,

чтобы не подать повода к обвинению в несправедливом пренебрежении к служебным заслугам не повышенных учителей. В 1803 г. в Туле умер учитель риторики; на место его следовало перевести учителя пиитики, но переведен был учитель высшей грамматики, так как учитель пиитики, как гласило определение консистории, оказался большим пиитой: „хотя по порядку и следовало на место умершего риторического класса учителя перевести поэзии учителя кафедрального протоиерея Василия Протопопова, но поскольку он протоиерей большую способность имеет в преподавании пиитической науки и с большею пользою может обучать тот пиитический класс: почему и оставить его протоиерея при той учительской должности, в риторический же класс учителем перевести высшего грамматического класса учителя Никиф. Четрековского, который к сему признается способным”. На это определение последовала такая резолюция архиерея: „поступить по сему; но кафедральному протоиерею, у коего отнюдь не отнимаем мы справедливости и преимущества, прибавить 25 р. к получаемому им годовому жалованью, тем паче, что поэзия, какой обучает он протоиерей, есть высшая риторика”⁹¹⁶. Подобные определения показывают, что на учительство в том или другом классе и теперь еще продолжали смотреть, как на служебную степень или чин. С ним соединялись известные служебные преимущества и известный оклад жалования. С служебно-административной точки зрения такая промоция учителей конечно имела немалое значение, служа довольно действительным средством к поощрению учителей и к удержанию их на службе, но с учебно-педагогической стороны представляла очевидные невыгоды, так как при постоянном практиковании ее семинарии могли иметь наставников все только начинающих и ни одного такого, который бы мог сделаться настоящим специалистом своего предмета и приобрести в преподавании его известную степень опытности.

К тем же результатам вели чрезвычайное обременение учителей классными занятиями и соединение в руках одного преподавателя нескольких предметов враз. Число учителей против прежнего времени увеличилось, так что уже в редкой

семинарии видим их менее 7, а под конец описываемого времени, когда в семинариях введено было преподавание медицины и открыты русские школы, менее 9 человек, но зато увеличилось и число преподаваемых предметов, так что в конце концов каждый преподаватель имел занятий несколько не менее, чем в прежнее время, когда учителя, по сознанию самих епархиальных начальств, пребывали „в невыносных трудах”. По известным нам расписаниям классов учение ежедневно начиналось с 8, а для низших классов с 7 часов утра и шло до 12–11, затем после обеда продолжалось с 2 часов до 4, за исключением суббот, вторников и четвергов, когда общего учения после обеда не полагалось, а назначались экстраординарные классы, наприим. классы медицины, необязательных новых языков и т. п. Учителя главных предметов должны были преподавать их каждый день по 2 (богословию и философию) и даже по 4 часа (риторику и латинскую грамматику), кроме того посвящать по несколько часов в неделю на практические классные же упражнения учеников (в проповедях, разборе диссертаций, в сочинениях и переводах.). Для второстепенных предметов назначалось по 2–3 двухчасовых уроков в неделю. Но так как большая часть этих предметов преподавалась теми же наставниками предметов главных, то и выходило, что эти наставники должны были проводить в классах, чуть не все учебные часы ежедневно, обучая семинарское юношество самым разнообразным наукам и языкам, которые им и самим мудрено было изучить по недостатку времени. Представляем пример из сохранившихся до нас известий по учительской деятельности в Воронеже Евгения Болховитинова. Когда он был учителем риторики с 1789 г., он имел уроки ежедневно с $\frac{3}{4}$ 8 до 10 ч. утра по системе риторики, потом после обеда ежедневно, кроме субботы, от $\frac{3}{4}$ 2 до 4 часов знакомил учеников с образцами красноречия чрез чтение лучших авторов, разбор их и опыты подражания избранным отрывкам, кроме того в „отдохновенное время” занимался чтением и разбором ученических сочинений, – по одному в две недели. Вместе с риторикой он преподавал еще французский язык, уроки которого были тоже ежедневно от 10

до 11 часа. В 1790 г. его перевели с риторики на богословию с поручением некоторое время читать и философию. Уроки богословские преподавались им каждый день, кроме субботы, от 8 до 10 ч. и после обеда, кроме среды и субботы, от 2 до 4; в субботу утренние часы посвящались богословским диспутам, которыми руководил он же. Философские уроки занимали вероятно столько же времени. Сочинений по тому и другому предмету было по 2 в месяц. В 1797 г. на богословию определен был новый учитель, ректор семинарии игумен Иустин; после этого Болховитинову поручено было преподавать св. Писание, церковную историю и греческий язык; толкование св. Писания производилось им по четвергам и пятницам по 2 часа после обеда, церковная история читалась в течении 11 и 12 ч. утра в среду и 3–5 в понедельник и вторник после обеда, греческие же классы были ежедневно, кроме среды и субботы, после же обеда от 4 до 6 часа; кроме того он в то же время был префектом,... и за все это получал жалования 250 р. в год.⁹¹⁷

Из той же биографии Евгения, в которой находятся эти сведения, можно видеть и то, какими затруднениями сопровождалось замещение подобных многосложных кафедр, когда они делались вакантными. В 1784 г. умер от чахотки учитель философии иеромонах Палладий. Архиерей Тихон решился вызвать на его место одного прежнего учителя, Стеф. Товарищенкова, бывшего тогда уже протоиереем в слободе Белогорье. Но Товарищенков нашел для себя такое назначение невыгодным и архиерей не иначе мог его уломать, как только дозволив ему преподавать философию в самой слободе, куда для слушания его переведены были из семинарии и все философы. В том же году по указу Синода пришлось открывать в семинарии новый класс, греческий, потребовавший нового учителя. Выбор архиерея остановился на единственном знатоке этого языка в епархии, лебедянском иеромонахе Транквиллине, который прежде преподавал в семинарии риторику, а теперь жил на покое. Преосв. Тихон перевел его в воронежский Акатов монастырь, в этом же монастыре открыл при нем и греческий класс. Таким образом вся семинария распалась на три части, один класс ее был в Белогорье, другой в Акатовом монастыре,

остальные на своем месте при архиерейском доме. Такие затруднения при замещении учительских вакансий были тогда едва ли не главным поводом к упомянутой нами посылке двоих воронежских учеников в Москву для приготовления к учительству⁹¹⁸.

Особенно трудно было приискывать кандидатов на высшие школьные должности ректора и префекта, соединявшиеся обыкновенно с учительством в богословском и философском классах и требовавшие от кандидатов монашеского сана. Мы видели, что в 1750-х гг. малорусские ученые и иерархи успели уже крепко утвердить господство ученых монахов во всех дух. школах. Господство это не поколебалось и во второй половине XVIII столетия, несмотря на то, что дух нового времени вообще был далеко не в пользу монашества. Отбирая в казну монастырские вотчины и во множестве закрывая самые монастыри, правительство держалось весьма благосклонно в отношении к монахам ученым, охотно давало им разные привилегии и отличия пред другими монахами и перед белым духовенством, утверждало за ними монополию на все высшие иерархические посты и настоятельские должности по монастырям⁹¹⁹ и во всех случаях смотрело на них, как на исключение между другими монахами. Штатное жалование по учебной службе и жизнь вне монастырей при школах сами по себе освобождали их от всех требований монашеского общежития; кроме того в 1766 г. был издан особый указ, подтверждавшийся потом несколько раз, которым (в отмену прежних указов) за монашествующими властями или, что почти одно и то же, за монахами из ученых признавалось право духовных завещания, т. е. утверждалось право частной собственности⁹²⁰. Так создавался совершенно особый привилегированный класс монашества, нечто в роде особого ордена, для которого общие монашеские обеты составляли только внешнюю форму, а главное, существенное заключалось в его специальном ученом и административном назначении и который занял такое же монопольно-господственное положение и в иерархии и в духовно-учебном ведомстве, какое в первой половине XVIII столетия занимали монахи-черкасы. Но как ни

милостиво было к ученым монахам правительство, как ни крепко они держались за свое господство в дух. школах, число их было далеко недостаточно для замещения всех школьных вакансий, по принятому порядку требовавших именно этого рода кандидатов, и кроме того год от году все убывало, несмотря на все усилия к восполнению его со стороны разных ревнителей ученого монашества из иерархов. Удар, нанесенный монашеству в 1760-х годах, не мог не отразиться и на монашестве ученом, как последнее ни ограждалось от него своими привилегиями.

Более всех иерархов поддержанию и усилению ученого монашества содействовал м. Платон, который сам был полным его представителем. Еще будучи ректором семинарии, на вопрос императрицы, зачем он пошел в монахи, он высказался, что „избрал монашескую жизнь по особой любви к просвещению“. В тех же видах духовно-учебной пользы, замечает по этому поводу автор Истории Троицкой семинарии, делал он внушения о пострижении и учителям семинарии. Жизнь эта очевидно оценивалась им не столько с ее наиболее существенной, нравственной стороны, сколько со стороны ее удобств для научных занятий; понятно, что и призвание к ней распознавалось не столько по желанию и способности человека вместить сопряженные с ней нравственные обеты, сколько по его склонности и способности к занятиям научным, – оттого, заметив за каким-нибудь учителем или студентом качества нужные для ученой карьеры и сколько-нибудь сносное поведение, митрополит, уже не сумнясь, после этого предлагал ему монашество, даже в очень решительном тоне, тогда как менее талантливым студентам иногда сам отказывал в просьбе о пострижении, хотя бы они отличались удовлетворительными для монашества нравственными качествами. Начало его деятельности в этом роде относится еще к тому времени, когда известная нам борьба великорусской партии духовенства с малороссийскою была в самом разгаре и пострижение молодых людей из ученых великоруссов производилось с самой усиленной энергией, направляясь между прочим к практической цели усиления великорусской партии ученого монашества. В

1762 г. при его ректорстве в Троицкой семинарии не было ни одного учителя не монаха. С тех пор он постоянно оставался верен своему убеждению в высоком призвании ученого иночества и старался усердно увеличивать число его членов, пользуясь для того всеми средствами своего влияния и власти. При назначении кандидатов на учительские должности он всегда отдавал предпочтение тем, которые изъявляли желание принять пострижение, и поощрял таких своим особенным вниманием и наградами. Наставник, подавший прошение о пострижении, немедленно переводим был в высший класс и на высший сравнительно с другими наставниками оклад жалования. Лучшие студенты склоняемы были к монашеству еще в течение своего курса и, разумеется, редко могли устоять против большею частью весьма сильных настояний митрополита или действовавшего по его распоряжению своего школьного начальства⁹²¹. Это привлечение к иночеству лучших сил духовного юношества, производившееся с большой энергией и в больших размерах и в академии и в Троицкой семинарии во все время управления Платона московскою кафедрою, составляло поэтому весьма важный интерес в жизни этих заведений, а так как эти же заведения были главными рассадниками учителей и для других школ, то получило кроме того интерес, можно сказать, всероссийский. Москва стала теперь таким же рассадником ученого иночества, каким прежде был до этого Киев.

Митрополит мог справедливо гордиться успехами в достижении цели своих заветных стремлений; он видел, как сыны и сыны сынов его по пострижению непрерывной вереницей выходили один за другим из его любимых школ и расходились по всей России, занимая важнейшие учебные и иерархические посты и всюду пронося просветительное влияние школ московских⁹²². Указывая на эти школы и на воспитавшуюся в них дружину своих монахов-платоников, он писал м. Амвросию в 1805 г. пред самым временем общей духовно-учебной реформы: „Об училищах нужно рассуждать не по учреждениям, а по успехам. Успех хорош, то видно и учреждение хорошо. Что на молодых смотреть? Мы старики, да

в сем деле, кажется, и довольно опытные. Вот Мефодий, Августин, Амвросий et cetera. Дай Бог, чтоб так и впредь выходили”⁹²³. Но с другой стороны он не мог не сознавать и того, что эта сформированная им дружина ученых иноков еще слишком мала для полного упрочения господства монашества не только во всем духовно-учебном ведомстве, но даже и в самих московских школах, а между тем число принимавших пострижение становилось с каждым курсом все меньше и меньше, и школьным властям, занимавшимся вербованием новых кандидатов ученого иночества, приходилось все чаще и чаще обращаться для этого к тем неблагоприятным побудительным мерам, о которых до нас сохранились предания.⁹²⁴ Еще в 1766 г. от монашества отказался сам префект лаврской семинарии Ильинский, – этого мало, – не пожелал даже быть посвященным в стихарь, а прямо причислился к светскому званию в чине титулярного советника, и Платон все-таки целых 10 лет должен был терпеть его на префектуре, пока не явился ему достойный преемник из монахов (Амвросий Серебrenиков)⁹²⁵. После этого уже нечего было и думать о возвращении того времени, когда в той же семинарии не только префект, но и учителя все были монахи. Под конец описываемого времени Платон уже с беспокойством жаловался Амвросию, что ему самому негде было брать монахов на учительство. В других епархиях, кроме разве петербургской, пострижение кончивших школьный курс было вообще очень редко. Даже сама киевская академия стала оскудевать преподобиями, особенно с тех пор, как в Малороссии введены были штаты и общие с великорусскими церковные порядки.

При таком недостатке ученого монашества его монополия на высшие семинарские должности и кафедры не могла не повести к ощутительным затруднениям, весьма вредным для учебно-педагогического дела, так как архиереям постоянно приходилось или оставлять эти должности и кафедры вакантными, поручая исполнение сопряженных с ними обязанностей другим лицам школьных корпораций, или замещать их разными монахами, бывшими в их распоряжении,

далеко не из лучших людей на духовно-училищной службе. Мы уже знаем наприим. отзывы современников о монашествующих преподавателях в главной (петербургской) семинарии, считавшейся образцовой и притом имевшей в своем распоряжении несравненно более широкий выбор монашествующих кандидатов на должности, чем какая-нибудь другая семинария, так как, кроме своих она могла получать ученых монахов еще со стороны, по вызову из других епархий. Должность префектовскую монашество так и не смогло удержать исключительно в одних собственных руках, будучи нередко вынуждаемо обстоятельствами предоставлять ее ученым лицам из белого духовенства и даже учителям светским. Последние попадали в префекты даже в таких семинариях, которые считались первостепенными и приравнивались к академиям, как наприим. в Троицкой семинарии упомянутый префект Ильинский, в казанской – Иван Стефанович (1766–1775 г.) и Кодрат Орлов (1790–1795), в петербургской – Сперанский (1795–1796). Духовное начальство всегда впрочем старалось показать, что такие случаи светской префектуры допускаются им только в качестве исключения из общего правила, по нужде, заставляющей пременять закон. С светских префектов раньше допущения их к должности старались по крайней мере взять заверение о их склонности к монашеству и желании со временем принять оное. Если был в семинарии уже готовый монах, префектура непременно вручалась ему помимо всех других кандидатов, хотя бы даже против принятого порядка служебной промоции. Так, в 1785 г. префект Троицкой семинарии Мефодий возведен был в ректоры; на его место по порядку следовало перевести учителя риторики И. Рижского, который был известен, как один из лучших тогда учителей (после он был ректором харьковского университета) и мог считаться вполне достойным этой промоции, но так как он был человек светского звания, то и получил после Мефодия одну учительскую должность по философской кафедре, соединявшуюся с префектурой, а префектом, сделан был только что постригшийся в монахи учитель греческого языка Илиодор, младший по службе. В

псковской семинарии в 1784 г. поставлен был префектом некто игумен Адриан; через 2 года его выгнали из семинарии за дурное поведение, но недовольства монахов так была велика, что, при желании начальства иметь префектом непременно монаха, в 1791 г. мы опять видим его в той же должности⁹²⁶.

Должность ректора уже исключительно была монашескою, так что для учителей светских и из белого духовенства, как бы они ни были талантливы и благонадежны, префектура была уже самой последней ступенью служебных промоций, дальше которой их не пускали. Звание префекта оставалось за ними и в тех случаях, когда за неимением ректоров они становились во главе семинарии и управляли ими на правах совершенно ректорских. Таковы были префекты разных семинарий в первое время существования последних, когда ректуры по новости еще не отличались в них надлежащим постоянством: в костромской семинарии И. И. Красовский, начавший свое управление семинарией (1771 г.) еще в светском звании, потом (в 1773 г.) получивший сан протоиерея; в словенской семинарии полтавский протоиерей Иоаким Яновский (с 1780 г.) и другой протоиерей Иоанн Балашинский (с 1798 г.), при котором эта семинария переведена в Новомиргород; в нижегородской протоиерей Григорий Катунцевский (1778–1794), четвертый правитель уже по учреждении ректуры⁹²⁷, и другие, управлявшие разными семинариями еще до открытия в них ректур. Вследствие особого доверия архиереев к монахам встречаем даже примеры монашеских ректур фиктивного характера, какие бывали в прежнее время, когда управление семинариями вверялось совершенно чуждым для них людям из епархиальных сановников, даже из неученых. При Тихоне III таким ректором в воронежской семинарии был архимандрит Акатова монастыря, хотя действительное управление семинарскими делами все лежало на префекте и ректору совершенно нечего было в ней делать. В 1797 г. архимандритом сделанся Иустин и первый из ректоров взял на себя труд преподавания богословия; но в управление семинарией за отдаленностью ее от монастыря не вступался и он, ведая один только свой богословский класс, так что семинария и при нем

продолжала жить сама по себе, с одним своим префектом, а ректор с своими богословами составлял что-то вроде особой семинарии. Надобно при этом заметить, что префектом тогда был такой человек, который целых 10 лет был настоящей душою всей семинарии, был известен с наилучшей стороны и по ученой и по административной деятельности, и при котором в такой фиктивной ректуре не было решительно никакой надобности, – это был протоиерей Болховитинов (после м. Евгений)⁹²⁸. В тульской семинарии в первое время по переводе из Коломны также номинально ректорствовал архим. Галактион, известный только своею опытностью в строительном деле, для которого собственно и вызван был из Коломны; после него она 6 лет оставалась вовсе без ректора, а потом в 1807 г. получила нового такого же ректора, архим. Киприана. Между тем в тогдашнем составе ее учителей были такие духовные лица, из которых любое могло достойно занять ректорскую должность и без архим. Киприана, – это были: префект протоиерей И. Покровский, достойный товарищ по петербургской семинарии Сперанского, Феофилакта Русанова, Мартынова и друг., кафедральный протоиерей В. Протопопов, из воспитанников и учителей московской академии, поэт и известный в Туле проповедник, и третий, читавший за ректора богословие, священник Ненарокомов, из воспитанников той же академии, ревностный труженик науки, пользовавшийся необыкновенным уважением учеников за деликатное с ними обращение.⁹²⁹ Так было в семинариях центральных, находившихся вблизи академии. В семинариях отдаленных встречалось, разумеется, еще больше затруднений в достойном замещении ректур монахами. В иркутской семинарии ректура открылась уже в 1802 г. и первыми ректорами были: известный своею ученостью и вместе своими слабостями синолог Иакинф Бичурин, вскоре уволенный от должности по высочайшему повелению с запрещением священнослужения, потом архим. Аполлон, наивный простака, которого обманывали все ученики, вовсе не занимавшийся делами; управление семинарией только и держалось трудами умных и деятельных префектов, М. Суханова (в монаш. Иннокентия) и протоиерея П. Лавровского,

из местных воспитанников, доучивавшихся в петербургской академии⁹³⁰. С конца XVIII столетия по местам стали было наконец являться ректоры и из белого духовенства, из местных протоиереев, каковы были ректоры семинарии переяславской Феодор Домонтович, белгородской Иоанн Савченко, харьковской Андрей Прокопович и тамбовской Гавр. Шиловский, но старая монашеская монополия крепко боролась против такого новшества и успела отстоять себя даже после комитета 1808 г., который уже общим правилом положил назначать на ректуры достойных лиц как из черного, так и из белого духовенства совершенно одинаково.

Само собою понятно, что все перечисленные нами препятствия к улучшению личного состава школьной администрации и учительских корпораций должны были иметь весьма неблагоприятное влияние и на улучшения по учебно-воспитательной части. Улучшения эти повсюду производились очень медленно, с долгими остановками и перерывами. Всякий раз, как только вводилось по этой части что-нибудь новое, главным заправителям школ, епархиальным архиереям, прежде всего приходилось жаловаться на то, что им не кем взяться, что прежде, чем приступить к затеянному делу, нужно еще откуда-нибудь добывать, а то и самим образовывать годных для него людей. А между тем новое просветительное движение Екатерининского века, захватив собою духовные школы, потребовало для них такой всесторонней реформы, которая для своего осуществления нуждалась в громадном числе рабочих сил не только на высших, но и на самых низших постах духовно-училищной службы, сил при том же совершенно новых и по своему развитию, как можно ближе подходящих к уровню чрезвычайно высоких современных требований. Очень неудивительно, что между этими требованиями, разными начальственными распоряжениями и школьными инструкциями, содержащими в себе самую, так сказать, теорию предпринимавшейся школьной реформы, и между их практическим осуществлением в самой школьной жизни в течение всего описываемого времени существовал до того малопримиримый разрыв, что почти порознь приходится вести и

самое изучение той и другой стороны дела. Нельзя впрочем не заметить, что такая же разладица между теорией и практикой, словом и делом, предприятием и исполнением составляла господствовавшую черту и всей вообще жизни того века, задававшей постоянно самыми высокими задачами, но не имевшей в себе ни подготовки, ни сил к их разрешению, так что духовно-учебное ведомство в этом отношении не представляло собою ничего особенного.

Самая теория, идеи и требования новых школьных реформ в духовном ведомстве были встречены с большим сочувствием и усвоены быстро, так как в среде главных заправителей духовного образования нашли для себя хорошо подготовленную почву. Время торжественного провозглашения их самим правительством как раз совпало с тем важным в истории дух. образования и в истории самой иерархии временем, когда знакомая нам борьба великорусской партии духовенства с малорусскою склонялась уже к концу в пользу первой и на важнейшие посты на иерархической и учебной службе, при содействии самого правительства, один за другим стали выступать ученые люди из известной нам дружины великорусских монахов, которая, как мы видели, начала формироваться еще в царствование Елизаветы. Недовольная устарелыми убеждениями и клерикальными замашками черкас, Екатерина с большим вниманием отнеслась к этим новым силам в среде образованного духовенства и с самого же начала своего царствования стала пользоваться ими, как лучшими орудиями для выполнения своих предначертаний относительно духовного ведомства. Это были все люди свежие, хотя и воспитанные под ферулой черкас, но не имевшие за душой тех застарелых киевских преданий, которые имели последние и которые могли быть самым неприятным тормозом в ходе церковных реформ, способные к усвоению всего нового и живого и готовые со всем усердием и искренностью служить власти, которая впервые их возвышала из недавнего приниженного их положения. Самая реакция их против черкас, в которой каждый из них лично участвовал еще со школьной скамьи, должна была тесно сближать их в воззрениях на

школьное дело с проповедниками новой системы образования, потому что система, какой в свое время держались черкасы, была едва ли не самым типическим выражением тех устарелых педагогических понятий, против которых эти проповедники полемизировали и в противоположность которым развивали все основные правила своей новой системы. Поэтому, как только вопрос о преобразовании дух. школ поднялся и правительство для решения его потребовало у духовных властей предварительных соображений, соображения эти, представленные в проекте комиссии 1765 г., явились ни чем иным, как самым близким и почти цельным приложением к жизни дух. школ тех самых идей, какие именно и проповедовала новая система. Те же самые идеи в большей или меньшей полноте проводились затем в разных местных распоряжениях по устройству дух. школ и разного рода школьных инструкциях, какие выдавались в течение второй половины XVIII в. наиболее образованными и передовыми лицами из епархиальных архиереев.

Всего симпатичнее были встречены в духовно-учебном ведомстве те положения новой системы образования, которые касались в частности школьного воспитания. Учебная часть дух. школ казалась сравнительно еще более удовлетворительною и новые общеобразовательные требования прилагались к ней с значительными ограничениями, направлявшимися главным образом к тому, чтобы при всех переменах и прибавлениях в семинарском курсе в интересах общего образования, непременно сохранить и его прежний сословно-профессиональный характер, признаваемый необходимым в интересах церковной службы. Воспитательная же часть могла подчиниться новым педагогическим требованиям почти в полном и чистом их виде, тем более что прежний строй ее, какой она имела во время сурового господства черкас, давно уже составлял самое больное место в жизни дух. школ и был в ней самым главным возбудителем и поддержкой противочеркасской реакции. С другой стороны и сама новая педагогика ставила учебную часть несколько в тени, на втором плане, и преимущественно останавливалась на „правилах

воспитания”, которое считала главным средством к достижению своей высокой цели, – „создания новой породы людей”. О правилах этих столько говорилось и официально, – сначала в Наказе императрицы, затем в многочисленных распоряжениях правительства и в известных докладах стоявшего во главе воспитательных реформ И. И. Бецкого, и неофициально, – в литературных произведениях, писавшихся впрочем тоже по мыслям правительства, и в сочинениях самой Екатерины, что предмет этот исчерпан был, можно сказать, во всех своих подробностях и не усвоить так энергично внушаемых современных понятий о нем было почти невозможно.

Внешняя сторона школьного воспитания оставалась почти неизменною во всем духовно-учебном ведомстве: повсюду оставался тот же личный состав школьной инспекции, – префекты, инспекторы, сеньоры, эфоры, цензоры и т. п.; повсюду также поддерживался замкнутый строй училищных общежитий, который впрочем был совершенно согласен и с новыми педагогическими понятиями, в видах создания новой породы людей стоявшими тоже за закрытые учебные заведения; наконец повсюду оставались действующими и прежние дисциплинарные правила для учеников касательно распределения времени на молитву, занятия, прием пищи, забавы и отдых, касательно внешних отношений их к разным высшим лицам школьной корпорации и между собой, отлучек из комнат, отпусков из заведения на вакат и т. д. Некоторые новые инструкции для семинарии, наприм. инструкции м. Платона, развивают эти правила даже еще с большею подробностью и, можно сказать, мелочностью, чем прежние⁹³¹. Но во все эти, по-видимому вовсе не изменившиеся внешние формы новые инструкции старались вдохнуть совершенно новый дух, придававший им уже иное значение, не самостоятельное и безусловное, какое они имели при прежнем исключительно-дисциплинарном и юридическом воззрении на дело школьного воспитания, а значение, вспомогательное для достижения главной задачи воспитания, – гуманного развития воспитанников. Школа при этом представлялась действительно школою, а не прежним подражанием обществу гражданскому,

члены которого связывались между собою только известными правилами официальной субординации и дисциплины и в котором мы видели прежде не воспитателей и воспитанников, а только командиров и подкомандных. Вместе с этим необходимо потребовалось смягчение всех школьных отношений и нравов. Ученические общежития по этим требованиям не должны были походить на старые бурсы „образом монастыря” с „стужительным и заключению пленническому подобным житием”, а должны были организоваться наподобие больших семейств, в которых учителя и надзиратели занимали бы место отцов и основывали свое значение между учениками не на страхе суровых юридических и дисциплинарных кар, а на началах любви и своего нравственного авторитета.

„Учитель обязан, гласит одна инструкция, по состоянию своему заступить у учеников место родителей, и потому чем менее сами родители вспомоществуют в наставлении детей своих, тем более трудиться есть долг учительский”. Оттого он должен „поступать со всеми учениками отечески, т. е. ласково и любовно. Он должен им дать приметить, что ему приятно, когда они прилежны и в школу все часто приходят, и что он их любит. Приняв на себя чувство и поступки чадолюбивого отца, учитель должен быть ласков, не должен быть никогда угрюмым, сердитым и вспыльчивым. Паче же всего не должен он опускать ласкового уговаривания, которое почасту имеет великое действие, что напоминание тех охотно следуем, коих любим и уважаем.” А для того, чтобы приобрести такое уважение учеников и возможность действовать на них своим личным нравственным авторитетом, он прежде всего сам должен быть человеком добрым и честным и „избегать всего того, что хотя малым худым казаться может, особливо пред детьми, для того, что дети станут ему подражать” и проч.⁹³². Затем, как призванный руководить своих питомцев на пути нравственного, гуманного развития, он должен внимательно изучать их способности и склонности и действовать, сообразно с своими наблюдениями над ними, на одних такими средствами, на других другими, во всех случаях поступая с терпением и руководясь отеческою любовью к вверенным ему ученикам⁹³³.

Относительно поведения учеников школьные инструкции уже не ограничивались одними дисциплинарными требованиями порядка и сословного приличия, а старались держаться в своих предписаниях на точке зрения общечеловеческой морали и общепринятых правил внешнего благоповедения. Не пересказывая всего содержания их, укажем на более характерные и современные их черты. Новая педагогика стремилась основаться на естественных требованиях самой детской природы и воспользоваться для целей воспитания естественными благородными инстинктами детей, их чувствами чести и стыда. Школьные инструкции духовных начальств, не оставляя своего всегдашнего религиозного характера, воспользовались этой чертой новых педагогических требований. В них говорилось уже не столько о смирении учеников, сколько о чести и благородстве. Одна инструкция Платона прямо предписывала „стараться вперять в учеников благородное честолюбие, которым бы они, яко пружиною, были управляемы в поступках”⁹³⁴. Пружиною этою советовалось пользоваться и в мерах поощрения учеников благонравных и в мерах исправления неблагонравных. Такое возбуждение в духовных воспитанниках сознания своего собственного достоинства было весьма важно в тогдашнее время и в сословных видах, в видах крайней необходимости поднять духовенство из его унижения в обществе, которую вполне сознавали просвещенные иерархи того времени вроде м. Платона, внушавшего и дух. лицам тоже руководиться правилами благородного честолюбия и держаться с „осанкою”⁹³⁵. Чтобы с самого детства приучить будущего пастыря церкви к этой сановитости и благородству в мыслях и поступках, училищные педагоги должны были удерживать их от всех грубых пороков, занятий, увеселений и речей, свойственных необразованным и „подлым” людям, а „подавать им материи к разговорам и другому упражнению приличные их состоянию и благородные”, наблюдать, чтобы и с высшими себя, и с равными своими товарищами, они держали себя тоже благородно и вежливо, удалялись от неблагопристойных собраний и знакомств с низкими и дурными людьми, стараясь заводить знакомства только между людьми благородными и

честными, сохраняли благородную благопристойность в самых играх и т. п. В некоторых инструкциях находим подробные наставления, как учить воспитанников правилам внешнего поведения, чтобы они могли являться в „виде отличном от простолюдинов“, как они должны были держаться „пред учителем, також пред родители своими, пред сторонними людьми, особливо пред почетными светскими и духовными особами, как подходить под благословение, как оного просить, как и на коликую стацию отступить, как смотреть на его, на запросы отвечать, как держать руки, шляпу и как всего себя порядочно и вежливо представлять“, равно „как сидеть в столу, как порядочно иметь пред собою тарелку, ложку, нож и прочее, как дружке с дружкой тогда обращаться или что подать“. Замечательно правило одной из Платоновских инструкций о сближении учеников с учителями, требовавшее, чтобы „господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имели почасту при учениках, а особливо в часы общих гуляний, от чего могут сии последние научиться лучшему между людьми обхождению и пристойной смелости“, а также освободиться от своей „дикости“⁹³⁶. С тою же целью начальства поощряли знакомства семинаристов с благородными светскими людьми, для чего между прочим служило введение в семинарские курсы изучение французского языка, который тогда господствовал в образованном обществе, и занятие благородными искусствами, преимущественно музыкой. По семинариям, кроме певческих хоров, заводились целые оркестры музыки, услаждавшие семинаристов во время праздничной свободы от занятий и придававшие немало торжественности и привлекательности разным актам и диспутам, на которые в семинарии собиралась публика. Оркестры эти играли не одни духовные, но и светские пьесы, увертюры, марши, польки, экоссесы, вальсы, минуэты и русские песни⁹³⁷.

При имп. Павле, по случаю некоторых беспорядков в духовенстве, духовно-учебные заведения подверглись большим строгостям, о которых мы отчасти уже говорили; в них усилена была дисциплина и начался строгий разбор учеников более слабых по поведению, кончившийся для многих из них

исключением из заведения и даже отдачею в солдаты. Но общий характер школьных требований не изменялся и среди этих строгостей. Само правительство, особенно заботившееся в это время о возвышении духовенства, о том, чтобы оно „имело образ и состояние важности сана своего соответственные“, и освободившее его в этих видах от унижительных для него телесных наказаний и от занятий земледелием, в отношении к воспитанникам дух. школ тоже настаивало, чтобы в них насаждаемо было наипаче благонравие и пуще всего искореняемы унижительные и грубые пороки буйства, пьянства, обмана и ябеды⁹³⁸.

О мерах поощрения хороших учеников инструкции не распространялись, так как эти меры, состоявшие в частных и публичных похвалах от начальства, в разных подарках, в повышении по спискам, в назначениях на должности сеньоров и нотаторов, в предоставлении церковных мест, были одни и те же и не требовали особых указаний, но зато очень много говорилось в них о мерах взыскания с учеников за проступки, потому что в этом пункте старая и новая педагогика расходились между собою больше всего. Последняя совершенно отрицала прежний юридический и карательный характер этих мер и придавала им значение только исправительное. „Наказания, объясняет инструкция владимирской семинарии 1782 г., суть зло, определенное преступлениям правил для учащихся. Учитель должен при наказывании учеников иметь единое токмо исправление учеников”⁹³⁹, а потому и в выборе наказаний ограничиваться только такими, которые могут производить влияние именно нравственное, а не увлекаться неприложимыми к нравственному воспитанию детей идеями грубого юридического возмездия. Инструкции Платона предписывали исправлять учеников „более моральным образом“, „усмирять по рассуждению постыжением“ и обращением к их „благородному честолобию“ и вообще вести дело воспитания так, чтобы они исполняли свои обязанности „не токмо за гнев, но и за совесть“. Поэтому на первом плане в деле воспитания поставлялись обыкновенно увещания, которые, по определению указанной владимирской инструкции, „суть дружественные

предостережения” учеников, напоминающие „наблюдение их должности, если они оную преступили или хотят преступить”. Правила этой замечательной инструкции подробно указывают, как учитель должен влиять на учеников с разными характерами и в разных душевных их состояниях, напим.: „во время действия в них страстей не должен он ни наказывать, ни увещавать их, но когда волнение их утихнет и ученик придет в состояние сам собою подумать, тогда уже учитель должен представить ему худые следствия упрямства его или злости”. К наказаниям дозволялось приступать уже после истощения увещательных попыток к исправлению ученика и употреблять их с известною постепенностью. К ним причислялись: лишение приятных вещей, стояние в школе у порога с книгами и шапкой в руках, выпуск из класса после всех товарищей, запись в журнал, словесный выговор, голодный стол, подавание кушания в столовой, понижение в списке, заключение в карцер, перевод в низший класс, лишение казенного содержания или предоставленного места и т. д. Самым крайним наказанием считалось исключение из заведения. Наказания унижительные, „посрамление и честь трогающие устыжения, как то: уши ослиные, название скотины, осла и т. п.,” воспрещались, равно как и наказания телесные: ремни, палки, линейки, розги, пощечины, кулаки, дранье за волосы и за уши и т. п. Сечение розгами, кроме самих ректоров, дозволялось еще только префектам, для исправления учеников низших классов, и то лишь за большие вины и с согласия ректорского, „дабы сечением не приводить детей в ожесточение”⁹⁴⁰. Мы впрочем видели, что в случае распоряжения самого архиерея от сечения не освобождались и богословы. Зато в некоторых семинариях телесные наказания были вовсе запрещаемы. В 1800 г., несмотря на то, что в это время везде усилены были строгости в надзоре за учениками, преосв. Ксенофонт владимирский распорядился во всех классах своей семинарии сделать надписи: *poena corporalis prohibetur*, и затем энергично поддерживал силу этого безусловного запрещения в течение всего своего управления владимирской епархией⁹⁴¹.

Само собою разумеется, что самая практика школьной педагогики была весьма далека от полного осуществления того, что внушалось инструкциями, и все еще продолжала отзываться старым духом грубого командирства и суровой дисциплинарности; но важно было и то, что новые педагогические идеи были высказаны, поставлены в качестве существенных требований нового строя дух. школ и действительно приняты в руководство по крайней мере главными, передовыми деятелями на поприще дух. образования, занимавшими высшие иерархические и ученые посты и имевшими поэтому полную возможность поддерживать силу новых требований своею властью и своим постоянным надзором над школьными нравами. Благодаря этой поддержке, особенно со стороны архиереев из славной своими талантами дружины великорусских ученых монахов, духовная школа времен Екатерины становилась уже далеко не похожа на прежнюю духовную школу первой половины XVIII столетия.

Перемена в школьных отношениях прежде всего заметно повлияла на положение самих учителей, которое при новых педагогических взглядах на их значение настоятельно потребовалось возвысить. С официальной, юридической стороны оно, как мы замечали, не изменилось, осталось также неизменно и бесправно в отношениях к властям, как и прежде, но сами власти стали теперь смотреть на звание учителя с большим уважением и притом безотносительно к официальному положению носившего его лица по службе церковной, по крайней мере стали сдерживаться в своих отношениях к учителям от прежних нередко возмутительных проявлений грубого командирства. Конечно, весьма много значило здесь то, что люди, мало-мальски удовлетворявшие современным требованиям учительского звания, отыскивались и удерживались на своей службе не без труда; так как своими материальными выгодами служба эта, по словам Платона, мало привлекала к себе охотников, то по неволе приходилось привлекать их к ней по крайней мере лаской. Но с другой стороны и само командирство, очень естественное при прежней дисциплинарно-юридической постановке школьного дела

становилось совсем неуместным при постановке его педагогической, требовавшей в отношениях между его приставниками не одной дисциплины и субординации, а главным образом внутреннего, нравственного соединения между собой в общем служении взаимного согласия, взаимных по возможности свободных и равноправных советов и т. п.

Лучшими примерами таких новых отношений начальств к школьным учителям были сами архиереи. М. Платон, рассказывается в Истории Троицкой семинарии, часто запросто прогуливался с учителями и питомцами семинарии в своей любимой роще на Корбухе, ведя с ними ученые беседы и испытывая их таланты. В обществе своих платоников „он отдыхал душою, вполне уверенный, что они сумеют оценить его заботы о детях, вверенных их надзору и наставлению, и в точности выполнять все его распоряжения. Из писем Платона к некоторым из них видим, как прост и любвеобилен был Платон в беседах с ними, как откровенен был с ними, любя их, как любезных братьев”. Такими же близкими, отеческими отношениями к семинарской братии по местным преданиям известны многие другие владыки, Симон Лагов, Дамаскин нижегородский, Тихон III воронежский, Мефодий тульский, Иероним и Ксенофонт владимирские и т. д. „У хлебосольского и радушного архипастыря, рассказывается наприм. о последнем в Истории владимирской семинарии во время торжественных празднеств преподаватели семинарии были первые гости. Кроме того они бывали нередко приглашаемы и на частные собрания, во время которых допускались шутки и даже фамильярности. Само собою разумеется, что преподаватели относились к епископу с неподдельным чувством уважения и любви; а поэтому неудовольствие, высказанное им производило на них особенно сильное впечатление”. В 1803 г. он сделал письменный выговор одному учителю за то, что тот не пришел в класс „по причине великой грязи”, – дело было осенью. Выговор так подействовал на провинившегося, что, расписываясь в прочтении архиерейской резолюции, он не утерпел, чтобы не высказать своих чувств тут же на бумаге: „сею подпискою обязуюсь всегда ходить в класс, доколе буду здоров, а впредь

не будет удерживать меня осенняя грязь, так как этот выговор, который я получил, стоит и должен стоять более, нежели все перемены года”.

Такие же отношения к учителям архиереи внушали и семинарским властям. Выразительную характеристику этих отношений находим в инструкции Симона Лагова (от 1771 г.) управлявшему костромской семинарией Красовскому. „Учителям, сказано здесь, ежели бы когда случай того востребовал, выговоры делать, но только не инде где, разве в своей комнате или у того же учителя, сперва единому, потом неисправляющемуся и при других товарищах, как приличествует ученым людям с обеих сторон, а о важнейших (винах) докладывать его преосвященству”. Прошло еще очень немного времени с тех пор, как учителя могли подвергаться даже сечению розгами, но какая огромная разница в их положении успела выразиться в этом новом внушении о соблюдении подобающего ученым людям приличия в самых выговорах им за неисправности. Вот еще пункт той же инструкции, в котором под влиянием новых педагогических идей высказывалась потребность общего единодушия и взаимных советов в среде училищной корпорации еще задолго до введения в нее коллегиального начала *de jure*. „Как для любопытного обращения, так и для ученых разговоров и нужных советов в пользу семинарии и учеников можете вы, ежели в чем не воспрепятствованы будете, во всякую субботу звать к себе учителей на обеденное кушание, а в воскресный день должен являться к его преосв-ву и с учителями, дабы могли о нужном его преосв-ву доносить и требовать резолюции и принимать наставления. Чтоб же имели вы, из чего сей трактамент делать, паче же и в отмену от других за бóльшие труды, то на сие определить вам из клирических (соборных) доходов 20 рублей, из той доли, которая на его преосв-во следует, а когда не достанет из сей части, то и от других полагать”. Наконец вот как в той же инструкции формулирован известный и неизбежный пункт всех старых инструкций, который предусматривал случаи их нарушения и в прежнее время грозил виновным плетью и др. подобными страхами. „Когда вам над другими надзирание

препоручается, то напоминать вам о своем добром порядке и честном обращении его пр-во считает за лишнее: тем паче, что надежда его пр-ва в чаянии большего успеха предвидит от вас как учености, так и благоразумия более, нежели что его пр-во предписать хотел бы. Ежели бы паче чаяния не так вы начали поступать, как должно честному, ученому и благоразумному правителю, и что учителя усмотрят и нестерпеливо им окажется, то имеют они его пр-ву доносить на вас пристойным образом, а ученики жаловаться; только наперед объявляется, что ежели напрасное возведет кто и тем опорочит ваше доброе имя и его пр-во беспокоит, тот тягчайшего штрафования не минует”⁹⁴².

Требуя в своих инструкциях самого близкого общения между духовными воспитателями и воспитанниками, архиереи и в этом отношении могли служить примером для первых. Блестящий Платон, любивший окружать себя в глазах публики обстановкой несказанного велелепия, в кругу своих семинаристов откладывал в сторону все свое величие и являлся простым, радушным и для всех доступным отцом и другом детей; семинария видимо была его семьею, теплым углом, где он мог быть самым собою и отдохнуть от тяжестей своего епархиального служения⁹⁴³. Таким же теплым углом была семья духовных воспитанников и для многих других архиереев, отличавшихся большею мягкостью сердца и гуманным развитием. Мы видели, как они отечески вникали в нужды бедных семинаристов, давали им более или менее щедрые вспоможения, многих содержали на свой счет. Преосв. Симон Лагов почти живмя жил в своей семинарии, знал порядок всех классных занятий, какой где задан урок, каждодневно просматривал все нотаты и проверял их отметки, сам спрашивая по несколько учеников, причем хороших старался поощрить разными подарками, раздавая им деньги, книги, одежду или предоставляя им церковные места; ему известны были все подробности жизни и все нужды как учеников, так и учителей; учеников он всех до одного знал по именам и фамилиям⁹⁴⁴. Об его собственном бывшем учителе, Парфении смоленском, известно, что по утрам он часто запросто пешком приходил в семинарию, чтобы послушать вместе с

воспитанниками утренние молитвы, затем ходил по классам, спрашивал уроки и хорошо отвечавших тут же чем-нибудь награждал – для этого нарочно сам закупал по дороге в семинарию булок и кренделей⁹⁴⁵. Об архиерее Ксенофонте в Истории владимирской семинарии рассказывается, что, имея самое близкое общение с учениками, он знал их умственные и нравственные качества едва ли не лучше их ближайших воспитателей и принимал сердечное участие во всех их нуждах. Недаром его звали „радетелем семинарии, покровителем учащихся, отцом”. „В особенности ученики низших классов – мальчики – с наивностью старались высказать ему любовь свою при всяком удобном случае. На его загородной даче в Красном селе часто случалось, что во время его прогулок совершенно неожиданно выпрыгивал из-за куста ученик пиит и говорил ему стихотворное приветствие или просто подносил букет полевых цветов. И в городе нередко архиерей получал подобные заявления любви. Он был в хороших отношениях с Аркадием, смотрителем училища, и часто отправлялся к нему побеседовать. Как скоро это делалось известным ученикам, почти каждый раз являлся кто-нибудь из них и просил чрез своего начальника позволения сказать стихи архипастырю, который всегда приветливо принимал пииту”⁹⁴⁶. В разных епархиях доселе хранятся предания о разных местных архиереях прежнего времени, как снисходительно относились они во время своих частных визитов в семинарии к детским шалостям и проказам воспитанников, как сами лично принимали иногда участие в их невинных играх, особенно во время майских рекреаций, на которых сближение между школьными властями и воспитанниками проявлялось всего больше. Едва ли не повсеместно известен анекдот, как бурсак, попавшись в предосудительном поступке самому архиерею и откровенно во всем пред ним сознавшись, в то же время настоятельно умолял его не сказывать ничего префекту; анекдот этот связывается с именами разных преосвященных, которые известны своею особенною близостью и любовью к семинариям и в отношении к ученикам были действительно

более заботливыми и снисходительными отцами, чем их непосредственные школьные воспитатели.

В массе этих воспитателей сила старых преданий и привычек была еще так велика, что не уступала иногда и силе архиерейской власти. В маленьком мирке школьной жизни повторялись те же самые явления, какие происходили и в великом всероссийском мире, где правительство старалось о проведении в жизнь самых гуманных идей, запрещало властям всякие суровости над подчиненными, ратовало против пыток на суде и т. п., а между тем подручные ему начальства и сильные люди за его глазами, а иногда даже и на глазах, продолжали действовать совершенно по старине и допускали самые варварские проявления своей власти и силы над народом. В среде семинарских, а тем более училищных преподавателей было еще очень немного людей, которые бы сами усвоили себе дух новых педагогических требований и которых бы не нужно было почти силой удерживать от старинных командирских замашек. Реформа училищная, как и все наши реформы, шла сверху, и чем более спускалась вниз, в нижние слои педагогического мира, тем делалась бессильнее и тем чаще требовала возбуждений сверху, со стороны школьных начальств и самих архиереев.

В некоторых семинариях при некоторых более современных архиереях встречаем выразительные случаи начальственного вмешательства в отношения учителей к воспитанникам, показывающие, что начальства преследовали своею властью не только грубые меры школьных взысканий, но и грубое обращение с учениками. Такой напим. случай встречаем во владимирской семинарии в 1785 г. при преосв. Викторе. Учитель греческого языка Грязевский из богословов наговорил грубостей в классе ученику философии Левитскому: „я де как хочу, тебя так и критикую; поди вон, дурак, из класса“, а этот уходя, отвечал ему тоже грубостью. Оба они были почти товарищи, ученики соседних классов, но Грязевский, как богослов, поставленный притом же учителем, следовательно некоего рода командир, обиделся ответом не поддававшегося ему философа и подал на него жалобу. Консистория, до которой дошло это

дело, по-старому должна была бы решить его в пользу командира, но теперь по-новому решила его не так. „Всеми главным поводом, говорилось в ее постановлении, состоит сам принесшей жалобу, учитель Грязевский; ибо, не помня того, зачем в класс пришел, начал производить над учеником философии, помянутым Левитским, пред низшими учениками насмешку, предлагая ему сам по себе негодный, но ругательный силлогизм, что „кто глуп, тот дурак, а тот или другой глуп, следовательно тот или другой из них дурак“, что услышав ученики все смеялись; подобных же насмешек учителю отнюдь производить не должно, особливо на высших учеников, особливо потому, что важность учителя в том теряется; следовательно учителю Грязевскому и ни малой нужды не было, не жалуясь префекту, за разговоры Левитского штрафовать самому собою непристойным выговором, а потому, как Грязевский, так и Левитский называли друг друга дураками, и оба равно виноваты, а особливо учитель Грязевский. Для того по мнению консистории подлежит за показанную в классе ссору, дабы впредь того чинить было не повадно, учителю Грязевскому учинить в консистории строжайший выговор и подтвердить, чтобы он должность свою исполнял порядочно, с подпискою, а о штрафовании Левитского представить рассмотрению префекта и о том дать знать ему указом; а понеже упомянутый ученик прежде в пороках не бывал и от учителей показан хорошего понятия, то посему оного в семинарии оставить, а за имевшую с учителем Грязевским ссору греческому языку чтобы не обучался, а обучался прочим наукам, и надежды священства не лишать”⁹⁴⁷. Но в то же время, как владимирская консистория вела такое дело из-за того, что учитель называл ученика дураком, в других семинариях учителям спокойно сходили с рук и не такие проявления грубого обращения с учениками; в самой Троицкой семинарии в официальных отметках об успехах учеников, которые читал сам Платон, учителя щеголяли напр. такого рода латинскими фразами: „non verbis, sed verberibus ad studia sunt excitandi; ad progrediendum in studiis calcaribus excitatur“, или: „hic est frater stultitiae; non parente, sed noverca natura nati esse videntur“ и т. п.⁹⁴⁸.

Чаще преследовались телесные наказания учеников. Так как сечение их за вины почти везде предоставлено было исключительно ректорам и еще с разрешения их префектам, то учителя, прибегая к нему по старой привычке, очевидно делались чрез это виновными в самовольном превышении власти и потому подвергались выговорам, во владимирской епархии при арх. Ксенофонте даже увольнению от должности. Так, в 1801 г. учитель суздальского училища Приклонский ударил одного ученика по щеке и грозился высечь его розгами; училищное начальство вступилось в это дело, произвело об учителе допрос ученикам, из которого узнали, что он недавно еще высек раза два одного ученика за разные неисправности, и донесло об этом архиерею Ксенофонту; несмотря на то, что означенные наказания употреблены были в отношении к малолетним ученикам, от архиерея последовала такая резолюция: „учинив учителю Приклонскому наистрожайшее подтверждение о ненаказывании учеников без надлежащего надзирателю отношения, объявить ему о подаче просьбы на священническое куда-либо место“, т. е. об увольнении от учительской должности. Другой владимирский учитель священник Виноградов в том же году едва не был уволен от должности за наказывание учеников русской школы и избежал этой участи, только благодаря вышедшему в этом году милостивому манифесту, под силу которого его подвели из снисхождения. С третьего, учителя Ельцынского, за то, что оттащил за волосы ученика риторики, взята подписка в подтвердительном слышании архиерейского указа о запрещении телесных наказаний⁹⁴⁹. Но рядом с подобными фактами встречаем и совершенно противоположные известия. Автор Истории нижегородской семинарии дает наприм. такую характеристику семинарского воспитания за описываемое время: „ученики того времени смотрели с удивительным благоговением и страхом не только на лица преосвященных (между которыми, заметим кстати, были такие передовые личности, как Антоний Зыбелин и Дамаскин Руднев), но и на каждого из своих начальников и учителей: не смели сказать им и одного противного слова.... Слово учителя было тогда

непререкаемым законом для учащихся. Наказания были те же, какие и в первом периоде семинарии. Стояние на коленях, соединяемое с истязанием для рук и для ног, голодный стол, карцер, пали и розги были обыкновенными наказаниями. За важные проступки наказывали телесно в сенях пред классом или на дворе под звонком⁹⁵⁰. Это наказывание учеников под звонком в некоторых семинариях продолжалось производиться даже в текущем столетии и доселе памятно многим старожилам разных епархий; оно имело чересчур уже публичный характер, потому что звонковый колокол, под которым оно производилось и который звонил во все время экзекуции, вешался обыкновенно при входе в семинарское здание на дворе, а ворота во дворе постоянно были настежь; уличная публика останавливалась у них и с полным удовольствием присутствовала при любопытном зрелище исправления бурсаков⁹⁵¹.

Наблюдение за учителями, чтобы они не допускали грубостей и жестокостей с учениками, принадлежало ректорам заведений, которые и должны были о таких случаях доносить консистории и преосвященным; но в практике нового воспитания и они далеко не всегда могли быть надежными руководителями своих подчиненных и сами требовали бдительного надзора за собою со стороны преосвященных. В 1802 г. преосв. Виктор черниговский должен был объявить своему ректору архим. Павлу указ: „не наказывать телесно учеников богословского класса и притом за маловажные еще причины”; но ректор не послушался и за глазами архиерея продолжал обращаться с учениками по-прежнему до тех пор, пока осенью следующего года не был наконец вовсе уволен от должности „по причине меланхолии”. Слово это употреблено было здесь вероятно в том же смысле, как в известном пункте Д. Регламента, требовавшем, чтобы в префекты избирались люди „не вельми свирепые и не меланхолики”⁹⁵². Нужно ли прибавлять к этому, что такие меланхолики в значительном числе могли встречаться и между самими архиереями. Не забудем, что ученое монашество, из среды которого выбирались все главные заправители дух. школ, с течением времени все

более и более скудело талантами и все чаще должно было выставляться на эти высшие педагогические посты людей, по своему развитию далеко не соответствовавших требованиям своего высокого призвания, прикрывавших свою неспособность лишь „важностью своего сана”, как отзывался об них И. И. Мартынов. Та славная столькими блестящими именами дружина ученых монахов великороссов, которая воспиталась во времена противочеркасской реакции и потом так энергично выступила во главе всех педагогических реформ, вся разошлась по высшим иерархическим постам и затем, постепенно вымирала, не закрепив этих реформ посредством определенной школьной организации, которая могла бы поддерживать их сама собою, своей внутренней силой, независимо от характера приставленных к школьному делу личностей, и предоставив таким образом всю дальнейшую судьбу своего дела именно на произвол этих личностей. Очень не удивительно, что предания, завещанные этими передовыми устроителями дух. школ первых десятилетий Екатерининского царствования, улечивались с каждым новым поколением ученого монашества и из-под их неокрепшего слоя все яснее и яснее обозначалась знакомая рутина старого школьного быта с его командирством и дисциплинарными приемами смирения подчиненных. Не удивительно и то, что новые педагогические реформы в дух. школах не успели оказать заметного влияния и на нравственность самих учеников, продолжавшую страдать теми же грубыми пороками, как и прежде⁹⁵³. Грубость разных детей непобедимой злобы, не поддававшаяся никаким благородным мерам исправления, приводила в отчаяние всех педагогов и в свою очередь служила немалой поддержкой прежних суровостей в педагогической практике даже самых передовых дух. школ, напим. школ м. Платона, в которых *excitatio verberibus* вовсе не было такой редкостью, как можно было бы предполагать на основании одних Платоновских инструкций. Суровый тип семинарского бурсака мужественно крепился против всяких заигрываний и нежностей новой гуманной педагоги, сбивая с толку всю ее сентиментальность, и

победоносно перешел из XVIII столетия в XIX-е почти целым и невредимым.

Обратимся к состоянию дух. школ по части учебной. В этой отрасли школьной жизни новая образовательная реформа, как мы видели, потребовала значительного расширения учебных курсов введением в них изучения нескольких светских наук и новых языков и усовершенствования методов преподавания.

Первое из этих требований не было новостью, потому что мысль о таком расширении программы семинарского обучения была развита еще в Д. Регламенте; но оно получило теперь новый более ясный смысл и более сильные мотивы, связанные с основными воззрениями новой педагогической системы, которая впервые показала всю недостаточность в деле образования одной только специальной выучки воспитанника в чисто практических сословных или служебных видах и потребовала, чтобы учение прежде всего направлялось к общему развитию умственных способностей учащихся, а потом уже задавалось и практическими, специальными целями. К духовным школам прикладывалось теперь именно это требование; специально-сословный курс их обучения предполагалось восполнить предметами именно общеобразовательного характера, которые отчасти указаны были еще в инструкции императрицы для комиссии о церковных имениях, а затем подробнее перечислены в проекте комиссии 1765 г. Можно было бы удовлетворить этому требованию более простым и рациональным способом и без такого смешения общего обучения с специальным в одних и тех же школах, а именно обязав детей духовенства обучаться в обыкновенных общеобразовательных школах, которые во второй половине XVIII столетия стали во множестве заводиться самим правительством. Тогда на попечении и содержании духовного ведомства могли бы остаться только одни его специальные школы, в которые и стали бы поступать одни только желающие взять на себя духовную профессию, уже после общего образования в школах светских. Но духовное ведомство и не думало воспользоваться этими светскими школами. Сословная замкнутость духовенства была так уже крепка, что, когда

заговорили о распространении в его среде общего образования мысль об отправлении с этою целью его детей в общеобразовательные школы светского ведомства никому не приходила и в голову, а прямо порешено было присовокупить общее образование к специальному курсу в самих же духовных школах, тем более, что такие смешанные курсы существовали в них и прежде. Такой именно задачей, как мы видели, задалась и комиссия 1765 года, порешившая предоставить на содержание дух. ведомства, кроме необходимых общеобразовательных курсов в семинариях, еще множество низших школ с общеобразовательным элементарным курсом и даже прямо с всеобщим характером, а вместо специальных высших школ, – академий, нечто вроде целых университетов, „где, по словам ее проекта, всяким наукам обучаются”. Та же самая мысль о соединении общего образования с специальным полагалась затем в основу и всех последующих распоряжений относительно состава духовно-учебных курсов, и не только в течении всего описываемого времени, но и после 1808 года до наших дней.

Духовное ведомство очевидно стремилось к тому, чтобы завести у себя школы, которые бы могли удовлетворять всем потребностям в деле образования детей духовенства без посторонней помощи и при которых последним не было бы никакой надобности обращаться для изучения чего-нибудь на сторону, стремилось таким образом замкнуться от других сословий в самом своем образовании. Смешанный характер духовно-учебных курсов действительно мог удовлетворять этому стремлению, потому что ничто так не помогает развитию замкнутости известного сословия, как существование при нем такого рода смешанных, самодостаточных школ; но выгоден ли он был в интересах самого образования дух. школ, – вопрос другой, на который нужно дать ответ отрицательный. Духовная школа становилась в положении охотника, преследующего двух зайцев, и сильно рисковала потерпеть если не полную неудачу, то по крайней мере значительный ущерб в развитии и специального и общего образования в своем смешанном курсе. Развитию первого не могло не мешать то, что от него

отнималось много и времени, и средств, и рабочих сил для поддержки присоединенного к нему курса общеобразовательного, а этот в свою очередь не мог получить надлежащего развития потому, что в глазах духовного начальства, преследовавшего в образовании своих школ прежде всего интересы духовной службы, естественно должен был иметь значение только второстепенное, а потому во всем уступать курсу специальному, по возможности сокращаться для него в своем объеме, приноравливаясь притом же к требованиям специального назначения самой духовной школы и таким образом более или менее терять самое существенное свое качество, свой универсальный, общечеловеческий характер. Понятно, что такая замкнутая сословная школа, как духовная, могла не иначе выйти из такого затруднения, как пожертвовав интересами образования общего, а отнюдь не своего сословно-специального, тем более, что такой именно исход намечен был ею еще и прежде, после первой попытки подобной же смешанной организации ее курса в Д. Регламенте. Подобно тому, как прежде „науки св. церкви потребные и наипаче дух. чину приличные” отличались от всех других предметов обучения не прямо полезных св. церкви и не непосредственно приличных духовному чину и выдвигались пред последними на первый план, и теперь все предметы смешанных духовно-учебных курсов тоже стали разделяться на так называемые ординарные, на которые обращалось главное внимание и экстраординарные, второстепенные. Последние обнимали собою образование общее, а первые относились к образованию специально-духовному; к ним причислялись еще классические языки, риторика и философия, – предметы в сущности общеобразовательные, но, как мы знаем, издавна усвоенные исключительно образованию духовному.

Общий порядок семинарского курса оставался совершенно тот же, что и прежде, и по-прежнему определялся порядком постепенного изучения учениками главных предметов сословного обучения, по именам которых назывались и самые классы. Несмотря на то, что и теперь, как прежде, не существовало никакой общей уставной организации учебных

курсов, и порядок их всецело зависел от усмотрения и распоряжения одних епархиальных начальств, он везде определялся по одному и тому же общему типу, который выработала еще киевская академия, и разнился только в подробностях, зависевших, главным образом от того, как на какую науку смотрел известный епархиальный архиерей и какую придавал важность ее изучению. Почти одинаково оставалось и время продолжительности всего курса, от 10 до 12 и 13 лет, хотя тоже от воли архиерея зависело во всякое время растянуть его, напим. вместо двух лет, обыкновенно назначавшихся на изучение богословия, продержать учеников в богословском классе 3 и 4 года⁹⁵⁴.

Самым низшим классом, с которого начиналось училищное и семинарское обучение, был класс „заправный” или приготовительный, называвшийся также русскою школою и информаториею. Курс этого класса был чисто элементарный общеобразовательный и состоял главным образом в обучении мальчиков чтению и письму. Несмотря на то, что первоначальное обучение духовных детей грамоте повсюду возлагалось на обязанность самих отцов, в училища и семинарии все еще сплошь и рядом поступали безграмотные ребята, с которыми подолгу приводилось здесь биться, чтобы научить их сносному чтению и сколько-нибудь правильному и чистому письму. В псковской семинарии при информатории в 1780 г. нарочно была заведена русская школа для обучения сирот, которые не имели возможности выучиться грамоте дома. Бывали, как мы уже видели, русские школы и по другим епархиям, или остававшиеся от прежнего времени или даже заводившиеся вновь. Под конец XVIII столетия некоторые заботливые архиереи, напим. Гавриил петербургский, Феофил тамбовский, Иринеи псковский, стали заводить русские классы при семинариях для учеников, исключенных из других классов за неспособностью к изучению языков, с целью приготавливать их здесь к причетническим должностям. В 1800 г. св. Синод выдал о заведении таких школ или, лучше сказать, причетнических классов общий указ для всех епархий⁹⁵⁵. С начала 1780-х гг. в русском обучении явилась немаловажная новость, – обучение

гражданской печати. Св. Синод распорядился разослать по епархиям гражданские азбуки на том основании, что в епархиях священно-и-церковнослужительские дети и в семинариях ученики, при начале учения чтению российской грамоты, обучаются по азбукам одной церковной печати, а Синод за нужное находил, чтобы не только обучающиеся в семинариях, но и все духовенство разумело читать, сверх церковной, и гражданскую печать, тем паче, что выходящие ко всенародному сведению и исполнению манифесты и указы, из коих некоторые обнародываются в церквях, обыкновенно печатаются гражданскою азбукою, а читать их в церквях, особливо сельских, кроме священно и церковнослужителей, некому⁹⁵⁶. Обучение чтению по часослову и псалтири оставалось впрочем преобладающим в русском классе и после этого. Кроме чтения и письма, тут же сообщались ученикам некоторые необходимые грамматические сведения по краткой русской грамматике, изданной для народных училищ, и правила русского правописания. По закону Божию информатористы выучивали символ веры, главные молитвы, заповеди и блаженства с кратким толкованием по букварю с сокращенным катехизисом, для чего назначались преимущественно воскресные и праздничные дни. Далее, так как ученики весьма нередко выходили из информатории прямо на причетнические места, то в этом же классе начиналось обучение важному предмету церковнической специальности, – церковному пению по нотам и по наслышке, для чего назначались в некоторые дни недели послеобеденные часы. Кто способен был идти дальше, в следующие латинские классы, тот мог в информатории заправиться и в начатках латинского учения; для этого вместе с обучением русской грамоте положено было обучать учеников еще чтению и письму по латине, а после того, как они ознакомятся с начатками русской грамматики, преподавать им простейшие этимологические правила и из грамматики латинской (касающиеся правильных склонений и спряжений). Учитель в заправном классе назначался большею частью из учившихся еще в семинарии богословов и один для всех предметов, кроме церковного пения, для которого бывали по

местам особые преподаватели из местного духовенства или из певчих. Продолжительность заправного курса определялась в один год, но более талантливые мальчики могли учиться в нем и меньше, а плохие по-прежнему просиживать в одном классе по несколько лет. Духовные начальства теперь впрочем, старались не давать им долго тут засиживаться и поскорее увольняли их куда-нибудь в церковники. М. Платон в 1802 г. распорядился не держать учеников в информатории даже более одного года, а непременно либо переводить их в следующий класс, либо совсем исключать из школы.

За информаторией далее, как и в прежнее время, следовали все латинские классы и русское обучение совсем оставлялось вплоть до пиитики и риторики, когда ученики начинали учиться сочинять. Пренебрежение им доходило до того, что некоторые ученики, дойдя до высших классов, разучивались даже читать. В 1768 г. Парфений смоленский писал в одном указе: „Рассуждали мы, что многие из учеников семинарии, будучи уже отпущены с аттестатами и приходя с выборами для производства в причт церковный, в чтении книг церковных и гражданских, а также и в церковном пении являются весьма неисправны, а некоторые крайние невежи и во всем, и притом не только ученики низших школ, но тем же недостаткам подвержены и ученики высших, риторики, философии и богословии“. Такое незнание их преосвященный объяснял, тем, что „они долгое время проводили во учении латинских школ“, а в церковном чтении упражнялись мало. Вследствие этого велено непременно заставлять семинаристов читать в церкви по очереди и петь на клиросе⁹⁵⁷. Такое очередное чтение в церкви заведено было везде и в других епархиях. По всей вероятности знание русской грамоты не особенно строго наблюдалось и в заправном классе, где тоже на последнем переводном экзамене на первом плане уже фигурировала латынь, а дальше на нее и спросу не было, так что ученик, не выучась хорошенько читать, мог почти беспрепятственно переходить по латинским классам иногда до самой богословии и до ставленического экзамена, где наконец его неискусство и обнаруживалось. Еще чаще проходили в

высшие классы не умеющие петь, поэтому, чтобы поддержать искусство церковного пения между учениками, на него назначалось по несколько часов (обыкновенно послеобеденных) в неделю в каждом классе, не исключая и высших.

Следовавшие за информаторией латинские классы были грамматические: низший и высший. Первый соответствовал двум прежним классам, фаре и инфиме, и потому в некоторых семинариях сам разделялся на два класса, носившие разные наименования или прежние, или несколько измененные: фара и нижняя грамматика, низший грамматический и средний; на курс той и другой его части отряжалось по году, а соединенный класс имел двухлетней курс. Учитель был один⁹⁵⁸, преподавал грамматику до синтаксиса, толкуя синтаксические правила кратко, когда встречалась в том надобность, и занимал учеников переводами с латинского языка на русский и более легкими с русского на латинский. В этом же классе начиналось обыкновенно преподавание ученикам катехизиса, уроки которого задавались им на воскресные и праздничные дни. Изучению латинской грамматики придавали почти такую же важность, как и прежде. „Учителю, сказано в одной инструкции Платона 1802 г., и при начале и часто внушать ученикам, какая польза от учения грамматики, и сколько и чем различествует знающей сию науку от незнающего, и что без нее ни оратором, ни стихотворцем, ни философом, ни богословом быть нельзя, даже не можно ничего ни писать, ни прочесть порядочно, ни выразуметь основательно“. Учебниками по латинской грамматике были: отчасти старый Альвар, с которым учителя не могли совсем расстаться и который служил при толковании и дополнении новых учебников, затем главным образом грамматика Лебедева, дополнявшаяся иногда грамматикой Marchica, и новая грамматика Бантыш-Каменского; в начале текущего столетия явилась и введена была сначала в тульской семинарии грамматика преосв. Амвросия (тульского), которая просуществовала в семинариях в качестве постоянного учебника вплоть до реформы дух. училищ настоящего царствования. В изучении латинского языка имел значение впрочем не столько учебник грамматики, сколько постоянные

упражнения учителя с учениками в переводах. В начале низшего грамматического курса дело ограничивалось более легкими переводами с латинского с подробным грамматическим разбором на русском языке: переводили обыкновенно книгу: *Orbis visibilis*. Но затем работа учеников все более и более усложнялась. *Orbis visibilis* заменялся Федром, Иустином, Ливием, К. Непотом и др. авторами, которых указывал архиерей. Русский грамматический разбор заменялся латинским. Грамматические регулы тоже начинали заучиваться на латинском языке без перевода. На каждый день задавалось выучить наизусть несколько латинских слов из Целляриева словаря и по несколько изречений (сентенций) из разных авторов; учили также разговоры Еразма или Кастеллия. Вместе с этим все чаще и чаще производились упражнения учеников в переводах с русского языка и устно и письменно; письменные упражнения задавались раза по три в неделю, тщательно разбирались учителем в классе и затем представлялись на рассмотрение семинарскому правлению. Под конец низшего грамматического курса ученики начинали уже довольно сносно объясняться на латинском языке; в классе из уст учителя уже почти вовсе не было слышно русской речи и в некоторые дни пускался в ход знаменитый *calculus*.

В продолжение двухлетнего же курса⁹⁵⁹ в высшем грамматическом классе или синтаксисе *calculus* был уже в полном ходу. Из грамматики в это время учили полный синтаксис и просодию. Авторы для переводов употреблялись те же и еще сочинения (особенно *Epistolae*) Цицерона, а под конец курса иногда поэты Гораций, Овидий и Вергилий. Кроме того ученикам на каждый день задавались для выучивания наизусть или тирады и сентенции из разных авторов, или по несколько десятков слов из лексикона Целлярия (словарь этот выучивался почти весь со всеми своими словами как *primitivis*, так и *derivativis*), или наконец для лучшего ознакомления с оборотами латинской речи по несколько примеров из латинской фразеологии, для той же цели в синтаксисе существовала особая часть *syntaxis figurata* или *ornata*. Письменные упражнения в переводах с русского на латинский задавались,

как и в нижней грамматике, раза по три в неделю, но гораздо более сложные и трудные. Устные происходили каждый день; на каждое синтаксическое правило задавалось множество примеров, а для большей легкости в пользовании латинской фразеологией при устных упражнениях в переводе требовалось, чтобы ученик одну и ту же мысль, даже фразу, как можно быстрее и догадливее, перифразировал на латинском языке на несколько ладов. При изучении просодии и переводе поэтов пускались в ход перефразы или, как они назывались по-русски, ломки, состоявшие в возвращении в первоначальный вид латинских стихов, обращенных в прозу. Помимо всех этих упражнений само по себе шло упражнение в латинских разговорах. Семинарские инструкции только и внушали учителям, чтобы они, как можно больше, старались практиковать учеников подобными упражнениями, лишь бы только, предостерегает одна такая инструкция, не причинить этим какого повреждения их мозгам⁹⁶⁰.

Неудивительно, что при такой настойчивой дрессировке в латинском языке, ученики доходили до изумительной свободы в его употреблении, о какой мы с трудом можем теперь составить себе понятие. У лучших учеников он делался чем-то вроде природного, так что они, кажется, и мыслили по латине; по крайней мере, когда им случалось что-нибудь записывать по-русски или напим. после в высших классах составлять про себя на бумаге план какого-нибудь русского сочинения, они невольно пересыпали свою русскую речь латинскими фразами, а некоторые знатоки так и все сочинение писали первоначально на языке латинском, а потом уже переводили с него на русский⁹⁶¹. Но понятно, что среди такого усиленного латинского обучения немало также должно было оказываться учеников с поврежденными мозгами, на которых латинская дрессировка производила подавляющее и отупляющее действие и которые, как говорит та же, сейчас упомянутая, инструкция, „чрез несколько лет живучи в училищном месте, не токмо не просвещались, но едва чем лучше выходили, нежели как не быть бы им во оном месте”; еще больше оказывалось таких, которые отставали от своего курса по слабости своих

способностей, „за невзятием латинской науки”. От этого, начиная с инфимы, число учеников в грамматических классах уменьшалось с каждым годом; начальство должно было исключать их даже в том случае, когда вполне было убеждено в их прилежании, видало, что без латыни они могли бы еще довольно успешно продолжать свое приготовление к церковной службе, сделаться впоследствии способными к занятию не одних церковнических, но даже и священнослужительских мест, и жалело их; они исключались и пропадали потом в низших духовных должностях единственно потому, что в дальнейших классах, где собственно и начиналось духовное образование для подготовки будущих пастырей русского народа, лекции читались не на русском, а на латинском языке, и что не успевший усвоить этого языка до риторики действительно не мог идти дальше, так как ему там положительно ничего нельзя было понять. Существовавшие по местам, а потом в 1800 г. заводившиеся во всех епархиях русские школы мало способствовали к улучшению участи таких неудачливых учеников, потому что эти школы по своему курсу были чисто элементарные и годились к приготовлению воспитанников только на причетнические же должности: по указу 1800 г. в них полагалось учить только чтению, письму, пению, катехизису, свящ. истории и церковному уставу. Такое значение школ именно только причетнических удержалось за ними даже после 1803 г., когда в св. Синоде утвержден был проект о значительном расширении их курса и притом с прямою целью дать их воспитанникам доступ не к одним причетническим, но и к священнослужительским должностям.

Инициатива этого полезного дела принадлежала м. Амвросию петербургскому. Наблюдая за ходом учения и успехами воспитанников в своей академии, говорится в Истории последней⁹⁶², он замечал, что многие ученики низших классов, имеющие хорошие способности и дарования, но по какому-нибудь случаю не успевавшие в латинском языке, исключаются из академии, и не находя этого справедливым, желая дать возможность к образованию и подобным воспитанникам, предложил св. Синоду учредить при академии русскую школу с

тем, чтобы дети духовенства, неспособные по незнанию латинского языка к продолжению высших наук, могли образоваться, оставаясь при своем природном языке, и чрез то с пользою послужить церкви, причем представил и самый проект курса предлагаемой к открытию школы. Св. Синод утвердил его предложение и предписал архиереям учредить подобные русские школы повсюду и определять кончивших в них курс учеников на священнические места по селам и в учителя заводившихся тогда приходских училищ и для образования народа. Курс для них назначен пятилетний, разделенный на три класса. В первом классе с годичным курсом положено обучать чтению, чистописанию, пению по обиходу и краткой российской грамматике по книжке, изданной для народных училищ; во втором с курсом двухгодичным – краткой св. истории, географии при помощи изданных для народных училищ ландкарт, краткой истории всеобщей и русской по Голбергову сокращению истории, арифметике по народной книге и пасхалии; в третьем (тоже двухгодичном) – краткой российской логике и риторике по книжке, изданной 1785 г., учению о должностях человека и гражданина по книге, изданной для народных училищ, и о должности пресвитеров приходских по книге 1796 г., пространному катехизису, руководству к чтению св. Писания по книге м. Амвросия 1779 г. и наконец церковному уставу по руководству 1800 г. Кроме неспособных к изучению латинского языка учеников, в русских классах велено обучать еще малограмотных церковников. – Распоряжения о таком устройстве русских школ тогда же стали приводиться в исполнение, причем для сокращения расходов первый класс обыкновенно соединяем был с классом заправным, а два других открывались вновь. Одни, более богатые семинарии сразу открыли у себя полные русские школы, остальные только один первый класс, т. е. собственно говоря, не открыли ничего, а только переименовали в первый класс старую свою информаторию, наполнив его теми же учениками и малограмотными причетниками, какие в нем учились и прежде, и оставив за ним совершенно прежнее значение, вследствие чего предписанное Синодом учреждение теряло всю свою

силу⁹⁶³. Не больше впрочем оно удалось и в первых семинариях, так как и в них наполнялся учениками один только первый же класс; кончив в нем курс, ученики, минуя остальные русские классы, или переходили в грамматику, чтобы продолжать обыкновенный курс семинарского учения, или же прямо поступали на причетнические места, так что для последующих русских классов оставалось только самое небольшое число учеников. Наприм. в смоленской семинарии с самого же начала существования этих классов в I было 194 человека, во II уже 78, в III 24, а в 1808 г. – в I было 135, а в III только 20; в тамбовской семинарии за неимением учеников классы эти вскоре закрылись сами собой; в петербургской академии, где первый русский класс существовал отдельно от информатории, в русской школе главным образом учились только причетники, – в 1807 г. из 62 учеников ее 53 было причетников и только 9 простых учеников, которые отданы были в нее отцами, как в заправной класс, для приготовления в академию и для которых потому особо преподавались здесь начатки латинского языка⁹⁶⁴. Таким образом русские школы, оставаясь по-прежнему школами только причетническими, так и не успели получить значения русских семинарий для приготовления детей в надежду священства.

Мысль об усилении в семинарском курсе русского языка прилагалась к преподаванию и в высших классах семинарии. Мы видели, что в подобном виде, хотя изредка и в весьма неопределенной форме, она высказывалась еще и в прежнее время, при полном господстве в дух. науке киево-латинских преданий, высказывалась притом же не одними малообразованными людьми из простого духовенства, но даже некоторыми из образованнейших людей между самими малороссами иерархами. Между новыми вождями духовного образования из великоруссов она сделалась господствующею. Еще в 1766 г. Платон в одном распоряжении касательно преподавания наук в Троицкой семинарии писал: „упражнения должно задавать (ученикам риторики) делать на том и другом языке (латинском и русском) попеременно, ибо нелепо приучать к языку латинскому, а родную речь бросать”⁹⁶⁵. В продолжение

царствования Екатерины изучение русской риторики и пиитики введено было уже во всех семинариях совместно с латинской. При изучении уроков по философии и богословию вошло во всеобщее употребление переводить их непременно на русский язык. Часть ученических упражнений в высших классах тоже писалась на русском языке. Нечего, разумеется, и говорить, что по-русски же шло преподавание экстраординарных светских наук. Но этим успехи русского языка пока и ограничивались. Старые латинские предания так были еще сильны, что ни у кого из архиереев не хватало смелости ввести русский язык в самое преподавание и в учебники высших наук. В 1765 г. вышла в свет первая русская система богословия м. Платона и вскоре стала понемногу вводиться в качестве руководства во все семинарии и академии, но все-таки не сделалась главным учебником по этому предмету, а проходила только в качестве какого-то дополнения к главным латинским учебным системам точно так же, как прежде нее проходило учениками богословия Православное исповедание Петра Могилы. Так было даже в семинарии самого м. Платона, Троицкой; все ее преподаватели богословия считали нужным составлять для ее учеников свои собственные системы, несмотря на то, что Платон еще в 1775 г. прямо изъявил желание, чтобы богословие изучалось по его книге только с дополнениями из других авторов. Самая большая вольность против латыни, до какой только могли дойти здесь в богословских лекциях уже к концу XVIII столетия, состояла в том, что в их латинский текст стали вставлять тексты св. Писания по славянской Библии без перевода на латинский язык⁹⁶⁶. Любопытно, что в тульской семинарии, где система Платона была главным учебником, ученики учили ее все-таки не в русском подлиннике, а в латинском переводе⁹⁶⁷. Сам Платон, хотя один из первых заговорил об изучении русского языка в семинариях, крепко стоял за латынь и внушал в одной инструкции 1802 г.: „непрестанно задавать ученикам работу, чтобы они с большим напряжением входили в знание латинского языка”. В 1800 г. вопрос о преподавании семинарских лекций на русском языке поднят был в самом св. Синоде. Платон по этому случаю писал м. Амвросию: „чтобы на

русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по-латыни и переписываемся. Ежели же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поскольку ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить. На нашем языке и книг классических мало. Знание латинского языка совершенно много содействует красноречию и российскому. Сие пишу с общего совета ректоров, – академического и Троицкого, и префектов и преосв. Серафима”⁹⁶⁸. Понятно после этого, какое значение в семинарском курсе должны были иметь латинские грамматические классы. „Латинские школы, писал преосв. Симон Лагов в своей инструкции, не токмо основание полагают, но и самое здание выводят учености”. М. Амвросий, по инициативе которого Синод поднял вопрос о русском языке, не разделял впрочем подобных крайних убеждений: в 1804 г. правление его петербургской академии в своем плане преподавания наук на этот год сделало либеральное постановление о сокращении числа латинских уроков на том основании, что латинский язык есть только средство к просвещению, а не составляет сам по себе оно и при всем том однакоже занимает большую часть времени каждый день до полудня⁹⁶⁹. В 1808 г. против чрезмерного преобладания латинского языка в дух. образовании восстал наконец и комитет о преобразовании дух. училищ.

Из синтаксиса, которой заканчивался ряд низших классов, ученики переводились в первый собственно уже семинарский класс, пиитику или, если семинария не имела этого класса, прямо в риторику. Мы уже замечали, что и прежде великорусские ученые не отличались такой чрезвычайной привязанностью к виршам, как малороссы. В описываемое время, когда ведение школьного дела совсем попало в их руки, класс пиитики в отдельном виде уничтожен был во многих семинариях и присоединен к риторическому, даже не увеличивая обыкновенного двухлетнего курса последнего, а где

по старой памяти и существовал в отдельном виде, имел только одногодичный курс. Об усилении пиитических занятий начальство заботилось мало. Так, в Троицкой семинарии по целым месяцам о поэзии не бывало и помина до тех пор, пока ректором ее не сделался Аполлос Байбаков, автор известной пиитики, изданной им в 1774 г. и сделавшейся учебником для всех семинарий и академий. В 1778 г. он просил Платона отделить для своего любимого предмета особый класс. Платон написал на этом прошении резолюцию, которая всего лучше выражает почти общий тогда взгляд дух. начальств на эту науку: „согласен я, только не навсегда, а на время; ибо, когда риторический учитель будет и к поэзии способен, тогда должен сей класс с риторикою соединен быть. А ныне ректору, избрав из риторики учеников, которые к поэзии склонны, обучать их оной в неделю 2 раза в известные часы, только так, чтоб они обучались и риторике и никакого бы им в обучении риторике затруднения не было”. Разделение обоих классов, обязательное для всех семинарий произведено уже указом св. Синода 1798 года. Но и после этого пиитика все-таки проходила весьма кратко, потому что прежде, чем приступить к ее изучению, ученики пиитического класса должны были изучить предварительно целую первую часть риторики, трактовавшую о периодах, хриях и украшениях речи – тропах и фигурах, на что и уходило около половины всего пиитического курса. Упражнения в пиитическом роде требовались от учеников с меньшей обязательностью, чем риторические „Успех в стихотворстве, замечал Платон, зависит наиболее от склонности счастливой природы”, и на этом основании советовал не требовать строго упражнений в поэзии от всех, „а поощрять тех, в ком откроется к стихотворству свободная жила”. Охотников до поэзии, у которых открывалась эта свободная жила, являлось впрочем довольно много и начальства усердно их поощряли, потому что запрос на пиитические произведения был большой. Век Екатерины, век попреизлиху риторический, время всякого рода торжественных од и хвалебных речей, имел огромное влияние на семинарскую музу. Публичные акты и диспуты, семинарские храмовые праздники или праздники святым патронам разных классов (И.

Златоусту праздновали риторы, Иустину философу – философы, Иоанну Богослову – ученики богословия), майские рекреации, встречи разных именитых особ, похороны учителя или товарища, поздравления ректорам и особенно архиереям с праздниками Рождества Христова и Пасхи или с днями именин, – все эти случаи не обходились без того, чтобы не извлечь из Кастальского источника семинарской пиитики целых потоков разнообразнейших стихотворений на русском и латинском языках, которые считались самой необходимою принадлежностью всякого рода и радостных и печальных торжеств. Тут были и оды, и гимны, и дифирамбы, и мадригалы, и эпиграммы, и аллегории, и разные канты, и акrostихи, и прихотливые стихи ретроградные, львиные, змеиные, или в виде звезды и солнца, которые подавались архиерею на бумаге, тщательно написанной и разрисованной бордюрами и виньетками, и т. п. До последнего времени сохранялись по семинариям даже остатки целебровавшихся в прежнее время драматических действий, ограничивавшиеся впрочем теперь только стихотворными или прозаическими разговорами нескольких учеников перед публикой о разных предметах. Иногда разговор такого рода велся с эхом, причем ученик, выбранный для него, говорил свою речь среди семинарской залы, задавая эху разные вопросы, а эхо, изображаемое кем-нибудь из школьных басов, забиралось в угол на хоры и оттуда повторяло концы стихов, давая таким образом более или менее удачные ответы.

Характер семинарской пиитики почти вовсе не изменился против прежнего. Это была по старому *ars versus pangendi*, трактовавшая исключительно об одних формах и внешних красотах пиитической речи. Разница новой пиитики против прежней, кажется, только тем и ограничивалась, что в трактатах о русском стихосложении, вместо силлабического размера, она стала излагать разные виды и подвиды нового размера, тонического. Главное внимание было впрочем по-прежнему обращено на стихосложение латинское. Повторив тщательно из грамматики просодию, ученики большую часть времени проводили в изучении классических поэтов Горация, Овидия и

Виргилия, переводили, учили их наизусть, делали из них перефракты и писали имитации избранным отрывкам. Из русских произведений для изучения и имитаций употреблялись преимущественно сочинения Ломоносова и Сумарокова, но ими занимались менее, чем латинскими. „Из сличения русских сочинений (ученических) с латинскими, говорит автор Истории Троицкой семинарии, можно заметить, что последние по той легкости, с какою написаны, и по чистоте языка имеют преимущество перед первыми, в которых нередко видны следы усиленной и напряженной работы над рифмою. Видно, что латинским языком владели тогда лучше, нежели русским”. Некоторые лучшие ученики доходили до такой легкости в употреблении латинского стиха, что были в состоянии пускаться даже в импровизации на заданные темы⁹⁷⁰. Господствующим учебником по пиитике была книжка Аполлоса Байбакова о стихотворении российском и латинском с дополнениями из принятых тогда риторик. К пиитике присоединялось еще учение о классических древностях или частнее о мифах, потому что главным источником поэтического изобретения и всех поэтических красот считалась древняя мифология, которой тогда обильно пользовались в своих произведениях и не одни семинарские пииты. Руководством к изучению этого необходимого тогда предмета служили *Метаморфозы* Овидия и *Pantheum mysticum* Помея.

Риторический курс, всегда считавшийся весьма важным для развития учеников, продолжался не менее двух лет. Риторика, как и пиитика имела теперь уже постоянные печатные руководства, а не изучалась по изменчивым запискам преподавателей. Таковы были латинские риторики Бургия, Гейнекция, Воссия, и русские Ломоносова, Рижского и Амвросия Серебренникова, господствующими из них до конца XVIII столетия были Бургий и Ломоносов. В 1798 г. св. Синод указал заменить Бургия новоизданною риторикою Франциска Лежая; но семинарии, привыкшие к старому руководству, не оставляли его и после этого указа, употребляя новую риторику только для разных дополнений и объяснений к старой. Впрочем большой разницы между этими учебниками не было; оба они держались

одного и того же чисто формального воззрения на науку словесности и одного и того же метода; Бургий был только несколько суше Лежая и несколько устарел против последнего по приводимым на риторические правила примерам и образцам. С другой стороны, при чисто практическом способе преподавания словесности, какой господствовал в нашей старой семинарии, учебник по риторике имел для учеников также мало значения, как в грамматических классах учебники грамматики. Система зубрения учебников по этим предметам по нашему мнению, есть продукт более нашего века, чем прошлого. По программам преподавания, которые сохранились от тогдашних учителей, видно, что по прочтении обыкновенно очень небольшого урока из учебника к следующему дню учитель сначала заставлял учеников перевести его с латинского языка на русский, потом объяснял встречавшиеся в нем трудные термины и самую сущность прочитанных правил, заставлял своих слушателей повторять это объяснение, затем пускался в длинный ряд примеров, то составляя их сам, то заставляя придумывать их самих учеников. „Пусть помнит г. учитель, внушал Платон в 1766 г., что учеников должно занимать больше практикою, нежели теориею”. „Объяснения, писал он в одной Троицкой инструкции 1802 г., надлежит непрестанными примерами утверждать не только учителю в школе при толковании, но и ученикам задавать, чтоб они сочиняли полатыни и по-русски периоды, хрии и большие речи по правилам, и на всякой трое и на всякую фигуру имели бы особые образцы”. Письменные упражнения учеников, задававшиеся каждую неделю, в начале курса даже раза по два, действительно строго следовали порядку изучаемых в классе отделов риторики; сначала ученики составляли периоды, потом хрии прямые и превращенные и т. д., обязательно отмечая на полях своих тетрадей все части каждого сочинения по их названиям, а также какое где взято во внимание *locum topicum* или употреблено украшение речи и т. п. Таким же порядком писались и русские сочинения и преподавалась русская риторика. На последнюю впрочем мало употребляли времени, ограничиваясь в ее изучении больше практическими упражнениями на русском

языке. В видах того же практического изучения риторики учитель обязательно занимался с своими учениками почти ежедневным чтением латинских и русских образцовых сочинений; из латинских более всего рекомендовались для чтения избранные речи и трактаты (de officiis, de natura deorum, consolationes) Цицерона, сочинения Квинтилиана (De oratore, de comparatione Demosthenis et Ciceronis, de pronuntiatione, de imitatione), речи Мурета, историки Ливий, Тацит, Курций, письма Плиния, сочинения Лактанция и др.; из русских – проповеди Феофана, Гедеоны Кривовского, Дмитрия Ростовского, Платона, сочинения Державина и Ломоносова. Чтение всегда сопровождалось разбором читаемого, но уже не грамматическим, как в низших классах, а так называемым риторическим, состоящим в указании составных частей и риторических красот разбираемого отрывка применительно к правилам риторической науки; делались при этом также имитации. Кроме классных чтений, ученикам для упражнения в образцах давались еще чтения домашние, с требованием отчета в прочитанном и выписок более замечательных почему-либо отрывков в особые тетради. В начале настоящего столетия в риторической науке наших дух. заведений начали проявляться робкие и неясные попытки эстетической критики, выразившиеся в заведении по местам класса высшего красноречия⁹⁷¹, где затевалось предлагать ученикам мнения о изящном и высоком Квинтилиана, Лонгина, Фенелона, Роллена и т. п. авторов и критически разбирать разные образцы красноречия. Но привычка к исключительно-формальному направлению риторики так и не дала развиваться этим попыткам; в классе высшего красноречия ученики продолжали заниматься одним и тем же риторическим разбором авторов и изучением одних и тех же форм ораторской речи, что и в классе обыкновенной риторики, – в отличие от последней главное внимание здесь обращали только на сочинение ораторских речей и в частности проповедей, как высших проявлений красноречия. Проповедей своего сочинения риторами однако еще не дозволялось произносить в церкви, они пока читали их только в классе, приучаясь таким образом к своему будущему проповедническому служению. Нельзя не

упомянуть здесь об употреблявшейся тогда в риторике и пиитике весьма важной отрасли словесного обучения, которая в наше время к сожалению совершенно оставлена без внимания; мы разумеем обучение правильному ораторскому чтению или, как оно называлось в старых семинариях, перорации, пронунации. С целью этого обучения риторические и пиитические учителя постоянно заставляли учеников читать вслух с классной кафедры, причем следили за произношением каждого слова, приучали их к верным грамматическим и логическим ударениям речи, поправляли неверности в интонации и даже учили приличному употреблению жестов. В начале текущего столетия начальство петербургской академии нарочно приглашало на ученические собрания знаменитого тогдашнего актера Яковлева, – и тот или сам декламировал стихи, наприим. оду Бог, или заставлял читать учеников и при каждой ошибке поправлял чтение. Не мудрено, что наши старые духовно-учебные заведения выпускали столько известных своею пронунацией ораторов и что чтение какого-нибудь скромного пииты или ритора на каком-нибудь старом семинарском собрании отличалось большею осмысленностью и правильностью, чем даже публичная актовая речь любого профессора нашего времени.

Риторические упражнения учеников продолжались и в следующем философском классе. М. Платон постоянно требовал, чтобы преподаватель философии от времени до времени повторял объяснение риторики и задавал студентам темы для сочинения писем, хрий и всякого рода речей: „в противном случае, если они будут заняты одними умозрениями, писал он, риторические упражнения легко могут выйти у них из памяти”. С тою же целью философские диссертации велено было излагать не в форме одних сухих силлогизмов, но на манер речи ораторской. От самого учителя требовалось, чтобы в объяснениях философских материй, поставив на каждую материя требуемые ею положения или тезисы методом аналитическим и доказав каждое в форме силлогистической, он затем приводил их в порядок методом синтетическим и излагал уже не в форме философской демонстрации, а в форме

риторической. Под конец описываемого времени, когда по некоторым семинариям стали заводиться классы высшего красноречия, вместе с риториками их обязывались посещать и философы с богословами.

Философский курс, как и риторический, располагался тоже на два года. Философское движение второй половины XVIII в. заставило духовных властей обратить особенное внимание на усовершенствование и обновление философского преподавания в семинариях. Старые рукописные трактаты по философским предметам основанные на началах Аристотелевой и схоластической философии, оказывались теперь уже неудовлетворительными и по почину академии стали заменяться новыми руководствами. Разрушительной силе модной французской философии в дух. школах старались противопоставить новые системы солидной немецкой философии, между которыми особенным благоволением у наших философов пользовались системы Лейбнице-Вольфианской философии, казавшейся наиболее благоприятной для философского обоснования религиозных истин; выработанные ею онтологические понятия, как известно, служат главным основанием для построения всех рациональных доводов, какими пользуются для подтверждения религиозных положений все наши догматические системы до сего времени. Система одного из умереннейших и многостороннейших представителей этой философии Баумейстера (*Elementa Philosophiae recentioris*) сделалась общим учебником для всех духовно-учебных заведений еще с 1760-х годов, а в 1780-х по частям была переведена уже на русский язык. Ученым духовенством она ценилась весьма высоко. Впечатление, какое она производила на знакомящихся с нею своим свежим и сравнительно свободным от схоластики направлением, прекрасно выражается в отзыве, какой еще в 1755 г. сделал об ней Георгий Конисский в письме к митрополиту киевскому Тимофею; он считал для себя за особенное несчастье, что не учился и не учил по ней в свое время сам, „ибо на сметтях (соре) интерпретов Аристотелевых времени всеу не потерял бы было... Что ни учится в ней, все

основательно, твердо и ясно учится, и нет кажется ничего, что бы не было средством ко смете философии, т. е. блаженному человеческому житию. Логика его от сметы схоластиков, можно сказать, седмижды перечищенная. Метафизика твердые основания прочим дисциплинам по ее должности полагает. Этика человеку к познанию себя и своей должности чувствительно очи отворяет"⁹⁷². Полный курс философских наук состоял по Баумейстеру из логики, физики, метафизики и нравственной философии. Но некоторые из этих наук читались с дополнениями из других авторов, другие далее вовсе заменялись иными руководствами. Так в логике прибавлялись трактаты о законах мышления из Прокоповича и *de logicis distinctionibus* из Вейссена, физика читалась с большими дополнениями из Винклера, Мушенброка и Эйлера, в некоторых семинариях далее вовсе заменялась физикою, изданной для нормальных школ; ифизика дополнялась или заменялась сочинением Пуффендорфа о должностях человека и гражданина, а по местам вовсе не читалась в надежде на то, что все относящееся к морали лучше будет изучено в богословском классе по христианскому учению. Кроме того везде было принято вводить в преподавание философии элемент исторический, который много способствовал к смягчению в этом преподавании остатков прежнего схоластического направления науки. Каждая глава учебника должна была предваряться историческим изложением прежних философских мнений об ее предмете с изложением их доказательств и критикою последних. Краткие замечания этого рода у Баумейстера дополнялись из Буддея, Гейнекия и Бруккера, а потом с течением времени по семинариям введено было преподавание полной истории философии в отдельном виде, большею частью по Бруккеру. – Необходимую принадлежность философского класса были диспуты, которые с него начинались и затем продолжались в богословии. Ученики философии, равно как и богословии, считались высшими и в отличие от других учеников по-прежнему носили название студентов.

Мы видели, что до царствования Екатерины оба высших класса существовали только в 8 семинариях и еще 3 семинарии заканчивали свои курсы философией. В течение описываемого времени классы эти открыты были уже во всех семинариях за исключением только некоторых самых новых, которые до 1809 г. еще не успели завести их по краткости времени своего существования. Лучшим свидетельством того, как много препятствовала полному развитию курсов прежняя семинарская бедность, может служить то, что с того времени, как на семинарии стали назначаться постоянные штатные оклады, особенно в 2000 р., открытие высших классов пошло гораздо живее, чем прежде. В новых семинариях, с самого начала снабжавшихся 2000-м окладом, открытие их, как мы видели, происходило большею частью очень скоро. Из старых богословский класс до оклада заведен был, кажется только в одной тобольской семинарии, около 1762 г. при м. Павле Конюскевиче⁹⁷³ затем в остальных везде уже после назначения окладов: в 1760-х гг. в семинарии владимирской и костромской⁹⁷⁴, в 1769–70 в ярославской⁹⁷⁵, около 1775 – в вятской⁹⁷⁶ и нижегородской – сначала в одном классе с философией, потом после прибавки оклада в 1780 гг. в отдельном виде⁹⁷⁷, в 1778 и 1779 г. в воронежской⁹⁷⁸, около 1779 – в рязанской и вологодской⁹⁷⁹. Из старых юго-западных семинарий до штатов высшие классы открыты были только в семинарии переяславской, философии в 1774, богословия в 1778 гг., но в 1785 г. по случаю приписки этой семинарии к киевской академии снова были закрыты и вновь открылись уже в 1799 г., когда она опять объявлена самостоятельной⁹⁸⁰. Другие семинарии, черниговская и белорусская, завели высшие классы уже после назначения окладов⁹⁸¹. Открытие богословского класса везде считалось великим торжеством для семинарии, так как этим актом завенчивались все тяжелые труды и заботы местного дух. начальства и по устройению самой школы и по обеспечению церковной службы людьми богословского образования. Архиереи праздновали это торжество, не только как школьное, но и как общественное, имеющее значение для всего местного края. Для этого перед

днем открытия богословского класса публике давалось надлежащее извещение о предстоящем празднике, накануне в соборе или в семинарской церкви служилась торжественная литургия с участием самого архиерея и почетного духовенства города, в присутствии всей городской знати и народа. По окончании богослужения из церкви открывалось церемониальное шествие всей семинарской корпорации, архиерея, духовенства и публики в семинарский зал при звоне всех городских колоколов и пении церковных песней; здесь происходил публичный акт с речами, изъяснявшими важность богословской науки и важность празднуемого торжества, стихами, кантами, концертами и диспутами учеников. После акта архиерей благодарил публику за участие в школьном и вместе епархиальном торжестве и приглашал почетных посетителей и учителей к себе на обед⁹⁸².

Богословский курс продолжался обыкновенно два года, но, принимая во внимание важность его для духовного образования, и по разным практическим соображениям некоторые архиереи растягивали его на 3 и на 4 года; вот напри- как мотивировано было подобное распоряжение (1787 г.) Парфением смоленским: „через сокращенное преподавание наук (богословских) ученики оказываются без твердого знания в богословии, как относительно св. Писания, в священной и церковной истории, так и в моральной науке оказываются недостаточными, и при том в таких молодых летах из семинарии выходят, что не только к священству, но и к дьяконству правильных лет не имеют”⁹⁸³. Богословский класс действительно был средоточием всего специального духовного образования и в интересах церковной службы требовал особенного внимания со стороны духовных властей и самих учащихся, так как раньше его, в младших классах, изучение истин православной веры и нравственности ограничивалось одним общеобразовательным катехизическим обучением с очень небольшим числом уроков, задававшихся из Катехизиса или Прав. Исповедания веры на праздничные дни, да еще обязательным для всех учеников слушанием катехизических поучений в семинарской или училищной церкви по

воскресениям до или после литургии. С другой стороны богословский курс с течением времени все более и более разрастался по своему объему и по числу входивших в его состав предметов, так что, при господствовавшем тогда чисто практическом методе преподавания последних, мало имевшем необходимой для экономии времени компактности, мог действительно сильно стесняться одним двухлетним сроком. Так наприм. изучение св. Писания и отцов производилось с помощью одного ежедневного классного их чтения и устного толкования наставника, и без учебных руководств требовало очень много времени и труда; по изучению св. Писания труд этот еще несколько облегчался Руководством к чтению св. Писания Амвросия Подобедова и некоторыми латинскими пособиями (Озиандера, Буддея, Турретина, Кальмета и Рамбахия), но отцы прямо читались в подлиннике. Изучение канонического права тоже состояло в чтении и толковании церковных правил в их полном виде по порядку Кормчей; к нему присоединялось еще изучение книги о должностях пресвитеров приходских, заменявшей тогда так называемое пастырское богословие. Церковная история в отдельном виде стала вводиться в семинарии уже в самом конце XVIII в. и преподавалась – общая большею частью по Лангию, Мосгемию и Бингаму, русская – по истории м. Платона. Раньше же церковно-исторические сведения сообщались ученикам отрывочно и далеко не сполна, главным образом при преподавании богословской системы применительно к истории догматов, причем нужные сведения заимствовались преподавателями и выписывались учениками из Иосифа Флавия, Евсевия, Сократа, Созомена, Феодорита и др., а также из Мосгемия и Бингама. Церковная археология изучалась исключительно по Бингаму. В некоторых семинариях, преимущественно в костромской и рязанской при преосв. Симоне Лагове и в тульской при Мефодии, в семинарский курс введена была еще пасхалия, которой указанные архиереи придавали очень важное значение, будучи сами авторами наших первых пасхальных руководств.

В преподавании самого богословия система Феофана Прокоповича получила господство во всех семинариях, ею руководствовались почти все авторы новых и письменных и печатных систем богословия, которые в описываемое время являлись в разных духовно-учебных заведениях. В 1770-х гг. трудами Самуила Миславского в первый раз были изданы в печати и самые трактаты Прокоповича. Богословская наука значительно оживилась, попав в руки новых деятелей на поприще духовного образования из великоруссов и сделала решительный шаг к освобождению своему от уз мертвившей ее схоластики. Вместо систем католических, новые богословы вслед за Прокоповичем стали исключительно руководствоваться системами протестантскими Квенштедта, Голлазия, Гергарда, Брейтгаупта, Буддея, Турретина и др., стараясь с помощью их заменить в своем богословствовании прежние исключительно – диалектические приемы в раскрытии богословских истин приемами новой протестантской науки, основанными на тщательном изучении св. Писания, церковной истории и церковных древностей, хотя и нередко рискуя слишком далеко увлечься самими богословскими воззрениями протестантизма в ущерб своему православию. Таковы были особенно богословские системы издателя и продолжателя Прокоповичевских трактатов, бывшего ректора киевской академии, потом митрополита Самуила Миславского, и ректора московской академии Феофилакта Горского, имевшие большое влияние на богословское образование, так как в некоторых семинариях были приняты прямо в качестве учебных руководств. Несколько новых систем явилось в самих семинариях. Одними из самых ранних были: система, читанная в Троицкой семинарии на латинском языке Платоном (1761–1763 г.), затем его же Сокращенная христианская Богословия (1765 г.) на русском языке, принятая вскоре за руководство для преподавания богословия на русском языке во всех духовно-учебных заведениях. Преемники Платона по богословской кафедре, Иларион, Павел Зернов, Аполлос, Мефодий Смирнов тоже составляли свои записки по богословию, следуя направлению Прокоповича, которого отчасти держался и

Платон, и все более и более освобождая богословскую науку от остатков схоластики, но записки эти остались неизданными в печати. Лекции Мефодия, который, хотя и очень близко подражал Феофану, но гораздо больше всех своих предшественников успел развить в богословии элемент исторический и освободиться от скучного хлама схоластических тонкостей, до такой степени пришлись по душе его слушателям, что когда в 1790 г. он был переведен из семинарии в московскую академию, Троицкие студенты толпами устремились за ним в академию, чтобы слушать лекции любимого наставника. Ректор коломенской семинарии (1771–1772 г.) Иакинф Карпинский (из воспитанников киевской академии) составил для своих учеников *Compendium orthodoxae theologiae doctrinae*, которое после своего издания в печати в 1786 г. принято было во многих семинариях, как весьма удобное по своей краткости руководство, и в непродолжительном времени выдержало три издания. Тверская семинария прославилась богословскими трудами двоих своих ректоров св. Тихона (славного воронежского святителя) и Макария Петровича, воспитанника московской академии, родом из Венгрии, изданными в 1780-х годах на русском языке. Сочинение первого Об истинном христианстве, составленное им из тверских его лекций не в форме ученой системы, а в форме простого и общедоступного изложения богословских истин, имело значение только книги для назидательного чтения; но Православное учение восточной церкви Макария вскоре после своего издания сделалось лучшим руководством для семинарий почти наравне с богословием Платона и после, при имп. Александре I, рекомендовано комиссией о усовершенствовании дух. училищ к классическому употреблению. В самом конце XVIII столетия явилась еще новая латинская система богословия (*Compendium theologiae classicum*), составленная ректором казанской академии Сильвестром Лебединским по Прокоповичу и Голлазию, а в 1802 г. в Киеве вышло новое *Compendium* самой системы Прокоповича и Миславского, составленное ректором киевской академии Иринеем

Фальковским и рекомендованное после комиссией об усовершенствовании дух. училищ в качестве учебника.

Освобождению богословской науки от схоластики всего более способствовало постепенное введение в ее преподавание русского языка и особенно издание на нем в печати самих богословских систем. Явившись из своего прежнего школьного заключения перед публикой, она сама должна была почувствовать все неприличие своего прежнего средневекового наряда из старых схоластических отрепьев и странность своих угловатых школьных приемов и своего условного языка, понятного для одних школяров и дикого для всех обыкновенных людей вне школы; в переводе на русский язык виднее стала также фиктивность и бесплодность разных ее старых дефиниций, дистинкций, изысканных квестионов, диспутаций, рефутаций и аргументов и она должна была приучаться к более ясному, естественному и самостоятельному взгляду на богословские предметы. Можно положительно сказать, что эта разработка богословия на отечественном языке была в одинаковой мере полезна как для публики, в первый раз знакомя ее с богословской наукой, так и для самих русских богословов, способствуя развитию их богословского языка и самой богословской науки. Начало ее имело такое же значение в истории нашей богословской школы, какое в развитии ученика-дитяти имеет тот момент, когда он в первый раз чувствует себя в состоянии пересказать свой урок уже не только чужими словами учебника, но и сознательно своими собственными словами. Понятно то впечатление, какое в кругу ученого русского духовенства произведено было появлением на русском языке первой богословской системы Платона. „Богословие, вами сочиненное, писал к нему ректор лаврской семинарии Варлаам, получил я с таким удовольствием, какое обыкновенно чувствует человек от величайшего, неожиданного радостного события. Доселе все мы при изучении богословия пользовались книгами чужими для нас как по языку, так и по религиозным воззрениям, от чего многим пришлось немало уклониться от веры православной. Но теперь, когда станут читать напечатанную на отечественном языке вашу книгу, не

будет нужды в иностранных руководствах, потому что все необходимое для спасения можно почерпнуть из вашей книги. И так вы достойны того, чтобы ученые и неученые, но желающие просветить свой ум истинною божественною, принесли вам глубокую благодарность... Не подумайте, чтобы в моих словах скрывалась лесть; свидетельствуюсь истинною божественною, которая так изложена точно в вашей книге, имеющей особенно то достоинство, что она очищена от бесполезных вопросов схоластических и тонкостей в изъяснении св. Писания, которые представляют много трудностей, а ко спасению или мало или вовсе не относятся”⁹⁸⁴.

Школьные богословы впрочем долго не могли расстаться ни с латынью, ни с схоластическими формами изложения своих уроков, так что в полном своем виде общедоступная форма богословствования на русском языке была прилагается ими только к катехизаторству, которое поэтому и доселе еще не потеряло своего прежнего воспитательного значения для русских богословов. Популярная форма Платоновского богословия все еще казалась как-то мало солидною для серьезной аудитории. Сам Платон, внушая своим Троицким ректорам, что „Богословие Христово состоит не в препретельных человеческой мудрости словесех”, и требуя от них, чтобы в преподавании „устраняемы были все пустые и бесполезные вопросы, которыми обезображены книги римских католиков”. находил все-таки необходимо нужным преподавать богословие в прежних, школьных формах и непременно на латинском языке, кроме того обращал большое внимание на Диалектическое развитие учеников богословии в духе прежней схоластики и требовал. „чтобы диспуты бывали чаще и чтоб они способствовали к большему поощрению ума учеников”. Диспуты эти действительно производились по семинариям очень часто. Одни из них, диспуты приватные, производились в одном семинарском кругу, приурочиваясь к семинарским собраниям, в одних семинариях каждую субботу, в других чрез две недели, в третьих каждый месяц. Другие диспуты были публичные, назначались по два раза в год, пред рождественскими и летними каникулами, или только однажды перед последними

каникулами при окончании учебного года, и сообразно с требованиями тогдашнего пышного века обыкновенно окружались особенно торжественной обстановкой, стоившей больших хлопот и приготовлений для всей семинарии, начиная с ректора и оканчивая последним служителем, который должен был усыпать песком и травой весь путь преосвященного по семинарскому двору и коридорам в актовъ зал. Самый зал убирался цветами. Ученики, назначенные участвовать в торжестве, облакались в особое платье, наприм. в костромской семинарии они являлись на „препоты“, как звали диспуты костромичи, одетыми в длинные белые хитоны с крыльями назади, в венках и с ветвями в руках. Объявление о диспутах и тезисы, о которых назначалось спорить, рассылались перед диспутом ко всем почетным лицам семинарского города на разрисованных листах. Семинарские певчие и музыканты, где последние были, готовили к увеселению публики разные канты и др. пьесы. Приведем в образчик описание Диспутов в нижегородской семинарии при пр. Дамаскине Руднев⁹⁸⁵.

Для этих диспутов здесь была устроена даже особая кафедра по примеру геттингенского университета, где учился когда-то сам архиерей. „На ней было два места вверху и внизу, занимаемые во время диспутов возражающим и отвечающим. На трех боковых стенах этой кафедры были изображения из мифологии и древней истории. С одной стороны нарисован был великолепный храм Минервы с латинскими стихами о постепенном приобретении просвещения; с другой Диогенова бочка с надписью о мудрости, почивающей не на мягком ложе, а с третьей изображен был горящий светильник, как символ просвещающих наставников. Пред наступлением диспута певчими изучаемы были канты, а студентами речи на разных языках, стихи, разговоры и темы для ученых состязаний. Все это заранее представляли самому Дамаскину на рассмотрение. Накануне диспута покупали пудры, шпилек и нанимали парикмахера для уборки 13 студентов. Тоже было и пред поздравлением преосв-го во дни торжественные и праздничные, когда произносились студентами поздравительные речи. В день самого диспута преосв-ный с почетными лицами, в

сопровождении хора певчих, торжественно ходил из своего дома в семинарию. По приходе в большой ее зал произносились убранными студентами приветственные и благодарственные речи на 8 языках: русском, латинском, греческом, немецком, французском, татарском, чувашском и мордовском. На первых трех языках читались и стихи, а порусски разговоры и состязания между двумя приготовленными студентами под руководством префекта или ректора. Для большего увеселения публики различные чтения перемежались пением кант". Также производились диспуты и в других духовно-учебных заведениях, с тем только различием, что в большей части этих заведений они велись не на русском, а на латинском языке. Подготовка диспутов и ведение их стоили ректорам и префектам так много хлопот, что некоторые архиереи давали им за это особые награды от 10 до 25 р.⁹⁸⁶ Особенно горячи были диспуты в Киеве, где в них нередко вступались посетители из иноверцев. Может быть, не по этой ли причине м. Самуил Миславский и порешил совершенно вывести их из употребления в своей академии, после чего они и остались там в одних только классах между студентами⁹⁸⁷.

Кроме диспутов студенты богословии должны были упражняться и заявлять свои успехи в разных диссертациях на латинском и русском языке, которые задавались в этом классе обыкновенно на месяц, и еще в проповедях, сочинение которых было для них обязательно по несколько раз в год. После предварительного рассмотрения учителем богословии или риторики и надлежащей подготовки авторов в декламации, проповеди эти по выбору произносились в семинарской церкви. Для этого студенты богословии в течении своего курса почти все были посвящаемы по очереди в стихарь.

Все рассмотренные доселе предметы относились к числу специальных предметов дух. образования, считавшихся ординарными, на которые обращено было главное внимание дух. начальства и преподавание которых развивалось с особенным успехом, как наиболее полезное для подготовки воспитанников к церковной службе. К числу подобных же специально-духовных предметов издавна относились еще

греческий и еврейский языки, но изучение их под давлением латыни развивалось уже не так успешно и они никогда не могли возвыситься до степени предметов ординарных, считаясь только полезными. До 1780-х гг., когда на усиление греческого языка в семинариях обратило внимание само правительство, увлекавшееся тогда своим пресловутым греческим проектом, греческий класс не считался для семинарии даже обязательным и был заводим в них разными архиереями по доброй воле и по мере материальных средств. Ученики поступали в него тоже по желанию или по назначению начальства в самом ограниченном числе и притом не с низших классов, а только из риторики, философии и богословия. Так даже в Троицкой семинарии, где греческий язык преподавался усиленнее, чем во всех других семинариях, по особенной любви к нему Платона, число учеников греческого класса в 1767 г. доходило только до 9, потом до 15; Платон приказал увеличить его еще по крайней мере до 20. В 1784 г. именным указом предписано было „предпочтительнее других языков преподавать в семинариях греческий язык, как в рассуждении, что книги священные и учителей православной нашей греко-российской церкви на нем написаны, так и потому, что знание сего языка многим другим наукам пособствует“, и по истечении трех лет после этого распоряжения принять за правило замещать убылые места на церковной службе преимущественно людьми знающими этот язык. Вследствие этого указа св. Синод распорядился ввести изучение греческого языка во всех семинариях в самом скором времени и учить на нем „не только читать, но писать, говорить и переводить совершенно, для чего и учителей определять достойных и знающих“; вместе с тем предписано в представляемых в Синод списках, учащих и учащихся обозначать, кто из них и как знает греческий язык⁹⁸⁸. Но и после этого распоряжения изучение этого языка, хотя и действительно было введено повсюду, все-таки по-прежнему считалось для учеников необязательным, и находило очень немного охотников; обязательным оно объявлено было другим высочайшим указом в царствование Павла Петровича 1798 г.⁹⁸⁹. Еще в большем пренебрежении было изучение языка еврейского, так что до

1798 г. классов его в большинстве семинарий не было вовсе, а где и были, то посещались только небольшим числом учеников двух высших классов, богословия и философии⁹⁹⁰. Так продолжалось до 1798 г., когда по упомянутому указу государя Синод предписал: „языкам еврейскому, а наипаче греческому, яко нужным для уразумения св. Писания, обучаться всем студентам“. Ординарными предметами эти не сделались однако и после этого указа, да и самая обязательность их вводилась не скоро и не во всех семинариях; так наприм. в смоленской семинарии греческому языку до самого конца описываемого времени учились только желающие из учеников старших четырех классов, начиная с пиитики, а еврейский класс в 1804 г. только лишь был открыт⁹⁹¹. Еще позже он открылся в семинарии нижегородской⁹⁹², а в некоторых даже весьма видных семинариях, наприм. псковской и владимирской, кажется, так и не открывался до самой реформы дух. училищ.

Руководством по грамматике греческого языка служила грамматика Варлаама Лящевского, а для переводов употреблялись Новый Завет, сочинения Златоуста, речи Демосфена, разговоры Лукиана и Посселиевы и др. авторы. Для изучения еврейского языка служили грамматика Васмута, Пфейфера, Шредера, *Clavis Hebraei codicis* Лангия, *Philologia sacra* Глассия, из Библии книги Бытия и Псалмов. На том и другом языке ученикам полагалось не только читать, но и говорить. По еврейскому языку такие знатоки едва ли где бывали по семинариям, но в греческом, несмотря на то, что изучение его, как и еврейского, назначалось только в высших классах, лучшие ученики действительно доходили до весьма высокой степени знания, так что могли свободно писать на нем свои упражнения и в прозе и в стихах. Выше всех семинарий в этом отношении стояла семинария Троицкая, для которой Платон нарочно подыскивал учителей или по крайней мере репетиторов из природных греков, а учителей из русских заранее специально готовил к их должности. Кроме древнего греческого, студенты изучали здесь еще новогреческий язык и привыкали на нем объясняться. В помощь студентам при изучении еврейского языка Платон тоже подыскивал иногда

репетиторов из природных евреев⁹⁹³. Несмотря впрочем, на все старания об усилении преподавания этих языков и со стороны правительства и со стороны епархиальных властей, оно до последнего времени было подавляемо исключительным преобладанием латыни, что заметил и комитет 1808 года. Греческий язык находил еще значительное число усердных и знающих как учителей, так и студентов, и судя по сохранившимся до нас упражнениям учеников, сам по себе преподавался на теперешний взгляд, можно сказать, даже блестяще, так что успехи его преподавания могли казаться тогда слабыми только сравнительно с преподаванием латыни, но преподавание еврейского языка действительно было слабо безотносительно. Когда в 1809 г. для преобразованной петербургской академии набирался первый курс из самых лучших студентов всех академий и 23 семинарий, то на произведенном им приемном экзамене познания их в еврейском языке оказались, по отзыву профессора Хорна, „крайне недостаточными“⁹⁹⁴.

По языкознанию весьма важною новостью в описываемое время было введение в духовно-учебный курс изучения новых языков, немецкого и французского, чрез которые духовная школа получала возможность входить в общение не с одною отжившею мудростью народов древних, но и с мудростью народов новых и чрез то подниматься понемногу на современный уровень образования. Мы видели, что сознание важности этой отрасли образования стало развиваться между дух. властями еще в царствование имп. Елизаветы и что в конце этого царствования некоторые более богатые и благоустроенные духовные школы начали действительно заводить у себя французские и немецкие классы. Троицкая лавра для приготовления к занятию их кафедр отправила двоих студентов в университет, а в 1763 г. открылось и самое преподавание этих языков в семинарии. После назначения школьных окладов, особенно в 1770-х и 1780-х гг., архиереи один за другим заводили язычные классы в своих семинариях; новые семинарии были снабжаемы этими классами с самого начала своего существования. К концу описываемого времени

их не доставало разве может быть, только в очень небольшом числе семинарий. Замечательно, что епархиальные и школьные начальства прилагали особенное старание о достойном замещении их кафедр людьми знающими, особенно кафедры языка французского, имевшего такое важное значение в тогдашнем образовании. Знание того и другого, особенно последнего языка требовалось от учеников живое, такое, чтобы они могли не только читать, но и объясняться по-немецки и по-французски. Поэтому преподавание того и другого иногда поручалось или природным немцам и французам, обыкновенно с возвышенными против других учителей окладами жалованья, или русским учителям из людей светских, между которыми легче можно было найти требуемое знание этих языков, чем между духовными. Мы видели также, что для приготовления к учительству по новым языкам некоторые архиереи отправляли своих студентов в светские учебные заведения. Уроки по языкам были каждодневные и наполовину состояли в разговорных упражнениях. По времени они распространялись обыкновенно на 4–6 лет, начинаясь или в синтаксисе или чаще в риторике и заканчиваясь в философии, редко в богословии. Ученики с своей стороны охотно записывались на язычные классы, особенно на французский и, судя по табелям Троицкой семинарии, даже в большем числе, чем даже на греческий, тем более на еврейский класс. Кроме того, что новые языки, особенно французский, были в моде и незнание их было некоторым образом постыдным признаком человека необразованного, у духовных воспитанников при изучении их были еще разные практические расчеты. Наприм. киевская академия в объяснение того, почему студенты мало записываются на еврейский язык, писала м. Арсению, что знание этого языка мало полезно бедным ученикам, ибо с этим знанием никого не приглашают к себе господа на кондиции, тогда как знающих французский и немецкий языки непрестанно приглашают⁹⁹⁵. Нечего и говорить, что этот резон должен был иметь важное значение не в одном только Киеве. Из записок Мартынова видно, что студенты главной петербургской семинарии извлекали еще другую пользу из знания новых

языков, переводя с них на русский язык разные статьи для журналов. „Тогдашние издатели студенческими переводами не брезгали, зная по опыту, что они дешевле всяких других. Случалось и так, что перевод делал студент за какую-нибудь ничтожную плату, а на заглавном листке выставлялось имя какого-нибудь известного уже российского Клопштока”⁹⁹⁶. Такого рода пользу из знания новых языков удобнее можно было извлекать, разумеется, только в столичных школах, где поэтому главным образом и процветало языкознание, но изредка переводные труды семинаристов являлись в свет и из провинции. Так, из воронежской семинарии явились составленные под редакцией префекта Болховитинова ученические переводы книг абб. Нонота Вольтеровы заблуждения и Мопертюи Философские размышления о происхождении языка и знаменовании слов.

Нельзя не заметить здесь кстати, что знакомство с французским языком, дававшее студентам возможность знакомиться с произведениями модных французских писателей, иногда дурно отзывалось на их религиозных убеждениях. В своем Путешествии из Петербурга в Москву Радищев недаром выводит в одном месте семинариста приверженца вольнодумных идей. Сочинения модных авторов можно было добывать тогда очень легко; их имели даже некоторые семинарские библиотеки, напим. троицкая, где значились купленными в 1772 г. творения Монтескье и Вольтера, и воронежская, в каталоге которой значилось 123 т. французской энциклопедии, словарь Бэйля и множество томов сочинений Вольтера⁹⁹⁷. Между самими учителями, особенно из светских, находились люди, которые, по приведенному уже нами свидетельству Сперанского, осмеливались в классе проповедовать ученикам Вольтера и Дидро. Пока в высших сферах общества и государства шла известная игра в философию, все это благополучно сходило с рук: но после того, как грозные события французской революции обнаружили весь смысл этой рискованной игры и против модной французской философии началась правительственная реакция, реакционные меры дошли и до наших скромных рассадииков духовного

просвещения, но, как и доселе бывает в подобных случаях, опрокинулись не на результаты известного направления науки, а на самую науку. В августе 1794 г. м. петербургский писал киевскому: „семинаристы ваши обучаются французскому языку; но как опыт доказал, что неблагонамеренные из них знанием сего языка злоупотребляют, мне поручено вашему преос-ву писать, чтоб благоволили сей класс оставить”⁹⁹⁸. Такое же распоряжение объявлено было и во все другие епархии. К счастью оно действовало недолго; в апреле 1797 г. имп. Павел, будучи у Платона в Вифании, дал приказ снова открыть французский класс по семинариям⁹⁹⁹.

Из многочисленных языков самой Российской империи изучался один польский и в одних только западных семинариях (псковской и белорусской) и в киевской академии. На изучение инородческих языков Поволжья первый обратил внимание преосв. Дамаскин Руднев нижегородский. В 1784 г. императрица поручила ему составить словарь всех языков его епархии, „считая, как она писала в рескрипте, что в нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов, в епархии пребывающих”. В семинарии учение это едва ли тогда еще преподавалось; но людей знакомых с инородческими языками найти было можно и в семинарии между учениками и особенно между духовенством инородческих приходов. Знаниями их Дамаскин и воспользовался для выполнения высочайшего поручения; работа пошла быстро и в 7 месяцев составлен был огромный двухтомный словарь четырех инородческих языков, – татарского, мордовского, чувашского и черемисского. Занявшись этим делом, архиерей увлекся им, даже сам занялся составлением мордовской грамматики, а главное – ввел изучение татарского, мордовского и чувашского языков в своей семинарии. В 1787 г. ученики говорили уже на этих языках речи во время торжественного семинарского диспута¹⁰⁰⁰. В конце XVIII в. в астраханской епархии тоже начались попытки к введению в тамошней семинарии преподавания языков татарского, армянского и калмыцкого, но „по недостатку учителей эта ветвь знаний не имела желаемого успеха”¹⁰⁰¹. Очень долго она не имела успеха даже в такой

важной для инородческого вопроса семинарии, как казанская, хотя по потребностям местной христианской миссии среди инородцев мысль о преподавании инородческих языков по всей вероятности должна была возникнуть здесь гораздо раньше, чем в нижегородской епархии. Напуганное волнениями инородцев восточного края, правительство имп. Екатерины и Павла I, как известно, довольно неблагоприятно смотрело и на дело самой миссии, так что едва вовсе его не уронило. Пришли в упадок даже прежние инородческие школы казанской епархии. Проповедников, которые были учреждены здесь для дела миссии в 1764 г. после закрытия новокрещенской конторы, в 1799 г. не велено было посылать к инородцам без предварительного сношения с губернатором. Среди таких обстоятельств вопрос об изучении инородческих языков в казанской семинарии в первый раз официально был поднят уже в 1798 г. при преобразовании семинарии в академию. Представляя св. Синоду свое мнение о том, что требуется в семинарии исправить или пополнить, казанский преосвященный Амвросий Подобедов высказал здесь между прочим желание ввести в нее преподавание татарского языка. Через два года после этого, когда закрыты были новокрещенские школы, класс татарского языка действительно был открыт при академии и с этих пор оставался при ней постоянно. Классы чувашский и черемесский явились уже после общей реформы дух. школ при имп. Александре I. Ученики начинали свое обучение татарскому языку с низших классов и продолжали его чрез весь семинарский курс, но по недостатку учебных пособий и неудобству назначенного для него времени (по субботам после обеда) успевали в нем так мало, что „самое обучение, по отзыву об нем, сделанному в 1829 г. преосв. Филаретом Амфитеатовым, почти никакой существенной пользы не приносило”¹⁰⁰².

Не принимая в расчет малоуспешности этой отрасли языкознания и еще сравнительно слабых успехов учеников в изучении языка еврейского, и говоря вообще, мы не можем не признать, что языкознание составляло едва ли не самую сильную сторону общего образования наших старых семинарий,

которая заставляла высоко ценить их воспитанников во всех высших учебных заведениях, куда они поступали учиться, и отчасти на разных поприщах службы гражданской. При сильном логическом и диалектическом развитии и привычке к умственному труду знание языков давало семинаристу богатые средства быстро ориентироваться на каком угодно ученом поприще, на которое наталкивала его прихотливая судьба, и, что называется, не ударить в грязь лицом. К сожалению нельзя того же сказать о других экстраординарных предметах, относящихся к тому же общему образованию, так как они постоянно оставались в пренебрежении и со стороны учеников и со стороны школьных начальств, – мы говорим о математике, географии и истории.

Математическое образование ограничивалось изучением одной арифметики. Взгляд на него дух. властей всего лучше выражается в судьбе математических наук в семинарии Троицкой, где они преподавались, как мы знаем, и прежде в качестве наук нужных собственно для приказной лаврской службы. В 1763 г. воротился из университета посланный в него на лаврский счет студент Башилов и лавра поручила ему преподавать в семинарии геометрию, тригонометрию, геодезию и др. науки, которым он сам обучался, но не семинаристам, готовившимся на церковную службу, а по-прежнему только детям лаврских приказных и служителей, назначавшимся на службу лаврскую. Чрез 2 года по выбытии его со службы класс этот закрылся и при семинарии осталось одно арифметическое обучение, и то до 1767 г. не для всех учеников обязательное; в этом году Платон потребовал чтобы ученики низшего класса все учились арифметике. В 1772 г. явился в лавре другой студент из университета подобный Башилову, Ключарев, и семинария изъявила было намерение поручить ему обучение семинаристов геометрии, тригонометрии и алгебре, но Платон дал на это такую резолюцию: „обучать геометрии, тригонометрии и алгебре в семинарии нашей, яко духовной, нужды не признается, а можно назначить его обучать арифметике”. В 1790 г. опять случайно открыт класс „математических частей или высшей арифметики” неким коллежским асессором Назаровым, который

попал в лавру для пострижения в монахи, но и на этот раз держался недолго¹⁰⁰³. Другой пример такой же судьбы математических наук представляет история харьковского коллегиума. Мы видели, что в 1765 г. еще во время полного развития его общесловесного значения, местное дворянство исходатайствовало ему у императрицы 3000 р. оклада для усиления в нем преподавания новых языков и некоторых светских наук, в том числе математики, инженерства, артиллерии и геодезии, нужных для учившихся в нем молодых людей из дворян. Преподавание этих дворянских наук действительно было открыто при коллегиуме, но так же, как и преподавание математики в Троицкой семинарии, отдельно от общего семинарского курса, для одних светских учеников, а года через три коллегиум постарался и совсем освободиться от этих чуждых ему классов, отдавши и самый оклад на них в распоряжение губернской канцелярии¹⁰⁰⁴. Из всех семинарий некоторым развитием математических знаний отличалась только петербургская после 1788 г., когда она объявлена главной и организована на манер главных народных училищ; с этого времени сверх арифметики в ней стали преподаваться геометрия и тригонометрия, кроме того еще опытная физика, механика и естественная история¹⁰⁰⁵, которых не было еще ни в одной семинарии. После 1798 г. математика в этих же размерах, а также естественная история с физикой введены были в курс четырех окружных академий. Затем все остальные семинарии и училища до последнего времени оставались при одной арифметике. Первоначально даже и она была введена не повсюду, а где и была введена, то оставалась большею частью предметом не обязательным для учеников, как это мы видим даже в такой образцовой семинарии, как Троицкая. Повсюдное распространение ее по дух. школам в качестве науки общеобязательной началось уже с 1786 г., когда по требованию правительства и указу св. Синода (от 27 декабря 1785 г.) в семинариях и училищах стал вводиться порядок, установленный в народных училищах. Но и после этого на нее долго не обращали почти никакого внимания; она преподавалась только в двух грамматических классах и

обыкновенно в послеобеденные часы по субботам, в некоторых школах еще по средам чтобы не мешала главному предмету этих классов, – латыни. Число уроков по ней стало увеличиваться уже перед самым временем общей училищной реформы; в это же время вместе с нею кое-где стали преподаваться еще геометрия по книжке, изданной для народных школ и естественная история.

В таком же пренебрежении по дух. школам были и география с историей, несмотря на то, что в известной нам инструкции императрицы комиссии о церковных имениях о необходимости этих наук, для дух. школ говорилось с особым ударением. Желание императрицы не осталось впрочем без результатов: классы этих наук или обеих вместе, или которой-нибудь одной действительно стали заводиться по семинариям и училищам вскоре по учреждении семинарских штатов, больше всего в 1770-х гг., а затем после указанного распоряжения 1785 г. о введении в дух. школы порядка народных школ. Географию учили воспитанники, учившиеся в классах грамматических, преимущественно в синтаксисе, редко еще пииты, история же составляла принадлежность класса риторического и по местам еще философского. Для истории такое разделение по классам было выгодно, так как риторика составляла класс уже семинарский, а семинарии заводили у себя все науки своих классов вообще скорее, чем низшие училища; география же, причислявшаяся к низшим классам, кроме семинарии, должна была преподаваться еще во множестве низших училищ, из которых редкие имели полный состав курсов, занимаясь больше одной только латынью. От этого множество духовных воспитанников переходили из училищ в семинарские классы без всяких географических сведений. Так наприим. мы ниоткуда не видим, чтобы география преподавалась в гимназиях нижегородской и псковской епархии. В 1802 году для устюжской школы начальством составлено было полное расписание курса всех классов, предметов и часов, в какие какой предмет следовало преподавать; о географии и здесь не сказано ни слова¹⁰⁰⁶, между тем как в это время состав духовно-учебных курсов уже достаточно успел

установиться по всем предметам и без географического и исторического обучения едва ли оставалась хоть одна семинария, кроме разве новых, только лишь формировавшихся. Учебные книги по тому и другому предмету до 1785 г. постоянно менялись по местным распоряжениям начальства, с этого же времени приняты были руководства, изданные для народных училищ; под конец описываемого времени по истории в дух. школах водворилось руководство Шрекка. Уроков назначалось по два в неделю как для географии, так и для истории. Для более ясного представления того, в каком положении находилось преподавание истории по семинариям, приведем в пример постановку его в Троицкой семинарии м. Платона, который, как известно, сам был любителем и знатоком этой науки. В 1766 г. для преподавания ее был учрежден отдельный класс, на который ученики (высших классов) должны были записываться по желанию. Желающих оказалось всего 13 человек „в рассуждение пользы сея науки” Платон велел прибавить к этому числу еще 5. Через 4 года он решился еще усилить преподавание ее и писал начальству семинарии: „напоминается, чтобы прилежное тцание иметь, дабы ученики учены были и успевали, особливо в риторике, истории церковной и гражданской и географии: сие бо наипаче человека просвещенным делает”. Но несмотря на это предписание, история все-таки преподавалась слабо, только в свободные часы. Руководствами были сначала Первые основания универсальной истории Дилтея, доведенные до Августа, потом краткая история Лакроца, с 1775 г. история всеобщая Голберга и т. д. В начале текущего столетия особый необязательный класс истории Платон отменил и велел преподавать ее в высших классах каждому учителю в своем классе, в пиитике два часа в неделю по Голбергу, в риторике 2 же часа русскую историю по Несторовой и Никоновской летописям и по Щербатову, в философии 4 часа по Маттею, в богословии 4 же часа наиболее церковную историю по Лангию с дополнениями из греческих историков, а также из Мосгемиа и Бингама; в 1802 г. руководства назначены по русской церковной истории, история самого Платона, по гражданской – Щербатова, по

общей – Фрейера и Шрекка. Но из отзывов учителей видно, что, вопреки желаниям Платона, историческое обучение постоянно оставалось на самом заднем плане, в риторике и поэзии многие месяцы проходили вовсе без исторических чтений, потому что главные предметы занимали все время наставников¹⁰⁰⁷.

Кроме перечисленных экстраординарных предметов к духовно-учебному курсу по временам и в разных местах причислялись еще некоторые другие предметы, но большею частью только по случайным вкусам и видам разных местных начальств, без соображения с общей системой этого курса, и потому могут нейти в общий счет предметов духовного образования. Так напр. м. Самуил в Киеве и Амвросий Подобедов в Петербурге завели при академиях классы живописи и архитектуры. Рисованию некоторое время обучали еще в харьковском коллегиуме, полтавской семинарии и казанской академии; в коллегиуме кроме того был класс музыки. Класс музыки, вероятно приватный, был также в Троицкой семинарии¹⁰⁰⁸. Дамаскин Руднев при своей нижегородской семинарии собирался завести переплетное искусство¹⁰⁰⁹. Мы нисколько не колеблемся к числу таких же прибавочных и случайных предметов семинарского обучения отнести начавшееся в конце описываемого времени обучение воспитанников семинарии сельскому хозяйству и медицине, хотя инициатива этого дела и принадлежала самому правительству.

В 1798 г. по высочайшему повелению св. Синод входил в рассмотрение средств к предупреждению бедственного состояния крестьян по причине их беспомощности против разных болезней, особенно оспы, производившей между ними сильную смертность, и постановил, чтобы ученики семинарий во время своего курса приобретали некоторые сведения о врачевании болезней, а также о сельской и домашней экономии: „ибо таким образом кроме общей пользы могут они в будущее время служить своим прихожанам советом или наставлением и чрез то снискивать у них особую доверенность ко внушениям, существенною своею должности налагаемым”. В исполнение этого указа по семинариям положено было для ознакомления

учеников с сельским хозяйством давать им для чтения Экономический магазин и др. т. п. книги, а для приобретения медицинских сведений посылать учеников по очереди в семинарские больницы, где такие есть, присматриваться к лечению болезней, собирать с лекарем лекарственные травы и т. п. Классное обучение медицине стало открываться уже с 1802 г. вследствие нового высочайшего указа, которым медицина введена была в состав семинарского курса. Тем же высочайшими указом повелено было распорядиться о посылке на казенный счет нескольких воспитанников из семинарии в медицинские институты с целью образовать из них преподавателей медицины для семинарии, а пока они там учатся, врачебным управам посылать в семинарии для преподавания медицины искуснейших врачей, наконец медицинской коллегии озаботиться составлением краткого наставления о лечении болезней и употреблении лекарств для распространения его по дух. училищам и приходским церквам. Распоряжения эти тогда же стали приводиться в исполнение. Уроки по медицине назначены были в богословском и философском классах по два часа в неделю в послеобеденное время. Студенты в медицинские институты были отправлены; семинарские библиотеки стали обзаводиться нужными для новой науки книгами. Но дело все-таки не пошло в ход. Преподаватели, посылавшиеся медицинскими управами, большею частью относились к своему делу нерадиво; в псковской семинарии один такой преподаватель в течение целого года посетил свой класс всего только три раза; во многих семинариях преподавание медицины совсем и не начиналось. Постоянных учителей из посланных в медицинскую науку студентов к 1808 г. было только 5, – в московской академии и в семинариях новгородской, ярославской, владимирской и тульской. Вследствие всего этого в июле того же года новым высочайшим указом медицинские классы были снова закрыты, а посланных в медицину студентов велено, исключив из дух. ведомства, обратить в ведомство министерства внутренних дел. После этого, несколько времени спустя, в 1811 г.

семинаристов велено было обучать только способу прививания коревой оспы¹⁰¹⁰.

Таким образом, за исключением языкознания, из экстраординарных предметов, даже самых необходимых для общего образования воспитанников дух. школ, ни один не успел получить надлежащего развития в курсе этих школ до самого конца описываемого времени. Специально-сословное образование совершенно подавляло в них образование общее и попытка соединить в них то и другое в один цельный смешанный курс, предпринятая еще в начале Екатерининского времени, в конце концов имела немного более успеха, чем и первая попытка этого же рода, затеянная в свое время Д. Регламентом, так что, когда настала пора новых учебных реформ в начале XIX столетия, комитет 1808 г., в третий раз задавшись решением той же неблагоприятной задачи, нашел, что вся предшествовавшая подготовка к этому решению состояла пока в одном только простом допущении общеобразовательных предметов в семинарский курс, а дело об органической связи их с этим курсом и о надлежащей постановке каждого из них в частности нужно начинать чуть не самого начала. Далее, мы видели, что старое семинарское образование сильно страдало недостатком положительных знаний, имело исключительно-формальное направление, и что введение в него новых наук, – истории, физики, географии, имело целью между прочим именно то, чтобы восполнить в нем такой недостаток. Понятно, что при слабом изучении этих наук цель эта была плохо достигаема и семинаристу второй половины XVIII столетия по-прежнему приходилось все еще слишком много рассуждать и диспутировать, имея при этом дело не с предметами, а с одними рассудочными построениями и схоластическими фикциями и помогая такой пустоте своего содержания только общими местами или какими-нибудь другими источниками так называемого изобретения мыслей. Из среды семинарских философов и богословов на поприще жизни все еще во множестве продолжали выступать совершенно оторванные от жизни схолари и софисты, которые со всей самоуверенностью невежественных диалектиков дерзко бросали в лицо

улыбавшемуся на них образованному обществу свое гордое: „возражайте”, или, забравшись на церковную кафедру, принимались изливаться в трогательных риторских фразах о добродетели и пороке, имея в голове не живые, реальные их образы, а только их отвлеченные схемы, заученные из латинских школьных тетрадок... Все это действительно было, все это успело резко отразиться даже и в тогдашней духовной литературе. Но из-за этой отрицательной стороны дела нельзя все-таки не видеть и другой стороны положительной. Духовная школа второй половины XVIII столетия выставила из своей среды не одних схоларей старого типа; она сумела образовать в то же время целый ряд высоких церковных деятелей, живых и современных ораторов, высокообразованных подвижников на разных поприщах науки и не одной духовной, но и светской, имена и труды которых хорошо известны истории и которые служат живыми показателями значительного поступательного движения в развитии воспитавшей их школы: из нее же вышли и знаменитые деятели учебной реформы 1808 года с такими широкими и твердыми взглядами на школьное образование, что результат их преобразовательной работы весьма не бесполезно принять в соображение и нашему времени с его далеко не безупречными понятиями об организации школьного образования.

Как ни слаба была постановка общеобразовательных предметов в семинарском курсе, они все-таки были уже в него введены и это было весьма важною и совершенно достаточной заслугой со стороны его тогдашних заправителей, больше которой едва ли справедливо от них требовать, если взять в расчет ту борьбу, какую им приходилось при этом деле выдерживать и с недостатком материальных средств, и с закоренелыми схоластико-латинскими традициями дух. школы, и с ее исключительно-сословным направлением. Последующим деятелям такой борьбы выдерживать уже не приходилось и они могли спокойно сосредоточить свое внимание на одних дальнейших, собственно педагогических подробностях в организации духовно-учебного курса. Между тем уже самое существование в этом курсе указанных наук необходимо должно

было оказывать на него более или менее заметное влияние, открывая перед глазами специально-сословной школы целый мир новых общеобразовательных и притом положительных знаний, важности которых она не могла не сознавать, хотя бы даже в интересах одного собственно специального образования. Старый тип сcholаря, как он ни крепко еще держался повсюду, все-таки повсюду же заметно стал сглаживаться. В массу отрешенной от жизни формальной учености сама собою стала пробиваться свежая и оживляющая струя новых фактических сведений, перед которыми все яснее и яснее стала обнаруживаться пустота старых диалектических фокусов. Мы видели, что исторические обзоры мало-помалу сделались постоянною принадлежностью и философского и богословского преподавания. Сохраняя всю ловкость и изворотливость прежних диалектиков философов и богословов, новые семинарские философы и богословы получили возможность приобретать к этому еще более широкие взгляды на предметы своих наук чрез сравнительное изучение того, что и как думали об этих предметах другие. Содержание науки при таких условиях необходимо становилось выше своей диалектической формы, о которой прежде только и заботились, и господство схоластики с латынью стало сильно колебаться и в богословской и в философской науке. Богословская истина в первый раз и не в одном только храме, но отчасти и в школе заговорила на общепонятном русском языке, стремясь к сближению с жизнью и с понятиями общества, а это сближение в свою очередь все более и более освобождало ее от разных условных, фиктивных форм, в которые запрягивала ее прежняя школа, и придавало ей новую жизненную силу. Таким образом духовное образование, хотя и во многом еще сохраняло свои прежние черты, несомненно стало уже на новый путь развития. Окончательное утверждение его на этом пути произведено было потом реформой 1808 г., которая дала ему новую, подробно разработанную и общую организацию.

Мы видели, что, кроме состава и направления духовно-учебного курса, школьная реформа Екатерининского времени обратила внимание и на самый метод господствовавшего в дух.

школах преподавания. В первое время до 1780-х гг. касательно этого предмета не было никаких определенных распоряжений; высказывались одни только неопределенные общие желания касательно этого лучшего „учреждения” для семинарских наук и упрощения преподавания. Улучшения в преподавании являлись сами собой по мере того, как в дух. школы вводились новые более свежие и понятные руководства, на места учителей поступали новые люди из великоруссов, повсюду вносявшие новый дух и оживление в учебную жизнь дух. школ и старавшиеся преподавать возможно простым и доступным для учеников образом, наконец едва ли не главным образом по мере усиления в преподавании русского языка. В своих инструкциях школам архиереи обращали большое внимание на метод, под которым разумели и преподавательские приемы и вместе порядок, в каком преемственно шло преподавание разных наук и их частных отделов, и требовали от учителей, чтобы в своих программах и отчетах они все это обозначали в точности. Вмешательство в это дело высшего начальства началось уже с 1786 г., когда по желанию императрицы св. Синод издал указ о введении в дух. школы метода школ народных, заимствованного тогда у нормальных школ австрийских. В основании своем и в своем подлинном виде метод этот имел много хороших сторон по удачному выбору предметов, вводимых в круг народного образования, и по образу их преподавания приспособительно к постепенно развивающимся смышленности и любознательности воспитанников, и мог бы принести у нас несомненную пользу, если бы был надлежащим образом усвоен и нашел смышленных и опытных исполнителей лежавших в основе его педагогических понятий. Но таких людей оказывалось тогда очень мало между самими руководителями народного образования, которые писали для последнего инструкции и уставы. Оттого у нас и усвоена была не столько сущность, сколько одна внешняя сторона этого метода, в роде наприм. совокупного чтения урока всеми учениками, совокупных же ответов на вопросы учителя словами или чрез поднятие рук, писания урока на досках, тетрадках и т. д. Между тем правительственное вмешательство

придало всем подобным пустякам, которые следовало бы предоставить на волю самих учителей, положившись на их догадливость и опытность, силу неизменяемого закона, который совершенно стеснял свободу преподавателей и все преподавание обращал в какую-то формальность¹⁰¹¹. С другой стороны метод этот был рассчитан только на школы низшие, народные, и вовсе не был приспособлен к преподаванию высших предметов и уже взрослым, развитым ученикам, каковы были ученики последних трех-четырёх классов семинарий. Неудивительно что он мало находил сочувствия в духовно-учебном ведомстве и усваивался здесь главным образом, кажется из угождения императрице, в глазах которой составлял лучшую рекомендацию школы. Раньше всех дух. школ он был введен в обеих академиях¹⁰¹², затем в семинариях казанской, смоленской, нижегородской, переяславской, псковской владимирской¹⁰¹³ и др. Но наприм. даже нарочно организованная тогда по образцу главных семинарий семинария петербургская, которой поэтому всех раньше подобало бы его усвоить, сделала это не скоро¹⁰¹⁴, а в Троицкой семинарии он и вовсе не имел успеха. История его введения в эту последнюю семинарию по некоторым выразительным подробностям особенно для нас любопытна.

Для ознакомления с требованиями нового метода пред его введением у себя дух. школы обыкновенно отправляли по несколько своих студентов в главные народные училища и потом по возвращении их оттуда делали их у себя учителями¹⁰¹⁵. Троицкая семинария в 1787 г. тоже послала с этою целью одного студента Богданова в московскую академию, в которой новый метод введен был раньше. Посланный прямо отнесся к делу критически и в своем отчете о виденных им новых порядках преподавания описал их в чисто комических чертах: в информатории де примечено, что по прочтении урока учителем тоже читают ученики совокупно, примеры на правила сначала учитель пишет на доске, а ученики тоже пишут на бумаге, на вопросы учителя знающие вместе и порознь поднимают левые руки в знак того, что знают ответ; в низшем грамматическом классе особенного примечено только то, что

ученики тоже поднимают левые руки и производят совокупное чтение; в грамматическом высшем подобный же порядок учения происходит; в поэзии же и риторике, кроме того, что учителя наперед, а потом порознь ученики читают, и кроме также поднятия рук, ничего особенно не примечено. Начальство семинарии с своей стороны представило Платону собственное мнение о новом методе, в котором обратило внимание на другие более серьезные его требования, касавшиеся самого состава учебного курса и порядка в последовательном преподавании наук. Против введения в семинарский курс новых наук, физики, географии, истории, арифметики, оно не имело ничего, тем более что эти науки и так уже преподавались в семинарии, но оно заметно было возмущено тем значением, какое новый метод придавал в школах русскому языку и которое семинарским латынникам казалось чрезвычайно опасным для поддержания прежних успехов языка латинского. В Регламенте сказано, говорилось в этом мнении, что на первый год в школе довольно учить латинской или греческой грамматике, „а чтобы учиться российскому прежде языку, не повелевается; а притом, ежели принять правило народных училищ в рассуждение учения российской грамоте и писанию, то предвидится из того впредь последовать препятствие успехам в латинском языке: ибо те, которые должны будут учиться наперед российской грамоте и писанию, к учению латинского языка будут приступать уже гораздо позже.... Почему не приказано ли будет вашему преос-ву представить, что по вышеописанным резонам сей образ учения народных училищ в рассуждении учения российской грамоте и писанию принять в здешнюю семинарию неудобно”. М. Платон и сам, кажется, не прочь был отказаться от нового метода, по крайней мере он и после, как мы видели, всегда высказывал убеждение, что не дух. школы у светских, а напротив светские у духовных должны учиться и заимствоваться, как у старейших и имеющих лучшие учреждения; но в том же 1787 году, когда шло это дело о новом методе, пришли известия из Смоленска, что императрица в бытность свою там нарочно справлялась, введен ли новый метод в тамошней семинарии, и Платон почел нужным на

всякий случай осведомиться у своей семинарии, что она сделала по введению у себя этого метода, чего для этого не достает и что следует подготовить „для могущего случиться высочайшего прибытия”. Учителя низших классов отвечали, что в их преподавании нормальный метод употребляется, только по иным предметам не те учебники, да не достает еще аспидных досок и ученики поэтому не пишут правил, изображаемых учителем на черной доске, каждый у себя, – это было уже отголоском комических отзывов о новом методе студента Богданова. Он и сам тоже подал свой голос, перечислив предметы, которых не доставало в семинарии для того же нового метода, и между прочим указал: „в главе 4 руководства учителям, в 6 стат., во 2 п. о употреблении тетрадей предписывается: употреблять сначала ученикам или те линованные тетради, которые употребляются в главном с.-петербургском училище, или разлинованные карандашом или свинцовым прутиком. Но как здесь употребляется издавна просто, то и оные тетради не употребляются.” Чем кончилось это дело, неизвестно, только из всего хода его, по словам историка Троицкой семинарии, можно видеть, что семинария смотрела на пресловутый метод далеко неблагоприятно; года через три об нем в семинарии не было уже и помина¹⁰¹⁶.

По всей вероятности недолго продержался он и в других дух. училищах, которые его приняли; по крайней мере после 1780-х гг. настойчивые толки об нем совсем умолкают. Но распоряжения о введении его и особенно о том, чтобы дух. школы сообразовались с порядками, принятыми в народных школах, остались все-таки не без влияния на развитие дух. образования. Можно было смеяться над мелочностью нормального метода, над его регламентацией насчет линованных тетрадок и поднимания левых рук, но упрощений, какие он действительно вводил в преподавание, нельзя было не принять во внимание и не ценить по достоинству. Благодаря главным образом этому методу, в дух. школах стало развиваться преподавание наук на русском языке и преподавание самого языка, как ни крепко восставали против этого семинарии вроде Троицкой, заступаясь за свою латынь, –

уже одно это должно было произвести весьма важную и благотворительную перемену во всем строе духовно-училищного преподавания. Кроме того мы видели, что благодаря тому же распоряжению 1785 г. о введении в дух. школы порядков школ народных, в духовно-учебном курсе упрочилось самое преподавание вводимых в него общеобразовательных наук, до сих пор никак не прививавшихся к традиционному, специально сословному образованию дух. школ, и курс этот окончательно получил свой характерный смешанный состав, с каким остается в главных чертах доселе, и вместе с тем впервые обязательные для всех дух. школ размеры, которых уже не могла сокращать воля одних местных епархиальных начальств. Порядки нормальных школ правда не были усвоены семинариями в полном своем виде, даже не совсем для них были и пригодны, так как были приспособлены только к низшим и светским учебным заведениям, вследствие чего преподавание главных наук духовно-учебного курса и все устройство высших классов семинарии продолжало неизменно держаться своих обычных традиционных порядков; но низшие классы действительно весьма многое заимствовали у нормальных школ, равным образом преподавание светских общеобразовательных предметов по необходимости должно было сообразоваться с преподаванием их в тех же школах, потому что собственные традиции дух. школ не представляли для этого никаких определенных руководительных правил. В 1802 г. Платону, не желавшему заимствоваться мудростью у светских, привелось высказаться в инструкции для вифанской семинарии о преподавании истории, и вот что только он мог написать об этом предмете: „ученикам (риторики) изучать краткую историю всесветную и российскую, а учителя долг есть только наблюдать, чтоб они сие твердо знали, ибо знание истории состоит наипаче в чтении и памятовании ее, а толкования много не требует”. В Троицкой семинарии все дело преподавания истории он предоставлял благоразумию и рачительности учителей, которые сами не знали, что им делать по этому предмету, – оттого последний и был в семинарии в полном пренебрежении¹⁰¹⁷. Наконец мы видели также, что для

преподавания общеобразовательных наук народные школы сообщили семинариям самые учебники и пособия, чем много способствовали к удовлетворению всегда чувствовавшейся в дух. школах крайней нужды в учебных средствах.

Считаем нужным сказать в заключение несколько слов и об этих учебных средствах, скудость которых в предшествовавшее время служила таким сильным препятствием к развитию духовного образования. Здесь прежде всего наше внимание останавливает на себе введение в изучение почти всех предметов семинарского курса постоянных печатных учебников. В настоящее время, при нынешнем даже слишком обильном количестве этого рода пособий, мы с трудом можем и представить себе всю важность этой новости для XVIII века. Кроме того, что она подарила учащим и учащимся для их домашних и классных занятий множество дорогого времени, которое первые должны были убивать прежде на составление своих немудрящих записок и их диктовку, а последние на механический труд бесконечного их списывания, она давала дух. школам еще новые средства изучать предметы их курса в более точном и совершенном изложении и чрез то положительно способствовала к поднятию уровня их образования. Как бы ни слабы казались нам принятые тогда учебники, в свое время они все-таки были одними из лучших, избирались из многих наличных руководств по разным наукам не только русских, но и заграничных, подвергались перед изданием тщательной отделке уже ради самой печати и кроме того внимательному рассмотрению со стороны духовной администрации и во всяком случае стояли несравненно выше неведомых миру доморощенных записок семинарских ученых.

Но вместе с этою новостью в дух. школах необходимо должна была увеличиться потребность в усилении библиотечных средств, на которые в прежнее время можно было менее обращать внимания, полагаясь на одни случайные пожертвования книг со стороны доброхотных дателей. Вопрос об этих средствах возник еще в самом начале духовно-учебных реформ. Импер. Екатерина высказала было весьма благое намерение назначить для духовно-училищных библиотек

особую штатную сумму: „Надлежит, гласила инструкция комиссии о церковных имениях, чтобы ученики в заведенных библиотеках в тех же училищных домах пользовались чтением полезных церковных и нравоучительных книг, ибо без чтения такового одни школьные классы весьма недовольны к просвещению учащегося и к обогащению разума его, к проповеди слова Божия приготовляемого”; поэтому предположено было, „каким библиотекам быть при всяком доме училищном, тому сочинить примерный каталог, на которые книги коллегия (экономии) и сумму единожды определить может, а другую малую назначить в повсегодный штат для приумножения книгами.” Но предположение это, как и многие другие, высказанные императрицей в начале секуляризации церковных вотчин, по окончании этого дела не было приведено в исполнение. В семинарских штатах о библиотеках ни слова не было сказано и они должны были по-прежнему и заводиться и пополняться на счет одних скудных сбережений от бедной школьной экономии да от щедрости жертвователей и преимущественно от последней, так как остаточных сумм у всех семинарий было чрезвычайно мало.

Жертвователями книг или денег на покупку их по-прежнему были главным образом архиереи, от всей души помогавшие своим любезным школам и в этой важной потребности школьной жизни, и многие ученые лица из других высших духовных сановников. Автор Истории Троицкой семинарии замечает, что даже в этой богатой семинарии „книги были приобретаемы более путем пожертвований, нежели покупкою”. Так, в 1762 г. архим. Лаврентий пожертвовал ей 34 названия собственных книг; в 1795 г. Платон подарил ей 234 тома; в 1803 – поступило в нее 40 №№ по смерти эконома лавры Гедеоны; кроме того Платон не раз жертвовал на покупку книг деньгами. Библиотека казанской семинарии была значительно пополнена книгами, оставшимися после архиепископа Вениамина Григоровича, большая часть которых поступила впрочем по его завещанию в киевскую академию, и от пожертвований Амвросия Подобедова¹⁰¹⁸. Нижегородская семинария получила довольно книжных пожертвований от преосв. Дамаскина и

Вениамина¹⁰¹⁹. В состав архангельской библиотеки вошли библиотеки местных епископов Антония Зыбелина, Арсения Верещагина, Вениамина Краснопевкова, Аполлоса Байбакова¹⁰²⁰. Преосв. Виктор Садковский подарил черниговской семинарии до 500 экз. польских и французских книг¹⁰²¹. Благодаря щедрости воронежских преосвященных, особенно Тихона III, в библиотеке воронежской семинарии к 1789 г. числилось свыше 4000 названий книг, из которых было 1261 название книг учебных. „Даже отдел атласов, исторических и географических, читаем в одной биографии м. Евгения, бывшего тогда библиотекарем в этой семинарии, был настолько богат, что в настоящее время, более доступное для приобретения их, можно завидовать тогдашней библиотечной постановке. Нельзя не удивляться и не благоговеть перед просвещенною щедростью преосвященных собирателей книг”. Затем при преосв. Иннокентии Полянском, число книг до 1795 г. увеличилось еще на 520 экземпляров¹⁰²². „В историях иерархий и в жизнеописаниях иерархов, говорится в известной статье о способах содержания дух. училищ, весьма обыкновенны выражения вроде следующего: такой-то иерарх библиотеку свою отдал такой-то семинарии, в которой учился, и в завещаниях весьма многих епископов есть статьи в роде следующей: библиотеку мою келейную, писал в своем завещании Анастасий архиеп. астраханский, всю причислить к библиотеке астраханской семинарии в пользу учащихся и учащихся чрез чтение, а не чрез хищение”. Вследствие этого последнего пожертвования астраханская библиотека, и прежде имевшая до 1500 книг, увеличилась почти вдвое¹⁰²³. Кроме дух. лиц, жертвователями на семинарские библиотеки бывали и светские покровители дух. школ. Так, в 1800 г. в пользу библиотеки Троицкой семинарии было пожертвовано 100 р. сенатором И. В. Лопухиным. Казанская академия при своем преобразовании из семинарии в 1798 г. получила 44 № книг от надв. сов. Полянского. Графиня Шереметьева отказала все свое книгохранилище харьковскому коллегиуму. Астраханская семинария получила до 300 книг от генерала Канавина¹⁰²⁴ и т. д. Некоторые семинарии кроме того могли пользоваться

богатыми библиотеками монастырей, при которых существовали, как лаврская и петербургская, и архиерейских домов, как напри. псковская, имевшая очень бедную библиотеку. Бедность ее между прочим может служить выразительным свидетельством того, какую важность имели для семинарских библиотек пожертвования архиереев. В Пскове этих пожертвований не было, так как все книжные богатства, остававшиеся после здешних архиереев, поступали не в семинарию, а в библиотеку архиерейского дома; последняя поэтому выросла с течением времени до значительных размеров, тогда как семинарская оставалась в крайней бедности до начала текущего столетия, когда книги архиерейской библиотеки были наконец в нее переданы и сразу ее обогатили¹⁰²⁵.

На собственные средства дух. школы могли покупать только самое небольшое количество наиболее нужных книг, преимущественно для классного употребления. Особых сумм для библиотек не получали не только старые, но и вновь заводившиеся семинарии, для которых на первых порах требовались по этой части огромные единовременные издержки. Так напри. в 1800 г. при открытии калужской семинарии „для открытия классов” сейчас же потребовалось 300 р. на одни только учебники, которые летом того же года и были закуплены; затем осенью израсходована такая же сумма на покупку разных нужных книг для фундаментальной библиотеки; в декабре в учебниках оказался недостаток, и их закуплено еще на 147 р. 70 к. В следующем году семинария получила в свое владение библиотеку бывшей крутицкой семинарии, вследствие чего ее расходы на покупку книг должны были значительно облегчиться, но все-таки были очень для нее обременительны; в 1807 г. правление напри. доносило св. Синоду: „на казенном коште не имеется никого (из учеников), потому что, за употреблением семинарской суммы как на починки и переделки вчерне и с немалыми ветхостями отданного семинарии корпуса, так и на снабдение семинарской библиотеки книгами и обзаведение семинарии др. потребными вещами, семинаристам из оной никакого пособия в содержании

производить было не возможно”¹⁰²⁶. Текущие обыкновенные расходы на покупку книг семинарии производили из скудных остаточных сумм от своей экономии и от неполного числа семинаристов. Когда штатная сумма стала разделяться на статьи, библиотечные расходы стали производиться из той трети ее, которая назначалась на содержание дома. Во всяком случае суммы, какими могли располагать библиотеки для своего приумножения, были очень невелики. Вот наприм. расписание расходов по этой части, производившихся в разное время псковской семинарией, имевшей, как мы заметили, особенную надобность заботиться о приумножении своей библиотеки, так как в нее очень мало поступало книг жертвованных. В 1779 г., когда она стала получать 2000-й оклад, на содержание ее дома и в том числе на учебники и лекарства для учеников расходовалось всего-навсего 300 р., да еще 195 р. остаточных от всей экономии денег на умножение казенной библиотеки; после увеличения штатных окладов при Павле Петровиче, когда семинария стала получать ежегодно 3500 р., на содержание дома и библиотеки, как учебной, так и фундаментальной, отпускалось 883 р. 3 ½ коп., из которых на долю собственно библиотеки выпадало едва ли более 300 р.; наконец в 1807 г. когда оклад возрос до 7000 р., из него положено расходовать 540 р. уже на одну библиотеку¹⁰²⁷. По всей вероятности не более издерживали на книги и другие семинарии, если библиотечная сумма не была увеличиваема в них какими-нибудь случайными пожертвованиями, а семинарии, содержавшие при себе многолюдные бursы, едва ли могли решаться и на такие расходы. Даже в академиях до 1807 г. библиотечная сумма ежегодно простиралась всего только до 200–300 р.¹⁰²⁸.

Понятно, что при таких средствах семинарские библиотеки не могли быть особенно велики. Самые большие цифры общего количества книг видим в семинариях новгородской и троицкой; в начале текущего столетия в той и другой насчитывалось по 6000 книг¹⁰²⁹. Затем в других семинариях количество это не превышало 4500 книг (в воронежской) и чаще всего простиралось тысяч до двух, в числе которых были и книги

одного и того же названия; даже наприм. в харьковском коллегиуме в 1788 г. насчитывалось только 2500 книг; в казанской академии число названий в 1798 г. простиралось всего до 1370¹⁰³⁰. Других учебных пособий, кроме книг, в библиотеках почти вовсе не было, кроме разве прописей для обучавшихся письму и еще церковных обиходов для пения. География изучалась, вместо карт и глобусов, почти по пальцам. В 1788 г. св. Синод выслал во все семинарии потребное количество изданных комиссией народных училищ прописей, карт и глобусов¹⁰³¹, но это потребное количество было крайне ничтожным; в последующих каталогах и списках библиотек пересчитываются обыкновенно 5–6 карт да 2 или 4 глобуса, иногда с отметками: „худы и к употреблению малогодны“, и больше ничего¹⁰³². Под конец описываемого времени стали появляться в семинариях пособия для изучения естественных наук, даже медицины, попадавшие впрочем в них большею частью как-нибудь случайно, после какого-нибудь архиерея или другого любителя естественных наук, и в числе немногих предметов, из которых нельзя было составить никакой определенной коллекции. Несколько минералов из русских горных пород или несколько разрозненных физических инструментов, вроде небольшого телескопа, микроскопа, магнита, призм или райков и волшебного фонаря, носили громкие названия минералогического и физического кабинетов¹⁰³³. Тульская семинария по случаю купила даже человеческий скелет¹⁰³⁴. Книг для чтения было вообще мало по библиотекам, – большею частью это были книги жертвованные и преимущественно латинские. Главный же состав каждой библиотеки формировался из закупавшихся семинариями во множестве разного рода учебников, в которых они наиболее нуждались для удовлетворения требований своих учеников. В некоторых семинариях эти учебные библиотеки отделялись от фундаментальных и кроме того сами заводили у себя большие отделения учебных книг продажных. При тогдашней неразвитости книжной торговли вне столиц нужда в этих продажных библиотеках была самая настоятельная, потому что

ученики только с помощью их и могли раздобыться учебными руководствами нужными для приготовления классных уроков.

Сами семинарии выписывали эти руководства, равно как и др. книги, из столиц обыкновенно большими партиями. Рассылкой их по семинариям занимался иногда и сам св. Синод. Так, в 1788 он выслал в семинарии учебники, изданные комиссией народных училищ, и нужное количество напечатанных в синодальной типографии сокращенных катехизисов. В 1790 г. по его распоряжению напечатано было для семинарий при академии наук более 2000 экз. грамматики, переведенной Лебедевым, с прибавлением из грамматики называемой *Marchica*¹⁰³⁵. С 1767 г. деятельным издателем классных руководств и комиссионером по духовно-учебному ведомству сделался Н. Н. Бантыш-Каменский, оказывавшей дух. школам большие услуги. Он издал в Москве и Лейпциге множество учебных книг и пускал их в продажу по весьма умеренной цене. Кроме латинских букварей, напечатанных в Москве 1779, 1780, 1783, 1784, 1786 и того же года в Лейпциге, и латино-французско-русских прописей, напечатанных в Москве 1779, 1781, 1783, 1784, 1786, 1788, 1791 и след. г., он издал латинскую грамматику, которая была напечатана в Москве 1779 г. дважды, потом 1781, 1783 и в Лейпциге 1789 г., греческую грамматику В. Лящевского (Лейпц. 1779, 1785, 1791) и мн. другие книги. Вместе с тем по просьбам архиереев и училищных начальств он принимал на себя заботы и о доставке своих и других книг в дух. училища с разными при этом уступками в цене¹⁰³⁶. Комиссия народных училищ с своей стороны тоже отпускала изданные ею книги в духовно-учебные заведения с уступкой 30% против продажной цены в уважение того, что при печатании некоторой части их пользовалась содействием св. Синода¹⁰³⁷.

При всем том цена учебников была все-таки слишком высока для бедных дух. школ и их еще более бедных учеников. Полного числа учебников, которого могло бы достать на одних только казеннокоштных учеников, не в состоянии была завести ни одна семинария. Вот наприм. какие цены существовали в начале текущего столетия (в Казани) на самые необходимые

книги: Библия в лист стоила 17 руб., нотный обиход 8 р., герменевтика Рамбахия 4 р., история Бруккера 5 р. 50 к., философия Баумейстера 3 р. и т. д. Несколько раньше, в 70-х гг. XVIII столетия (в Пскове), философия Баумейстера (вероятно неполная) продавалась за 1 р. 55 к., история Фрейера за 1 р. 50 к. Корнелий Непот 2 р. 25 к., *Omnia opera Ciceronis* 8 р. 80 к.¹⁰³⁸. До чего доходил недостаток книг, показывает наприм. следующий факт, занесенный в историю старой казанской академии: в 1818 г., следовательно в самый разгар деятельности Библейского общества, „в богословском классе этой академии ни у одного студента не было Библии да и казенная имелась только одна”¹⁰³⁹. В высших классах не знали, как быть без Библии, в низших не меньшие затруднения встречались от недостатка обиходов для пения, очевидно слишком дорогих для семинарий и училищ при обычном многолюдстве учившихся в этих классах учеников, и катехизисов с свящ. историями, которые хотя и не особенно были дороги, но мало обращались в продаже. Для снабжения учеников обиходами, псалтирями и часословами по епархиям нарочно рассылались иногда приглашения к пожертвованиям на пользу дух. школ книг этого рода из церквей, где найдутся или лишние или за ветхостью малогодные к употреблению экземпляры. Об изучении катехизисов можно привести следующее распоряжение преосв. Парфения смоленского в изданной им 1768 года инструкции для низших школ: „понеже свящ. церковной истории, також и краткой богословии столько напечатанных экземпляров, сколько учеников, может быть, в школах не можно иметь, того для учителям надобно читать пред учениками и изъяснять, и, что нужное, приказывать переписывать и в памяти затвердить”¹⁰⁴⁰. В одном приказе ректора Троицкой семинарии (от 1812 г.) ученикам грамматических классов об изучении арифметики тоже рекомендовалось: „книги (учебник арифметики) купите; коли нет, пишите”¹⁰⁴¹.

Таким образом, несмотря на то, что теперь почти весь семинарский курс можно было пройти с помощью одних печатных книг, по недостатку библиотечных средств ученики все

еще не могли совершенно спастись от своего старого многописания, и не только в высших, но, как видим отсюда, и в низших классах. При крайне ничтожном вознаграждении за труд переписки печатная книга все еще оказывалась дороже такой же книги писанной; поэтому даже такие ученики, которые имели возможность не заниматься собственноручной перепиской какой-нибудь грамматики или арифметики, считали для себя более выгодным, вместо того, чтобы купить книгу печатную, нанять для ее переписки кого-нибудь из своих бедных товарищей, для которых подобный труд составлял немаловажное подспорье к скудному содержанию. Печатная учебная книга ценилась ее счастливым владельцем очень высоко и сберегалась тщательно не только в течение всего семинарского курса, но и по выходе из семинарии, если только нужда не заставляла продать ее какому-нибудь младшему по курсу ученику. Подобно тому, как на старых рукописях пометы имен их владельцев сопровождались разными заклятиями против похитителей, чуть не на каждой книжке старых учебников читаем известные семинарские стихи: *Hic liber meus, – Testis est Deus. Qui illum capit...* далее более или менее страшные угрозы, напим.: *Mors eum rapit*, и подпись имени и фамилии владельца. К счастью учеников и их бедных родителей раз выбранные учебники держались затем в школьном употреблении многие десятки лет и переходили от отца к сыну, от сына к внуку, просвещая таким образом преемственно несколько поколений и составляя в некотором роде их семейное наследие. В разных духовных семействах, остававшихся верными преданиям старины, еще не так давно можно было во множестве встречать эти старые книжки, испещренные автографическими подписями целого ряда почивших отцов, дедов и прадедов этих семейств и сохранившиеся в замечательной целости, несмотря на то, что их учило столько народа и в течение такого долгого времени; – видно, что их берегли необыкновенно тщательно, как теперь уже не могут беречь свои быстро сменяющиеся и потому не возбуждающие к себе уважения учебники ученики нашего времени.

В таком положении застало духовные школы царствование императора Александра I, который, как выразился в одной академической речи 1814 г. ректор петербургской академии Филарет Дроздов, „дав новый блеск и силу просвещению гражданскому, отеческим сердцем обратился и к смиренным обителям духовного просвещения, в которых люди, пожертвовавшие небесной мудрости блеском земного счастья и выгодами общежития, посеяли первые семена полезных знаний не токмо для церкви, но и для отечества, и в которых юношество, по состоянию родителей скудное в средствах к своему образованию, более терпением и неутомимостью, нежели обилием пособий, приготавливалось к служению церкви, в самых обыкновенных степенях важному”. По мысли государя предпринята была всесторонняя реформа дух. школ, которая должна была 1) начертать основательный план устройства их сообразно с целью их учрежденья: распространить круг наук, усилить преподавание одних и сократить силу других соответственно подлинной важности каждой из них для дух. образования; разрозненное по управлению совокупить единством власти и единообразием управления, и устранить затруднения, возникающие от усмотренного несоответствия между способами образования и нуждами, равно как средствами и состоянием духовенства; и 2) изыскать способы к содержанию дух. училищ, потому что и лучший план должен остаться бесполезным при недостатке способов к выполнению его.

После некоторых частных предварительных работ к разрешению этих вопросов, начавшихся еще с 1801 г., в ноябре 1807 г. учрежден был наконец особый комитет, который должен был начертать самые правила общей духовно-учебной реформы и работы которого в жизни дух. школ составили эпоху, начавшую совершенно новый период в их истории.

Примечания

¹ - Ист. Петра В. Устрялова, т. III, прилож. VII, стр. 15. В I т. Летописей Тихонравова (за 1859 г) помещена (смесь стр. 63 и далее) заметка г. Лыжина, в которой отрицается подлинность этого разговора и подлог приписывается известному кабинет-министру Анны Иоанновны Волынскому. Мы находим это отрицание более проворным и решительным, чем доказательным. Те выражения и мысли разговора, который автор находит несвойственными старому времени, он мог бы усмотреть хоть даже в приведенной грамоте 1682 г. об учреждении академии: тут есть и «знатный чин», и «свободные» науки, и иноземцы-учители русских детей, которым г. Лыжин до крайности удивился, сочтя их почему-то французскими гувернерами в XVII в. Заметка его о состоянии академии при Адриане показывает только, что он в том же томе Ист. Устрялова (стр. 356) не дочитал отзыва об ней Курбатова, который мы приведем ниже. «На сие надобно человека не единого» сказано не о «выборе», а образовании священников, для чего действительно надобно не единого учителя. После всего этого обвинять Волынского в подлоге нет никакой надобности. Не понимаем, зачем повторил это же очень крупное нареkanie на несчастного Волынского автор последней об нем монографии в Ст. и Нов. России, г. Корсакова.

² - Правосл. Обзор. 1862 г. т. IX. Из истории дух. школ, стр. 87–88

³ - П.С.Зак. IV, №1870

⁴ - Из ист. дух. школ в Прав. Обзор т. IX, 88–90.

⁵ - Государство и нар. образование в XVIII в. Ярославль. 1874 г. стр. 155, 157–158.

⁶ - Горчакова: Монастырский приказ, стр. 226–227.

⁷ - Предмет этот подробнее развит в моем исследовании: Приходское духовенство в России.

⁸ - П.С.З. IV, № 2186 и 2308.

⁹ - Там же № 2352, п. 8–9.

- ¹⁰ - Там же V, № 3171 и 3175.
- ¹¹ - Там же № 3182.
- ¹² - О черниг. коллегиуме в Черниг. епарх. пед 1870 г. № 14, стр. 260–262.
- ¹³ - Пекарского. Наука и литер. при Петре, т. 1, стр. 109–110.
- ¹⁴ - Сведения о рост. школе при св. Димитрии см. в Яросл. епарх. вед. 1863 г. №24–33, и в книге: Св.Димитрий м. ростовский. Москва 1849 стр. 46–47.
- ¹⁵ - Ист. России Соловьева, XVI, 30.
- ¹⁶ - Сочин. св Димитрия, ч. I, стр. 110, 138 и дал. ч. II, 392.
- ¹⁷ - В донесении п. Адриана о посвящении в митрополиты Стефана Яворского сказано, что Игнатий тогда «в уме повредился» и был отправлен в монастырь. Ист. Петра Устрялова, т. III, 539.
- ¹⁸ - П.С.З. IV, № 1800.
- ¹⁹ - Сведения о тобольской школе см. в Чтен. моск. ист. общ. 1863 г. кн. IV, где изложено дело по челоб. Филофея; в Ирк. епарх. вед. 1866 г. № 45, 46 и др.; в статье: Филофей Лещинский, во временнике 1854 г. кн. XX; в материал. для истор. христ. просв. Сибири – в Ж. Мин. нар. просв. 1854 г. кн.3
- ²⁰ - Древние церк. грамоты вост.-сибирск. края, а. Мелетия. Казань, 1875 г. стр. 147.
- ²¹ - Собран. постан. по вед. прав. испов. т. IV, № 1393. Пекарского, I, стр.120–121.
- ²² - О Далматовской школе в Пермск. епарх. ведом. 1868 г. № 1.
- ²³ - Об отношениях Дамаскина к Домецкому и его полемике с ним см. в Дух. Бесед. 1869 г. № 51–52; 1872 г. № 46–48; № 44 и 52; 1875 № 8–10; также в статье о борьбе между предст. мадер. и великор. направления, в Журн. Мин. нар. просв. за 1875 г. сентябрь, стр. 89–103.
- ²⁴ - Чистовича: Феофан Прокопович, стр. 74 и далее.
- ²⁵ - Письма Иова изд. в Страннике 1861 г. т. I; есть еще несколько в извлечении у Пекарского: Наука и Лит. при Петре I, 216 и дал.

²⁶ - Последующие сведения о новг. школах заимствуем из книги Пекарского Наука и Литература при Петре т. I, стр. 113 примеч., и особенно из прекрасной по обстоятельности своей статьи г. Прилежаева в Христ. Чт. 1877 г. т. I, стр. 331.

²⁷ - Характеристику преподавания Лихудов см. в статье об них Образцова в Журн. мин. нар. просв. 1867 г. кн. IX.

²⁸ - Истор. моск. акад. Смирнова, 44–56.

²⁹ - О трудах Лихудов см. у Пекарского и в Обзор. Филарета

³⁰ - Из истории наших дух. школ. Прав. обозр. 1862 г. т. IX, 93–94.

³¹ - Издано в Летоп. русск. литературы Тихонравова, 1859 г. кн. 2, 154–159 в III отделе.

³² - Пекарск. I, 218.

³³ - Пекарск. 1, стр. 185–186.

³⁴ - О греч. школе см. Ист. росс. иер. 1, 548; Евгения Словарь светск. писат., 20–24 Черты из ист. книжн. просвещ. при Петре— в Русск. Арх. 1868 г. № 7 и 8.

³⁵ - Пекарского, 1, стр. 111.

³⁶ - Описан. Смоленск. епарх. Спб. 1864 г., стр. 180. Пекарск. 1, 118. О Маевском см. в книге Чистовича. Феофан Прокопович.

³⁷ - Опис. арх. св. Синода, стр. 368 и прилож. XXVIII.

³⁸ - П. С. 3. V, № 2778, 2971. Пекарского, 1, 117.

³⁹ - Там же, VI, № 3575.

⁴⁰ - Там же, V, № 3447.

⁴¹ - Дело о цифирной школе в Новгороде см. в указанной статье Хр. Чт. 1877 г., т. I, стр. 348–352.

⁴² - Государство и народн. образование, стр. 111–112, 115–116.

⁴³ - Горчакова: Монаст. приказ; прилож. стр. 38. 136–137.

⁴⁴ - Опис. синод, арх. стр. 677.

⁴⁵ - П.С.3. IV, № 2389.

⁴⁶ - См. Горчакова: Монаст. приказ, стр. 481–183.

⁴⁷ - Реглам. о домах училищных.

- 48 - Там же: Дела епископов, п. 9 и 10
- 49 - П.С.З. № 1674. 2220.
- 50 - П.С.З. VI, № 3845.
- 51 - Собр. постан 1, № 5
- 52 - Там же № 132.
- 53 - Описан. синод. архива, 1, стр. 471.
- 54 - Феофан Прокопович не утерпел, чтобы не задеть Стефана Яворского даже в таком законодательном акте, как Регламент, и начертил здесь его портрет, по сознанию современников довольно сходный с оригиналом. См. извлечение из Молотка на Камень веры у Чистовича стр. 390–391.
- 55 - Собр. постан. по вед. прав. испов. № 100 и 285, п. 10. Опис. Синод. арх. 1, 338.
- 56 - Ист. вятской семин. в Вятск. епарх. ведом. 1868 г. 1, стр. 6–8.
- 57 - Собр. постан. по вед. прав. испов. т. II, № 624.
- 58 - Там же № 648. 850, 890, 900. Сравн. Опис. синод, арх. 1, стр. 337–338, 714–715, 656–667.
- 59 - П. С. З. VII. № 4975.
- 60 - Пекарского. Наука и лит. при Петр, т. 1, 126. Там же см. в частности о цифирной школе в Рязани: из 96 учеников, учившихся в ней, в 1722 г. ушло из нее «самовольно» 59 человек. Стр. 117.
- 61 - Собр. постан. по вед. прав. испов. IV, № 1262
- 62 - Новгор. епарх. школы. Христ. Чт. 1877 г. т. I, 358 в примечании.
- 63 - П. С. З. VII, № 4975.
- 64 - Ист. спб. акад. стр. 7. 11. 15–16. 45. Истор. моск. акад. стр. 179.
- 65 - Собр. постан. по вед. прав. исп. I, № 285, п. 10.
- 66 - Там же I, № 118.
- 67 - Опис. синод, арх. I, стр. 676–678.
- 68 - Собр. постан. по вед. прав. исп. IV. № 1164.

- ⁶⁹ - Ист. Росс. иерарх. I, стр. 429. П. С. З. VIII, № 6066.
- ⁷⁰ - Собр. постан. по вед. прав. исп. I, № 168
- ⁷¹ - Там же т. II, № 648.
- ⁷² - Знаменского. Прих. дух в России. стр. 192–194. 369–372.
- ⁷³ - Собр. постан. по вед. прав. испов. I, №90. II, № 371
- ⁷⁴ - Приб. к Регл. о пресвит. п. 1. 4. Собр. постан. II, № 648.
- ⁷⁵ - Сочинен. Посошкова, стр. 18.
- ⁷⁶ - Собр. постан. I, № 90, 118 и др.
- ⁷⁷ - Подробности см. в книге: Приходск. духовенство, гл. I; здесь же и о наследниках церковных мест.
- ⁷⁸ - П. С. З. V, № 3171. 3175.
- ⁷⁹ - Собр. постан. II, № 876 и П. С. З. VI. 4120.
- ⁸⁰ - Собр. постан. I. № 118.
- ⁸¹ - Там же III, № 1044, п. 18. 23 и 24.
- ⁸² - Истор. московск. епарх. управл. Розонова, I, стр. 133, примечание 459.
- ⁸³ - Пекарского. Наука и Лит. при Петре, т.1 стр 454.
- ⁸⁴ - Собр. постан. II, № 896.
- ⁸⁵ - Там же III. № 1098 и 1108. Об исполнении его: IV, №1228. 1364.
- ⁸⁶ - Опис. синод. арх. 1, стр. 716.
- ⁸⁷ - Собр. постан. IV, 1228.
- ⁸⁸ - Чистовича, Ист. спб. акад. 7–12 Пекарского: Наука и Лит. 1, 112
- ⁸⁹ - Доклад этот изд. у Пекарского, т. 1, 561–564.
- ⁹⁰ - Опис. син. арх. I, стр. 152. Феофан Прок. Чистовича, стр. 133–137.
- ⁹¹ - См. Феоф. Прокоп. Чистовича, стр. 631–637 и приложен. № VIII.
- ⁹² - Пекарского, 1, 118–120. Собр. постан. IV, № 1228. Истор. нижегор. семин. иером. Макария. 1849 г. стр. 1–2. 7.
- ⁹³ - Биографии тверск. Иерархов Чередыева. Тверь. 1859г. стр. 102. У Пекарск. 1, 114. Собр. постановл. IV, № 1409.

⁹⁴ - См. изданные мною материалы для ист. казанск. семин. в Прав. Собеседн. 1868 г. т. II, стр. 270–274.

⁹⁵ - Пекарск. I, 116, 114. Ист. росс. иер. I, 426.

⁹⁶ - Вятск. епарх. ведом. 1868 г. № 1: История вятск. семинарии. У Пекарск. стр. 118. 120.

⁹⁷ - Истор. росс, иерарх. I, стр. 424. Пекарск. стр. 110

⁹⁸ - Волог. епарх. ведом. 1865 г. № 9, стр. 298–299.

⁹⁹ - Пекарского 1, 116–117.

¹⁰⁰ - Там же и Истор.-стат. описание рязанской семин. арх. Макария, стр. 7–9.

¹⁰¹ - Собран. постан. IV, № 1381. Также у Пекарск. стр. 121.

¹⁰² - Сочин. Посошкова, стр. 3.

¹⁰³ - Слова II. Любарского о Гаврииле казанском.

¹⁰⁴ - Новгородск. школы. Христ. Чт. 1877 г. ч. I, 361 и примеч.

¹⁰⁵ - Извлечения из этой ведомости см. у Пекарского, 1, 109–121.

¹⁰⁶ - Собран. постановл. IV, № 1434. Сравн. № 1187, п. 1.

¹⁰⁷ - Там же № 1435.

¹⁰⁸ - Собр. постав. IV, № 1393 п. 6.

¹⁰⁹ - Собр. постав. IV, № 1421.

¹¹⁰ - О прих. школах см. Очерки быта малоросс. дух. в Рук. для сельск. паст. 1864 г. № 42, и 1861 г. № 39 и 31. Госуд. и народное образование Владимирского-Буданова. в Журн. М. Нар. Просв. 1873 г. Окт. и ноябр.

¹¹¹ - Опис. син. арх. I, 675–676. Собран, постан. IV, 1169.

¹¹² - Ист. росс. иер. I, 428. Пекарск. 1, 114. 117–118.

¹¹³ - О черниг. коллегиуме см. Черн. епарх. изв. 1870 г. № 16.

¹¹⁴ - Очерки быта малоросс. дух. в Руков. для сельск. пастырей 1864 г. № 46.

¹¹⁵ - П.С.З. т. VII, № 4172.

¹¹⁶ - О новгор. школе см. цитованную статью в Христ. Чт. 1877 г. ч. 1.

¹¹⁷ - Учреждение этих школ в Пет. Росс. иер. несправедливо приписывается м. Иову. Кроме одной знаменской школы, все они возникли в начале 1720-х годов. См. указ, статью в Христ. Чт. стр. 352–353, и Пекарского 1, 113.

¹¹⁸ - Собран. постан. III, 1097.

¹¹⁹ - Там же IV, 1262.

¹²⁰ - Пекарск. I, 113.

¹²¹ - Собран. постав. III, № 982.

¹²² - Собран. постан. III, № 1080.

¹²³ - Христ. Чт. 1877 г. т. I, стр. 366.

¹²⁴ - Собран. постан. III, № 1131.

¹²⁵ - Извлекаем последующие сведения из ведомости Синода 1727 г. у Пекарского и ведомости Феодосия новгородского, изд. в извлечении в указанной статье Хр. Чт. 1877 г., 1, стр. 368–370.

¹²⁶ - Приб. Регл. о свящ. в. 2. Собран, пост. II, стр. 241. Сравн. № 579.

¹²⁷ - Собран. постан. II. стр. 252.

¹²⁸ - Истор. Российск. т. II, 243; т. III, примеч. 443.

¹²⁹ - Собран. постан. III, №№ 1099 и 1136.

¹³⁰ - Истор. моск. акад. стр. 178. Полн. С. 3. VII, № 5091.

¹³¹ - Собран. пост. по дух. вед. IV, № 1197. В П.С.З. т. VII, № 4450.

¹³² - О Коллегиуме, кроме Пекарского, см. Дух. Бесед. 1863 г. № 23, стр. 170–171 Истор. иерарх. т. I, 632–633.

¹³³ - В 1730 г. было даже 35, как видно из присяжных листов при восшествии на престол Анны Иоанновны.

¹³⁴ - Иркутск. епарх. ведом. 1863 г. № 38, 39, 47; 1864 № 23 и 34; 1870 г. № 49. Русск. святые Филарета, ноябрь стр. 458–460.

¹³⁵ - Пекарского: I, 116.

¹³⁶ - Историко-стат. опис. смол. епархии стр. 181.

¹³⁷ - Ист. Росс. иерарх. I, 430–431.

¹³⁸ - Там же 431. Волог. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 299.

- 139 - Ист. иер. I, 430.
- 140 - Ист. иер. I, 432.
- 141 - Истор. Росс. иерарх. I, 435–436.
- 142 - П. С. Зак. X, № 7204.
- 143 - Там же, VIII № 7364.
- 144 - П. С. Зак. VIII, № 7385.
- 145 - Ист. Росс, иерарх. I, 440.
- 146 - П. С. З. X, № 7660, и кн. штатов о новгор. семинарии.
- 147 - Ист. Росс, иерарх. I, 440–441.
- 148 - П. С. З. X, № 7734.
- 149 - Там же № 7749.
- 150 - Чистовича: Ист. спб. академии стр. 71.
- 151 - Ист. иерарх. Росс. I, 632. Дух. Бесед. 1863 г. № 23.
- 152 - См. Пекарск. I, 120. Русск. Педагог. Вестн. 1858 г. т. V, отдел. III, стр. 18.
- 153 - О Германе см. Странник 1878 г. сентябрь стр. 195–197.
- 154 - Волог. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 499.
- 155 - Ист. Росс. иер. I, 433. Ист. киевск. акад. 188.
- 156 - Ист. псковск. сем. в Чтен. 1866 г. т. е Смесь, стр. 26, 27, 39.
- 157 - Казанск. семин. в первое время существования, в Правосл. Собеседн. 1868 г. кн. 8.
- 158 - Сборн. Казанск. древн. Любарского. Казань. 1868 г. стр. 172–173.
- 159 - Ист. вятск. семин. в Вятск. епарх. ведом. 1868 г. см. № № 1, 2, 4 и 12.
- 160 - Макария Ист. нижег. семин. и Ист. нижегор. иерархии 100, 105–107.
- 161 - Ист. Росс. иер. I, 443.
- 162 - Там же и Ист. киевск. акад. 188.
- 163 - Ист. Росс. иер. I, 443. Моск. любоп. месяцц. 1776 г. О крутицкой семинарии.
- 164 - Биографии тверск. иерарх. Чередыева, 1859 г., стр. 115–116. Словарь м. Евгения об И. Блонницком.

- ¹⁶⁵ - Ист. рязанск. сем. Макария. Ист. Росс. иер. I, 442.
- ¹⁶⁶ - См. П. С. Зак. книгу штатов и Ист. Росс. иер. 1, 591–605.
- ¹⁶⁷ - Ист. киевск. акад. 184.
- ¹⁶⁸ - Ист. Росс. иер. 1, 444. Яросл. еп. вед. 1872 г. № 12.
- ¹⁶⁹ - Ист. Росс. иер. I, 445.
- ¹⁷⁰ - Яросл. епарх. вед. 1872 г. № 12: Средства содерж. школ яросл. епархии.
- ¹⁷¹ - Курск. епарх. вед. 1873 г. № 14, стр. 666 и далее.
- ¹⁷² - Ирк. епарх. вед. 1866 г. № 15. Ист. иерарх. I, 430.
- ¹⁷³ - Историко-стат. опис. смол. епарх. Спб. 1864 г. стр. 191–192.
- ¹⁷⁴ - О нижегор. школах а. Макария. Педагог. Вестн. 1858 г. № 2, стр. 14. Инструкция Питирима Юрьевец-поволгской школе. См. Временник кн. XVII в смеси.
- ¹⁷⁵ - Ист. петерб. акад. Чистовича, стр. 21. 24–25.
- ¹⁷⁶ - Жизнь Амвросия московского. М. 1813 г. стр. 7
- ¹⁷⁷ - Ист. троиц. семин. Смирнова, стр. 7–8, 92–94.
- ¹⁷⁸ - Истор. России Соловьева, т. XXII, 272.
- ¹⁷⁹ - П. С. 3. X. 7060.
- ¹⁸⁰ - История троицкой семинарии Смирнова, М. 1857 г.
- ¹⁸¹ - Ворон. епарх. вед. 1867 г. № 1: Историч. сведения о воронежской семинарии. См. также в Ист. росс. иер. т. I и Ист. киевск. акад. 184–185. Педагог. Вестн. т. V, 1858 г. Смесь стр. 17.
- ¹⁸² - Пермск. еп. вед. 1868 г. № 1, стр. 7.
- ¹⁸³ - Странник 1867 г. кн. XI в стат. об Антонии Нарожницком, и 1868 г. кн. VII в ст. о Сильвестр. Гловацком. См. также Ж. Мин. нар. просв. 1834 г. кн. III: Материалы для ист. христ. просв. Сибири.
- ¹⁸⁴ - Яросл. епарх. вед. 1872 г. № 13. и в Истор. иерарх. I. 446.
- ¹⁸⁵ - Педагог. Вестн. 1858 г. т. V, Смесь: Корреспонд. а. Макария, стр. 18 и далее.
- ¹⁸⁶ - Ист. влад. семинарии Надеждина. Владимир. 1875 г.

- 187 - Ист. Росс. иер. 1, 445.
- 188 - О переясл. семинарии см. во Владим. епарх. ведом. 1866 г. № 23: стат. Свирплина.
- 189 - Ист. киевск. акад. стр. 190 и жизнеопис. Георгия при его сочинениях
- 190 - См. в Докладе комит. о усоверш. дух. училищ 1808 г. и в Ист. Росс. иер. 1, стр. 440
- 191 - Опис. Смол. епарх. стр. 192. Ист. Росс. иер. I, 444.
- 192 - Ист. Росс. иер. I, 606. 608–609.
- 193 - Там же, 446–446.
- 194 - Жизнь св. Тихона ворон. при его сочинениях, т. 1, стр.
- 10
- 195 - Тульск. епарх. вед. 1862 г. № 2, стр. 38.
- 196 - Иерархия вятск. епархии Никитникова. Вятка. 1863 г. стр. 76.
- 197 - Странник 1868 г. VII. 8–9: Сильвестр Гловацкий. О Далмат. школе Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 1. стр. 7–8.
- 198 - Педагог. Вестн. 1858 г. т. V, Разные извест. стр. 21.
- 199 - О новокр. школах о. Малова, в Прав, обозр. 1818 г. Июль.
- 200 - Там же и П.С.З.12126.
- 201 - Описан. синод. архива 1, стр. 468–469.
- 202 - Истор. Росс. иерарх. I, 605.
- 203 - Ист. Троицк. семин. стр. 10.
- 204 - Ист. псковск. семин. в Чтен. 1866 г. 1, стр. 33. С 1744 г. он был епископом костромским.
- 205 - Волог. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 308–309.
- 206 - Вологодина. Летоп. о граде Устюге, л. 24.
- 207 - Ист. нижег. семин. стр. 9–10.
- 208 - Странник 1868 г. июль стр. 20.
- 209 - Чистовича: Ист. петерб. акад. 34. 36.
- 210 - Ист. Троицк. сем. Смирнова, стр. 10–13.
- 211 - Ист. переясл. семин. во Владим. епарх. ведом. 1866 г. № 23. Харьковский коллегиум тоже был связан с монастырем

(Покровским) и управлялся общим с ним начальством, но зато здесь самый монастырь был обязан своим существованием школе, и носил название училищного. Ист. иерарх. т. 1, 633–637

²¹² - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 12: Ист. вятской семинарии. В числе членов конторы был впрочем один учитель.

²¹³ - Ист. влад. семин. гл. IV–VI.

²¹⁴ - Ист. петерб. акад. стр. 71–72

²¹⁵ - Вятск. еп. вед. 1868 г. № 4 и 12.

²¹⁶ - Ист. псковск. семин. в Чтен. стр. 30. 36–38.

²¹⁷ - Воронежск. епарх. вед. 1868 г. № 7, стр. 213.

²¹⁸ - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1306.

²¹⁹ - Ист. влад. семин. стр. 41–42, 49–54.

²²⁰ - Ист. росс. иерарх. I. 440–442.

²²¹ - П. С. З. XLIV, – Книга штат. II. 5–11

²²² - Ист. петерб. акад. 70–71.

²²³ - Опис. Смоленск. епарх. стр. 186.

²²⁴ - Опис. Смоленск. епарх. стр. 186.

²²⁵ - Записки Шаховского. 1872 г. Прилож. XXVII, стр. 279.

²²⁶ - П. С. З. XII, № 9528.

²²⁷ - Лука Конашевич. Прав. Собеседн. 1858 г. т. II 577–759.

²²⁸ - Ист. нижегор. иерарх. а. Макария, стр. 12

²²⁹ - Ист. владим. семин. стр. 13.

²³⁰ - Чистовича: К Ист. харьк. колл-ма. Дух. Беседа 1863 г. т. XIX. 659–660.

²³¹ - Очерк ист. харьк. коллег-ма. Дух. беседа 1863 г. т. XVIII, 171.179–180.

²³² - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1304.

²³³ - Иркутск. епарх. вед. 1863 г. № 38, стр. 603.

²³⁴ - Волог. епарх. вед. 1865. г. № 9, стр. 300–301

²³⁵ - Вятск. епарх. вед. 1858 г. № 2, стр. 27.

²³⁶ - Курск. еп. вед. 1873 г. 17. стр. 807–809. Учеников в соединенных школах насчитывалось 180–200 человек.

²³⁷ - Временник общ. ист. кн. XVII.

²³⁸ - Курск. еп. Вед. 1873 г. № 16.

- 239 - Ист. вятск. семинарии. Вятск. еп. вед. 1868 г. № 1, стр. 13.
- 240 - Историко-стат. опис. смол. епарх. стр. 181.
- 241 - Ист. росс. иерарх. I, стр. 604–605.
- 242 - Педагогич. вестник 1858 г. т. V, Известия. стр. 21–22.
- 243 - Странник 1867 г. кн. XII: в статье об Антонии Нарожницком.
- 244 - Ист. псковск. семин. в Чтен. 1866 г. т. 1, стр. 39.
- 245 - Ист. нижегор. семип. арх. Макария, стр. 2. Все устройство семинарии стоило 1700 рублей. Ист. нижег. иерархии, стр. 120.
- 246 - Казанск. семин. в первое время существования. Прав. Собеседн. 1868 г. кн. 8.
- 247 - Ворон. епарх. ведом. 1867 г. № 23.
- 248 - Лука Конашевич в Прав. Собеседн. 1858 г. т. II, 577–579.
- 249 - Ист. описан. тамб. епархии Хитрова: о Пахомии.
- 250 - П. С. З. XI, № 8287.
- 251 - Средства сод. школ в яросл. епархии. Яросл. епарх. ведом. 1872 г. № 13. Педагог. Вестн. т. II, 1857 г. стр. 541: Письмо арх. Макария. Там же т. V (1858), стр. 21.
- 252 - См. указ. статью в Яросл. ведом. № 42. Инструкц. Питирима во Временнике т. XVII, § 14 и 16.
- 253 - Ист. Росс. иер. I, 435–436.
- 254 - Ист. ворон. семинарии. Ворон. епарх. ведом. 1867 г. см. №№ 3, 6, 7, 8 и 10. История этой семинарии, заметим кстати, преимущественно богата данными для исследования семинарского экономического быта.
- 255 - Вологод. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 302–304; № 40, стр. 380–384. Можно указать еще несколько примеров как количества хлебных доходов в семинариях, так и крайнего неравенства этого количества для одной и той же семинарии в разные годы, а равно способов распоряжения при этих сборах приходом и расходом приплодного хлеба в семин. конторах. См. наприм. Прав. Собеседн. 1868 г. кн. 8: Казанская семин. в

первое время ее существования. Ист. псковск. семин. в Чтен. 1866 г. т. I, стр. 40–44 и друг.

²⁵⁶ - В Кн. штатов. Сравн. Новгор. школы в Христ. чт. 1877 г. I 361 и примеч.

²⁵⁷ - О крутицк. семин. в Любоп. месяцесл. на 1776.

²⁵⁸ - В тобольской епархии взималось только по 1 деньге с двора при безземельных церквах, но к этому сбору прибавлен еще новый сбор с гривен, которые по указу 1722 г. (П. С. З. VI, 4009, п. 24) духовенство получало с каждой души в приходах раскольнических; в пользу дух. школ велено отчислять из этого дохода половину с каждой гривны. Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 1, стр. 7. В других епархиях этого полугривенного сбора не видно.

²⁵⁹ - Ист. нижег. сем. а. Макария, стр. 4.

²⁶⁰ - Педагог. Вестн. 1858 г. т. V, стр. 24.

²⁶¹ - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1304.

²⁶² - Ист. влад. семин. стр. 21.

²⁶³ - Яросл. епарх. вед. 1872 г. 12, 13, 11 и 17: Средства содержания грам. школ и яросл. семинарии.

²⁶⁴ - См. наприм. Воронеж, еп. вед. 1869 г. № 7, стр. 228–230, № 8, стр. 277–278.

²⁶⁵ - П. С. З. № 8726.

²⁶⁶ - О способ. содерж. дух. училищ в Страннике 1860 г. кн. VIII, стр. 134–136. Ист. вятск. иерархии Никитникова стр. 53: Взято в 1745 г. на семинарии 30 р. штрафа с арх. казначея за неисправность по службе и 5 р. с ключаря.

²⁶⁷ - Педагогич. Вестн. 1858 г. т. V, Заметки, стр. 19–20.

²⁶⁸ - Педагог. Вестн. 1858 г. V, стр. 21: Заметки.

²⁶⁹ - Владим.–Буданова: Государство и нар. образование, стр. 304.

²⁷⁰ - Воронежск. еп. вед. 1868 г. № 23, стр. 753–755.

²⁷¹ - Там же № 22, стр. 729–731.

²⁷² - Ист. владим. семин. стр. 21–28. 85.

²⁷³ - Яросл. епарх. ведом. 1872 г. № 12, стр. 94–95; № 13, стр. 109.

- 274 - Опис. смол. епарх. стр. 193.
- 275 - Курск. епарх. ведом. 1873 г. № 17 и 18.
- 276 - Казанск. семинария в первое время существования: в Прав. Соб. 1868 г. кн. 8.
- 277 - Ист. нижегор. семинарии, стр. 5. Сбор этот впрочем производился едва ли не за содержание учеников в семинарии.
- 278 - Ирк. епарх. ведом. 1870 г. № 49, стр. 583.
- 279 - Опис. Смоленск. епархии, стр. 187.
- 280 - Ист. псковск. семин: стр. 42–44.
- 281 - Ист. росс. иер. 1, 605 и 607.
- 282 - Опис. смоленск. епархии, стр. 185.
- 283 - Ист. нижегор. иерарх. 107. 118–120. Ист. нижегор. семинар. стр. 6.
- 284 - Ист. росс. иер. I, 431.
- 285 - Ист. владим. семин. 49. Ист. нижегор. сем. 6.
- 286 - Опис. смол. епарх. 187.
- 287 - Казанск. семинария. в Прав. Собеседн. 1868 г. кн. 8
- 288 - Очерк ист. харьк. колл. в Дух. Бесед. 1863 г. № 23.
- 289 - Странник 1860 г. кн. 8, стр. 138.
- 290 - См. Истор. ворон. семин. в Ворон. епарх. ведом. за 1867 и 1868 гг.
- 291 - Ист. Троицк. семин. 23–24.
- 292 - Ист. Троицк. семин. стр. 32–33.
- 293 - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1304–1305.
- 294 - Каз. семин. в: Прав. Соб 1868 г. кн. 8
- 295 - Волог. епарх. вед. 1865 г. № 10, стр. 382–384, 387, №9 стр. 301–302.
- 296 - История псковск. семинарии в Чтен. 1866 г. стр. 40–44.
- 297 - Описан. смол. епарх. стр. 188.
- 298 - Яросл. епарх. вед. 1872 г. № 12, стр. 95.
- 299 - Ист. влад. семин. стр. 48.
- 300 - Вятск. еп. вед. 1868 г. № 12, стр. 200–203.
- 301 - О способ. содерж. д. училищ в Странник. 1860 г. сент. стр. 187.

- 302 - Вятск. еп. вед. 1868 г. № 12, стр. 200.
- 303 - Ист. моск. акад. стр. 99.
- 304 - Записки Чеботарева в Прав. Обозр. 1861 г. т. V, стр. 304–305.
- 305 - Ист. Троицк. сем. 22–23.
- 306 - Странник 1860 г. кн. IX, стр. 189.
- 307 - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1306.
- 308 - Волог. епарх. вед. 1865 г. № 10, стр. 385–386.
- 309 - Одежда не выдавалась наприм. в тобольской (Пермск. епарх. в. 1868 г. 1868 г. № 1, стр. 7) и смоленской семинариях (Опис. смол. епарх. 188).
- 310 - Волог. епарх. вед 1863 г. № 10, стр. 386. См. также Ист. моск. епарх. управл. ч. I, отд. 1, стр. 28–29.
- 311 - Там же, стр. 386–387.
- 312 - Казанск. семинария... в Прав. Собес. 1868 г. Август.
- 313 - Владим. епарх. вед. 1866, № 23, стр. 1306.
- 314 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. № 7, стр. 233.
- 315 - Опис. Смоленск. епарх. стр. 188.
- 316 - Асоченского: Киев с древн. его училищем, II, 172. В инструкции Киевской академии Рафаила Заборовского было сказано, чтобы ученики не занимали квартир в домах почему-нибудь зазорных. Там же стр. 106–107.
- 317 - Курск. епарх. вед. 1873 №14, стр. 670–671, №16, стр. 762–765.
- 318 - См. об нем: Прих. дух. в России, стр. 68. 148 и далее.
- 319 - О способ. содерж. дух. школ в Странн. 1860 г. IX, 196. Ист. киевск. акад. 107. Опис. Смоленск. епарх. 189. Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 15, стр. 254–255.
- 320 - Русск. святые Филарета. Август, стр. 39.
- 321 - Казанск. семин. в Прав. Собеседн. 1868 г.
- 322 - Странник 1860 г. кн. IX, стр. 197.
- 323 - Ист. киевск. акад. 107.
- 324 - Жизнь св. Тихона при его творениях т. I, 3.

325 - Ист. Киевск. акад. 106–107. Пекарского: Наука и Лит., глава XIV. Описание киево-соф. соб. Евгения стр. 216. Странник 1860 г. кн. IX, 198. Ист. нижегор. сем. 5–6.

326 - Ист. нижег. иерарх. 130.

327 - Странник 1860 г. кн. IX, 198.

328 - Ист. киевск. акад. 105–106.

329 - Ист. влад. семин. 291.

330 - Ист. киевск. акад. 106–107.

331 - Черниг. Коллегиум в Черниг. епарх. вед. 1870 г. № 12.

Здесь же описан любопытный синодик конгрегации, заведенный с благословения архиерея Илариона.

332 - Странник 1860 г, IX, 178–183: О содерж. дух. Училищ.

333 - Ист. Троицк. семин. 17–20.

334 - Ист. петерб. акад. 15. 71.

335 - Владим. еп. вед. 1866 г. № 23. стр. 1301–1302.

336 - Ворон. еп. вед. 1867, № 14, стр. 463; 1868 г. № 22, стр. 732

337 - Опис. смол. епарх. 187–188.

338 - Волог. еп. вед. 1866 г. № 9.

339 - Странник 1860 г. кн. IX, стр. 178.

340 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. № 44, стр. 461–464.

341 - Ист. нижегор. иерарх. 130, примеч. Ист. нижегор. сем., 8.

342 - Ист. владим. семин. 37. Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 12, стр. 204.

343 - В указе 21 марта 1862 г.

344 - Ист. моск. акад. 179.

345 - Госуд. и нар. образование Влад.–Буданова, стр. 115–116.

346 - Ист. моск. акад. 107.

347 - П.С.З. № 8904.

348 - Ист. России Соловьева XXII, 334–335.

349 - Ист. спб. академии, стр. 7, 11. 15–16, 45

350 - П.С.З. VII № 4802, 4804.

351 - См. Приходск. духов. в России, стр. 91–100, 105–109.

³⁵² - Ист. Росс. иер., I, 429.

³⁵³ - П. С. З. VIII, № 6066. Крестьянский сын Ломоносов, как известно, только обманом мог попасть в академию, сказавшись сыном священника.

³⁵⁴ - Иерархия вятск. епархии Никитникова, прилож. 30 стр. 193–194. Вятск. епарх. вед. 1868 г. №2 и 4. Ист вятск. семинарии.

³⁵⁵ - Ист. троицк. семин. 26, 29–31, 34, 101, 104.

³⁵⁶ - По пиитическому каталогу учеников 1769–1770 г. светских учеников значится 69, духовных 47. Киев с его древн. учил. Аскоченского. II, 268. Ист. Киевск. академии, стр. 200.

³⁵⁷ - Ист. харьк. коллег. Дух. Беседа 1863 г. № 23. Харьк. епарх. вед. 1872 г. № 22, стр. 427. Здесь между прочим сказано, что главноуправляющий Слободской украиной кн. Голицын потому и принял участие в белгородской семинарии, чтобы дать возможность обучаться в ней дворянским детям, поэтому упросил перевести ее в Харьков, где имел резиденцию.

³⁵⁸ - О Далмат. школ в пермск. еп. вед. 1868 г. Домов. лет. Андреева в Чтен. 1870 г. IV, смесь.

³⁵⁹ - Ист. росс. иер. I, 431. Опис. Смоленск. епарх. 190.

³⁶⁰ - П. С. З. VIII, №№ 5882. 6066. 6152. 6267. Ист. моск. акад. стр. 106.

³⁶¹ - В биографии св. Тихона воронежского при его сочинениях рассказывается, что напуганные указами о разборе дух. лица новгородской епархии «с последним иждивением своим» старались поместить своих детей в школу при архиер. доме, так что учащихся набралось в ней тогда до тысячи человек. По донесению комиссии о разборе, она сама в течение двух лет разбора отослала в новгородскую школу 621 человек. П. С. З. X, 7790.

³⁶² - П. С. З. IX, №№ 7070. 7138. 7164.

³⁶³ - Там же X, 7169.

³⁶⁴ - Там же № 7364. 7378. 7385. 7389.

³⁶⁵ - Там же №№ 7144. 7331.

³⁶⁶ - П. С. З. X. № 7790.

- 367 - Там же № 7198.
- 368 - Там же № 7364.
- 369 - Ист. Псковск. семин. в чтен. 1866 г. стр. 26.
- 370 - П. С. З. XI, 8105. 8148 п. 2.
- 371 - Там же 8199.
- 372 - Там же XI. 8836.
- 373 - См. подробнее Приходск. дух. в России стр. 243 и далее.
- 374 - Воронежск. епарх. вед. 1867 г. №1, стр. 19, №6. стр. 206.
- 375 - П. С. З. XII. 9299.
- 376 - Истор. росс. иерарх. 1, 445–446.
- 377 - П. С. З. XII, № 9329.
- 378 - Там же XIV, 10460.
- 379 - См. наприм. П. С. З. X. 7144. 7331. XII, 9299. 9329. XIV.10461. XVII, 12454.
- 380 - Преосв. Никодим спбургский в Странн. 1868 г. кн. 1. стр. 19.
- 381 - Ист. московск. епарх. управл. Розонова, ч. II, отд. 1, стр. 64–66; примеч. 345.
- 382 - Серафимовича: Очерки просвещ. в Сибири. Отеч. Зап. 1867 г. кн. 20, стр. 703.
- 383 - Материалы для ист. пермск. епарх. в Пермск. еп. вед. 1870 г. № 51. 617; № 31, 378.
- 384 - Ист. Влад. семинарии стр. 19.
- 385 - П. С. З. X, № 7790.
- 386 - Там же X, № 7734. 7749.
- 387 - Воронежск. еп. вед. 1867 г., стр. 674–675, и 1868 г. стр. 558.
- 388 - П. С. З. IX, № 8743.
- 389 - Наприм. см. Никитникова, Иерархия вятск. епарх. стр. 50.
- 390 - Истор. моск. епарх. управл. Розонова ч. II, отдел. 1, стр. 65, 140–141. и примеч. 338.

- 391 - Описан. харьк. епарх. стр. 14–15.
- 392 - Ист. Троицк. сем. стр. 58–63.
- 393 - Ист. моск. акад. 177–178.
- 394 - Ист. Троицк. семин. 103.
- 395 - Опис. смоленск. епарх. 164.
- 396 - П. С. З. VII, № 5091.
- 397 - Ист. владим. семин. 39–40.
- 398 - Ист. нижегор. семин. стр. 6.
- 399 - Странник 1878 г. сент. стр. 398–399.
- 400 - Наприм. см. Труды киевск. акад. 1860 г. ч. II, 247–251:
об Иродионе черниговском.
- 401 - См. подробн. в книге: Прих. духовенство в России, стр.
49–61. 144–148.
- 402 - П. С. З. IX, 6724.
- 403 - Приход. духов. в России стр. 28–38.
- 404 - Труды Киевск. акад. 1860 г. кн. II, 245–247. 250–251.
- 405 - Опис. харьк. епарх. 1. 8. 19–20.
- 406 - Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 1. 47–48. кн. 2, 56.
- 407 - Пермск. епарх. вед. 1870 г. стр. 617–618. Иерарх. вятск.
епархии Никитникова, стр. 48–49.
- 408 - Ист. троицк. сем. 27.
- 409 - Ист. владим. сем. 33
- 410 - Указ от 29 авг. 1751 г. (рукопись).
- 411 - Странник 1876 г. т. II. 86–87: в стат. о Никодиме
петербургском.
- 412 - См. напр. Ист. Воронеж. сем. в Ворон. епарх. ведом.
1867 г. № 1.
- 413 - Иркутск. еп. вед. 1870 г. № 19, стр. 582. Ист. влад. сем.
18.
- 414 - Курск. епарх. вед. 1873 г. № 14, стр. 668.
- 415 - Ист. влад. семин. 18.
- 416 - Иркутск. епарх. вед. 1870 г. стр. 583.
- 417 - Это писалось и в их инструкциях. См. напр. там же
1861 г., стр. 544. Пермск. епарх. вед. 1870 г. № 33, стр. 398 и

друг.

- 418 - П. С. З. № 7385.
- 419 - Р. Педагог. Вестн. 1858 г, т. V, стр. 19–20.
- 420 - Ист. спб. акад. 17. Ист. Троицк, сем. 24.
- 421 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. № 1.
- 422 - См. указанную цитат. Педагог. Вестн.
- 423 - Иркутск. епарх. вед. 1863 г. № 39, стр. 626.
- 424 - Ист. владим. семин. 19.
- 425 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 25–26.
- 426 - Ист. Троицк. семин. 20
- 427 - Странник 1878 г. ноябрь: в стат. о Варсонофии архангельском, стр. 147–148.
- 428 - Ист. Троицк. семин. 27.
- 429 - Из рукоп. собрания материалов для ист. казанск. епархии.
- 430 - Ист. Троицк. сем. 2–29
- 431 - Воронеж. епарх. вед. 1868 г. № 23, стр. 755–756.
- 432 - Госуд. народное образование, стр. 233, примечание.
- 433 - Ист. Троицк. семин. 27.
- 434 - Иркутск. еп. вед. 1864 т. № 34 стр. 544. Ист. нижегор. семин. 5.
- 435 - Ист. московск. акад. 107 Ист. Троицк. сем. 25
- 436 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. стр. 22. Сравн. Ист. псковск. сем. 9 и Ист. влад. сем. 18–19.
- 437 - Госуд. народное образов. примеч. к 234 стр.
- 438 - Ист. троицк. сем. 4. Ист. рос. иер. 59 и 601–602.
- 439 - Педагог. Вестн. 1837 г. т. II, 544. Ворон. епарх. ведом. 1867 г. № 3, стр. 82–84 в примеч. Ист. Нижегород. иерарх. стр. 106. прим. 3.
- 440 - Вятск. епарх. вед. 1868 г, № 2, стр. 26–27.
- 441 - Госуд. и народное образов. стр. 238.
- 442 - Странник 1878 г. ноябрь, стр. 144–146: в стат. о Варсонофии архангельском
- 443 - Прав. Собеседн. 1868 г. т. II. 295: Казанск. семинария...

- 444 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 12, стр. 202–203.
- 445 - Образчик записи можно видеть в Иркутск. епарх. Ведом. 1863 г. № 47, стр. 777–778.
- 446 - Ист. Троицк. семин. 103. Вятск. епарх. вед. 1868 г. стр. 199.
- 447 - Ист. Троицк. сем. стр. 102.
- 448 - Ист. спб. акад. 50–51.
- 449 - П. С. З. IX. №. 6504. 6585.
- 450 - Там же X. 7634. 7671.
- 451 - П. С. З. XI, 8303.
- 452 - Там же № 8382.
- 453 - См. напр. в Ист. спб. акад. стр. 69.
- 454 - П. С. З. XIII, № 9591. XV, № 11332.
- 455 - Там же XV. 11441.
- 456 - Наприм. см. Курск. епарх. вед. 1873 г. № 14, стр. 672.
- 457 - П. С. З. № 7385. Ист. Росс. иерарх. 1, 440.
- 458 - Ист. моск. академии и Ист. Троицк. семин. 102.
- 459 - Ист. псковск. семин. стр. 50–51.
- 460 - Ист. нижегор сем. стр. 4–5. Педагог. Вестн. 1858 г. т. III, 24–25. Странник 1868 г. т. I, стр. 295.
- 461 - См. наприм. приведенный выше указ 1751 г. Луки Конашевича казанского. Также Попова. Татищев и его время, стр. 735.
- 462 - Ворон. епарх. ведом. 1867 г. № 11, стр. 362–363.
- 463 - См. напр. П. С. З. № № 7169. 7385 и др.
- 464 - Ист. московск. акад. 240. 243–244.
- 465 - П. С. З. IX, № 7070.
- 466 - Пекарского Ист. акад. наук т. I, 523. II. 286–287. 358. Сухомлинова Ист. российск. академии вып. 2, стр. 5–6.
- 467 - Ист. спб. акад. 56–57 и Сухомлинова Ист. рос. акад. I. 6–8.
- 468 - П. С. З. т. XIV, № 10521.
- 469 - Ист. пск. семин. 29, 36.

- 470 - Воронежск. епарх. вед. 1867 г. № 6, стр. 203. № 11, стр. 467 н 1868 г. № 6. стр. 169, № 7, стр. 212.
- 471 - Странник 1878 г. сент. 399–400.
- 472 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 4. стр. 59–60.
- 473 - Ист. троицк. сем. 177–178.
- 474 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 22, стр. 724–725.
- 475 - Ист. псковск. сем. 36.
- 476 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 6, стр. 212–213.
- 477 - Иностр. 1739 г; заказчику вятск. епархии: Пермск. епарх. вед. 1.870 г. №33. стр. 399.
- 478 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. №4, стр. 63–64.
- 479 - Странник: о Никодиме спбургском. 1876 г. т. II, стр. 90
- 480 - Пермск. епарх.вед. 1870 г. №51. стр. 619–620.
- 481 - См. наприм. Ист. моск. акад. 106–107
- 482 - Иерарх. вятск. епарх. Никитникова, стр. 43. Воронежск. епарх. вед. 1867 г. № 14, стр. 467–468. 470, 1868 г. № 6. стр. 169.
- 483 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 4. стр. 64.
- 484 - Воронежск. епарх. вед. 1868 г. № 6. стр. 171–173.
- 485 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 4. стр. 65.
- 486 - Описан. Смоленск. епарх. стр. 189. Воронежск. еп. вед. 1867 г. № 6, стр. 169.
- 487 - Ист. владим. семинарии стр. 64–83.
- 488 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. стр. 275–276
- 489 - Ист. влад. семин. стр. 45.
- 490 - Ист. Троицк. семин. примеч. к стр. 12.
- 491 - Ист. нижегор. семин. стр. 10. Инстр. Патирима в Времен. т XVII.
- 492 - Ист. владим. семин. 81–83.
- 493 - Ист. псковск. сем. стр. 33.
- 494 - Владим. епарх. ведом. 1866 г. № 23, стр. 1300.
- 495 - Ист. владим. семин. стр. 56–57.
- 496 - Истор. спб. академии стр. 19–20.
- 497 - Описан. Смоленск. епархии стр. 164.

- 498 - См. INSTR. Питирима и Ист. нижегор. семин. стр. 10.
- 499 - Ист. владим. семин. стр. 38–63.
- 500 - Воронежск. епарх. вед. 1867 г. № 6, стр. 204–205.
- 501 - Ист. владим. семин. 54.
- 502 - См. Р. Пед. Вестн. 1858 г. т. III: стат. Макария о школах. Ист. переясл. семин. в Влад. епарх. вед. 1866 г. стр. 300. Ворон. епарх. вед. 1867 г. стр. 231–234.
- 503 - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23, стр. 1299.
- 504 - Ист. владим. семин. стр. 38–39.
- 505 - Иркутск. епарх. вед. 1863 г. № 39, стр. 624–625.
- 506 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 1. стр. 8.
- 507 - Истор. владим. семин. 36.
- 508 - Ворон. епарх. вед. 1867 г. №7, стр. 231–234.
- 509 - Ист. Киевск. акад. 191. Здесь же (стр. 184–190) можно видеть самые имена многих лиц, отправлявшихся из академии в учителя по епархиям.
- 510 - Чистовича Ф. Прокопович, 676. Ирк. епарх. вед. 1870 г. стр. 587–589
- 511 - Воронежск. еп. вед. 1867 г. №8, 9, 11, 14; 1868 г. №7. В петербургской семинарии видим учителей из воспитанников Черниговских. Ист.спб. акад. стр. 38.
- 512 - Имена вызывавшихся в учителя студентов см. в Истории моск. академии.
- 513 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 12, стр. 201. В Троицкую семинарию посылали из епархии учеников для приготовления к учительству точно так же, как в московскую акад. Ист. Троицк. сем. 33. 105.
- 514 - Для посылки на учительство в школы, находящиеся не в семинарском городе, таких учеников иногда нарочно исключали из семинарии раньше окончания курса. Напр. см. Курск. еп. вед. 1873 г. стр. 673–674.
- 515 - Р. Педаг. Вестн. 1858 г. т. V, отд. 3. стр. 23.
- 516 - Вологод. епарх. вед. 1865 г. № 9.
- 517 - Странн. 1878 г. ноябрь, стр. 144.

- 518 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 1, стр. 7.
- 519 - Странник 1865 г. сент., стр. 107: Об Иоаннии. Также см. в житии св. Тихона воронежского при 1 т. его сочинений.
- 520 - Ист. спб. акад. 69: о пострижении шести учеников в 1748 г. Здесь впрочем неверно сказано, что они пострижены по указу в 1741, а не 1738 г.
- 521 - П. С. З. XI, № 8382.
- 522 - Ист. московск. акад. 84–85.
- 523 - Р. Педаг. Вестн. 1858 г. т. V. Заметки, стр. 22.
- 524 - Опис. Смоленск. епарх. 181.
- 525 - Ярослав. епарх. ведом. 1863 г. №27, стр. 264.
- 526 - Педагогич. Вестн. 1858 г. т. V. Заметки, стр. 23.
- 527 - Прав. Собес. 1858 г. т. II, стр. 569 в стат. о Луке Конашевиче.
- 528 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 14, стр. 242. Ист. моск. акад. 182. Окне. Смоленск. епарх. 181.
- 529 - По ведомости смоленской семинарии 1741 г. в аналогии учеников было 75, а в пиитике всего 16. В московской академии в 1738 г. в фаре училось 168 человек, а в пиитике 31.
- 530 - Ист. моск. акад. 180.
- 531 - См. Ист. вятск. семин. в Вятск. еп. вед. 1868 г. № 14 Ист. Троицк. семин. 45–50. 90 и др.
- 532 - Ист. Троицк. семин. 50. 317–318.
- 533 - См. Ист. указанных семинарий и Ист. моск. акад; 170–172.
- 534 - Ист. киевск. акад. 128.
- 535 - Ист. нижегор. иер. 121. 143.
- 536 - Волог. епарх. ведом. 1865 г. № 9 и 14, стр. 574.
- 537 - Ист. киевск. акад. 185.
- 538 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 14, стр. 248. Владим. епарх. вед. 1866 г. № 23.
- 539 - Ист. моск. акад. 115.
- 540 - Вятск. епарх. вед. 1868 г. № 15.
- 541 - Там же № 12, стр. 199.

542 - См. житие св. Тихона при I т. его сочинений. В 1746 г. философы оставлены в риторике за неимением учителя философии в смоленской семинарии. Смол. епарх. вед. 1878 г. №2, стр. 119.

543 - Ист. псковск. семин. 29.

544 - В опис. смоленской епархии сказано, что оба класса открыты с 1728 г., но там же говорится, что в семинарской ведомости 1741 г. значится еще один философский класс. Стр. 181. 184. Первый учитель богословия упом. в 1746 г. Смол. епарх. ведомост. 1878 г. 2: Материалы для ист. смол. семинарии стр. 59.

545 - Сильвестр Кулябка в Странн. 1875 г. т. I, стр. 80–81.

546 - См. житие св. Тихона.

547 - Там же и Биогр. тверск. иерарх. стр. 116.

548 - См. выше стр. 181. Ист. Нижегород. иерархии стр. 122 и 143.

549 - См. Опис. смол. епарх. 182–183 и Ист. Троицк. сем. 36 и далее.

550 - Ист. моск. акад. прилож. № 4

551 - Ист. киевск. акад. 142 и 143.

552 - О катехизации в семинариях см. ист. Троицк, сем 58. Ист. спб. акад. 26. Казанск. древн. Любарского 107. Ист. иерарх. I: 604

553 - Ист. спб. акад. 23–24. Опис. смол. епархии 184.

554 - Опис. смол. епархии 187. Ист. псковск. семин. 26.

555 - Ист. нижегор. иерарх. 129. 122.

556 - Жит. св. Тихона. Ист. моск. акад. 221. Биограф. тверск. иерарх. 105. 116. Ист. Троицк. семин. 53.

557 - Ист. рос. иерарх. I, 637–638.

558 - Ист. Троицк. семин. 53. Ист. нижегор. иерарх. 143. Ист. рос. иерарх. I, 609

559 - Ист. спб. акад. 52.

560 - См. выше стр. 77.

561 - П. С. 3. № 7169.

- 562 - Ист. спб. акад. 21. Ист. росс. иерарх. I, 577. Смол. епарх. вед. 1871 г.: инструкции смоленской семинарии.
- 563 - Ист. Росс. иерарх. I, 637–638.
- 564 - Ист. Троицк. семин. 50–52. Живописи учились также в невской академии.
- 565 - Ист. спб. акад. 21
- 566 - Ист. Троицк. семин. 51. Ист. росс. иерарх. I, 609.
- 567 - Ист. Троицк. сем. 55–58. Ист. спб. акад. 33–34.
- 568 - См. в Ист. росс. иер. т. 1. О новгор. семин.
- 569 - Прав. Собеседн. 1858 г. т. II, 584.
- 570 - Ист. вятск. иер. 30. 77
- 571 - Ист. нижегор. сем. 9
- 572 - Ист. пск. сем. 27.
- 573 - Опис. Смоленск. епарх. 188.
- 574 - П. С. З. XVI, № 11718.
- 575 - Там же № 12060.
- 576 - Представляем существенные черты проекта по изложению его в Труд. киевск. академии за 1867 г. т. III, стр. 588–601.
- 577 - Ист. росс. иер. I. 448.
- 578 - П. С. З. № 12060.
- 579 - Ист. Троицк. сем. 121–123, 174–176.
- 580 - Опис. смол. епарх. 188.
- 581 - Ист. влад. семин. 84. 87.
- 582 - Педагог. вестн. 1838 г. т. V, заметки, стр. 21.
- 583 - Ист. влад. семин. 85–86.
- 584 - Ярославск. епарх. вед. 1872 г. № 17, стр. 136–137.
- 585 - Чт. О. Ист. и древн. 1863 г. кн. II.
- 586 - Ист. Спб. акад. 73.
- 587 - Ист. троицк. семин. 176–177
- 588 - Харьк. епарх. вед. 1873 г., № 4. стр 185: Очерк ист. харьк. Коллегиума.
- 589 - Послед. цифры извлекаем из Ист. Росс. иер. т. I.

⁵⁹⁰ - Ист. Харьк. колл. в Дух. Вестн. 1863 г. V 23. Эти 3000 р. употреблялись впрочем исключительно на одни прибавочные классы и состояли даже не в ведении коллегиумского начальства, а в ведении губернского правления. См. Харьк. епарх. ведом. 1873 г. стр. 184–185: о харьк. коллегиуме

⁵⁹¹ - Из этой суммы в воронежской семинарии почему-то до 1778 г. производился третной вычет, возвращенный в этом году сполна за все 11 лет. См. Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 43–44 в примечании.

⁵⁹² - Харьк. епарх. вед. 1873 г. № 4, стр. 187: Ист. Харьк. коллегиума.

⁵⁹³ - В 1762 г. Троицкая семинария издержала на такой убор 250 руб. 84 к.

⁵⁹⁴ - Ист. Троицк. семин. 440–441.

⁵⁹⁵ - Псковская наприм. семинария в 1780 г. получила 500 руб. (Ист. пск. сем. 136), а Харьковский коллегиум в 1787 г. 1000 р. (Дух. Бесед. 1863 г. № 23).

⁵⁹⁶ - Биограф. тверск. иер. 136.

⁵⁹⁷ - Ист. ниж. иерарх. 176–177.

⁵⁹⁸ - Прав. Собес. 1868 г. т. III. 130.

⁵⁹⁹ - Прав. Собесед. 1875 г. III. 100–101.

⁶⁰⁰ - Послед. цифры, кроме особо процитованных, извлекаем из Ист. Росс. иер.

⁶⁰¹ - Ист. псковск. сем. 82. П. С. 3. № 14894.

⁶⁰² - П. С. 3. IV 15753. Странн. 1860 г. Май, 157: Амвросий Подобедов.

⁶⁰³ - Ист. иер. I, 449. О слущкой семин. см. Черниг. епарх. изв. 1870 г. № 21: Свидетельство киевской казен. палаты от 10 октября 1785 г.

⁶⁰⁴ - Ист. Росс. иер. I. 421. 443. 451. Черниг. епарх. Изв. 1871 г. № 12, стр. 376. Ист. Киевск. акад. 118. Аскоченского: Киев II, 354. Ист. харьк. колл. в Дух. Бес. т. XVIII, 190.

⁶⁰⁵ - Дух Бесед. т. XVIII. 193: Истор. харьк. коллегиума, и Харьк. епарх. вед. 1873 г. стр. 181–185: то же ист. коллегиума св. Солнцева. В первой статье отобрание имений Покровского

монастыря отнесено к 1798 г., а отобрание каплуновских доходов к 1780 г. В ист. Росс. иер. и то и другое помечается 1780 г. Во второй статье о. Солнцева секуляризация покровских вотчин правильнее отнесена к 1787 г., что подтверждается приведенным там же в самом тексте документом, указом местного архиерея.

⁶⁰⁶ - Опис. Смоленск. епарх. 129. 199–201.

⁶⁰⁷ - П. С. З. т. XXV, №18273. Новые штатные оклады были распределены так (см. Книг. штат. №18173): для трех академий назначено по 12000, для четвертой казанской 10000 р.; на семинарии – новгородскую 4715, смоленскую 4500, тобольскую, ростовскую, тверскую, нижегородскую, белгородскую, суздальскую, вологодскую по 4000, – столько же в том же году ассигновано на семинарию вифанскую, – на псковскую, рязанскую, екатеринославскую, могилевскую, коломенскую, вятскую, воронежскую, архангельскую, костромскую, тамбовскую, орловскую и переяславскую по 3500, на астраханскую, черниговскую, минскую, иркутскую и брацлавскую по 3000 р. Столько же в том же году положено на семинарию подольскую. Семинария Троицкая (с прибавкой 2000) стала получать 6901 р. 62 1/2 коп. (Ист. Троицк. сем. 212.)

⁶⁰⁸ - Ист. Росс. иер. I, 640.

⁶⁰⁹ - Доклад комит. 1808 г.

⁶¹⁰ - Ист. Троицк. семин. 212.

⁶¹¹ - Правосл. Собеседн. 1868 г. III. 132. П. С. З. № 17949.

⁶¹² - Ист псковск. семин. 83. 91. Тамбовская семинария получила тогда же 3600 р. См. Тамб. епарх. вед. 1862 №1, стр. 33.

⁶¹³ - Черниг. епарх Изв. 1871 г. № 12. стр. 380.

⁶¹⁴ - Автобиограф. Платона. Ист. Моск. епарх. управл. ч. III. отд I. примеч. 45. Ист. моск. акад. 289–290.

⁶¹⁵ - Ист. пск. семин. 83.

⁶¹⁶ - Опис. смол. епарх. 193.

⁶¹⁷ - П. С. З. № 14894.

⁶¹⁸ - Там же № 16695 Ист. росс, иер I. 564–565.

- 619 - Ист. Росс. иерарх. I, 610.
- 620 - Опис. смол епарх. 193. Смол. епарх. вед. 1879 г. №4, стр.115, №8, стр. 225. Ист. псковск. семин. 83–84. 46–47.
- 621 - Педагог. Вестн. 1858 г. т. III, отд. 3, стр. 18.
- 622 - Гр. Панин в Р. Вестн. 1869 г. июнь.
- 623 - П. С. З. XXII, №16421.
- 624 - Астрах. епарх. вед. 1879 г. №4: Матералы для истор. астрах. семинарии.
- 625 - Указы эти изд. в Орловск. епарх. вед. 1867 г. № 2, 6; 1868 г. №20, 21.
- 626 - О севск. семинарии см. Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 6 и 9, и в Странн. 1860 г. в статье об Амвросие Подобедове. Май, стр. 153–155.
- 627 - О словенской семин. см. в Полт. епарх. вед. 1863 г. №3.
- 628 - Ист. Росс. иер. I, 450. Иркутск, епарх. вед. 1879 г. № 42: Историч. записка по поводу юбилея семинарии
- 629 - Опис. тамб. епархии свящ. Хитрова, в статьях об упомянут. архиереях. Так же Др. и нов. Россия 1878 г. №12, стр. 338.
- 630 - Ист. Росс. иерар. I 450. VI, ч. 2, стр. 721
- 631 - Ист. Росс. иер. I, 450. VI, ч. 2. стр. 451–452
- 632 - Ист. моск. епарх. упр. ч. III, отд. 1, стр. 200–201. П. С. З. № 17949.
- 633 - Истор. иерарх. I. 454.
- 634 - Материалы для истор. калужск. сем. в Калужск. епарх. вед. 1863 г. № 3 и 1866 г. № 7 и 11.
- 635 - Ист. пермск. сем. в Пермск. епарх. вед 1868 г. № 22. 33, 7. Пермская епархия протоиерея Попова. Пермь 1879 г. стр. 109. 31–115.
- 636 - Истор. иерарх. I, 454.
- 637 - Сведения об этом можно находить в Ист. Росс. Иер. и в историях перечисленных ниже семинарий.
- 638 - О новгор. школах см. Ист. Росс. иер. I. 610–616, и в Сказани о жизни и трудах м. Гавриила. Спб. 1857, стр. 40.

⁶³⁹ - Смол. епарх. вед 1878 г. № 11, стр. 485 и № 18, стр. 524–525: Материалы для истории дух.-учебн. завед. Смоленск. епархии.

⁶⁴⁰ - Смол. епарх. вед. 1879 № 4 и 8: та же статья.

⁶⁴¹ - Ист. псковск. семин. 46–47. 83.

⁶⁴² - Р. Педаг. Вестн. 1858 г. т. III, Отд. 3, стр. 18–19. Ист. нижегор. иер. 195.

⁶⁴³ - Биогр. тверск. иерарх. 127, 133, 135. Р. Арх. 1863 г.: Два письма Платона к рект. Арсению.

⁶⁴⁴ - О далм. школе Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 2 и 3. Сравн. выше стр. 186–187.

⁶⁴⁵ - Ист. росс. иер. I, 433 Твор. св отцов 1862 г.: труды св. Тихона, стр. 183–184. 204–205. 211.

⁶⁴⁶ - Киевск. епарх. вед. 1864 г. № 11 и 15: О состоянии и просв. в киевской епархии XVIII в.

⁶⁴⁷ - Тульск. епарх. вед. 1862 г. приб. № 2, стр. 88–90: о белевской школе.

⁶⁴⁸ - Р. Педаг. Вестн. т. VII 1859 г. Отд. 3 стр. 1.

⁶⁴⁹ - Ист. Росс. иер. I, 434, 552. 447. Влад. епарх. вед. 1866 г, № 24 Волог. епарх. вед. 1874 г. № 17.

⁶⁵⁰ - Волог. епарх. вед. 1874 г. № 17, стр. 277–279. Владим. епарх. вед. 1866 г. № 24, стр. 1361–1363.

⁶⁵¹ - Странник 1860 г. май, стр. 154.

⁶⁵² - Курск. епарх. вед. 1873 г., № 17 и 18: О белгор. школах.

⁶⁵³ - Смол. епарх. вед. 1878 г. № 17, стр. 485 и 18, стр. 524–525; 1879 г. № 4, стр. 117–119.

⁶⁵⁴ - Ист. Спб. акад. 158.

⁶⁵⁵ - См. наприм. Странн. 1860 г. май, стр. 180–181.

⁶⁵⁶ - Таковы напр. были 7 школ петербургской епархии, перечисленные в Ист. Спб. акад. 161.

⁶⁵⁷ - Комитет здесь несколько погрешил в счете; даже по неполному перечню этих школ в Ист. Росс. иерархии, который составлен раньше комитетского доклада, школы эти показаны почти в половине всех епархий, а не в немногих только.

⁶⁵⁸ - В 1782 г. права Платона еще более увеличены. См. Ист. моск. акад. 262–263.

⁶⁵⁹ - Чистовича. Ист. спб. акад. 62–68. О богосл. факультете в Вестн. Европы 1873 г. ноябрь.

⁶⁶⁰ - П. С. З. XXII, № 16421, 16659. 16691. Ист. спб. акад. 75–97.

⁶⁶¹ - П. С. З. XXV, № 18273 и 18726.

⁶⁶² - Странн. 1860 г. май стр. 167–168: Амвр. Подобедов. Ист. спб. акад. 103.

⁶⁶³ - П. С. З. XXV, № 18726.

⁶⁶⁴ - См. напр. Ист. спб. акад. 105–112.

⁶⁶⁵ - Там же стр. 163. Ист. каз. акад. старой Благовещенского. Казань 1875 г. стр. 197.

⁶⁶⁶ - Ист. казанск. акад. стр. 54

⁶⁶⁷ - Ист. пск. сем. 97

⁶⁶⁸ - Там же 96. 86–87. Тамб. епарх. вед 1862 г. стр. 28–29. Ист. Троицк. сем. 158–162

⁶⁶⁹ - О правлении см. напр. Тульск. епарх. вед. 1862 г. № 11, стр. 601–604, Смол., 1879 г. № 10, стр. 317 и др.

⁶⁷⁰ - О гимназиях в Р.П. Вестн. 1858 г. т. II. отд. III. 18–23.

⁶⁷¹ - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 23.

⁶⁷² - Напр. Смол, епарх. вед. 1879. г. № 4, стр. 116. 120. Тульск 1862 г. в ст. о белевской школе и др.

⁶⁷³ - Волог. епарх. вед. 1874 г. № 17, 279–280.

⁶⁷⁴ - Ист. моск. акад. 338–339.

⁶⁷⁵ - Ист. Троицк. семин. 231–233

⁶⁷⁶ - Ист. киевск. акад. 108 в примеч. – Аскоченского Киев. т. II, 268 и 365

⁶⁷⁷ - Очерки быта малорос. дух. Руков. для сельск. пастыр. 1864 г. №42.

⁶⁷⁸ - О харьк. коллег. в Дух. Беседе 1863 г. № 23 и в Харьк. епарх. ведом. 1873 г. № 4, стр. 184–185 189–190.

⁶⁷⁹ - П. С. З. XVII. № 12575.

⁶⁸⁰ - Руков. для сельск. пастыр. 1864 г. т. III, 242.

- 681 - П. С. З. XVIII, № 13236. Сравн. XX, № 14295.
- 682 - Там же XXII, № 15978.
- 683 - П. С. З. XXII, № 16092. 16674.
- 684 - Там же № 16092.
- 685 - Там же XXIV, № 17675. 17728.
- 686 - Там же XXVII, № 20491. 20897. XXVIII, № 21811.
- 687 - П.С.З. XXV, 18457. XXVII. 20897. Р. Старина 1871 г. май, стр. 630. П.С.З. XXIV, № 18109. XXVI, 19532. XXVII, 20491.
- 688 - П.С.З. XXIX, 22362. 22476. XXXII, 25580.
- 689 - Там же XVIII, 13067. Ист. спб. акад. 51–52.
- 690 - Факты и подробности изложены в сочинении: Прих. духовенство в России, стр. 65–73. 452–162.
- 691 - Очерки быта малоросс. дух-ва в Руков. для сельск. паст. 1864 г. III, № 42 и 46.
- 692 - Там же стр. 409 и Аскоченского Киев, II, 255–256.
- 693 - Ист. Киевск. акад. 108 примеч. 2
- 694 - Опис. киевософ. соб. и Рук. для сельск. паст. 1861 г. № 39 1864 г. № 46.
- 695 - Ист. спб. акад. 51.
- 696 - Ист. моск. епарх. управл. Ч. II, кн. 2, стр. 276, и П.С.З: № 13067, п. 5–7.
- 697 - См. напр. Ист. Троицк. сем. 233. Ист. севск. сем. в Орловск. епарх. ведом. 1865 г. № 9, стр. 379–380.
- 698 - Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 379–380.
- 699 - Ист. Троицк. сем. 228. 482.
- 700 - Ист. моск. акад. 340.
- 701 - Странн. 1860 г. май: Амвр. Подобедов, стр. 160.
- 702 - Ист. нижегор. семин. 12.
- 703 - Ист. Троицк. семин. 226. 228.
- 704 - Приб. к твор. св. отц. 1862 г. стр. 212.
- 705 - Р. Педаг. Вестн. 1858 г. т. V, отд. III, 24–25.
- 706 - Смоленск. епарх. вед. 1878 г. № 17, стр. 486.
- 707 - Ист. нижегор. иерарх. 184.

⁷⁰⁸ - Орловск. еп. вед. 1865 г. № 9, 372: в севской семинарии годичный срок в сентябре с 1782 г. В Троицкой 3 срока с 1787 г. Ист. Троицк. сем. 230. В костромской семинарии с 1771 г. назначен годичный срок в январе. Р. Педаг. Вест. 1859 г. т. VII, отд. 3, стр. 3.

⁷⁰⁹ - Ист. троицк. семии. 227. Истор.-стат. Опис. смол. епархии 195. Ист. псковск. сем. 66. Ист. нижег. иерарх. 184.

⁷¹⁰ - Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 371.

⁷¹¹ - Смоленск. епарх. вед. 1878 г. № 17: Материалы для ист. Смоленск. школ.

⁷¹² - Ист. Троицк. сем. 228.

⁷¹³ - См. Очерки быта малоросс. духовенства в Руков. для сельск. паст. 1864 г. III, № 42 и статью об образ. духовенства в Киевск. епарх. вед. 1864 г. № 14 и 15.

⁷¹⁴ - Твор. св. отц. 1862 г. кн. II, стр. 206. 250. Р. Педаг. Вестн. 1858 г. т. V, отд. 3, стр. 24.

⁷¹⁵ - Опис. смол. епарх. 198. Сказ. о жизни м. Гавриила стр. 128. Странн. 1870 г. т. II, стр. 99: О Симоне Лагове костромском.

⁷¹⁶ - Письма Платона, изд. при Прав. Обозрении и 1869 г. стр. 12.

⁷¹⁷ - Р. Педагог. Вестн. т. VII, отд. 3, стр. 3 и стат, о Симон в Странн. 1870 г. т. II, 99.

⁷¹⁸ - Курск. епарх. вед. 1873 г. № 18, стр. 887–888.

⁷¹⁹ - См. наприм. Ист. вятск. иер. 81. Ист. нижег. иер. 184.

⁷²⁰ - Ист. пермск. семин. в Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 37, стр. 637–638.

⁷²¹ - П. С. З. XXIX, № 22476.

⁷²² - Ист. спб. акад. 52.

⁷²³ - См. об нем в Опис. смол. епарх. 114–133.

⁷²⁴ - Ист. Троицк. сем. 555–556.

⁷²⁵ - Ист. моск. акад. 388–389.

⁷²⁶ - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 37, стр. 639–640.

⁷²⁷ - П. С. З. XXVI, № 19532.

⁷²⁸ - Прих. духовенство в России, стр. 624–626.

- ⁷²⁹ - Ист. моск. акад. 341. Киев Аскоченского, т. II, 435.
- ⁷³⁰ - Ист. спб. акад. и Троицк. сем. Харьк. епарх. вед. 1873 г. № 4, стр. 190.
- ⁷³¹ - Опис. смол. епарх. 195–196. Тамб. епарх. вед. 1862 г. №2, стр. 81 в примеч. Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, 46; 1871 г. № 1, стр 15. Вологодск. епарх. вед. 1865 г. № 14, стр. 574–575.
- ⁷³² - Ист. Троицк. сем. 557.
- ⁷³³ - Ист. владим. семин. 112–118.
- ⁷³⁴ - См. наприм. Калужск. еп. вед. 1866г. № 15, стр. 466–469. Смоленск. 1879 г. № 10, стр. 310.
- ⁷³⁵ - Калужск. епарх. вед. 1866 г. № 15, стр. 471–472.
- ⁷³⁶ - Ист. Троицк. сем. 546.
- ⁷³⁷ - Смол. епарх. ведом. 1878 г. № 18, стр. 516–517
- ⁷³⁸ - Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 9, стр. 378. Сравн. Ист. Троицк, сем. 477.
- ⁷³⁹ - Ист. псковск. сем. 68. Тульск. епарх. вед. 1862 г. № 8 стр. 126. Ист. Троицк. сем. 476–478.
- ⁷⁴⁰ - Черниговск. епарх. вед. 1871 г. № 12, стр. 381: Истор. семинар. церкви.
- ⁷⁴¹ - Смолен. епарх. вед. 1878 г. №17. стр. 478. Сравн. Калужск. еп. вед, 1866 г. № 15, 467–468.
- ⁷⁴² - Владим. епарх. вед. 1866 г. № 24, стр. 1364: Переясл. училище.
- ⁷⁴³ - Ист. моск. акад. 375. 340. Сравн. Рязанск. еп. вед. 1877 г № 10, стр. 290, прим. 36: О дух. школах при Екатерине II.
- ⁷⁴⁴ - Ист. моск. акад. 269. Ист. Троицк. семин. 478.
- ⁷⁴⁵ - Рязанск. еп. вед. 1877 г. № 10, примеч. к стр. 293.
- ⁷⁴⁶ - Смолен. епарх. вед. 1878 г. № 17, стр. 494. Ист. пск. сем. 68–69. Орл. епарх в. 1865 г. № 9, стр. 378 и др.
- ⁷⁴⁷ - Ист. Троицк. сем. 537. 578. Ист. моск. акад. 375.
- ⁷⁴⁸ - Рязанск. епарх. вед. 1866 г. № 19.
- ⁷⁴⁹ - Странн. 1879 г. Март, 387.
- ⁷⁵⁰ - Ист. моск. акад. 374. Симон рязанский брал эти подписки при посвящении учеников высших классов в стихарь.

Рязанск. еп. вед. 1876 г. № 6, прим, к стр. 146.

751 - Ист. моск. акад. 373. Ист. Троицк. сем. 552.

752 - Ист. моск. акад. 351

753 - Ист. Троицк. семин. 538 и далее.

754 - Там же 554

755 - Ист. Троицк. сем. 550–551.

756 - Ист. спб. акад. 100.

757 - Ист. пск. семин. 74

758 - П. С. З. XVIII, № 13306.

759 - Там же XX, № 14343.

760 - П.С.З. XX, № 14831.

761 - Ист. нижегор. иерарх. стр. 150.

762 - Киев Аскач. т. II, 352. Руков. для сельск. паст.
1864 г III. 404–405.

763 - Ист. моск. акад. 386. Ист. Троицк. семин. 577–583. См.
также Ист. моск. епарх. управл. ч. III, кн. 1 46–47, Ист. псковск.
семин. 73–74. Ист. спб. акад. 99 и друг.

764 - См. напр. Ист. Троицк. сем. 534–533. Ист. моск. акад.
379. 381. Ист. киевск. акад. 195 и др.

765 - Русск. Арх. 1863 г. стр. 209–210

766 - Ист. спб. акад. 58–60. 100. Ист. моск. акад. 377–378.
Ист. псковск. сем. 73–74. Ист. Троицк. сем. 548–549. Смоленск.
епарх. вед. 1879 г. № 4, стр. 112–114. См. также П. С. З. XX, №
15342. 15978. 16342.

767 - Киев Аскач. т. II, 350–351.

768 - Ист. спб. акад. 58–59.

769 - П.С.З. XXII, № 16500. Ист. спб. акад. 60–61. Ист. моск.
акад. 370–380. Ист. троичк. сем. 553–554. Киев Аскач. т. II, 350.

770 - П.С.З. XXV, № 18726 п. 15. 18880.

771 - П.С.З. XXVI, 19434.

772 - Там же 19723.

773 - Там же 19897.

774 - Ист. моск. акад. 386. П.С.З. X XVIII, 21321.

775 - П.С.З. X XVIII, 21278. 21472. XXX, 23381 и др.

- 776 - Ист. спб. акад. 151–152. Ист. моск. акад. 380–381.
- 777 - Там же и Ист. моск. акад. 373. Ист. Троицк, сем. 549
- 778 - Письма Платона по изд. Прав. Обозрения стр. 21.
- 779 - См. письма протоиерея Алексеева в Р. Арх. 1863 г.
- 780 - См. наприм. Ист. пермск. семинарии в Пермск. еп. вед. 1878 г. №33.
- 781 - Смол. епарх. вед. 1878 г. № 18, стр. 521.
- 782 - Приб. к твор. св. отц. 1862 г. 207
- 783 - Смол. епарх. вед. 1878 г. № 18, стр. 525
- 784 - Влад. епарх. вед. 1866 г. № 24, стр. 1367.
- 785 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 2. стр. 24–25
- 786 - Странн. 1860 г: май: Амвросий Подобедов, стр. 180.
- Ист.Росс. иер. I, 615–616.
- 787 - См. напр. Ист. нижегор. иер. 151.
- 788 - Опис. тамб. епарх. III, 154. Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 37, стр. 639–640. Педаг. Вестн. т. V, отд. 3, стр. 25.
- 789 - См. напр. Старая каз. акад. стр. 195–196.
- 790 - О способах сод. д. училищ в Стравнн. 1860 т. сент. 169.
- 791 - Ист. Троицк. семин. 224–226.
- 792 - Ист. росс. иер. II, 612–613.
- 793 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 21–22
- 794 - Ист. моск. акад. 273.
- 795 - Ист. Троицк. сем. 210–211.
- 796 - Черниг. епарх. изв. 1870 г. № 17.
- 797 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, прим. стр. 44.
- 798 - Астрах. епарх. вед. 1879 г. № 4. стр. 60–61.
- 799 - Пермск. еп. вед. 1868 г. № 33, 560–561.
- 800 - Калужск. еп. вед. 1866 г. № 20, стр. 624–626.
- 801 - Черниговская семинария в 1776 г. тоже поместилась в пожертвованном ей доме. См. Черниг. еп. изв. 1871 г. № 12, стр. 387
- 802 - Там же 620–624.
- 803 - Ист. Росс. иер. I, 610. 614. Ист. спб. акад. 154

- 804 - Ист. моск. акад. 271–273. Ист. Троицк. сем. 188. 202–211.
- 805 - Странн. 1860 г. авг. 133–134.
- 806 - Полтавск. епарх. вед. 1863 г. № 16, стр. 125.
- 807 - Черниг. епарх. изв. 1871 г. № 13, стр. 410–411.
- 808 - Ист. моск. акад. 272. 276. Ист. Троицк. сем. 210. 173.
- 191 прим. п. II.
- 809 - Ист. спб. акад. 157.
- 810 - Ист. старой каз. акад. Благовещенского, стр. 28–30.
- 811 - Астрах. епарх. вед. 1879 г. № 4, стр. 60–61.
- 812 - См. наприим. там же стр. 61, и Тульск. еп. вед 1864 г. № 14, стр. 66.
- 813 - Р. Пед. Вестн. 1859 г, т. VII, отд. 3, стр. 1–2
- 814 - П. С. З. XXII. 15981, п. 3. См. также Прих. дух. в России, стр. 158–161.
- 815 - П. С. З. XXV, 18921.
- 816 - О способах содерж. дух. уч. в Странн. 1860 г. кн. IX. Ист. моск. акад. 374. Ист. Троицк. сем. 545–546. Орловск. еп. вед. 1865 г. № 9, 376 и мн. друг.
- 817 - Р. П. Вестн. т. V. стр. 24. Орл. епарх. вед. 1865 г. № 9, 376.
- 818 - Ист. владим. сем. 91.
- 819 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. стр. 46 в примеч. Орловск. еп. вед. 1865 г. № 9. стр. 376. Ист. нижегор. семин. 15. Смол. епарх. Вед. 1879. №10, стр. 311. 316.
- 820 - Ист. псковск. сем. 90.
- 821 - Ист. старой казанск. акад. 41–42.
- 822 - Ист. псковск. сем. 86–87. 96.
- 823 - Тамб. епарх. вед. 1862 г. № 1, стр. 25–31.
- 824 - Ист. Троицк. сем. 182–200
- 825 - Ист. спб. акад. 231
- 826 - Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 6. Тамб. 1862г. №1, 25–31.
- 827 - Р. Пед. Вестн. V, отд. 3, стр. 22. 24. т. VII, отд. 3, стр. 2

- 828 - Ист. нижег. сем. 2–3. 11.
- 829 - Астрах. епарх. вед. 4879 г. № 4, 58–59.
- 830 - Черниг. еп. изв. 1871 г. № 12, стр. 370. 378. 380
- 831 - Ист. Рос. иер VI, ч. 2, 721
- 832 - Ист. вятск. иер. 80. Ист. нижегор. иер. 148.
- 833 - Топогр. опис. Ирк. обл. в Др. Р. Вивлиоф. т. XVIII.
- 834 - Вестн. Евр. 1873 г. XI кп. 247–248. Сравн. Опис. тамб. еп. 154–155.
- 835 - Автобиогр. в Дом. Бесед. 1889, № 42
- 836 - Ист. Троицк. сем. 199.
- 837 - Ист. моск. акад. 99.
- 838 - годичный расход ее простирался в 1800 г. всего до 30 р. Опис. смол. епарх. 202. Смол, епарх. вед. 1879 г. № 10, стр. 312.
- 839 - Стран. 1860 г. сент. 173.
- 840 - Ист. пск. семин. 89
- 841 - Стран. 1860 г. сент. 173.
- 842 - Смол. епарх. вед. 1879 г. №10, стр.311–313.
- 843 - Ист. нижег. сем. 12
- 844 - Рязанск. епарх. вед. 1876 г. № 5, стр. 152 примеч.
- 845 - Ист. пск. семин. 89–90.
- 846 - Ист. спб. акад. 157.
- 847 - Ист. моск. акад. 268.
- 848 - Ист. Троицк. сем. 179.
- 849 - Смол. епарх. вед. 4879 г. № 10, стр. 312–313
- 850 - Наприм. Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 3, стр. 86, прим.
- 2. Тамб. 1862 г. № 2, стр. 80 и др.
- 851 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. № 37, стр. 635
- 852 - Ист. псковск. сем. 92–94.
- 853 - Смол. епарх. вед. 1879 г. № 10, стр. 313. Опис. смол.епарх. 202.
- 854 - Ист. спб. акад. 157.
- 855 - Ист. Троицк, сем. 185–200.

- 856 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 86.
- 857 - Ист. нижегор. сем. 15.
- 858 - Черниг. епарх. изв. 1871 г. № 12, стр. 376.
- 859 - О способ. сод. школ в Странн. 1860 т сент. 188–189.
- 860 - Автоб. Фотия в Дом. Бесед. 1859 г. № 42.
- 861 - Ист. Троицк. сем. 180–181. Ист. псковск. сем. 93.
- 862 - Странн. 1879 г. март, в стат. о Вениамине, стр. 400–402
- 863 - Из оренб. губ. вед. 1852 г.; в Стран. 1860 г. свит. 195: О способ. сод. дух. училищ.
- 864 - Смолен. епарх. вед. 1879 г. № 10, стр. 317–321. Опис. смол. епархии, 198–199.
- 865 - Странн. 1860 г. сент. 174 г. Рязанск. еп. вед. 1866, стр. 548.
- 866 - Тульск. епарх. вед. 1863 г. № 15
- 867 - Орловск. епарх. вед. 1865 г. № 9. стр. 375.
- 868 - Р. Педаг. Вест. т. VII, заметки стр. 2.
- 869 - Рязанск. еп. вед 1877 г. № 12, стр. 324.
- 870 - Ист. вятск. иер. 80.
- 871 - Ист. ниж. иерарх. 184.
- 872 - Странн. 1860 г. сент. 195.
- 873 - См. там же стр. 194–200. Ист. моск. акад. 270. Ист. ниж. сем. 16. Ист. псковск. сем. 90 и мн. др. В 1805 г. псковский губернатор жаловался преосв. Иринею, что по обнаружившимся кражам в Пскове и по др. развратным и порочным действиям открывались не мало в содействии тому ученики семинарии, жившие на квартирах вдали от начальства. Преосв–ый распорядился принять против этого скорейшие и строжайшие меры. Ист. пск. сем. 72.
- 874 - Пермск. еп. вед. 1868 г. № 33, стр. 559.
- 875 - Ист. троицк. сем. 177. 179.
- 876 - Странн. 1860 г. IX, стр. 175. Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, стр. 42–43.
- 877 - Ист. пск. сем. 87 Ист. владим. сем. 87.
- 878 - Ист. влад сем. 87–89.

- 879 - Ист. пск. сем. 87. Тамб. еп. вед. 1862 г. № 2, стр. 78.
- 880 - Ист. нижег. сем. 15. Странн. 1860 г. IX, стр. 179.
- 881 - Странн. 1860 г. IX, стр. 181–182. Ист. псковск. сем. 98.
- 882 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2, 46–47. 52; 1872 г. № 1, стр. 15. См. также Калужск. епарх. вед. 1866 г. № 10, 311.
- 883 - См. напр. Ист. иск. сем. 88. Тамб. епарх. вед. 1862 г. стр. 79–80; Калужск. епарх. вед. 1866 г. стр. 607–608; Иркутск. 1879 г. № 42. стр. 493, и мн. др.
- 884 - Смол. епарх. вед, 1879 г. № 4, стр. 240–241.
- 885 - Пермск. епарх. вед. 1868 г. стр. 634.
- 886 - См. наприм. Пермск. еп. вед. 1868 г. № 2, стр. 21; Тульск. 1862 г. № 8, 424–426; Смоленск. 1878 г. № 18, 521, 524–525; Ист. пск. семин. 83 и др.
- 887 - Вологодск. еп. вед. 1874 г. № 17, стр. 278; Киевск. 1864. № 15, 464.
- 888 - Ист. моск. акад. 267. Ист. Троицк. сем. 222.
- 889 - Ист. спб. ак. 158. См. еще Ист. старой казанск. акад. 38.
- 890 - Воронеж. епарх. вед. 1868 г. стр. 42; 1872 г. № 1, стр. 15.
- 891 - Ист. моск. акад. 267. Странн. 1860 г. IX, стр. 181.
- 892 - См. наприм. Ирк. епарх. вед. 1879 г. № 42, стр. 494.
- 893 - Рязанск. епарх. вед. 1877 г. № 13, стр. 364–365.
- 894 - Странн. 1860 г. IX, 183. Смол. епарх. вед. 1879 г. № 10, 316. Ист. каз. акад, 38–39.
- 895 - Ист. Троицк. сем. 219.
- 896 - Киев Аскоченского, II . 449.
- 897 - Письма Платона, изд. Прав. Обозр. стр. 81. 83. 85.
- 898 - Ист. Р. иер. I, 496. Киев Аскоченского, II, 344. 346.
- 899 - Ист. моск. акад. 350. См. также списки учителей в Ист. этой академии и Троицк. семинарии. Ист. петерб. акад. 80–81.
- 900 - Киев Аскоченского II, 342, Ист. киевск. акад. 171.
- 901 - Ист. Росс. иер. I, 579. Христ. Чт. 1857 г. сентябрь: Амвр. Подобедов

- 902 - Сборн. материалов для биогр. Евгения, стр. 31–32.
Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2. Опис. смол. епарх. 130.
- 903 - Киев Аскоч. II. 341.
- 904 - Ист. моск. акад. 261.
- 905 - Ист. Троицк. сем. 547–548
- 906 - Там же 480–485
- 907 - П. С. 3. XXV, 18726.
- 908 - П.С.3. XXII, 16691. Ист. троицк. сем. 200, 228–229.
- 909 - Ист. моск. акад. 269. Ист. стар. казанск. акад. 145.
Воронеж. еп. вед. 1868 г. № 2, стр. 49. Тамб. 1862 г. стр. 81.
Смоленск. 1879 г., стр. 251 и 317.
- 910 - Смол. еп. вед. 4879 г. № 10, стр. 316–317. Странн. 1860 г. IX, 202–203.
- 911 - Ист. моск. акад. 373.
- 912 - См. Биограф. Мартынова в Соврем. 1856 г. III, 9.
- 913 - Жизнь графа Спер-го Корфа, стр. 26.
- 914 - Ист. Троицк. сем. 547
- 915 - Там же 548. Ист. моск. акад. 377
- 916 - Тульск. епарх. вед. 1862 г. № 15, стр. 149.
- 917 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2.
- 918 - Там же примеч. стр. 46.
- 919 - П.С.3. № 12332. 13632
- 920 - Там же №№ 12389. 12577. 16684. 17488
- 921 - Ист. Троицк. сем. 145–148. 492–495.
- 922 - Троицкая семинария при Платоне дала русской церкви более 30 архиереев, в том числе 8 митрополитов; из академии вышло 3 митрополита, 8 епископов и 11 архиепископов.
- 923 - Письма Платона, стр. 83.
- 924 - Церк.-Общ. Вестн. 1880 г. № 4–5: О монашестве
Ростиславова
- 925 - Ист. Троицк сем. 400. 495
- 926 - Ист. Троицк. сем. 508. Псковск. 98.
- 927 - Педаг. Вести. 1859 г. отд. 3, стр. 5–8. Полт. епарх. вед. 1863 г., стр. 103, 106. Ист. нижегор. семин. 16.

- 928 - Ворон. епарх. вед. 1868 г. № 2 и 3; в стат. об Евгении Болховитинове.
- 929 - Тульск. еп. вед. 1862 г. № 15: Тульская семинария.
- 930 - Ирк. еп. вед. 1879 г. № 42, стр. 494–496.
- 931 - Ист. троицк. сем. 390–392, 149–156, 452–464
- 932 - Ист. владим. сем. 97–99.
- 933 - Там же 99–101. Ист. троицк. сем. 151 прим п. 20.
- 934 - Ист. Троицк. сем. 152 в прим.
- 935 - Ист. моск. епарх. управл. III, кн. 1, стр. 147; Инстр. Платона благочинным.
- 936 - См. упомянутые инстр-ции Платона; также инстр. Тихона воронежского в 1 т. его сочинений; Педаг. Вести. III, отд. 3, стр. 23; Смол. еп. ведом. 1878 г. № 17, стр. 493; Киевск. еп. вед. 1864 г. № 15: О состоянии просвещения в киевск. епархии; Ист. влад. сем. 99–101, и др.
- 937 - Ист. Троицк. сем. 450–451. Ист. спб. акад. 126. Ист. каз. акад. старой 170.
- 938 - П. С. З. 17958. 18726, 19337.
- 939 - Ист. влад. сем. 93.
- 940 - Там же 92–94. Ист. Троицк, сем. 142. 463. Педагог. Вестн. VII отд. 3, стр. 23. Ворон, еп. вед. 1868 г. № 3, стр 90. Калужск. 1866 г. стр. 467–472 и др.
- 941 - Ист. влад. сем. 109
- 942 - Инструкция Симона в Педаг. Вестн. 1859 г. отд. 3, стр. 6–7.
- 943 - Чтен. из Ист. русск. церкви в Прав. Собеседн. 1875 г. II, 338–339.
- 944 - Педаг. Вестн. VII, отд. 3, стр. 4, 5.
- 945 - Опис. смол. епарх. 130.
- 946 - Ист. влад. сем. 112. 115–117.
- 947 - Ист. влад. сем. 95–97.
- 948 - Ист. Троицк сем. 321–322. 130, прим.
- 949 - Ист. влад. сем. 120–121.
- 950 - Ист. нижег. сем. 16–17.

⁹⁵¹ - См. наприм. Очерки просвещ. в Сибири. Отеч. Записи. 1867 г кн. 20, стр. 710.

⁹⁵² - Черниг. епарх. изв. 1871 г. стр. 381 примеч.

⁹⁵³ - См. наприм. Ист. псковск. сем. 71–72.

⁹⁵⁴ - Более определенные и полные сведения о порядке преподавания главных предметов, которыми мы пользуемся в последующем очерке семинарского курса, находятся, кроме истории академии, в статье о гимназиях Педаг. В. т. III, отд. 3, в историях семинарии Троицкой, псковской, смоленской (Смол. еп. вед. 1878 и 1879 гг.), владимирской, тульской (Тульск. еп. вед. 1862 г. № 9), тамбовской (епарх. вед. 1862 г. № 2) и некот. др., и училищ переяславльского (Влад. еп. вед. 1866 г. № 23) и устюжского (Волог. 1874 г. № 17).

⁹⁵⁵ - П. С. З. XXVII, № 19532.

⁹⁵⁶ - Указ этот см. в Ист. моск. епарх. управл. ч. III. кн. 2, стр. 145.

⁹⁵⁷ - Смол. епарх. вед. 1878 г. № 18, 513–514; сравн. 1879 г. № 4, стр. 116; запрещение архиерея переводить неумеющих читать философов в богословию.

⁹⁵⁸ - В разделенном классе бывало по два учителя, напр. в Смоленске

⁹⁵⁹ - В некоторых же семинариях (напр. тульской) курс этот был годичный.

⁹⁶⁰ - Инстр. Симона рязанского в Рязанск. еп. вед. 1866 г. № 19–20.

⁹⁶¹ - См. напр. Очерк жизни Августина. М. 1848 г. стр. 5, 93–94. Также ист. Троицк. сем. 339–340.

⁹⁶² - Ист. спб. акад. 158–160.

⁹⁶³ - См. напр. Ист. пск. сем. 50–52.

⁹⁶⁴ - Смол. епарх. вед. 1879 г. № 10, стр. 304. №14, стр. 438; Тамб. 1862 г. № 2, стр 77; Ист. спб. акад. стр. 161.

⁹⁶⁵ - Ист. Троицк. сем. 310.

⁹⁶⁶ - Истор. Троиц. сем. 279–280.

⁹⁶⁷ - Тульск. еп. вед. 1862 г. № 9. стр. 488–489.

⁹⁶⁸ - Ист. Троицк. сем. 340–344.

- 969 - Ист. спб. акад. 106.
- 970 - См. наприм. Очерк жизн. Августина моск. 7–8.
- 971 - По указу 1798 г. он открыт был первоначально при
окружных академиях.
- 972 - Киев Аскачченского, II, 1767
- 973 - Странн. 1868 г. XI; 67.
- 974 - В 1765 г. уже читалась философия. Ист. влад. сем. 87.
Педаг. Вестн. т. VII, отд. 3, стр. 9.
- 975 - Педаг. Вестн. т. V. отд. 3. 23.
- 976 - Вятск. иерарх. 77–79.
- 977 - Ист. нижегор. еп. 151. 173.
- 978 - Ворон. еп. вед. 1872 г. стр. 13. № 1.
- 979 - Рязан. епарх. вед. 1866 г. стр. 548–549. Волог. еп. вед.
1865 г. стр. 574–575.
- 980 - Полт. еп. вед. 1863 г. № 15, стр. 94, № 17, 155–156.
- 981 - Труд. киев. ак. 1860 г. II, 271. Ист. киев. акад. 190.
- 982 - Орловск. еп. вед. 1865 г. № 6, 252–253. Полт. еп.
вед. 1863 г. № 3, стр. 103–104.
- 983 - Смол. еп. вед. 1878 г. N: 4, стр. 117.
- 984 - Ист. Троицк. сем. 255–256.
- 985 - Ист. нижег. иерарх. 174–175. См. также Ист. моск. акад.
343–345. 184–186. Ист. троицк. сем. 471–476. Р. Пед. Вестн. VII,
отд. 3, стр. 9 др.
- 986 - Ворон. еп. вед. 1868 г. стр. 57.
- 987 - Ист. киевск. акад. 132.
- 988 - П.С.З. XXII, № 16047. 16061.
- 989 - П.С.З. XXV. № 18726. т. 6.
- 990 - См. напр. Ист. Троицк. сем. 238–240: таблицы числа
учеников в разных классах.
- 991 - Смол. епарх. вед. 1879 г. стр. 398. В псковской
семинарии греческий язык стал обязательным уже с 1810.
- 992 - Ист. нижег. сем. 13.
- 993 - Ист. троицк. сем. 341–345, Тульск. еп. вед. 1862 г. стр.
642–643.

- 994 - Ист. спб. акад. 215.
- 995 - Ист. Киевск. акад. 157
- 996 - Ист. спб. акад. 81.
- 997 - Ист. Троицк. сем. 378. Ворон. еп. вед. 1868 г. стр. 59–60.
- 998 - Ист. киевск. акад. 156 в прим.
- 999 - Ист. Троицк. сем. 353.
- 1000 - Ист. нижегор. иерарх. 171–173. 175–176
- 1001 - Астрах. епарх. вед. 1879 г. № 4, стр. 60.
- 1002 - Изложение хода мисс. дни. Можаровского, М. 1880. стр. 109. 172. Ист. стар. каз. акад. стр. 10. 115–117.
- 1003 - Ист. Троиц. сем. 335–337.
- 1004 - См. выше 555–556.
- 1005 - Ист. спб. акад. 77.
- 1006 - Волог. епарх. вед. 1874 г. № 17, стр. 281–282.
- 1007 - Ист. Троицк. сем. 352–355.
- 1008 - Ист. киевск. ак. 124. Ист. спб. акад. 115 Ист. Росс. иер. 632. Полт. еп. вед. 1863 г. № 3, стр. 103. Ист. троицк. сем. 450–451. Ист. старой казанск. акад. 117.
- 1009 - Ист. ниж. иерарх. 74.
- 1010 - Ист. спб. акад. 117–120. Ист. Троицк. сем. 353–356. Ист. псков. сем. 50. Смоленск, епарх. ведом. 1879 г., стр. 299. Тульск. 1862 г., стр. 595–599.
- 1011 - О новом методе см. Ист. моск. акад. 314–315. Ист. спб. акад. 76–77. Стат. Сухомлинова в Ж. М. Н. Пр. 1863 г. кн. 1.
- 1012 - Ист. моск. акад. 314, Киевской 171.
- 1013 - Ист. Р. Иер. I, 579. Смол. еп. вед. 1879 г. стр. 121. Черниг. еп. изв. 1870 г., стр. 443. Ист. пск. сем. 53–54.
- 1014 - Ист. спб. акад. 77
- 1015 - Напр. см. Смол. еп. вед. 1879 т. 114–115. Жизнеоп. м. Августина стр. 4–5.
- 1016 - Ист. Троицк. сем. 326–332.
- 1017 - Ист. троицк. сем. 335.
- 1018 - Ист. троицк. сем. 376–379. Ист. казан. акад. 131–132.

- 1019 - Ист. нижегор. иерарх. 174. 195.
- 1020 - Странн. 1860 г. IX, стр. 207.
- 1021 - Черниг. епарх. изв. 1870 г. стр. 380.
- 1022 - Ворон. еп. вед. 1868 г. стр. 57–60.
- 1023 - Стран. 1860 г. IX, стр. 206–208. Астрах. епарх. вед. 1879 № 4, стр. 61.
- 1024 - Ист. Троицк. сем. 397–380. Ист. старой каз. акад. 183. Странн. 1860 г. сент. 208. Астрах. епарх. вед. 1879 г. № 4, стр. 60.
- 1025 - Ист. пск. сен. 63
- 1026 - Калужск. еп. вед 1866 г. стр. 315–316 и 215.
- Оренбургская семинария в 1807 г. выписала из Москвы книг на 1164 руб. 14 к. Странн. 1860 г. IX, 218.
- 1027 - Ист. псковск. сем. 85–86.
- 1028 - Ист. спб. акад. 127. 157. Ист. стар. каз. акад. 134
- 1029 - Странн. 1860 г. IX, 207. Ист. Троицк. сем. 380
- 1030 - Ворон. еп. Вед. 1868 г. стр. 58. 60. Странн. 1860 г. IX, 207. Харьк. еп. вед. 1873 № 4, стр. 187. Астрах. 1879 г. стр. 60–61. Ист. казан. акад. 132. Смол. еп. вед. 1879 г. стр. 251 и др.
- 1031 - Ист. псковск. сем. 61.
- 1032 - Смол. еп. вед. 1879 г. стр. 251. Калужск. 1866 г. стр. 321.
- 1033 - Наприм. Ист. спб. акад. 128.
- 1034 - Тульск. еп. вед. 1862 г. стр. 597.
- 1035 - Ист. псков. сем. 61.
- 1036 - Странн. 1860 г. IX. 205.
- 1037 - Ист. спб. акад. 78.
- 1038 - Ист. стар. казанск. акад. 136. Ист. пск. сем. 62.
- 1039 - Ист. каз. акад. 136.
- 1040 - Смол. еп. вед. 1878 г. стр. 400, п. 7.
- 1041 - Ист. Троицк. сем. 338.